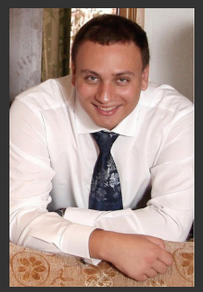
Техномонстры

Что ты скажешь на то, чтобы стать магом? Всегда мечтал? Пожалуйста! Для этого всего лишь нужно оказаться возле умирающего колдуна и дать ему влить в тебя кровь с магическим даром... Вместо того, чтобы слушаться, кровь требует мести? Тянет в водовороты битв, смертельных опасностей и погонь? А чего ты хотел? Ведь того, кто посмел запятнать чистоту магии мазутом технологий, нужно остановить! Да, именно твоими руками...

Александр Рыжков
Родился и живёт в городе Николаеве, Украина. Кандидат технических наук. Работает в Национальном университете кораблестроения руководителем учебно-научного центра международного сотрудничества. Публиковаться начал с 2007 года. Признан лучшим литератором 2009 и 2010 годов по версии всеукраинского журнала «Стена», лауреат премии Чехова.

978-3-8473-8381-9

Техномонстры

Рыжков

YAM publishing

Александр Рыжков

Техномонстры

Дилогия
Книга 1. Заточённые души
Книга 2. Ищейки Смерти

Александр Рыжков

Техномонстры

Александр Рыжков

Техномонстры

Дилогия Книга 1. Заточённые души Книга 2. Ищейки Смерти

YAM Young Authors' Masterpieces Publishing

Только для России и стран СНГ
Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу http://dnb.d-nb.de.
Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Издатель: YAM Young Authors' Masterpieces Publishing является торговой маркой
LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG
Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Germany
Телефон +49 681 3720-310, Факс +49 681 3720-3109
Email: info@yam-publishing.com

Напечатано в России
ISBN: 978-3-8473-8381-9

Imprint (only for USA, GB)
Bibliographic information published by the Deutsche Nationalbibliothek: The Deutsche Nationalbibliothek lists this publication in the Deutsche Nationalbibliografie; detailed bibliographic data are available in the Internet at http://dnb.d-nb.de.
Any brand names and product names mentioned in this book are subject to trademark, brand or patent protection and are trademarks or registered trademarks of their respective holders. The use of brand names, product names, common names, trade names, product descriptions etc. even without a particular marking in this works is in no way to be construed to mean that such names may be regarded as unrestricted in respect of trademark and brand protection legislation and could thus be used by anyone.

Cover image: www.ingimage.com

Publisher: YAM Young Authors' Masterpieces Publishing is a trademark of
LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG
Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Germany
Phone +49 681 3720-310, Fax +49 681 3720-3109
Email: info@yam-publishing.com

Printed in the U.S.A.
Printed in the U.K. by (see last page)
ISBN: 978-3-8473-8381-9

Copyright © 2012 by the author and LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG and licensors
All rights reserved. Saarbrücken 2012

Александр Рыжков

Техномонстры

СОДЕРЖАНИЕ

Книга 1. Заточённые души **3**
ЧАСТЬ 1: **ДАРЫ БОГОВ** **3**
Глава 1: ***Руины Неизвестного Города*** **3**
Глава 2: ***Алерадус*** **16**
Глава 3: ***Дорога в Сар*** **24**
Глава 4: ***Старый Рин*** **40**
Глава 5: ***Сар*** **54**
Глава 6: ***Караван*** **62**
Глава 7: ***** **71**
Глава 8: ***Ночная Бабочка*** **79**
Глава 9: ***Кинжал Спайкнифа*** **93**
ЧАСТЬ 2: **ЖАЖДА КРОВИ** **118**
Глава 10: ***Нечто*** **118**
Глава 11: ***Встреча*** **130**
Глава 12: ***Торжество Беззаботности*** **136**
Глава 13: ***Форт Террора*** **146**
Глава 14: ***Орден Огненного Дигра*** **155**
Глава 15: ***Тризолус Первый*** **164**
Глава 16: ***Стальня*** **166**
Глава 17: ***Рок*** **181**
Глава 18: ***Провал*** **186**
Глава 19: ***Месть*** **194**
Глава 20: ***Сражение*** **198**
Глава 21: ***Бешеные псы*** **204**
Глава 22: ***Болотный гриб*** **206**
Глава 23: ***Яд полосатой гадюки*** **226**
Глава 24: ***Огонь и лёд*** **229**
Глава 25: ***Эпилог*** **246**

Книга 2. Ищейки Смерти **250**
Глава 1: ***Лунная бойня*** **250**
Глава 2: ***Все дороги ведут в Сар*** **266**
Глава 3: ***Вне закона*** **279**
Глава 4: ***Сделать правильный выбор*** **285**
Глава 5: ***Красота убивает*** **290**
Глава 6: ***Падшие герои, благородные злодеи*** **299**
Глава 7: ***Пашни*** **307**
Глава 8: «***Книга Божественных Величий». Произвольное*** **314**
Глава 9: ***Новые друзья…*** **320**
Глава 10: ***Пора Великой Нетерпимости*** **329**
Глава 11: ***План*** **337**
Глава 12: ***«Кожаные крылья»*** **342**
Глава 13: ***Арахк*** **352**
Глава 14: ***Скука...*** **364**
Глава 15: «***Книга Божественных Величий». Произвольное*** **367**
Глава 16: ***Нежданная Встреча*** **371**
Глава 17: ***Дети Носолома*** **378**
Глава 18: ***Властелин подземелья*** **391**
Глава 19: ***«Смертельная камера»*** **416**
Глава 20: ***«О развитии и становлении жизни»*** **423**
Глава 21: ***Прощальная трапеза*** **440**
Глава 22: ***Лесное гостеприимство*** **449**
Глава 23: ***Побег*** **462**
Глава 24: ***Могущество Природы…*** **468**
Глава 25: ***Падение Сара*** **482**
Глава 26: ***Двойной Эпилог*** **489**

Книга 1. Заточённые души

Часть 1: **Дары богов**

Глава 1: ***Руины Неизвестного Города***

Стрелка компаса нервно подрагивала в такт сердцебиению, её жёлтая половинка глядела на заросшие зеленью холмы. Придирчиво прокрутив в голове все варианты, я выбрал заброшенную тропку левее холмов. В который раз мысленно помолился Мастуку, поправил норовивший сползти с плеча ремешок походной сумки и отправился в путь.

Остальные шли следом: на северо-запад.

Вчера я долго торговался с караванщиком за компас: он хотел пять золотых, но я сбил цену до пятидесяти копрей. Надеюсь, эта полая линза на кожаном наручном ремешке стоит таких денег. «Будет служить вечно, дорогой, не страшится ни холода, ни воды, ни ударов» – заклинал торговец. Что ж, поглядим, поглядим…

Путь был долог и полон неприятных сюрпризов. Спустя всего несколько часов как мы покинули ворота Пашней, пение Кичем непристойных песенок привлекло внимание странников. Как неизбежно выяснилось, оба были жителями города Бастон, что в трёх днях пути на северо-запад от нас. Их привлекли не поставленный голос и весёлая жестикуляция, а колкие слова песни в адрес «зажравшихся» жителей промышленных городов.

Мои переживания оправдались: от Кича одни неприятности! Но долго думать об этом не пришлось, поскольку бастонец метнул в меня камень. Я чудом увернулся и, издав боевой клич, помчался на него с кулаками, сбросив по дороге мешающую бежать походную сумку. Второй путник подскочил к Кичу и принялся беспощадно молотить растерявшегося беднягу. Я впервые видел, чтобы кто-нибудь так быстро перемещался – без магии тут не обойтись. Встреча с магом… только этого нам и не хватало!

Но пока моё воображение рисовало страшные картины кровавой сечи, мои руки и ноги всё приземлялись на неповоротливые бока бастонца. Противник отмахивался, но неэффективно. Я с лёгкостью уклонялся и блокировал его удары. Не удивительно, что метнул камень – в рукопашной он далеко не мастер… Ещё парочку моих точных ударов, и бастонец пустился в бегство. Поборов желание помчаться следом, я поспешил на помощь к остальным. Оцепеневший Брок мощными пальцами впивался в плечо мага, который извергал из руки поток магической энергии, дрожащим, что огонь на ветру, голубым туманом сковавший моих друзей.

Со всего маху я заехал по колдующей руке. Магические потоки растворились в воздухе, словно и не было их вовсе. Брок продолжил начатое: обхватил шею противника и выполнил усыпляющий приём. Он выиграл время убраться куда подальше.

– Вы глупцы! – кричал успевший убежать на почтительное расстояние. – Мы, бастонцы, обиды не прощаем! Вам конец! Слышите? Ой! – камешек из рогатки Кича угодил в пивной живот. – Вы ещё пожалеете… – еле выдавил пузан, пятясь в кусты и потирая ушибленное место.

Кровь ещё долго стучала в висках, что дробь лишившегося рассудка барабанщика. Какого рожна мы вообще отправились в путь? Разве плохо жить себе в любимом фермерском городке Пашни, косить пшеницу, растить цыплят и кроликов, доить коз, коров и хокор? Приставать к дочерям фермеров? Гоняться на лошадях по окраине? Дразнить овчаров и нарываться на неприятности с дурнями из соседних поселений? И многое, многое другое… Да гори оно всё потусторонним пламенем! Мне скучно в этой унылой клетке банальщины! Зачем, спрашивается, я с раннего детства изучал фехтование и рукопашную? Чтобы физиономии соседей толочь? Смешно! Это можно делать и без всяких там навыков. А вот применить знания на суровой практике – совсем другое дело. Прямо как сейчас. Ведь мы прошлись по лезвию клинка и уцелели! Тот маг мог запросто превратить нас в слепых кур и хладнокровно открутить каждому голову. Как сильно стучалось сердце, когда я мчался на него! Риск стоил этого захватывающего чувства!

Меня беспокоит Кич. Ему хорошо досталось: он прихрамывает, то и дело потирает ушибленные бока. Моя злость к нему за песенку сменилась сочувствием. В конце концов, не знал же он, что так может выйти?

Солнце судорожно тонуло в горизонте, хватаясь за каждую частичку света, таща её за собой в бесконечную пропасть. Раскрывался зёв звёздной ночи…

Мы разбили лагерь, разожгли костёр, подкрепились вяленой свининой и сухарями. В этой пустынной, глинистой местности с наступлением сумерек температура резко падала. Мы слышали об этом сотни раз от остановившихся передохнуть в Пашнях путешественников. Но пока сам не прочувствуешь своей шкурой…

Расписали дежурных у костра: первым вызвался я, на смену мне дежурил Брок, потом Сир, после него Кира. Не произнёсшего и слова за всё время после драки Кича мы решили не трогать. Пусть спит, набирается сил: он сегодня пострадал больше других.

Из какофонии храпа отчётливей всего выделялся рык Брока. Такой громкий и вполне даже свирепый, словно его ноздри – цилиндры чудовищной поршневой машины. Вдох, выдох, вдох, выдох. А чего ещё можно ожидать от двух с половиной метрового великана с бычьим хвостом и рогами на лбу?

Правда, рога люртам служат больше как украшение. А вот хвостом они могут и хлыстнуть, если надо будет.

Платиновый рогалик второй луны поравнялся со сплюснутым блюдцем первой – моя очередь спать. Я разбудил Брока, который этим был явно недоволен. Но потом отошёл ото сна и смирился. А мне осталось только одно – закутаться в овечьи шкуры и спать.

Моя первая в жизни ночь в открытом поле: ни тебе подушки мягкой, ни одеял и простыней. Холодный ветер, шуршания и стрекот насекомых, крики ночных птиц и зверьков. Как ни странно, заснул я практически сразу.

Если мне что-то и снилось той ночью, то наутро я ничего не помнил. Проснулся от неприятного чувства надвигавшейся угрозы. Так оно и случилось: прямо на меня ползла огромная змея. Ядовитая красная с зелёным раскраска. Она передвигалась медленно, грациозно изгибая своё чешуйчатое тело. Раздвоенный язык то вырывался наружу, то прятался в пасти. Именно им она учуяла мой страх…

Я решил не шевелиться, и, может быть, она проползёт мимо – наивно с моей стороны. Вот она уже сжалась как пружина, ещё мгновение, и её раскрытая пасть летела на меня, сверкая на утреннем солнце смертоносными клыками. Свист рассекаемого воздуха. Я не успел опомниться, как морда змеи лежала в шаге от меня. Из раны по чешуйчатой коже хлестала тёмная кровь. Кира сматывала плеть. Я успел ей улыбнуться и потерял сознание.

Очнулся через несколько минут, а может – часов. Хотя нет, минут: солнце оставалось на своём месте. Передо мной маячило участливое лохматое лицо Кича. Прим протянул руку. Я не стал отказываться от помощи и поднялся. Невдалеке сидел Сир, сдирал шкуру со змеи. Заметив меня, он довольно улыбнулся и произнёс:

– Вот к нам свежая еда сама и приползла…

– Я чуть сам её едой не стал, – перед глазами всплыла раскрытая пасть с ядовитыми клыками.

– Исключено. Ты же знаешь, что моя Кирочка никогда не промахивается, – ответствовал Сир и вернулся к разделке.

Я встряхнул головой, словно пытаясь сбросить наползавшие образы того, что бы от меня осталось, будь это не так…

Мы вновь отправились в путь. Обеденное солнце только начинало беспощадно палить, а Сир уже обшил полы плаща Киры змеиной кожей. Его он подарил любимой в прошлом году, если память мне не изменяет. Сир отличный портной. Но здесь он превзошёл себя: сколько любви и труда он вложил в тот походный светло-зелёный плащ с вышитыми золотыми и серебряными нитями птицами и цветами! Во всех Пашнях (да и в Фермерских Угодьях) лучшего плаща не сыскать!

Вчера небо было затянуто облаками, и достойно оценить всю злость раскалённого солнца нам не довелось. Сейчас мы ощутили на себе его устрашающую мощь. В горле сохло, а запасы воды, которые начинали подходить к концу, пополнить было негде. Пот лился ручьями, еле-еле передвигались, словно налившиеся свинцом, ноги, сильная отдышка и головная боль не проходили. Всё чаще голову сверлило желание повалиться на землю и уснуть. Но нужно было идти: собрав всю волю в крепкий кулак упорства, не останавливаться. В противном случае – мучительная смерть…

Наполовину осыпавшееся дерево с причудливо закрученными листьями послужило спасительным кругом в пустынном океане песка, потрескавшейся

глины и засохшей травы. Мы соорудили из его веток и овечьих шкур навес, под которым укрылись от безжалостного солнца.

А где растёт дерево, там, по идее, должна быть и вода. Но, как бы мы не высматривали, даже захудалый ручеёк на глаза не попадался.

Меня всё мучил вопрос: откуда в этой выжженной солнцем местности взялась такая большая змея? Тут ведь кроме мелких грызунов, ещё меньших ящериц и птиц почти никто не водится. Ну, насекомые там всякие, комары кусачие, мошкара надоедливая, но они уж тем более не в счёт. Для большой змеи должна быть большая добыча. Не обиженный ли нами маг-бастонец послал её обучить нас манерам? Хотя, если бы он хотел нашей смерти, то сделал бы это ещё вчера, во время боя. И вообще, откуда в Бастоне такие могущественные маги? Зачем они в городке, живущем срубкой леса и обработкой древесины? Чтобы деревья магическими лучами косить? Хотя, я не так уж и силён в знаниях об этом городе – лишь общие школьные сведения. Мало ли чего в нём твориться может. Если подумать, был ли тот маг столь могущественным, как я его представляю? Может, он только и умеет сковывать людей и быстро передвигаться на короткие дистанции. А я всё переживаю…

Жара пошла на спад, и мы продолжили путь. Мы немного отдохнули в тени овечьих шкур, так что идти стало легче. До конца дня ничего интересного не произошло, если не считать тесное знакомство Кича со скорпионом. Прим и не заметил, как наступил на него, когда мы проходили равнину, покрытую выжженной травой. Да и не мудрено: в пожелтевших зарослях разглядеть тёмно-жёлтый панцирь пристально не вглядываясь – дело непосильное для многих. Нет, со стороны это выглядело очень даже весело: визжащий от страха Кич метался из стороны в сторону, махал всеми четырьмя руками и пытался стряхнуть вцепившегося клешнёй в ботинок скорпиона. Членистоногий убийца не собирался уступать: держался до последнего, люто вонзая ядовитое жало в кожаный ботинок. Оправившись от шока, Кич раздавил скорпиона второй ногой.

Я даже боюсь себе представить возможные последствия этого случая: будь кожа ботинок Кича потоньше…

Уже начинало темнеть, когда мы поднялись на очередной холм. С его высоты можно было разглядеть неразборчивые очертания развалин и исполинского дерева. До руин Неизвестного Города оставалось не больше километра.

Даже если бы не наступала ночь, всё равно мы не пошли дальше: усталость после изматывающего перехода под палящим солнцем взяла верх над каждым. Ну, почти над каждым… Брок, вон, всё порывался продолжать путь. Но нам удалось его утихомирить. Это было ох как непросто – всем ведь прекрасно известен упрямый характер люртов… Мало того, что сам не хотел останавливаться, так он ещё и нас за руки хватал, волок за собой – каждого по очереди. Я уж было отчаялся, но Кира пообещала выделить ему дополнительную порцию змеиного мяса и оставшейся в обрез воды. Против слов и силы Брок всегда пойти готов, а вот против желудка собственного –

никогда! Мы разбили лагерь. На этот раз дежурили все. Ночь была холодной и звёздной. Даже слишком звёздной: словно щедрый землепашец забросал её разноцветным зерном.

Спалось препаршиво, если эти убогие провалы в сон вообще можно так назвать. Отужинав плохо-прожаренным змеиным мясом и запив его лишь несколькими глотками воды, я постелил у костра и тут же заснул. Но спал недолго: подул пронизывающий холодный ветер, забирающийся под шкуры. Ещё и мошкара, гори она в Огне Возмездия, по лицу ползала. Стоило только вновь провалиться в сон, как какая-то ползучая дрянь кусала за ухо, царапала губы или того хуже – в штаны заползала! Но самое худшее не это… От змеиного мяса мне скрутило живот. Да так скрутило, уж простите за подробности, что до ближайших кустов добегать я не всегда успевал… Это было ужасно! На раз эдак пятый я вспомнил, что Кира прихватила с собой аптечку. Пришлось её растолкать и попросить лекарств. С жадностью неделю не евшего дигра, я вылакал без остатка зелье «Скрепляющее». Помню как в детстве кривился от одной даже ложки. Что тут скажешь: был юн и неопытен…

Последним дежурить у костра выпало мне, но я и так не спал. Зелье, слава Мастуку, помогло, но настроение от этого не улучшилось. Сир передал мне дежурство и тут же завалился спать. Злой и раздражённый, я уселся у огнища, то и дело поглядывая на остальных: одни мирно себе посапывали, другие глушили храпом. Но сомнений не было: все сладенько спят и видят волшебные сны. А мне только и остаётся: завидовать и бросать в костёр ветки, сорванные с сухой акации, что растёт невдалеке.

Звёзды постепенно растворились в наплывших волнах света. Наступило долгожданное утро. И чем светлее, тем легче становилось на душе. Мрачное настроение таяло в лучах утреннего солнца. Вдохнув полной грудью свежий воздух, я ощутил невероятную лёгкость. Словно и не было всех тех назойливых ночных насекомых, пронизывающих до костей порывов ветра и поноса… Вскоре мне и вовсе смешно стало со своих недавних негодований. Вот что вовремя взошедшее солнце способно сделать!

Друзья просыпались. Сначала Брок: потянулся, как следует потрещав суставами, и зевнул, вывалив большой голубоватый язык. Мне, вообще-то, следовало бы его опасаться, ведь люрты – странный народ. Они, в большинстве своём, глупы и агрессивны. Если им что-то не понравилось, то лучше не становиться на их пути. Обычно живут небольшими группами, реже – крупными поселениями, иногда и отшельники встречаются. Да, по большому счёту, у какой расы отшельники не встречаются? Если и есть такая, то я о ней ничего не знаю… Пусть в люртах и сидит что-то от диких животных, но Брок не такой! По крайней мере, я не хочу его видеть таким. В их среде он бы считался интеллектуалом, хотя и силой далеко не обделён.

Сеф, лучший друг моего отца, двадцать семь лет назад спас детёныша люрта от явной гибели. Большинство люртов поклоняются Гирену – богу крови. Как гласили древние сказания, Гирен представал перед своими

почитателями в трёх различных ипостасях: в форме гиены, когда был чем-то недоволен; в форме овцы, когда пребывал в хорошем расположении духа; в форме громадного мотылька, когда его душевное спокойствие обретало наивысшую точку блаженства. Но за все времена мотыльком его почти никто не видел. Зато в образе кровавой гиены он очень часто крутился у их поселений. Чтобы задобрить разгневанного бога, люрты приносили в жертву своих детей. Из пяти новорожденных, одного они относили ему на растерзание. Проходя с караваном мимо деревушки люртов, Сеф услышал истерический плач ребёнка. Сколько бы ни отговаривали товарищи, караванщик не выдержал и подошёл к детёнышу. Рядом никого не было – видимо, бог был занят чем-то другим и не успевал на предназначавшийся ему пир. Сеф взял грудничка на руки. Если не считать маленького хвостика и ещё меньших рожек, тот ничем не уступал человеческому ребёнку, разве что большими размерами.

Жена Сефа постоянно испытывала душевные истязания. Материнский инстинкт судорожно бился о прутья клетки её бесплодного тела. Лучшего подарка любимой Сеф и придумать не мог. Так их семья обзавелась сыном. Стоит ли говорить, что малыша люрта назвали Брок?

Выращенный в семье людей, Брок перенял себе некоторые человеческие качества. Но как бы ни старались приёмные родители, их сын всегда будет люртом. Пусть более умным, дружелюбным, воспитанным, но люртом…

А вот и Кира проснулась. Тут же растолкала соседа. Сир долго не хотел подниматься, но настойчивость Киры никогда не имела границ. За ними следом проснулся Кич и тут же принялся разминать первую пару рук, затем вторую, затем ноги. Должно быть, волнуется. Я его не виню: у меня самого, если честно, колени подкашиваются. Страшно немного.

«В этом нет ничего стыдного, ничего не боятся только мёртвые» – лет двадцать назад эти слова сказал мне отец, когда я испугался полуразложившегося трупа детёныша крысона. Кажется, смысл этих слов дошёл до меня только сейчас…

С холма открывался пугающий и в то же время величественный вид на руины. Очертания зданий, когда-то живых. Сейчас они – лишь искалеченные временем скелеты памятников своей древней и непостижимой эпохе. Смотря на них, понимаешь всю бешеную скоротечность жизни. Исполинская секвойя вырывалась прямо из центра города и воздымалась в небо, царапая облака своими иглами. Она торчала словно стрела, проткнувшая сердце Неизвестного Города…

Ещё с давних времён, Руины Неизвестного дряблым, потрёпанным истуканом встретили первых поселенцев. Никто не знает, сколько тысячелетий они простояли до этого. С момента освоения Западных земель Сарбонией прошло около двух тысяч лет. И всё это время Неизвестный Город сверкал на солнце выеденным ветрами остовом руин. Первые колонизаторы приняли его за прекрасную площадку для своих поселений. Долго от них не было вестей. Послали спасательную экспедицию – из экспедиции вернулся лишь один. Он

постоянно бубнил что-то про затаившуюся смерть, вечную опасность и что-то в подобном духе. Бедняга – сошёл с ума, потеряв товарищей… По крайней мере, об этом гласят старинные летописи. Так оно было или нет, но с тех пор разумные жители Западных земель обходят руины десятой дорогой.

Лично я в эти байки не верю! Мало ли что могло произойти с первыми колонистами. Может быть, они друг друга поубивали из-за золотых слитков, найденных в одном из подвалов города. Вполне возможно и то, что дикие звери разорвали их тела на маленькие порции своим детёнышам. Подобными догадками я ломаю голову с раннего детства. С каждым днём любопытство росло. И когда я понял, что не могу ничего с этим поделать – собрал команду из самых сильных и преданных друзей (не считая Кича) и отправился разобраться с этим раз и навсегда. У каждого из друзей были свои причины пойти со мной. Брок, например, всегда шёл – стоило только позвать. Преданней я никого не встречал. Сир и Кира всегда любили путешествовать, так что моё предложение воспринялось как ещё одно приключение. А Кич… Что ж, пожалуй, он увязался за нами от нечего делать. Другой причины я просто не вижу.

Чем ближе мы подходили к Руинам Неизвестного Города, тем гуще становилась растительность. Странно после глинистой земли топтать траву. Могу поспорить – здесь ночи такие же тёплые, как и в Пашнях.

Вода! Сладкая, прекрасная, прохладная и желанная, живительная вода! Вытекая из трещины в стене, выстригая извилистой дорожкой траву и исчезая в навале камней, протекал ручеёк!

Напившись и наполнив фляги, мы подошли к прогнившим воротам в город. Правая створка кренилась, создавая щель в которую с лёгкостью мог пролезть небольшой слопр. И пусть в поросших мхом стенах пустот и расщелин хватало, в город мы гордо проникли через главный вход.

Если бы кто-нибудь попросил меня описать первое впечатление от города в трёх словах, я бы без промедления сказал: разруха, унылость, запущенность. Поросшие мхом, лишайником, травой и плющом руины зданий, стен, сломленные, опрокинутые набок колонны, обломки статуй неизвестных существ. Пробивающиеся из разбитых дорог деревья добавляли отнюдь не лучшие впечатления. Где-то издалека доносились крики хищных птиц. Но больше всего угнетало резкое понижение температуры. Изо рта валил пар, а от солнца, столь ярко светившего ещё несколько минут назад, и след пропал. Болотистого цвета тучи обволокли небо. Сомнений нет – город заколдован. Теперь-то мне ясно, почему это место умные люди обходят стороной…

Время шло, а с нами ничего не происходило. Земля не разошлась под ногами, небо не обрушило шквал смертоносных молний, ядовитый воздух не унёс нас в страну забвения… Страх потихоньку отлегал, на смену ему пришло любопытство. Я начал осматриваться вокруг. Всё так же мрачно, серо. Кич залез на крышу полуразрушенного дома и издал радостный вопль. В другой ситуации я бы кинул в него камень или ещё что потяжелее, но сейчас этот крик значил гораздо больше, чем кто-либо мог подумать. Это был наш общий

победоносный клич: мы больше не боимся! Напряжение прошло. Вот уже и Сир ковыряет палкой невиданное растение, а Брок, пыхтя и ругаясь, лезет к Кичу на крышу. Только Кира стоит на месте. Но это лишь оттого, что она рассматривает удивительные узоры на сломленной колонне. Моё внимание привлекает статуя. Вернее, ноги статуи, поскольку кроме них ничего не осталось. Чуть больше размером, они совсем не похожи на человеческие. Что это: голая ступня или причудливый раздвоенный сапог? Две коленные чашечки, если это чашечки, конечно. Хотя, очень может быть. Страшно даже представить, что же было дальше, после ног. Интересно, это скульптура ваялась с натуры, или всего лишь плод воображения мастера?

Меня окрикнул Сир и тут же вручил овечью шкуру. Я так увлёкся размышлениями, что и забыл про холод. Только Кич обошёлся без шкуры – он чувствовал себя здесь прекрасно. Ещё бы! Будь у меня столько шерсти на теле…

Целью нашей экспедиции, в первую очередь, было испытать как можно больше приключений. Во вторую – что-нибудь дорогостоящее найти. Этические или духовные вопросы, насколько мне известно, нас интересовали крайне мало… Возник спор, в каком направлении держать поиски. О том, чтобы разделиться и пойти кто куда захочет – речи никто не поднимал. Вместе: и веселей, и безопасней. Сошлись на варианте идти к гигантской секвойе. Не зря ведь она там растёт?

По дороге мы часто останавливались: выбитые окна и двери заброшенных зданий словно манили. Одно здание мне запомнилось больше остальных: оно было почти целое и, как мне показалось, из глубины его комнат доносилось прекрасное пение. Но это был лишь обман слуха, поскольку друзья ничего не услышали. Дверь лежала у входа словно большой деревянный коврик. Я вошёл внутрь повинуясь какому-то внутреннему порыву. Слабый свет проникал через трещины и дыры в потолке и стенах. Коридор, в самом конце которого отчётливо виднелась обитая потускневшей, полопавшейся кожей дверь. Именно там, за этой дверью, и рождалось прекрасное пение. Не знаю откуда, но я это знал. Каждый шаг поднимал в воздух облака столетиями оседавшей пыли. Я с брезгливостью убрал налипшую паутину с лица и волос. И вот я уже у двери. Протягиваю руку чтобы открыть…

– Ну, что там? – могучим эхом прокатился голос Брока по коридору.

Как следует выругавшись, я ответил:

– Подойди и посмотри.

– Паутину не люблю, – ответил он, разглядывая шёлковые сети, в изобилии разбросанные повсюду.

Я махнул на него рукой и отворил дверь.

Комната…

Смерть…

Я захлопнул дверь и побежал прочь. Врезался в могучую грудь люрта.

– Что такое? – вопрошал Брок, обхватив руками моё бьющееся в панике тело.

Сбежались остальные.

Некоторое время я не мог ничего сказать связно. Только мямлил неразборчивые ругательства и упрёки самому же себе. Потом взял себя в руки.

– Людей. Я видел там людей, – начал я. – Они были мертвы. Их лица источали ужас!

Я не выдержал и разрыдался. Знаю, со стороны это выглядело жалко, но поделать с собой ничего не мог. Вот такой вот я – бесстрашный искатель приключений, ревущий как малое дитя…

Пока я давал волю трусливым чувствам, Брок с Кичем сходили в ту комнату и вернулись. Дружелюбно похлопав меня по плечу, Кич сообщил, что комната пуста и ничего кроме пыли, паутины и ветоши в ней нет.

Я не поверил. Наверняка они просто пытаются меня успокоить. Но Кич продолжал стоять на своём. Брок кивал, удивляясь моему упрямству. Вскоре в их правоте удостоверились Кира и Сир, когда сходили в злосчастную комнату. Сговорились? Я затянул, насколько это было возможно, разболтавшийся узел душевных сил и отправился в место, где видел смерть…

Я глазам своим не поверил! Поэтому-то я их так долго и тёр: комната была пуста, если не считать пыли, ветоши и паутины…

Но не падать в обморок ведь из-за этого? Нужно идти дальше! В конце концов, мы ведь не маменькины сыночки – от первого встречного наваждения домой бежать.

Пока дошли до секвойи, неприятные галлюцинации случились и с другими. Подняв с пола ржавый меч, Кич вдруг с воплем «змея» отбросил его от себя. Железка брякнулась о каменный пол и осталась лежать без единого помысла уползти куда подальше. Поднять её никто больше не осмелился. Да и смысла не было – ржавые мечи нынче дёшевы…

Кира истерически зарыдала, когда в фигурном узоре на колонне увидела своё отражение с выколотыми глазами. Сир подбежал её успокоить, глянул на узор и вдруг сам впал в истерику: в узоре отразилась Кира с выколотыми глазами, но самое страшное, что рядом с ней стоял Сир. В руке он держал окровавленный кинжал…

Наваждение не прошло стороной и Брока. Ему вдруг почудилось, что статуя причудливого существа вдруг ожила. Долго не думая, могучий люрт снял с пояса тяжёлый цеп и одним ударом раскрошил череп ни в чём неповинного произведения древнего искусства.

Пусть с потерями душевных сил, но мы достигли цели. Исполинское дерево грозно уходило ввысь. Оно было настолько величественным и огромным, что вблизи деревом его представить было трудно. Скорее – бесконечно-высоким замком. Его ствол толщиной с лёгкостью мог бы покрыть участок в пять отцовских домов.

– И что теперь делать будем? – интересовался Сир. Он уже неоднократно заикался о том, что пора бы и домой повернуть.

– Думаю, надо вон в то дупло залезть, – предположил я. – Кич, ты у нас самый ловкий. Справишься?

– Я? – прим подскочил и тут же скорчил наигранно-удивлённую гримасу. – Я ведь не умею по деревьям лазить, – паясничал он, карабкаясь по толстой коре: то держась одной ногой и раскачиваясь как листок на ветру, то прыгая с места на место, цепляясь всеми шестью конечностями за уступы. Достигнув дупла, Кич акробатическим кувырком проник внутрь.

Прошло некоторое время.

– А-а-а! – раздался приглушённый вопль прима.

У меня внутри всё упало и разбилось вдребезги. Ведь это по моей просьбе он полез туда. Если что-то случится – я никогда себе не прощу.

Я попытался вскарабкаться наверх. Остальные последовали моему примеру. Даже неуклюжий в этом деле Брок. Но тут же из дупла высунулось довольное лицо Кича.

– Что, попались?

– Кич, зараза! – в унисон выдохнули мы.

– Да ладно вам, шуток разве не понимаете? – спросил прим и зашёлся хохотом.

Шутки мы, конечно, понимаем, но только он спустится, пару подзатыльников отвесим с громадной радостью.

От подзатыльников Кича спасла его находка, растопившая лёд наших сердец, что палящее солнце выброшенную на берег медузу. Острый как бритва кинжал с украшенной драгоценными камнями рукоятью. Сама рукоять и лезвие (как выяснилось позже) были сделаны из неизвестного и ничем неразрушимого металла.

Этот бесценный кинжал просто себе торчал из бревна в дупле.

Кич заявил: в дупле кто-то жил раньше. Неумело обтёсанные брёвна внутри вполне могли сойти за древнюю мебель. Жаль, но нам никогда не узнать, кем были его хозяева…

Да и надо этим себе голову морочить? Главное – мы заполучили дорогостоящий реликт! Все наши старания окупились с лихвой! Теперь с чистой совестью можно возвращаться домой.

Дорога обратно была легче, без наваждений. Стало теплее, даже пришлось снять с себя овечьи шкуры. Мало того – тучи разошлись, обнажив закатное солнце. Выяснилось, что мы пробыли здесь уже целый день. А казалось – не больше получаса. Время тут не поддаётся никаким законам. Такое ощущение, что оно попросту остановилось в этом месте. И начинать вновь течь оно не собиралось…

Вернувшись в Пашни мы посчитали дни: оказалось, что за полчаса в Руинах прошло ровно три недели. Сердце стягивает ледяным обручем, а по коже начинают бегать мурашки, как думаю об этом.

Появление металлического чудища буквально сбило нас с толку. До ворот оставалось около сотни шагов. Расслабленность чуть не стоила нам жизни. Благо, Кира быстро пришла в себя и завопила что есть мочи. Её крик вернул нас к трезвому рассудку. И очень даже вовремя. Чудище замахнулось передней остроконечной ногой на Кича. Промедли он хоть с долю секунды,

вместо раскрошенного гранита могла оказаться его голова. Мы бросились врассыпную к спасению. Четвероногое чудище в замешательстве завертелось на месте. Оно было размером с небольшого слопра и чем-то его напоминало. Но вместо округлой головы с двумя кольцевидными хоботами был угловатый нарост с короткой трубкой. Интуиция мне сразу подсказала: эта трубка не для красоты там находится. Стальной монстр при каждом движении издавал звуки, похожие на работу чудовищной поршневой машины. Из механических суставов и ещё одной трубы, что находилась на спине, свистел пар. Чудо-механизм смерти, подумалось мне, когда торчащая из нароста трубка уставилась в мою сторону. Глухой шлепок, и в нескольких шагах посыпалось каменное крошево. Монстр выбрал свою цель. Ещё один шлепок. Боюсь даже представить, что бы от меня осталось, не успей я повалиться на землю. Раздирая руки по колючей траве, земле и камням, я заполз за лежащую на боку колонну. Сотрясалась земля – механическое чудовище шло ко мне. Если бы высунулся – вмиг отстрелило голову. Ползти некуда! Смерть приближается! Гирен подери, я ведь ещё слишком молод отдавать тебе душу! Страх поймал меня в цепенящие объятья. Ужасные, обитые заклёпками конечности уже в метре от меня. Оно подняло одну из них. Словно что-то щёлкнуло в голове. Развеяв оцепенение: я успеваю откатиться вбок в самый последний момент. Острая металлическая конечность на полметра ушла под землю. С лёгкостью ножа из подтопленного масла, конечность вырвалась из земли, вздымая столб дёрна – и вновь занесена надо мной. Тут уж не увернуться…

Вдруг чудище качнулось и повалилось набок. Не успев поблагодарить судьбу, я вскочил и побежал прочь. Взобрался на крышу дома и принялся опасливо наблюдать с неё за отчаянным сражением. Сир и Кира упёрлись ногами в колонну и тянули на себя рукоять плети. Плеть опоясывала колонну и тянулась к чудищу, где концом обкручивала заднюю механическую конечность. Вот почему оно упало! В это же время Брок что есть мочи лупил тяжёлым цепом по панцирю, трубам, конечностям. Оружейная трубка искривилась. Спинная труба согнулась пополам. Пар из неё больше не хлыстал. Моё внимание привлёк силуэт на соседней крыше. Это Кич! Верхними руками он держал и натягивал рогатку, нижними – подавал металлические шарики. С глухим металлическим, шарики бились о панцирь чудища. Я помню, как такой пулей он однажды прострелил зайца навылет. Но одно дело заяц, другое – механический монстр…

Чудище подтянуло ногу, с лёгкостью порвав плеть. Откинуло Брока. Люрт описал в воздухе дугу и стукнулся о стену. Если он ещё жив, то ему очень больно… Выпрямившись на своих четырёх, механизм направился в сторону Кича. Пар из механических суставов хлестал больше прежнего. Из-за погнутого дула, чудище выплёвывало снаряды неточно. Но пригнуться – лишним никогда не будет. Достигнув дома, оно принялось карабкаться на крышу. Остроконечные ноги впивались в гранитные стены как скалолазные кирки. Кич тут же устремился прочь. И вдруг раздался невыносимый грохот,

оглушающим эхом разразившийся по улицам мёртвого города. Чудище разлетелось на куски.

Когда до меня дошло, что опасности больше нет, я слез с крыши. У груды осколков уже собрались Кира, Сир и Кич. Я вспомнил про Брока. Побежал к нему. К счастью, мои мрачные опасения не оправдались. Люрт дышал, хоть и был без сознания.

Я позвал друзей и предложил убраться из этого проклятого города куда подальше. Никто не стал спорить.

Лишь глухой ночью мы решили передохнуть. И только потому, что ни у кого сил просто не оставалось. Будь мы в состоянии – шли бы до самого утра. Подальше от нахлынувшего на нас живого кошмара! Всё это время нам приходилось тащить тяжёлую тушу Брока, но на что не пойдёшь ради друга? Бедняга, он так и не пришёл в сознание.

Из последних сил разожгли костёр. Вяленая свинина и сухари в горло приходилось запихивать силой, зато воду выпили почти всю. Дежурить вызвался Сир. Усталость просто косила с ног боевой косой. Накрывшись шкурами, я тут же уснул. Сир, вскоре отключился, и костёр погас. Ни у кого не было сил развести его заново.

Ночь была безветренной и не такой холодной, как раньше. Но это всё равно не избавило никого от утреннего насморка.

Мне приснился Кич. Отчётливо помню, как он перерезал нам всем горло найденным в секвойе кинжалом. И мне тоже. Но как я тогда это видел? Словно со стороны. А может, это произошло на самом деле? Вдруг жадность застлала глаза прима? И я уже мёртв… Наблюдаю за чудовищным преступлением глазами своего духа, покинувшего бездыханное тело. Я ведь говорил, что незачем было брать с собой Кича. За всеми его ужимками и доброжелательностью скрывается тёмная душонка. Он специально вызвался идти с нами, чтобы потом предать и присвоить наши заслуги. В Пашнях он будет рассказывать слёзные истории, как бился плечом к плечу с лучшими друзьями против неописуемых монстров. Мы победили, но ценой своих жизней. И только доблестный Кич смог спастись. Вполне вероятно, прим сам ранит себя и, истекая кровью, приползёт в город. Тут уж точно никто вопросов задавать не будет. Его вылечат. Он продаст кинжал за большое состояние. Хотя нет, ему и так неплохо живётся. Его отец – богатый землевладелец. Тогда что? Тщеславие? Эгоизм?..

Я открыл глаза: Кич взвёл руку. Блеснул кинжал. Я только и успел издать глухой стон.

– Ты чего это? – спросил он.

От души отлегло. Кич просто любовался блеском драгоценных камней в лучах утреннего солнца.

– Сон плохой приснился, – буркнул я в ответ.

– Не удивительно… – кивнул Кич и продолжил любоваться кинжалом.

Все остальные ещё спали. Я попросил Кича дать мне кинжал: он без колебаний выполнил просьбу. Только сейчас я смог по достоинству оценить

находку: головка рукояти по бокам была украшена четырьмя рубинами, а снизу – остроконечным алмазом. Покрытый витиеватыми узорами черен имел округлую форму. Ограничитель красовался четырьмя чередующимися между собой: изумрудом, аквамарином, сапфиром и хризолитом. Драгоценные камни – моя детская слабость… Основание клинка с одной стороны украшала гравировка причудливого существа, похожего на одну из статуй, которые мы видели в Неизвестном городе; с другой стороны золотом блестела надпись на непонятном, давно умершем языке. Я проверил остроту лезвия: волосинка разлезлась пополам. Можно было только восхититься этому искусному сочетанию красоты и смертоносности!

– Что, Гирен подери, такое?! Где я? – раздался громогласный голос.

– Брок! Ты очнулся! – обрадовались все.

– Я бил ту штуковину... – Брок почесал ноющий от боли затылок.

– Ты был без сознания, – объяснил я, – мы убрались из Неизвестного Города.

– А железная смерть? – поинтересовался он.

– Она взорвалась, – подхватил эстафету разговора продравший глаза Сир, уличённый в порочном чтении научных книг в свободное время. – Я просто уверен, она не выдержала давления. Ты согнул её трубку, из которой валил пар: ему некуда было деваться, вот он и разорвал конструкцию на мелкие кусочки.

– Она – страшная штуковина из злых снов! – рявкнул Брок. – Рад её смерти!

– Ещё бы, – согласился я. – Интересно, откуда она взялась…

– Из злых снов, – повторился Брок и оскалился.

– Она оттуда, не спорю, – холодок пробежал у меня под ложечкой, – но в городе она уже была или зашла вслед за нами?..

– Она мертва, – ликовал Брок.

– Тут ты тоже прав, дружище, – сдался я. – Столько вопросов. И не найти на них ответа…

Молчавший Кич заговорил:

– Может быть, это поможет ответить хоть на какие-то из них? – он достал металлический обломок. – Я подобрал его на память о нашей нелёгкой битве.

– Ну ты и молодец, Кич! – я не сдержал радости, вертя в руках острый кусок металла. – А я всё жалел, что не сообразил сделать то же самое. С ним надо будет пойти к Алерадусу. Да, и кинжал ему показать заодно. Он мудрый маг, несмотря на все свои странности…

Проснулась Кира и обвела нас заспанным, осуждающим взглядом:

– Болтуны, Гирен бы вас подрал, спать совсем не даёте!

На этом наш разговор и закончился.

Мы подкрепились и устремились в путь, сбрасывая с плеч остатки приятной пелены сна.

По дороге столкнулись с взбесившимся диким кабаном. По словам забредавших к нам в городок путешественников, такие случаи не редкость.

Подцепившие бешенство хряки убивали вначале всех в своём стаде, а потом любого, кто попадался им на пути. Но планам того кабана помешала металлическая пуля, мастерски пущенная Кичем прямо в его лоб. Лютый вепрь повалился на землю, так и не поняв, что послужило причиной его гибели. Мясо трогать не стали – вряд ли кто-нибудь хотел подцепить бешенство.

Обе луны были в зените, когда мы увидели огоньки. Огоньки родного городка Пашни. Никогда ещё они так не грели душу…

Глава 2: ***Алерадус***

Хворост трещал под лапами, ветер обдувал пепельную шерсть. Обитатели леса в страхе разбегались прочь. Мелькали деревья, кустарники, ломались ветви. Добыче не было суждено спастись. Мощные челюсти сомкнулись на тонкой шее. Пасть трепала мохнатое тельце, как тряпичную куклу. Насладившись привкусом смерти, хищник выбросил жертву. Ему не хотелось есть…

Бирюк бежал дальше.

Тяжёлые свинцовые тучи лениво расползались по небу. Пошёл дождь: намокшая шерсть липла к мускулистому телу. Грозный силуэт взмыл над оврагом, приземлился на другой стороне. Из-под задних лап осыпалась земля, но волк уже оттолкнулся передними и стремительно помчался вперёд. Грязь хлюпала под лапами, разбрызгивались лужи.

Извилистый голубой червяк молнии ударил в высохшую ель. Даже крупные капли ливня не способны спасти трухлявый ствол от пожара. Горящее дерево повалилось, преградив путь. Не останавливаясь, хищник прыгнул: красные языки пламени лизнули бока, зашипела мокрая шерсть. Из пламени вырвались передние лапы, следом – огромная морда с вываленным набок языком. В белоснежных и смертоносных зубах отсвечивался огонь. Лапы втоптали осыпавшиеся иголки в землю, зверь продолжил путь. Он выбежал на просеку.

К каплям дождя примешался град. Лесная живность заметалась в поисках укрытия. Даже бесстрашные слопры спрятались в пещеры. Но только не Бирюк. Град осыпал его безжалостными ударами.

А он всё бежал…

Тучи нехотя уступили солнцу. Свет медленно, но неумолимо разгонял тень, сверкая в мелких волнах, скользя по береговой линии, сквозь густую листву дубов падая пятнами на вымокшую в грязи и крови шерсть, скрывавшую страшные ушибы и ссадины.

Волк спал у озера, набирался сил.

Первая луна ушла за горизонт, вторая с запозданием следовала за ней. Бирюк распахнул глаза. Его сердце заколотилось в бешеном ритме свободы. Из лёгких вырвался безудержный вой, а вместе с ним, из недр души всплыла невыносимая тоска. Долго он бежал от неё. Ни перед чем не останавливаясь,

ничего не страшась. Без раздумий, вступая в бой с любым зверем или монстром. И всегда побеждал!

Ему казалось, что сможет убежать. Избавится от привязанности и зависимости, которые делали его уязвимым. Но чем дальше он отдалялся от дома, чем больше схваток он проходил – тем хуже ему становилось. Боль копилась от дня ко дню, от недели к неделе, от месяца к месяцу, от года к году… пока не взорвалась невыносимым приступом грусти. Бирюк выл не от обретённой свободы. Он выл от постижения своего одиночества. И уязвимости…

Пусть это будет позором для всего гордого, вольного волчьего рода – Бирюку всё равно! Он побежал, стремительно продираясь сквозь колючие ветви лесных деревьев и кустарников.

Домой.

*****

Единственным магом в Пашнях и ближайшей округе был Алерадус Двенадцатый – седой старик невысокого роста, склонный к пожизненному одиночеству. Жил он на отшибе города в просторном домике с участком, засаженным кукурузой, капустой и несметным количеством грибов: начиная ядовитыми поганками и кончая голубым китом – самым экзотическим и полезным грибом на всём Главном Материке. Причём, кукуруза и капуста служили магу не едой, а приманкой для ворон и грызунов, которых он ловил и безжалостно пускал на волшебные нужды. А вот грибы у него были под строжайшей охраной. Каждое утро Алерадус начинал с вызова защитного заклинания, невидимой оболочкой окутывавшего его любимцев.

С вплетёнными в седые космы птичьими косточками, даже летом разодетым в звериные меха, вечно глядящим на собеседников пугающим отрешённым взглядом Алерадусом молодёжь Пашней старалась не пересекаться. Его часто любили обсуждать, упоминая прошлое гражданство таинственного города Магарран. Как гласят сплетни, старик был чуть ли не советником (ну, при дворе уж точно состоял) самого Верховного Мага, но отрёкся от всех титулов и почестей, когда Верховный предал идеалы чистого колдовства, впустив в него технический прогресс, положив начало ныне сильнейшей из наук – техномагии.

Ни для кого не секрет, что каждый маг приспосабливался по-своему. Многие взялись за освоение техномагического ремесла. Для колдуна старой школы что-нибудь выучить не проблема. Съел нужный отвар из грибов и хвостов гремучника – только книжки к глазам и успевай подносить. Но были и те, кто отказался пятнать чистоту колдовства мазутом технологий. Одолеваемые противоречивыми чувствами, они покинули родной край и разбрелись по громадным просторам Объединённого Королевства Сарбонии и Западной Картурии. Среди них был и Алерадус Двенадцатый.

Более взрослые жители Пашней к магу относились с уважением и пониманием. По крайней мере, делали такой вид, чтобы получать от него колдовские услуги. Кому рану залечить, кому любовь вернуть, кому урожай повысить… Алерадус каждому мог помочь, от чего очень страдал. Склонная к одиночеству и самосозерцанию душа мага не имела покоя от постоянного наплыва просителей. Не оправдывала себя даже магическая стена: самые настырные «нуждающиеся в магии» делали подкопы. Но всё же, без стены их число увеличилось бы в десятки, а то и в сотни раз. Если Алерадус и ходил по городу, то только в неприметной робе с прячущим лицо капюшоном. В основном, необходимые продукты и товары ему приносил посыльный, который каждую неделю приходил за новым списком.

Посыльным был неудавшийся ученик магии Лорк, сын конюха. Несколько лет назад юноша через подкоп проник к магу и на коленях просил обучить колдовским премудростям. Ошарашенный Алерадус вместо того, чтобы гаркнуть и выгнать куда подальше непрошенного гостя, принялся объяснять, что для овладения магическими премудростями нужно родиться с кровью мага. А у сына конюха её и в помине нет. Это не значит, что родителями должны быть колдуны. Были случаи, когда у семейной пары могущественных волшебников рождался неспособный к магии ребёнок. Это дар, которым тебя награждают боги при рождении, гораздо реже – при сознательной жизни. Просто так его не заполучить. Есть ещё один вариант овладеть умением вызывать потусторонние силы – маг сам отдаёт свой дар. Но передавший силы умирает, при чём – не совсем безболезненно… А такую судьбу Двенадцатый и в страшном сне для себя не хотел. Он прожил жизнь в борьбе за чистоту магии не для того, чтобы умереть в страшных мучениях от её лишения.

Мечты Лорка стать колдуном разбились как хрупкий фарфор, зато мечты Алерадуса заполучить преданного посыльного наконец-то сбылись.

Посреди ночи маг проснулся от тревожного чувства. Что-то внутри скреблось, больно царапая стенки сознания. Дурной знак. Это требовала высказаться непознанная сторона магической крови. Почему непознанная? Потому что потусторонних существ познать жителю бренного мира никогда не удастся!

Даже ненавистник всего научного Алерадус знал, почему одним людям суждено стать колдунами, другим – нет. Божественный дар, как привыкли называть в народе кровь мага, есть ничто иное, как живое существо, влившееся в кровь мыслящего, сцепившееся с ним в вечном сосуществовании. Получая укрытие, существо наделяет тело магическими силами. Именно поэтому, передав эти силы другому, волшебник гибнет. Его кровь лишается неотъемлемой частички. Говорят, что причиной зарождения таких отношений выступают боги – обитатели потустороннего мира, являющегося «подпоркой» для нашего. Если представить бренный мир в виде громадного дерева, то потусторонний мир – ничто иное, как земля, из которой оно растёт. И, подобно почве, питающей растение полезными веществами, потусторонний мир даёт

нашему необходимую подкормку в виде жидких магических существ, живущих в нашей крови. Но любая почва кроме полезных веществ, полна и вредителями, поедающими корни. Иногда из соседнего мира сбегают странные создания. Многие из них держатся от обитателей Главного материка на расстоянии. Оседают в пещерах, болотах, зарываются в землю или теряются в водной пучине. Но бывают и такие, что нападают на всякого, попавшего в поле их злобного зрения. И невероятный счастливец тот, кто смог выбраться живым из их лап или щупалец.

Боги редко чем ещё вмешиваются в бренную жизнь. Но любое их вмешательство всегда влечёт за собой непоправимые последствия. К примеру, лишь одного прикосновения к кладке яиц варанов богиней хладнокровных существ Геллизы хватило, чтобы вылупились первые драги – прямоходящие ящеры, легко вписавшиеся в яркий колорит мыслящих рас Материка.

Алерадус насыпал щепотку грибного порошка в черепушку, залил настоем из лесных трав, добавил толчёного мела и кусочек вороньей лапки. Перемешал. Загадал заклинание, серым огненным вихрем раскидавшее густую жижу из горшка по полу. Причудливые пятна жижи тут же застыли: их было ровно пять. Алерадус тут же перевёл послание, записанное иероглифами потустороннего мира, получив тревожные слова: **УГРОЗА, ДРУГ, САР, СМЕРТЬ, СТАЛЬНЯ**.

– Слушай, Лорк, не будь занудой! – моё терпение начинало сдавать.

– Когда я с вами хотел пойти – вы мне отказали. Теперь мой черёд быть паршивцем, – всё упирался рогом Лорк.

– Дружище, ты ведь прекрасно знаешь! – я сделал глубокий вдох, и пошатнувшееся на миг самообладание вновь вернулось, – мы не хотели подвергать твою жизнь опасности, понимаешь? Всё ради тебя…

– Ради меня, ради меня, – передразнил он. – Вы мне кто? Мамочки с папочками?

– Ты не понимаешь… – лишь отчаянные потуги воли сдерживали меня от взрыва гнева.

– Ты не понимаешь, всё не понимаешь! – как можно язвительней передразнил он. – Вы не настолько меня старше, чтобы со мной как с маленьким сюсюкаться!

– Не горячись, – я сказал это больше не ему, а себе.

– А я хочу горячиться – и буду! – всё не унимался сын конюха. – Вы мне не указ!

– Лорк, будь другом, помоги, а? – как можно вкрадчивей попросила Кира.

– Нет! – ответствовал ей неумолимый Лорк.

– Пожалуйста, – не отступала Кира, слепя его белоснежной улыбкой.

– Нет! – упирался он.

– Мы тебя очень-очень просим, – продолжала она, с опаской поглядывая на моё покрасневшее от гнева лицо.

– Нет! Нет! Нет! – упрямым ослом взревел сын конюха.

– Лорк, давай по-доброму? – прошипел Сир. – Видишь, Брок уже нервничать начинает…

– Не боюсь я вашего Брока, – неуверенно ответил сын конюха, косясь на могучего люрта.

– Если поможешь, дам подержать ненадолго, – решил снять повисшее напряжение Кич и достал реликтовый кинжал.

– Ну ничего себе, – у Лорка отвисла челюсть. – Вы его в руинах нашли?

– Смотри-ка, догадливый, – ухмыльнулся Сир.

– Это драгоценные камни? – не верил глазам Лорк.

– Ещё и наблюдательный! – сардонически ухмыльнулся Сир.

– Он выкован из странного неразрушимого металла, – хвалил находку Кич. – Мы пробовали – ничто на нём даже царапин не оставляет!

– Святой Мастук! – Шок Лорка постепенно перетёк в необузданную зависть, чёрной жабой севшей на сердце. – Он ведь дороже нашего города стоит! И вы меня с собой не взяли! А ведь я тоже мог быть одним из его владельцев… – он чуть было не выдрал от досады клок своих рыжих волос.

– Ты мог погибнуть, – предположил я.

– А вы не могли?! – театрально воздел руки к небу Лорк.

– Могли, – согласился я. – Нам пришлось дать бой металлическому монстру. Если бы судьба тогда от нас отвернулась…

– Вы ещё и с металлическим монстром сражались? – одолеваемый смерчами зависти, спросил сын конюха, и его лицо покраснело так, как ни одно человеческое лицо покраснеть, в принципе, не может.

– Он чуть было не убил нас всех! – гордо встрял Сир.

– Но не убил! – затрясся Лорк. – Не убил ведь! И я мог быть там! Нет! Никогда я вам не помогу! И руки вам не подам при встрече! А ну убирайтесь из моего двора!

Сын конюха затопал ногами, но Брок, лишившись остатков терпения, поднял его за шиворот и весьма вежливо произнёс: «пошли»…

Лорк пришёл в себя уже на подходе к обиталищу Алерадуса. Под магическую стену даже не пришлось делать подкоп – с западной стороны был незаметный лаз, о котором знали только маг и его посыльный Лорк. Вблизи дома колдуна я попросил у нашего проводника прощения, как это говорится, «за всё». Мы ведь друзья. Зачем зло друг на друга таить? У меня, к примеру, нет никаких претензий… (На самом же деле, я просто опасался, что Лорк нажалуется магу, и тот сделает с нами о-о-очень нехорошее…)

Алерадус сидел в плетеном кресле на крыльце дома и попивал чёрный эль. Кажется, маг и не удивился нашему появлению. Безразличным взглядом он осмотрел нас и поинтересовался, чего это нам от него надобно. Я начал было что-то мямлить, как он вдруг вскочил с кресла, подбежал к Кичу и выхватил у того реликтовый кинжал. Произошло это настолько быстро, что прим не успел и пикнуть. А реакция у них, примов, молниеносная…

– Откуда он у вас? – дрожащим голосом спросил маг.

– Из секвойи, – первым пришёл в себя Сир, – той, что растёт в Руинах Неизвестного Города…

Колдун некоторое время молчал и шевелил губами, словно разговаривал сам с собой. Казалось, взгляд его стал ещё отрешённей, чем когда-либо, будто маслянистая пелена залила глаза. Вдруг он подбросил кинжал и, пока тот летел вверх, выпустил в него извилистого красного червяка магической молнии. Клинок упал на плетеное кресло и тут же его пропалил.

– Ты, – ткнул меня в живот маг, – потуши!

Я подбежал к бочке, стоявшей у капустных грядок, зачерпнул ведром воду и вылил на горящее кресло. Шипя от негодования, огонь сгинул.

– Да нет же, отбрось ты это кресло, – приказывал Алерадус. – На кинжал лей. Как можно больше вёдер.

Я отпихнул ногой обгоревшую плетёнку и помчался за следующим ведром. Мне почему-то не странно, что никто из друзей не стал помогать – они ведь все страшные лентяи…

Алерадус поднял кинжал, задумчиво осмотрел и обвёл нас недобрым взглядом:

– Да вы хоть знаете, что вы нашли?

Мы развели плечами.

– Это же кинжал… эмм… – маг пощёлкал пальцем, словно вспоминая что-то (или пытаясь придумать). – Кинжал лучших мастеров древнего мира!

– А я догадывался! – хлопнул во все четыре ладоши Кич.

– Обладать такой вещью крайне опасно… – маг нехотя протянул кинжал приму. – Очень многие ценители военного искусства будут готовы за него пустить кровь. Я не шучу. Фанатичные коллекционеры пойдут на всё, чтобы украсить свою коллекцию таким непревзойдённым шедевром. А про обычных ворюг и преступников я вообще молчу. Пусть они не знают об истинной ценности кинжала, но на драгоценные камешки всегда позариться готовы. Так что если хотите носить с собой, то удостоверьтесь, что кинжал надёжно спрятан от пытливых глаз.

Потом колдун принялся нам рассказывать жизненный случай. Один его знакомый коллекционировал подобное оружие. Неуничтожимое, прекрасное, смертоносное. Его коллекция насчитывала четыре бесценных экспоната. Чтобы их заполучить он ничего не жалел. За кривую саблю он продал большую часть своих земельных угодий. За копьё он сражался на арене Стадиона Правды. За лук и десять стрел он чуть не утонул в коварных водах Моря Покоя. А чтобы заполучить булаву, он потерял руку в пещере кровожадного потустороннего монстра.

Но была у него одна слабость – очень уж он любил выхваляться своими трофеями. Часто звал к себе гостей, и часы напролёт хвастался бесценными экспонатами. Как-то он пригласил в гости одного незнакомца, представившегося ценителем военного искусства. Таковым он и оказался, перерезав горло коллекционеру и, без каких-либо преград, стащив все его экспонаты…

На сердце похолодело. Не знаю, правдивая это история, или маг просто хотел нас запугать, но с кинжалом, вне каких-либо сомнений, нужно вести себя осторожно. Зря мы каждому встречному знакомому его показывали. А знакомых в маленьком городке Пашни столько же, сколько и жителей! Мало того, мы умудрились зайти в таверну и начать им хвастаться перед сбродом путешественников, решивших перевести дух с дороги за кружечкой-другой дешёвого эля. Это мы зря, конечно. Тот, одноглазый с горбатым носом, так пристально смотрел…

К удивлению, Алерадус знал наши имена (я-то всё это время думал, что у него старческий склероз). Мало того, он имел, пусть и неполное, но представление о наших занятиях и увлечениях. Уж не знаю, было ли это результатом какого-нибудь заклинания или маг просто интересовался нами до этого. Вполне возможно, что Лорк ему кое-что рассказывал раньше.

Дружеская обстановка располагала, и мы разговорились. Вначале робко, но потом вошли во вкус. Больше всего отличилась Кира. Она, отчаянно жестикулируя, выложила всё о нашем приключении. О магах, встретившихся на пути, о смертоносной змее, о наваждениях. Не забывала она всё это обильно приукрашивать сочными небылицами, на фоне которых все существовавшие герои – детки, бегающие по двору размахивая деревянными мечами… Когда она заговорила про механического монстра, я наконец-то вспомнил, зачем мы сюда пришли. Но Киру перебивать не стал. Было интересно, чего ещё она навыдумывает.

Киру перебил Алерадус. Он всерьёз заинтересовался металлическим монстром. Начал выспрашивать мельчайшие детали у каждого. При чём, настаивал на полной правдоподобности. Без излишней фантазии… А когда я достал из сумки обломок – что-то сверкнуло в его глазах. То ли страх, то ли вдохновение. А может, и то и другое одновременно.

Колдун долго вертел осколок, присматривался, стучал, дул, царапал ногтём. Потом спросил, не спешим ли мы и не будем ли против, если он проведёт один магический эксперимент? Я ответил, что ради этого мы к нему и пришли.

Алерадус сбегал домой и вскоре вернулся с обшитым кожей сундучком. Порылся в нём и достал две колбы: из одной сыпнул на обломок тёмный порошок, из другой выпил какое-то зелье, бережно положил колбы на место и закрыл крышку. Вскоре он впал в магический транс. Я слышал о таких вещах, но даже и представить себе не мог, что буду присутствовать при подобном.

Сухощавое тело колдуна тряслось, пальцы до крови впивались в осколок, длинные волосы седыми змеями шевелились на голове. Вокруг мага начал подниматься вихрь. Мы спрятались в доме. Через окно я наблюдал, как магический вихрь разрастался, кружа пыль, рвя траву и листья. Воздушным столбом он воздымался в небо. Над ним возросла туча и через мгновение засверкали молнии. От их невыносимого грохота закладывало уши. Буря нарастала. Ведомый животным страхом, я повалился на пол и скрутился, что зародыш. Друзья последовали моему примеру. Звон стекла, и осколки окон

осыпали нас. Чудовищный гул усиливался, сея в наши сердца безудержный страх.

А потом вмиг всё прошло: ни молний, ни смерча. Я поднялся. Битое стекло ссыпалось со спины и затылка, попало за шиворот. Я расправил рубаху, вытрусил осколки. Спину несильно царапнуло – ну и ладно.

Свернувшись в три погибели, на земле лежал Алерадус. Старик не шевелился. Как бы копыта не откинул…

К нему уже бежал взволнованный Лорк: его глаза слезились, волосы были растрёпаны, а одежда вся измята. Мы последовали за ним.

Алерадус был без сознания и еле дышал. Но не прошло и нескольких минут, как маг пришёл в себя и прошептал тревожное слово «**УГРОЗА**». Сразу после этого, он вновь отключился. Мы перенесли его на кровать, где он пролежал целые сутки.

Ни у кого из нас даже мысли не было развернуться и уйти. Хотя мы могли себе преспокойно отправиться по домам. Лорк бы присмотрел. Но всё же, мы не уходили. В конце концов, это из-за нашего обломка…

Вначале было как-то совестно и грустно, что ли. Говорили полушёпотом, ничего не ели. Про то, чтобы лечь спать никто и заикнуться не смел. Но к утру смелости и уверенности прибавилось. Хороший завтрак из сырокопчёной телятины, найденной в погребе, привёл нас в чувства. Сразу после еды, я завалился спать на густой ковёр из медвежьей шкуры.

Проснулся полный сил и бодрости. В зале никого не было. Одолеваемый естественным интересом, я огляделся вокруг: огромные часы с маятником, похожим на змею. С ужасом для себя я понял, что это *действительно змея*. Прикасаться к ней не стал, а если живая? В громадный чёрный шкаф заглядывать не осмелился – вдруг оттуда что-нибудь выползет? Меня поразило, что все стены в этой комнате ни что иное, как книжные полки. С тысячами книг. Я взял одну. Раскрыл на первой закладке, чихнул от высвободившейся пыли, всмотрелся в непонятные мне иероглифы и захлопнул книгу. Смотреть другие фолианты у меня желания (какая дикость!) не возникло. На столе лежали какие-то баночки, колбочки, коробочки. К ним даже у меня хватило мозгов не прикасаться.

В комнату вбежал запыхавшийся Брок:

– Идём!

– Что там? – я покосился на кукурузный початок, каким-то невероятным образом застрявший в складке его штанины.

– Говорю – идём! – рявкнул он и выбежал из комнаты.

Я не стал дальше спорить, и устремился следом – к кукурузному полю. Там уже собрались остальные, обступив Лорка. В нескольких метрах я увидел выжженную землю и обгоревшие стебли кукурузы.

Сын конюха что-то говорил про правила безопасного использования порошка, про необходимость строжайшего следованию им и всё такое прочее. Остальные требовали повторить для меня представление. Даже Брок, с которым он, откинув прошлые обиды, уже успел подружиться.

Я понял, что сейчас произойдёт интересное.

Лорк достал пороховой рожок, высыпал немного себе на руку. На вид – обычный чёрный порох. Дал Кире закрутить крышку рожка, а сам сжал кулак, разжал, покатал комочек ладонями, получив шарик размером с перепелиное яйцо. Попросил всех приготовиться и швырнул шарик в кукурузу. Раздался грохот. В месте попадания образовалась выжженная воронка, вокруг которой горели кукурузные стебли. Сир потушил их водой из ведра.

– Что это за дрянь такая? – спросил я, хлопая ладонью по заложенному уху.

– Это взрывной порошок, – гордо ответствовал Лорк. – В сто раз сильнее пороха. Только с ним нужно быть очень осторожным. Если слепил – нужно сразу бросать. Подробностей не знаю, но взрывается он оттого, что слепленный кусочек распадается.

– А если шарик побольше закатать, с кулак люрта, к примеру? – поинтересовался я.

– Можешь себе представить, что тогда будет… – зловеще поглядел мне в глаза Лорк. – Но Алерадус не советует делать больше куриного яйца.

– Кстати, как там старик поживает? – я вспомнил об учтивости.

Мы переглянулись и поняли, что давно его не проведывали, и побежали в дом. В то же время раздался звон битого стекла.

Широкое окно в спальню было выбито с рамой. Громадный волк с пепельной шерстью скалился, рычал. Готов поспорить, эти острые как смерть зубы лишили жизни не одного мыслящего. В любую секунду он мог прыгнуть на любого из нас и с лёгкостью разодрать в клочья. При всём желании и умении мы не смогли бы с ним справиться. Он был размером с гигантского быка. Как назло, ни у кого из нас не было оружия. Кроме… Да, у Лорка на поясе взрывной порошок. Чего это он медлит? Наверное, не хочет задеть старика. Старика! Где он? Массивное тело зверя закрывает кровать. Неужели Алерадус погиб во сне от зубов этого бездушного убийцы? Хоть и говорят, что у них есть душа… я в это не верю. Разве может быть душа у такого чудовища?

Из-за спины волка вышел маг. Погладил жёсткую шерсть и обратился к зверю, словно человеку:

– Перестань, Бирюк, это друзья, – он повернулся к нам. – Всё хорошо, это мой старый друг. Очень старый друг… **УГРОЗА**… **ДРУГ**…

Так что, нас он не сожрёт? Словно гора с плеч! Хорошо, когда такое грозное существо на твоей стороне!

– Друзья, – немного поразмыслив, добавил маг, – мне нужно будет отправиться в Сар. Дорога предстоит тяжёлая и полная опасностей. Мне нужна будет охрана. Не хотите помочь старику? Я хорошо заплачу…

Глава 3: ***Дорога в Сар***

Крупнейший промышленный город – вот всё, что я знаю про Сар. До него дней десять пути, если повезёт. А нам, обычно, не везёт…

Хотя, начало путешествия прошло гладко. Без каких-либо преград мы преодолели Фермерские Угодья. Я даже видел парочку своих давних «товарищей» по спорам и дракам. Но они тут же отводили взгляд: видимо, реванша заполучить никто не желал. А как иначе, когда рядом с нами гордо перебирал лапами Бирюк с колдуном на спине? Если многим для устрашения и Брока хватало, то могу представить, как подавляюще на них действовал громадный волк с торчащими из пасти клыками длиной с палец. Я ликовал!

Алерадус предложил баснословное вознаграждение за помощь. Даже выплатил каждому задаток, которого, кстати, хватило бы нанять небольшую армию. А военные подразделения всегда имеют неоспоримое превосходство – численность.

Я всё терялся в догадках: зачем маг нанял нас в охрану? Да ещё и за такие деньги. Не уверен насчёт других, но я бы и бесплатно пошёл. Моя главная цель: как можно больше приключений. Такое разбрасывание золотом ещё можно оправдать – магические услуги Алерадус бесплатно не практиковал (за исключением некоторых случаев, когда просящий просто не мог ничего предложить).

Но вот зачем ему понадобились именно мы?

Заночевали на подходе к реке Западный Бур. У костра поочерёдно дежурили все, кроме мага и его волка. Волшебникам всегда необходимо больше отдыхать, чем простым людям. Их магические силы быстро иссякают, а чтобы их восстановить, необходим крепкий и долгий сон. Бирюк вполне бы мог подбрасывать своей пастью ветки в огонь, но мы боялись его об этом попросить. Волк спал без задних ног, скрутившись калачом вокруг своего хозяина (или друга, я так и не понял).

В первый же день я проникся уважением, и, чего душой кривить, восторженным трепетом к волчьему роду. Бирюк был не просто хищным зверем, способным разрывать добычу, как бумажную куклу, но он ещё был и верным другом, защитником, а главное – мыслящим существом. Его разговорная речь не отличалась множеством слов, и мы её совсем не понимали, но это была речь разумного существа. Рычание, визг, лай – не пустой набор звуков, а заряженные смыслом слова. Только Алерадус понимал их, но это ненадолго. Мне почему-то дико захотелось постигнуть язык волков.

Проблемы настигли нас с первыми лучами рассвета. Вместо желаемого моста через крутые пороги реки, мы обнаружили развалины. От оставшихся молчаливыми свидетелями разрушения мостовых столбов на береге уходили и тонули в бурном потоке обрывки канатов. От некоторых из них ещё не успели оторваться осколки досок, треплемые стремительным водным потоком.

До того берега не добраться. Вздумай мы переплыть или на плоту, или своими силами, всё равно исход один – гибель в неукротимой водной стихии.

Выхода нет, нужно идти вдоль береговой линии. На Север, в сторону города кротов Новый Бур. Кроты не со всеми чужеземцами приветливы, зато их город расположен под рекой. Зайдя в его ворота с одной стороны Западного

Бура, пройдя по торговому туннелю, можно выйти через ворота с другой. Если и был лучший способ пробраться на тот берег, то маг о нём и не догадывался.

Мы отправились в путь. Солнце палило безжалостно, от чего пот пропитывал одежды насквозь. Благо, Алерадус был опытным путешественником и распорядился взять с собой телегу, запряжённую верблюдом. В телеге мы хранили все вещи, начиная с продовольствия и кончая запасным оружием. Тащить на своих спинах нам ничего не приходилось.

Верблюд значил лишь одно: маг очень богат и хочет это показать другим. Верблюды в наших краях – дикая роскошь. Ну не возьму я в толк, зачем понадобилось привлекать к себе лишнее внимание.

Во время обеденного привала с нами случилась неприятность. Вернее, с Броком. Песчаная насыпь показалась ему прекрасным местом для отдыха. Он уселся на неё и начал снимать ботинки, как вдруг пустыня огласилась его громогласным криком. Что случилось?! Все, даже Бирюк, сбежались к люрту. Бедняга катался по полу и горланил. Я бы так и стоял пялясь на вопящего друга, если б Лорк не ткнул пальцем на насыпь. На жёлтом песочном фоне отчётливо виднелись тысячи мелких насекомых. Чёрные тельца с лапками, усиками и жвалами. Брок сел прямо на гнездо муравьёв тара. Каждый их укус всегда сопровождался болевым ощущением, похожим на укол иголкой. Железы в их жвалах вырабатывают яд: не смертельный в небольших количествах, но всегда болезненный. А в достаточном количестве могут и жизни лишить. Брока пожалили тысячи, если не сотни тысяч мелких свирепых тварей.

С нашей помощью он сбросил с себя одежду и начал стряхивать ручищами муравьёв. Мы помогали, не смотря на переползавших на нас насекомых. Хуже всего с волосами: в курчавых космах цвета соломы мелкие гады чувствовали себя как дома. Дошло до того, что Брок принялся лупить себя ладонями по голове. Должно быть, не самое приятное занятие. Но как тогда избавиться от них по-другому?

Нам пришлось отдыхать больше запланированного срока. Не скажу, что я был этому несказанно рад. Укусы у нас свербели, но это было ещё терпимо. А вот Брок чувствовал себя препаршиво: многочисленные укусы жгли тело, но самое страшное – отравляющий тело яд с тысячами укусов накопился достаточный, чтобы свалить с ног лошадь. Алерадус ушёл к холмам, приказав ждать. Вернулся, когда солнце начало прятаться за дюнами, уступая место первой луне. В руке он держал какие-то растения. Пережевав их вместе с водой, он выплюнул зеленоватую кашицу в рот дрожащего в лихорадке Брока. Маг нас уверил: с другом всё будет хорошо. А сейчас нужно разводить костёр, набираться сил и не падать духом. Завтра предстоит трудный путь.

Если трудный путь ещё только предстоит, то я даже не знаю…

Как и обещал Алерадус, Брок поправился к утру. Всё его тело покрывали красные бугры укусов размерами с медные полукопревые монеты. Выглядело это ужасающе, но лучше уж походить на живого бугристого урода, ничего не

вызывающего кроме отвращения, чем быть мёртвой жертвой насекомых, вызывающей сострадание…

К тому же, эти укусы сошли через какие-то там несколько дней. Признаюсь, всё это время на Брока я старался не глядеть…

Одежда люрта высохла ещё вчера (Кира смыла насекомых в реке). Своих муравьёв мы и так передавали, но одёжку нужно будет и нам постирать при случае. Пропотевшие вещи пахнут отнюдь не вытяжкой из божественных цветов.

Мы отправились в путь.

На подходе к Новому Буру встретился ополоумевший крот. Увидев нас, он принялся выкрикивать несвязные ругательства, проклятья и мольбы не ходить внутрь. Что он имел в виду, я понял уже потом. А тогда его слова значили не больше карканья пустынных птиц. Друзья тоже не обратили внимания на вопли сумасшедшего – у нас в Пашнях их пруд пруди. Не слушаться же выкриков каждого?

Интересно, Алерадус тоже не обратил внимания на слова крота? Или просто не подал виду, чтобы мы продолжили путь? Если он догадался, то уж очень это жестоко к нам с его стороны. Любой заслуживает право знать о том риске, на который идёт!

У берега стремительной реки возвышалась деревянная арка ворот. Ставни были распахнуты настежь и каменным туннелем обнажали вход в подземный город. Меня удивило, что на входе не было охраны. Хотя, кто этих кротов знает? Может быть, так и надо…

Вдоль стен висели керосиновые лампы, тусклым светом заливавшие тоннель. Пахло сыростью и гнилью. Было прохладно, но утеплиться надобности не возникло. Позади всех тянул нашу ношу верблюд. Стены здесь были достаточно широкими, чтобы с небольшим зазором могла пройти стандартная телега. Меня это немного удивило, так как через Новый Бур лежал важный торговый путь. Воображение тут же нарисовало громадную цепь запряжённых в груженые телеги лошадей, верблюдов, быков, медленно плетущихся друг за другом сквозь тесноту подземных проходов. И какое неудобство: можно двигаться только в одном направлении! Интересно, как они всё регулируют? Дни выставляют когда можно двигаться только с востока, а когда – с запада? Ладно, оставим это на головную боль городских властей.

Но всё же, караванщики предпочитали гонять грузы по твёрдым туннелям, чем по хлипким, шатающимся на ветру мостам (крупных, кстати, через Западный Бур было только два, один из них был разрушен, а ближайший – находился невдалеке от города Малый, что примерно в пяти изматывающих днях путешествия на север).

Городские кроты неприветливы с чужеземцами. Вот они и вырыли обходной путь параллельно своему обиталищу, чтобы никто их лишний раз не беспокоил. По бокам к основному проходу прилегали тоннели поменьше – пути в город.

Алерадус несколько раз бывал в этих местах и знал про них больше, чем мы вместе взятые. Он сообщил, что к городу ведут несколько тоннелей. Остальные, что мы видели – ловушки. Но не стоит переживать, маг все нужные туннели знает на пересчёт. Один из них, кстати, мы только что прошли. Ещё он сказал, что хорошо знает Главу города, так как тот неоднократно обращался к нему за магической помощью в лечении серьёзного недуга (нам название знать не обязательно, чтобы не испортилось настроение). Так что если возникнут какие-нибудь проблемы с местными, у нас в рукаве припрятан серьёзный козырь!

Разочарованию нашему не было предела: проход практически в самом конце был завален каменными глыбами. Брок попытался оттащить одну, но даже не смог сдвинуть. Может быть, это сказывалась слабость после отравления муравьиным ядом. Будь он полон сил, глыба бы сместилась с места, но ненамного…

Маг приказал всем разойтись, и в тот же миг из его руки вырвалась жирная как удав красная магическая молния, раскрошившая треть камня. Ещё несколько молний пустил он следом. Всё, старик вымотался, переоценил свои силы. Побледнев, он пошатнулся, но устоял на ногах. Вынул из сумки ярко-красный лист и пожевал, выплюнул. Бледность постепенно сошла. Нет, это была не совсем удачная идея.

Думаю, нам бы пришлось год ждать, пока так растим путь. Ведь после каждого использования магии Алерадусу нужно как следует поспать, чтобы использовать её вновь.

Вне сомнений, зубы Бирюка с лёгкостью справились с булыжником-другим. Но, взглянув в суровые глаза зверя (который, кажется, разгадал мои мысли) я промолчал.

Выход только один: повернуть назад и свернуть в первый правильный туннель, ведущий в город. Надеюсь, старческая память не перемешала их расположение… Мне очень не хотелось видеться с агрессивно настроенными кротами. Но что поделаешь?

Проблема возникла мгновенно! Нашу телегу нельзя развернуть – слишком узкие стены. Мы долго спорили над решением. Сир, к примеру, предложил запрячь верблюда задом наперёд и пусть тот катит телегу как тачку. Кич предложил не мучить бедное животное, а зажарить с целью набить свои желудки вкусной верблюжатинкой. После этих слов верблюд недовольно фыркнул. Интересно, это случайно получилось, или он действительно понял и не оценил шутку прима? Нет, глупости всё это. В разумного волка я ещё готов поверить, но только не в верблюда! Это двугорбое уродливое существо, десятый раз за день харкнувшее на мою спину, не способно мыслить и понимать наш язык. А вот Брок, как это ни странно, оказался прав, предложив разбить в щепки телегу и не морочить себе голову.

Алерадус поддержал идею люрта. Большую часть груза можно навьючить на горбы верблюда. Остальную, увы, придётся тащить каждому из нас. Если есть вещи, не представляющие особой необходимости, то от них нужно

избавиться. Но почему нужно ломать телегу? Зачем её нельзя взять с собой, толкая как тачку. Да она ведь попросту не пролезет в узкий тоннель, ведущий в подземный город.

Брок развалял пустую телегу несколькими ударами своего любимого тяжёлого цепа. Должно быть, он давно этого ждал…

Все кроты были низкого роста и не баловали себя высокими потолками. Благо, хоть шириной не поскупились! Нам пришлось идти то и дело пригибаясь, чтобы не задеть лбом какой-нибудь сталактит или масляный светильник. Хуже всего было верблюду. Бедняга просто лёг на пузо, а Бирюк, которому мягко сказать не просторно было, полз, таща его за уздечку. Двух с половиной метровый великан Брок полз на четвереньках. И, стоит заметить, путь был не из коротких. Кроты не любили шума, поэтому построили тоннель для караванов на значительном расстоянии от своих жилищ. Один поворот, второй, подъём, спуск и… тупик. Как и предыдущий, почти на самом выходе проход был завален камнями – через узенькую щель в валунах виднелись тусклые огни города.

Можно ли подобрать слова для описания той досады, которую испытала наша команда? Думаю, одной лишь реакции Алерадуса, топнувшего ногой и очень грязно ругнувшегося, будет достаточно понять, как мы расстроились. Что бы ни случалось, маг никогда не давал выхода своим эмоциям при посторонних. По крайней мере, до этого случая.

А ведь заверял же старикан, что помнит все туннели наизусть!

Ничего не поделаешь, пришлось поворачивать назад. Бирюк, каким-то чудом вывернулся и поменял расположение тела. Теперь в голове нашей сгорбленной колонны был он (если не считать несчастного верблюда, смирившегося с судьбой и тихо лежавшего на пузе). Волк толкал его головой в грудь.

Лютая злость сменилась тихим равнодушием. Завален выход – ну и ладно. Мы другой найдём! Если уж на то пошло, нам как раз за это и платят. А что мы хотели за такие деньги, на прогулку летнюю выйти?

А вот это уже совсем нехорошо. Верблюд брыкался и рычал от боли. Волк перестал его толкать. Что случилось? Неужели и тут завал? Колдун издал какие-то звуки, похожие на свист обезумевшего соловья, и верблюд смолк. Может быть действительно, стоило послушаться шутки Кича и прекратить мучения бедного животного? Заодно и верблюжатины покушать…

Кто-то играет с нами злые шутки. Тоннель завален с двух сторон. Мы в ловушке. Скоро кончится воздух. Верная гибель не за горами. Она стоит за тем завалом. Ждёт, пока мы ослабнем, а потом – нанесёт свой решающий удар. Некрасивая смерть. Не геройская. Я не так себе её представлял. Как же всё-таки хочется вырваться отсюда! Моё представление идеальной смерти – бездыханным лежать на поле битвы, а вокруг сотни поверженных моей рукой врагов… А здесь наши тела никто и не найдёт. Чувствую, что скоро запаникую, и не я один. Лорк, вон, весь трясётся от страха. Сразу видно, он жалеет, что пошёл с нами. Сир и Кира более менее спокойны. Но что

твориться у них внутри – только им и известно. Кич уже не откидывает шуточки, а молча сидит и разглядывает реликтовый кинжал. Может быть, он хочет перерезать им свои вены? Брок невозмутим. Видимо, он уверен, что нам суждено выйти отсюда живыми. Морды Бирюка я не вижу. Только хвост и задние лапы. Поэтому мне не понять: растерян он или нет. Алерадус что-то шепчет про себя. Обдумывает. Словно знает сотни путей выбраться и методично выбирает из них лучший. Я не разделяю его уверенности. Я вообще сейчас ничего не разделяю. Я хочу только одного – пережить этот кошмар…

– Лорк, – нарушил гнетущую тишину маг, от чего я нервно вздрогнул, – ты помнишь, как обращаться с взрывным порошком?

– Д-да, конечно п-помню, – ответил испуганный Лорк.

– Я хотел поберечь его для других нужд, но выхода нет, – Алерадус вынул из сумки рожок. – Держи. Слепи из всего бомбы размером с кулак и положи в разных местах завала. А ты, Кич, хорошо ведь стрелять умеешь?

– Умею… – кивнул Кич и любовно погладил рогатку, ремешком пристёгнутую к поясу.

– Когда Лорк всё сделает и уберётся оттуда, пульни по одному из взрывных шаров, – наставлял маг. – Только из-за поворота стреляй и сразу беги. Понятно?

– Понятно, – в один голос ответили воодушевлённые Кич и Лорк и тут же побежали выполнять приказания.

А ведь всё это время у старикана был взрывной порошок, Гирен бы его разодрал! Вот ведь гад, он только сейчас о нём вспомнил! Склерозный чудак…

Взрыв прогремел торжествующим, хоть и оглушающим, эхом по туннелю. Дорога в подземный город открыта!

Свобода!

Новый Бур находился в подземной пустоте. После депрессивного туннеля, узкие улицы показались нам вечными просторами. Дома были сделаны из камня. Дороги – из битой черепицы. Стоило поднять голову, и взгляду представали громадные арочные колонны, балками соединённые между собой, каменным остовом поддерживающие почву от обвала. Прямо по центру, с арки свисало что-то огромное и тускло светящееся. Я не знаю, сколько сил им стоило заставлять эту сферу сиять: здесь, под землёй, она отлично справлялась с обязанностями солнца. В подземном городе было светло как очень пасмурным днём на поверхности.

Пустынные улицы. Слишком пустынные…

Ради интереса, я заглянул в один из домов. Никого не было. Я заглянул в другой – то же самое. Почему-то в голове промелькнула пугающая мысль: «мы бредём сквозь город-призрак». Ни одной живой души нам не встретилось по дороге. Бирюк нервно забегал. Наверное, почувствовал что-то. Совсем не к добру это.

У меня нюх не такой острый как у волка, зато со зрением всё в порядке. Лучше бы тогда оно меня подвело…

Кроты. Беспорядочно лежат. Мертвы. Тела зверски изуродованы.

Лорка стошнило. Я не знаю, как сдержались остальные.

– Слушайте меня, ребята, и слушайте внимательно, – дрогнущим голосом позвал колдун, – моя магическая кровь мне подсказывает, что нам стоит поторапливаться. Сейчас нет времени для жалоб об усталости. Тебя Лорк, это в первую очередь касается. Как можно быстрее, все следуем за мной. От этого зависят наши жизни.

Алерадус вскарабкался на Бирюка. Волк побежал, но не во всю прыть – чтобы за ним успевали. Мы неслись через улицы, перекрёстки, сворачивали, оббегали причудливые строения, стараясь не наступать на мёртвые тела жителей Нового Бура…

Здесь была настоящая бойня!

Хоть мы и не остановились, чтобы как следует рассмотреть, всё же я уверен: посреди навала тел покоился механизм. Его верхняя часть полосовала тёмная трещина. В рабочее состояние он вряд ли вернётся. Могу поспорить на все деньги, которые обещал мне маг, что это такой же самый механический монстр, с которым мы сражались в Неизвестном Городе.

Я теперь знаю причину гибели всех этих кротов… Как бы эта причина не распространилась на нас. Ах, вот же она!

Впереди стоял механизм. Свистел паром и нацеливал на нас дуло. Мы бросились врассыпную. Даже верблюд сообразил ускакать за дом. Один за другим полетели снаряды, кроша всё вокруг. И как назло, маг истратил магические силы на боевые молнии ещё тогда, у завала камней!

Я затаился в одном из приземистых зданий. Благо, кроты в большинстве своём не пользовались дверьми, и в их дома можно было беспрепятственно проникнуть через входной проём. Следом вбежал Лорк. Глаза его были полны страха и отчаяния. Ещё бы, он ведь не сталкивался с этой штуковиной раньше. А помнится, как он обижался, что не пошёл с нами. Должно быть, сейчас он с радостью готов забрать те слова назад.

Я сидел под окном, выходящим на сторону, где бушевал железный монстр. Лорк пытался залезть под кровать, но та была слишком низкая для его упитанного тела. Поэтому он просто лёг рядом, сцепив пальцы на затылке. Я попытался его позвать, но безрезультатно. Видимо, кровь слишком сильно хлыстала по его вискам, заглушая всё вокруг. Такое бывает, когда напуган – сам знаю.

Оставив попытки до него достучаться, я прокрутил в голове все варианты спасительных действий. Лучше всего, конечно, убежать. Но оставить в беде товарищей – самый худший поступок на свете! Можно, нет – нужно уничтожить механизм! Прямая схватка грозит неминуемой гибелью – нужно держать расстояние. Резко атаковать и тут же прятаться, чтобы не попасть под смертоносную лапу. Про ствол, извергающий смертоносные снаряды забывать тоже нельзя. Стоит нападать на монстра с тыла. Страшные лапы могут стать его слабым местом.

Я выглянул из окна. Зря! Хорошо, что хватило мозгов отпрыгнуть в угол. Несколько мгновений, и под окном разлетелись осколки камней, обнажив

пугающих размеров дыру. Один камень угодил Лорку в бок. Сын конюха застонал от боли. В то же мгновение, я услышал боевой вой волка. Позабыв про страх, я высунул голову из укрытия и увидел обнадёживающее зрелище.

Бирюк налетел на механизм, как Смертельное Цунами на Заброшенные Острова, когда на их территории ещё стояли поселения мыслящих. Волк сбил ходячую железяку на землю и вцепился зубами в заднюю конечность. Металлический монстр яро оборонялся другими лапами. Но, по сравнению с неуловимым как ветер волком, его движения были неуклюжи и неточны. Бирюк с лёгкостью уходил от ударов, успевая контратаковать, нанося урон острыми как бритва и твёрдыми как алмаз зубами.

Лежа на спине, механизм не мог прицелиться из пушки. Уловив подходящий момент, он перевернулся на брюхо двумя освободившимися конечностями. Волк тут же скрылся за домом, стоило первому снаряду задел вздыбленную шерсть на холке.

Обездвиженный механический монстр взбесился. Башня его пушки быстро крутилась, посылая во все стороны смертоносные снаряды. Скорей бы они у него кончились!

Я оглянулся и увидел, как Лорк потирал ладони, а потом подскочил к окну и метнул бомбу. Молодчага и хитрец Лорк! Он оставил себе щепотку взрывного порошка – на всякий случай. Вот случай и не заставил себя ждать.

Раскатный взрыв прекратил существование чудовищной паровой машины смерти.

Времени ликовать не было: нужно убираться отсюда, и как можно быстрее! На шум могут приползти другие чудовища. И что-то мне подсказывает – не только механические…

Мы бежали. Собрав остатки сил. Преодолевая свой страх. Нас преследовали. Что-то грохотало, гремело, трещало за спиной. Но я не оборачивался. Не было времени оборачиваться. Испуг сковал мне шею, и голова смотрела только вперёд. Туда, где спасение.

Когда ворота в Новый Бур были уже далеко позади, мы выбились из сил. Отдышались, сбросив с плеч ледяные путы страха. Нехотя, уверенность возвращалась к нам. Вскоре пережитый ужас и страх неминуемой смерти казались нам чем-то далёким и нереальным. Как всё-таки легко мыслящий забывает о таких вещах…

Великий Мастук к нам сегодня благосклонен! Но его благосклонность обманчива – не нужно об этом забывать.

Механизм, с которым пришлось столкнуться был похож на прошлый, но у него не торчала из спины труба. Именно погнув её, мы смогли уничтожить первого. Значит, они ещё и совершенствуются (или их кто-то совершенствует)… Просто прекрасно!

Дальше идти не было сил.

Вечерело, костёр поджаривал ужин, а мы всё делились друг с другом впечатлениями о Новом Буре. Всем жаль его жителей – безжалостные механизмы никого не щадили. Пустой город, наполненный негодующими

душами вырезанных жителей. Как вспомню, что нам пришлось в нём пережить, так дикий ужас и панический страх захлёстывают с невыносимой силой.

Мы хвалили Бирюка. Алерадус гладил его шерсть и посыпал целебными травами место, где она обгорела от снаряда. Мне чудовищно хотелось тоже погладить зверя. Я был у него в долгу. Мы все были. Но не поэтому я хотел. Я желал быть его другом.

Его хозяином...

Я восхищался Бирюком. Чувствовал в нём дикую, необузданную мощь, уживающуюся с добротой и привязанностью. Эти две абсолютно противоположные стороны сосуществовали в постоянной вражде. А может, в согласии? Не знаю… Трудно что-либо утверждать. В одно мгновение он был ласковым щенком, позволяющим гладить себя, трепать за уши. В другое – становился чудовищным монстром, оружием смерти, на пути которого мало ли кто захочет оказаться. Должно быть, это и вызывало во мне столь бурное восхищение.

Лорка мы хвалили не меньше: он прошёл крещение боем! В следующий раз без него в путешествие не пойдём.

Утро я встретил в дежурстве у костра. Солнце прятали серые облака. Дул пыльный ветер, срывая с редких деревьев разноцветную листву. Как бы не пошёл дождь. Его-то нам и не хватало.

Отправляясь в руины Неизвестного города, мы специально не брали лошадей. Чтобы прочувствовать каждым шагом романтику пешего путешествия. Но это подтолкнуло нас лишь на непоколебимый вывод: на своих двоих путешествовать можно только в самом крайнем случае. Но когда мы собирались в этот путь, Алерадус наотрез отказался брать лошадей. «Идти нужно только пешком!» – так он рявкнул, что мечом отрезал. Ему хорошо рассуждать, большую часть пути проводя на мощной спине Бирюка. Вообще, маги – более чем странный народ. Не поймёшь тут: издевается он над нами или во всём этом действительно есть какой-то глубокий умысел? Если и есть – ни я, ни мои друзья его разглядеть не могут, как бы ни старались.

Но даже табун отличных скакунов не смог бы нас спасти от надвинувшейся грозы. Намокнуть я никогда не боялся. Тем более, взял с собой кожаную накидку. Я просто не мог понять, почему колдун так встревожился и затвердил о нужде найти укрытие. Его тревога передалась нам (мне-то уж точно) и всецело поглотила, когда в нескольких метрах молния спалила высохшее дерево. Пока нашли вход в пещеру, молния ещё несколько раз ударяла совсем вблизи от нас. Скажу честно, на голове волосы ещё долго дыбом стояли.

Зайдя внутрь пещеры, маг упал без сил. Думаю, всё это время он вызывал какое-нибудь защитное заклинание. Отгонял молнии, что ли?

Внутри пещеры было влажно и пахло плесенью, со сталактитов срывались воняющие болотом капли. Повисшие на потолке летучие мыши

оптимизма не добавляли. Но на улице было намного хуже. Стихия всё не унималась, и я был рад, что нашлось укрытие.

Пещера оказалась небольшой – бычная пустота в маленькой скале. Без каких-либо прилегающих туннелей, из которых могут полезть монстры. Мечта любого путника, загнанного опасной непогодой.

Я заметил, что Кич с интересом поглядывает на спящих летучих мышей. Как бы этот интерес только интересом и остался. Я слышал, эти твари сосут кровь.

Сир прилёг отдохнуть, стянув с себя промокшую одежду и закутавшись в шкуры. Брок последовал его примеру. Лорк принялся разводить костёр. Кира помогала ему. Бирюк лёг рядом с обессиленным Алерадусом.

Кич подсел ко мне и заговорил о каких-то нелепостях. Разговор не клеился. Я нехотя отбивался от его словесного натиска короткими кивками и обрывками фраз. А он всё говорил, шутил, иногда даже льстил мне. Вот оно что! Он хотел подружиться.

С самого начала, я был против того, чтобы Кич путешествовал с нами. Хотел взять Лорка, но Брок был категорически против. Сын конюха, по его словам, ещё слишком молод и неопытен. Рапирой он в стенах дома махать умеет. Но что будет, окажись он в настоящем бою? А Кич – как раз то, что нам нужно. Быстрый, меткий, целеустремлённый. Шумный, не без этого. Но команде всё равно нужен кто-нибудь ловкий и вёрткий. Лучше прима и не найти. Конечно, Брок объяснял всё это гораздо проще, с использованием только нескольких слов, но смысл оставался тем же. Кира поддерживала его. Сир, как ни странно, соблюдал нейтралитет.

Я никогда не был против Кича. По крайней мере, до того момента, как он пошёл с нами. Вышло так, как я не планировал, и досада от этого переросла в нелюбовь. Эта нелюбовь улетучилась к концу нашего приключения в Неизвестном Городе – Кич доказал, что способен быть в нашей команде. Но другом он мне не стал – прим решил это исправить.

Я почти не вслушивался в его речи. Другой бы махнул на меня рукой и прекратил разговор. Но только не Кич! Он не обращал внимания ни на мой кислый, скучающий вид, ни на мои редкие, грубоватые ответы. Натиск его слов, в конце концов, прорвал мою оборону. Должен признать, в историю прима я вслушался не без интереса:

«...жили в лесах. Они охотились, занимались собирательством, обрабатывали земли, пасли скот. Их дома высились на деревьях. Их можно было полноправно считать главенствующим видом леса. Да, были существа во много раз сильнее, свирепей, быстрее. Но уровень организации у примов был самым высоким. Поодиночке они не могли справиться со слопром или волком, но именно умение объединяться в многочисленные группы сделало их грозной, непобедимой силой. Даже самый свирепый хищник хорошенько думал (если умел думать), перед тем как заходить на их территорию.

Но не стоит впадать в ложную убеждённость, что они были высокоорганизованным стадом зверей. Может быть, в технике примам до

человека и было далеко. Зато их уровню лечебных знаний мог позавидовать каждый. Именно лекари-примы нашли смесь трав, способную излечить смертельную лихорадку. А из преданий прекрасно известно как эта зараза косила целые народы…

Среди древних примов были и великие колдуны. Именно они стали родоначальниками таких магических учений как «заговор зверя» и «сила земли». А про достижения в охотничьем ремесле и говорить не приходится. Любой знает, что примы первыми приручили хищных птиц для ловли добычи. Ловушки, приманки – в этом мои сородичи не знали себе равных.

Единственное, чего не хватало, так это почитания богов. Примы чувствовали себя хозяевами своих территорий. Следовательно – хозяевами всего. Они не признавали ни одного из божеств. И долгое время успешно отбивались от их прихвостней. Потусторонние чудища врывались в обиталища, неся гнев и ярость рассерженных богов, но умелые охотники и воины примы всегда находили способ защититься.

Был один бог, стоявший на стороне этих гордых и самоуверенных существ. Спайкниф – покровитель оружия. Он с радостью присутствовал при стычках примов с монстрами, пил и пьянел от агрессивной силы, высвобождавшейся в разгаре сражений. Иногда он даже помогал своим любимцам. То оружие под ноги приму кинет, то монстра замедлит.

Примы знали вмешательстве, но уж очень просто принимали дары Спайкнифа и не давали ничего взамен. В принципе, бога это устраивало. Так бы продолжалось и по сей день, если б один воинственный прим, сражаясь с плюющимся огнём чудищем, не оттолкнул ногой подаренный Спайкнифом клинок. Воин тогда победил, но весь род древних примов проиграл…

Оскорблённый, Спайкниф высвободил всю накопившуюся в нём ярость на бывших любимцев. Огненные глыбы падали с небес, кроша, паля, разрушая всё вокруг. Великий Пожар уничтожил все Западные Леса. Со временем, закрывший солнце пепел осел, застелив всё вокруг чёрным бесплодным ковром. Так появились Выжженные Земли.

Очень немногие уцелели. Лишённые дома, они разбрелись по всему материку в поисках пристанища. Поселились в различных городах. Говорят, что некоторые из них осели в Великом Лесу, но с тех пор никто не видел их там. Хотя, неудивительно – из Великого мало кто возвращается.»

Кич продолжал рассказывать. Про то, как первый прим добился места в Сенате Западной Картурии. Как страдавшие в Сарбонии от расизма примы подняли мятеж, навсегда изменивший историю страны…

Было интересно, но от столь стремительного наплыва слов моя голова начала попросту болеть. Я перебил Кича вопросом про что-то неважное. Он ответил, и дальше разговор пошёл о более приземлённых вещах. Сколько женщин было, какое вино любим, какие азартные игры предпочитаем. В разговор с радостью встряли Лорк с Кирой, всё это время молча слушавшие речи прима.

Зелёные ветки шипели и пузырились соком в костре, а в желудке уже давно сосало от голода. Самое время зажарить мясо.

Я подошёл к верблюду, спящему невдалеке от выхода. Его мокрая песочная шерсть липла к телу. Привязанные к горбам мешки покачивались в такт дыханию. Когда я доставал разделанную тушку кролика, верблюд открыл один глаз и посмотрел на меня. Показалось, что на меня смотрит хищный зверь: вертикальный жёлтый зрачок и налитые кровью белки глаз. Но это только показалось. Всего лишь тупой взгляд потревоженного травоядного. Ни злобы, ни хищного блеска. Одно только безразличие.

Крольчатина поджаривалась на костре, разбавляя затхлость пещеры приятным запахом пищи. Стоило только поднести мясо к огню, как за спиной я услышал шорох: Брок проснулся. На моей памяти нет ни одного случая, когда он пропускал еду. Первого приготовленного кролика я отдал ему. Знаю, что по-другому поступить просто не мог. Когда люрт хочет есть, его лучше не расстраивать. Нам (в том числе и вовремя проснувшемуся Сиру) достались два остальных кролика.

Алерадус не просыпался. Для него на дне мешка лежала последняя тушка.

Про Бирюка думать не приходилось: он ел раза три в неделю и всегда что-нибудь живое. Его силы подпитывало не так мясо, как предсмертный страх пойманной жертвы.

Мягкое мясо с лёгкостью отходило от костей. Поджаренная корочка хрустела на зубах. Жир тёк по рукам и подбородку. Чем-чем, а отсутствием аппетита никто из нас не мог похвастаться.

Блаженное чувство набитого под завязку желудка. Все проблемы куда-то улетучиваются, оставляя тебя с самим собой: довольным и полным готовности к новым подвигам.

После хорошего обеда не грех и вздремнуть!

Что-то размытое, бесформенное. Оно говорит со мной. Нет, я говорю с ним. А оно вибрирует, расширяется, обволакивает меня. И молчит. Мне должно быть страшно. Но я не боюсь. Внутренний голос говорит мне: тебе не стоит сопротивляться. Тебе нужно принять. Может, это оно мне говорит? А я всё спрашиваю и не получаю ответы. Что со мной? Меня медленно засасывает, поглощает переливающаяся всеми цветами масса. И говорит. Да, она говорит со мной. Она говорит, чтобы я принял подарок. Она говорит, что другого выбора нет. Она хочет от меня того, чего я не могу ей дать. И всё затягивает, залепляет глаза, затекает в рот и нос. Я не могу сопротивляться. Никогда не мог. Я нужен ему, этому странному расплывчатому существу. Меня несёт стремительный поток. Закручивает, переворачивает, выбрасывает наружу и вновь поглощает. Разбивает на мелкие кусочки и соединяет воедино. Но, кажется, соединяет как-то не так. Словно, к моим частичкам прилипли другие. Я теперь никогда не буду тем, кем был прежде… Летучая мышь?

Отовсюду доносились возня и писк. Я открыл глаза и прямо перед лицом увидел маленькое крылатое тельце. Моя рука не заставила себя ждать и схватила паршивку. Летучая мышь истерично забилась, пуская в ход острые

когти и резцовые зубы. Кулак сам сжался, оборвав сопротивление животного. Я отбросил в сторону окровавленную тушку, вытер руку о штанину и, перебарывая свой страх, огляделся по сторонам. Пещера кишела взбудораженными летучими мышами. Кич метко отстреливал их из рогатки. Сир размахивал палкой, почти с каждым махом сбивая вредителя. Кира с криками выдирала из всклокоченных волос мелких кровососов. Брок размахивал кулаками и грязно ругался: летучие мыши были быстрей и почти всё время ускользали из-под его яростных ударов. Лорк виртуозно размахивал рапирой, рубя напополам мягкие тельца врагов. Бирюк не отходил от спящего Алерадуса. Его челюсть только и успевала смыкаться в стремительно надвигавшихся роях вредителей. Я достал из ножен свои короткие мечи и, издав боевой кличь (хотя вышло что-то вроде приглушённого вопля отчаяния), принялся повергать ими противников. Бой был неравным – летучих мышей слишком много. Казалось, что на место одного убитого прилетало пять новых. Они вылетали из трещины в полу и стенах. Странно, раньше, осмотрев всю пещеру, я никаких трещин не обнаружил. У выхода виднелся освещаемый лунами силуэт верблюда. Трусливое животное! Хотя, нам не помешало последовать его примеру. Бирюк додумался до этого ещё раньше меня, так как он уже направлялся к выходу, неся мага за ворот плаща. Я схватил первую попавшуюся под руку овечью шкуру и устремился за ним. Остальные не отставали.

Облако кровососов преследовало нас. Лунный свет мелькал на быстрых тёмных телах. Я махал мечами перед собой, но неэффективно. В голову начали пробираться нехорошие мысли. Погибнуть от этих мелких вредителей? Нет ничего позорней…

Ночь разорвалась голубыми трещинами. Сотни обугленных телец попадали на землю. Из поднятых рук Алерадуса вырывались красные магические молнии, тысячами тонких нитей растекающиеся по рою летучих мышей. Зловещий красный свет освещал лицо мага. Мы никогда ещё не видели его таким измученным: казалось, что в бороздах морщин скопилась вся усталость и тяжесть прошедших веков. Если бы кто-то попросил меня представить лицо Дряхлеющей Старости, то лучшего, чем лицо Алерадуса в тот момент, я бы не подобрал.

Только последний кровосос упал на землю, ноги колдуна подкосились, и он потерял сознание.

Буря кончилась ещё когда я спал, и это радовало, но не могло радовать то, что большинство вещей мы забыли в пещере. Дул пробирающий до костей ледяной ветер. Мы разожгли костёр и поочерёдно укрывались спасённой мною шкурой. На эту ночь Бирюку пришлось позабыть о своём горделивом нраве и позволить нам прижиматься к его шерсти, словно сонным щенятам к боку заботливой матери. Кстати, когда я прижался к нему, то почувствовал что-то мягкое, шершавое и тёплое. Это была летучая мышь, зарывшаяся в его шерсти и сосущая кровь! Эти твари могут так месяцами кормиться, и ты ничего не почувствуешь!

На теле волка мы нашли ещё шесть кровососов. На верблюде, как это ни странно, ни одной. Кстати, верблюда мы усадили рядом с Бирюком в качестве дополнительной грелки – он долго сопротивлялся, но потом, как и волк, смирился.

Чтобы не замёрзнуть, нужно не спать, но лично для меня это не проблема. Днём я хорошо отдохнул и был полон сил, которые не до конца успел истратить на бой с обитателями пещеры.

Я обратился к Бирюку. Он понимал человеческий язык, но отвечать мог только на своём. Волк прорычал в ответ. Мне показалось, что эту интонацию я слышал в его разговоре с магом. Кажется, она означала «оставь меня в покое». Я спросил, правильно ли догадался о значении его слов, и зверь утвердительно кивнул. Потом я спросил, как на волчьем языке будет «давай подружимся»? Он жалобно проскулил в ответ. Так продолжалось до самого утра.

Я учился волчьему языку.

С восходом солнца пришёл и голод. Последняя тушка кролика его утоление нам предложить не могла. Да и, в конце концов, она предназначалась Алерадусу. Решили пойти на охоту. По отдельности у нас больше шансов что-нибудь поймать. С не приходящим в сознание магом остался Бирюк. Ну, и верблюд, разумеется (ох, не люблю я его тупую, харкающую липкой слюной морду).

Пустынная местность не была такой уж и пустынной – стоило только хорошо смотреть. Чем дальше я заходил, тем живее была растительность. Встречались мелкие деревья, кустарники, трава. Невдалеке проползла змея. Гнаться за ней не стал. Не люблю змеиное мясо: сильно твёрдое и, на мой взгляд, невкусное (это если не вспоминать о поносе, который оно у меня вызвало в прошлый раз). Не понимаю, что в нём Сир находит?

В руках у меня был охотничий лук. Наспинные ножны с двумя мечами в них взять не отказался. Они, конечно, мешали, так как за спиной был ещё и колчан со стрелами. Но с этими клинками близ сердца мне всегда спокойней.

Вообще-то, я стрелок так себе. Больше люблю ближний бой. Рукопашная, двуручный бой короткими мечами, одним мечом с шитом или без – моя стихия. Для лука у меня не хватает терпения, как сказал мой великий учитель. Он ещё что-то говорил про лень и нежелание овладеть этим оружием. Мол, научился мечом махать – и уже море по колено. Да, он был, как всегда, прав. Но к чему душа лежала, тому я и учился. Луком овладел на среднем уровне и дальше не стал развивать. Ведь на всё нужно время. Я предпочёл совершенствоваться в ближнем бою.

Наконец-то пришёл момент, когда я пожалел, что плохо стреляю. Выпущенная мной стрела просвистела над спиной удиравшего кабанчика. Полугодка, если не меньше. Где-нибудь должны быть и другие. Может повезёт, и я наткнусь на целый выводок? Главное, чтобы их мама с папой были где-нибудь далеко.

На странном кусте краснели круглые ягоды: размером с горошину, не больше. Попробовать или нет? Вдруг ядовитое? А если наоборот? Есть ведь

хочется по-звериному… Уже солнце в зените, а во рту и маковой росинки не было. Ничего ведь не произойдёт, если я возьму одну? Тёрпкий, сладковатый вкус. Подождал немного времени, не умер, голова не закружилась, желудок не свело, значит – есть можно! Вволю наевшись ягод, я собрал остатки в сумку. Теперь-то хоть оскомину сбил!

Что-то зашуршало в траве. Суслик! Пустил стрелу, но мимо. Зверёк-счастливчик скрылся в одной из своих нор, да поразят его Проклятья Гирена!

Солнце приближалось к горизонту, когда я узрел громадного кабана! Из него бы вышло знатное кушанье. Сомнений нет, это папаша удравшего от меня поросёнка. Ну, или старший брат. Мне бы лучше уйти куда подальше, так нет – стрела уже летела в зверя. Какая удача! Я попал в цель! Удача? Почему тогда кабан несётся на меня?! Из его спины торчит оперённый хвост стрелы. Я только и успел отпрыгнуть в сторону. Клык зверя задел ногу. Ещё раз так отпрыгнуть уже я не смогу. Достал мечи. Острые клыки вонзились в колчан – кабан нападал со спины. Круговым махом я приземлил лезвие на зверя. Тот не отступил, а только сильнее стал напирать. Копыта били по икрам, клыки сквозь колчан рвали кожу на спине. Что было сил, я обрушил рубящие удары на зверя. Гад злобно хрюкал и вертелся, но несколько фатальных ударов достигли своей цели. Кабан грозно визжал, брыкался и наносил мне рану за раной. А потом отступил, издал жалобный визг и повалился на брюхо. Зверь жадно глотало воздух своими круглыми ноздрями на рыле, когда я нанёс исполненный гнева и ненависти удар в сонную артерию.

Готов, зараза!

Спина была в ранах, но не глубоких. Больше всего меня беспокоила нога. Клык глубоко распорол мышцу. Изорвав сорочку на перевязку, я попытался тащить тушу кабана – сильно тяжёлая, а моё тело страшно болит. От чудовищной боли в ноге идти с каждым шагом становилось всё невыносимей. Но не из-за этого я потерял сознание: мне дико скрутило живот. Красные ягоды!

Не следовало их есть…

Я был в полной отключке. Кич потом рассказывал, что меня нашёл Бирюк и поволок вместе с тушей кабана к остальным. Алерадус долго отчитывал меня, ведь ягоды, которые я съел – ягоды карпивника. Это самый что ни на есть настоящий медленный яд. Обычно, их используют в магических целях. Одна такая ягода может открыть врата к прозрению, но большое их количество способно навсегда захлопнуть створки врат жизни. Мне очень повезло, что волк так быстро нашёл меня. Не случись этого, я бы не слушал этих речей. Без сознания я пролежал четыре дня.

За это время товарищи добыли не только пищу, но и шкуры, без которых путешествовать бессмысленно.

Алерадус – лучший лекарь, с которым мне приходилось познакомиться! Когда я очнулся, то не ощутил боли в ранах. Друзья тут же обступили. Видно, что они рады моему пробуждению, а вот моя радость вскоре угасла. Я не

видел Брока. На мой вопросительный взгляд все опустили глаза. Маг взял на себя удар и сообщил, что люрт не вернулся с охоты. Они искали его и меня. Меня им посчастливилось найти. Брока – нет…

Мне бы не хотелось вспоминать чувства, захлестнувшие в тот момент. Слишком больно и тяжело… Лучше бы Бирюк нашёл Брока…

Не смотря ни на что, мы отправились в путь.

Спустя два ничем не примечательных дня, наша компания приблизилась к распахнутым металлическим воротам. Сар! Бывшая столица Сарбонии встретила нас презрительными взглядами вооружённых алебардами охранников. Но на пути никто не стал. Гигантский город всегда был открыт для непрошенных гостей.

Глава 4: ***Старый Рин***

Жёлтая шерсть зверька блестела в лучах обеденного солнца, быстрые лапы оставляли на песке неровные следы. Невдалеке кричали падальщики, клюющие полуразложившееся тело змеи.

Брок гнался за зайцем.

Жара пробирала насквозь – люрт никогда не любил длительных пробежек. Его одежда взмокла от пота и липла к телу. Появилась отдышка, но Брок не прекращал погоню, крепкими пальцами сжимая камень. Главное – подбежать поближе, чтобы можно было метнуть.

Заяц стремительно отдалялся: вскоре его пушистое тельце спряталось за очередной дюной. Бежать за ним или махнуть рукой? Нет, Брок не из тех, кто останавливается перед трудностями!

За дюной поджидал сюрприз. Коренастый прим в кожаной броне держал за задние лапы бьющегося в страхе зайца. Позади него находилась дюжина не внушающих доверие мыслящих: Трое людей, двое люртов, один драг, остальные – примы. Все они, кроме драга, были одеты в лёгкую броню. На драге раздувался ветром серый плащ – такие носят боевые маги-фанатики. Чуть дальше стояли телеги и пустые клетки на колёсах. В их тени пытались укрыться от солнца привязанные быки и лошади.

– Везёт же нам, ребята, – сказал прим. Его броня блестела серебряными и золотыми вставками. – Только вышли на промысел, а добыча в руки сама лезет!

В ответ ему раздался громкий хохот, а вот Броку было не до смеха. Эти парни сюда явно не на зайцев пришли охотиться… Люрт выбросил камень и занёс ладонь на уровень рукояти тяжёлого цепа. Глаза его ловили насмешливый взгляд прима. Сомнений нет, придётся вступить в сражение.

– Ты чего нервный такой? – спросил прим и тут же, не отводя пронизывающих серых пятен глаз от Брока, скрутил шею зверьку нижней парой рук, верхние руки он держал скрещенными на груди.

– Я покойный, – буркнул взведённый, как пружина, Брок.

– Понимаю, тяжёлый день, добыча ускользнула и всё такое… – не отводя подавляющего взгляда с собеседника, прим кинул тушку зайца за спину. Лысый темнокожий человек с уродливым шрамом вдоль шеи поймал тушку и сунул лапкой за пояс.

– Да ты не бойся! – улыбнулся прим. – Мы охотники. Вреда тебе не сделаем.

Брок покосился на клетки. В них можно целого слопра запихнуть, но в этих местах крупнее пустынного кабана никого особо и не встретишь…

– Да не смотри ты так на клетки! – лицо прима сделалось добродушным и поневоле располагало к себе, хотя сверкающий хищный взгляд не давал полностью расслабиться. – Мы охотимся на редких существ. Ну, ты знаешь… Говорили, в этих местах водится парочка таких.

Прим медленно приближался, его лицо светилось добротой и отсутствием злых помыслов. Даже взгляд сделался как-то мягче, светлее. Для большей убедительности, он положил на пол оружие и развёл все четыре руки, что было высшей мерой дружелюбия. Броку даже стало немного совестно, что принял этих честных охотников за разбойников.

– Ничего, дружище, не расстраивайся, – прим похлопал люрта по пояснице (выше не позволял рост). – В пустыне редко попадаются добропорядочные встречные, вот и подозреваешь всех подряд.

Брок что-то буркнул в ответ.

– Слушай, мы как раз собирались пообедать, – глаза прима сверкнули, – не составишь нам компанию?

– Можно, – кивнул голодный, что дикий зверь, Брок.

– Вот и прекрасно, – хлопнул верхними ладошами прим. – Тебя как зовут?

– Брок, – признался Брок. Его настороженность постепенно спадала на нет, вытесняясь доверием и дружелюбностью к этому замечательному приму.

– А меня Красп, командир этих доблестных охотников, – прим обвёл взглядом товарищей. – Друзья, поприветствуйте нашего нового друга!

Охотники весело загалдели, пожимали по очереди Броку руки и хлопали по спине, пригласили к обеду.

Пока на костре жарилось мясо, новые друзья Брока рассказывали разные истории о своих приключениях. Страшно опасные случаи ловли потусторонних существ. Иногда правда, не совсем правдоподобные… Но кто этим не грешил в кругу хорошей компании? Предлагали Броку выпить вина, но он решил дождаться еды. Без неё, как правило, он вино не пьёт. Настаивать никто не стал.

Больше всего Броку запомнилась история, поведанная Краспом. Прим с товарищами охотился в чащах Кривого Леса. Его привлёк шелест в покрытых колючками кустах. Спутники не сочли нужным остановиться – Красп решил, что догонит, и пошёл на шелест. Принялся всматриваться в полутёмную гущу – ничего необычного – всмотрелся ещё, а потом ощутил, как тело начало резко неметь. Конечностями невозможно было пошевелить – даже кончиком пальца!

Из кустов на прима глядели переливающиеся всеми оттенками красного глаза. Гипнотический взгляд – самое худшее, что может охотник себе только представить! Монстры, обладающие таким умением, способны парализовать жертву за считанные секунды. Самое страшное, что она остаётся в сознании – чудовище может медленно пожирать понимающую всё жертву…

Краспа спас случай. Сорвавшаяся с ветвей шишка угодила прямо по голове, повалив его на землю. Шишка была не самой большой, что встречаются в некоторых лесах Главного Материка, в противном случае – череп треснул бы как орех. Взгляд оторвался от чудовищных глаз и контроль над телом возобновился так же быстро, как и оборвался. Охотник побежал прочь. Видимо, чудовище не сочло его хорошим завтраком, так как преследовать не пустилось.

К концу этой истории, мясо поджарилось, и собеседники принялись с завидным аппетитом его поедать. Брок наелся, хорошо выпил вина и наконец-то вспомнил про своих друзей, ждущих его возвращения с добычей.

– Мы и друзья здесь искали еды, – заговорил раскрасневшийся Брок. – Если есть лишняя, Алерадус купит. Он всегда хорошо платит. Или я куплю.

– Алерадус? – спросил лысый человек с уродливым шрамом на шее.

– Да, магический старик, – легкомысленно выложил Брок, – купил нас для охраны.

– У него много денег? – допытывался чернокожий охотник.

– Купил нас за очень много, – удивляясь своей болтливости, говорил Брок. – У него есть ещё!

Больше Брок не мог распознавать слова. Всё смешалось в единый пронзительный гул. Взгляд мутнел, подступала тошнота. Размытые силуэты двоились, темнели, пока не слились в единую чёрную массу. Сознание отключилось. Вино…

– Отец, я не такой как ты, – ревел молодой люрт. – За что боги наказывают меня?

– Брок, сынок, не говори так, – ответствовал Сеф. – Боги наградили нас с твоей матерью.

– Я не понимаю, – громадные выпуклые глаза Брока вопросительно глядели на приёмного отца.

– Великий Гирен увидел наши страдания и решил вмешаться, – отец встал на цыпочки, чтобы погладить по голове сына. – Он позволил взять тебя и воспитать как человека.

– Я не твой сын? – слёзы вновь подступали к громадным коричневым, как пережаренные кофейные зёрна, глазам.

– Сынок, ты всегда был и останешься моим сыном, – Сеф отвёл взгляд и принялся тереть глаза.

– Но я не такой, не такой, – всё твердил Брок.

– Я понимаю, как тебе сейчас тяжело, – вздохнул Сеф. – Ты люрт, я человек, твоя мама тоже человек… Но ты наш сын! Мы приняли тебя из щедрых рук Гирена, значит – ты наш. Он так захотел…

– Великий Гирен добрый? – удивился Брок.

– Не со всеми, – Сеф пощёлкал пальцем, словно пытаясь найти подходящие слова: – Понимаешь, он очень суровый бог, требовательный и часто недовольный. Только кровь принесенных в жертву детёнышей способна удовлетворить его.

– Почему он захотел вас моими родителями? – ещё больше удивился Брок.

– То, что он жестокий, не означает, что несправедливый, – говорил Сеф. – Я никогда не поклонялся ему до этого. Да и сейчас не приношу жертв, хотя верю в его могущество. Но боги – странные существа. Они всегда поступают наперекор нашей логике.

– Дрим говорит: мне ты не отец, – упрямился Брок.

– Твой друг не знает, о чём говорит! – гневно хлопнул по стене кулаком Сеф. – Не слушай его!

– Я побью Дрима, – пришёл к логическому выводу Брок.

– Не надо, – как это обычно бывало, гнев Сефа быстро сменился хладнокровием: – Просто не слушай его, и всё. Главное, чтобы для себя ты точно знал, верил. И тогда всё что будут говорить другие – лишь пустые слова. Ты веришь, что я твой отец?

– Ты отец, – прошептал Брок. – Я не хочу по-другому.

Сеф обнял сына. По щекам обоих текли слёзы.

Это был последний раз, когда Брок виделся со своим отцом. В тот же день, Сеф отправился с караваном в Карт. Прошло двенадцать лет, а домой он так и не вернулся…

Брок проснулся. Зверски болела голова, тошнотный комок подбирался к горлу.

Стальные прутья клетки! Люрт был заточён в ней.

К клетке были запряжены два быка. Деревянные колёса время от времени наскакивали на камни, от чего пол сотрясался, подбрасывая Брока.

– А, проснулся, дружище, – драг в плаще мага улыбнулся, если его кривую приоткрытую пасть можно назвать улыбкой. – Давно пора.

– Ах вы подлые сыновья змей! – завопил Брок, протягивая руки сквозь проёмы между прутьями к драгу.

– Сталь тут калёная, – ухмыльнулся маг. – Тебе не погнуть.

Приняв эти слова за вызов, люрт вцепился пальцами в прутья и со всей силы дёрнул. Ещё раз. Потянул, упёршись ногами. Всё бесполезно…

Верхом на лошади поравнялся с клеткой Красп. На лице его не было и следа от обеденного добродушия:

– Ну что, Брок, покушал нашей еды, теперь, как ни крути, отрабатывать надо.

– Я порву твою лохматую морду на куски! – дикой трубой взревел Брок.

– Маловероятно, – преспокойно ответствовал Красп. – Лучше скажи, где найти твоего богатого Але-е… как там его?

– Я вырву твои четыре руки! – ненависть помутнила разум Брока.

– Ладно, мы честные работорговцы, – махнул левыми руками Красп, – чужое золото нам не так интересно, как новые рабы на продажу.

– Ты предал! – выл Брок. – Ты мёртвый! Я обещаю!

– За день таких обещаний мне приходится выслушивать тысячами, так что расслабься, – всё так же бесцветно отвечал Красп. – Из этих клеток вырваться невозможно. Ах да, и отыскать нас тоже не возможно, пусть этим займётся даже самый опытный на всём Материке волк-следопыт – видишь, ребята в конце эшелона следы наши заметают и периодически поливают землю из фляг? Во флягах отвар из трав моего собственного рецепта – на километр перебивает любой запах! Так что, дружище, ты с нами надолго…

Брок ещё долго проклинал подлых работорговцев. Потом ему это благородное занятие надоело – всё равно ни к чему оно не приводило. Злые слова, к сожалению, не булавы и цепы, бандитам рёбра они не крошат. Осталось только одно – смириться и надеяться на лучшее.

Но лучшего не предвиделось. Целый день Броку ничего не давали пить. Про еду даже говорить не приходилось. Безжалостное солнце нагрело металл клетки и заключённый ощутил себя словно в чудовищной печи. Должно быть, каким-нибудь похожим способом боги готовят себе в пищу попавшие в потусторонний мир души умерших.

К вечеру работорговцы разбили лагерь. Напоили, и, как это ни странно, накормили Брока. Пусть несвежей едой… но это лучше чем ничего. На ночь бросили ему прохудившуюся шкуру – от холода она спасала плохо.

На следующий день многие разбойники покинули лагерь. Возглавлявший вылазку Красп оставил на страже троих: двух примов и люрта. Они целый день провели под навесом из бычьей кожи: выпивая чёрное вино и играя в бычьи кости. Люрт к Броку был благосклонен и дал тому воды и немного недоглоданных костей. Правда, на все просьбы освободить *собрата* презрительно промолчал.

Закатное солнце заливало бардовым маслом света горизонт, когда вернулись работорговцы. Их было меньше: не хватало человека и люрта. По их угрюмым лицам сразу становилось ясно, что и от дерзких разбойников иногда отворачиваются боги. Они тащили за собой связанного крота.

Оставшиеся охранять лагерь разбойники даже оторвались от вина и подбежали к собратьям с расспросами. Брок слышал, как мрачный, что грозовая туча, Красп исполненным злобы и ненависти голосом поведал о случившемся.

Разбойники из укрытия наблюдали за путешественниками Большого Торгового Тракта сквозь выпуклые линзы подзорных труб. Прошло несколько хорошо-вооружённых караванов, нападать на которые – чистейшее безумие. Работорговцы уж было отчаялись, но тут в фокус их подзорных труб попал

крот. Он в одиночку шёл по Тракту в сторону Сара и на первый взгляд казался совсем лёгкой добычей. Решили применить простой трюк: на дорогу лёг обмазанный свиной кровью Мурк – лысый человек с уродливым шрамом на шее. Укрывшись за дюнами, зарывшись в песок или заползя в кустарник – в засадах ждали остальные, готовые в подходящий момент напасть на ничего не подозревающего путника.

Схема беспроигрышная: мало кто устоит пройти мимо лежащего посреди дороги вымазанного кровью мыслящего. Если ты порядочный человек, то попытаешься помочь. Будь ты бандит – примешься грабить беззащитного (или мародёрничать тело мёртвого).

Путник клюнул на приманку. Разбойник попытался выполнить усыпляющий приём склонившемуся над ним кроту, но вместо этого получил резкий ответный удар, от которого бандит тут же испустил дух. Острая лапа крота пробила грудь, вонзившись когтями прямиком в сердце. Работорговцы наткнулись на грозного противника, способного без размышлений пускать кровь. Неудивительно, что он не побоялся путешествовать один! Прежде, чем налетевшие, что стадо озверевших собак, разбойники сумели его связать, острые когти крота лишили жизни ещё и люрта.

С таким трудом ни один раб ещё не давался. И это притом, что Красп долгие годы отбирал свой отряд из лучших профессионалов, что только встречались на его пути.

Услышав о смерти своего брата, люрт, что остался на страже лагеря, взбесился, что стукнутый палкой вепрь. Он налетел на связанного крота (на котором и без этого уже не оставалось живого места от ушибов, синяков и гематом) и обрушил смерч брутальных ударов. Разбойники не торопились останавливать собрата. Сделали это лишь тогда, когда новоиспечённый раб уже без сознания лежал на земле и истекал кровью. Полумёртвое тело занесли в клетку, стоявшую по соседству с клеткой Брока. Развязали и накрыли шкурами, чтоб не замёрз ночью. На случай если выживет, разумеется…

Работорговцы молча поели и разбрелись по палаткам. О том, что нужно накормить Брока никто и не вспомнил.

Ночь была холодней прошлой – зуб на зуб не попадал. Или это так казалось из-за голода, диким зверем бушующего в желудке, не дающего сомкнуть глаз? Люрт лежал на застеленном грязной соломой полу клетки. Кутался в прохудившуюся шкуру и шёпотом проклинал своих похитителей. Радовало только одно: сегодня бандитам пришлось несладко. Нарвались на опытного бойца. Брок бы тоже им неприятностей доставил, если б не оказался таким наивным. Теперь-то Брок никогда не сядет за один костёр с незнакомцами. А ведь жаль, что они так сильно избили крота. Хоть бы до утра дотянул, бедняга…

Солнце медленно поднималось из ночного укрытия, спасительным теплом прогоняя мерзлоту.

Брок заглянул в соседнюю клетку. Крот лежал в том же положении, в котором его оставили. Заточённого можно было бы принять за мёртвого, если б шкуры на нём медленно не шевелились с каждым слабым вздохом.

Крот, убивший двух работорговцев, выжил.

Десять дней стоял лагерь работорговцев. Клетки пополнялись новыми заключёнными, и на десятый день в них попросту не было где продохнуть. Бандиты отлично знали своё дело.

К тому моменту, как разбойники отправились в путь, в клетке Брока сидело три человека и драг. Было ужасно тесно. Днём невыносимо жарко, и солёный запах потных тел был верным спутником. Зато ночью, сбившись в кучу, становилось не так холодно, как раньше, когда Брок находился один в клетке. Избитый работорговцами крот-одиночка пришёл в себя, но передвигался с трудом – те дикие удары, что он получил от поработителей, так просто не проходят. Как это ни странно, но один из разбойников обработал его раны и наложил примитивные перевязки на переломанные конечности. Осталась ли в работорговцах капля человечности или сделано это с конкретной выгодной целью? Вскоре выяснится.

До того как клетки сдвинулись с места, Брок успел поговорить с пришедшим в себя кротом. Его звали Тис, он был жителем Нового Бура и занимал почётную должность начальника охраны Главы города. Службу свою крот всегда нёс с достоинством и повышенной ответственностью. А по-другому – и дня на таком высоком посту не продержишься.

Тис с нескрываемой горечью в голосе рассказывал, как погиб его город. Из земли стали выползать железные чудовища. Крошили, убивали, уничтожали всё на своём пути. Уцелели единицы, бежавшие в спасительные туннели, ведущие на поверхность. Тис со своим отрядом вёл ярую оборону. Им удалось вывести из строя одно механическое существо. Один героический крот подбежал к чудовищу, держа в руках взрывной камень с догорающим фитилём. Такие камни используются кротами для строительства тоннелей. Они добываются из смеси горных пород и имеют слабую взрывную силу. Поэтому их делают довольно громоздкими, чтобы за счёт веса повысить мощность. Герой погиб от лап чудовища, но вовремя прогремевший взрыв сделал своё дело…

В тех неравных условиях Тис бы сражался до погибели, но один из снарядов монстра лишил жизни Главу города, пытавшегося бежать из поддавшейся натиску механических чудовищ цитадели. Защищать было уже некого, солдаты его отряда побросали оружие и сломя голову помчались к туманному спасению. Тис, не видя лучших вариантов, последовал их примеру. Чудом он остался жив, хотя все остальные из отряда легли под натиском вражеских снарядов, скошенные, что колосья пшеницы острой косой.

Помолчав немного, Тис добавил: «Тот крот, который взорвал чудовище… Его звали Тил… Мой бедный сынок Тил… Будь я проклят за то, что взял его в охрану…»

Пять дней мучительного для заключённых пути, и караван подходил к кроваво-красным воротам дорогой, по бокам которой возвышались нанизанные на пики головы мыслящих: где свежие, а где уже порядочно высушенные солнцем и ветром. Это был путь, ведущий к главному входу в Старый Рин. Работорговцы не держали в секрете куда направляются, и охотно запугивали этим своих заключённых.

Брок слышал про этот город. И не самое приятное слышал. К примеру, в большинстве городов Объединённого Королевства если родители хотят до полусмерти запугать своего ребёнка, им достаточно сказать, что отправят чадо в Старый Рин. Действительно, этот город был далеко не лучшим на Материке, и это очень и очень мягко сказано…

Как и большинство других городов, Старый Рин – автономный город со своими законами и правилами, входящий в состав Объединённого Королевства Сарбонии и Западной Картурии. Если разобраться, то объединённым в Королевстве было только название. По общим законам жили только прилегающие земли к городам-гигантам: Сару, Карту и Бастону. Они и составляли костяк централизованного государства. А все остальные поселения были как бы государством в государстве, но формально входили в его состав. Многие из таких городов платили дань, но Старый Рин не был в их числе. То ли солдаты королевства боялись приближаться ко кровожадным стенам города, то ли Королева просто махнула на него рукой – за данью давно никто не высылался. Да и много ли можно взять дани с убогого и зловещего города бандитов, убийц, пьяниц, проституток и мошенников?

На улицах города было грязно, как в хлеву отелившейся хокоры. Не отходя далеко от убогих лачуг с прогнившими крышами, жители выливали помои прямо на дорогу. Везде кишели мерзко пищащие мусорные грызуны. Босые дети в лохмотьях дразнили заточённых в клетки мыслящих. Брок попытался спугнуть, нарычав на них, за что получил камнем в лоб.

Если здесь такие дети, то какие тогда взрослые?..

На площади секли драга. Он лежал животом на колоде, а руки и ноги были прикованы кандалами. С каждым ударом тонкие металлические прутья батога врезались в чешуйчатую кожу, оставляя вереницу кровоподтёков. Закончив наказание, его истязатель приказал освободить полумёртвого заключённого, а сам подошёл к слезшему с лошади Краспу.

– Как вижу, старый друг, улов у тебя хороший, – похвалил палач, пожимая руку работорговцу.

– Гирен со Спайкнифом были к нам благосклонны, – уважительно склонил голову Красп.

– Цена та же? – задал риторический вопрос палач.

– Боюсь, мудрейший Акс, придётся немного завысить, – Красп старался держаться уверенно, но его голос дрогнул, когда произносил имя собеседника.

– С чего бы это? – жестокий блеск сверкнул в глазах Акса.

– При ловле возникли некоторые трудности… – Красп достойно выдержал взгляд собеседника, и в нужный момент покорно отвёл глаза.

– Ну? – более мягко спросил Акс Брутальный.

– Двое моих лучших бойцов легли смертью храбрых, – пояснил Красп, разведя всеми четырьмя руками.

– Прямо-таки лучших, – усомнился Акс.

– Клянусь тебе честью моей мачехи! – горячо заверил Красп.

– Не её ли ты зарезал в прошлом году? – сардоническая ухмылка расплылась по вытянутому лицу Акса.

– Сделал это только из желания уберечь её честь! – ещё горячее заверил Красп.

– Убил, чтобы уберечь честь, говоришь? – почесал гнойный чирей на щеке Акс.

– Да, она хотела вкусить порочный плод с человеком… – уже спокойным тоном пояснил Красп.

– У вас за такое убивают? – удивился Акс, который и сам иногда любил побаловать себя компанией примши или люртши.

– Да, – тихо ответил Красп.

– Странный вы, горные примы, народ, – пожал плечами Акс.

– Приморские люди ещё странней… – парировал Красп.

– Ладно, это всё к делу не относится, – махнул рукой Акс и устремил пронизывающий взгляд на заключённых: – Среди них есть убившие твоих людей?

– Да, вот этот, – ткнул пальцем в Тиса Красп.

Акс подошёл к клетке и внимательно посмотрел на крота. Тот, особо не задумываясь, плюнул на вытянутое, испещрённое морщинами и чирьями, лицо человека. За что тут же получил батогом по плечу.

– За этого, – говорил мэр Старого Рина, вытирая плевок мозолистой ладонью, – я даю больше в два раза. Остальные – прошлая цена. За каждого выжившего, как и прежде, в три раза больше.

– Этого даже больше, чем достаточно… – еле выдавил из себя Красп. Но ему как никому была ясна простая, как бревно, истина: не согласись он с собеседником, живым из города ему не выйти. Он уже исчерпал лимит наглости, один раз попросив поднять цену. Второго раза ему никто не подарит…

Клетки подкатили к громадному чашеобразному зданию из блоков серого грубо-обтёсанного гранита. У стрельчатого входа напирала толпа. Охранникам ворот приходилось хорошенько попотеть, чтобы не впускать никого внутрь.

Стоило подъехать клеткам, как толпа буквально взбесилось, будто бы состояла не из отдельных мыслящих, а была единым чудовищным существом. Страшным, безжалостным, неумолимым монстром, бесформенной массой хлынувшим к клеткам. В дикой давке гибли мыслящие, но монстру от этого было только лучше: он словно сбрасывал с тела ороговевшие остатки больной и ненужной кожи.

Толпа обступила клетки. Сотни её цепких многорасовых рук хватались за прутья, тыкали палками в заключённых, искажённые ненавистью рты толпы

харкали полными соплей плевками в обитателей клеток. Один заточённый прим взвыл от разрывающей всё внутри боли, а потом смолк – одна из злобных рук толпы вонзила в его спину нож.

Толпа, что вымуштрованный зверь перед жестоким хозяином, расступалась перед гордо шагающим к воротам Аксом. В качестве почётного гостя города, немного позади, шёл Красп. Вокруг них голые по пояс мускулистые охранники в кожаных масках диких зверей расчищали дорогу – избивали, пинали, отбрасывали в сторону вовремя не убравшихся зевак.

– Кто посмел испортить мой товар? – раздражённо спросил Акс Брутальный, глядя на прима с торчащей из лопатки рукоятью ножа.

Охранник вырвал первого попавшегося человека из безликой массы толпы и швырнул того к ногам Акса. Правосудие в Старом Рине было мгновенным, как шрапнель: не успел вовремя убраться – снесёт голову. Судьёй, присяжными и богом в одном лице представал мэр города, должность которого вот уже пятнадцатый год занимал Акс Брутальный. Предыдущего мэра он живьём спалил в чане с раскалённым оловом. Такая же участь, если не ужасней, поджидает и нынешнего мэра в старости, но до неё ещё далеко: пока есть силы справляться с новыми претендентами, всё будет в порядке.

Человек божился, что его вины здесь нет: он и знать не знает, кто мог так поступить с собственностью великого и всемогущего мэра! Но если он узнает, то тут же скрутит ему голову. Ведь ради богоподобного Брутального он способен на всё…

Акс выслушал оправдания, счёл их достаточными и отпустил невиновного, для профилактики хлестнув того батогом по лицу.

– Запускайте! – махнул рукой мэр.

Охранники у входа расступились. Ополоумевший зверь толпы ворвался и растёкся по каскадами громоздящимися рядами лавок Стадиона Правды. Через подземный проход Акс с Краспом вошли в ограждённое решётками ложе Хозяина Стадиона. Зрители перестали кричать, они умоляюще глядели на мэра. Выждав положенное для таких случаев время, Акс разрешающе махнул рукой. Громадный полуголый толстяк с маской дигра на голове ударил молотом в широкий медный диск гонга с гравировкой человеческого черепа на обеих сторонах.

Заключённых вывели из клеток и завели в большое помещение с решетчатыми воротами, ведущими на арену. Охранники отворили эти ворота и вытолкнули наружу первого пленника, захлопнули створки за его спиной. Это был невысокий лысый человек в запятнанной одежде, какую в большинстве случаев носили в небольших промышленных городах представители интеллигенции. Пот заливал ему глаза, а ноги подкашивались от страха. Совладав с собой, он нервно огляделся по сторонам. Из промежутков решётки ворот охранники наставляли на него копья – обратно вернуться нельзя. В разных частях арены лежало оружие, казалось бы – бери не хочу, но человек не двигался с места. Выжидал. Желание подбежать к ближайшему мечу и запустить им в толпу так и подмывало его. Стены тут высокие, но при

большом желании, докинуть до ближайшего ряда зрителей можно. Хоть кого-нибудь, да заденет! Сдерживала лишь природная настороженность: а что, если это ловушка?

Это как раз не ловушка. Подобрать оружие и сражаться – единственный шанс на спасение. Крохотный, но всё же – шанс…

Раздался приглушённый рык дикого зверя. Железные ворота в стенах, окружающих арену, разъехались, и, на радость чудовищу толпы, из проёма выскочил дикий слопр. Громадное животное пронзило воздух ужасным воплем, встало на дыбы и сотрясло твёрдый земляной пол арены ударом массивных копыт. На боку зверя багровел свежий ожог, оставленный раскалённым металлическим прутом.

Говорят, что если не шевелиться, то слопр не нападёт. Должно быть, это говорят те, кто с разъярённым зверем никогда вживую не сталкивались…

Человек бежал прочь от настигающего его зверя. Ещё мгновение, и свирепое животное достанет беглеца одним из мощных хоботов, но человек отпрыгнул в сторону: слопр промахнулся. Вздымая копытами пыль, зверь сбавил скорость и остановился, рыча от плещущейся в нём дикими ручьями злости. Мужчина спиной прижимался к стене, что загнанный охотничьими бобросами заяц. Свирепое животное ударило землю копытом и помчалось на жертву. Мужчина сделал молниеносный кувырок вбок, и слопр с чудовищным треском врезался головой в гранит. Стена сотряслась, посыпалось крошево. Будь то другой зверь, его мозги бы давно вытекли из растрескавшегося черепа. Но только не слопр! Эти зверюги часто выясняют между собой отношения сталкиваясь окостеневшими лбами. Пока слопр приходил в себя, человек пробежал через всю арену, по дороге подобрал длинное копьё и упёр его конец в стену. Остриё он направил в сторону разъярённого зверя, сверкавшего злыми жёлтыми с кровавыми прожилками глазами. Для интеллигента из промышленного города, мужчина держался более чем достойно. Слопр окончательно пришёл в себя и понёсся на всё ускользавшую от кровавой расправы жертву.

Напоровшийся на копьё слопр издал чудовищный вопль, обречённым эхом разнёсшийся по всем уголкам Стадиона Правды. Остриё вонзилось в его громадную грудь и с брызгами тёмной крови вырвалось из спины. Зрители взревели от восторга. Человек отбежал, поднял двуручный меч и стал в оборонительную стойку. На него нёсся обезумевший зверь. Копьё покачивалось с каждым движением, и можно было только представить, какую боль оно доставляло существу. Взмах мечом: один из хоботов отлетел в сторону. Но второй быстро обхватил ноги человека, поднял его и со всего маху треснул о землю, как бьют треглавые гориллы пойманных за хвост змей.

Тяжёлые копыта свирепо втаптывали мёртвое тело человека в землю. Потом слопр пошатнулся, на подкашивающихся лапах он поплёлся в направлении открытых ворот, но на полпути свалился на бок, издал жалобный вопль и испустил дух.

Толпа ликовала. Такой бой! И уже к обеду можно будет за бесценок купить на рынке вкусное мясо слопра!

Тела убрали и выпихнули нового раба – худощавого прима с несвойственной этим краям фиолетовой раскраской шерсти. Прим тут же устремился на середину арены, где подобрал кривую саблю. В металлические ворота что-то скреблось, билось, рычало. Створки разошлись, и зрители ахнули: на свет выполз дигр – свирепый хищник семейства кошачьих. Размерами он не мог соревноваться со слопром – разве что с волком. Но в свирепости ему позавидуют очень и очень многие хищники. Кроваво-красная шерсть с чёрными пятнами, мощная голова с тремя рогами: двумя кривыми по бокам и одним прямым по центру, увенчанный ороговевшим отростком с шипами хвост и кожаный вырост на груди – кислотная железа, способная плевать струями смертоносной жидкости. Этот монстр считался одним из самых опасных, что были рождены в бренном мире. Да и с потусторонними он мог запросто конкурировать, но не со всеми, разумеется…

Увидев зверя, прим пустился в бегство, выронив саблю, обречённо вопя от ужаса. Хотя, ему это вряд ли помогло бы. За несколько прыжков, дигр настиг жертву и разодрал на две половины пустив в ход рога и когтистые лапы. Поиграв немного лапой с кишками бедолаги, что котёнок с клубком ниток, дигр раскидал останки прима по всей арене.

Дикое чудовище толпы ревело от удовольствия!

То, что было дальше можно называть только бойней. Лютой, жестокой, кровавой бойней. Дигр рвал и палил кислотой выпихиваемых на арену рабов, а их останками игрался и разбрасывал повсюду – на болезненную радость ненасытной толпе. Охранникам всё сложней было выталкивать новых жертв: они с ещё большей силой сопротивлялись, брыкались, падали на колени, молили, обещали богатства. Но люди Акса Брутального свою работу хорошо знали…

Какое-то время заключённых не выпихивали. Опьянённый кровью дигр подбежал к решетчатым воротам и стал просовывать в них лапы в попытке как можно быстрей насладиться очередным убийством. Для таких случаев на арену из узкой двери выпускали *ряженого в разноцветные перья*. Он должен был шуметь, кричать и дразнить животное, а когда оно кинется на него – как можно быстрее скрыться в дверном проёме. Бывали случаи, когда ряженый не успевал убежать, но сейчас всё прошло гладко.

Настал черёд Тиса – крота, убившего двух прихвостней Краспа. Его раны и переломы с завидной скоростью зажили. Тела кротов способны восстанавливаться гораздо быстрее, чем тела многих других мыслящих. Его выпихнули на арену, когда *ряженый в перья* убегал от дигра.

Отуманенный лёгкими победами, зверь кинулся на крота. Что ему, дигру, крот? Ничтожный карлик, копающийся в грязи всю свою жизнь, да и только. Тис не сдвигался с места, выжидал. Когда чудище было уже совсем близко, крот внезапно подпрыгнул. Да так высоко, что у лиц безликой толпы челюсти отвисли! В ту же секунду Тис уже сидел на спине зверя, держась за огненно-

красную гриву. Прежде чем дигр смог что-либо сообразить, когтистая лапа крота вонзилась в его затылок. Всё. На боку лежал содрогающийся в предсмертных конвульсиях зверь, из железы судорожно брызгали кислотные струи. Рядом стоял Тис с запачканной кровью по локоть рукой.

Лютый зёв толпы взревел от негодования: её любимца убили!

Правила «Стадиона Правды» были просты. Если победил зверя – ты свободен.

Открылась железная дверь, находящаяся невдалеке от железных ворот. Крот без промедлений вошёл в проход – прямиком к спасению. Умирающего дигра добили молотом, чтоб бедненький не мучился, и утащили прочь обмякшую тушу несколько мгновений назад грозного зверя, а сейчас просто груду костей, кишок и невкусного, жилистого мяса, завёрнутую в дорогую шкуру, пусть и испорченную в области затылка. После этого со стадиона убрали наиболее крупные части тел его жертв – чтобы не мешали при следующем поединке.

Вытолкнули драга. Не долго думая, он подобрал дротик. Ворота не открывались. Драг воспользовался промедлением и метнул оружие в ложе мэра. Метил, понятное дело, в Краспа. Не долетев до цели, дротик сгорел в белёсом магическом огне. Колдун драг в сером плаще не преминул защитить своего командира.

Окроплённая кровью, забросанная внутренностями мыслящих земля арены задрожала. Вырос песчаный бугор. Некоторое время драг испуганно смотрел на него, потом побежал к центру арены и подхватил с земли окровавленный двуручный меч. Оставляя за собой взрыхлённую насыпь, бугор устремился к обречённой жертве. Земля арены была плотно притоптана копытами, лапами, ногами. Это замедляло существо. В рыхлых песках пустыни оно способно молниеносно настигать добычу, но и здесь оно было не менее опасно. Пусть и медленнее обычного.

Гладкая голова змарвы вырвалась из земли. Толстое кольцеобразное тело. Слюнявая пасть разверзлась. Сверкнули громадные пиловидные зубы. Драг занёс для удара меч, но оружие упало на пол. Вместе с его руками…

Возбуждённый зверь толпы взревел от восторга!

Потустороннее чудовище затянуло под землю добытую пищу. Оно не было рабом Стадиона Правды как другие звери. Оно было его хозяином. Оно поселилось в его недрах с момента постройки. Бывало, месяцами бои проходили без его участия. Бывало, каждый день оно появлялось на радость толпе. А иной раз, оно вырывалось из земли в разгар чужого поединка и убивало как мыслящего, так и животное. Его поведение – всегда загадка. Это делало бои на арене ещё более захватывающим и непредсказуемым зрелищем.

«Ох, как я не завидую тебе, сынок!» – похлопал по плечу седобородый охранник, когда сопротивляющегося Брока выпихивали на арену.

Колени люрта подкашивались, а в голове бил звон предсмертных колоколов. Против потустороннего чудища поделать мало что можно. Разве – не сопротивляться. Тогда, быть может, оно дарует тебе лёгкую смерть…

Мучительные секунды ожидания неизбежного перетекали в минуты. Должно быть, змарва уже не появится. Акс махнул рукой: на арену выпустили слопра. Зверь бешено мотал головой, бил копытами землю, ревел, увидел Брока и побежал вершить зло. Высвободить свою ненависть, отомстить за причинённую другими боль – перед самым выходом его ткнули раскалённым прутом в бок.

Брызги крови запачкали не успевшего вступить в бой Брока, второпях подобравшего с пола булаву.

Змарва затащила под землю части убитого ей зверя…

Технически, это была победа Брока. Зверь повержен, а он жив. Чего же ещё хочет ненасытный зверь толпы? Нет, Акс прекрасно знал, как не оставить этого зверя голодным, и приказал выпустить следующее животное.

На арену выпрыгнул волк. Его чёрная, как раскалённая смола, шерсть щетинилась, а с оскаленной пасти текла пенистая слюна. Чёрные волки – самые тупые представители своей расы. Они ведомы лишь одним чувством – жаждой крови. Они не способны переживать угрызений совести, не способны сочувствовать. Как и все волки, они мыслящие, но лучше бы никому не знать, в каких чёрных болотах зарождаются их мысли.

Хищные, безжалостные и злобные глаза глядели Броку прямо в душу. Этот взгляд, подобно рукам бездомного, роющегося в куче отбросов, копался в ней, вылавливая страх и упиваясь им. Но страха было мало, и волк оскалил пасть, приготовился к прыжку. Крепкие пальцы Брока сжимали рукоять булавы. Не отводя глаз, он глядел на врага и отчаянно боролся со своим страхом. И побеждал его! Все мышцы Брока напряглись и приготовились к атаке. Эта молчаливая бойня мыслей продолжалось несколько секунд. Или вечность?

Первым не выдержал и напал волк. Брок в самый последний момент успел увернуться, и разверзнутая клыкастая пасть зверя пролетела в нескольких миллиметрах от плеча. Последовала незамедлительная контратака, и наконечник булавы впился в покрытый густой чёрной шерстью бок. Раздался чудовищный хруст треснувших рёбер. Зверь повалился набок и жалобно заскулил. По мохнатому телу прошлась дрожь. Прекратилась.

Брок подошёл к поверженному врагу. За дни общения с Бирюком он проникся уважением к роду волчих. Всё равно – пусть даже и злобных чёрных. Было жалко отправить в объятья смерти одного из них своими руками. На какое-то мгновение, Броку почудилось, что перед ним лежит не чёрный волк-убийца, а Бирюк. Та же пепельная шерсть. Тот же загнутый набок хвост. Если бы кто-нибудь всмотрелся в могучее лицо, то увидел неимоверно редкие для люртов слёзы.

К реальности происходящего вернул хвост: массивный, твёрдый, как покрытая чёрной шерстью сталь. Хвост хлыстнул Брока с такой силой, что тот пролетел с десяток метров и без сознания повалился на землю, что мешок с картошкой. Коварный противник медленно – мешали сломанные рёбра –

подбирался к нему. Вот он уже совсем близко. Острые зубы в разинутой пасти веют холодом смерти. Ещё немного, и Брок никогда уже не придёт в сознание.

В мгновенье земля под волком разошлась, и мощная голова змарвы врезалась в брюхо, высоко подбросив зверя. Лапы и хвост беспомощно пытались уцепиться за воздух, тело неуклюже изгибалось. Но всё бесполезно.

Зубы потустороннего чудовища дождались волка у земли. И такой кровавой расправы, что они учинили над ним, стены Стадиона Правды не видывали уже несколько столетий…

Не выходя на арену из страха попасться в пасть разгневанного монстра, охранники накинули на Брока верёвки с сетью и подтащили к выходу. Вскоре он пришёл в сознание.

Змарва даровала ему жизнь.

Глава 5: ***Сар***

Мы вошли в город. Кажется, только Алерадус остался невозмутим. Хотя, кто знает? Уж очень хорошо он умеет скрывать от других свои чувства.

Громадные дома из разноцветных камней, кирпичей, блоков и неизвестных скромному глазу обитателя городка Пашни материалов. Каменные улицы были переполнены пешеходами, гужевыми и паровыми повозками. Я слышал о самоходных повозках, всегда мечтал хоть на одну посмотреть, но чтобы так много и сразу…

Все куда-то спешат, бегут, толкаются и не просят прощения. А какая на них одежда! Разноцветная, пёстрая, усеянная блестящими камушками и нашивками. У нас, в Пашнях, за такую давно бы побили. Я тут же почувствовал себя в этом странном городе лишним, чужим. Но все проходили мимо: никто не пялился, не тыкал пальцем, не смеялся. Всем было попросту наплевать на нас. И это не могло не радовать!

От первого впечатления голова чуть не разорвалась: настолько всё невероятное. Такое большое, нелепое, неживое, странное и непонятное. Витрины полны чудных товаров, о существовании которых я даже в самых смелых фантазиях не мог вообразить. Посреди громадных каменных дорог сиротливо всплывали островки клумб, полные причудливых растений, которые мне даже присниться не могли. Раздался странный грохот, и я поднял голову. Мы все подняли. Чудовищные громады зданий из железа, гранита, бетона и каких-то чудных материалов, были опутаны тёмной металлической паутиной рельс, по которой с грохотом ползали длиннобрюхие пауки воздушных вагонов. Это Алерадус сказал, что они называются *воздушные вагоны*, и в них перевозят деловитых горожан из одного конца города в другой. А ещё он сказал, что бывал здесь лишь один раз, да и то проездом, чему очень рад. Истинным магам не место в технико-промышленных городах!

Со мной столкнулась черноволосая: спешила, как и все в этом сумасшедшем городе, и не заметила меня на пути. Девушка виновато улыбнулась и скрылась в толпе лиц и рас. Чёрные глаза, чёрные волосы и

белая как мел кожа – её невозможно забыть. Когда чары красотки перестали действовать, я инстинктивно провёл рукой по поясу. Самые неприятные подозрения подтвердились: пропал мешочек с золотом. Такая красивая, а воровка! Везёт мне на них…

Друзья утешительно похлопали по плечу, а сами поглубже свои кошельки спрятали. Недовольно зарычал Бирюк: какой-то малыш драг потянул его за шерсть. Мама оттащила сорванца, даже не удостоив нас не то, что извинениями, а даже взглядом. Ну, если в этом городе ещё и волков детям обижать безнаказанно дозволено, то мне уж точно здесь делать нечего.

Мы все выжидающе глядели на Алерадуса, ждали его приказаний. А он всё шёл молча. Мы плелись рядом, не зная куда, и уж точно не зная зачем. Я всмотрелся в его вспаханное морщинами лицо: ни тени эмоций. О чём он думал, что чувствовал? Растерянность или уверенность? Целеустремлённость или непонимание?

Увы, многим вопросам никогда не найти своих ответов.

Верблюд плёлся позади. Я удивляюсь, как это он ещё в живых умудрился остаться. Шёл себе рядом и шёл. И дошёл! В этом городе он точно ни на кого впечатление произвести неспособен. Это у нас в Пашнях и близлежащих мелких городишках он в дорогую диковинку. А тут такие кареты разъезжают, что дороже всего нашего городка в десятки раз стоят.

После многочасовой бесцельной прогулки по тесным улицам успевшего стать ненавистным города я ощутил дикую пустоту в желудке. Намекнув о привале, я был удостоен понимающих взглядов друзей и ледяного взора Алерадуса. Но переживать было нечего, ведь у колдуна, что бы ни произошло, взгляд один, а взглядов друзей я не боюсь.

Как ни странно, маг поддержал моё предложение. Для этого нужно всего ничего – найти пристанище для нашей немаленькой компании. Сир тут же окликнул длинноухого прима с заячьей губой, проходящего мимо со свёрнутой газетой в одной из рук, и поинтересовался где бы можно было найти ночлег. Тот фыркнул, сообщил, что опаздывает, и небрежно ткнул газетой в сторону Трущоб Недостойных, мол, нам, бродягам, там самое место. И тут же трусливо удалился, не дождавшись от нас достойного ответа за «бродяг».

Алерадус почесал поросшее белой, как мел, щетиной лицо и сообщил, что нам как раз туда и надобно! Кира и Кич тут же ощетинились, что ежи, мол, ни в какие трущобы идти не намерены. Я согласился с ними. Сир по своему обыкновению отмалчивался. Лорк устало глядел на мага. Что творилось в его сыноконюховской башке – я боялся даже представить. С тех пор, как мы вошли в Сар, он не произнёс и слова – город оказал на него неизгладимое впечатление. Бирюк вопросу мало интереса уделил: ему было важнее выгрызть слопровых блох из бока, чем он и занимался время от времени. Колдун помедлил, поразмыслил, а потом «обрадовал» нас решением: мы *пойдём* по указанному примом пути.

С горы моего терпения стремительно осыпалась лавина негодования. Мало того, что золото у меня украли, так ещё и в трущобах жить! Ради этого мы чуть не погибли в подземелье кротов? Ради этого мы отбивались от тучи злобных летучих кровососов? Ради этого мы потеряли Брока?!..

Друзья с жалостью глядели на меня. Даже Бирюк оторвался от своих блох и сочувственно помахал хвостом. Они молчали, дожидаясь пока мой нервный припадок утихнет. Брок бы не дожидался – он бы, не церемонясь, влепил кулачищем мне в лоб. На этом всё и закончилось бы. Но его нет рядом. О, великий Мастук, пусть с ним ничего плохого не случится!

Я выговорился, и мне стало намного легче. Правда, совсем немного… Поколебавшись для виду, я сухо попросил прощения у друзей за недостойное искателя приключений поведение.

Хоть в этом нужды уже не было, Алерадус объяснил, почему мы идём именно в район Бедный. Когда прим указал дорогу, магическая кровь застучала по его вискам дикой барабанной дробью. Этим всё и решилось. Нам нужно понять, что весь путь от начала и до самого-самого конца указывает нам она, а не Алерадус. А он – такая же пешка в её руках, как и мы – в его… (Мне не совсем понравилось, что он сравнил меня с пешкой, но сил возражать просто не нашлось.)

Пропетляв с десяток лишних кварталов, спрашивая у встречных дорогу и получая не всегда правдивые ответы, мы подошли к переправе на тот берег реки Нали. Широкий каменный мост через грязную, что пелёнка обделавшегося детёныша люрта, реку. У меня не возникло и крохи сомнений в том, что в неё сливают отходы производства.

У мостового порога, близ распахнутых настежь железных ворот, стояли два охранника в кольчугах с алеющими значками на груди – схлестнувшимися мечами. Лезвия алебард охранников были залиты закатным солнечным светом, что свежей кровью – от этого становилось уж очень не по себе. Как ни странно, охранники оказались гораздо любезней тех, что встретились нам на входе в город. Один даже принялся учтиво отвечать на расспросы. Оказалось, через реку можно пройти только днём – ночью эти ворота запираются на замок. Делается это исключительно с целью безопасности граждан, а то шастают тут всякие… И вообще, нам не советуют идти в район Трущоб Недостойных – сборище тунеядец, мелких воришек и проституток. Гостям Сара не обязательно видеть эту клоаку. Лучше б мы посетили другие районы, там столько интересного! В районе Осевой, к примеру, прекрасные сады, а в районе Северный – лучшие в королевстве трактиры! Зря мы, конечно, мост перейти хотим, но охрана же не может нас заставить? Их нехитрое дело – предупредить. А когда я спросил, почему по реке плавает жёлтая вонючая пена, охранник вдруг посерьёзнел и сообщил: ему платят за охрану прохода, а не за пустые разговоры. На этой ноте наша приятная беседа оборвалась.

Мы перешли мост и очутились совсем в другом мире. На фоне того красочного, что бурлил богатством и технологиями, этот казался унылым и запущенным. Я даже взгрустнул немного по пугающим своим размахом

громадным зданиям, паровым повозкам и вечно спешащим куда-то жителям. Уж лучше бурлящий жизнью котёл циничности, чем потрескавшийся казанок убогости…

Тут всё наводило тоску: одинаковые облезлые домишки с прогнившими соломенными крышами, грибами разросшиеся повсюду, редкие, перепугано глядящие на нас прохожие в засаленных лохмотьях, узкие улочки как две капли воды похожие одна на другую… и едкий запах гари, не прекращающийся ни на секунду, куда бы мы ни пошли.

Я окликнул женщину, на которой была более-менее опрятная одежда. Спросил: где нам здесь можно остановиться; и тут же получил ответ: у неё как раз есть свободные места! Женщина оказалась владелицей постоялого двора – лучшего в округе, по её словам.

Лучший в округе…

Двор напоминал скорее выгребную яму, чем что-то подходящее для усталого путника. Постояльцы, все как один с мрачными и злыми лицами, смахивали на разыскиваемых властями за тяжкие преступления бандитов. Нам достался самый лучший номер, что только был возможен – так сказала хозяйка. Тесная комнатушка с соломенными матрасами на полу. Про существование иной мебели пришлось забыть. Да и существовала ли она вообще, эта сказочная мебель: шкафы и тумбочки, ящики и столики, табуреты и подставки? За время проживания в тесном номере я в этом уж слишком усомнился…

В отдельную комнату Алерадуса нам сразу не посчастливилось заглянуть. Надеюсь, гордый маг сможет совладать со своими амбициями, чтобы улечься на пропитанный потом (да и мочой, наверное, тоже) страшно неудобный матрас. Верблюду и Бирюку выделили место в конюшне. Этим волк был крайне недоволен, но успокоился, когда не обнаружил там соседей в лице быков или лошадей. Откуда в бедном квартале им взяться? В конюшне было не так грязно, как это ожидалось, и солома на полу почти не воняла. Жить какое-то время можно.

Мы поужинали стряпнёй, сваренной хозяйкой. Отдам должное, еда у неё намного лучше, чем всё остальное.

Закатное солнце окончательно потопло за исполинскими неприступными стенами города. Улицы озарились грязным светом электрических фонарей. Вот что значит крупнейший промышленный город – даже в самом бедном районе есть электричество. У нас в Пашнях с ним огромные проблемы, между прочим.

Алерадус пожелал всем спокойной ночи и закрылся в своём номере. Мы последовали его примеру.

Спать мне совсем не хотелось: вроде бы и впечатлений на сегодня невероятное количество, и усталость даёт о себе знать, а всё равно взаперти не сидится. Не могу я по-другому!

Лорк спал без задних ног – стоило его голове коснуться засаленной подушки, как сразу же захрапел, зараза. Сир с Кирой не поддержали моё

рвение к путешествию по ночному городу – мол, устали и всё такое… А вот Кич оказался не таким занудой, как они. Идём, говорит, трущобы бороздить. Может, найдём чего интересного на заднее местечко.

Мне кажется, стена между мной и Кичем рухнула. Не знаю, когда это произошло, но отрицать сие невозможно. Неприязненный нейтралитет улетучился, как случайно разлитый на рабочий стол алхимика едкий реактив, открыв ворота симпатии. Хорошо, что так вышло. В конце концов, он отличный парень. Есть у него странности, конечно, но у кого их нет?

По дороге я заглянул в конюшню. Даже и не удивился, что Бирюка нет на месте: ему ведь тоже свойственно скучать. Мог бы и подождать нас, для приличия. Хотя, в трактир с этим громадным комком шерсти не зайдёшь. Не говоря уже про то, что любая симпатичная дама не станет слушать твои комплименты, а испуганно посмотрит на волчью морду, медленно повернётся и сбитой походкой отправится прочь мямля по дороге что-то невнятное.

Я полагал, что бедные улицы в полумраке фонарей будут выглядеть зловеще – ничего подобного! Убогие детали скрывал сумрак, оставляя нам саму таинственную и, можно даже сказать, привлекательную сущность. Прохожие встречались крайне редко. У каждого из них мы выведывали дорогу к самому лучшему в округе кабаку. Получали ориентиры и шли в соответствии с ними, не забывая сбиваться с пути, теряться, ходить кругами по одним и тем же улицам. И всё это время я не мог избавиться от чувства, что за нами постоянно кто-то наблюдал. Я нервно озирался по сторонам и, естественно, никого не находил. Нервишки что-то шалят… Завтра нужно будет как следует выспаться.

Охранник говорил, что район полон проституток. Где они? Ни одной по дороге не встретилось. А не помешало бы…

«Седой Дигр» – корявыми буквами зеленела вывеска над входом. Именно на это заведение указывал каждый встречный. У трухлявой двери спал какой-то бродяга, закутавшись в серые лохмотья. Мы перешагнули через него, и вошли внутрь. Кисловатое зловоние дешёвой выпивки, перемешанное с дымом ещё более дешёвого табака, тараном пробило нос. Заслезились глаза. Я оглянулся на Кича: если моё лицо скривлено в такой же гримасе отвращения, то в зеркало смотреть мне совсем не хотелось бы…

Это лучший трактир в округе, как нам сказали. Не хотелось бы мне видеть остальные, в таком случае.

Сквозь туман дыма мы пробрались к ближайшему свободному столику. Столику? Одна большая засмоленная бочка и несколько бочек поменьше, вместо стульев. Что ж, не в новинку и такое.

В воздухе летало что-то большее, чем табачный дым. Напряжение? Я осмотрелся: вроде бы все себе сидят, как сидели. Многие отвернули головы, а некоторые и не скрывал своего назойливого взгляда. Мы им в новинку, что ли? Наша одежда с дороги засаленностью от их лохмотьев мало чем отличается. Чего уставились, кретины? Эх, будь с нами Брок, они бы вели себя

не так нагло. Хотя, тут несколько люртов сидят… Думаю, на неприятности нарываться не стоит, а то вмиг хребет переломают.

Из неприятных размышлений вырвал низкий, шипящий голос. Женщина-драг в фиолетовом сарафане поверх красной рубахи глядела вопросительно. Её жёлтый перед шеи над воротником свисал бугристыми складками – признак почтенного возраста у драгов. Она сдержанно поклонилась и представилась Ярлой, хозяйкой «Седого Дигра», тут же отмахнулась от экзотических блюд, названных Кичем из вредности, и предложила жареную баранину, которая просто замечательно идёт под чёрный эль её собственного производства – лучший в округе, между прочим. (Где-то это я такое уже слышал…)

Я согласился с меню по двум причинам: первая – другого выбора у них не было; вторая – платит всё равно Кич, так что мне по барабану.

Чёрные бриллианты глаз красавицы, обворовавшей меня сегодня, всё никак не уходили из головы. Не знаю даже, чего у меня к ней больше: злости или восхищения красотой. Кич с бараниной тоже согласился.

Да ещё и Брок неизвестно куда пропал… Кич заметил мою внезапно нахлынувшую грусть и попытался утешить. Нечего мне переживать из-за Брока – он парень толковый, из любой беды выкарабкается. Да и то, Кич уверен, что дружище Брок ни в какую беду не попадал. Просто забрёл далеко и потерялся. Его обязательно подберёт какой-нибудь караван добрых торговцев. Кич ещё что-то говорил, но я перестал его слушать. Надоело. Эти утешения и выеденного яйца не стоят. В душе, конечно, я пытаюсь заставить себя поверить, что всё с моим другом отлично. Бирюк ведь обыскали всё на многие километры вокруг. Случишь худшее – тело Брока нашлось бы… Но пока я с ним лично не встречусь, когти сомнений и переживаний будут раздирать моё сердце.

Принесли мясо и эль. Запах был вполне приличным, и я без колебаний попробовал кусочек баранины, о чём совсем не пожалел. Баранина была превосходной! Кич сделал смачный глоток эля, прокашлялся и заел. Ещё то гиреново пойло! – сообщил он и отхлебнул ещё раз. Белая плотная пена подрагивала на поверхности чёрной жижи, пачкая усы то и дело прикладывающегося к кружке Кича.

Напиток был горьким, неоправданно крепким и чересчур густоватым, как для эля. С первым глотком я возненавидел это пойло, но с каждым последующим моя ненависть быстро переросла в вечную любовь.

Я хмелел, а вместе с хмелем в душу вливалось спокойствие, расслабленность. И в самом деле, зачем так переживать? Брок ведь за себя постоять умеет. Он техномонстра своим тяжёлым цепом уничтожил. А года два назад он на моих глазах пятерых нахалов из Охотничьего Посёлка раскидал как щенков незрячих. Чтобы с ним что-то плохое случилось? Никогда не поверю! Горе тем, кто на пути его окажется! Я поймал себя на мысли, что таращусь на одиноко сидящего в дальнем углу зала щупа. Нам в школе много раз их рисунки показывали, но чтобы вживую одного увидеть! Сегодня просто счастливый день: и на повозки паровые потаращился, и щупа

повидал, о громадных зданиях и как их… тех, что на воздушных рельсах, – я вообще молчу. Членистоногий заметил мой взгляд. Я смутился и поспешно отвернулся, пытаясь залить стыд порядочным глотком чёрного эля.

Но всё-таки щуп не давал мне покоя, пусть я и не глядел на него больше. Слышал, они без воды больше часа не выдерживают. Мы здесь уже гораздо больше времени сидим, а он всё не умирает. Если наберусь смелости, подойду знакомиться, видит Мастук, подойду обязательно!

Кич заказал ещё эля. Да так заказал, что все увидели его туго набитый золотом кошелёк. Кинул на бочку одну золотую монету с изображением древнего короля Картурии, чьё имя давно уже забыто, и приказал угостить всех. Глаза его стали мутнее болота, слова изо рта принялись вылетать всё чаще несвязные и глупые – напился, одним словом.

Я, конечно, намекнул, что себя следует вести более скромно, но сделал это крайне вяло и неубедительно. Так, на всякий случай, чтобы потом не говорили, что не предупреждал. Хмель творил с моей головой чудные вещи, и мне не хотелось их останавливать.

Любителей выпить за чужой счёт нашлось немыслимое количество. Они трупными мухами облепили Кича, принялись знакомиться, льстить, благодарить и всячески задабривать, в надежде получить дополнительную кружечку эля. Откуда-то появились музыканты и принялись играть на странных инструментах что-то дико не соответствующее моим представлениям о музыке, но, нужно отдать должное, мотивчик у них был ненавязчивый, очень неплохо гармонирующий с разыгравшейся попойкой. Их музыка была словно продолжением того сладкого алкогольного звона, который с каждой кружкой начинал слышаться в голове всё громче.

Новые друзья (собутыльники) придвинули свои бочки поближе к нам. А посетители здесь не злые, как показались на первый взгляд. Грязноваты немного, одеты в лохмотья, но отнюдь не воры и бандиты, как ожидалось.

Очередная выпитая кружка сделала своё дело – я окончательно осмелел, взял две новые, с густой, выпирающей за края пеной, кружки и направился к щупу.

Его звали Кальминоок. В разговор он ввязался с охотой, но от эля отказался. Сказал, что на сегодня ему хватит. Хоть я и не видел, чтобы он пил что-то до знакомства со мной, возражать ему не стал то ли из вежливости, то ли из желания выпить уготованный ему эль.

Как выяснилось из непринуждённого разговора, щупы могут находиться на суше столько времени, сколько сами пожелают. Они так же могут дышать воздухом, как и мы. У них есть и жабры, и лёгкие. А то, что я слышал про «не больше часа на суше» – полная ерунда. Эта легенда могла пойти только от щупов, больных врождённым недомоганием лёгких. Просто щупы не сильно любят подниматься на сушу, особенно к поселениям других мыслящих – вот и знают о них остальные всего ничего. А хитрые щупы, наоборот, всё время пополняют свои знания о других расах.

У щупа был странный акцент – никогда такого не слышал. Слова выходили из его дрожащего как желе рта, подобно лопающимся пузырям. У меня невольно перед глазами возник образ: пузырь слова проходит путь по его сложной системе внутренних органов, замедляется в гортани, лезет изо рта и бумц – лопается, освобождая пожёванное слово. Вначале было трудно понимать этот акцент: приходилось часто переспрашивать, но потом привык. Кстати, у него глаза были разного цвета. Один чёрный, другой – синий. Интересно, так у всех щупов или только у него?

Из увлекательной беседы выяснилось, что Кальминоок живёт в Саре уже очень долгое время. Он и не помнит когда точно покинул Подводье: давно это было, очень давно… Щуп долго странствовал по подводным и прибрежным просторам реки Нали, прежде чем осел в этом городе. Почему он покинул своё родное озеро, мне так и не удалось разузнать: стоило только заикнуться на эту тему, как Кальминоок тут же начинал жаловаться на невозможность жизни в местной реке. За последние годы её настолько закидали мусором и отходами производств, что щуп был вынужден перебраться на сушу. Пришлось смириться с тесными стенами кирпичного домика близ помойки, ведь благородный щуп слишком стар, чтобы отправляться на поиски нового обиталища. Но, по большому счёту, на суше жить – не самое страшное в этой жизни…

В общем, гульба тянулась до глубокой ночи. Кальминоок распрощался со мной ещё до полуночи – здоровье уже не то, чтобы до утра не спать. Но скучать мне не пришлось, так как под руку попался люрт, очень похожий на Брока. Разве что лоб у этого люрта оказался ниже, чем нужно, да и рог правый был обломлен на кончике, и хвост крючком загнут… Люрт тихо пил эль, а я изливал ему душу: про пропажу своего друга, про кражу, про ещё что-то там, чего вспомнить наотрез не могу. Он оказался очень благодарным слушателем. Даже ни разу не смутился, когда я по ошибке несколько раз подряд навал его Броком.

Случилось то, чего я так боялся! Ярла объявила, что эль, да и любая другая выпивка – закончились. Раздосадованные этим известием посетители не нашли каких-либо веских причин оставаться с нами. Таверна начала пустеть на глазах.

Собеседник-люрт, что так хорошо послужил заменителем Брока, молча похлопал меня по плечу и направился к выходу. Я достал карманные часы и присвистнул: половина четвёртого ночи (или утра?)! Разбудил спящего лицом в пустой тарелке Кича. Удивлению моему не было предела, ведь рядом лежал его кошелёк. Слегка прохудившийся, не без этого, но лежал! Пока прим спал, а я изливал душу люрту, кошелёк тысячу сотен раз могли украсть. Трущобы Недостойных?! Как по мне, тут живут очень даже достойные мыслящие!

Мы попрощались с хозяйкой и вышли из трактира. Пустынные улицы всё так же скупо заливались светом электрических ламп. Прохладный воздух привёл Кича в себя. Да и мне свежесть после мягко сказать прокуренного зала таверны лишней не оказалась. Это хорошо, конечно, но в какую сторону

нужно идти? Как назло, спросить-то не у кого: вокруг ни души. И опять начало липнуть болотной тиной к сердцу неприятное чувство, что за нами кто-то следит.

Так, кажется, сейчас нужно прямо идти. Да, а теперь повернуть налево. Навал досок. Точно помню, проходили здесь. Мусорная куча под фонарём. Не помню что-то. Нужно свернуть. Тёмный перекрёсток – мы с десяток таких проходили, и все как один – тёмные. Пойди теперь, разберись – тот или нет. От Кича толку мало: всё ему здесь знакомо, везде мы проходили. И вообще, по его святому убеждению, в наш постоялый двор все дороги ведут…

Они напали бесшумно. Сразу видно – профессионалы. Кич тут же отрубился. Я увернулся от удара и пнул нападавшего ногой в живот, а потом наотмашь добавил ему в лоб кулаком. В оба удара вложился, как говорится, с душой – враг повалился на землю, словно мешок с ослиным навозом. В глазах вспыхнули разноцветные огни. Невыносимая боль в затылке. Сырая земля холодила щёку. Прежде чем потерять сознание, в голове пронёсся женский голос – злой, полный решимости крик: *не смейте их трогать!*

Я на самом деле его слышал или во сне?

Глава 6: ***Караван***

– Я и друзья шли в Сар, – басил Брок. – Я в Сар.

– Это долгий путь, – возразил Тис, – Нам без дополнительных припасов его не осилить.

– Я в Сар, – стоял на своём могучий люрт. – Хочешь со мной?

– Ты уж такой хороший охотник? – не уступал крот. – А где ты пресную воду найдёшь? Минимум десять дней пути. Без провизии мы погибнем на радость пустынным падальщикам.

– Ты со мной, Тис? – упрямился Брок.

– Мне всё равно идти некуда, – пожал плечами крот. – Мой дом разрушен, мой единственный сын мёртв…

– Ты, Лимб? – Брок устремил взгляд на драга.

Драг прищурил глаза – обдумывал. Он был не из этих мест, откуда-то с востока – об этом прямо заявляла его ярко-красная кожа с зелёными и жёлтыми полосками и пятнами. Из фона здешних серых и зеленых драгов он более чем выделялся.

Лимб был третьим и последним мыслящим, выжившим на арене «Стадиона Правды». Против него выпустили земного осьминога. Страшное существо тут же пошло в свирепую атаку: в несколько прыжков оно настигло жертву, обхватило не успевшего увернуться драга смертоносными щупальцами и принялось душить. Охранники уже начали готовить следующего раба, как вдруг скользкие щупальца разомкнулись – Лимб умудрился укусить за одно из них. Осьминог попятился назад, повалился на землю, его покрытые присосками щупальца судорожно дрожали, скручивались и выпрямлялись в бешеном предсмертном танце. Лимб отдышался, подобрал с

пола кривую саблю и изрубил неспособное сопротивляться злобное существо. Не сделай он этого, осьминог всё равно бы подох в жутких мучениях, ведь слюна драгов полна ядовитых бактерий! Таково наследие от звериных предков – варанов. Многие драги делают всё, чтобы избавиться от этого «дара» и сопутствующего ему запаха. Они неисчислимое количество раз в день полощут рот раствором из мяты и календулы. Тогда бактерии вымываются, не успевают размножиться. Но стоит несколько дней не делать этого, как ядовитая слюна и запах гниющего мяса изо рта не обойдут стороной любого драга.

– Я вольный наёмник, – признался Лимб. – Мои предыдущие наниматели мертвы. Слышал, в Саре много богатых людей. Там с новыми работодателями проблем не возникнет. Я иду с вами.

–Рад ты с нами, – улыбнулся Брок.

– Ещё раз говорю: до Сара слишком далеко, – не унимался Тис. – Вздумай мы идти напрямик, никогда в жизни не дойдём!

– Мне в Сар, – повторился Брок. Его мощные скулы сжались до скрипа в зубах.

– Слушай, Брок, не будь таким упрямым, – осадил Тис. – Выслушай, – Брок презрительно отвёл взгляд. – Да выслушай же ты меня! Мы пойдём в Сар, но не прямо сейчас: нужно добыть припасов. Померев с голоду или от жажды ты своим друзьям мало чем поможешь. Повторюсь, без припасов нам ничего не светит. А припасы, как это известно, за доброе слово не добудешь. У кого-нибудь есть деньги?

Поколебавшись немного, Брок достал туго набитый мешочек:

– Подлый сын гиены Красп вернул золото: сказал, суеверный и не хочет злить подземное чудовище.

– Да, та змарва выбрала тебя любимчиком, не хотел бы я с ней видится… – кивнул Лимб.

– Значит, золото у нас есть, – почесал когтём щетинистую щёку Тис. – Отлично. Никого грабить не придётся…

– Ты хотел грабить? – поднял густые чёрные брови Брок.

– Ты знаешь другой способ быстро добыть необходимое?.. – ответил вопросом Тис. – Ладно, если есть деньги, то нужно идти к ближайшему поселению. Мы в окраине Старого Рина… В двух днях пути на юго-запада от него располагается городишко Камбалирон – в молодости я возглавлял охрану караванов и часто в нём бывал: наши торговцы меняли в городишке самоцветы на жемчуг и вяленую морскую рыбу.

– Нельзя терять два дня, – насупился Брок.

– Надо будет, потеряем и больше, – отрезал Тис. – Опять повторюсь, если до тебя не доходит, мёртвыми мы твоим друзьям мало чем полезны будем. А из Камбалирона ходят караваны в Сар. Если повезёт пристать к одному из них – считай дело сделано. А не повезёт, так купим лошадей, провизию и отправимся в путь сами. В любом случае, шансы наши возрастут многократно.

К тому же, на лошадях мы гораздо раньше там будем, чем если пойдём пешком прямо сейчас.

Брок обдумывал сказанное целую вечность, прежде чем сказал:

– Старый Рин рядом. Давай вернёмся и купим там?

– Плохая идея, – парировал неумолимый Тис. – Эти кровожадные ублюдки только этого и ждут, чтобы вновь бросить нас на арену смерти.

– Но мы ведь свободны, – возмутился Лимб, – Акс отпустил нас!

– Знаешь, зачем он приказал нас под конвоем вывести за ворота и порекомендовал бежать куда подальше? – глаза Тиса хищно блеснули. – Чтобы толпа не устроила самосуд.

– Не понимаю, – почесал левый рог Брок.

– Неужели так трудно догадаться? – блеск в чёрных, что антрацит, глазах Тиса усилился. – На арене Стадиона Правды я убил дигра. Слышали, как толпа взревела? Он ведь их любимцем был… А что бы вы сделали, убей я вашего любимца?

– Оторвал руки? – предположил Лимб.

– Забил цепом? – добавил Брок.

– То-то же! – хлопнул в ладоши Тис, лязгнув когтями. – Нам следует убираться подальше от этого кровожадного города уродов. И чем быстрее – тем лучше!

К концу разговора упрямство Брока постепенно вытиснилось уважением к Тису: он мудр и видит то, чего Брок никогда бы не увидел без подсказки. Крот доказал, что достоин командовать – Брок окончательно решил, что не станет с ним пререкаться.

Тис, Брок и Лимб отправились на юго-запад, в Камбалирон.

Спустя всего несколько часов к всеобщей радости у обочины дороги обнаружились кусты съедобных ягод. Ягодами до отвала набили животы, а после – собрали полный мешок, сделанный из пожертвованного Лимбом плаща.

Прежде чем продолжить путь, Лимб сорвал с куста две толстые ветки, очистил стволы – получились вполне пристойные узловатые дубинки. Одну он оставил себе, вторую дал Броку. Тис, как и большинство кротов, предпочитал свои когти любому оружию.

Как назло, пустынная живность не попадалась на пути, чтобы эти дубинки опробовать. Ни меха добыть, ни мяса поесть. Дались себе ягодами кислыми и иди молча…

Солнце покинуло небо, дав дорогу лунам. Стремительно начало холодать. С трудом распаленный Броком костёр мало чем мог помочь, разве что подчеркнуть очевидное: слишком холодно и ветрено, без шкур до утра не дотянуть. Нужно что-то придумать и срочно.

Тис вонзил когти в холодную глинистую землю, начал копать. Почва летела во все стороны. Достаточно углубившись передними, крот подключил задние лапы. Они подгребали и выбрасывали на поверхность отколотую землю. Не успели Брок и Лимб ощутить на себе лють мороза в полной мере,

как убежище было готово. Можно было только подивиться, как это Тис в одиночку смог вырыть такую глубокую и широкую яму.

Лимб пролез внутрь без особых проблем, а для широкоплечего гиганта Брока пришлось расширять проход. Тис завалил выход ветками пустынника, чтобы тепло не уходило, и воздух снаружи проникал.

Было чудовищно тесно, но, к удивлению и большой радости, не холодно. Брок всю ночь не мог заснуть, ворочался, постоянно будя Лимба. Кажется, только Тис и смог худо-бедно поспать.

Следующий день пути был похож на прошлый. Когда не пряталось за облаками, солнце пекло нещуточно, голод утоляли только ягодами и попадавшимися на пути кореньями. Вода в фляге, любезно подаренной Аксом в знак уважения, закончилась. Пришлось добывать питьё из попадавшихся на пути кактусов и других водянистых растений. Горькая, тягучая, густая жидкость – пьётся с отвращением, но от сухой мучительной смерти спасает. А если и не спасает, то оттягивает на неопределённый срок…

Ночь провели как предыдущую – в вырытой Тисом яме. На сей раз выспаться не удалось никому. В путь двинулись, только появились первые утренние лучи, позавтракав перед этим остатками ягод.

К обеду путешественники уже стояли возле ворот Камбалирона, торговались с охранниками. Вход в город, оказывается, открыт только утром и вечером. Таковы правила, и с ними не поспоришь. Хотя нет, золотая монета с изображением давно забытого короля вполне способна на такое. А лучше две, ведь у одного из стражников сегодня праздник – родилась седьмая дочка. Всем ведь известно, какое это прекрасное событие… Какие-то жалкие три монеты и путников впустят через служебный вход. Этот мешочек с золотом, что висит на поясе благородного люрта, совсем не исхудает. Четыре монеты. Нет! Только четыре монеты. Охранников четверо, значит, и монеты четыре. Как двое? Остальные дежурят у противоположного входа. Да, такой тоже есть. Но открываются оба входа только по расписанию. Семь дочерей – семь монет. Ладно, шесть. Нет, не надо ждать. Видно сразу, вы очень спешите. Пять, нет четыре. Три – последнее слово! Спасибо. Проходите. Успехов вам. Пусть великий Мастук сопутствует... Моол, Гирен и Геллиза? Пусть, в таком случае, они освещают ваш путь.

Кишащий жизнью базар – вот чем встречал любого путешественника город. Палатки, навесы, прилавки полные рыбы, жемчуга, фруктов, оружия, овощей, мяса, тканей и иного добра. Торговцы кричат, проходы переполнены покупателями, по рядам патрулирует городская стража.

Вор пойман на неудачном похищении вяленого лосося – торговец прим сжимал его горло четырьмя руками. За его спиной выросла стража и увела нарушителя, побивая дубинкой для профилактики. Нужно смотреть в оба. На любом оживлённом базаре жульё и попроворней неудачливого вора встречается.

– Купи филе, добрый люрт, купи! – тыкал в лицо Брока дрожащим как желе куском осьминожины торговец.

– Шелка! Лучшие шелка во всём Южном побережье! Самые лучшие! Кило шёлка на кило золота! Почти даром отдаю! – орал другой торговец.

– Бананы! Яблоки! Апельсины! Курага! Вяленый угорь! – брызгал слюной третий.

– Вино красное – жизнь прекрасная! Вино белое – дама смелая! Брага чёрная – ночь покорная! Пиво пенное – веселье мгновенное! – обдавал покупателей винным перегаром четвёртый.

– Клинки, латы, стрелы! Лучшая сталь – кошельки целы! – схватил за локоть Лимба человек с изуродованным шрамами лицом.

– Сколько стоит эта сабля? – ответствовал ему Лимб.

– Эта? – глаза торговца загорелись, что раздутые ветром угли. – Лучшая из моих сабель. Вы на гарду посмотрите: серебром всё разукрашено. Узоры какие – прелесть. А вот тут, на яблоке сбоку – роспись мастеров Бастонской кузницы. Такую не подделать. Видите какая витиеватая. А лезвие! Лезвие-то какое острое! За всю свою жизнь я никогда острее не видел. В придачу – ножны кожаные.

– Хватит мне голову морочить, – прошипел Лим, – я спросил стоимость.

– За такую прекрасную вещь я прошу какую-то жалкую сотню копрей! – лицо торговца было изуродовано грубыми шрамами, но глаза лучились детской прямотой.

– Сотню? – возмутился Лимб. – Смеёшься, старик? За этот кусок ржавой железки сотню копрей?

– Я сразу назвал цену, по которой отдам, – обиженно выдавил из себя торговец. – Другим говорю в три раза больше.

– Пятьдесят! – выпалил Лимб и вызывающе поглядел в глаза торговца.

– Я уже сказал, что дешевле не продам, – покачал головой человек.

– Что такое? – поинтересовался смакующий осьминожье филе Брок.

– Брок, друг, у меня нет оружия, – пояснил Лимб, косясь на обиженное лицо торговца. – Но в сапоге припрятаны только пятьдесят копрей…

– Сколько нет? – спросил Брок и откусил добрый шмат осьминожьего филе.

– Ещё столько же, – с надеждой поглядел Лимб на Брока.

– В золоте? – пробасил Брок.

– Две, – подобно монетам на солнце блеснули глаза оживившегося торговца.

– Бери, – Брок протянул деньги. – И мне оружие. Торговец, дай тяжёлый цеп.

– Цепы – плохо продающийся товар, – пожал плечами человек со шрамами. – Лежал у меня тут один. Целый год лежал, так его, как назло, сегодня утром и купили.

– Это что? – заинтересовался Брок.

Мужчина с изуродованным лицом еле поднял полутораметровую рукоять, увенчанную массивным набалдашником с остроконечными пластинами. Оружие из блестящей на солнце стали и рукояти, обмотанной свиной кожей.

– Это? – хищно поглядел торговец. – Пернач! Из самой Стальни вёз – сколько на пути неприятностей натерпеться пришлось… – он выдержал долгую паузу, – цены очень немалой.

Брок сжал рукоять, взвесил пернач, примерился, взмахнул пару раз. Одной рукой можно, но проще – двумя. Раскрутил, перехватывая из ладони в ладонь, занёс над головой, прокружил за спиной, перекинул через плечо и поймал. Прохожие обходили его стороной, в страхе ненароком попасть под смертоносный удар.

– Вижу, ты толк в тяжёлом оружии знаешь, – уважительно произнёс старый торговец.

– Цена? – спросил Брок понимая, что это оружие он никому уже не отдаст. Пернач словно был создан для люрта – массивный, мощный, способный с лёгкостью крошить черепа врагов.

– Не буду врать и завышать, – заявил торговец. – Каких-то двадцать золотых и он твой. Согласитесь, это мизерная цена для такого шедевра военного искусства.

– Ты что, на старости лет совсем ополоумел? – встрял Лимб не так из справедливости, как из благодарности – на его поясе уже висели кожаные ножны с замечательной саблей в них.

– Для оружия из Стальни – цена ну просто смехотворная! – сообщил всем известную истину старик-торговец.

– Что думаешь, Тис? – спросил совета у товарища Брок.

Крот взял пернач в лапы. Гладкая, словно кость, сталь без гравировок и рисунков – ничего лишнего. Тис чиркнул когтями по поверхности: ни единой царапины не осталось.

– Такая сталь только в Стальне бывает, – подтвердил слова торговца крот. – За это оружие некоторые коллекционеры моего города (разумеется, до того как Новый Бур разрушили техномонстры) не пожалели бы и сотни золотых. Двадцать – действительно смешная цена. Но если мы купим его – на лошадей денег не останется. Тогда в Сар мы сможем попасть только с караваном…

– Что советуешь, мудрый? – с надеждой поглядел Брок.

– Хороший скакун может унести тебя с поля битвы, – сказал Тис. – Но хорошее оружие может помочь тебе выйти из неё победителем. Если ты не любишь бегать – лучше сражаться.

– Беру! – обрадовался Брок и выгреб из кошелька почти все монеты.

Заметно погрустнев, торговец расстался с перначом, словно идущий на войну молодой солдат с любимой. Даже звон монет его не полностью утешил: он сгрёб их в сундук под прилавком и попытался выдавить из себя улыбку. Получилось весьма унылое зрелище…

– Тис, есть девять золотых, – глаза Брока горели счастьем, в руках он вертел покупку и не мог ею нарадоваться. – Хочешь оружие?

– Спасибо, конечно, но я, как и всякий нормальный крот, не любитель железных побрякушек, – признался Тис. – Мне вполне достаточно своих

когтей и ловкости. Пока, хвала Моолу, они меня не подводили. Вот броню какую-нибудь не откажусь купить. Вам она, кстати, тоже не помешает.

– У меня есть отличные стальные латы, – признался торговец.

– Слишком тяжело и громоздко, – отмахнулся Тис. – Кожаная броня есть?

– Чего нет, того нет, – развёл руками торговец. – Но я знаю, где можете достать. Вниз по этому ряду до упора, потом направо, а дальше сами увидите. Такой молодой морской щуп с подбитым глазом торгует.

Тис, Лимб и Брок попрощались с торговцем и отправились по указанному пути. Молодой морской щуп с подбитым глазом приветливо улыбнулся, хотя многие представители других рас эту зловещую гримасу улыбкой назвать бы побоялись.

Лёгкая кожаная броня многого не стоит – сторговались за две монеты купить три комплекта.

Время идти дальше.

Чем глубже в город заходили путешественники, тем меньше становилось базарных прилавков. Шумные пролёты меж всяческими товарами сменились спокойными малолюдными улицами с аккуратными кирпичными, деревянными и бамбуковыми домиками и рыбацкими мостиками вдоль побережья.

В первой подвернувшейся под руку таверне изголодавшиеся после ягод и кореньев путешественники набили желудки бараниной, свининой и печёной картошкой до отказа. У одноглазого хозяина заведения Тис выведал место сбора караванщиков. Оно так и называлось: Площадь Сбора Караванщиков и располагалось на окраине, невдалеке от западного входа в город. Хоть усталость после дороги была невыносимой, а соблазн остаться отдохнуть в одном из номеров таверны огромен – путники отправились к караванщикам.

По дороге, к Лимбу привязался нищий драг. Он протягивал дрожащую, покрытую язвами и струпьями руку и просил дать на еду. После того, как его рыбацкая лодка утонула во время шторма, дела пошли по наклонной. Чудом волны вынесли драга живым на берег, хотя, лучше бы он умер тогда в водах Вечного Океана, чем просил сейчас милостыню. Но, с Судьбой не поспоришь: не имея возможности ловить рыбу и сбывать её приезжим, драг обнищал, продал последние пожитки и теперь ходит по городу в поисках сострадания других. Но как жители, так и гости Камбалирона – очень скупы даже на утешительные слова, а на монеты – так подавно. Порой за день даже рваного копря не допросишься, а ведь так хочется есть… Но у господина восточного драга добрые глаза: он похож на того, чьё сердце ещё способно на милосердие. Ради великой Геллизы, пусть брат драг поможет своему обнищавшему сородичу.

Лимб пнул бродягу, повалив того на пыльную землю. Без слов. Ни один мускул не дрогнул на его чешуйчатом лице. Словно согнал назойливую муху.

Тис с Броком в недоумении переглянулись. Брок хотел что-то сказать, но слова сухими земляными комьями застряли в горле.

Молча трое подходили к шумной площади караванщиков.

Среди дикого хаоса людей, повозок и животных – выделялся фургон. Словно застывший во времени, высушенный солнцем, истрёпанный ветрами скелет древнего исполинского зверя, натянутый погрубевшей кожей поверх чудовищных рёбер, он насмешливо возвышался над бессмысленной беготнёй вокруг непоколебимой горой. Безмолвным истуканом, пережившим само Время. Фургоном, конечно, эту чудовищных размеров с крытым верхом платформу на тысячи колёс можно было называть весьма условно – руководствуясь лишь сомнительным внешними сходствами. Но как ещё её можно называть? Только представить себе, сколько тяговых быков для неё потребуется – голова кругом у каждого пойдёт.

Расспросив встречных, путники выяснили: незачем задавать глупые вопросы – если повозка крытая, то ни один караванщик ни за какие деньги не скажет что везёт, а той громадины фургон-горы это в первую очередь и касается; некоторые нанимают дополнительную охрану – за мизерную плату, разумеется; тот размером с крепость фургон? Завтра на рассвете его везут в Сар (какое счастье!); хозяин фургона не нанимает охрану – стрек, он здесь один такой.

Как и предполагалось, стрека найти было не сложно.

Серые волоски покрывали хитиновое тело. Пара жёлто-прозрачных крыльев нависала над колючей спиной. Два больших сетчатых глаза отбивали послеобеденное солнце сотнями крохотных бликов. Ветер трепал короткие шершавые головные антенны. Нижняя часть лица почти ничем не отличалась от человеческой: те же губы, щёки, разве цвет – фиолетовый. Между глазами и ртом угрожающе топорщились серпоподобные жвала. Тонкие до невероятного конечности были покрыты тысячами мелких шипов. Стреки никогда не носили одежды – Парфлай, владелец каравана, не был исключением. Разве что – на шее у него висела небольшая фигурка прима, вытесанная из аметиста.

– У меня достаточно стражи отбиться от целой армии, – высоким, клекочущим и лишённым каких-либо эмоций голосом говорил он. – Вы-то мне каким небом сдались?

– Мы отличные воины, – отвечал ему Тис. – Стражи никогда не бывает достаточно.

– Полон Камбалирон таких отличных воинов, – ответил стрек. – И каждый меня обокрасть хочет.

– Мы можем идти бесплатно, – продолжал переговоры Тис. – За еду и место под крышей палатки.

– Еду и крышу, – бесцветным голосом отвечал Парфлай. – Смеёшься, коротышка-крот. За дармовую еду половина этого захолустного городишки пойти готова. Добавь ночлег – и вторая пойдёт.

– Мы заплатим, – встрял в разговор Брок, чем очень расстроил Тиса. – Шесть золотых.

– Хах-хах, – сухой, каркающий звук, повергающий в уныние, вырвался изо рта стрека . – За нашу охрану. За десять дней пути.

– Сколько? – не отступал Брок.

– Вас двое, – начал подсчёт Парфлай.

– Нас трое, – Тис осмотрелся по сторонам, но Лимба не обнаружил, – должно быть, третий затерялся в толпе.

– Тем лучше, – продолжал стрек. – Значит трое, десять дней пути, если непредвиденных ситуаций не будет, – он помолчал, явно прокручивая в голове слагаемые. – Тридцать умножаем на пять, а потом прибавляем, не забыв округлить. В общем, двести золотых.

– Ты дурак? – возмутился Брок. Но двое, словно выросших из воздуха, мускулистых люрта отпихнули его и неприступной скалой заслонили хозяина.

– У меня нет на вас больше времени, – кинул Парфлай и зашагал прочь. – Завтра на рассвете мы отправляемся в Сар. Найдёте к этому времени двести золотых, так уж и быть, приму вас в команду.

– Двести золотых, разодри Гирен его мошонку или что там у него вместо неё! – в сердцах выругался Тис, глядя вслед наглому стреку. – Да на такое богатство шахтёры Сильдигона год копят! На одних сухарях и дешёвой настойке сидят. При чём, их заработок считается достаточно высоким…

Парфлай скрылся в одном из фургонов. Тут же объявился Лимб, который, по своим же словам, засмотрелся на племенного жеребца. Из всех продающихся здесь лошадей, тот вороной самый лучший. Жаль, денег больше нет: так бы хотелось на нём проехаться.

Тис предложил не вешать нос, а разделиться и обойти каждый караван. Площадь гораздо больше, чем этого хотелось бы. Но, как говорится, чем больше море – тем больше в нём рыбы водится. И ни в коем случае не предлагать денег, это особенно Брока касается! Караванщики сами платить за охрану должны – это в их же интересах. А если увидят, что ты готов бесплатно идти или деньги предложишь – обнаглеют до невероятности и на голову залезут. Помашешь перед их носом маленьким мешочком с деньгами – потребуют больше. Принесёшь больше, так они ещё больший захотят. Случай со стреком – более чем показательный. Хотя, Парфлай уж слишком палку загнул. Он или болен на всю голову, или слишком важный товар везёт. Впрочем, одно другому не мешает.

Цепляясь за драгоценные камни звёзд, первая луна уже высоко вскарабкалась по небу, а вторая только начала своё восхождение.

В поиске подходящего каравана удача улыбнулась Броку больше всех. Через четыре дня отправлялся в Сар эшелон телег с вяленой рыбой. Пятьдесят копрей каждому желающему зачислиться в охранники – ничтожно малая сумма для такой тяжёлой работы. Без размышлений, люрт записал себя и спутников. В конце концов, отказаться всегда можно. Но так уж вышло, что это был лучший вариант. Ещё один подходящий караван торговцев отыскал Лимб, но тот должен был стартовать лишь через пятнадцать дней. Всё это время его владельцы проведут на базаре, торгуя ценящимися в этих краях безделушками из Сара. Тису не посчастливилось отыскать хоть что-то подходящее.

Четыре дня прошли в сонном ожидании. Путники сняли комнату в ближайшей таверне. Большую часть времени отдыхали, набирались сил, ведь им предстоял нелёгкий путь.

Утомлённый бездельем Брок не выдержал и в последнюю ночь перед путешествием вышел прогуляться по городу. Тихие и спокойные вечерние улицы. По дороге к причалу встретился пьяный прим, обходящий фонарные столбы, поджигая фитили керосиновых ламп. Брок хотел было завести с ним приятный разговор, и уже даже окликнул работягу, но тот то ли не услышал, то ли претворился, что не услышал. Смутившийся Брок побрёл дальше, мысленно проклиная своё излишнее дружелюбие. У рыбацкого мостика толпились люди в полосатых рубахах. Они пили вино прямо из бутылок, хохотали над бородатыми анекдотами, закуривая глотки тёрпкого вина дымом дешёвых папирос. Во избежание возможных конфликтов, умный Брок обошёл матросов десятой дорогой и свернул к пристани.

Прохладный, полный соли и йода воздух приятно щекотал нос. Море было спокойно – едва слышно звучало успокаивающее пение его волн.

– Привет, здоровяк, – прозвучал низкий женский голос.

Брок вгляделся в полумрак в попытке рассмотреть собеседницу.

– Привет, – неуверенно поздоровался он.

– Ты здесь новенький? – спросил голос.

– Да, – глаза Брока привыкли к полумраку и разглядели крупные черты человеческой женщины.

– Где остановился? – продолжала опрос женищина.

– В таверне «Рыбацкие Снасти», – честно признался Брок. – Недалеко отсюда.

– Не угостишь даму? – спросила женщина.

– У меня три золотых, – Брок решил быть честным до конца.

– Этого вполне достаточно, – оголила мелкие зубы в странной улыбке женщина и взяла грузной рукой локоть собеседника, – пошли.

В Пашнях не было других люртов, и Брок страдал от одиночества. Да, у него были друзья: люди, примы и драги. Но до чего же порой было больно глядеть на Сира, нежно обнимающего Киру, или Дрима, почти каждую неделю замеченного с новой фермерской дочкой поблизости сеновала!

Красавец по всем люртовским меркам Брок был изгоем для противоположного пола. Женщины из близлежащих сёл люртов считали его слишком *очеловеченным*. Женщины людской расы – слишком *олюрченным*. Про порочную связь с другими расами Брок как-то не задумывался... Так он и прожил двадцать семь лет своей девственной жизни…

Путана, с которой Брок провёл тогда ночь, многим показалась бы непривлекательной (и это ещё очень мягко сказано). Но для него она навсегда останется в памяти самой прекрасной, самой лучшей, самой любимой…

Отправка каравана по причине недобора груза задержалась на сутки. Трёх золотых монет, что остались у Брока, хватило с головой провести всё это

время в компании полюбившейся проститутки. Да и путана, казалось, была не прочь поработать внеурочно: здоровяк Брок пришёлся ей по вкусу.

Но всё прекрасное когда-нибудь кончается…

Солнце только принялось пускать стрелы света в нависшую над городом ночь, а караван уже проходил западные ворота Камбалирона. Вереница покачивающихся на неровной дороге повозок была полна вяленой рыбы. В голове эшелона верхом на двугорбом верблюде ехал хозяин товара – толстый, низкорослый человек с тюрбаном на голове, безуспешно скрывающим лысину. По бокам, растянувшись цепью вдоль повозок, шли охранники. В реестр записалось семнадцать мыслящих, трое не появились. Четырнадцать наёмников, хозяин каравана и трое его сыновей – вполне нормально для прохладительной прогулки. Но катастрофически мало для длинной и опасной дороги в Сар! Грабители, работорговцы, дикие звери и потусторонние монстры – далеко не все опасности, способные встретится на пути. Вяленая рыба – не золото, конечно, но интерес у многих зверей Кривого Леса вызовет нешуточный. А именно через него будет идти выбивающийся из графика караван: времени на обходной путь просто не оставалось.

Три дня прошли спокойно. Колёса лениво перекатывались, спотыкались о камни, грохотали повозки. Запах рыбы стоял резкий. Слетались мухи, слепни и прочие мелкие любители падали. Но лучше назойливых насекомых отгонять, чем, к примеру, от набега работорговцев отбиваться.

Утром четвёртого дня пути горизонт окрасился зловещей тёмной зеленью Кривого Леса. Издали казавшиеся игрушечными, сосны и ели с приближением каравана всё вырастали. От толстоствольных громадин до скрюченных карликов – лес был полон деревьев. Через его густые заросли была прорублена дорога, но мало кто пользовался её услугами. Караванщики и путешественники никогда не упускали возможности обойти Лес стороной.

Дорога была завалена осыпавшимися иголками и ветками. Колёса телег с треском вдавливали их в землю. Почва под сухим покровом в некоторых местах была болотистой, и колёса нередко завязали в ней. Приходилось вытягивать. Охранники, идущие в голове эшелона, рвали на корню, а если не получалось – ломали и рубили стволы молодых деревьев; расчищали путь. Последний раз здесь караван проходил год или два назад – всё порядком заросло.

Твистерариус, хозяин повозок с рыбой, орал на всех очень непристойными словами, подгонял. Он всегда славился своей невероятной пунктуальностью выполнения заказов. Ради поддержания репутации готов был драть горло, понося наёмников до самых ворот Сара. И пусть караван двигался с не наивысшей скоростью, а шансы прибыть в срок – велики. Главное, не замедлять взятый темп. Дорога в обход Кривого Леса, которой предполагалось идти в самом начале, отнимала на день путешествия больше. Ох и проклинал караванщик рыбаков, задержавших его товар в Камбалироне ещё на сутки! Когда он кричал, ему невольно представлялось, что кричит на

них. От этого на душе становилось немного легче. Ему… А тем, на кого в действительности кричал – наоборот. Они бы с радостью запихнули эти слова ему в то место, где не светит солнце. За пятьдесят копрей такое терпеть? Но сами виноваты, раз записались в экипаж – никто их насильно не втягивал в это неблагодарное дело.

– Чего медлишь, хвостатый выродок?! – поинтересовался Твистерариус у переводящего дух возле небольшой сосны Брока.

Люрт не обратил внимания на обидное слово, ведь толстяк в тюрбане не мог знать о жизни Брока. О том, что он воспитан людьми, и о том, что в детстве сверстники часто оскорбляли люрта этим болезненным словом. Если бы Брок хоть на секунду усомнился, что Твистерариус этого не знал и лишь случайно назвал Брока выродком – его тупая башка вместе с тюрбаном в тот же миг отделилась бы от заплывшей жиром шеи точно так же, как эта молодая сосна, только что с корнями выдернутая люртом из земли.

Ночь нагрянула нежданно негаданно. Разбили лагерь вдоль дороги – вглубь чащи уходить больного желания ни у кого не возникло. К всеобщему счастью, опасные звери не встретились на пути. Пока…

Сбившиеся в кучки у костров измученные тяжёлой дорогой и ещё более тяжёлыми суеверными переживаниями караванщики начали приходить в себя. Сытая еда и хмельное вино освобождали головы от любых страхов. В сущности, что здесь ужасного? Лес себе и лес. Сегодня ни что на пути сверхъестественное не стало, и завтра как-нибудь всё обойдётся. Если не сбавлять скорости, к завтрашнему вечеру гнетущая густота деревьев сменится воодушевляющей пустотой степи, плавно переходящей в безразличие пустыни.

Тис, Лимб и Брок сидели у одного из костров. Брок всё никак не мог забыть свою *первую любовь*, о чём без перерыва всем рассказывал. Тис в основном молчал. Лимб далеко от него не отошёл, хотя кое-что поведал. Это было впервые, когда он заговорил о своём прошлом.

Полуостров Драгов – идеальное место для спокойной, размеренной жизни. Лимб родом оттуда, из портового города Даршорок. Но тишина и постоянство не стихии Лимба. Только он достиг зрелого возраста, как подался в странствия. Он обошёл много городов, в каждом из них находил себе работу: то охранником, то вышибалой. Иногда даже фрукты с фермерских полей собирал. В общем, мало какой работёнкой брезговал, ведь, чтобы путешествовать, нужны деньги. Его последние работодатели были караванщиками, и везли медвежьи шкуры в Скот. Лимб, прямо как сейчас, был одним из охранников каравана. Но, как это ни печально, караван был атакован головорезами работорговца Краспа. А дальше что было – Тис с Броком знают…

Брок наконец-то спустился с облаков воспоминаний о своей возлюбленной проститутке, на более приземлённую высоту. Так ведь Алерадус может нанять Лимба в качестве дополнительной охраны! У старика достаточно денег и он швыряется ими во все стороны. Если удастся отыскать

друзей, Брок обещает поговорить с магом – люрт почти уверен, что доблестного наёмника примут в команду. Лимбу не придётся лишнее время тратить на поиски нанимателя! Растроганный Лимб долго тряс руку заботливому товарищу.

На этой радостной ноте они втроём и легли спать.

Утренний прохладный воздух пронзился отчаянным, когтями страха раздирающим душу криком.

Проснувшийся раньше всех Лимб орал во всё горло. Под его ногами лежали обглоданные останки того, что раньше было примом – одним из охранников каравана. Всполошившиеся караванщики забегали в ужасе, Твистерариус с сыновьями пересчитали экипаж. Больше жертв мыслящих не было, но убытки одним убитым не исчерпывались: повозка лежала перевёрнутой набок, вся вяленая рыба в ней исчезла. А чуть дальше лежали кости быка вперемежку с его облепленными мухами и личинками остатками внутренностей.

О том, что произошло ночью, можно было только с всепоглощающим трепетом догадываться. Какая бы ни была тварь, сотворившая всё это – работала она бесшумно и быстро. Дежурящий прим даже не успел поднять тревогу. Должно быть, он подошёл к елям, возле которых нашли его останки, по своим насущным делам. Сделал ли он их перед чудовищной смертью или нет – никто не узнает. Самое странное, что следов зверя на земле так и не нашли. Только отпечатки сапог и кротовьих лап, но ведь не мог же вылезший из лесной чащи мыслящий сотворить такое…

Пятьдесят копрей… Бедняга прим помер так и не получив причитающуюся ему мизерную плату в пятьдесят копрей! Пропавший товар и бык стоили в сорок раз дороже!

Но рыдать и впадать в панику по этому поводу ни у кого желания не возникло. Заметно взволновавшийся Твистерариус подгонял всех пуще прежнего, сыновья ему в этом нелёгком деле отлично помогали. Но и без нагоняев охранники бы не сбавляли скорости – задержаться даже на лишнюю минуту в Кривом Лесу никому не хотелось.

К вечеру Лес отпустил караван. Ночью он взял свою законную дань и разрешил идти дальше. Зловещие деревья, безмолвными истуканами неминуемого возмездия нависавшие над караванщиками, сменились сухой травой бескрайней степи.

Лагерь разбили поздней ночью, когда отошли от Кривого Леса на достаточно безопасное расстояние.

Ночью пошёл снег, превратившийся ближе к утру в дождь. Но это не помешало продолжить путь. Грязь хлюпала под ногами и копытами, ледяные капли мочили одежды. Телеги были накрыты кожаными чехлами – за товар Твистерариусу переживать не приходилось, а за промокших до нитки охранников – так подавно. Молнии угрожающе вгрызались в землю голубоватыми червями. Где-то в трёх километрах от каравана, по словам Тиса, прикинувшего запоздание доходящего до его мелких заострённых ушей грома.

Начало темнеть. Сделавшие привал караванщики уже принялись готовиться к ночлегу, а он всё шёл, медленно охлаждаясь, превращаясь в снег.

Брок проснулся от оглушающего гула рога тревоги. Нападение! Двое мыслящих из его палатки уже стояли на ногах. Один из них подносил факел к огню, другой нервно пытался натянуть кольчугу, всё больше запутываясь в массивном, гремящем металлическими звеньями, рукаве. Спина Лимба мелькнула в проходе. Тис выбежал за ним. Брок, как был в спальной рубахе, схватил пернач и устремился следом. Кровь барабанной дробью отбивала в ушах бешеный ритм грядущей битвы.

С темнотой вели неравный бой факелы. Крупицы снега безудержно сыпались с неба. Не скрытые одеждой части тела обжигало морозом. Ноги месили мокрый снег с грязью. Отовсюду слышался пробирающий цепенящим страхом до костей вой. Чёрные волки!

Неразбериха. Луны освещают снег. Метель засыпает глаза. Только твоё оружие. И враг… Повсюду крики, вой, рык, вопли, лязг металла и клыков.

Волки отступили, оставив израненного собрата в объятьях неминуемой смерти.

Два люрта и драг – их изувеченные тела лежали на замёрзшей земле, заметались снегом. Словно сама Природа пыталась исправить жестокость своих созданий, скрыть её жертв под белоснежным покровом снежной чистоты…

Ну что ж, зато все телеги целы: ни одна вяленая рыбина не пропала!

Конец боя ознаменовался началом пасмурного рассвета.

С убитого волка тут же сняли шкуру. С окоченевшего на морозе тела содрать её было не так-то просто, но что не сделаешь ради отличного боевого трофея? Стене гостиной скромного домишки Твистерариуса, что простаивает в Тимпанусе, как раз такого и не хватало!

Погибших в бою наспех закопали в земле. Немой охранник люрт, со слезами закопав изувеченное тело своего брата, набросился на останки волка и изрубил их боевым топором. Он пытался кричать от боли, захлёстывающей его, но изо рта вырывалось лишь приглушённое мычание. Но у многих караванщиков в тот миг это несвязное мычание вызвало столько слёз и страдания, как никогда в жизни не смогли бы вызвать горестные рыдания и всхлипывания всех женщин Главного Материка…

Но нельзя задерживаться – караван должен успеть вовремя.

А дождь всё не прекращался. И без того мокрая дорога превратилась в сплошное грязевое болото. Тонкие колёса телег завязали. Наёмники из охранников превратились в тяговых зверей. Иногда приходилось буквально поднимать повозки и проносить их несколько метров. Ещё двадцать пять копрей каждому за эти усилия – так расщедрился мудрый и справедливый Твистерариус, не забыв при этом выписать хорошую порцию нагоняя всем для профилактики.

Такие затяжные дожди – редкость в юго-западных краях Главного Материка. Случаются раз в десять, а то и в двадцать лет. Кто же мог допустить даже скользкую мысль их появления именно сейчас?

На восьмом дне пути караван наткнулся на жуткое зрелище. Тогда было одно из редких мгновений, когда дождь на время перестал, свинцовые тучи разошлись, дав проход тёплым солнечным лучам. После затяжного ливня солнце казалось чудным божественным даром, который хотелось воспевать в прекрасных песнях. Но эта щедрость природы уж совсем не клеилась с тем, что находилось впереди. Повсюду лежали мёртвые тела, разрушенные и разграбленные повозки, изувеченные трупы быков, лошадей и верблюдов.

Не это ли погибший караван Парфлая, стрека, потребовавшего двести золотых за то, чтобы взять с собой Брока, Тиса и Лимба? Да, точно он! Вот когда-то громадный, а теперь уровненный с землёй фургон, тоннами деревянных балок и громадных обрывков кожи распластавшийся по земле. Что бы за чудовищная диковина не перевозилась в нём, нигде её не было.

Брок отбился от группы. Недовольных криков, как это не странно, вслед не донеслось – наоборот, некоторые караванщики пошли следом. Среди них были даже сыновья Твистерариуса. Ну, Лимб и Тис, само собой, сопровождали товарища.

Мародёры и падальщики постарались на славу. Изувеченные, исклеванные и изъеденные тела мыслящих и туши зверей, обломки повозок – всё, что осталось от когда-то громадного, ничего не страшащегося каравана. От обломков исполинского фургона тянулись борозды в земле, удаляющиеся в северо-западном направлении за горизонт, словно гигантские следы сотен когтей чудовищного монстра-гиганта. О том, кому могли принадлежать эти следы, караванщики даже побоялись подумать.

Нездоровый интерес одолел Брока. Он бегло осмотрел трупы: среди них не было тела стрека. Должно быть, Парфлай улетел с поля битвы, как трусливая муха, успевшая увернуться от мухобойки. По скривленным в ужасе лицам убитых можно было только гадать, какая мучительная кончина их настигла.

Найди путешественники двести золотых, им бы не миновать чудовищной участи…

Десятый день был не лучшим днём в жизни караванщиков. Твистерариус был в невиданной доселе ярости (хотя, казалось, куда уж дальше). Орал на всех, что резанный, даже сыновьям спуску не давал. Подгонял что было сил, но всем было ясно, что в срок ни никак не успеть. Этот проклятый дождь замедлил караван, как тина запутавшуюся в ней черепаху.

К обеду десятого дня тучи расступились, пустив солнечные лучи греть промокшие одежды и лечить хронический насморк и заболевания лёгких. Но порадоваться солнцу Твистерариус никому не дал, заставив всех выложиться сверх оставшихся сил.

Днём одиннадцатого дня мучительного пути караван прошёл Южные ворота Сара. Твистерариус заплатил наёмникам. Больше Тис, Брок и Лимб с ним не виделись – и не собирались.

Об этом караване ещё долго бродили злые сплетни: сделка не состоялась. За опоздание на день, принципиальный заказчик отказался от товара...

Глава 7: *****

Я лезу по скале. Мне тяжело. Острые камни до крови впиваются в руки, но я не останавливаюсь. Наоборот, чем мне больнее, тем упрямей я становлюсь. Поднимаю голову: скала устремляется ввысь. Она так далеко, окутанная облаками – мне никогда на неё не взобраться. Опасливо гляжу вниз: земля в нескольких метрах от ног. За всё это время я смог вскарабкаться лишь на такую мизерную высоту. Казалось бы, лучше всего – спрыгнуть на твёрдую почву, развернуться и уйти. Уйти… Куда? Домой? Но мой дом там, наверху. Или нет? Все эти вопросы не имеют и малейшего значения, ведь я продолжаю взбираться наверх.

Это был сложный, опасный и изматывающий путь, но результат стоит того. Я на вершине. Солнце слепит глаза, но всё же мне удаётся рассмотреть крохотность мира, расстилающегося у моих ног. Махонькие кроны деревьев, зелёным ковром окутывающие землю. Мизерные домики, грибами разросшиеся у извилистой ленты реки. Я жалею, что не родился с крыльями. Только с высоты можно отбросить всю мишуру ненужной беготни, забот и с головой погрузиться в созерцание. Самопознание…

Я на вершине! Я достиг её! Но вдруг что-то колючее прислоняется к моей спине. Я оборачиваюсь: клыкастая пасть покрытой язвами морды. Продолговатые ноздри и пасть выплёвывают мне в лицо чудовищное зловоние. Я растерялся, не знаю, что нужно делать. Уродливая лохматая рука пользуется моим замешательством и толкает меня в грудь. Я падаю вниз. Кричу. Или молчу? Какая разница…

Я открываю глаза. Нет, я не разбился об острые зубья скал. Я пролетел сквозь них и приземлился на мягкую травянистую землю.

Какое неприятное чувство. Меня словно изрезали сотнями сабель – ни одного целого места не осталось. Снаружи я, как и прежде, а вот внутри…

Моя душа кровоточит. Моё тело бездействует. Кто-нибудь, остановите это безумие!

Трава растёт, тянет свои стебли, обхватывает ими моё тело, подобно цепким лапам земного осьминога. Я вырвался, побежал. Но ожившая трава повсюду: она пугающе растёт, ширится с каждым мгновением. Всё сложней избавиться от её шершавых объятий. Мне не суждено спастись: трава обволакивает меня зелёным коконом смерти. Я не могу пошевелиться, не могу вдохнуть воздух. Пульсирующая, нарастающая боль внутри невыносима, она растекается по всему телу кислотными ручьями. Я с ужасом осознаю, что вижу эти ручьи, вижу свои внутренности, обжигаемые ими… Это

продолжается целую вечность. Я беспомощно пытаюсь терпеть, чтобы выжить. Да, я не хочу сгинуть под её наплывом! Я выстою, выдержу, переживу!

В один прекрасный, сладостный миг боль прекращается. Такое облегчение, такая свобода. Я чувствую, как трава постепенно ослабевает. Вот я уже могу пошевелить руками, и тут же разрываю себе путь на свободу сквозь чудовищный травяной кокон, словно новорожденный детёныш драга, пробивающийся сквозь скорлупу своего яйца. Струшиваю слизь, расправляю крылья. Несколько взмахов, и я парю над землёй.

Словно карабкаясь по лестнице, я ловлю воздушные потоки, поднимаюсь всё выше. Ныряю в молочные облака. Выше. Ещё выше. И я вновь на вершине скалы!

Уродливое чудовище, столкнувшее меня, село передо мной на колено, склонило голову. Оно боится поднять свои налитые кровью глаза. Я победил его…

Вид с вершины на распростёртый у моих ног мир уже не захватывает дух. Ведь это не весь Мир, а лишь ничтожная его частичка, раньше казавшаяся Миром. С досадой я понимаю, что мне этой частички невыносимо мало. Ненасытный зародыш нового желания растёт с пугающей скоростью, превращается в уродливого птенца, в нетерпении клюющего мою душу. Его нужно насытить, или он уничтожит меня изнутри. И в надежде избавиться от него я бреду по скале. Под ногами иногда попадаются цветы: суховатые, с тонкими стеблями, они торчат из щелей между камнями. Я сорвал один и вдохнул его тёрпкий, кисловатый пьянящий аромат. Цветок рассыпался в пыль, оставив о себе лишь смутное, странное воспоминание. А в голове стало чисто: запах пыльцы прогнал все мысли, заполнив его приятным чувством спокойствия и умиротворения. Но ненадолго. Вскоре я вновь ощутил внутреннюю пустоту. На сей раз, пустота была ещё больше, чем прежде. Не стоит поднимать цветы – они дают временное облегчение, но накормить безобразного птенца они неспособны.

То, что казалось вершиной, оказалось всего лишь уступом. Громадные стены скалы жадно вгрызались в бесконечную высь, словно зубы чудовищного зверя, пронзая пунцовые тучи. Я должен забраться на неё! Только на самой-самой вершине мне обрести спокойствие, успокоив птенца эгоизма и тщеславия. Это моё предназначение. Моя цель! Или нет? Может быть, это всего лишь ещё одна ступенька гигантской лестницы, и за ней последует ещё одна скала?

А стоит ли на неё забираться? Почему бы не остаться здесь, время от времени приглушая душевный зуд пыльцой сказочных цветов? Мало ли что может поджидать меня на вершине. Смертельно опасно… Но в то же время, жгучее желание добиться новых вершин клювом злобного птенца долбит меня, заставляет не останавливаться. Решение принято за меня.

Я раскинул крылья, приготовился к полёту и тут же ощутил мёртвую тяжесть, словно туши десятков слопров одновременно навалились на меня. Невозможно пошевелиться. Все мои старания оказались бесполезны.

Я понимаю, что могу шевелить головой и оглядываюсь по сторонам. Всё, как прежде, вот только невидимый груз давит меня к земле. Всё ниже и ниже. Лицо смяло цветы. Ещё немного, и моя голова треснет, как переспевшая тыква. Цветы! Моё единственное спасение! Я жадно вдохнул пыльцу примятого цветка. Боль отступила, но тяжесть осталась.

Руки! Я ощутил, как вновь обретаю над ними контроль. Я попытался ползти. Некоторое время ничего не выходит, но я продолжаю дико бороться за жизнь. Не обращая внимания на вновь нарастающую боль и усталость, я всеми силами стараюсь избавиться от своего возникшего ниоткуда груза, и мне это в конце-концов удаётся!

Помятые крылья с ободранными кое-где перьями, разодранная в кровь спина, саднящая боль по всему телу – такова расплата за освобождение. Несмотря на травмы, я могу продолжать полёт – сейчас я хочу этого, как ещё никогда в своей жизни. После стольких усилий я не сдамся! Никогда не сдамся, ни перед чем не остановлюсь!

Взмах крыльев, ещё один. Всё выше, выше. Всё темнее облака. С неба посыпались камни. Я пытаюсь уклоняться от них, но один камень задел крыло. Моё тело беспорядочно кружится в падении. Ветер свистит в ушах. В голове тысячей глоток завывают плачевные мысли. Гибель близко, она здесь, я слышу её смердящее гнилью дыхание.

Всё происходит слишком быстро. Не понятно как, но я вновь парю по воздушным потокам. Повезло? Нет времени гадать, как это случилось. Словно чья-то бережливая невидимая рука помогла мне… Нужно лететь, набирать высоту, стремиться и приближаться к цели. И вновь, всё выше и выше. Уклоняюсь от града камней, ввинчиваюсь в темноту грозовых туч. Ничего не видно. Я наедине с собой. И со своей мечтой. Сверкнула молния, осветив скалу. Скалу? Внушающее ужас и трепет лицо, вытесанное ветрами и грозами из камня. Чёрные впадины глаз и раскрытая беззубая пасть пещеры. Страх обливает сердце ледяным водопадом, но другого выхода нет.

Нужно лететь в эту пасть. Пусть монстр поглотит меня, и тогда я добьюсь своего. Почему-то во мне плещется непоколебимая уверенность, что поступить нужно именно так. Преодолевая сковавший душу ужас, я полетел в разинутый зёв скального чудовища. Невыносимо яркий свет. Боль. Тишина.

Я проснулся.

Глава 8: ***Ночная Бабочка***

Отец всегда хотел лучшей судьбы для своей единственной дочери Джины. И делал для этого всё, что только считал нужным. «Такой красавице нечего делать в нашем паршивом городке!» – твердил он при каждом удобном случае.

Скот, город в котором жила их семья, славился своими скотобойнями, мельницами и копчёными свиными грудинками. Прекрасной дочери мясоруба в нём мало что светило, кроме как продолжать семейное дело. Но вот беда – разделка мяса была далеко не любимым её занятием…

Вечно мечущаяся душа девушки не могла определиться со своим призванием. В один день ей хотелось стать танцовщицей, а уже на следующий просыпалась любовь к верховой езде. То у неё возникал жуткий интерес к отцовской работе, то ей хотелось быть швеёй, как тётушка. А порой ей вообще ничего не хотелось: только гулять по городскому парку и кормить хлебом голубей и ворон. За такое непостоянство близкие шутливо звали её Бабочка. Мол, крылышки красивые, а всё летает с одного цветка на другой без пользы.

Достигнув шестнадцатилетнего возраста, Бабочка-Джина запуталась в паутинке. Да так крепко, что никто и подумать бы не смог.

Сын торговца из Сара. Да, стройный. Да, симпатичный. И деньги, должно быть, водятся, раз у отца только в одном караване тридцать голов скота и сорок голов охраны. Но чтобы ветреная Джина так просто взяла и влюбилась? Да ещё и так серьёзно! Нет, в это даже родная мать поверить не осмеливалась. А ведь о её склонности верить во всё подряд легенды по городу ходили…

Что бы там себе ни думали остальные, а Джина сгорала от любви к Санто. Да так сгорала, что когда он ушёл с караваном обратно в Сар, несколько дней рыдала. А перестав лить девичьи слёды, ходила угрюмей зимней вьюги. Ни с кем не разговаривала, избегала расспросов и практически не выходила из своей комнаты. В таком состоянии она пробыла ещё месяц. До того момента, пока в Скот не прибыл караван. Во главе с её возлюбленным – отец впервые доверил Санто товар. Это была финальная отцовская проверка – если сын не подведёт и успешно совершит сделку, то старику в потусторонний мир в любой момент можно отправляться с чистой совестью. Семейное дело будет на кого оставить.

Мать – как мать… А вот отец воспринял спонтанное намерение дочери более чем в штыки. Из одного беспросветного города в другой, ещё более беспросветный. Она что, издевается? Отец ведь почти накопил достаточно денег, чтобы оплатить её обучение в Картской школе манер. А всем известно, сколько в столице возможностей… Выпускниц этой школы всегда рады принять в высший свет, если они хоть на каплю столь же красивы, как его ненаглядная дочурка… А бросать всё из-за какого-то проходимца? Смешно! Нет, глупо! Джина им перегорит через месяц-другой.

Нет, категорически нельзя допускать ошибки, способной испортить Джине будущее!

Решение отца было окончательным и суровым. Ни мольбы дочери, ни просьбы жены не могли изменить его. Джину заперли в комнате до того момента, пока караван не уедет. Самое странное: за всё время семейных баталий, Санто ни разу не пришёл к ним домой вступиться за возлюбленную. Боялся гнева отца? Возможно…

Как-то, дождавшись поздней ночи, Джина достала спрятанный в шкафу кинжал. Его дал ей возлюбленный и объяснил, что нужно с ним делать. Нет, вены себе резать никто не собирался… Бабочка подошла к двери и принялась ковырять засов. Она старалась делать это как можно тише, но её непривыкшие к оружию нежные ручки то и дело подводили. Каждый раз, когда лезвие лязгало о металлическую задвижку, девушка замирала и испуганно прислушивалась, убеждалась, что никого не разбудила, и продолжала неравный бой с засовом. Сердце стучало бешеным барабаном, страх ледяным вихрем кружился внутри, руки тряслись. Если отец проснётся…

Но никто не проснулся. Джина расковыряла-таки засов и выбралась из комнаты. На цыпочках пробралась в гостиную. В гостиной Джина встретилась взглядом с матерью, лежащей на кушетке. Поругавшаяся из-за слишком сурового запрета с отцом мать не спала. Они некоторое время глядели друг другу в глаза. Первой не выдержала дочь и отвела заплаканный взгляд, устремившись в коридор к парадной двери. Затаив дыхание, она повернула ручку, отворила скрипучую дверь и, как можно быстрей, устремилась подальше от родного дома. К любимому.

Только начинало светать, когда в пригородную палатку ворвалась молодая девушка. Её раскрасневшееся лицо покрывала испарина, мокрые волосы липли к щекам. Она тяжело дышала и еле держалась на ногах. Проснувшаяся от шума Тирфа удостоила девушку сочувственным взглядом и, без лишних слов, уложила гостью в постель из меховых шкур. На своё место, рядом со спящим сном младенца Санто. Измученная Джина заснула ещё раньше, чем голова коснулась мохнатой подушки. Проснулась задолго после, как караван отправился в Сар. Пока она спала, возлюбленный бережно перенёс Джину в свою карету.

Если бы отец Джины знал, что любовник его дочери – многожёнец, то не просто бы запер дверь, а ещё и охрану к ней приставил!

Караван шёл тринадцать дней. Многое случилось за это время. Набеги диких зверей, атаки разбойников, песчаная буря. Но все опасности как будто миновали стороной по самые ушки влюблённую Бабочку. Ведомая лишь огненным маячком своих чувств, она не замечала происходящего. Когда одноглазый разбойник с уродливым бельмом в глазу лез к ней в карету, она не испугалась. Джина твёрдо знала: любимый спасёт её, не даст пропасть в потных руках убийцы. Так оно и вышло, но только не клинок любимого вонзился в спину грабителя. Один из наёмных охранников каравана сделал это. Кстати, до Сара он не дожил: погиб от свирепых лап красного медведя… А когда необузданный ветер песчаной бури перевернул карету, Джина даже не испугалась. Ведь всё равно Санто защитит её, всё равно что-нибудь придумает. Она просидела с Тирфой в перевёрнутой карете несколько часов до того как утихла буря. И ни разу не подала и намёка на переживания. Её спутница кричала, молилась Мастуку и Геллизе одновременно, глаза её тонули

в слезах отчаяния. Бабочка смотрела на неё с удивлением: ей и в голову не могло прийти, что, возможно, это последние минуты их жизней.

Сар встретил Джину неприветливыми взглядами двух оставшихся дома жён Санто. Про них Бабочка, разумеется, ничего не знала. С Тирфой смириться было сложно, но, в конце концов, это произошло. А с ними… Хотя, ради любви можно идти на любые жертвы. Бросить дом, к примеру, проглотить свою гордость…

Джина стала четвёртой и самой молодой женой Санто. Первое время она была невероятно счастлива – даже приехавший следом отец отметил это. Как бы ему неприятно не было, а препятствовать счастью дочери он не стал. В конце концов, если ей хорошо с этим парнем, так почему бы и нет, Гирен подери! Промышленный монстр Сар, конечно, не высококультурный Карт, но коль Джине нравится, то не остаётся ничего другого, как благословить её выбор. Если её не пугает многожёнство мужа, то почему же это должно пугать отца? К тому же, у Санто дела с караванами идут неплохо, безбедную жизнь Джине он обеспечить в состоянии… Так отец и уехал домой с добрыми вестями родным. Даже не подозревая, какая участь ждёт его дочь впереди.

В принципе, с другими жёнами мужа Джина ладила на удивление хорошо. Ревность топилась в безмерном озере любви. Да, были иногда конфликты, но что за семья без них? Тем более, самой любимой всегда оставалась только она. Так могло бы продолжаться вечность. Могло? Но почему тогда не продолжилось? Виной всему – смерть свекра. Будучи старшим из десяти детей, Санто унаследовал все дела отца.

Появилось гораздо больше ответственности. И денег…

Однажды, муж вернулся с очередного рейса. Джина с остальными жёнами встречали его у ворот. Дверца кареты раскрылась, и на землю ступила нога. Нет, ножка молоденькой мулатки – пятой жены. В семье Санто с этим просто – бери в жёны столько женщин, сколько можешь содержать. Раньше хватало золота только на четырёх. Сейчас с этим куда проще. У самого Санто, к примеру, было восемь матерей.

Для Джины всё пошло вверх дном. Словно загнанная в коробку бабочка, она билась о стены охладевших чувств возлюбленного, теряя вместо пыльцы душевные силы. Новая жена была гораздо моложе, а именно это делало её любимой (ну, и её неземная красота тоже небольшую роль сыграла, разумеется). Через несколько лет, скорее всего, её место займёт новая молоденькая красавица, но эти годы ещё нужно прожить…

Пелена чувств постепенно сползала с глаз Джины. Муж переставал быть её жизнью, её вселенной. Она начала замечать в нём некоторые отталкивающие черты, которых раньше просто не видела. Он много пил, был груб. И этот шрам на полспины. Раньше он казался чем-то таинственным, неземным, а сейчас – всего лишь безобразный след от сабли разбойника. Четыре года Бабочка порхала над Санто, как над бесценным цветком. И ради чего? Сейчас он почти не уделяет ей внимания, почти не разделяет с ней

ложе… У него новое увлечение, новая страсть. А что осталось Джине? Смотреть заплаканными глазами на предателя…

Санто занимался любовью с новой женой, когда Джина тихо вошла в спальню. Пробивавшийся с окна лунный свет мягким шёлком ложился на лицо, руку, кинжал… Именно тот подарок возлюбленного, которым она расковыряла засов в своей комнате. Нет, она не хотела убивать мужа, уж слишком много хорошего с ним связывало. Да и Мари она не желала смерти. Чем красавица-мулатка виновата? Джина просто хотела вернуть обратно кинжал – символ их любви. Она хотела бросить его к ногам мужа и уйти. Выйти из ставшего ей родным дома и никогда больше не возвращаться. Но, увидев, как страстно обнимает Санто мулатку, как горячо целует она его в ответ, сознание Джины затуманилось. Налилось ненавистью, заполнилось гневом, закружилось невыносимой вьюгой обиды. Не знавшая насилия рука окропилась кровью. Острое лезвие кинжала вонзилось в спину Мари.

Джина побежала прочь. Как и хотела вначале, вон из дома. Но не гордой одинокой женщиной вышла она на освещённую электрическими фонарями улицу. Она выбежала подлой убийцей. Пути назад не было. Первая мысль, проскочившая в её смутившемся рассудке – утопиться в реке. С Осевого до неё бежать долго, но разве есть другой выбор?

За то время, пока Джина добиралась до Нали, разум более-менее успел проясниться. Чем ближе к реке, тем меньше ей хотелось умирать. Да, она совершила страшное преступление. Да, она заслуживает смерти. Но не такой. Пусть её повесят на площади. Перед толпой осуждающих граждан. Да, так будет лучше… Или нет? В конце-концов, она ещё слишком молода, чтобы умирать…

Джина стояла на гранитном уступе реки, когда её позвал охранник. Скорее всего, он просто хотел предупредить девушку не стоять так близко к краю, а то можно и в воду свалиться. Весть о её преступлении так быстро до него дойти ну никак не могла. Но всё же, Джина не стала ему отвечать, а прыгнула в залитую отходами реку.

Вода имела металлический привкус. Плыть было трудно: сказывались усталость после бега и желание утопиться. Несколько раз Бабочка пыталась уйти под воду и никогда не всплывать, но жгучая жажда жизни не давала довести дело до конца. Так она доплыла до берега Трущоб Недостойных.

На эту часть города закон не распространялся. Власти удосужились лишь поставить охрану на проходе через мост. Да и то, чтобы отлавливать отъявленных воришек. Что творилось в самом районе – мало кого беспокоило. В нём жили самые бедные горожане, не сумевшие найти себе приличную работу или беженцы, совершившие какое-нибудь вопиющее злодеяние и не решившиеся отдаться на милость правосудия. Как это ни странно, преступность в нём была ниже уровня в остальных частях города. Это можно легко объяснить: многие воры жили тут, но занимались своим постыдным ремеслом в других районах. В бедном месте, как известно, многого не наворуешь…

Было трудно начать новую жизнь, полную душевной боли, негодования и нищеты. Всю жизнь Бабочка парила свободно, легко. Близкие всегда заботились о ней, исполняли прихоти. И вмиг всего лишиться, остаться ни с чем. Что делать? Как жить? Запачканная кровью совесть никогда не позволит Бабочке вернуться к родителям. Пусть лучше они думают, что дочь умерла, исчезла, испарилась. Другого выбора нет: придётся жить в бедном районе. Стараться не попадаться на глаза людям. Скрыться в тени ночи. И жить. День ото дня страдая от душевных угрызений.

Первое своё воровское преступление Джина совершила следующей ночью. Всё это время она пробыла на свалке у реки. Жители сбрасывали туда ненужный хлам, тряпьё, гнилые доски и другую подобную дрянь. К огромному сожалению, объедки почти не выбрасывались. А что съестное и попадалось на глаза – тут же сжиралось крысонами и бродячими собаками. Местные бездомные не то, что едой делиться – к огню близко не подпускали.

Голод брал своё. Джина вышла на забрызганную жёлтым светом электрических фонарей площадь. Внутри души была страшная пропасть, дикая пустота, но желание поесть было сильнее: каменной глыбой безразличия оно завалило бесконечный колодец терзаний совести.

На крыше одного из неприметных домов сушилась засоленная рыба. Маленькие распоротые тушки, пронизанные нитью через глазные отверстия. Неплохая закуска под эль. Ведомая голодом Бабочка вспорхнула на крышу, а некоторое время спустя, она была уже на земле. Спряталась в ближайшей темноте переулка, жуя недосушенную костлявую рыбу.

Если выбирать между голодной смертью и кражей, Джина предпочтёт второе…

Ночная Бабочка. Так прозвали Джину её коллеги по ремеслу. Намекали ли они на что-то этим прозвищем или нет? Возможно... Кто-то пронюхал, что родные звали её Бабочкой. А *Ночная* сама собой приложилась. Не секрет: провести с ней ночь желал практически каждый вор мужского пола (женщины тоже попадались). Может быть, холод, с которым встречала всех жаждущих Джина, послужил причиной язвительной приставки? Раз уж она такая неприступная, то пусть хоть прозвище веет теплотой древнейшей из древних профессий… Но самое главное: Джине самой нравилось, когда её так называли. Не понятно почему. Просто нравилось и всё.

Нет, конечно же, она хотела заниматься чем-то более пристойным. Но, обойдя практически каждый дом Трущоб Недостойных, никакой работы кроме торговли телом не нашла. Быть проституткой или воровкой? Не трудно догадаться, что выбрала возненавидевшая страсть женщина. Коря себя за убийство новой жены мужа, Бабочка сочла воровство вполне безобидным делом. Вначале еда, потом деньги… постепенно это стало неизменным образом существования, который затягивал девушку, как зыбучие болота. И чем дольше она этим занималась, тем меньше ей хотелось заниматься чем-то другим.

Тянулись серые, мало чем приятные дни воровской жизни.

Однажды под утро Джина проснулась от кошмара. Ей приснилась та жуткая ночь: багровевший в крови кинжал и испустившее дух молодое тело. Всё вмиг всплыло. Притупившиеся временем терзания, душевные боли, страдания. Воровка и убийца – ей нет места на этом свете. Пора перестать отводить глаза от взора судьбы: нужно покончить со всем этим раз и навсегда! Нужно пройти через мост – в прошлую жизнь и искупить свою неискупимую вину. Охранники схватят её и отведут под суд. Публичная казнь – это даже больше, чем заслуживает такое чудовище как Джина.

Не слыша свои мысли от страха, девушка перешла мост через реку Нали и очутилась в Осевом районе. Стражи у мостовых ворот даже не посмотрели в её сторону.

Джина молча брела по когда-то родным улицам. К дому, в котором она больше никогда не будет желанной. Всё происходило как во сне, словно не с ней. Вокруг жизнь текла ленивым чередом, каким-то замедленным, размытым. Все звуки смешались в единый гул, который с каждым шагом всё нарастал, давил, мешал идти дальше. Прохожим не было дела до одиноко идущей девушки. Будто бы и не знали, каким монстром она является. За всё время к ней не подошёл ни один охранник. Из-за запаха, может? Жизнь в деревянной коробке близ свалки одежду цветочным маслом не пропитывает. Смешно и грустно одновременно. Смешно оттого, что ещё жива, грустно – что будет жить дальше…

В бывшем ещё недавно родном доме окна были заколочены досками. Потом Джина узнает, что крупный каравановладелец Санто забрал всё своё движимое имущество и отправился прочь из Сара. По словам завсегдатаев таверн, он отправился в Карт. Мол, там выгодней развивать дело – цены на его товары и услуги выше и покупателей больше. Было ли это так, узнать вряд ли доведётся. А вот самое странное, что никто никогда не слышал про смерть новой жены караванщика. Один человек даже божился, что видел её скучающее лицо, выглядывающее из окна кареты, когда Санто всей семьёй покидал Сар. Но тот, кто это утверждал, был ещё тем пьяницей, прослывшим невероятным брехуном и фантазёром. Были случаи, когда он выходил невменяемый из питейного заведения, залазил на ближайшее дерево и драл горло, что видит божественное начало…

У Джины промелькнули мысли остаться в Осевом районе. Завязать с воровством и найти какую-нибудь приличную работу. Но эти рвения утонули быстрее булыжника, брошенного в реку. Совесть тут же напомнила о себе, когда Бабочка встретила знакомую женщину, неизменно торгующую невдалеке от бывшего дома овощами. Казалось бы, ничего особенного, а Джине эта встреча – как ятаганом по горлу. Шелест листьев, лай собак, скрип паровых повозок, выкрики мальчуганов-газетчиков и громкий гул воздушных вагонов – всё напоминало о прошлой жизни и о совершённом злодеянии. Никогда Джине не быть тут спокойной. И вообще – нигде. За свой страшный грех она достойна жить только в Трущобах Недостойных – так она решила, так оно и будет.

Два года прошло с тех пор. За это время она успела сменить коробку близ свалки на крохотный домишко с облупленными стенами. Хозяйка халупы появлялась раз в месяц собрать дань в пятнадцать копрей. Других посетителей её порог практически не знал.

Ещё не было случая, когда время не расставило бы всё по своим полочкам. Впившаяся в сердце заноза совершённого злодеяния округлилась, превратившись в свинцовый шар. Его тяжесть всегда будет давить душу. Но угрызения и самоистязания перетекли в холодное безразличие. Да, затуманенное ревностью и обидой сознание совершило страшную ошибку, но ведь жизнь продолжается. А может свершилось чудо, и Мари выжила? Рана была глубокой, но местные лекари и не такое вылечить способны. Хотя, Джине никогда этого не узнать. Да ей этого особо и не хотелось – поздно уже. Прошлое сгорело огнём разочарования, а нынешнее прорастало сухими ветвями из осевшего пепла. В нём не хватало места для воспоминаний. Аскетическая жизнь воровки удачно топила их, разрывала на куски – стоило им лишь показаться.

Вопреки прозвищу, Джина работала днём. Ночная Бабочка впархивала в толпы спешащих по своим делам граждан. Присматривалась, примерялась, кружила возле наживы. Если всё было в порядке, то улетала с добычей. Если чуяла опасность, то уходила ни с чем.

Украсть много ума и мастерства не занимает. А вот украсть незаметно – ремесло, требующее незаурядных умений. Прирождённый талант, пьянящий взгляд, немного везения – вот три составных успеха Джины. За всё время ни разу никто не поймал её на горячем.

Лай дворовых собак разбудил Джину. Солнце ещё не успело показаться из-за зубчатого силуэта исполинской стены, и город освещался остатками шёлковых лучей не скрывшейся луны. Фонари были отключены, а улицы пусты. В дверь настойчиво постучали. Бабочка никого не ждала сегодня. В принципе, она никогда никого не ждала… Показалось? Нет, стук повторился настойчивей прежнего. Кто бы это мог быть? Терзан, Глава Гильдии Воров? Возможно… Он уже давно на Джину глаз положил. Но чтобы сам пришёл? На него не похоже: самолюбие не позволит. Тогда, скорее всего, это его посыльный. В дверь заколотили ещё напористей. Бабочка нехотя сползла с кровати, скрыла стройное тело когда-то бардовой, а сейчас безнадёжно выцветшей накидкой и, шлёпая по дощатому полу босыми стопами, направилась к двери. Или это хозяйка стучит? Она в прошлый раз недовольная какая-то была. Может быть, выселить хочет? От этой старой кривой коряги можно всего ожидать. Блюстители правопорядка? Очень, очень маловероятно. Они в Бедный район наведываются разве что бордель посетить. Им вообще дела нет до преступности: они сами по себе, воры сами по себе. Никто никому не мешает. И тем и другим главное – деньги из приезжих выколачивать. Воры крадут, а стражи услуги предлагают: то конвой, то товар постеречь. Санто? Зачем его вспоминать? Никогда он не придёт! Да и не нужен он вовсе, подлый двуликий разрушитель женских судеб! Он в прошлом. Все в размытом

временем и невероятными переменами прошлом. Хотя, зачем гадать? Джина и так прекрасно знает, кто стоит за дверью. Только один человек может.

Это был он. Парень с лицом мечтателя – Дрим Плувер Младший.

Впервые Джина встретилась с ним несколько недель назад. Парень в компании старика, волка, прима, влюблённой парочки, грузного юнца и верблюда прошёл через главные ворота. Из толпы его выделял задумчивый взгляд. Такого глубокого самозабвения Бабочка ещё не встречала. Что хорошо, ведь чем задумчивей человек, тем проще его обокрасть. А он буквально светился безразличием к своему имуществу. Как можно было упустить такой щедрый подарок Сифы?

Некоторое время Джина держалась на расстоянии. Парень, может быть, и простак, но его компаньоны по сторонам озираться не забывали. Женщина то и дело за пояс бралась – кошелёк проверяла. Её возлюбленный вторил примеру. Сразу видно, что одного сапога пара. Бабочке стало тошно от их обменов тёплыми взглядами, а ведь когда-то и она так смотрела на мужа… Прим весь заведённый, как пружина. К нему стоило только пальцем прикоснуться – на сто метров подпрыгнул бы. Волк шёл небрежно, лениво передвигая лапами, но Джину этим напускным спокойствием не обмануть. Она с лёгкостью уловила его напряжённый, бегающий в поиске угрозы зрачок. Старик не выказывал и намёка на эмоции. Таких фруктов лучше вообще стороной обходить. Наверняка он какой-нибудь целитель или маг. Украдёшь чего – потом всю жизнь жалеть будешь. Или проклятье нашлёт, или трав ядовитых подбросит. А юнец был слишком перепуган и напряжён, чтобы стать простой добычей.

Подходящий момент: с грохотом пронесся состав небесных вагонов. Вся бражка подняла в удивлении головы – сразу видно, что не местные. Джина влилась во встречный поток людей. *Случайно* столкнулась с парнем: ловкая воровская ручка в мгновенье сняла с его пояса увесистый кошелёк и спрятала добычу в потайной карман широкого рукава сорочки. Пока злодеяние происходило, ни о чём не подозревавший парень встретился взглядом с обворовывающей его девушкой. Как и всех остальных, его ошпарили кипятком страсти чёрные глаза красавицы. Его рот приоткрылся, и можно было поспорить: попробуй он сказать чего – промямлил бы какую-нибудь несуразицу. Такая реакция всегда забавляла Джину. Но сейчас, кажется, она сама запуталась в глубоких зелёных зарослях его глаз. Такого с ней не происходило давно, если вообще происходило. Опомнившись, она виновато улыбнулась и растворилась в бурном потоке толпы.

Весь день Ночная Бабочка корила себя за тот случай. Так по-дилетантски повести себя! Поддаться порыву чувств. Посмотри она в глаза ему чуть раньше – точно на горячем поймалась бы. И кто знает, чем бы всё кончилось? В лучшем случае, тихонечко побили. Хотя, за те тридцать с лишним золотых монет и убить не грех. Всё обошлось как никак удачно, но в следующий раз нельзя такого допускать.

В обледеневшем сердце Джины не должно быть места теплоте!

В надежде забыть о допущенной оплошности, Бабочка решила развеяться. Среди всех трактиров района, «Седой Дигр» был её любимым. Впрочем, как и у многих жителей Трущоб Недостойных. Тёплая, дружеская обстановка, никто не задаёт лишних вопросов, никто не пытается с тобой навязчиво познакомиться. И о безопасности своей не нужно переживать: хозяйка трактира Ярла – колдунья, наложившая на вход заклятье. Никто не мог зайти, держа плохие помыслы в сердце. Лишь жаждущий отдохнуть не ввязываясь в потасовки мог насладиться её лучшим в Саре элем и горячей пищей за смехотворную плату. Это может показаться странным, но не было ещё и одного случая, когда бы Бабочка осталась у входа. Неужели даже у неисправимой преступницы может быть чистое сердце?

Любимое место Джины в дальнем углу зала было свободно, как и всегда. Сидя спиной ко входу, скрываясь за грубой материей накидки: лучшего отдыха для воровки и не придумаешь. Хозяйка не спрашивая принесла кружку эля и жареного цыплёнка. Всегда угадывать желания посетителей: её прирождённый талант или тут без магии не обойтись? Джина уже перестала задаваться этим вопросом и принимала всё как должное.

Дверь отворилась. Немного помешкав, вошли двое: прим и *он*. Тот парень! Холодом обожгло спину. Бабочка тут же отвернулась, получше скрыв лицо широким мешковатым капюшоном. Нужно подождать пока вошедшие усядутся. Потом незаметно прошмыгнуть к выходу. Да, это было бы самым лучшим решением, но что-то держало. Что ж, если сидеть тихо, украдкой поглядывая в их сторону, ничего страшного не произойдёт. А даже если *он* и узнает? На этот случай Джина такой концерт для всех разыграет, что парень не то, что обвинять в воровстве раздумает, но и убраться поскорее из таверны поспешит. Не сложно догадаться, чью сторону примут местные посетители. К чужакам здесь более чем с настороженностью относятся.

Зачем Бабочка осталась? Из чистого интереса? Возможно, но только отчасти. Хотела обворовать прима? Да ей украденного на несколько месяцев хватит к ремеслу не возвращаться. Стало жалко недопитый эль? Так его почти и не осталось. Что тогда? Невозможно понять. Захотелось остаться и всё!

Завидный аппетит чужеземцев к баранине мог уступить лишь ещё большему аппетиту к элю. Прим пил быстрее. И быстрее хмелел, соответственно. Поехали! Вот он уже всех угощать начинает. Дрим подсел к старому щупу с бокалами эля в руках. Пьяная гульба, одним словом. Чего от мужиков ещё ожидать можно? У него деньги украли, а ему всё лишь бы элем залиться. Или это с горя? Сейчас пора бы и убраться. Нет. Не пора. Хочется знать, чем это всё кончится.

Ну слава тебе, Сифа, у Ярлы кончился эль! Посетителей как хокора языком слизала. Парень растормошил своего друга прима и они, шатаясь на пару, направились к выходу. Выждав нужно время, Джина вышла следом.

Пьяными петлять по неизвестному ночному городу! Что не местные – на лбу ведь написано! Долго же дорогу домой искать будут. Если найдут к утру –

считай повезло. Про то, что лучшей добычи для грабителей и придумать нельзя, говорить не приходится. Так уж и быть, Джина пойдёт следом за ними. В случае чего, поможет. Эта услуга с лёгкостью потопит крохотную остроносую лодочку совести.

Долго ждать не пришлось: за пьяными товарищами увязалось три тёмных силуэта. Словно из земли выросли, заразы. Надеяться на лучшее можно, но готовиться следует к худшему. Вряд ли эти полуночники на прогулку вышли.

Кровь Джины застучала по вискам боевым барабаном, когда Кич свалился от удара палкой. Дрим успел повалить на землю нападавшего. После таких ударов вряд ли тот вскоре поднимется. Остальные двое не медлили: сваливший прима заехал парню палкой в затылок; не успел Дрим упасть, как второй пнул его ногой в спину.

– Не смейте их трогать! – окатила пустые улицы воинственным криком Ночная Бабочка. В свете электрических ламп блеснуло лезвие метательного ножа. Её пальцы выпустили рукоять. Через секунду на земле валялся один из нападавших, держался за ногу и вопил, что треглавая горилла в сезон спаривания. Второй тут же укрылся за стеной дома. Метательным оружием его не достанешь. Джина побежала в обход, её пальцы крепко сжимали тонкую рукоять кинжала.

Взмах палкой. Бабочка еле успела увернуться. Нападавший был ловок и отлично владел своим оружием. Каждая его атака была свирепей прошлой и не успей девушка увернуться хотя бы от одной, исход боя был бы плачевным (для неё, разумеется). Мастерски проведённая Джиной подсечка. Годы воровской жизни научили её многому. Совершать неожиданные, порой даже подлые удары, к примеру.

Враг лежал на земле, когда Бабочка проткнула его руку кинжалом. Не успел он закричать, как то же самое случилось и с его ногой. От болевого шока он потерял сознание.

Раненный метательным ножом куда-то уполз. Вырубленный Дримом так и лежал, раскинув руки в позе безмолвного непонимания. Медальон с его шеи уж очень приглянулся Джине. За такой на чёрном рынке не больше десяти копрей дадут – продавать смысла нет – зато красивый: овал тёмного со светлыми прослойками янтаря с выгравированной мордой дигра, извергающего пламя. Не захватить медальон с собой было бы для Джины тяжёлым преступлением против собственной совести.

Ну и мороки с этим парнем и его другом! Мало того, что защищать от бандитов, так Джине ещё и тащить их к себе надо – больше ведь некуда. Мало ли где они остановиться могли, если вообще где-то остановились. Не оставлять же их бессознательно лежать посреди улицы? Всякое случиться может. Вдруг уползший бандит друзей приведёт. Или кто мимо проходить будет.

Тяжёлые, алкоголики, трудно тащить, но что тут уже поделаешь? Проклиная тот миг, когда утянула набитый золотом кошелёк, Джина поволокла Дрима и Кича к себе домой. Тащила она их по очереди – за руки. И

если бы её скромная обитель не находилась в двух кварталах от места драки, то Джина давно бы уже их бросила.

Дрим проснулся первым. Солнечный свет густой лентой протекал через окно в убогую комнатушку. На полу храпел Кич. Обшарпанные стены, потрескавшийся потолок, перекошенный набок сосновый шкаф и стул на трёх кривых ножках. Дрим невольно отметил, что, невзирая на бедность интерьера, грязи на полу не было, а на стенах и потолке не вили сети пауки.

Поныв для приличия о боли в голове и убедившись, что слушать некому, Дрим поднялся с постели. Сильно саднило в затылке. Нащупал громадных размеров шишку, при прикосновении разражающуюся невыносимой пульсирующей болью. Осмотрелся и наткнулся взглядом на незамеченный ранее деревянный сундук внушающих уважение размеров. Интересно, что хранит в сундуке хозяин комнатушки? Дрим обязательно бы это проверил, чтобы развеять скуку, побудь он тут ещё часок-другой.

Наблюдавшая через щель в стене Джина собралась с духом и вошла в дом. Некоторое время они молча глядели друг на друга. Даже сильный удар не в состоянии выбить из головы Дрима воспоминания о прекрасной воровке.

Первой заговорила Джина:

– Я не знала где вы живёте, поэтому приволокла вас к себе.

Дрим молчал.

– Те ребята здорово вас отделали. Не успей я вовремя… Там было сильно шумно… – Джине всё больше становилось не по себе от непонятного то ли удивлённого, то ли нежного, то ли осуждающего взгляда собеседника. – Не молчи ты! Да, это я тебя вчера обокрала! Что здесь такого? Это мой заработок, – она с вызовом поглядела на собеседника, но он всё так же молчал. – Да скажи же что-нибудь! Деньги отдать? Я их отработала, когда спасла ваши пьяные шкуры. Если ты ценишь жизнь дешевле, чем три с лишним десятка золотых, то…

– Меня зовут Дрим Плувер Младший, – представился хрипловатым голосом парень. – Я из Пашней. Путешествую с друзьями в качестве охраны полусумасшедшего мага. А ты?

Бабочку обескуражил такой ответ. Собравшись с мыслями, она не нашла ничего лучше как тоже представиться:

– Я Джина. О моей профессии ты, должно быть, догадываешься. Собратья по ремеслу шутливо зовут Ночной Бабочкой.

– Очень приятно познакомиться, Джина Ночная Бабочка, – Дрим подошёл ближе. – Я даже не знаю как тебя отблагодарить за спасение и приют. Если бы у меня были ещё деньги…

Джину словно кипятком ошпарило.

– Засунь свои слова обратно в глотку! Думаешь, я такая продажная? Я ворую чтобы не подохнуть, что собака, с голоду!

– Прости, пожалуйста, Джина, я не хотел тебя обидеть, – виновато улыбнулся Дрим.

– Не хотел он обидеть! – не могла успокоиться Джина. – Надо было вас там и оставить, мерзкие пьяницы! О великая Сифа, за что мне такая неблагодарность?! А ну вон из моего дома!

– Я не хотел обидеть… – пытался оправдываться Дрим.

– Вон! – топнула ножкой Джина и нервно указала пальцем на дверь.

– Но… – развёл руки Дрим.

– И дружка своего лохматого захвати! – рявкнула девушка. – Ничего с ним, любителем шумных гуляний, не случится! Свежий воздух вам на пользу!

Джина хлопнула дверью, оставив Дрима и сонно озирающегося по сторонам Кича наедине со двором, уличными псами и кривым деревянным заборчиком.

Выгнанные гости ушли в грязь улиц, а Джина обессилено свалилась на кровать и разрыдалась. Воровка! Сейчас она ненавидит себя больше чем когда-либо. Слова Дрима задели за живое: бесчувственное существо с мыслями только о золоте. Вот кем он её видел. Должно быть, так думают и остальные. До чего же обидно! Блеклая тень человека, пустая оболочка. Как можно было докатиться до такого?

К вечеру Джина окончательно выплакалась. Ей стало легче, но неприятный осадок остался. Одолеваемая туманными мыслями, она уснула и проспала целые сутки.

Всё время с того момента и до утреннего стука в дверь Джина провела дома. Денег было предостаточно, а желание выйти куда-нибудь дальше базара не посещало. О многом успела подумать Бабочка. Многое поняла. Многое переосмыслила. Никогда больше она не украдёт и один копрь. Хватит уже топтать себя в грязь подобными поступками. Она уже предостаточно настрадалась. Сполна. Нужно ещё немного собраться с духом, всё как следует осмыслить, понять. И когда она почувствует, что готова – вернуться домой. В родной город Скот. К родителям, который год не слышавшим и весточки о дочери. Какой же эгоисткой она была. Можно только представить, как они переживают. И ждут…

Дрим стоял у порога. Его глаза лишились того мечтательного блеска, который так хорошо запомнился Джине. Серый налёт тревоги и ответственности сменил его.

Глубоко вздохнув, парень заговорил:

– Джина, наша последняя встреча не была самой лучшей…

– Я тогда погорячилась, ты уж прости, – пожала плечами Джина.

– Нет, лучше ты меня прости, – стоял на своём Дрим. – Мне не следовало такое говорить…

– Я прощу тебя, если ты простишь, – сказала девушка.

Дрим попытался выдавить из напряжённого лица улыбку, но получилось весьма жалкое зрелище. Бабочка улыбнулась в ответ. Не смотря ни на что, она была рада гостю.

– Зайдёшь в дом или так и будем стоять на пороге, лай собак слушать? – пригласила Джина.

Дрим молча кивнул и вошёл. Только сейчас Джина обратила внимание на то, что ноги его почти не держат. Не спрашивая разрешения, он сел на кровать. Тяжело вздохнул и умоляюще посмотрел на девушку. Полный отчаяния взгляд пробрал Бабочку до костей.

– Мне нужна твоя помощь, – после долгой паузы заговорил он, – мне больше не к кому обратиться.

Джина молчала, предчувствуя недоброе.

– Ты хорошо умеешь постоять за себя. Нам такие нужны.

– Для чего? – Джина села на кровать, рядом с гостем.

– Мы с друзьями отправляемся в Стальню, – принялся объяснять Дрим. – Путешествие не из лёгких и лишний охранник нам очень даже не помешает.

Бабочка вздохнула с облегчением. А она-то думала…

– Я знаю, что ты не любишь об этом говорить… – замялся Дрим. – Не посчитай мои слова обидными… В общем… если ты согласишься, я готов заплатить очень неплохую сумму. Я теперь богат.

Джина только пожала плечами в ответ.

До Стальни далеко. И опасно. Но это прекрасная возможность покинуть когда-то любимый, а теперь всей душой ненавистный Сар. У Джины как раз будет время обо всём поразмыслить. По крайней мере, это лучше, чем безвылазно сидеть в домике с облупленными стенами. Тем более, это честный заработок. Ещё один шаг, отдаляющий от не столь давнего воровского прошлого.

– Ты теперь богат? – переспросила Джина. – Какого богача ты прирезал?

– Наш наниматель. Маг, Алерадус… – Дрим некоторое время молчал. Эти слова было трудно говорить, но последующие ещё труднее. Он еле сдерживал себя от наплыва горестных эмоций. – Он мёртв… Его предательски убили... Я не хочу об этом больше говорить!

– Прости, я не знала… – Джина почувствовала себя полной дурой.

Дрим несколько раз глубоко вздохнул и продолжил:

– Он передал мне всё своё золото перед смертью. И не только его… В любом случае, он приказал нам идти в Стальню. Это была его последняя просьба.

Воцарилось неприятное молчание. Дрим с трудом сдерживался, чтобы не расплакаться. Бабочка молча смотрела то на него, то на потрескавшуюся доску пола. Странный и непонятный этот Дрим. Он с такой горечью говорит о том, что получил наследство… И даже ни на секунду глаза не блеснули хищным блеском, словно деньги его совсем и не волнуют…

– Ну так что, – затянул разболтавшийся узел нервов Дрим, – пойдёшь с нами?

– Куда я теперь денусь? Как бы твоё спасение не вошло мне в привычку… – пошутила Джина. Её бледное, казавшееся вылепленным из снега, лицо засияло тёплотой улыбки.

Глава 9: ***Кинжал Спайкнифа***

Голова раскалывалась от тягучей боли. Кичу было ещё паршивей: он то и дело жаловался на ноющую боль в груди – как бы его рёбра целы остались. Те бандиты, да горят они в потусторонних кострах, нас здорово отделали.

Долго же мы с Кичем бродили в поисках нашего постоялого двора. Та импульсивная воровка в мыслях засела железным колом. Выгнала нас как бродяг юродивых. Я, конечно, понимаю: она нам жизнь спасла и вправе вести себя как посчитает нужным. Но что я ей такого сказал? Почему она так взбесилась? За спасение обычно благодарят. А как мне её ещё отблагодарить кроме как не деньгами? Вполне даже логично, казалось бы. Странная она какая-то. Воровать-то ещё как умеет, а заикнись про золото – сама добродетель…

В одном из пахнущих вяленой рыбой вперемешку с гарью переулков нас встретил Бирюк. Я уже выучил некоторые слова его языка, поэтому понял, что нас ожидает не очень тёплый приём. Волк провёл нас до постоялого двора, где ждал разгневанный Алерадус.

Впервые за всё время я увидел изменения в мимике его лица. Снежные брови нависали над глазами хищными птицами, зрачки блестели недобрым светом, а нижняя губа то и дело подрагивала подобно судорогам умирающего крысона. За всю свою жизнь я никогда не слышал таких ругательств и проклятий, вылитых в тот злополучный час на нас из его рта. Мы успели побывать такими диковинными существами как «свёрнутые в кольца гноеточащие черви», «дряблые с отпавшими хоботами слопры» и «самопожирающие двухголовые шакалы». Про другие прозвища я стараюсь не вспоминать… Чего это он так завёлся? Даже если б нас и убили, ему-то что? Нанял бы себе ещё кого-нибудь.

Получив знатную порцию нагоняя, мы с Кичем позорно удалились отлёживаться в номер. Благо, хоть друзья приняли нас не так холодно. Лорк, к примеру, с щепетильностью заботливой матери носил из колодца во дворе холодную воду для компрессов. Сир тихонечко шептал возлюбленной: как же всё-таки хорошо, что у них хватило мозгов не пойти с нами. Кира лишь молча кивала и сочувственно разглядывала наши опухшие лица. В каких бескрайних высотах летали её мысли – даже страшно было подумать.

Друзья рассказали, что у мага ночью было видение. Очень неприятное видение… Он разбудил всех и заставил идти на поиски меня и Кича. Бирюка в конюшне, как назло, не оказалось. Непонятно зачем, Алерадус разбудил верблюда и поволок за собой. Сонное животное пыталось сопротивляться, но колдун с такой силой дёрнул поводья, что то чуть было не повалилось наземь. Откуда в сухощавой старческой руке взялось столько силы – остаётся только гадать.

Это смотрелось со стороны не совсем обычно: сверкающий отражающимся в глазах огнём факела старик, тянущий за собой верблюда, и

трое идущих следом людей, настороженно озирающихся по сторонам. Но на мнения ошарашенных прохожих магу было откровенно наплевать. Его ночное видение предрекало страшную беду, и он ни перед чем не собирался останавливаться, чтобы отвратить её.

В одном из переулков толпились люди. Некоторые из них держали факелы, что дрожащими на ветру языками пламени скупо разбрызгивали свет на хмурые лица. Ближайшие ночные фонари не работали, и огонь факелов был единственным источником света.

Поработав локтями, Алерадус проник внутрь толпы. Должно быть, он предполагал увидеть там мой окоченевший труп или оторванную голову Кича. К счастью для нас, его подозрения не подтвердились. Это для нас, к счастью…

В кровавой луже лежало изувеченное женское тело. Многочисленные рваные раны могли быть оставлены лишь зубами или когтями зверя. Самое ужасное, у тела вместо ног багровели мясные обрывки с обломками костей. Чудовище устроило себе кровавый ужин… С тела шёл слабый пар, что значило лишь одно – страшное убийство было совершено не так давно. Может быть, монстр был совсем неподалёку, и наблюдал за людьми из тёмных глубин улиц, высматривал новую жертву…

Кире показалось, что вдалеке блеснуло два красных огонька, похожих на блеск громадных кровожадных глаз. Но не успела она испугаться, как видение прошло. И, слава Мастуку, больше не повторялось.

Кто-то из толпы узнал убитую женщину: она работала проституткой и жила здесь неподалёку. Сегодняшняя смена оказалась для неё последней.

В толпе зашептались. Такого в этих краях не было уже несколько десятилетий. Один старый драг вспомнил, как на его молодые годы выпало повидать подобное. Тогда взбесившийся чёрный волк пролез в Трущобы и загрыз за ночь шестерых карлов и одного прима. Волка изловили и убили, а лес, из которого он пришёл, родственники и друзья погибших спалили дотла. Вблизи Сара нет теперь леса… Если нынешний убийца – волк, то пришёл он откуда-то издалека. Многие согласились со стариком. Волк или нет, а прийти точно издалека должен – больше неоткуда. Низенький драг прошепелявил, что недавно видел компанию людей, которую сопровождал волк, но видел мельком, а посему ничего толком сказать не мог. По толпе прошёлся гул: да, должно быть, это он…

Ледяные букашки забегали по моей спине. Нас с Кичем сегодня первым встретил Бирюк. Его шерсть на морде была испачкана чем-то красным. Я тогда не придал значения: мало ли что это могло быть. Ягодами где-нибудь вымазался или с охоты только вернулся. Но ведь в такой же мере это может быть и кровь той девушки! Неужели, правда? Отказываюсь верить. Невозможно! Чтобы Бирюк…

Друзья, перебивая друг друга, продолжали рассказывать. Сцена ужасной смерти не стала последней точкой их поисков. Они продолжили прочёсывать улицы до самого утра, но так ничего и не нашли. Когда пришли в постоялый двор, то обнаружили Бирюка, спокойно себе спящего в конюшне. Друзья

испуганно переглянулись: морда его была выпачкана кровью. Посмотрели в недоумении на Алерадуса, но маг только отрицательно покачал головой: нет, волк не способен на такое. Сомнений нет, он ходил на охоту, где-нибудь за городом поймал пустынного кабана или ещё кого съедобного.

Проснувшись, Бирюк отправился на наши поиски. Кто бы сомневался, что он нас выследит? Хотя, я бы сомневался, ведь Брока он так и не нашёл...

Тревога закралась в мою душу. Так ли хорошо мы знаем своих компаньонов? Что я слышал про Алерадуса кроме полуправдивых слухов? Кем он был в прошлом? Вдруг они со своим волком на пару убивали и грабили людей? Опустошали, жгли магией, рвали клыками мелкие поселения? Я слышал, что некоторые колдуны, пустившие злость в своё сердце, способны и не на такое… Если наш наниматель один из них? Поселился в Пашнях на старости лет. Городок тихий – чем не приют для отставного душегуба? Это маловероятно, конечно, но о чём в этой жизни вообще можно с уверенностью говорить? Его постоянно лишённое эмоций лицо – кто знает какие секреты хранятся за этой маской? И даже если маг ни в чём не виноват, если покрывало совести он всю жизнь гордо нёс над грязью тёмных дел, то что же Бирюк? Он ведь волк! Пусть и умеет мыслить как я, но это не избавляет его от сущности зверя. Даже я порой не могу совладать с инстинктами. Что тогда говорить о громадном шерстяном мешке, набитом стальными мышцами, когтями и клыками?

Остаток дня я отлёживался в номере. Кич валялся на соседнем матраце, явно без каких-либо намерений на прогулки. Алерадус не заходил к нам – да и желания с ним видеться ни у меня, ни у Кича не возникало.

Ночью было тихо. Я бы даже сказал – подозрительно тихо…

Утром меня разбудил тревожный голос Киры. Спозаранку, она вышла во двор набрать воды из колодца. У источника толпились другие постояльцы. Один крот, размахивая ведром, рассказывал, как этой ночью шёл из таверны и наткнулся на изувеченное тело женщины. Он пустился было на поиски убийцы, но, как следует всё обдумав, решил: не стоит этого делать. Убитой уже не поможешь, а себя подвергать – какой смысл? Мало ли что за существо вырвало из женщины душу… Присмотревшись, крот узнал проститутку. Нет, не подумайте ничего, он никогда не пользовался её услугами. Что вы, просто, экхм, узнал и всё… Говорят, позавчера тоже нашли тело мёртвой путаны. Совпадение или шокирующая закономерность?

– Бирюк? – несмело предположил Кич.

– Я хотела зайти к нему в конюшню, но побоялась, – отвечала Кира. – А вдруг, действительно…

– Друзья, давайте не будем перескакивать к поспешным заключениям, – с умным видом мальчика-заучки предложил Лорк.

– Ты, Лорк, вообще молчи, тебя никто не спрашивал! – гаркнул Кич.

– А что, я согласен, – заступился Сир. – Мы с Бирюком далеко не первый день знакомы. Сколько раз он нас выручал, бился плечом к плечу, не отступал, не прятался… Не знаю как вы, а я ни за что не поверю, что он способен на

такую жестокость. Да, он зверь, способный разодрать человека в считанные секунды. Но зачем ему это? Вы когда-нибудь смотрели в его глаза? Они полны ума. Трезвого ума! Я не видел в них зла, – Сир заметил, что я проснулся. – А ты, Дрим, что думаешь?

– Я? А что мне думать… – молча отсидеться не удалось. – Сложно всё… Я всегда восхищался волками. Их интеллектом, гордостью и… зверством. Зверь сидит внутри них не так глубоко, как в других мыслящих. В любой момент он способен вырваться наружу. И это происходит с ними намного чаще, чем, скажем, с примами, драгами или людьми.

– Так ты хочешь сказать, что Бирюк… – глаза Сира округлились и стали похожи на две причудливые монеты.

– Я ничего не хочу сказать конкретного, – не соврал я. – Всем сердцем желаю, чтобы в убийствах проституток Бирюк виноват не был. Но, Гирен подери, пусть это желание не затмевает мне глаза…

Мы ещё долго высказывались, но ни к чему новому не пришли. Каждый хотел верить в невиновность волка. Но как это возможно без доказательств? Как назло, никто ночью не ходил к конюшне. Если б и на этот раз его там не было…

Решили предстоящей ночью проверить конюшню. Очень не хотелось подтвердить подозрения, но другого выхода никто не видел. Лучше горькую правду узнать, чем глаза пеленой глупых оправданий застилать. Не продолжать же путешествие со спутником, способным одной прекрасной лунной ночью распороть тебя как сонную рыбину?

С Алерадусом мы встретились в столовой. Его лицо выражало то же безразличие и отсутствие эмоций, как и всегда, словно его вчерашние крики и ругань нам приснилась. За широким общим столом сидели постояльцы, ели стряпню хозяйки. Наша компания не была исключением. Я, Сир, Кира, Лорк и Кич – сидели на одной скамье. Маг сидел напротив. Он был полностью увлечён своей едой, а когда закончил, посмотрел на нас (нет, скорее – сквозь нас, словно мы были стеклянными). Не знаю как другим, но мне от этого взгляда не по себе стало.

Он молчал. Мы тоже. Только Лорк всё открывал рот, но слова не выходили из него, встревая в глотку рыбными костями. Так продолжалось до самого конца трапезы. И только когда все начали расходиться, старик догнал нас на подходе в комнату и заговорил:

– Дрим, Кич, вы даже не представляете к чему ваш поступок мог привести.

– Ясно к чему: к смерти нашей, – мне уже надоели его морали. – Вам-то дело какое? Двух охранников бы лишились? Подумаешь! С вашими деньгами можно сотню таких как мы нанять не задумываясь.

– Да, вы наняли нас охранниками, – неуверенно вставил Кич. Перевёл дыхание и более твёрдо продолжил. – Незачем о нас заботиться! Это наша работа заботиться о вас!

– Разве вы ещё ничего не поняли? – лицо колдуна оставалось всё таким же беспристрастным, словно было вылеплено из воска.

– А что тут понять можно? – хором спросили все.

– Кровь, дорогие мои ребята, магическая кровь прошлой ночью чуть не вскипела во мне! – глаза его на миг вспыхнули, что раздутые угли, но потом вновь приняли обычный для них вид. – Но это не важно… Вы задумывались, зачем я нанял за такие деньги именно вас? Юнцов, едва ли за предел нашего городка нос высовывавших? Думаете, на старости лет свихнулся? Хотелось бы… Но, к сожалению, это не так. Потустороннее существо, что течёт в моих жилах, ведёт меня. И вас… Я пока не знаю, зачем вы понадобились ему. Но точно знаю – это не спроста. Далеко не спроста…

Пока мы переваривали сказанное, маг сообщил, что в ближайшее время никуда выдвигаться не будем. Нужно ждать сигнала его магического существа. А пока сигнала нет, нужно жить в этом постоялом дворе, особо не высовываться в город и всё время быть на чеку. И да, ни на секунду расслабляться нельзя.

Колдун пошёл в свою комнату. Мы направились в ближайшую беседку с прогнившими лавочками. У всех были задумчивые лица.

Понадобились существу, живущему в крови Алерадуса… – весьма пугающее открытие. Я не для этого, допустим, нанимался в охрану. Посмотреть мир, повидать другие города, встретить интересных мыслящих и существ (таких как щуп Кальминоок, к примеру), получить свою порцию захватывающих приключений… Но не стать куклой каких-то таинственных потусторонних игр. Что это вообще, Гирен раздери, значит?!

Размышлять, гадать, сетовать на судьбу можно, конечно, но от этого легче почему-то не становится. О насущных проблемах забывать ни в коем случае из-за этого не стоит! Со вчерашнего дня никто из нас не видел Бирюка. Кому-то нужно преодолеть свои страхи и навестить его в конюшне. Почему не удивляюсь, что жребий выпал именно на меня? Я словно притягиваю к себе неприятности!

Не долго церемонясь, я встал с прогнившей лавочки беседки и направился прямиком в конюшни. Чем ближе я подходил к ним, тем красочней воображение рисовало чудовищные сцены: то представлялась волчья улыбающаяся пасть с окровавленными зубами; то угрожающий оскал, опять-таки, испачканной кровью пасти. Налитые ненавистью глаза. Повсюду валяются мёртвые мыслящие. Изорванный в клочья верблюд…

С этими недобрыми мыслями я вошёл в конюшню.

Свернувшийся калачиком волк поднял голову и навострил уши. Лениво махнул хвостом и тявкнул, что на его языке означало добродушное приветствие.

Мой страх куда-то делся. Вновь вернулись за последнее время утраченные дружеские чувства. Конечно, когда его рядом нет, можно всё что угодно себе навыдумывать. Но когда он вот так смотрит на меня… я почему-

то знаю: не мог этот шерстяной комок совершить злодеяние! Просто не в состоянии он быть злым.

– Привет, Бирюк, рад тебя видеть.

Волк ответил, что тоже рад.

– Скажи, друг, этой ночью было спокойно?

Лай и скулёж должны были значить что-то вроде «не совсем, но, в общем, мне понравилось».

– Ты охотился?

Отрывистый рык значил утверждение.

– Добыча была хорошей?

Опять тот же отрывистый рык.

– Обычно, ты не каждый день охотишься…

Некоторые сочетания звуков мне было трудно разобрать, некоторые я и вовсе не знал. Вроде бы Бирюк ощутил вкус жертвы? Или первой жертвы было недостаточно? Не могу толком разобраться… Но и этого достаточно, чтобы сделать плачевный вывод.

– Мне пора идти, – еле смог выдавить я из себя.

Волк дружелюбно тявкнул вслед.

Мне не хотелось об этом думать, но многое указывало на страшную правду. Две ночи подряд Бирюк уходил на охоту. В эти же две ночи были совершены ужасные преступления… Я рассказал об это остальным. Даже Сир с Лорком перестали защищать волка. Одолеваемые неприятными чувствами, мы решили поговорить на этот счёт с Алерадусом. И пусть только попробует отнекиваться! Где он познакомился с этим зверем? Как? Почему представитель гордой расы волков путешествует с ним? Давно надо было об этом поговорить! Раз уж мы так нужны его магической крови, то пусть уж соизволит быть откровенным!

Дверь в его комнату была не заперта. Это не такая разбитая временем и трещинами в стенах дыра, что у нас. Они с хозяйкой над нами издеваются, что ли? Лучшая комната из оставшихся – так сказала она мне про нашу. А волшебник только головой утвердительно покачал и сказал, что в его апартаменты нам и заходить не стоит… Теперь я понимаю его иронию. Не скажу, что здесь изобилие роскоши и богатства. Но ведь и шкаф есть, и стол, и кровать нормальная. А размеры – в три раза нашей комнаты больше. И он в ней один живёт!

Маг стоял над столом и переливал разноцветные жидкости из одной колбочки в другую. Он настолько был погружен в работу, что не заметил, как мы вошли. Мало того, он даже не обернулся, когда Кира прокашлялась. Кич робко позвал, но ответа так же не последовало. Я хотел было прикоснуться к его плечу, но решил, что это может напугать завязшего в мыслях волшебника. Мало ли что в тех колбах? Плеснёт с перепугу на меня, и превращусь в дубовый столб или курицу беспёрую. Ох, как этого не хотелось бы…

Так мы и стояли. Покашливали, тихонько звали, рассматривая обвешанную звериными мехами спину Алерадуса.

Наконец обернувшись к нам, его лицо осталось столь же задумчивым, как и всегда, словно наше появление его не удивило вовсе. Или всё это время он просто претворялся, что не замечал наши попытки привлечь его внимание? Хитрый старый пень!

– Вы как раз вовремя, друзья, – почти что радостно сообщил он, – смотрите и запоминайте.

Что нам ещё оставалось делать? Пришлось молча смотреть.

– Берёте листья пустынника, перетираете в порошок, затем головку гриба голубого кита… – глаза Алерадуса горели вдохновением, хотя лицо оставалось таким же бесстрастным, что у статуи. – Дрим, возьми сушеную лягушачью лапку, давай, измельчи в этой ступе, вот так. Лорк, не зевай, пойди лучше воды принеси из колодца. Теперь сушеных светящихся тараканов, чего стоишь, Кира, давай перетирай их в порошок. И не надо претворяться, что противно. Угорь… Где порошок электрического угря? Ах, вот он, в коробке. Самый редкий ингредиент, между прочим. Мне как-то доставили целый мешок из Камбалирона. Раньше там его много было. Сейчас уже совсем мало у меня осталось. Говорят, нынче у них улова угрей почти нет. Запомните, всё должно быть выверено в чётких пропорциях. Вбейте в свои головы раз и навсегда! Давайте, напрягайте мозги, Кич, перестань колбы трогать, тебя это тоже касается! Значит так: две доли пустынника, одна голубого кита, одна лягушачьих лапок, две тараканов и одна электрического угря. Повторите. Нет, одна лапок, а тараканов – две! Нет, что с вашей памятью Дрим, Сир? Кира, хоть ты запомнила. Но завтра забудешь, конечно же. Эх, молодёжь сейчас не та, что раньше… Ну ладно, Лорк, возьми бумагу и запиши. Да, и дальше записывай. Всё смешиваем. Доливаем воды. Это не важно сколько, как почувствуете гнилостный запах – можете переставать лить. И мешать, обязательно мешать, когда льёте. Не страшно, если лишнего плеснёте. Чувствуете?

У меня аж глаза заслезились: такого зловония я не нюхал даже когда убирал в дедовом хлеву. Я посмотрел на остальных. Лучше бы этого не делал. Кира вся покраснела и, кажется, собиралась поделиться съеденным обедом с полом. Лицо Сира сморщилось и покраснело, как сушеное яблоко. Кич не был далёк от Киры. Лорк затыкал нос рукавом рубахи, но, судя по его покрасневшим глазам, это были лишь жалкие попытки, не приносящие и малейшего результата.

– А, слабаки изнеженные! – злорадствовал старик, ни один мускул на его лице не дрогнул. – Нам бы ждать положено, пока оно высохнет само. На огне и солнце нельзя. Только в плохо-освещённом месте. Лучше всего – в тёмном подвале. Чем дольше стоит, тем лучше. Иногда его годами высушивают. Но вы, как я вижу, дольше ещё одной минуты не выдержите…

Мы все как один утвердительно кивнули.

– Да я и сам ждать не хочу, – с этими словами он вытянул руки и закрыл глаза.

Некоторое время ничего не происходило, но потом его ладони загорелись серым огнём, который плавно перетёк в казан со зловонным раствором. Серый сменился белым, потом тёмно-синим, постепенно темнота спала, уступив место ярким голубым краскам. Огонь разрастался, жадно хватался за пространство вокруг котла. В страхе быть охваченными магическим пламенем или чем оно там было, мы попятились к стене. Свет становился с каждой секундой ярче, и пришлось отвернуться – продолжать смотреть на него могло грозить слепотой. Так ярко, что даже повернувшись спиной я видел оранжевый свет сквозь закрытые веки.

Вмиг всё прекратилось. Стало как прежде. И вонь исчезла (мне хотелось в это верить). Да, действительно исчезла, другие тоже почувствовали. Глаза болели, было трудно смотреть: постоянно мелькали белые пятна.

Алерадус, словно ничего такого и не произошло, запустил в казан руку, набрал пригоршню порошка, посмотрел, понюхал, высыпал обратно. Оставил на ладони совсем чуточку, слепил крохотный шарик и бросил на пол. Небольшой взрыв удивил нас ещё больше, чем загоревшуюся половую доску. Первым пришёл в себя Лорк, схватил ведро с остатками воды и потушил не успевший разрастись огонь. На шум никто не прибежал, хотя незамеченным он остаться ну никак не мог. Я просто уверен, что по негласной договорённости Алерадуса с хозяйкой постоялого двора в этой комнате могло происходить всё, что только магу угодно.

– Отличный взрывной порошок мы с вами сотворили, друзья, – сообщил маг. – Даже лучше, чем прошлый. Я думал, взрыв будет слабее. Надеюсь, полученного хватит для нашего предстоящего пути, ведь порошок электрического угря кончился. Где достать новый – ума не приложу.

Не знаю как других, но меня произошедшее из колеи выбило. Я просто напрочь забыл, зачем мы зашли к магу. Порошок сделать? Вряд ли… Пока я думал, старик ещё несколько раз похвалил получившийся продукт и дружелюбно проводил нас к двери. Мол, с радостью ещё с нами побыл бы, но нужно другими магическими делами заниматься. Если мы позволим, то он приступит к их выполнению.

Лишь очутившись снаружи, туман в голове рассеялся, и я вспомнил цель нашего визита. Не то, что бы поздно было вернуться обратно. Поздно никогда не бывает. А вот желание говорить с Алерадусом отпало на несколько дней вперёд. Буду его комнату стороной обходить: вдруг опять чего-нибудь делать заставит. Остальные со мной только согласились.

Сидеть на засаленных, прогнивших скамейках пыльного двора надоело до невыносимого. Маг говорил, что в город высовываться особо не надо. А мы особо и не высунулись. Так, прошлись улицами, развеялись.

Грязные переулки, грязные одежды людей, скудные построения. Уж и не знаешь вовсе, надо ли было выходить за пределы двора? Тут ещё и повышенная настороженность сказалась. Она закралась в душу с момента нападения бандитов на нас с Кичем, и не давала даже на секунду расслабиться.

В общем, не лучшая прогулка в моей жизни. Так мы и вернулись в свою комнату. Подавленные, недовольные, злые. По крайней мере, я.

Ночью мой драгоценный сон был потревожен. Крики, вой, лязг, визг, топот… Я подскочил. Нет, это не было продолжением очередного кошмара. Это происходило на самом деле. В окне маячили зловещие огни факелов. Как был в пижаме, я схватил мечи и выбежал на улицу.

То, что предстало взгляду, никогда не покинет мою голову. Оно будет преследовать очень долго, если не всю жизнь. Больше не то, что увидел, а то, как себя повёл…

Толпа разъярённых местных с факелами, палками, самодельными пиками, ржавыми мечами и прочим неказистым оружием осаждали скалящегося Бирюка. Позади волка возвышалась высокая стена, впереди – полукруг озверевших мыслящих. Они держались от него на расстоянии вытянутой пики. То и дело пытались уколоть заострённым наконечником. Бирюк уклонялся, приседал, отпрыгивал и рычал. Очень громко, на первый взгляд устрашающе, а на самом деле: безысходно, жалобно. Словно просил пощадить, оставить его в покое. «Не виноват!» – уловил я знакомое мне слово из этого унизительного для гордой волчьей расы монолога.

Почему он не отбивался? Почему давал себя в обиду? Ему ведь разорвать всех этих бродяг и нескольких минут хватило бы! Чего он ждал? Чего?! Как больно смотреть на его оскорбление.

Отбивайся, да дерись ты с ними, Гирен тебя подери! Ты ведь убийца! Ты изодрал тех женщин, мы знаем это. И они, эти разъярённые мыслящие, тоже знают. Поэтому и пришли. Отомстить. Почему ты не отбиваешься? Почему?! Зачем позволяешь кидать в себя камни и тыкать копьями?

Блеснувшие в свете факелов волчьи глаза смотрели на меня. Они умоляюще ждали моей поддержки, моей помощи. А что я мог сделать? С невыносимой тяжестью в сердце, я отвернулся… Раздался вой боли и отчаяния: какой-то подлый драг проткнул его бок копьём. Этот вой вонзился в мою душу ядовитыми занозами стыда. Там они и останутся. Где наши остальные? Почему Алерадус не гонит эту бешеную толпу магическими заклинаниями прочь? Почему никто не стал на защиту Бирюка? Он ведь наш друг! Мне теперь плевать на его грехи и ошибки, ведь он мой друг! Где же все?! Неужели они такие же трусливые крысоны, как и я…

Челюсти сомкнулись, раскусив палку копья на части. Бирюк завыл. Так воют волки перед битвой. Камень угодил ему в ухо, другой – в бок, где торчал обломок копья. Волк зарычал, присел для прыжка. Толпа чуть отступила, выпятив копья и палки вперёд.

Прыжок.

Никогда я ещё не видел, чтобы кто-нибудь так высоко прыгал. Словно гигантская хищная птица, Бирюк пронёсся над разъярённым скопищем мыслящих. Мощные лапы, проломив ветхую черепицу, приземлились на чердак невысокого дома. И вновь, блестящие, как золотые монеты, глаза

устремились на меня. Что в них было? Обида или понимание? Я никогда не осмелюсь узнать…

Ещё несколько скачков, и Бирюк растворился в темноте крыш. Толпа бежала за ним. Вернее – в ту сторону, где его последний раз видели. Я затесался в неё. Так, на всякий случай, чтобы лишиться и тени сомнений. Хотя и так было ясно, волка им не поймать сегодня. Да и вообще, никогда не поймать. Не такой же ведь он глупый, чтобы в Трущобы Недостойных опять вернуться? Нет, он не из тех. Скорее всего, я его больше никогда не увижу…

Домой я брёл с противоречивыми чувствами. Я ликовал, что Бирюк скрылся от недоброй толпы. И в то же время, порицал себя за то, что не вступился. Но что бы я смог сделать? Сказать: эй, обозлённая толпа, не трожь моего друга-волка, он со мной, я его хорошо знаю, он не может быть убийцей? Так ведь я и сам в этом сомневаюсь. А вступиться в драку значило погибнуть. Так далеко прыгать я не умею.

Во дворе меня встретил Алерадус. Я рассказал ему всё, что произошло. Ни одной детали не упустил. Неприступное лицо мага уступило место печальному выражению. Я не виноват, конечно. Хотя, мне вообще нужно было не высовываться из комнаты. Остальные так и поступили. Стоило кому-то из нас вступиться за Бирюка – всё бы пропало. Пусть даже мы и победили их, не дали волка в обиду. Но тогда произошло бы то, что произойти ни в коем случае не должно. Нам пришлось бы покинуть это место, чем нарушится путь, указанный магической кровью. И всё, абсолютно всё – *пропадёт*!

Да, слова Алерадуса чудесны, нашему пути ничто не угрожает, но от этого я себя лучше не чувствую…

Несколько следующих дней мы безвылазно провели в постоялом дворе. Говорили друг с другом только при крайней необходимости. Не знаю как другие и, если честно, знать не хочу, но мне было чудовищно стыдно за произошедшее с Бирюком. Особенно после того, как узнал, что ночные убийства не прекратились. Мало того, их стало больше, и некоторые из них совершались даже днём.

Если я не потерял счёт времени, то прошло немного меньше месяца. Утром Алерадус зашёл в нашу комнату. Никто уже давно не спал. Каждый занимался своими делами. Я точил мечи. Кич любовался реликтовым кинжалом – кинжал вроде бы и принадлежал нам всем, но никто не был против того, что оружие находилось у него. У вещи должен быть один хозяин, который будет за ней следить и использовать. Мы ведь пока не собираемся продавать этот сказочный реликт. Сир пил перепелиные яйца. Мне всегда противно смотреть, когда он это делает. Говорит, мол, полезно, вкусно и питательно. Ну что ж, рад за него. Сам пробовать не горю желанием. Кира стряхивала пыль с плаща. Помню, как Сир обшил змеиной кожей его полы. Вот приключение у нас было тогда… Не то, что сейчас: в тесной комнатушке штаны протираем. Лорк всё читал толстую книгу в бардовой обложке. Говорил, там интересные приключения наших праотцев описываются. Не понять мне его. Да, истории других авантюристов никогда не мешает знать. Но

ведь из-за них можно всю жизнь так и просидеть. За толстенной книгой полной брехни и выдумки. Почему бы не открыть глаза, не посмотреть вокруг, не сказать: эй, а я тоже неплох, Гирен побери, ведь брошенный мной комок взрывного порошка уничтожил техномонстра; как же всё-таки жутко было в зловещей пещере с летучими мышами! А он так погружён в чужие выдумки, что просто не видит прелести вокруг. То и дело, подойдёт ко мне и давай про тех путешественников часами рассказывать. И ещё обижается, когда ему объясняю, что не может человек десятерых бандитов за несколько ударов палкой положить. Он ведь не маг! Пусть разбойники самые что ни есть профаны, а отбивающийся – великий воин. Чтобы одним ударом отключить, нужно попасть куда следует. А попробуй-ка, попади в десятерых вертящихся вокруг тебя врагов. Они ведь не мешки с навозом, чтоб на месте стоять, удара фатального выжидать. Вполне возможно, конечно, десятерых положить, но это потребует достаточно длительного времени и, что самое важное, умений и усилий. А тот герой из книги то палкой отбивается виртуозно, то из лука в цель, находящуюся за горизонтом, попадает, то в одной руке булава, в другой меч двуручный… Это физически невозможно. Не говоря уже про то, что любой мыслящий не может абсолютно всему обучиться. На каждое оружие время надо. Просто жизни не хватит. Я пока не встречал никого, способного прожить больше полторы сотни лет. Хотя, кажется, Алерадус близок к этому. А Лорк аж пеной брызжет мне в ответ. Это ж раньше-то было. Тогда великие герои по земле ходили. Не то, что сейчас – жульё и мелочь одна. Не знаю, может, он и прав. Но как по мне, так мыслящие в любые времена – одни и те же. Что раньше, когда только из своих пещер и нор повылазили, что сейчас. Трусливые, жадные и глупые. По крайней мере, большинство из них…

Алерадус попросил нашего внимания. Никто его ждать не заставил, и он сообщил, что сегодня отличный день для прогулки по городу. И не совместной, а личной. Каждый должен идти сам. Если вдруг встретит своего: оба разворачиваются и идут в противоположные стороны. Так надо. К первой луне все уже должны вернуться в эту комнату. Но не раньше. Нужно начинать прямо сейчас.

Маг вышел исполнять свои же инструкции. А мы отбросили столь неважные дела, собрались и вышли следом. Уже давно никто не удивляется причудам колдуна. Если он приказал что-нибудь: хочешь, не хочешь, а выполнить придётся. И пусть он говорит это почти шутя, ненавязчиво, слова до нас доходят неуклонным руководством к действию. Пытаться понять его – бессмысленно. Я уже почти уверен, что он сам этого до конца не может. Им (как теперь временно и нами) движет существо, засевшее глубоко внутри его старческого тела. Раньше мне казалось: быть магом великое счастье. Теперь я всё чаще убеждаюсь – это тяжёлое проклятье. Пусть лучше я не смогу совершать сверхъестественные деяния, но, по крайней мере, останусь собой, смогу держать жизнь в указанном мною же русле.

Выйдя из ворот постоялого двора, мы, как и сказал нам колдун, разбрелись каждый в своём направлении.

Мне не очень-то и хотелось гулять по этим убогим улочкам. Особенно в одиночестве. Не удивительно, что не успел я пройти и нескольких кварталов, как наткнулся на беззаконие. Бандит, одетый в кожаные доспехи (весьма дорогие для этих бедных мест, стоит отметить) трепал за плечо женщину, словно пёс пойманного крысона. Из их короткого диалога я понял, что женщина должна денег какому-то Терзану, но у неё их сейчас нет: последние дни торговли на базаре оказались неудачными. Она просит ещё времени, хотя бы неделю, и тогда заработает достаточно, чтобы отдать долг. Её собеседник не унимался. Тряс плечо сильнее и требовал денег. Словно и не слышал вовсе её обещаний.

На такое даже мне смотреть больно. Обычно я держусь подальше от чужих дел. Но тут что-то во мне соскочило. Наверное, колышек, который удерживал колесо храбрости. Наглядно оценив противника, я решил, что справиться в состоянии. Он невысокого роста, но пусть это не вводит в заблуждение. Лицо всё в шрамах – значит, не один бой пришлось пройти. Хорошо, что я взял с собой мечи. Надеюсь, их применить не придётся. Кровопролитие это не единственный выход…

Я позвал бандита и твёрдо порекомендовал ему оставить женщину в покое. Собеседник за словом в карман не стал лезть, а тут же послал меня в такие дали, где не то, что солнце – даже луны не светят. Мол, не моё это щенячье дело, я даже представить себе не могу, с кем связываюсь и всё такое. Ну и я не промолчал, а ещё раз посоветовал выполнить мою просьбу, а если он хочет что-либо ещё сказать, пусть говорит в непосредственной близости от меня. Бросив в меня ещё парочку «желторотых щенков» и «тупых молососов», он отпустил тут же повалившуюся на пол женщину и быстро двинулся на меня. Перед этим он демонстративно сбросил с пояса ножны. Я сделал то же самое.

Мы схлестнулись в кулачном бою. Должен признать, боковой справа у него отменный. Челюсть недели две болеть будет. Мне повезло, что зубы на месте остались. После ряда уклонов, пристрелок и промахов, мне посчастливилось коленом расквасить его физиономию. Как стоял, так и упал. Его нога некоторое время судорожно дёргалась, потом перестала. Чтобы совесть чиста была, я проверил пульс – слабый, но есть. Так хорошо мне ещё никогда не удавалось вырубить противника. Бандит час будет валяться без сознания, если не больше.

Женщина не верила счастью. Всё благодарила, хвалила. Если бы у неё было хоть что-то, чем она могла выразить свою признательность… (Была бы моложе лет на двадцать, было бы… – но в слух, конечно же, я такого не произнёс.) За неё всю жизнь никто никогда не заступался. Ни один близкий человек. А тут – незнакомец, и так себя подверг. Я, должно быть, очень храбрый и великий воин, раз стал на пути самого Терзана… (У меня почему-то ледяные жучки по спине поползли, когда она назвала это неприятное имя.) На этом мы и разошлись. Она – довольная, что спасли. Я – удручённый, что влип, но пока ещё не ясно куда.

Мне хотелось вернуться обратно в тесную комнатушку, закрыться там под соломенный матрас и сидеть себе тихонечко. Так я и попытался сделать, но, пройдя всего несколько шагов в обратном направлении, я упёрся лицом в невидимую стену. Подлый маг, наложил одно из своих заклинаний! Вот так сюрприз. Он что, смерти моей хочет? Ладно, сетования всё равно не помогут. Кажется, у меня другого выбора нет. Лишь бы на месте не стоять. А то не далёк тот час, когда поверженный разбойник очнётся и дружков позовёт.

Я решил смешаться с толпой, а лучшего места, чем базар и придумать нельзя. Туда я и отправился быстрой походкой, постоянно озираясь по сторонам. К счастью, никто за мной не увязался, и базарная толпа с жадностью поглотила меня в пестрящее разными расами чрево.

– Вот он, хватай! – завопил редкозубым ртом мой сегодняшний знакомый. Откуда он вообще тут взялся?

За мной гнались бандиты. Отталкивая прохожих, переворачивая мешки и ящики с товарами, петляя тесными улочками, я бежал прочь. Видимо, Мастук ко мне сегодня очень неблагосклонен. Очередной поворот и… тупик. С трёх сторон меня подпирали стены домов, с четвёртой – выстраивались всё прибывающие бандиты. Целая толпа, человек десять, не меньше. Эх, был бы я тем героем, из книги Лорка…

Тут уж без кровопролития не обойдёшься. Обнажив клинки, я приготовился к ужасающей участи. Хоть кого-нибудь, да в потусторонний мир с собой заберу. Хотелось бы этого, которому зубы выбил. И люрту тому бок бы вспорол с радостью – представляю, как его перековерканная физиономия детей пугает. Да, того прима с кинжалами во всех руках, ему бы не мешало тоже с жизнью проститься. Мир только лучше станет.

– Если не хочешь подохнуть как последний канализационный крысон, спрячь свои железячки! – прошипел мой утренний знакомый.

– Если кто-нибудь из вас не хочет подохнуть от рук последнего канализационного крысона, то оставьте меня в покое! – я аж сам удивился своей наглости.

– Ты нарушил законы Гильдии. У тебя есть выбор: или сдохнуть здесь продолжая их нарушать, или встретиться с Терзаном. Он всё решает. Может быть, пощадит твою паскудную душонку. А может, и нет…

Не очень-то я ему верил:

– А что, если ты обманываешь, и стоит мне опустить оружие – вы нападёте?

– Кодекс воров запрещает обманывать, когда дела касаются законов Гильдии.

Всё равно ему не верю, но так жить хочется…

– Кто такой Терзан?

– Глава Гильдии воров. Ты вмешался в его дела и теперь должен ответить перед ним за это.

– Я тебе не верю.

– С тобой никто не торгуется, щенок! Ты даже и представить себе не можешь, как я хочу проткнуть твой живот и несколько раз провернуть меч! Но по закону нельзя. Пока Терзан не разрешит…

Почему-то этим словам я поверил. Такой дикий блеск в его глазах…

Я спрятал мечи в ножны. Тут же толпа бандитов облепила меня как мухи разлагающуюся рыбу. Ах вы, брехливый народишко! Оружие отобрали, связали руки. Мощный удар в затылок, что аж светлячки в глазах забегали. Странно, но сознание не потерял. Крепким я стал, что ли? Не разобрать, чей кулак, хотя и так ясно – низкорослый с выбитыми мною зубами.

Но он говорил, что я останусь жив. Значит, слово сдержал. Пока что…

Меня долго вели по Трущобам. Прохожие расступались, тупили взгляды. Так вот кто здесь главный!

Ничем не примечательный домик. У входа стояли два прима. Обменявшись с конвоирами непонятными мне словами, они расступились, впуская нас внутрь. Комнаты были пусты. И как-то всё слишком чисто. Не похоже на логово бандитов. В последней комнате стояли два прима, ни чем особо не отличающиеся от тех, что были у входа. Те же каменные лица, те же доспехи, тот же настороженный и злой взгляд. И вновь непонятные слова. Примы неприязненно посмотрели на меня, потом один из них нагнулся и, к моему огромному удивлению, поднял пол. Нет, не пол, это напольная дверь, обнажившая каменные ступени вглубь.

Неприятный запах ветхой сырости и гнили. Осклизлые тоннели оглашались эхом наших шагов. Электрические лампы заливали темноту желтизной света. Изредка доносились писки мелких обитателей катакомб.

Мы подошли к массивной двери, охраняемой двумя людьми. Тот, что с выбитыми зубами подошёл к одному из них и что-то шепнул на ухо. Второй подслушивал. Они оба переглянулись, потом посмотрели на меня и заржали как резаные лошади. Да, дела совсем плохи…

Скрипучую дверь с трудом отворили, развязали мне руки, толкнули внутрь и приказали идти до упора. Долгим эхом разносился их хохот по туннелю. Даже когда дверь захлопнули, я слышал его пугающие отголоски. Впереди мерцал свет. Думаю, лучше идти на него.

Туннель привёл меня в округлое помещение. Электрическими лампами тут и не пахло. На стенах висели горящие факелы, но их дрожащего света вполне хватало, чтобы разглядеть пятна засохшей крови на полу.

– Ты кто такой? – эхом пронёсся грубый голос.

Я поднял голову. Это не закрытая комната. Сверху на меня смотрят сотни пар глаз. А одна из них – самая страшная. В полутьме можно было различить трон и силуэт грузной фигуры, восседающей на нём. Нет, мне не кажется. Глаза, принадлежащие этой призрачной фигуре, светятся красным огнём. Сомнений не возникло – это был Терзан, глава Гильдии воров.

– Ты кто такой? – повторили вопрос жуткие глаза.

– Я Дрим Плувер Младший из Пашней…

– Меня не интересует твоё имя. Я спрашиваю: кто ты такой?

Я вопросительно развёл плечами.

– Знаешь кто ты? Ты ничтожный крысон, посмевший нарушить законы Гильдии.

Я молчал.

– Ларбор говорит, что ты помешал ему собрать дань с нашей должницы. Это так?

– Да, но она ведь всего лишь беззащитная…

– Молчать! – сотряс стены грубый голос.

Недовольный гул толпы. В меня полетело несколько тухлых овощей. От гнилой картошки увернуться не удалось. Попала прямо в лоб. Больно.

– В кодексе Гильдии нет беззащитных и нападающих, – вновь заговорил Терзан. – Есть должник и собирающий дань. Ты помешал моему слуге собрать дань, тем самым нарушил целых три закона: нельзя отвлекать собирающего, нельзя мешать собирающему и нельзя причинять собирающему сопротивление.

– По-моему, это одно и тоже…

– Закрой свою разящую вонью пасть! Я не давал тебе слова!

И вновь овощи полетели в меня. На этот раз я был более удачлив. Ни один снаряд не достиг своей цели.

– По закону, ты должен либо вернуть в стократном размере несобранную дань, либо доказать свою правоту в честном поединке.

– У меня нет с собой денег, – я пожал плечами, – но я уверен, что смогу достать их к вечеру.

– Ты в силах достать тысячу золотых к вечеру? – хищно блеснули и без того зловещие глаза.

– Да, я сделаю всё возможное, – соврал я.

– К сожалению, мы не сможем этого проверить. Закон гласит: если обвиняемый не в состоянии *сразу*, – Терзан с особым наслаждением произнёс это слово, – отдать деньги, то он должен сражаться. Кто мы такие, чтобы нарушать закон?

Последовал весёлый гул толпы. Да, действительно, кто они все такие, чтоб законы нарушать?..

– Скажи, ты знаешь, в чём величие низменности? – вопрошал Терзан.

– Нет.

– В её бесконечности… – после задумчивой паузы, Терзан продолжил. – Ты победил Ларбора в кулачной схватке. Опозорил его перед всем нашим честным сообществом. Он жаждет вернуть свою репутацию. Но ещё больше этого желают его сыновья. Закон не запрещает сыновьям отстаивать честь отца. И я ничего плохого в этом не вижу. Картран, Сипоркл, у вас появилась прекрасная возможность…

Рёв предвкушающей кровавое зрелище толпы.

По стене на верёвках спустились двое. Не знаю, кто из них Сипоркл, а кто – Картран, и удивляюсь, как другие это знают. Передо мной стояли два абсолютно одинаковых человека. Длинные и сухощавые, светловолосые – на

отца уж совсем не похожие. Даже броня на них была одинаковая. Или у меня от страха попросту в глазах двоилось?

Один начал заходить со стороны, другой пошёл прямо в лоб. О, святой Мастук, дай мне сил справиться! Я выбрал оборонительную тактику боя. Зря. От четырёх рук и ног не так-то просто отбиваться. Пропуская один за другим болезненные удары, я пятился к стене. Вот меня уже прижали и обрушивают шквалы атак. Так бы продолжалось до очень неприятной для моего здоровья концовки, если б мне не удалось поднырнуть под одновременно замахнувшихся братьев, пролезть между ними как скользкая рыбина между рифами и оказаться за их спинами. Не успели они развернуться, как мой ботинок с жестокой чёткостью разрезал воздух между расставленными ногами одного из врагов и врезался ему в пах. Удару следовал звук, похожий на звук лопнувшего от удара молотом недозрелого кокоса. Да, знаю, этот приём мягко сказать «не рыцарский». Но в драке с двумя бандитами хватаешься за любую возможность спастись. Он валяется на полу и корчится от невыносимой боли. Отлично, теперь будет проще. Оставшийся противник посмотрел на меня, потом на брата, потом опять на меня. Пообещал мне мучительную смерть и достал из голенища сапога нож. А вот это мне совсем уж не нравится. Я сосредоточенно пятился назад. Любое неправильное действие может привести к плачевным последствиям. Как назло, всё тело болит от полученных ударов, дыхание сбито, что не добавляет радости. Враг сделал выпад. Я шагнул навстречу: развернувши корпус в попытке уклониться и выбросив ладонь в лицо противника. Всё вышло не совсем так, как я рассчитывал. Низ моей ладони раскрошил носовую кость врага, надолго выведя его из строя. Но из левой руки торчал нож. Ужасающая боль растекалась по телу. Что ж, такова плата за жизнь. Собравшись с духом, я выдернул лезвие из плоти и бросил на пол. Шатнулся, еле удержал равновесие. Голова кружилась, во рту чувствовался солёный привкус крови, ноги тряслись, из раны хлестала кровь.

– Он доказал свою правоту, – сообщили горящие глаза. – Он смыл кровью свои нарушения законов Гильдии.

Что было дальше – не знаю, так как ноги подкосились, и сознание невольно покинуло меня.

Очнулся невдалеке от нашего постоялого двора. Рука была перевязана и пахла травами. Рядом лежали ножны с моими мечами. Первая луна только начала выползать из дневной спячки. Я поднял оружие и еле перебирая ногами направился во двор, где меня ждал очень приятный сюрприз.

На улице стояли все наши, двое незнакомцев: крот и южный драг. Кира была в разноцветной одежде, которой никогда раньше не видел. Похожей на те, что носят в остальном городе. И могучая спина, каменный силуэт которой я ни с чьим не спутаю. Брок, дружище! Брок обернулся и зажал меня клещами братских объятий. Эх, рана, аккуратнее ты, громила. Да ну её, плевать. Как я рад тебя видеть! Что с тобой было, друг, где пропадал? Да, ты прав, вначале нужно отдышаться. Я и сам сегодня в такой передряге побывал, что никому не пожелаю. Нет, однозначно надо выпить за встречу!

Даже занудный Алерадус признал, что следует отметить сегодняшний день. Мы говорили, что внутри той таверны безопасно? «Пьяный слопр» или как там её? Так чего мы ещё стоим здесь? Срочно туда!

Мне бы следовало лечь в постель и не вылизать из неё пока рука не заживёт. Следовало…

Брок познакомил меня с его новыми друзьями. Кротом Тисом и драгом Лимбом. Они помогли ему добраться сюда. И, кстати, теперь они в нашей команде – колдун нанял обоих охранниками. По дороге в таверну, люрт многое нам про них рассказывал (а они стеснительно молчали, изредка кивая, мол, да, было такое). Если и половина его слов – правда, то нам невероятно повезло продолжить путешествие с такими выдающимися воинами.

На пороге «Седого дигра» Лимбу внезапно стало дурно. Закружилась голова и скрутил живот, как он сказал. Результат переутомления и плохого питания. Караванщик своих наёмников разве что дополнительной работой баловал. Ничего страшного, драг подождёт нас в постоялом дворе. Такое с ним уже бывало. Нужно просто хорошо выспаться и всё как рукой снимет.

Ему не суждено сегодня попробовать чёрный эль Ярлы. Бедняга.

Стоило нам всем зайти, как словно из земли выросла доброжелательная хозяйка, сообщила, что заждалась уже, подмигнула мне с Кичем и провела к столу, состоящему из широкой доски на двух пивных бочках. Как она сказала: по глазам нашим видно, что праздновать что-то очень важное пришли и, если мы не против, она всё устроит без лишней головной мороки. Но это, разумеется, если мы ей доверимся. Мы доверились. Не зря.

Стол ломился от кружек с элем и кувшинов с вином. Перед Броком лежало блюдо с жареным поросёнком, Тису принесли печёной картошки, Кире и Лорку крольчатины, Сиру змеиного мяса и перепелиных яиц, мне с Кичем печёной баранины а Алерадусу непонятную стряпню из разных овощей, мяса и фруктов. Все получили именно то, чего хотели больше всего. И это притом, что никто и слова Ярле не сказал об этом. Но времени удивляться нет. Столько нужно обсудить, столько узнать, столько рассказать, а главное – столько съесть и выпить!

Брок на пару с Тисом рассказывали про свои приключения. Про работорговцев, про Старый Рин, про караван. Я с ужасом слушал их и ловил себя на мысли, что никогда бы не хотел пройти через такое. Сегодняшняя стычка с законами Гильдии казалась мне детской прогулкой по весенним безоблачным просторам родного города.

Кружки быстро пустели и ещё быстрее наполнялись вновь.

Вот уже и Кич рассказывает, как прошла сегодняшняя прогулка. Он беззаботно шлялся по улицам города. Думал, так будет продолжаться до самого вечера. Прогнать скуку помогла пожилая женщина, встретившаяся на пути. Оценивающе осмотрев прима, она поинтересовалась, не хочет ли он немного заработать. Копрь на дороге не валяется. Кич хотел было ей ответить что-нибудь ироническое, как он умеет, но передумал. Всё равно это лучше, чем бесцельно бродить по наскучившим улочкам.

У женщины в подвале завелись крысоны. Она бы терпела непрошенных гостей и дальше, но обнаглевшие грызуны разодрали уже второй мешок с пшеницей и жрут её с завидным аппетитом. Не то, что их поубивать – женщина спуститься и забрать оставшиеся мешки с припасами боится. Мало ли что они с ней сделать могут? А так как она уже который год живёт одна, помочь попросту некому. Приходится просить первого встречного. Что бедной вдове ещё остаётся?

Доблестный Кич спустился в подвал и вырезал всех крысонов. Это было не так уж и сложно, но долго. Гоняться в полутьме за грызунами – дело неблагодарное. Убедившись, что дело сделано, он собрал тушки и поднялся в дом. Вдова не верила своему счастью. На радостях она даже призналась, что и не ожидала такого. Ей казалось, что прима загрызут насмерть… Но всё позади. Парень честно заработал свой копрь. Ах, какие у этих паразитов шкурки! По пять копрей за десяток на базаре можно продать. И мясо у них съедобное.

Кич отказался от награды. Ему она смехотворна, а женщина, должно быть, на неё неделю жить может. Мало того, он оставил ей тушки крысонов. Возиться некогда.

Такого хорошего к себе отношения вдова не видела уже несколько лет. С тех пор, как её муж с сыном были убиты во время нападения на караван разбойниками.

Рассказ Лорка был менее интересен. Он тоже бродил улицами преодолевая скуку. Но так ничего ему и не подвернулось эту скуку побороть. Разве что стал свидетелем, как какой-то уличный воришка стянул связку сушащейся на крыльце дома рыбы. Хозяев дома не оказалось, и мелкое злодеяние осталось незамеченным. Ну и ладно. Это ведь их дело, не Лорка. На обратном пути он видел пожилую пару драгов, плачущих на том крыльце. Это ведь всего-навсего рыба! Зачем так расстраиваться?

История Киры всем понравилась куда больше. Ей настолько надоели Трущобы, что она не упустила случая хоть на денёк их покинуть. Ведь Алерадус наставлял гулять по улицам города. К счастью, про районы он ничего не уточнял. Как говорится: что не запрещено, то разрешено.

По ту сторону моста бурлила совсем другая жизнь. После лачуг бедного квартала, громадные дома казались волшебными скалами, растущими из бетона и кирпичей улиц. Паровые повозки чудными существами проносились мимо. Разодетые в пёстрые одежды прохожие больше походили на диковинных зверей пугающего и в то же время заманивающего своей необычностью промышленного леса. При удобном случае, Кира с радостью останется здесь жить. Куда уж Пашням до Сара?

По словам Киры, не прошло и часа, как она содрогнулась от неожиданного прикосновения. Дряхлая рука сжимала её предплечье. Готовясь к худшему, она чуть было не выбила зубы владельцу руки – вспаханному вдоль и поперёк морщинами старикашке. Еле удержалась: кулак застыл в нескольких миллиметрах от перекошенной в страхе физиономии. Нет, на грабителя он совсем не похож.

– Какой божественный настой: млада, сильна и так прелестна, – заговорил старик, сообразив, что расправы не последует. Его старческий голос звучал на удивление мелодично, тепло и дружелюбно. – Не зря, рискуя жизнью драгоценной, к тебе я нынче снизошёл.

– Я вас не совсем понимаю…

– Ты как бриллиант среди навоза улиц, блестела чудным огоньком.

– Что?

– Чудней, красивей и стройней – давно мой взор таких не видел.

– Спасибо, кончено, но…

– Дитя, ты не из этих мест? Я знаю точно – не из этих. В болоте розы не цветут…

– Что вы от меня хотите? И отпустите мою руку, в конце концов, мне больно!

Старик, спохватившись, расцепил тонкие пальцы, оставив быстро исчезающий красный след. В его хилых на первый взгляд руках ещё хранились остатки былой незаурядной силы.

– Прости, прелестное созданье, тобою так был увлечён, что всё забыл в секунды эти.

– Да что вы от меня хотите? Мне нет до вас дела! – Кира развернулась и пошла прочь. Ей уже порядком надоел этот полоумный.

– Постой, прости моё нахальство. К тебе ведь дело у меня.

Кира недовольно остановилась, теряясь в соблазнах вырубить этого назойливого человека ударом в шею или в солнечное сплетение. Но с каждым новым словом это желание отходило на второй план пока совсем не исчезло.

– В этих краях я знаменит, как лучший модельер и модник. Мои одежды носит люд богатый, знатный и престижный. Чтоб русла новые давать, чтобы наряды полюбили – показы мод устроил я…

– Ну, и я тут при чём? – нетерпеливо спросила Кира. Вдруг этот человек и не сумасшедший вовсе? Пёстрая шёлковая одежда, золотой кулон с бриллиантом на золотой цепочке, платиновый браслет, кольцо с большим рубином. А он до безобразия богат…

– Я твой огонь за милю вижу. Твоё стремленье побеждать. Оно меня так вдохновило, так ветром творчества облило. Боюсь отказ я получить, но колеи другой не видя, прошу тебя со мной пойти. Стать музой моих начинаний. А главное – на сцену выйти, себя народу показать. Прошу моей моделью стать.

– Я даже не знаю…

– Твоя краса и сила разом способны горы разрушать, способны тучи прогонять и океаны осушать.

– Ну, я не знаю, у меня много дел, меня ждут друзья…

– Прошу на день лишь согласиться. Луна взойти и не успеет, как от всего свободна будешь.

– До вечера… – Кира уже давно всё для себя решила. – Не знаю даже…

– Забыл сказать тебе, дитя, награда больше чем достойна… Полсотни золотых за час-другой…

– Разве я похожа на продажную бабу с базара?! Разве похоже, что деньги меня интересуют?!

– Прости, прелестное дитя, я не хотел совсем обидеть. За появление тебя, я даже сотню заплатить согласен…

Кира сглотнула слюну жадности.

– Не ради денег – ради славы, согласна я с тобой идти, – о святой Мастук, подумала она, с этим благородным стариканом ещё пообщайся и всю жизнь стихами говорить будешь!

Модельер повёл Киру в громадное здание, показавшееся девушке минимум королевским дворцом. Громадные статуи вместо колонн, крыша в форме раскрывающейся розы, высокие скруглённые окна, лепные фигурки чудных существ на белых как мел стенах, мраморные бледно-розовые ступеньки, ведущие к входу, золочёные (если не золотые) ворота, ползающие по стенам лианы цветов всех оттенков и форм. К Кире потянулся светло-зелёный бутончик и раскрылся прямо перед лицом оранжево-малиновыми лепестками, источая нежный, тонкий, кружащий голову аромат. За дверьми скрывался длинный коридор с густыми разноцветными коврами. Вдоль него красовались узорные вазы всех цветов и размеров, клетки с диковинными птицами и подвесные люстры из разноцветных кристаллов. Повсюду были скульптуры мыслящих, застывших то в изумлении, то в веселье, то в грусти. И на всех были неописуемые наряды – настоящее буйство фантазии, роскоши и красок всех цветов и оттенков. Кира то и дело останавливалась, зачарованно разглядывала одежду, трогала ткань, восхищённо охала и продолжала любоваться до тех пор, пока старик не начинал тянуть её дальше.

В конце коридора золотились арочные двери, но старик свернул в дверь поменьше. Небольшой коридор и снова дверь. А за ней комната полная платьев, зеркал, электрических ламп и столов с косметикой. Невдалеке от входа стоял мольберт с белым листом и красками.

– Одни мы здесь с тобою, прекрасная богиня, – каждое слово старика было пропитано вожделением.

– Почему вы на меня так смотрите?

– О прелестная из прелестных, о чудесная из чудесных, осчастливь старика, сбрось с себя эти грязные одежды!

– Что?! Чтобы я?!

– Скорей же, мне не терпится начать, творенье света неземного…

– Да что вы себе вздумали? У меня любимый есть! Если он узнает!

(Когда Кира описывала этот эпизод и то, что произошло дальше, я невольно посмотрел на Сира. Кажется, за весь вечер он и слова не обронил. Мало того, он продолжал молчать, будто бы это не с его любимой произошло. Взглядом полным безразличия он рассматривал последнее перепелиное яйцо. Был бы я на его месте, такой скандал бы Кире учинил, что она всю жизнь последующую стариков с дорогими замками стороной обходила бы!)

– Разденься, скинь с себя тряпьё, – топнул ногой старик, – показы мод уж на подходе!

– Больной псих, старый пень!

– Твой гнев прекрасен, моя дива.

– Я передумала, пропусти!

– Я не могу тебе позволить, уйти, забрав с собою музу, меня так жгуче посетив.

– Пропусти или я применю силу, – Кира сняла с пояса плеть.

– Ещё сильнее вдохновила! Скорей, разденься донага.

Кира замахнулась, но тут же чья-то мозолистая рука схватила её запястье. От неожиданности девушка выронила оружие. Сзади стоял громадный люрт. Кира пыталась высвободиться, нанести удар, но он, не прилагая особых усилий, скрутил её как непослушного ребёнка.

– О Дратор, верный страж, в который раз меня спасаешь. Сорви с неё одежду поскорей, уже не терпится начать!

Люрт выполнил просьбу.

Кира пыталась вырваться из стальных лап, брыкалась, кричала, готовясь к потере чести, если не жизни. Как она жалела, что пришла в это странное, дышащее обманом место.

Старик похотливо глядел на молодое тело. Изгибы, линии, формы… Он подошёл к мольберту и начал рисовать. Макал кисть в краски и хлестал по бумаге словно шпагой. Мазок, ещё один, ещё. Словно борясь с лютым врагом, заточённым в мольберт, он всё быстрей наносил краски. Пожирал Киру взглядом, а потом вновь продолжал бой. И когда враг был повержен, взглянул на полученную картину. Да, это именно то, чего он так хотел.

– Дитя, твоя строптивость шедевр этот породила.

Кира перестала сопротивляться. Люрт отпустил и тут же получил коленкой в пах. Словно и не было удара, он остался стоять, равнодушно смотря на хозяина.

Прикрывшись первым попавшимся платьем, девушка подошла к холсту. Это была она. Только не та простенькая девчушка из маленького городишки, а изысканная светская дама в пышном, дорогом наряде, которому способна позавидовать любая аристократка.

– Теперь ты видишь – нет причин бояться. Полдела сделал я. Мои портнихи доведут до края. Сошьют сей сказочный наряд. Мне нужно проследить за этим. А ты, колючий мой цветок, пойдёшь от грязи отмываться городской.

В комнату вошла полуголая девушка. Без слов, Кира пошла за ней. Несколько коридоров и они на месте. Громадная ванна. Вокруг полдюжины девушек. Очень похожие друг на друга: у всех чёрные волосы шёлковыми водопадами стекающие на нежные плечи, голубые как сапфиры глаза и сочные как персики губы. Стоит ли говорить, что одежды на них не было?

Сопровождавшая девушка разделась, взяла за руку откинувшую в сторону платье Киру и повела в ванну.

Служанки подливали горячую воду, сыпали лепестки цветов, поджигали благовония. Девушка натирала кожу Киры приятно-пахнущими маслами и

мылами. Так не хотелось выходить из ванны, но подошло время показов. Прекрасный наряд был готов и всё, что нужно было сделать Кире – выйти на сцену и постоять там некоторое время на радость гостям Критарфа (так звали старика). После – она может быть свободна.

Перед выходом, девушка-проводница вложила в руку Киры золотистую плеть с инкрустированной драгоценными камнями рукоятью. Мол, хозяин занят гостями, но просил тебе передать: хлестни пару раз – такое всем нравится.

Медленной походкой Кира вошла в громадный зал. Сколько в нём было зрителей? Тысячи, если не десятки тысяч. Вначале она растерялась, неуверенно смотря на ряды заинтересованных глаз. «Богиня! Прелестный цветок пустыни!» – закричали из зала. Эти слова подхлестнули её, придали смелости и уверенности. Кира всегда умела вызывать неравнодушные взгляды у мужчин. Сир ведь по этому с ней и познакомился. Аристократы Сара ни чем от босоногих бродяг Пашней не отличались в этом плане. Несколько уверенных взмахов бёдрами и зал взвыл от восторга. А когда девушка щёлкнула кнутом – уж и описать трудно, какое бесчинство началось. Восторженные крики заводили Киру: она хлыстала кнутом, сбивала одну за другой свечи с высоких канделябров (зачем свечи в зале, где на ряду с ними горели электрические лампы, для неё было непосильной загадкой), делала акробатические трюки, показывала эффектные удары на подвернувшемся как никогда кстати Драторе. Зачем он вышел на сцену?.. Люрт с достоинством терпел избиения, пока не отключился. А потом Кира села на шпагат, от чего мужчины в зале (чего мелочиться, и многие женщины тоже) завыли как никогда прежде. На этом представление завершилось. Довольная, разгорячённая, опьянённая рукоплесканиями и восторженными возгласами, она вышла за кулису.

Что дальше творилось в зале, кто потом выходил – интереса не возникло. К тому же, Кира вспомнила, что к началу вечера должна встретиться с друзьями. Трудно будет вернуться в замызганную комнатушку после тесного знакомства с роскошью…

Девушка провела Киру до выхода, где уже поджидал Критарф. Сказал, что она превзошла все ожидания, подцепил на её пояс увесистый мешочек с золотом и молил вернуться. Он готов принять девушку своей моделью на любой срок. Роскошь, богатство, успех и принадлежность к высшему обществу – плата мизерная за её старания, но всё же… В любом случае, двери дворца всегда открыты.

Кира обещала подумать над предложением. С этими мыслями она направилась в Трущобы Недостойных.

Сир выполз из раздумий и спросил любимую, где тот светло-зелёный плащ с цветами и птицами, который он сшил ей. Кира виновато улыбнулась. Она и забыла о нём. Должно быть, остался лежать в мастерской модельера. Зато она получила эту прекрасную одежду. Никто ведь спорить не будет, что она гораздо лучше на ней сидит, чем прошлая?..

Я бы на месте Сира ещё как поспорил. Другие тоже смотрели на него с удивлением. А он выпил залпом бокал вина и налил новый. Словно его вокруг ничего не интересовало. Ни любимая, ни мы. Если уж на то пошло, то сейчас его очередь рассказывать.

Да так, ничего особенного с Сиром, по его словам, не произошло. Бродил улицами. Вдалеке увидел Кича и повернул в другую сторону. Тот его, кажется, не заметил. Ничего не было. И вообще, он что-то себя недобро чувствует. Нужно ещё выпить.

Своей очереди я не упустил, и рассказал про свой день. Да, до похождений Брока и его друзей как до небес, но тоже неплохо. Если посмотреть, то самый злобный денёк выпал мне. О чём я красочно, смакуя каждой деталью, поведал друзьям. Они давно уже на мою повязку на руке косились. Приврал немного, не без этого. Меня оправдывает чёрный эль. Да, это гиреново пойло способно любого брехуном сделать! Нужно поменьше на него налегать.

Настал черёд Алерадуса. Всегда молчаливый и строгий, он глушил эль и вино подобно слопру в жаркий день у озера. Мало того, его каменное лицо сегодня просто не узнать. Столько эмоций. Но даже не это удивило меня больше всего. Его рассказ не отличался длиной и изобилием действий. Но само его содержание… Не знаю как других, а меня оно мягко сказать шокировало. Старик прошёлся до ближайшего публичного дома, выпил перед входом приготовленные заранее зелья для подобных случаев и вошёл внутрь. То, что происходило в одной из комнат борделя весь этот день, даже я боюсь себе представить…

В общем, хорошо отпраздновали, душевно. Кич вновь начал всех угощать. Я подсел ближе к Броку. Алерадус принялся всех развлекать простенькими магическими фокусами. Сир заснул на столе с бокалом в руках. Тис всё рассказывал Кире о своих похождениях в молодости. Лорк пытался поведать ещё какую-то историю, но его никто не слушал. Обидевшись на весь мир, он взял графин с вином и залез под стол между бочками. Там он просидел до самого конца гулянья. Только один раз вылез – взять новый графин.

Утро или, скорее, обед встретил меня чудовищной головной болью. Все кроме Кича и Лимба ещё храпели. Прим сидел под окном, крутил в руках кинжал. Лимб восхищённо смотрел на это драгоценное сочетание роскоши и смертоносности. Думаю, он даже во снах такого не видел. Кич спросил, не хочет ли он подержать его. Другого ответа быть не могло. Прим протянул кинжал драгу.

Кич заметил, что я проснулся, ехидно спросил о самочувствии и предложил выйти во двор к колодцу. Холодной водички попить мне не помешает. Да и ему тоже.

У колодца стоял Алерадус, умывал лицо водой из ведра. Мы поздоровались. Увидав ведро, Кич как ненормальный схватил его всеми четырьмя руками и начал жадно пить, обливая водой свою шерсть на груди.

Я тогда сразу не понял, что произошло. Помню, как раздался старческий стон. Я посмотрел на Лимба, потом на Алерадуса, потом опять на Лимба. Рука драга быстро вырвала лезвие кинжала из груди мага. И не успел я прийти в себя, как подлый ублюдок скрылся в воротах. Кич выбросил ведро и погнался за ним. Я тоже хотел пуститься следом, но меня остановил угасающий голос колдуна. Умирающий Алерадус подозвал меня к себе.

Кинжал, который украл этот подлый драг, – Кинжал Спайкнифа, один из тех, что дарил бог примам для защиты от потусторонних существ. В этом оружии заточена невероятная сила. В злых руках она может творить страшные вещи. Маг специально не говорил нам об этом. Думал, что всё обойдётся… Думал, всегда будем считать свою находку лишь шедевром ювелирного искусства… **УГРОЗА**, **ДРУГ**, **САР**, **СМЕРТЬ**, **СТАЛЬНЯ** – пять слов, которые предрекла магическая кровь. Она ведёт нас. Алерадус принял **СМЕРТЬ**. Четыре ступеньки пройдены. Осталась пятая. Мне нужно отправиться в Стальню. А что дальше? Может быть, следующие ступеньки… Силы мага на исходе, он чувствует, как ветер Смерти всё упорней пытается сдуть его душу в потусторонний мир. Я должен пообещать, что исполню просьбу, что продолжу путешествие. Разве можно отказать в просьбе умирающему на твоих руках старику? Всё, что есть у Алерадуса, способное помочь путешествию, он передаёт мне. Всё…Это было его последнее слово. Потом он схватил мою руку, содрал повязку и засунул пальцы в рану.

Вначале я ощутил острую как наш украденный клинок боль. Потом такую боль, что невозможно описать. И не только в ране, а по всему телу. Словно моя кровь закипела. Моя рана и пальцы мага загорелись зелёным огнём. Я с ужасом начал понимать что происходит. Моя кровь. Алерадус переливает в неё магическое существо. Вернее, уже перелил…

Маг лежал на земле. Кровь растекалась по его груди, пропитывала одежду и стекала в песок. Его побелевшее лицо застыло в умиротворённой улыбке. Он был мёртв. Но не от раны. От того, что передал мне частицу себя…

Вернулся запыхавшийся Кич. Двуликий подонок Лимб ускользнул от него.

Мы похоронили Алерадуса на местном кладбище. Все были угрюмей зимней вьюги. Когда похороны были позади, я завёл разговор о своём обещании. Нам нужно идти в Стальню.

Брок, Тис и Кич поддержали меня. Путешествие в город лучшей в мире стали будет самым малым, что мы можем сделать, чтобы почтить память великого мага.

Лорк неприятно удивил меня. Он наотрез отказался идти. Хватит с него этой бессмыслицы. Смерть учителя заставила его многое переосмыслить. И вернула, наконец, на землю. Все те приключения, слава и богатства, столь красиво описанные в книгах – в жизни полны обмана и крови. Нет, это не для него. Он с первым же караваном отправится в Пашни. И никто не сможет его переубедить! Если нам угодно подохнуть где-нибудь в пустыне от железных

лап техномонстра – пожалуйста. Но не надо и его в это впутывать. С него хватит совершённых путешествий до конца жизни.

Кира, поступила так, как я и предполагал. Я не осуждаю её и не оправдываю… После тех показов мод, она была холодна с Сиром. Скорее всего, это значит конец их любви. Мне даже не следовало её спрашивать, ведь и так всё было ясно. Её ждали роскошный дворец и высокое положение в обществе. Кто бы упустил такую возможность? Навсегда простившись с Сиром даже не проронив и слезинки, она в тот же день отправилась к Критарфу, богатому старику-модельеру.

Я думал, потеряв любовь, Сир захочет приобрести приключений. К сожалению, вышло не так. Он раскис, был молчалив, а, в конце концов, заявил при всех, что никуда не пойдёт. Останется в этом паршивом городе. Найдёт какую-нибудь работу и будет ждать, когда Кира передумает и вернётся к нему… Что ж, его я тоже осуждать не стану…

А когда мы остались с ним наедине, он объяснил истинную причину. В тот день, когда мы все бродили по улицам, он видел убийцу, злодеяния которого мы второпях приписали Бирюку. Страшное крылатое существо. Оно было чем-то похоже на прима, но громадная клыкастая пасть, и лапы с закрученными когтями говорили обратное. Это чудовище спустилось с неба и разорвало женщину, стоявшую неподалёку. А потом оно начало есть… Нет, Сир ни за что не оставит Киру в этом городе, пока такая дрянь парит над его улицами. Пусть любимая бросила его, причинила боль, оскорбила – он не уйдёт. Будет незаметным стражем сопровождать ее, куда бы она ни пошла, где бы она ни проводила ночи…

У меня были деньги Алерадуса, магическая кровь, которой я не умел пользоваться, обязательство идти в опасное путешествие и трое верных друзей. Этого мало. Хотя бы ещё одного спутника, отлично владеющего оружием. «Пять слов-ступенек, указанных магом, значит, и нас должно быть пятеро» – почему-то эта мысль навязчиво крутилась в моей голове. Но кого взять с собой? Кого, кроме…

После боя в резиденции Терзана, меня каждый вор узнавал, так что вынюхать у одного из них точное местонахождение Джины мне труда не составило. (Я вначале попытался его вспомнить самостоятельно, но попытка ни к чему не привела.)

Если честно, я даже не надеялся, что Ночная Бабочка присоединится к нам. Но это произошло. Наверное, мой замученный и обременённый трудновыполнимым обещанием вид вызвал в ней жалость. Или просто надоело воровать, вот и решила с нами пойти. Главное, что согласилась. А почему – значения особого не имеет. Но точно не для того, чтобы ночью теперь уже мои богатства обчистить. Она не такая. Хочется в это верить…

Под её руководством мы зашли в магазин паровых повозок и купили одну. С укреплёнными колёсами – для дальних путешествий. Места в ней хватало с головой. Я долго думал, брать ли с собой верблюда. От него пользы теперь никакой. Все вещи в повозке поместятся без проблем. Но, представив,

как буду себя проклинать, когда его не окажется рядом на случай поломки повозки, решил всё-таки взять.

В душе моей затаилась боль смерти мага. И злость. Каждую свободную секунду я представлял, как поквитаюсь с Лимбом. А я уверен, встреча обязательно произойдёт. При этих мыслях моя кровь словно бурлила. И требовала жестокой мести.

Утром мы покинули Сар. Прощайте Трущобы Недостойных. Надеюсь, я больше никогда к вам не вернусь!

Часть 2: **Жажда крови**

Глава 10: ***Нечто***

С паровой повозкой слово «путешествие» приобрело для меня совсем другое значение. Если раньше, услыхав его, в воображении возникали долгие, изнурительные странствия под палящим солнцем, ночлег у костра ледяными ночами, постоянно грязная одежда, натёртые в размякших от пота сапогах ноги, невозможность избежать схватки с встречавшимися на пути дикими животными и бандитами, то сейчас всё в корне изменилось. Просто не хватает слов описать как это удобно! Когда ты свободен от подкидывания угля в котёл – можешь заниматься всем что душе угодно. Хочешь спать – спи. Хочешь принять пищу или выпить – пожалуйста. Хочешь предаться раздумьям или чтению магических и технологических книг – кто ж мешает? Да, котельная прохлады не добавляет, особенно в разгар обеденного солнца. Когда удаётся набрать большую скорость, ветер остужает нас через открытые настежь окна. К сожалению, по ухабистой дороге скорость не всегда набрать удаётся. Но и в этом плюс большой – жара заставляет всех снимать лишнюю одежду. Даже Джину…

Кстати, о Джине. Она просто молодец. Я благодарю всех известных мне божеств за её компанию. Нужно начать с того, что купить паровую повозку было её идеей. Я бы и в самых смелых фантазиях на такое не решился. Куда уж мне, парню из провинциального городка о таком думать? Не то, что водить – подойти к повозке боялся. А Ночная Бабочка настояла. Кто-то там из её прошлого научил водить паровые повозки. Я уточнять не стал, да и она вряд ли бы рассказала. Прошлое осталось в прошлом, а умение водить никуда не делось. И это нам только на руку. Из всей компании, только Кич выразил желание научиться управлять повозкой. Сидел в кабине и жадно ловил каждое движение Бабочки. Я бы приревновал, если б не знал принципиальных женских предпочтений прима: только со своей расой.

Мы тщательно продумывали маршрут. У Алерадуса в одном из сундуков я нашёл выполненную на совесть карту Главного Материка. Тот путь, который мы уже прошли, был выведен красным карандашом поверх синего. Линия обрывалась в Саре. Я решил не нарушать традиций и вычертил наш грядущий маршрут синим. Нам предстояло проехать вдоль левого берега реки Нали до её

конца, потом обогнуть по правой стороне Седой Лес и прямиком в фермерский городок Тимпанус – там пополняем все запасы и направляемся к ближайшему мосту через реку Морская, а уж оттуда до Стальни добраться особого труда не составит (хочу в это верить). Выглядит не так зловеще. По крайней мере, на карте. Что ж, посмотрим, посмотрим…

Первое время дорога была сравнительно ровной. Джина выжала рычаги управления до упора, и наша карета понеслась с пугающей скоростью. Непривычное ощущение. Не то, что я скорости боюсь. Наоборот, в Пашнях оставил любимца скакуна. Он, кажется, единственный, кого я вспоминаю, думая о доме… Да и то, всё реже и реже… Отец постоянно занят своими делами. После того, как мать двинула с одним зажиточным торгашом в Лармиран, он не обращал на нас никакого внимания. Он замкнулся в себе. Из жизнерадостного, разговорчивого, трепетно относящегося к детям человека он превратился в сухую, выеденную душевными страданиями корягу. Спустя год после этого, в поисках лучшей жизни (хотя нам и в Пашнях жилось очень даже неплохо) старшие братья отправились в Карт. Сейчас я понимаю их поступок: они просто бежали с тонущего корабля, не выдержав потрясения. Я никогда не пытался осуждать их. Каждый вправе сам распоряжаться своей судьбой. Я остался. Хотя вполне мог пойти с ними. Да, я был тогда ещё сопливым мальчишкой. Но пойти мог – они очень сильно хотели этого. В особенности Токр, самый старший брат. Как сейчас помню: он отвёл меня подальше от отцовских глаз и ушей в конюшню и сообщил, что на рассвете он с двумя остальными братьями уйдут в Столицу. Там больше возможностей, и больше свободы… Он не хотел, чтобы я оставался в нашем захолустном городишке и остаток дней прозябал над дойкой коров. Да, мы живём мягко сказать небедно, но это лишь на фоне остальной нищеты города. Нельзя заживо хоронить себя в этой выгребной яме. Нужно идти вперёд. Нужно пробиваться выше, дальше. Та жизнь, которую откроет перед нами Карт – стоит в сотни раз больше всех богатств мелкого городишки. Я помню, как разрывался между двумя тяжёлыми решениями. В какой-то момент мне хотелось пойти с ними. Но всё же… Братья ушли, а я остался. И неизвестно, как бы сложилась моя судьба… С тех пор я никогда не виделся с ними. Сухие, ничего не содержащие в себе письма от них мы перестали получать спустя год. Если честно, я даже забыл их лица. Не уверен, узнал бы я кого-нибудь из братьев, встреться с ним сейчас. Мне жаль было отца. Мать поступила с ним ужасно. Сыновья рано или поздно всё равно бы ушли. Но не я. Было больно смотреть, как огонь жизни медленно угасал в нём. Я надеялся, что хоть моё присутствие поможет отцу переносить тяжбы судьбы. А недавно он привёл в дом женщину. Её звали Нирма. Молодая. Да она младше меня на два года! Именно после её прихода, мысли последовать примеру братьев начали одолевать меня. Отец был увлечён только ей. Слава Мастуку, хоть не заставлял меня называть Нирму мамой. Вот бы тогда ему устроил! Да кого я обманываю? Как-то отец отбыл по делам в Скот. Она… В общем, мачеха соблазнила меня… Нет! Я сам этого хотел! Она была так красива… Утром мы поклялись никому не рассказывать. И вправду –

отец, должно быть, ничего до сих пор не знает. Старый глупец. Я остался с тобой не для того, чтобы при первой возможности ты выбросил меня на помойку своих тёплых чувств, заменив белокурой куклой! Я не испытывал стыда, когда занимался с ней любовью снова и снова… и снова. За его спиной. В знак протеста… Никто не знал об этой тайне. Но с каждым днём я всё отчётливей понимал: в родном доме меня больше ничто не держит. Единственный, к кому я питал и питаю до сих пор привязанность, так это скакун по кличке Бравый. Мой прекрасный гнедой. Он мчал быстрее ветра и всегда становился предметом зависти и восхищения окружающих. Его по праву считали одним из самых быстрых в округе. Я начинаю ловить себя на неприятной мысли, что чем дальше отхожу от дома, тем меньше моя привязанность. Ничего, отец и Нирма позаботятся о нём…

Одно дело – на лошади верхом, когда ветер обдувает твоё лицо, треплет волосы, когда ты сам за всё отвечаешь, чувствуешь, а совсем другое – сидя в паровой повозке: трясёт, подбрасывает, кидает в разные стороны как мешок с зерном... Страшновато, если честно: того и гляди, пол провалится или из окна вылетишь. Ничего, думаю, скоро привыкну. Но если мне страшновато, то Броку просто жутко. К стыду должен признать: забавно наблюдать бесстрашного гиганта-люрта сжавшимся комком липнущего к своему креслу. Его загоревшая кожа вся побелела от напряжения и страха, глаза почти всё время зажмурены а губы намертво залеплены – светские беседы вести он уж точно не намерен. Раз мне не хуже всех, то и не стыдно вовсе. С Кичем всё просто – он из водительской кабины не вылезает. Весь восторженный, возбуждённый. Поскорее хочет рычаги подёргать, поучиться. Словно рождён только для этого и был. Джина не обращает на него внимание. Всё время на дорогу смотрит. Мне кажется, к примам у неё какая-то неприязнь. А Тис сидит себе на своём месте и в окно только смотрит. Весь спокойный как удав. Я его, если честно, побаиваюсь. У него гордый (хоть и с налётом душевной печали) взгляд лидера. Брок рассказал некоторые сведения о его прошлом. Начальник охраны главы города – очень ответственная должность. Простачков на неё не берут. Как бы это не сыграло плохую роль. Лидер должен быть один в нашем коллективе. Насколько я понял, Алерадус назначил им меня. И поэтому могут возникнуть трудности с Тисом. Пока отмалчивается, но кровью чую: он привык командовать. Не пройдёт много времени, как начнёт подавлять меня своим авторитетом. Нужно быть начеку.

Меня поражает наш привязанный к повозке верблюд. Какую бы скорость мы не набирали – его верёвка никогда не натягивается полностью. Он не отстаёт и на метр, тем самым не замедляя наш ход. Меня так не удивляет его скорость (я слышал, что хороший верблюд может бежать довольно быстро), как выносливость. Поистине ценный экземпляр. Проделывать такие расстояния в таком бешеном темпе не каждое животное способно.

К счастью или несчастью (каждому своё), дорога ухудшилась. Появились выщерблины, ухабы и камни. Скорость повозки значительно уменьшилась. Моё нервное возбуждение незаметно испарилось, сменилось более-менее

комфортным состоянием души. Я выглянул в окно. Местность значительно изменилась. Вместо пустынных равнин росли зелёные кустарники и деревья, земля была покрыта желтоватой травой, кое-где возвышались холмы. Тут напрямик не поедешь – нужно петлять в поисках подходящей дороги. Наша карета довольно-таки не маленькая, чтобы между близко-растущими деревьями пролазить.

Мы уже довольно долго ехали, поэтому я приказал сделать привал. Да, не попросил и не предложил, а приказал. На меня это совсем не похоже. Ладно, не стоит зацикливаться над этим. Ещё будет время привыкнуть к новой роли.

Сказать, что мы засиделись во время поездки – ничего не сказать. Брок буквально взрывался проклятьями в адрес повозки, то и дело почёсывая зад и спину. Тис молча прохаживался от куста к кусту, разминая суставы. А проголодавшийся Кич не дождался обеда и полез на ближайшую яблоню. Красные карликовые плоды были с горчинкой, но это не помешало ему набить ими пузо и насобирать в дорогу целый мешок.

Должен отметить, климат здесь, как и местность, отличается от привычного: обеденное солнце почти не жарит, и ветер прохладный дует. Мы разожгли костёр и приготовили еду. Я решил, что двух часов привала хватить должно. С нами всё-таки верблюд. Пусть отдохнёт, бедняга, а то бежал за повозкой как раненный заяц.

Джина решила пройтись окрестностями. Я не упустил возможности составить ей компанию. Только мы отошли на несколько метров от остальных, как мне захотелось о чём-то поговорить. Всё равно о чём, но поговорить. Я начал было нести всякую несуразицу, но спутница дала понять, что к беседе в данный момент не склонна. Просто хочет молча походить, подумать. Раз уж я за ней увязался, то хотя бы не мешал её размышлениям.

Мы полезли на холм. Наверху открывался красивый вид: заливаемые маслом обеденного солнца деревья, кустарники, холмы и каменные глыбы. Чем-то напомнило окрестности Фермерских Угодий. Между двумя корявыми дубами серела насыпь камней. До неё шагов пятьсот. Переглянувшись с Бабочкой и не сказав ни слова, мы отправились к насыпи. По дороге в траве зашуршало. Гремучая змея. Как я их всё-таки ненавижу. Всех без исключения. И драгов теперь тоже (Кроме Ярлы, разумеется. Её эль я буду вспоминать ещё долго)… Мы обошли змею стороной, хоть меня и подмывало желание отрубить её чешуйчатую голову.

Насыпь камней оказалась гораздо больше, чем виднелась с холма. Мы обошли её вокруг. Я бы так и ушёл, не будь со мной опытной воровки. Её намётанный глаз поймал расщелину между камнями. На первый взгляд, обычную себе расщелину, ничем не выдающуюся. Но сорванная с дуба длинная ветка целиком влезла в эту расщелину – за камнем скрывалась пещера. Я срубил с дуба крепкую ветку, которую мы использовали как рычаг. Немного попотев, нам удалось сдвинуть камень достаточно, чтобы пролезть внутрь.

Правильно бы было позвать остальных и потом уже исследовать глубины. Но жгучий инстинкт первооткрывателя слепил, не давал спокойно мыслить. Внутри темно. У Джины с собой есть свеча и спички (какая же воровка без этого обходится?), но этого мало. Если бы факел добыть или магический свет вызвать… Что же я за маг такой, не способный пещеры освещать? За всё время пребывания магического существа в крови, мне пока не удалось выполнить ни одного заклинания. Или все книги по магии, что я купил в Саре – шарлатанские подделки и все их советы обглоданных костей не стоят, или я просто не в состоянии воспользоваться своим потусторонним даром. Как написано в некоторых книгах, чтобы вызвать простейшее заклинание ничего особенного проделывать не надо. Стоит только представить, очень сильно захотеть. Для большей точности и скорости заклинания, особенно для начинающих волшебников, желательно повторять это желание вслух. Все эти крысоновы хвосты и сушёные грибы – для более сложной магии. Но сколько бы я не повторял слово «огонь», ничего не происходило. Должно быть, со стороны я выглядел полным идиотом.

Крохотный огонёк свечи плохо освещал, но и на том спасибо. Узкие, заросшие плесенью и паутиной стены вели вглубь пещеры. Неприятный гнилостный запах нарастал с каждым шагом. Я начинал сомневаться в правильности нашего решения. Что мы, вообще, здесь забыли, спрашивается?

Постепенно начал нарастать шум, похожий на шипенье. И чем глубже мы спускались, тем громче он становился. Я схватил Джину за руку. Это произошло в тот момент, когда под ногами проползла змея. А впереди их были тысячи. Целое кодло ядовитых змей. Они ползали друг по другу, костям и камням, пролазили в глазные отверстия желтеющих черепов. Кобры, гремучки, мамбы, гадюки, удавы – всех не перечесть. От детёнышей до гигантских особей. И кладки яиц повсюду…

Мы не были им интересны. Гнилостный запах, буквально резавший глаза как мясник окорок, источался тушками крысонов, кроликов и других животных, которых просто было невозможно различить. Некоторые змеи растянутыми до невозможного пастями заглатывали добычу. Жуткое зрелище. Я еле сдержался, чтобы не вырвать.

Мы попятились назад, развернулись и побежали прочь. Я не знаю, следовало это делать или нет. Они ведь тоже живые существа. Тем более, нам вреда они не причинили и даже не пытались. Мы вошли в их дом непрошенными гостями, а они позволили нам уйти. Но всё же, я сыпнул из рожка взрывной порошок на ладонь, слепил комок и запустил в их логово…

Посыпался потолок. Один камень угодил Джине в руку. Она не сбавила скорость, но столько проклятий полилось тогда в мой адрес, что звёзд на ясном небе меньше. Мой страх и ненависть к змеям чуть не похоронили нас в той пещере. Повезло. Мы успели выбраться.

В месте разорванного рукава Бабочки краснела ссадина. Я достал лечебный отвар (приготовленную Тисом, к громадному списку незаменимых качеств которого можно приписать и врачевание) и протянул пострадавшей.

Джина выхватила отвар и со всей силы толкнула меня. Я еле удержался, чтобы не упасть. Опять в сердцах меня выругала, а потом взяла и расплакалась. Чего это она?

Да, мой поступок богиню змей Геллизу вряд ли порадует…

А вот и остальные бегут. Взрыв услыхали, должно быть. Я был немного не в духе, когда они принялись расспрашивать о случившемся. Первым делом, как это и подобает командиру, выругал их по первое число. Если они все здесь, то кто повозку охраняет? Верблюд? Его первым делом и украдут, вместе со всем остальным. Никогда, что бы ни случилось, нельзя оставлять наш лагерь без присмотра! Хоть кто-то один охранять да должен! А чем больше – тем лучше.

На этом наш привал закончился. От греха подальше, как говорится.

Кич набросал дров в топку. Всё ещё злая на меня Джина закрылась в кабине. Мы уселись по местам. Самоходная карета тронулась с места.

Нас трясло сильней, чем раньше. Кажется, Бабочка перестала утруждать себя объездом кочек и ям. Нас подбрасывало как игральные кости в стакане. Рожки Брока оставили заметные вмятины в потолке… Почему-то все смотрели на меня с осуждением, что ли. Но молчали. А нас всё трясло, всё кидало. Кич постучался к Джине, но она облила его ведром словесных помоев и порекомендовала оставить её в покое. Забаррикадировалась. Не выбивать же дверь? Когда нас подбросило так, как ещё раньше никогда не подбрасывало, я всё-таки решился поговорить с ней. И посыпавшиеся как зерно из мешка упрёки Брока с Кичем тут ни при чём. У меня ведь тоже совесть есть. Тем более, ещё полчаса такой езды, и от повозки вместе с нами ничего не останется.

Я постучал в дверь кабины водителя.

– Убирайтесь прочь, дети шакалов! – перегородка приглушала голос, но не гнев и отчаяние, заточённые в нём.

– Джин, открой, это я.

– Тебя, проклятый крысон, я меньше всего видеть хочу!

– Ну перестань уже, – повозку вновь качнуло и моё темя поздоровалось с потолком. Больно.

– Пошёл прочь!

– Открой дверь, не дури.

– Оставь меня в покое, – голос звучал менее агрессивно.

– Ну, Бабочка, Джиночка, красавица черноокая, незаменимая спутница наша, открой дверцу.

Она ничего не отвечала.

– Открой дверцу, ну пожалуйста.

– Нет. Не буду открывать, – голос был намного спокойней, чем раньше, но до желаемого ой как далеко.

Меня опять подбросило к потолку, от чего натянутый до предела пузырь моего терпения лопнул.

– Да открой ты дверь, истеричка! Я сейчас её выбью, если не откроешь! Слышишь?!

Молчание. Я почувствовал, как карета сбавляет скорость до полной остановки. Потом раздался щелчок засова. Собравшись с духом, я вошёл в кабину.

За штурвалом сидела заплаканная Джина.

Я прикоснулся к её плечу и попытался заговорить. Бабочка стряхнула мою руку как цветочную пыльцу с крыльев. Разговаривать ей явно не хотелось. Мне не оставалось ничего другого, как сесть рядом и ждать. А чего ждать? Посмотрим.

– Ты знаешь, Дрим, – наконец заговорила она после длительного молчания, – со мной в детстве произошёл один случай. Тогда было лет одиннадцать или двенадцать. Мы с друзьями гуляли по заброшенным окраинам нашего города Скота. Да, я когда-то там жила. Удивлён? Я так и думала, что нет. Так вот, для взрослого человека там не было ничего интересного: обветшалые покинутые домики, запустелые, поросшие травой дворы, развалины и тому подобное. Но для пытливых подростков эти места как для шахтёра золотая жила. В каждый дом залезь, каждый камешек потрогай, за ящерицами и кузнечиками в траве погоняйся. *Поход в Неизведанные Края* – вот как мы называли наши прогулки.

Посреди одного двора с прорастающей из потрескавшихся плит травой стоял засохший колодец. Мы никогда не могли пройти мимо. Он словно затягивал, звал нас. Сколько разных историй мы выдумывали про то, что покоится на его дне – всех не счесть. Но истории – всего лишь истории. Никто из нас не успокоился бы, пока не узнал правду. Так уж вышло, что из всех я оказалась самой маленькой и лёгкой – отличная кандидатка для *Спуска за Истиной*. Кажется, так мы назвали эту глупую идею.

К обветшавшему барабану колодца, как это ни странно, ещё крепилась цепь. До безобразия ржавая. Мы раскрутили её, подёргали – вроде бы крепкая. Меня, по крайней мере, выдержать должна… К концу цепи привязали пожертвованные рубашки. Обмотали меня ими, дали керосиновую лампу. Её, кстати, пришлось ждать несколько часов, пока один из парней бегал домой. В общем, всё было готово, и мы приступили к моему спуску. Знаешь, Плувер Младший, на что был похож спуск? Дай напомню: нарастающее шипенье. И самое страшное, оно не отталкивало. Наоборот, завораживало, затягивало. Как и сегодня. Если бы ты не схватил меня за руку… На дне были пустоты. И они кишели змеями… Я начала кричать. Друзья тут же потянули наверх, но рубахи зацепились за выпирающий из стены штырь. Не знаю, откуда он там взялся. Наверное, специально для таких случаев… В общем, моё крепление порвалось, и я плашмя повалилась на скопления змей. Они ползали по мне. Их скользкая чешуя прикасалась к моей коже, их мерзкие раздвоенные язычки касались моих щёк, губ, захлопнутых век... Я словно тонула, шла на дно бурлящей живыми волнами речки.

Друзья догадались опустить цепь до упора. Я вцепилась в неё как утопающий в соломинку. Так оно и было, если уж на то пошло. В общем, меня вытянули наружу. Всю белую, как кость. А знаешь, моя кожа раньше была смуглой. И волосы. Думаешь, это настоящий цвет? Ха! Они с того злополучного дня седые. Ни одного тёмного волоска. Я крашу их настоем из трав и коры деревьев. Мы тогда поклялись, что никто больше не узнает о случившемся. Мои дорогие родители до сих пор даже не подозревают. Поверили, что мы увидели волка, от чего я и поседела с перепуга. А может, сделали вид, что поверили.

Никто не знал. И вот я рассказываю это тебе… Столько лет уже прошло. Не знаю... Зря я с тобой поделилась. Забудь. Мне теперь лучше, так что не волнуйся, трясти больше не будет. А теперь не мешай, нам пора в путь…

Я не знал что сказать. Словно язык к нёбу прилип. А Джина, как ни в чём ни бывало, задёргала рычаги. Наша самоходная карета тронулась.

Я вернулся на своё место. Друзья начали расспрашивать, какими же экзотическими методами мне удалось успокоить Бабочку? Может, магию наконец-то применять научился? Я буркнул что-то невнятное в ответ. До конца дня я молчал. Рассказ Джины всё никак не выходил из моей памяти.

Нет, ну как же мы могли раньше путешествовать? Словно кочевые варвары. Мёрзли на ночном холоде у костра, завернувшись в коконы из овечьих шкур. Надеюсь, те времена навсегда в прошлом. Я с улыбкой вспоминаю свои душевные терзания, когда расплачивался за паровую повозку. Она обошлась в половину всего состояния Алерадуса. С каким нежеланием я протягивал мешок с золотыми монетами тому хитроглазому продавцу приму. Деньги вперёд – только тогда можно осмотреть приобретение. Мне это больше всего не понравилось, и Джине пришлось меня долго уговаривать согласиться с требованиями. Пришлось поверить. В конце концов, это она жительница Сара. Непонятные мне условности ей как родные. Раз говорит, что надо платить, то так оно и будет. Меня пугали размеры и формы нашего приобретения. Длинная, массивная, несуразно выглядящая со всеми этими угловатыми уступами и трубами. Я с трудом заставил себя влезть внутрь. И не пожалел: на удивление удобные кресла, способные с невероятной лёгкостью раскладываться в кровати. Шесть штук. Столик между ними. К столику крепилась миниатюрная керосиновая плита. Для красоты, наверное, так как много еды на ней не наготовишь. Продавец повёл нас дальше – показал кладовую, котельную, кабину водителя и, что меня поразило больше всего, смежную душевую и туалет. Стоит ли говорить, что все помещения освещались электрическими лампами? О святой Мастук, ты услышал мои молитвы! Остатки сомнений вконец были вымыты с первыми минутами пробной обкатки. Эта механизированная карета стоила целого состояния. Но я заплатил бы и больше.

Первая ночь превзошла все мои ожидания. На улице был мороз. А у нас – тепло. Паровой котёл перевели в режим обогрева. Да, кому-то придётся ночью просыпаться и подбрасывать углей. Будет, конечно, трудно выползти из

удобной кровати, но это значительно проще, чем дежурить у костра. Но самое огромное преимущество – мы можем продолжать путь ночью. Электрические огни направленных вперёд ламп повозки давали отличных обзор. Если бы Джина не устала за весь тяжёлый день, то мы бы не теряли времени зря. Быстрее бы Кич научился водить – тогда наш путь займёт в два раза меньше времени.

Бабочка спала в кресле, что рядом с моим. Благодаря этому ночь стала сущим кошмаром. Для меня, по крайней мере. Почему? Стоит вспомнить о моей любвеобильной репутации в Пашнях и прилегающих к ним территориям. Скольких фермерских дочек я осчастливил… Нужно с собой бороться. Отбросить все грязные мысли. Да, Джина редкостная красавица. Полностью в моём вкусе. Но я ей безразличен, это раз. А два – нужно делом заниматься, а не любовные узоры выплетать. Так что пора уже прекратить тешить себя несбыточными фантазиями. От них никакой пользы.

Бабочка спала до обеда. Вчера она пережила очень сильное душевное потрясение. Это если не говорить о том, что целый день она безустанно управляла повозкой. Я попросил не беспокоить её. Пусть набирается сил. Кич хотел было сам сесть за штурвал, но мы его не пустили. За день он вряд ли чему научиться мог. Угробит всех или повозку разобьёт в лучшем случае.

Проснувшаяся Джина выругала нас за то, что не разбудили, спросонья вошла в кабину и запустила колёса. Спохватившийся Кич побежал в котельную и начал подбрасывать угли. Его энтузиазм мне по душе. Никто кроме него ещё не топил котёл. Такое распределение труда не может другим не нравиться.

Пошёл дождь. Ещё один повод петь хвалебные песни моему приобретению. Ни завязающих в грязи ног. Ни промокшей насквозь одежды. Сухо, тепло и настолько комфортно, что просто не верится. Такое ощущение, словно в доме прохлаждаемся. Правда, скорость пришлось сбавить: видимость дороги сильно ограничена. Но на такие жертвы пойти ещё можно.

Моё ликование оборвалось на первом зарывании колёс в грязь. Тут уж выбора не остаётся, нужно толкать. Выходить из тёплого, сухого салона, мокнуть под ливнем, дрожать под холодным ветром, зарываться ногами в грязь, поскальзываться и падать, вымазываясь с головы до пят липкой землёй, подниматься и продолжать что есть силы упираться в мокрые стенки повозки. Тяговые лошади, быки и верблюды, как я вас теперь понимаю…

Мы запрягли верблюда впереди повозки, Кич подгонял его. Джина сидела за штурвалом, подавала тягу на колёса. Колёса прокручивались, плюя в нас грязью, травой и камнями. Наша паровая повозка – настоящий дом на колёсах. Такая же уютная, просторная и… тяжёлая. Камень из под колеса здорово повредил мне колено. По грозным оханьям и сетованиям остальных можно было догадаться, что им тоже достаётся. Но прочь жалобы и боль – нужно довести дело до конца!

Я даже боюсь подумать о том, сколько усилий нам потребовалось вытолкнуть повозку. Но, к всеобщей радости, дело было сделано. Мы

находились внутри тёплого салона. Принимали душ, мыли грязные одежды, одевали новые (у кого они были), втирали лечебные мази в ушибы, втихомолочку попивали вино, отдыхали. Ни у кого даже и мысли возникнуть не могло, что колёса способны вновь завязнуть в болотистой земле. А именно так и произошло.

Уже сил совсем нет, чтобы выталкивать. А дождь всё стучит по крыше. Начинает темнеть. Даже если мы и вытянем колёса, далеко не поедем. Заливаемое водой стекло кабины и надвигающаяся ночь – не лучшие спутники путешествия. Поэтому мы поужинали копчёным мясом и легли спать.

Этой ночью, как и прошлой, мне не удалось хорошо выспаться. Вихри всевозможных мыслей будоражили сознание. И толком не понять о чём они были. То размытые образы прошлого, то непонятные, никогда не виденные очертания существ, растений, разные пейзажи мелькают, словно светящиеся тараканы. Непонятные слова, фразы, будто воздушные пузырьки всплывают на поверхность океана моего разума. Я знаю, что устал. Мне нужно отдыхать. Но тело всё дрожит от переполняющей его энергии. Словно какого-нибудь ободряющего зелья выпил. Но стоит открыть глаза, как слабость сковывает меня. Трудно даже пошевелиться. Джина. Она спит рядом. Мне бы хотелось думать о ней, но не могу. Бури перемешанных образов, слов, мыслей не дают покоя. Они не мои. Чужие. Раньше были чужими. Теперь – мои…

Проснулся в подавленном состоянии. Если мне удалось за всю ночь поспать часок-другой – и на том спасибо. Это не важно. Меня беспокоило другое. Но что именно – вот вопрос, на который нет чёткого ответа. Оно сидит во мне, крепчает, растёт, постепенно поглощает сознание. Если бы кто-нибудь спросил: чувствую ли я себя как и прежде, я бы без размышлений ответил: нет, не чувствую. Я вообще сейчас сомневаюсь, остался ли самим собой. Дар мага делает со мной странные вещи. Пока их результаты не видны со стороны. Да и я сам не до конца их осознаю. Чувствую только – не всё в порядке. Но что именно? Пока я не в силах понять.

Земля была мокрой, но дождь уже не шёл. Задние колёса засели в грязи. Мы приподняли повозку, и Джина без особого труда вывезла её на более-менее твёрдую поверхность. Теперь и в путь можно отправляться.

Не смотря на задержку, мы с огромным запасом времени успевали к рассчитанному мной сроку. К Седому Лесу я планировал прибыть в лучшем случае на четвёртый день. По всем ориентирам до него ехать осталось совсем чуть-чуть. За три дня пути проделать такое расстояние! Никак не могу себя заставить не удивляться.

К обеду мы уже подъезжали к лесу. Корявые белёсые сосны, пушистые ели и массивные дубы. Примерно за сотню метров до него Река Нали исчезала в каменистых расщелинах. Курс на Северо-восток в город Тимпанус. По каменистой насыпи ехали медленно. Очень напряжённый участок. Но мастерство вождения Джины превзошло любые ожидания. Дальше дорога выровнялась. Сухая, твёрдая земля. Одно удовольствие.

Из кабины выскочил взволнованный Кич. Открывшийся перед ним и Бабочкой вид крайне пугал. Происходящее впереди напоминало кишащий муравейник. Издали техномонстры казались такими же маленькими и безобидными. Но стоит лишь вспомнить, на что способна одна такая штука. А их там тысячи или даже десятки тысяч. В этой безустанно копошащейся массе металла и пара было трудно что-либо различить. Кажется, наряду с теми, что мы уже видели, там были и другие механизмы. Но утверждать не стану. В центре этого безумия возвышалось нечто громадное. Плюющее чёрным дымом из громадных труб. Яйцеобразное. Блестящее металлом на солнце. С сотнями мелких извивающихся отростков по всей поверхности. Издали они казались не толще травинки. А на самом деле – не меньше взрослой сосны, в лучшем случае.

Резкая боль в висках, словно мою голову проткнули шампуром. И жарят на медленном огне… Дикий, чистый, безудержный страх мясорубкой молол мои внутренности. Я тут же приказал разворачиваться. Ехать обратно. Как можно дальше от этого гнезда стальной смерти.

С ужасом в сердце я выглядывал в форточку задней двери повозки. От общей массы оторвались две точки. Они направлялись за нами. Я выдал Кичу рожок с взрывным порошком и приказал стрелять из рогатки, только монстры попадут в радиус поражения. Джине приказал гнать что есть мочи. Броку и Тису – как можно быстрее бросать уголь в топку. Сам стал рядом с Кичем и принялся наблюдать, как ползучие механизмы с немыслимой скоростью приближаются к нам. Я не помню, чтобы те, с которыми мы сталкивались, могли так быстро передвигаться.

Верблюд сейчас нам мешает. Каким бы выносливым он не был, быстрее чем раньше бежать не сможет. А это будет тормозить нас. Поэтому я высунулся из задней двери и срезал его поводья. Животное не остановилось, а побежало дальше, куда-то вбок. Вскоре он исчез из поля зрения. Видимо, механические чудища не восприняли его своей целью и продолжили погоню за нами.

Нам пришлось сбавить скорость на каменистой насыпи. Там-то чудища и открыли огонь. Первый снаряд пролетел мимо. А вот последующие застучали по стенкам повозки зловещим градом. По выпуклым вмятинам в салоне сразу стало ясно: снаряды не такие мощные, как прежде. Должно быть, это лёгкий вариант техномонстров. Намного выше скорость, но слабее вооружение. Но и такого одного попадания в любого из нас хватило бы унестись в потусторонний мир.

Колёса наезжали на камни, повозка тряслась, шквал снарядов мял обшивку. Мы остановились. Больше всего на свете мне не хотелось, чтобы мы остановились именно в этот момент. Я побежал в кабину. Наорал на Джину. Из её ответных криков я уловил обрывки очень неприятных новостей: мы ехали на превышающей допустимую мощности и водные баки полностью опустели, нужно срочно выгребать угли из топки. Если этого не сделать – всё взорвётся к гиреновой матери!

Я приказал опустошить топку. Тис открыл дверцу. Вырвавшийся с грохотом жар опалил ему волосы. Он не подал даже и намёка на боль, и, как ни в чём не бывало, принялся ссыпать лопатой раскалённые угли в ведро. Брок присоединился к нему. Я хватал переполненные вёдра и высыпал их в открытую дверь. Из котельной мне нужно было преодолеть основную комнату. По дороге некоторые угли высыпались из переполненных вёдер. Это грозило бы страшной бедой, если бы мне не пришла на помощь Джина. Она подбирала их лопатой и выбрасывала наружу, тушила маленькие очаги огня, не давая разрастись крупному пожару.

Я слышал взрывы – это Кич обстреливает механических монстров. Сейчас вся надежда на него. Лишь бы он не подвёл.

Нас сильно тряхнуло. В то же время Брок с Тисом выбежали из котельной – топка была пуста. Я приказал Джине оставаться в салоне, а сам схватил мечи и устремился вслед за ними. В бой!

Вдалеке дымились остатки техночудища. Вблизи повозки механизм вонзал передние лапы в повозку. Взрывов больше не следовало. Хоть бы с Кичем всё было в порядке…

Брок налетел на стального врага как освирепевший потусторонний монстр. Его пернач с неистовой силой раздирал панцирь, крошил в металлическую пыль лапы, мял, ломал, уничтожал. Мы с Тисом присоединились к нему. Когти крота вонзались в сталь как в масло. От моих мечей пользы было немного, но это не мешало с чудовищной лютью обрушивать их на искорёженный панцирь механизма.

От врага осталась только бесформенная груда металла и торчащие из повозки обрывки передних лап. Я разбил в дребезги оба своих меча. Наплевать!

Мы побежали в повозку. Кич лежал на полу. Острая конечность смертоносного механизма была замазана тёмно-красной, почти чёрной жидкостью. Такого цвета кровь у примов… Джина сидела над ним. Её испуганное лицо ничего хорошего не предвещало.

Он был ещё жив. Лежал на боку, свернувшись зародышем. Тихонечко дрожал. Еле заметно дышал. Искажённое болью лицо, тонущие в слезах глаза, мутные, отрешённые… Он прошептал, что всё нормально. Что с ним ничего страшного не произошло. Только отлежится немного, и будет как прежде. Даже лучше. Только бы отдохнуть немного. Поспать…

Я повернул его, чтобы рассмотреть рану. То, что открылось перед нашими взглядами ужасало своей невозможностью, неожиданностью, болью. Кич прижал руки к груди. Все три… Четвёртой по локоть не было. Лишь мясные обрывки на сломленной кости и хлещущая кровь. В пальцах он сжимал оторванную конечность. Джину вырвало. Тис побежал за лекарствами. Брок зарыдал. Горько, отчаянно. Никогда я не видел слёз люрта.

Я сидел над своим другом, закрыв глаза, всё повторяя одно слово *ВЫЛЕЧИСЬ*. Где же ты, моя магическая кровь? Где же твоя хвалёная

потусторонняя мощь? Бесполезная! Если ты не способна вылечить его рану – ты и рваного копря не стоишь!

А Кич так и лежал, изредка повторяя слабеющим голосом, что всё будет хорошо, что всё пройдёт. Ему ведь только нужно немного отдохнуть. Поспать...

Глава 11: ***Встреча***

Магические волны неслись на северо-восток. В королевство Техмаг. Невидимые, неосязаемые, но такие же реальные, как и всё вокруг. Они заточали в себе послание. Шпиль замка поглотил их. Это было чудовищных размеров строение, затмевающей солнце скалой нависавшее над столицей Магарран. По сложной цепи металлических проводов волны достигли репродуктора. Ярчайший пример симбиоза магии и технологий.

Сидящий у репродуктора человек тут же записал послание на бумагу: «Испытание близ Сара проведено успешно, повелитель. Собираю войска в окрестностях Седого Леса. Жду ваших приказаний. Парфлай.»

Владелец замка был доволен новостями. Медленно, но верно, его цели приближались к воплощению. Он приказал отправить ответное послание: «Оставаться на месте. Ждать сигнала к нападению.»

*****

Лимб ликовал: ценнейший реликт в его руках, старый враг хозяина убит этим же кинжалом, а Сар далеко позади. Но расслабляться не время. Друзья мага могли пуститься в погоню. Они, в большинстве своём, молокососы, ничего не смыслящие в военном мастерстве, но с ними есть Тис. Этот крот может оказаться серьёзным соперником. Остальные вместе взятые и пяти минут боя не выдержат.

Лучшим вариантом было переплыть реку Нали, чтобы свести на нет все наивные попытки преследователей. Лимб очень не любил воду. В детстве, проведённом на Полуострове Драгов, он стал свидетелем гибели целого выводка своих собратьев. Гигантская морская змея выплыла из глубин и, в порыве бешенства, отравила всех купающихся. Среди них были все четырнадцать младших братьев Лимба. Он тогда стоял на раскалённом песке пляжа раздираемый невыносимым чувством беспомощности. Его в панике барахтающиеся братья один за другим шли на дно, а спустя некоторое время, всплывали спинами вверх. Мёртвые. В воде были и другие драги. В жаркие дни подобные тому, многие любили охлаждаться в солёной, прозрачной прибрежной воде Моря Покоя. В тот страшный день их погибло больше сотни. Но Лимбу было наплевать. Ему небезразличны только братья. Долго ещё он ненавидел себя за то, что не захотел искупаться – хватало и тени пальм. Хотя, его смерть никого бы не воскресила. И проклятье, и дар…

В этой реке вряд ли могут смертоносные змеи водиться. Если и были раньше, то давно все передохли от выбрасываемых в неё промышленных отходов Сара. Эти отходы, кстати, на пользу здоровья драга тоже не пойдут. Нужно будет постараться переплыть как можно быстрее.

Лимб одним взмахом кинжала срубил невысокое дерево. Обрубил ветки и потащил бревно к реке. Навалившись на него корпусом, он пустился вплавь. Вода была полна липких водорослей, воняла болотом и имела ужасно неприятный привкус. Иногда руки натыкались на мокрые скопища колючего мусора. В такие моменты отвращение и ненависть переполняли и без этого тёмную душу. Достигнув другого берега, драг очень долго отплёвывался и ругался. Потом его внимание привлекла сусличья нора. Страшно хотелось есть. Налив в нору воды, Лимб выманил зверька, скрутил ему голову и целиком проглотил, почти не жуя. Потом улёгся в тени ближайшего дерева, оказавшегося дикой яблоней со спелыми жёлтыми плодами, и тут же уснул. Ему нужно восстановить силы. Путь предстоял трудный.

Проснулся от топота копыт и лошадиного ржания. Неужели выследили?! Лимб вскочил, схватившись за рукоять кинжала. Ложная тревога.

Седой прим выглядел дружелюбно. Он тянул брыкающегося коня за поводья. Удавалось это с большим трудом.

– Прошу прощения, – обратился прим к драгу, – вы бы не могли мне помочь. Я уже староват для путешествий, сил с ним справиться совсем нет.

Лимб подошёл к жеребцу, смерил его взглядом: молодой, сильный, гордый. Вороной с белым пятном вдоль лба. То, что надо… Одной рукой он выхватил поводья у старика и как следует их дёрнул. Конь воспротивился, заржал и встал на дыбы, откинув обидчика мощным взмахом копыта. Пожилой владелец коня отбежал на безопасное расстояние. Драг моментально вскочил с земли и поймал болтающиеся в воздухе поводья. Дёрнул со всей силы. Жеребец качнулся, но не упал. Недовольно фыркнул и больше не брыкался. Силу он уважает. Лимб привязал укрощённое животное к дереву, погладил по смолянистой гриве и угостил сорванным с ветки яблоком. После самого себя, он больше всего на свете любил лошадей.

– Ну, вы меня просто спасли! – благодарил радостный старик. – Я с ним так ни за что в жизни не справился бы. И теперь просто обязан с вами разделить трапезу. Вы ведь не против? Пожалуйста, скажите, что не против.

– Возня с твоим конём стоила мне немалых сил. Думаю, не стану отказываться.

– Отлично! – обрадовался прим и начал озадаченно копаться в сумках, погруженных на коня. У меня тут немного… Драги ведь едят копчёную рыбу и лаваш?

Лимб утвердительно кивнул. После съеденного суслика начиналась изжога. Надо чем-то пристойным заесть.

– У меня есть ещё вина немного. Сочту за честь вас угостить.

Лимб многозначительно улыбнулся, оскалив хищные дражьи зубы, мол, не премину этой честью воспользоваться.

– Ах, какой же я невоспитанный. Меня зовут Тарфыр, я из городишки Гродиц, что в двух днях пути на восток отсюда. Держу путь в Сар, чтобы продать этого строптивого. А ты, добрый встречный?

– Я Лимб, раньше жил на Полуострове Драгов. Сейчас путешествую по свету в поисках приключений и заработка. Куда держу путь, пока не решил…

Знакомство состоялось. Разожгли костёр. Кроме копчёной рыбы и лаваша старик достал картошку и соль (да, драги такое тоже едят). И вина, кстати, оказалось не так уж мало.

Смоченный вином узел языка Тарфыра развязался. Он видел в собеседнике хорошего мыслящего, способного прийти на помощь абсолютному незнакомцу. Отчего бы не быть с ним открытым?

Много историй про жизнь прима пришлось выслушать Лимбу. Многие из них ему были до того неинтересны, что он чуть ли не засыпал под них. Но последняя пришлась по душе.

Оказывается, сидящий перед ним старик в бурной молодости, кроме землепашца и скотовода, побывал ещё и разбойником. И не простым, а предводителем целой банды. Тогда Великая засуха убила все посевы, и другого выбора несостоятельным жителям Гродица просто не оставалось. Вернее, выход всегда есть – с голоду в могилу лечь. Ну, или пуститься в путешествие в ближайшие города Сар, Тимпанус или Мору. Но эта затея равносильна голодной смерти, в лучшем случае. Даже если и удалось бы добраться до них – кто внутрь пустит? О своих жителях страдающих от недоедания думать надо. В общем, Тарфыр собрал группу таких же отчаявшихся земляков и предался бандитской деятельности. Первый караван они ограбили от безвыходности. Убили сопротивлявшихся стражников, отпустили остальных. Кажется, в повозках перевозили хлеб. Много хлеба и вяленого мяса из непострадавшего от засухи Лормирана. Они предназначались жителям Моры. Неизвестно, сколько из них погибло от голода не получив её, но известно, что награбленное помогло выжить многим жителям маленького бедного городка Гродиц.

Да, Тарфыр был героем для своих горожан, но для всех остальных – подлым предателем и вором.

Время засухи прошло. Поля дали хороший урожай. Нависшая угроза миновала. Люди начали отъедаться, делать запасы. А поглощённый бандитизмом прим всё никак не мог остановиться. Многие его сообщники вернулись к фермерству. Некоторые – остались в его разбойничьем отряде. Ещё два года они терроризировали караваны и путешественников. И, возможно, это продлилось бы гораздо дольше, если б не один случай. Прим никогда не забудет его.

Зимнее солнце скрывали тучи. Пасмурная тень нависала над снежными равнинами. Небольшой караван держал свой путь на запад. Три повозки, запряжённых в быков, пятеро сопровождающих – лёгкая добыча, но, скорее всего, не стоящая усилий. Меньше охраны – дешевле товар. Тарфыр уже давно привык к крупной добыче. Но всё же, он решил напасть: так, от безделья.

Разбойники выскакивали из снежных сугробов как рассвирепевшие крысоны из подземных нор. Караванщики принялись защищаться. Их плохое умение вести бой компенсировалось невероятной смелостью. Они стояли до последнего. Никто не бежал. Никто не сдавался. Пришлось вырезать одного за другим. Да, такие вещи редкость, но, иногда, случаются.

Неказистой добычей стали шесть быков и три повозки, полные мятыми кожами. Жизни за такое отдавать бессмысленно. Вожак бандитов решил похоронить смелых караванщиков. На одном из убитых был комплект кожаной брони со шлемом, закрывающим лицо. Если его как следует отмыть и зашить – можно продать за неплохие деньги. Да и самому носить можно. Вещь хорошая. Этот прим дрался отважней и искусней остальных своих товарищей. Должно быть, он был хозяином каравана. Теперь уже не узнать. Один из разбойников снял шлем и начал было снимать нагрудник, как Тарфыр со всей силы пнул его ногой, вытянул меч из ножен и точно убил бы, не останови предводителя другие разбойники. Страшная правда всплыла, стоило лишь взглянуть на лицо мёртвого караванщика. Это был сын. Его родной сын…

Да, у прима не сложилась личная жизнь. Он с самого начала женитьбы ругался с женой. Из-за глупых бытовых мелочей. То он ни в ту сторону посмотрит, то она еду плохо разогрела и в таком духе. О том, чтобы друг другу уступить – речь даже не заходила. Каждый стоял на своём, от чего отношения лучше не делались. С каждым годом эти ссоры становились всё серьёзней, всё болезненней. Особенно для их единственного сына, молчаливого свидетеля постоянной вражды родителей. В один прекрасный (ужасный) день Тарфыр не выдержал и ушёл из дома. Оставил всё, что было, взял с собой только некоторые необходимые для земледелия инструменты. Это произошло за несколько лет до Великой засухи. Многие его знали в городе, поэтому первое время помогали. Он умудрился построить себе небольшой дом, засеял близлежащую землю. В общем, начал постепенно устраивать свою жизнь. С новыми женщинами отношения не ладились. К старой возвращаться желания не возникало. Вернее, вначале очень даже и возникало, но потом как-то растворилось, исчезло, испарилось. Она стала для него размытым образом из воспоминаний, чем-то несбыточно далёким и в то же время до отвращения близким. Иногда он даже начинал сомневаться: была ли его женитьба на самом деле или это всё просто затянувшийся дурной сон? К реальности возвращал плод их неудавшейся любви. С которым, кстати, он почти не общался – жена умело настроила чадо против отца. Она была довольно красива, и с заменой мужа проблем не возникло. К ней всё чаще стал захаживать один молодой прим. Он был моложе её на двенадцать лет и годился сыну разве что в старшие братья, но его, кажется, это не смущало. Недавно он получил в наследство небольшую кожевенную лавку. Навалившейся на плечи ответственности ему показалось мало. Он всерьёз задумался о создании семьи.

Весть о женитьбе своей бывшей жены Тарфыр принял с безразличием. Даже с какой-то больной долей радости: теперь новый муж своё получит от её скандального характера. Да и сыночку отец лишний не помешает.

И вот теперь его сын, пусть и отвергший родителя, лежал на земле мёртвый. Сражённый рукой одного из прихвостней отца.

Караванщиков похоронили. Тарфыр молча махнул на соратников и отправился в когда-то родной городишко Гродиц. Некоторые пошли за ним. Остальные – остались. Возможно, и по сей день кто-то из них грабит путешественников в этой округе…

Город настороженно встретил бандитов. Но многие ещё помнили их хорошие поступки. На всеобщем совете было решено дать им шанс на добропорядочную жизнь. Тарфыр не упустил его. Но об убийстве своего сына он молчал. Вплоть до сегодняшнего дня, оно терзало его душу острыми когтями совести. А теперь стало легче. Намного. Он очень давно ждал подходящего случая выговориться. И вот, случай настал.

Лимб очень внимательно слушал эту историю. Переспрашивал, где плохо понимал. А когда пьяный заплаканный старик закончил, драг достал кинжал и без разговоров вспорол седое брюхо. Не исключено, что Тарфыр этого и добивался от собеседника…

Лимб подошёл к встрепенувшемуся коню. Но не смерть хозяина беспокоила вороного. Он предвкушал сладкие трудности предстоящего путешествия. Но вначале нужно напиться воды. Не сложно догадаться, что Лимба он сразу признал новым хозяином. Пожилого прима он не уважал.

Драг пожалел о том, что забыл спросить имя жеребца. И вообще, откуда у дряхлого павшего разбойника столь замечательный скакун? Такой красавец на Чёрном рынке Старого Рина не меньше сотни золотых будет стоить. А этот рынок всем хорошо известен заниженными ценами…

Вороной радостно нёс нового хозяина над степными равнинами. Его накопившийся за долгое время дикий, необузданный запал вырывался наружу. Бежать быстрее, дольше, рвать копытами землю. Ветер приятно трепал гриву, обдувал тело. Только выкладываясь на полную, жеребец был счастлив.

Еды в сумках при умеренном потреблении хватит дней на пять. Кроме продуктов, Лимб обнаружил спальный шерстяной мешок и шерстяную накидку для коня. Ночью сильно мёрзнуть не пришлось.

На небе догорали свои последние минуты разноцветные звёзды. Утренний кровавый диск солнца вырастал из горизонта, щедро разливая свет по округе. С весёлой лёгкостью прогоняя мрачную темноту. Холодный ветер шелестел листвой деревьев и травой. Выдувал пепел с потухшего костра в лицо спящего драга. Но Лимб и не думал просыпаться. Ведь ему снились те богатства и власть, которые он получит, вручив Кинжал Спайкнифа хозяину…

Нужно было думать о жеребце. Без травы и питья от него толку мало. Поэтому путь нужно было держать вдоль реки Нали. Да, вода в ней не самого лучшего качества, но это намного лучше, чем ничего. Старик чуть было не угробил коня, пока вёл его в Сар (жеребец, словно ополоумев, побежал к реке

утолять дикую жажду, когда Лимб отвязал его от яблони). Драг этой глупой ошибки повторять не станет.

На пятый день пути он достиг конца реки. Впереди мрачно зеленел и серебрился в лучах обеденного солнца Седой Лес. Лимб сделал привал. В непосредственной близости от груды металла, которая (а он это прекрасно знал) была остатками техномонстра. Он всегда считал эти изобретения глупыми пародиями на бойцов. Они хороши для запугивания крестьян, но с боевым магом тягаться им бесполезно.

Из леса вышел хромой волк. Огромный, с пепельной шерстью и загнутым набок хвостом. На его боку виднелась гнойная рана. Такие бывают, если тебя ранили ржавым клинком. Без лечебных мазей они могут не заживать месяцами. Лимб знал много языков. Волчий входил в их список. Поэтому он с лёгкостью понял, что означало это рычание:

– Друг. Я чую на тебе запах друга. Где мой друг?

– Я слишком устал, поэтому не настроен к тебе враждебно, волк. Если ты повернёшь назад – останешься в живых.

– Друг. Запах его крови. Что ты сделал с колдуном? – рычал приближающийся Бирюк.

– С каким из них? Я за свою жизнь многим колдунам глотки перерезал… Хотя, кажется, я догадываюсь, о ком ты ведёшь речь. Его случайно не Алерадус Двенадцатый зовут?

– Что ты сделал с моим другом?!

– А тебе какое дело? Ты ведь волк. Гордый и независимый. Какое тебе дело до глупого человека?

– Что ты сделал с моим другом?! – переспросил Бирюк, оскалился и присел для атаки.

– Тише, тише, не горячись. Я всё тебе расскажу. Даже лучше – я отведу тебя к нему. Договорились?

– Если ты не отведёшь, я разгрызу твою голову как сахарную косточку барана.

– Хорошо, хорошо, можешь мне верить. Слушай, я немного устал с дороги… Давай я отдохну, и потом с новыми силами поведу тебя к нему.

– Нет. Ты отведёшь сейчас.

– Вижу, у меня выбора другого нет… Ну что ж, пошли. Сразу предупреждаю: путь длинный.

– Прекрати говорить. Начинай вести.

– Я медленно хожу. Не в пример тебе. Путь займёт намного меньше, если я поеду верхом…

– Только попробуй обмануть.

– Можешь мне верить. Не успеешь и глазом моргнуть, как встретишься со своим другом…

Лимб сел на коня. Он уже давно следил за волком. Рана доставляет ему не мало хлопот, как бы тот ни пытался это скрыть. На долгую погоню его не хватит.

– Знаешь где твой друг? – спросил драг, крепче усаживаясь в седло. – Он сейчас где-нибудь в земле, кормит телом червей! – с этими словами Лимб хлыстнул коня и помчался прочь.

– Ах ты подлый предатель! – рявкнул Бирюк и пустился в погоню.

– Я убил его вот этим! – ликовал драг, вынув из ножен блестящий на солнце кинжал.

– Я отгрызу тебе голову и сброшу с обрыва!

К удивлению, волк не отставал. Он очень тяжело дышал. Рана не давала ему покоя, делала слабее, медленнее, неповоротливее. Но желание отомстить за друга было невероятно велико. Оно держало Бирюка, не давало ему упасть без сил.

Впереди исполинским палачом возмездия вырастал над землёй Форт Террора. Снующие вокруг тучи техномонстров казались ничтожными букашками на фоне его смертоносного величия. Чудо изощрённого злого гения технологий и магии. Чудовищная машина, созданная лишь для одного: выжигать и крушить всё живое на своём пути.

Ближайший патруль механизмов открыл огонь. Как по волку, так и по драгу. Бирюк видел, как Лимб три раза поднял и опустил скрещенные руки. Весь поток снарядов полетел в волка. Врага не догнать, а его союзники всё приближаются. Нет, сегодня отомстить не удастся. Нужно отступать.

Желание выжить, чтобы отомстить, было выше раздирающей бок боли. Механизмы преследовали до Седого Леса. Бирюк скрылся в зарослях, а они повернули назад. Искать волка в его же стихии – дело гиблое. Даже тупые техномонстры это понимают. К счастью, ни один их снаряд не достиг цели. Попробуй, попади по бегущему зигзагами матёрому волку…

Глава 12: ***Торжество Беззаботности***

Скопища техномонстров перепортили все наши планы. Пришлось изменить маршрут. Ничего не остаётся, как обогнуть западную часть Седого Леса и направится в Линтирфу, город, стоящий у места слияния двух рек: Западный Бур и Морская. Будем надеяться, в нём найдётся какой-нибудь способ переправить нашу повозку на другой берег. В противном случае, придётся тратить ещё дней пять на дорогу в Тимпанус. Именно там стоит мост, достаточно крепкий, чтобы удержать любую карету. А потом путь один – в Стальню.

Хоть в чём-то нам повезло: механизмы паровой повозки не пострадали от снарядов и лап механических монстров. Очень сильно досталось её внешнему виду. Когда-то вся блестящая на солнце, гладкая, новенькая – сейчас она была похожа больше на сморщенную ямчатую морду крысона. Дыры мы заколотили досками, содранными с пола кладовой. Они там были ни к чему. Одно из колёс надтреснуло в погоне. Ещё немного и совсем развалится. Пришлось поменять на запасное. Почему в этой повозке только одно запасное колесо? Что бы мы делали, сломайся второе?

Ещё одна неприятность: начал кончаться уголь. На предельной мощности топка сожрала его непомерное количество. Благо, водные баки опустели близ реки Нали. С их наполнением проблем не возникло.

Мы сделали привал. Пожарили на костре мясо. Утолив голод, разделились. Я, Брок и Тис – пошли рубить деревья для заготовки угля. Джина осталась стеречь повозку… и Кича. У него совсем не было сил, но вовремя оказанная Тисом медицинская помощь сделала чудо. Забинтованный остаток руки больше не кровоточил. Прим лежал в кресле. Его лихорадило, он часто терял сознание, но это вполне нормальное явление. Тис сказал, что опасность его жизни позади. Он молодой и сильный, способен справиться с испытаниями и посерьёзней. Приму только нужно отлежаться, набраться сил. А нам, в свою очередь, следить за его состоянием, перевязывать рану, кормить, поить лечебной настойкой из сбора трав, готовить которую Тис всё пытался нас научить. Видимо, из нас травники хорошие никогда не получатся…

Всегда полезно в путешествие брать запасное оружие. Прошлые мечи разбились об обломки техномонстра. Новые тут же сгодились для рубки деревьев. Одним рубил я, другим – Брок. Тис не переносил на дух любого оружия. Я бы тоже не переносил, будь у меня такие мощные длинные когти. Они были столь же крепки, словно зубы волков, и одновременно служили как орудием труда, так и оружием боя. Должен признать, я отнёсся к ним с некоторым недоверием. Ведь одно дело – мягкую землю копать, а совсем другое – рубить твёрдую древесину. Но когда крот удар за ударом стал отдирать куски от ствола молодого дуба, мне пришлось это недоверие проглотить вместе с летевшими из под когтей опилками. Не успел я дорубить и половину дерева, как Тис уже брался за второе.

Эх, жаль, верблюда нет рядом. Он бы здорово помог дотащить эти стволы. Но другого выбора тогда просто не оставалось. Интересно, жив ли он ещё? Может быть, другие механические чудища настигли, и теперь от верблюда осталась только гниющая на солнце, разъедаемая личинками мух бесформенная шерстяная туша. А может, он всё-таки спасся и сейчас беззаботно щиплет себе травку на лесной опушке и горя не знает. Прямо как вон тот верблюд, оторвавшийся от пищи и пристально вглядывающийся в нашу сторону. Стоп. Это же наш верблюд!

На мои команды он не реагировал. Стоял как вкопанный и смотрел. Пришлось оторваться от работы и пойти к нему. Верблюжья шерсть была вся всклокочена, на боках багровели ссадины. Видно, ему нелегко пришлось. Он некоторое время не подпускал к себе, фыркал. Даже плюнуть своей белой липкой слюной на меня умудрился. Ничего, я заслужил… Но потом остепенился и пошёл следом.

Деревья были срублены и оттащены к повозке. Запас угля нам требовался огромный. Четырёх стволов должно было хватить по моим расчётам. Палить молодые дубы, конечно, – не антрацит добывать, но и этого должно быть достаточно. Погоревшие головешки тушили песком. Хоть какой, но уголь

получался. Это довольно долгий процесс. Придётся дежурить всю ночь. Надеюсь, за это время на нас никто не нападёт…

Спалив первое дерево, сразу стало ясно: срубленного совсем не хватит. Угля получалось на полмешка, а это всё равно, что ничего. Уже начинало темнеть, несмотря на это мы вновь отправились в лес. Возвращались освещая путь факелами из веток.

Чтобы всё переработать в кратчайшие сроки, пришлось устроить несколько костров. И даже не смотря на эти отчаянные меры, на всё уйдёт несколько дней. Уже одного костра много для привлечения к себе лишнего внимания. А оно, это лишнее внимание, нам было ой как ни к чему! Мы как кричащая птица с раненным крылом. Но на риск нужно было пойти. Каждый будет молиться своему богу, чтобы опасность миновала стороной.

Ранним утром наступал мой черёд дежурить у костров. Я открыл дверь повозки и тут же вскрикнул от неожиданности, выронив из рук завтрак – кусок вяленого мяса. Волчья морда смотрела на меня задумчивыми бурыми глазами. В первые мгновенья я уже успел вспомнить всю свою прошлую жизнь. Да, немногого я достиг, умирать пока ещё рано… Меньше всего на свете мне хотелось оказаться с утра пораньше наедине с волком. Хотя нет, с этим волком очень даже хотелось. Ведь это был Бирюк!

Я до сих пор испытывал чувство вины из-за того случая в Саре. Толпа травила его, а он не сопротивлялся, ждал от меня поддержки, которой я не был в состоянии дать. Или был?

Волк заговорил первым. Он был немногословен и явно ждал от меня того же. Его привлёк дым от костров. То-то же Бирюк удивился, увидев дежурящего у них Брока. Насколько я понял, он уже знал про смерть Алерадуса. Мало того, встретился с его убийцей. Но не смог совершить правосудие из-за появившихся техномонстров. Они нападали на всех, оказавшихся в их поле зрения. Но преследуемый драг показал сигнал: три раза поднял скрещенные руки, после чего механизмы перестали по нему стрелять (очень хорошая новость, это обязательно нам пригодится). Убийца безнаказанно скрылся, а Бирюку пришлось бежать. Но теперь, когда он нашёл нас, можно с новыми силами пуститься в преследование. Вместе мы обязательно его найдём. Мне пришлось немного разочаровать Бирюка. Наш путь лежал в Стальню – моё обещание, которое невозможно нарушить. Его нужно выполнить в первую очередь. А поиски убийцы отложить до более подходящего случая. Волк колебался недолго. Раз этого хотел его друг Алерадус, то значит так и должно быть. С Лимбом он обязательно разберётся, но позже…

Я познакомил Бирюка с Джиной и Тисом. Кажется, они друг другу понравились. Тис тут же принялся обрабатывать его рану. Волк тихонечко рычал, мол, не надо мне этих глупостей, само заживёт, но и не препятствовал. Я даже удивился, когда он нехотя, но вылакал целую миску целебной настойки. Должно быть, рана его сильно донимала.

Бирюк нашёл нас как раз в тот день, когда догорали последние стволы. Уже к обеду мы растопили котёл и отправились в путь. В обход западной стороны Седого Леса. У нас, конечно, всегда был вариант идти напрямик, но для этого пришлось бы бросить паровую повозку – сквозь узкие проёмы между деревьями ей уж никак не пробраться. А на такой отчаянный шаг я пойти не в состоянии.

Джина вела наше чудо паровой техники медленней обычного и как можно аккуратней. В салоне лежал раненный Кич, и лишняя тряска не ускорила бы его выздоровления.

К счастью, погода была к нам благосклонна. Небо изредка затягивалось тучами, но дождя не было. Твёрдая земля – как раз то, что нужно для колёс повозки.

Прежде чем достигли Линтирфы, нам пришлось выдержать ещё один бой. Но на этот раз не с механическими, а с настоящими монстрами.

Из леса выскочило трое детёнышей дигров. Ну, если можно назвать двухметровую в высоту рогатую кошку детёнышем. Должно быть, это была их первая охота без строгого покровительства матери. Размерами они не сильно отличались от взрослых особей, но наросты на их груди были гораздо меньше, чем у их старших собратьев. Кислотная железа ещё не успела сформироваться. Если вы видите дигра, брызжущего кислотой, знайте – он уже взрослый. Но и без кислотных струй они очень опасны. Даже детёныши. Одним ударом хвоста дигр без лишних усилий способен снести твою голову. Про рога, когти и клыки даже говорить страшно.

Кровожадность дигров не знает пределов. Они по праву носят репутацию «королей лесов». Многие искуснейшие воры могут только позавидовать их умению незаметно подкрадываться к своей жертве. Не редкость, когда дигры нападают на караваны или одиноких путешественников. И цель их нападения не поиск пищи. В лесах достаточно более слабой и вкусной добычи. Это своего рода вызов. Они убивают всё, что не способно убить их. По части бесстрашия – дигры совершенны. Но это бесстрашие, зачастую, играет плохую роль. Практически не бывает дигров, умерших от старости. Жажда битвы движет звериными умами. Их заклятые лесные враги – чёрные волки. Большинство дигров гибнет именно от их клыков. Но то же самое можно сказать и про волков. Их интеллект (пусть и не такой высокий, как у других представителей волчьих, но интеллект мыслящего) даёт им преимущество в бою, но не большое: многого не придумаешь, когда в тебя струи смертоносной кислоты летят. Чёрные волки до такой степени ненавидят дигров, что ведут с ними жестокую войну уже которую сотню лет. Но не славы честного боя они ищут. Их цель: уничтожение целого рода. Сбившись в стаю, они выискивают логова своих врагов и вырезают их неокрепших детёнышей, пока родители заняты охотой. Не каждый такой поход заканчивается успехом. Дигры хоть и глупее своих врагов, но в мстительности им не занимать…

Бирюк вгрызался в кроваво-красную шею дигра. Тот хлыстал бока волка хвостом, но с каждым разом всё слабее и слабее. Брок отбил перначом рог

взвывшего от боли врага. Тис запрыгнул дигру на спину, но животное начало резко мотать головой, чтобы скинуть его. Крот держался за рога. Его трепало как бельё на сорванной верёвке в грозу. Я махнул мечом – очень удачно махнул. Часть массивного хвоста упала на землю. Душимый Бирюком зверь трясся в конвульсии. Брок переломал пополам нависшую над ним лапу. Тис не удержался на гриве врага – руки соскочили с рогов. Сделав в воздухе сальто, он приземлился ногами на землю. Я еле успел отпрыгнуть от удара лапой. В порыве злости заорал на него: чтоб ты огнём горел, и произошло неимоверное – из моей покрасневшей руки брызнула небольшая струйка огня. Жаль, что рука тогда была прижата к ноге. Загорелись штаны. Я начал кататься по песку. Больше было испуга, чем огня, который тут же был мною потушен. Дигр завыл: Джина метнула нож прямо в его глаз. Второй нож попал в брюхо, третий – пролетел мимо. Бирюк разразился победоносным кличем. Под ним лежало мёртвое тело сражённого врага. Брок переломал вторую лапу и обрушил страшный удар пернача между рогов зверя. Проломленный череп и вытекающие окровавленные мозги. Метательный нож проколол второй глаз. Ревущее животное побежало прочь. Врезаясь в деревья, ломая молодые стволы и ветки. Вглубь леса.

– Слабый был. Рёбра остались целы, – довольно проскулил Бирюк.

Да, мы очень удачно отбились от засады. Но на месте оставаться – верное самоубийство. Наверняка их мамаша где-то рядом бродит. С ней-то мне уж совсем нет желания знакомиться. Никаких заметных потерь среди нашего состава не наблюдаю. Все, вроде бы, целы и здоровы. Это не может не радовать. Разве что – штаны свои спалил (ничего, у меня есть запасные). Невероятно другое: наконец-то получилось использовать магию! Пусть слабенько и коряво получилось, но для начала – просто отлично. Теперь нужно молиться Мастуку, чтобы на этом моё умение не ограничилось.

Мне страшно захотелось спать. Неужели эта маленькая струйка огня вытянула столько сил? Ладно, хватить размышлений. Нужно отдохнуть.

По подсчётам Брока, я проспал чуть больше суток. В это время командование на себя принял Тис. Я знал, что так будет. Не близок день, когда он начнёт конфликтовать со мной и перенимать инициативу лидерства. Брок и Кич его команды охотней выполняют, чем мои. Бирюк вообще никого не признаёт над собой. Джина вроде бы прислушивается ко мне.

Всех очень радует поправление Кича. Да, до вступлений в бой ему ещё далеко, но рука постепенно заживает. Он уже не так приколочен к кровати. У него повысился аппетит. Потихонечку начинает захаживать к Джине в водительскую кабину – продолжает своё обучение.

К воротам Линтирфы мы подъехали утром. У входа толпились мыслящие, желающие проникнуть внутрь. Их было необоснованно много, и мне с Броком пришлось несколько часов стоять во всё увеличивающейся за спиной очереди. Остальные ждали в повозке. Когда, наконец, подошёл наш черёд, охранники запретили въезжать нашей карете. Сказали, что только-только началось трёхдневное празднование Торжества Беззаботности. Улицы города будет чем

заполнить и без нашей паровой машины. Если хотим, можем оставить её у входа и войти внутрь. Город всегда рад гостям (но не их повозкам), особенно в эти праздничные дни.

После недолгого раздумья, я оставил всех, кроме стоящего рядом Брока, охранять повозку. Нам незачем ходить толпой. Двоих вполне будет достаточно.

Улицы были переполнены разодетыми в пёстрые, откровенные одежды мыслящими. Их лица выражали такую блаженную беззаботность, которой каждый ленивец позавидует. Отовсюду гремели барабаны и струнные. Должен признать, ритм был заводной. Меня так и подмывало чего-нибудь сплясать. Я оглянулся на Брока: ему кто-то уже вручил кружку эля. Я испытал два смешавшихся воедино чувства. Первое – негодования. Мы ведь сюда по делу пришли, а не веселиться. Второе – зависти. Я ведь эль давненько не пил… Словно услышав моё желание, слепящая красотой и белоснежной улыбкой девушка протянула мне полную кружку. И ни с того, ни с сего – поцеловала. В губы. Интересный у них тут праздник…

Парадной поступью продвигались улицами лошади, запряжённые в бочковые повозки. В бочках был эль. Идущие рядом девушки разливали его в кружки и раздавали всем желающим. Некоторые празднующие курили трубки. Выпускаемый ими дым в корне разнился от того, который я пробовал. Такой мягкий, кисло-сладкий запах. Я вообще не сильный любитель этого дела, но, интереса ради, попробовать не отказался бы. Опять Брок меня опередил – уже затягивался из трубки. Где он её взял вообще? Смачно откашлявшись и прослезившись, он протянул трубку мне. После первой затяжки перед глазами всё медленно поплыло, после второй – наступила воздушная лёгкость, после третьей – ноги стали ватными, а руки потянулись к бочке с элем, после четвёртой я сбился со счёта и постепенно потерял контроль над собой. Вернее – контролировал я себя хорошо. Заливался элем, раскуривал новые трубки, очень много ел всё, что только попадалось под руку. Я утратил контроль лишь за своей ответственной половиной. Она куда-то спряталась и наотрез отказалась объявляться.

Проснулся неизвестно когда, неизвестно где. Бамбуковый потолок, стены. Постеленный на полу матрас, простыни и, о боги, спящая девушка рядом! Со страхом, затаившимся в сердце, я провёл рукой по своему телу. На нём нет одежды! Да, и на девушке тоже…

Из продолговатого окна сквозь шёлковую занавеску пробирался солнечный свет. В комнате больше никого не было. В уголке валялось моя помятая одежда. Я хотел незаметно подобрать её и выбраться на свободу, но зацепил какую-то вазу. Она была из такого тонкого фарфора, что, только достигнув пола, разлетелась на мельчайшие кусочки. Девушка проснулась от шума. Посмотрела своими ярко-зелёными узкими глазками на меня, потом на осколки вазы, потом вновь на меня. Я попытался прикрыться занавеской, ведь был ещё гол как щегол, но прозрачный шёлк оказался плохой маскировкой…

– Зачем ты прячешься? – спросила она нежным голосом, потирая спросонья глаза.

– Я, ну, ты извини, ваза… Я не хотел…

– Ерунда. Мой муж каждый день по десять штук таких делает.

– М-муж? – такой поворот мне не совсем понравился.

– Да, муж. Тебя разве это удивляет? Ах, я и забыла, ты ведь у нас впервые…

– А где он сейчас?

– Странный вопрос... Или в трактире пьяный лежит, как обычно, или с сестрой моей ночует. А зачем тебе это знать?

– Да так, интересно стало… – солнечные лучи падали на стройное тело моей собеседницы. Я невольно пожирал её глазами. Даже пьяный я умудряюсь выбирать себе самых лучших девушек…

– Ты, наверное, проголодался? Хочешь, рисовых лепёшек с рыбой?

– Не откажусь, если честно… – дикое чувство голода меня буквально раздирало изнутри. Не помню, чем занимался ночью, но сил потратил невероятно много… При всём желании и стеснении, я бы не смог отказаться от еды.

Девушка поднялась, изящной походкой прошлась к стене, на торчащей вешалке которой переливал всеми оттенками голубого шёлковый халат. Накинула его на свои бархатные плечи. О великие боги, я такой красоты ещё никогда не встречал! Мне больно ловить себя на этой мысли, но даже Джина не так прекрасна…

Пока девушка накрывала на стол, я быстро оделся. Ну не получаю я сомнительного удовольствия от прогулок голышом по чужому дому!

Раньше я думал, что сырую рыбу едят только варвары. Теперь я думаю, что сырую рыбу не едят только варвары…

Было как-то неловко спрашивать, но интерес взял своё. У девушки есть муж, а она с такой лёгкостью проводит ночь с абсолютным незнакомцем. Я достаточно повидал распутных женщин, чтобы с точностью сказать – она не такая. Довольно робкая, скромная и воспитанная.

– Меня зовут Дрим.

– Я знаю.

– Прости, но я не помню твоего имени…

– А я тебе его и не говорила.

– А можно узнать?

– Можно. Но зачем?

– Просто интересно.

– Меня зовут Нуо Бао.

– Красивое имя. Никогда такого не слышал.

– У нас им никого не удивишь.

– А у него есть значение?

– Да, в переводе с языка праотцев это означает Изящное Сокровище.

– Знаешь, твоё имя тебе очень подходит…

– Перестань льстить, – Нуо застенчиво хихикнула, её прекрасные щёчки порозовели.

– Скажи, как это произошло?

– Что?

– То, что я проснулся в твоём доме.

– Ну, – девушка покраснела ещё больше и отвела взгляд, перебирая в руке палочки, наподобие тех, которые дала мне вместо вилки. Немного помолчав, она поборола свою застенчивость и принялась рассказывать, – ты подошёл ко мне. Начал рассказывать о своих великих приключениях: как один убил десятерых дигров, сжёг стаю чёрных волков и взорвал полдюжины каких-то механических чудовищ, спас неисчислимое количество прекрасных женщин из заточения бандитов, победил работорговцев и вызволил не менее сотни переполненных рабами клеток… (Чем больше она говорила, тем стыдней мне становилось. Такой бредятины я ещё никогда на пьяную голову не выдумывал.) Ещё говорил, что ты великий маг и от тебя зависит судьба мыслящих всего Главного Материка. А потом сказал, что на улице тесно и предложил найти какое-нибудь уютное место. Вот я и привела тебя домой…

Произнеся слово «домой», она подмигнула.

– А что было потом? – терялся я в догадках.

– Потом? Мы выпили сливового вина. Не люблю эль.

– И?

– Много выпили.

– А потом?

Девушка вновь покраснела и отвернулась.

– Я отключился? Скажи, что я отключился.

– Да, ты отключился…

– Ф-ф-у-у-х-х, – выдохнул я с облегчением.

– После того, как мы удачно попытались сделать ребёнка…

Рисовый хлеб у меня в горле застрял. Я долго его откашливал. Нуо Бао принялась заботливо хлопать по спине, пока мне не стало лучше. Так вот, как они в этих краях такие вещи называют! Поэтично, ничего не скажешь…

После долгого молчания, я спросил:

– Со мной был люрт. Ты случайно не видела его?

– Да, видела. Он был рядом, но когда услышал, что ты хочешь со мной уединиться, решил не отставать и отправился к Трине.

– Кто такая Трина?

– Кто такая? Она тоже люрт. Живёт здесь неподалёку…

– Так, с Броком всё ясно… Слушай, Нуо, ты ведь такая красивая девушка. Зачем ты изменяешь своему мужу? Если считаешь, что он тебя недостоин – просто брось. С твоей красотой найти кого-нибудь более достойного труда не составит. Нет, я совсем не намекаю на себя… Ну, ты понимаешь: колдовские дела и спасение всех мыслящих препятствуют личному счастью…

– Глупенький. Зачем мне бросать своего мужа, когда я его так сильно люблю?

– Я немного не понимаю…

– Ох, я ведь всё время забываю, что ты у нас впервые! Понимаешь, большинство живущих здесь мужчин не способны… Нет, не то, что совсем не способны, но все поголовно бесплодны. Мало того, приезжие мужчины, решившие остаться в Линтирфе и прожившие больше года – тоже становятся бесплодны. Никто не знает, почему так происходит. Да и изменилось бы что-то, узнай мы причину? В общем, для продления нашего рода мы каждый год устраиваем праздник Торжества Беззаботности. В эти три дня мы зачинаем детей с пришедшими к нам из соседних поселений мужчинами. В другие дни – это строго воспрещено. По крайней мере, для замужних женщин. Таковы наши обычаи.

– Да, это многое объясняет… – я на мгновение представил себя на месте её мужа. Какие бы мучения мне пришлось испытывать, отдавая любимую в объятья другого. Нет, не завидую я ему. Ох, как не завидую!

– Я впервые попыталась завести ребёнка…

– Это как?

– Ты первый из чужеземцев, которого я посчитала достойным… – совсем уж спрятав взгляд прошептала она.

– Хм… Это забавно… Слушай, я вчера был очень пьян и мог наговорить всего, чего угодно. Ты, наверное, меня представляешь совсем не тем, кем я являюсь…

– Вы, мужчины, слишком много внимания уделяете словам. Это ваша самая большая проблема. А для меня они совсем не важны. Иногда нужно просто уметь заглянуть в своё сердце, отдаться чувствам, интуиции. Ты мне сразу понравился. Думаешь, я не поняла, что ты сильно преувеличиваешь свои заслуги? Вы все так делаете. Считаете, одними только словами можно завоевать девушку? Смешно… Если она сама не захочет, не поймёт, что ты ей нужен, ничего путёвого не выйдет, пусть даже вечность будешь ей про свои богатства и славу рассказывать.

– Значит, я не так уж и плох? – улыбнулся я.

Девушка улыбнулась в ответ самой очаровательной улыбкой на свете, от которой мне сделалось ну до того неловко, что я отвёл взгляд. Нет, не достоин я находиться рядом с этим прекрасным созданием!

– Слушай, Нуо Бао, я, конечно, наврал много, но доля правды в этом была. Мы с друзьями держим путь в Стальню. Нам нужно переправить через реку паровую повозку. У вас портовый город. Скажи, ты, случаем, не знаешь, как это возможно?

– А ты знал, к кому вчера подходить… – многозначительно ответила она.

– Неужели ты можешь мне помочь?

– Возможно… – ещё многозначительней проурчала красавица.

– Нуо, это очень, очень, очень важно.

– Представляешь, мой дед владеет баржей и зарабатывает на жизнь тем, что перевозит торговцев с их караванами с одного берега на другой. Кажется, ваши боги к вам благосклонны, ведь сейчас баржа деда как раз стоит в

причале. А это большая редкость. Обычно она стоит близ Тимпануса – там больше всего богатых, желающих переплыть реку. Их городской мост не способен полностью выдерживать всё повышающиеся наплывы караванов.

– Так чего же мы ждём? Ты бы не могла меня к нему отвезти? Пожалуйста.

– Это вполне возможно…

Я вскочил было к выходу, как она продолжила.

– Но…

– Что, но? – неприятные мысли начали закрадываться в голову.

– За всё надо платить… – полным хитрости голосом сообщила она.

– Ах да, я и забыл… У меня с собой немного… В повозке есть больше.

– Глупенький, разве ты не понял, что твои деньги меня не интересуют?

Я начал понимать…

– Этой ночью мы пытались сделать ребёнка. Но одной попытки, как говорят многие мои подруги, мало… Если хочешь получить доступ к барже дедушки – тебе придётся провести со мной ещё одну ночь. И знай, другого способа перебраться на тот берег из этого города нет.

Ещё одну ночь! Но ведь у нас совсем нет времени! Да и не выдумала ли она существование этой баржи? Нет, Нуо почему-то веришь безоговорочно. И что здесь такого, собственно? Ещё один день особой погоды не делает. Ведь я не отказываюсь от путешествия в Стальню. Тем более, путь в Тимпанус занял бы в лучшем случае дней шесть.

Решение было принято быстро. Нуо Бао очень обрадовалась и тут же предложила вновь «попытаться сделать ребёнка». Мне совсем не хотелось отказывать самому себе в таком удовольствии…

С лёгким скрипом отворилась дверь. Я уж было подумал, что это ревнивый муж девушки. Лучше б это был он.

Лишённая дара речи от увиденной картины, на пороге стояла Джина. Я натянул штаны и подбежал к ней. Что-то начал мямлить про баржу и дедушку. Она смотрела ненавистным взглядом то на меня, то на нагую узкоглазую девушку, лежащую на шёлковом матрасе.

– А она красивая, – выдавила из себя Джина, – при всём желании не придерёшься…

Я молча смотрел на Бабочку. Вроде бы и нет повода чувствовать какие-либо угрызения совести. Джина мне ведь только друг и боевой соратник. Но так на душе неприятно стало…

– Я сильно волновалась. Зашла в город, начала расспрашивать прохожих. Тут какое-то сумасшествие творится. Все пьют, гуляют, шумят. Ты даже не представляешь, каких усилий стоило тебя найти. Ну ничего, рада, что всё с тобой в порядке. Развлекайся дальше, а я пошла обратно в повозку. Передам всем, как ты и сказал, чтобы готовились. Завтра поплывём на барже через реку.

– Джина, я ведь ничего… Понимаешь…

– Оставь. Не нужно ничего говорить. Возвращайся к своей красавице. Она заждалась.

Бабочка наигранно улыбнулась, пожала мне руку и пошла прочь. Гордой, прямой походкой. Но столько боли было в той гордости, столько тяжести в той прямоте…

– Это твоя жена? – выпутала меня из мрачных раздумий Нуо.

– Нет, нет, у меня никогда не было жены.

– Любовница?

– Любовницы были. Но она? Нет, не любовница…

– Тогда почему ты загрустил?

– Я не знаю. Просто так, наверное. В самом деле, для грусти повода не должно быть, – говорил я, глядя вслед удаляющейся, постепенно тонущей в хмельной толпе Джине.

– Хочешь ещё сливового вина?

– Очень. И эля. Как можно больше.

Я сдержал обещание и провёл с Нуо Бао ещё одну ночь. А она сдержала своё. Утром отвела меня к деду. Он без лишних слов согласился нас переправить. Бесплатно. Друзья внучки – его друзья.

Перед отправлением мы пополнили все запасы на местном рынке. Нам даже посчастливилось купить три мешка антрацита. Больше не было, но и на том огромное спасибо.

Наша паровая машина (как назвал её охранник у главных ворот) с лёгкостью заехала на борт баржи. Там места ещё на две таких же хватило бы. Не прошло и часа, как мы уже были на другом берегу.

За всё это время Джина не сказала мне и слова.

Глава 13: ***Форт Террора***

Оживлённая мёртвая масса паровых технологий, металла и магии расступалась перед скачущим на вороном коне Лимбом. Свистящие паром конечности, колёса, замысловатые корпусы. Они все созданы для разрушения и убийства. И повиновения – своим хозяевам. Лимб был одним из них.

Лязгающий металлом, плюющийся дымом и гудящий паровыми двигателями гигантский механизм. Форт Террора. Самый масштабный и чудовищный техномонстр из всех, что сумел создать Тризолус Первый – Верховный Маг королевства Техмаг.

Лимб подъехал к входу. Нижняя горизонтальная створка опустилась на землю, образовав трап, ведущий внутрь. Конь противился, не хотел идти по нему. Сильный рывок за поводья спешившегося драга означал только одно: другого выхода нет.

Путь к стойлам Лимб знал наизусть. Он выучил его вместе с другими важными маршрутами, когда рассматривал карты внутренних переходов. Такие карты мог в руках держать только очень близкий к Тризолусу мыслящий. Лимб был одним из немногих…

В широких коридорах то и дело шныряли карлы. Низкий рост и безропотное послушание делали их идеальной прислугой. Один карл попытался взять поводья, но тут же получил пинком по розовой шерстяной спине. Поднявшись с пола, потирая ушибленное место, он виновато улыбнулся и побежал прочь. Лимб не любил, когда к его лошадям прикасался кто-то ещё. Тем более – жалкий лохматый карлик.

Стойла были переполнены. Должно быть, скот убитых караванщиков. Лимб выбрал лучшее место для своего коня, заколол кинжалом занимавшего это место быка, выволок тушу и запустил вороного внутрь, закрыл. Приказал прибежавшему на предсмертный вопль быка карлу накормить жеребца лучшим овсом. Но не прикасаться к нему. Если ослушается – будет держать ответ перед драгом.

Позаботившись о комфорте своего скакуна, Лимб задумался о своём. Ему бы не помешало поесть от пуза и выспаться. Но это будет возможно лишь после встречи с капитаном Форта Террора.

Долгая вереница лестниц и коридоров. До рубки управления добраться – дело не из простых, даже для знающего дорогу. Но всему настаёт когда-нибудь конец. Панели полные приборов, рычагов и трубок. У смотрового окна стоял Парфлай. Возле рычагов управления молча занимались своим делом примы.

– Что за волк гнался за тобой, – бесцветным голосом спросил стрек.

– Так ты встречаешь старого друга? – Лимб подошёл и обнял его, дружески похлопал по спине. Парфлай ответил тем же.

– От тебя долгое время не было вестей. Мы уже думали, ты погиб… Очень рад тебя видеть Лимб. Очень рад…

– Я вижу, у тебя всё идёт по плану. Когда наступление?

– Думаю, совсем скоро. Жду приказа Тризолуса. А твои успехи.

– Мои?.. – Лимб хитро улыбнулся (насколько это позволяла его варанья мимика). – Да так… Кое-кого к праотцам отправил, кое-что украл… Так, ерунда…– говоря эти слова, он словно невзначай вытащил спрятанный кинжал и принялся разглядывать блеск его драгоценных камней на пробивающемся сквозь смотровые окна свете.

– Святой Летун. Неужели это тот самый кинжал.

– Какой? Этот? – с наигранным изумлением интересовался драг. – И в самом деле. Кинжал Спайкнифа! Кто бы мог подумать? Бывают же радости в жизни…

– Где ты его взял, – эмоций в голосе Парфлая не чувствовалось, но его нервно подрагивающее левое крыло выдавало его волнение с потрохами – на радость Лимбу выдавало.

– Да так… Ограбил шайку молокососов. Важно немного другое… Знаешь, кто был их предводителем?

– Кто, – Парфлай был больше чем удивлён. Такого успеха он даже от Лимба не ожидал.

– Бывший советник нашего повелителя…

– Неужели Алерадус Двенадцатый.

– Знаешь, где он сейчас? – самодовольно спросил драг.

– Говори, не тяни.

– Кормит червей где-нибудь на кладбище трущоб Сара. Убит моей рукой. Вот этим кинжалом!

Некоторое время Парфлай молчал. Эти новости настолько ошарашивали, что поверить в них было крайне сложно. Чувства зависти захлёстывали его. Лимб добился невероятного успеха. Гораздо большего, нежели стрек мог даже мечтать.

– Но как, – совладал с собой Парфлай. – Ведь он могущественный маг. Как у тебя это получилось.

– Хитрость, внезапность, подлость… – принялся загибать пальцы Лимб. – Не мне тебе объяснять.

– А он успел передать свою кровь другому.

– Знаешь, я не стоял над ним, не проверял. Мне нужно было от его сопляков скрыться. В гневе даже молокососы на многое способны.

– Будем надеяться, что не передал. Ведь враг Тризолуса не столько Алерадус, как его магическая кровь.

– Да расслабься ты, – Лимб развалился в кресле капитана, которое по праву принадлежало Парфлаю, – не будь таким занудой. И вообще, я зверски устал. Где моя капитанская комната?

– Не забывай, друг, что здесь ты после меня – второй…

– И в мыслях не было, веришь? Позови своих карликов, пусть отведут меня в покои. И еды принесут. Как можно больше, – вертикальные зрачки драга блеснули. – Знаешь, я по дороге сюда такого коня отыскал! Это просто сказка. У меня уже пятый год такого красавца не было.

– Не разделяю я твоей любви к лошадям. Мне больше самому нравится – крыльями махать. Намного проще и быстрее… – Парфлай снял с панели трубку внутренней связи и приказал явиться прислуге.

– О моих успехах хозяину – ты доложишься? – с самым что только возможно наигранным спокойствием спросил Лимб.

– Да, я передам их по вечернему сеансу магической связи, – сдерживая в душе поток накипающего негодования, ответил стрек.

– А раньше нельзя?

– Кровь и так работает на полном пределе, – не соврал стрек.

Открылась дверь. Пучеглазый карл стоял в проёме, ждал указаний.

– Отведи господина в кабину помощника капитана, – приказал Парфлай. – Да, и приготовь ему еды, какой только пожелает.

Лимб распрощался с давним другом (по совместительству преуспевшим конкурентом) и пошёл следом за слугой. Доставшиеся ему апартаменты были громадных размеров и буквально светились роскошью и богатством. Но одна мысль о том, что у Парфлая каюта ещё лучше – травила всё приятное впечатление. Драг заказал слуге принести три бутылки лучшего вина и жареной говядины. Долго ждать не пришлось: для прислуги тут любое

промедление может грозить очень неприятными последствиями… Насчёт еды и питься можно было не переживать: Парфлай слишком много внимания уделяет чести. Весьма странное увлечение для мыслящего с репутацией безжалостного убийцы. Подмешивать яд не в его правилах.

Ложился спать Лимб с кинжалом в ножнах. В последние дни он не расставался с ценным артефактом и на секунду. Мысль о том, что кинжал придётся отдать своему хозяину, не давала драгу покоя. Мало того, с каждым днём всё навязчивей становилась. В Кинжале Спайкнифа содержится невероятная, необузданная потусторонняя мощь. Если бы найти способ её извлечь… Да, тогда сам Тризолус Лимбу прислуживать будет!

Трудно сказать, какие сны снились драгу, но с точностью можно утверждать: их оборвала прошедшая по кровати вибрация. Раскрывались створки, по трапам внутрь Форта заползали и заезжали всевозможные техномонстры. От их коллективной мощи сотрясались стены, дрожали смотровые стёкла. Лязганье металла об металл, громыхание и разрастающийся эхом гул.

Лимб зашёл в рубку управления. Парфлай отдавал приказания черношёрстному приму в бордовой форме. Нужно было добавить мощности на нижний северный сектор и сбавить уровень подачи воды на верхние ярусы, запустить холостой ход тяговой платформы и активировать максимально-возможную генерацию магических волн. В помещении было ещё несколько мыслящих. Четыре прима, одетые в такую же бардовую форму, были полностью поглощены работой: стояли у панелей, передвигали рычаги, передавали координаты и указания в трубку внутренней связи.

– Ты, как я погляжу, не изменяешь своим предпочтениям, – перебил Парфлая Лимб. – Всё тот же примолюб…

– Они, в отличие от любых других рас, исполнительные и расторопные. Не то, что люди или драги…

– И работают в две пары рук, – многозначительно заметил Лимб.

– И это тоже… – согласился Парфлай.

– Эту суету можно понимать как выдвижение на задание?

– Да. По вечернему сеансу связи мы получили приказ наступать.

– Наша цель? – уже предвкушая масштабное кровопролитие, спросил Лимб.

– Тимпанус.

– Отлично! – потёр руки Лимб. – Никогда не любил этот отсталый городишко. Кстати, ты передал хозяину о моих заслугах?

– Да.

– И что он сказал?

– Сказал, что очень доволен.

– И всё?

– Ещё он сказал, что тебя ждёт огромная награда.

– Какая, не сказал?

– Нет, – ответствовал Парфлай. – Сказал, чтобы ты берёг кинжал больше чем себя и не сходил с Форта, ни при каких обстоятельствах. По крайней мере, до того, как Тризолус не примет у тебя артефакт.

– И что, нельзя будет в Тимпанусе порезвиться? – погрустнел Лимб.

– Нет. Ты, если так угодно, пленник на моём Форте, – клекот Парфлая всегда был лишён каких либо эмоциональных оттенков, но сейчас, кажется, в нём было что-то злорадствующее…

– А Тризолус не говорил, когда объявится забрать кинжал?

– Нет, не говорил. Ты ведь его знаешь.

– Да, учитель не любит лишних разговоров.

Парфлай, который и сам не любил лишних разговоров, вновь повернулся к помощнику и принялся отдавать новые приказания. Лимб не стал в них вслушиваться. Он подошёл к смотровому окну и принялся в него глядеть. С высоты открывался живописный вид. Закатное солнце обливало кровью панцири копошащихся техномонстров. Подобно муравьям они заползали с первыми сумерками в свой муравейник. Отлаженная, чёткая, выверенная до невозможного синхронность движений, порядок, непоколебимое следование приказам. Ни пререканий между собой и начальством. Ни угрызений совести. Только безостановочное продвижение к поставленной цели. Да, пусть они один на один и не конкуренты боевому магу. Но с перевесом в количестве они способны практически на всё. Идеальные солдаты.

Когда все механизмы были погружены на борт, а все входы – глухо запечатаны, тысячи стальных колёс Форта Террора пришли в движение. Исполинская технокрепость сдвинулась с места. Давя всё живое на пути, ломая деревья, ровняя своим многомиллионнотонным весом возвышенности, она медленно, но верно продвигалась на северо-восток. Вычерчивая в небе полосы чёрного как зло дыма. К городу Тимпанус.

Лимб с досадой представил, как бы было здорово ворваться на своём вороном в растерзанный в клочья техномонстрами город и как следует повеселиться. Добить недобитых, вырезать десяток другой детишек примов, которых так сильно ненавидит, изнасиловать рыдающих над своими мёртвыми мужьями женщин, выбрать нескольких для своего гарема в Магарране, а остальных или сжечь заживо, или задушить. Ну ладно, может быть, хозяин появится до сражения. Ему ведь должно быть интересно поглядеть на масштабную деятельность своих творений? А если и не появится, ничего, в конце концов, страшного не произойдёт. На карте Главного Материка городов предостаточно…

Эти мысли натолкнули Лимба на воспоминания. Достигнув зрелости, он покинул ненавистный Полуостров Драгов. Даже с родителями не простился. Просто встал с кровати посреди ночи и ушёл. Да, тогда ещё он был наивным, мечтательным юнцом. Засеянные смертью братьев зародыши мизантропии ещё не успели раскрыться с полной силой. Он старался тормозить их развитие глупыми иллюзиями вернуть братьев к жизни. Когда-то Лимб услышал, что на Материке есть волшебный город Магарран. В нём живут только самые

могущественные маги. О их возможностях ходят легенды. Говорят даже, что они способны возвращать с потустороннего мира души умерших. А самый могущественный из них – Верховный Маг Тризолус. Он не только способен вернуть душу убитого, но и создать для неё тело, ничем не худшее прошлого (что было самыми обычными слухами, ничем не соответствующими реальности на тот момент). Именно встречи с ним и искал молодой Лимб. Разве мог он тогда знать, что жители потустороннего мира питаются душами умерших из нашего? Словно опавшие листья, перегнивая в земле, дают удобрение корням своего дерева… Это происходит не сразу. Постепенно. Медленно. Иногда годы, иногда столетия. Но закономерность проста – чем большего достиг мыслящий при жизни, тем дольше ему позволялось прожить после смерти. А братья Лимба умерли детьми. Таких поедают в первую очередь…

Добиться встречи с Тризолусом было не так просто, как этого хотелось. Замок тщательно охранялся грозной стражей. Без разрешения Верховного Мага они никого не впускали. А как получить разрешение у человека, с которым не можешь встретиться из-за отсутствия этого разрешения? Простым мыслящим это практически не возможно. Но Лимб – не простой мыслящий. Ведомый ослепляющим желанием воскресить братьев, он не остановился ни перед чем. Много ночей он промёрз в воняющих гнилью подворотнях. Изучал расписание стражи, выжидал нужного момента. У него закончились деньги. Утолять голод приходилось бродячими животными. Но драг и не такие испытания готов был выдержать.

Одной глухой ночью настал подходящий момент. У чёрного входа в замок обычно стояло двое стражников. Один из них отлучился вглубь города по своим делам. Второй остался на месте. Такое поведение не допускалось на главном входе. Да и вообще не допускалось, но тут контроля меньше. А значит, можно себе позволить подобную шалость. Вооружённый металлической трубой, найденной в мусорном баке, Лимб напал на полусонного охранника у входа. Одного удара по лицу было достаточно выбить врага из строя. Быстро переодевшись в его форму, забрав саблю, связку ключей и оттащив бессознательное тело в тёмный угол, драг проник в замок.

Долго он бродил по лабиринту бесконечных коридоров, лестниц и залов. От встречающихся на пути стражников и других мыслящих обитателей замка прятался или с невозмутимым видом проходил мимо. На нём ведь была форма охранника! Когда начинали расспрашивать – Лимб без промедлений вступал в бой. Благо, его отец был знаменитым на весь Остров Драгов и его округу воином – с самых ранних лет он учил детей боевому мастерству. В честном поединке ни один из стражников не стал серьёзным соперником.

Интуиция не подвела Лимба. На верхних этажах один из коридоров был больше, чем остальные. Застеленный пёстрыми густыми коврами, полный прекрасных статуй и картин, а посередине плескался радужными струйками самый настоящий лепной фонтан. Такой коридор может вести только в покои

хозяина замка. И какая удача – ни одного охранника у тех массивных, обшитых золотыми узорами ворот. Осталось только потянуть за ручку…

Не смотря на столь поздний час, в зале было светло, как днём. Повсюду электрические светильники. Пол был покрыт сплошным красным ковром, который топтали ноги скучившихся возле ступенчатого пьедестала мыслящие. Среди них словно белая ворона выделялся молодой стрек. Представители этой расы в большинстве своём отшельники. Встретить одного в крупном городе, да ещё и в окружении других мыслящих не то, что странно – дико. На пьедестале возвышался трон, за которым восседал человек в массивном багровом плаще, закрывавшем всё его тело. Была видна только одна голова. Издали трудно различить её черты. В глаза бросались сверкающая платиной и рубинами корона, густые как гусеницы брови и тонкие как нити губы.

Всё внимание десятков пар глаз тут же устремилось на чужака. Молчание было столь напряжённым, что казалось – в воздухе начинают рождаться электрические заряды. И это напряжение ничуть не спало, когда Лимб заговорил:

– Я многое прошёл, чтобы встретиться с великим Тризолусом Первым. И готов пройти ещё больше, лишь бы он выслушал мою просьбу.

Восседающий за троном человек громоподобным голосом ответил:

– Я ждал, что ты придёшь, драг.

Лимб с удивлением смотрел на говорящего.

– Думаешь, смог бы ты проникнуть сюда без моего разрешения?

– Значит, ты знаешь, зачем я шел к тебе?

– Знаю. Ты хочешь вернуть кого-то близкого из потустороннего мира.

– Своих братьев. Но как ты узнал?

– Это не важно… Ты говорил, что способен пойти на многое ради них. Насколько далеко ты способен зайти?

– Я готов на всё! – коротко и ясно ответил Лимб.

– Всем разойтись, – приказал Тризолус. – Нет, ты, Тор, останься на своём месте.

Толпа послушно расступилась, оставив посреди зала удивлённого прима. Тризолус продолжил:

– Один из моих учеников проявляет недостаточно рвения к наукам… – прим испуганно оглянулся на учителя. – Если ты сможешь доказать, что талантливей его…

Не успел Лимб догадаться, к чему ведётся этот разговор, как прим вынул из-за пояса нож и метнул. Драгу повезло, его враг особой меткостью не отличался. Нож со звоном отскочил от стены. Занеся над головой саблю, Лимб побежал на Тора. Пусть ученик великого мага и не умел метко кидать ножи, но с боевой магией у него было всё в порядке. Он вытянул вперёд все четыре руки, тут же из них начали змеиться электрические разряды, собирающиеся в пространстве между рук в голубой шар. Шар разрастался, вздыбливая каждый волосок на теле юного колдуна. Не успел Лимб добежать до врага, как этот шар полетел в него и окутал смертоносным коконом электричества. Одежда

задымилась, трясущаяся рука с саблей опустилась. Но Лимб не упал мёртвым, даже не остановился, а вцепился пастью в горло врагу. Окутывающий его кокон перерос и на прима. Действие заряда прекратилось, парализованные руки пластались по ковру, одна из них так и сжимала саблю, а челюсть всё не размыкала безжизненную с выпачканной кровью шерстью шею.

– Браво, мой новый ученик! Браво! – разразился по залу гром голоса Тризолуса. – Пей его кровь. Пей до остатка!

Так Лимб стал учеником Верховного Мага. Драг и в самых смелых снах не видел себя колдуном, поэтому очень долгое время не мог привыкнуть к живущему в нём магическому существу, ранее обитавшему в теле Тора. Очень скоро он узнал, что души братьев уже не вернуть. Это окончательно убило в нём доброту. Жизнь была жестока к ним, тогда что же мешает Лимбу быть жестоким к жизни? К каждому её проявлению… Единственное, к чему у него и осталась привязанность, так это к лошадям. Она уходила корнями далеко в детство. У отца была замечательная конюшня. Лимб часами напролёт проводил в ней своё время с братьями. Они кормили, вычёсывали и купали своих любимцев. А когда разрешал отец – выезжали в поле на конные прогулки. Если вспомнить всю жизнь драга, то те часы были самыми счастливыми в ней.

Уже тогда Тризолус начинал создавать первых техномонстров. Громоздких и неуклюжих. Практически неэффективных в реальном бою. Но без них не были бы построены современные модели. Верховный Маг долго мучался над интеллектом механизмов. Каждым их движением можно было управлять, но таким путём многого не добьёшься. Нужно наделить их самостоятельным мозгом. Примитивным, готовым безропотно воспринимать и выполнять любую команду, но, в то же время, достаточно проворным и кровожадным, способным эффективно вести бой с любым противником. И неизвестно ещё, завершились бы поиски Тризолуса успехом, если бы не изобретение одного из его учеников.

Парфлай, молодой стрек, обретший в стенах крепости мага долгожданное счастье, а к нему в придачу – богатство и власть, дал учителю взамен гораздо большее, чем кто-либо из них мог предположить. Стрек увлекался потусторонней магией. В частности – вызыванием душ умерших. Ни для кого не секрет, что души есть у каждого живого существа нашего мира. От человека до таракана. Душа – это тоже, своего рода, дар из потустороннего мира. Раствор, который размягчает неживые ткани, приводит их в действие. Что мозг мыслящего без души? Бесполезная масса! Стрек экспериментировал над способом задержки вызванной души в нашем мире. Тех нескольких десятков секунд, на которые задерживали душу самые сильные заклинания, совсем не хватало для научных целей. Парфлай испробовал сотни способов, пока не добился ошеломляющего результата. Ему удалось заточить душу в кристалле аметиста. Этой находкой он поделился с учителем. Так проблема поиска мозга для техномонстров была решена. Первые испытания превзошли все ожидания. Подсоединённый к узлам управления кристалл с заточённой в

него душой слопра заработал. Механизм пришёл в действие. Он, конечно, взбесился и принялся крушить стены – пришлось уничтожить. Дальше ещё предстояла долгая и кропотливая работа. Нужно было найти способ подчинять своей воле заточённые души зверей. Нужно было совершенствовать паровые двигатели и другие механические элементы. И главный вопрос «как обучить техномонстров пользоваться установленным на них вооружением» оставался ещё не раскрытым. Но это всё мелочные детали. На них нужно только время. А самое главное было сделано.

На рассвете Форт Террора остановился в нескольких километрах от стен города Тимпанус. Трудно даже себе представить те ужас и панику, захлестнувшие его жителей. Мэра города подняли из постели. Забили в колокола тревогу. Глава охраны собрал все доступные войска. Гражданские попрятались в домах. Чего ждать от неизвестной громадной конструкции, выросшей из ночи зловещей башней? Явно не дружеского визита. Упавшие духом воины готовились противостоять неизвестному врагу. Заряжали катапульты, кипятили смолу, готовили камни. Лучники и мушкетёры занимали стрелковые позиции. Мечники и пикинёры выстраивались вдоль стен. Все готовились к страшному бою.

Возбуждённый предвкушением кровопролития, Лимб вглядывался в линзы увеличительных труб. Местоположение было выбрано более чем удачно. Форт стоял на возвышенности по сравнению с Тимпанусом, из-за чего его стены не могли скрыть поле предстоящей битвы. Город словно лежал на ладони. Практически беззащитный. Покорно ждущий своей неотвратимой участи.

Из распахнутых отверстий Форта Террора начали выползать техномонстры. Смертоносным ковром они расстилались по округе. Но в этом на первый взгляд хаосе царила гармония и порядок. Механизмы выстраивались в видовые отряды, занимали указанные магическими волнами позиции. Готовились к вторжению на вражескую территорию.

Парфлай отдал приказ к наступлению.

К стенам Тимпануса приближалась цепь взрывателей. Маленький размер вкупе с высокой скоростью колёс делал их трудными целями для снайперов. Первый механизм достиг цели. Прогремел взрыв, раскрошив часть стены. За ним последовали новые взрывы, сеющие ужас и панику в ряды защитников города. Сразу за взрывателями к еле уцелевшим стенам подползли стенобуры. Они выбирали наиболее повреждённые участки и впивались в них своими бешено крутящимися таранами. Летело каменное крошево. Громыхали взрывы. Со стен начали сливать раскалённую смолу и сбрасывать булыжники. Смола техночудищам пришлась лишь прохлаждающим душем, а вот булыжники нанесли значительный урон. Но уцелевшие стенобуры прорвали таки проход в город. На подходе уже были отряды четыреногов. Они являлись костяком боевой мощи армии Тризолуса. Простые, эффективные и лёгкие в создании. Плавно приближаясь, они обрушивали тучи снарядов на засевших в проёмах стен врагов.

Но не успел первый четыреног пролезть в прорытый в стене тоннель, как город наполнился обречёнными криками. Прямо из земли начали выползать механические чудовища. Чем-то похожие на древесных жуков, но только в тысячи раз больше, секаторы нападали на любого, оказавшегося на их пути, и рассекали чудовищными механическими жвалами тело жертвы на части. Четыреноги повалили из дыр в стене. Что механическим панцирям жалкие стрелы, мечи и пики? Хотя, при удачном попадании в глазные линзы или в трубы отвода пара, даже они были способны вывести врага из строя. Эффективней оказались пули мушкетов. Они пробивали обшивку и, если везло, задевали аметистовый кристалл, а при любом, даже незначительном его повреждении, техномонстр становился бесполезной грудой металла и свистящего из него пара. Но чудовищ было слишком много. Они безжалостно сеяли хаос, разрушение и смерть.

Конвульсии обороны города продлились недолго. Техномонстры возвращались к Форту Террора, оставив после себя груды мёртвых тел и обломков зданий. Никто не смог спастись. А ведь в бое даже не все виды механизмов участвовали! Парфлай не счёл нужным пускать их в ход. Как он и рассчитывал, хватило и тех.

Армия Тризолуса понесла мизерные потери. А город Тимпанус сровнен с землёй...

Парфлай получил указания продвигаться к новой цели. К единственному городу, способному дать достойный отпор. К городу, в котором живут те, кто способен помешать грандиозным планам Верховного Мага. К городу Стальня.

Путь Форта преградила река Морская. Будто в надежде остановить распространение зла, её стремительное течение угрожающе проносилось бурными волнами вдоль берегов. Нет такого моста, который способен выдержать многотонную тяжесть технокрепости. Но он и не нужен. Колёса медленно погружались в воду. Дикие волны в отчаянии разбивались о металлические стены. Наглухо задраенные отверстия не давали течь. Форт Террора неторопливо полз по илистому дну речки. Даже на самых глубоких участках вода не превышала половины его высоты. Не прошло и полных суток, как первые колёса вгрызлись в песок противоположного берега.

Глава 14: ***Орден Огненного Дигра***

Джина всячески избегала любого общения. На все мои попытки завести разговор, отвечала или полным молчанием, или короткими обрывками фраз. Её обида не повлияла на качество вождения, хоть это радовало.

Брок был доволен как наевшийся травы слопр. Из-за недоразумения с Бабочкой я не мог испытывать того же. А хотелось бы… Воспоминания о Нуо Бао никогда не выветрятся из головы и будут ещё долго греть сердце тёплым шёлком.

В общем-то, я не вижу смысла обидам. И этому есть много подтверждений. Взять хотя бы тот факт, что Джина ко мне каких-либо явных

чувств не проявляла. Разве что интерес как к жертве её воровской профессии. Это давненько было и, надеюсь, больше не повторится никогда. Конечно, можно всё списать на простую человеческую природу. Я ей был безразличен, она увидела меня с другой женщиной, поняла, что кому-то могу быть интересен, и испытала ревность. Такое бывает постоянно. Скорее всего, эта догадка самая верная. Но, в конце-то концов, мы просьбу умершего мага выполняем! И игнорирование меня делу только повредить может. Мало ли чего в душе у каждого? Не могу же я всё чувствовать и понимать. Говорят, некоторые маги могут, но я огнём едва ли стрелять могу. Чтение чужих мыслей и чувств – для меня дело заоблачное.

Стоит отметить: по эту сторону реки климат суровей. Чем дальше мы едем, тем прохладней становится. Осыпавшаяся листва у деревьев, подмёрзшая, покрытая инеем земля и карканье ворон, раздирающее холодный воздух. Их здесь полным-полно, этих чёрных, внушающих тревожные чувства птиц. Другой живности, слава Мастуку, на пути пока не встретилось.

Мы остановились передохнуть у небольшого ручейка. Разожгли костёр и приготовили мясо. Верблюд тут же припал мордой к воде и принялся жадно пить. Я время специально не засекал, но думаю, пил он не меньше получаса. Нам, кстати, пора бы тоже запасы пресной воды пополнить. И водные баки не мешало бы дозаправить. Это лишним никогда не окажется.

Было несколько свободных часов на отдых. Джина пообедала и тут же зашла в повозку. Прилечь, наверное. Это мы только отдыхаем во время дороги. А ей приходится дёргать рычаги, крутить штурвал и пристально глядеть на дорогу. Чтобы на кочку не наехать или в овраг не свалиться. Нам этого ой как не надо – больше запасного колеса нет. Случись что-то подобное… Нет, даже не хочу такой мысли допускать.

Мне захотелось пройтись по окрестности. В одиночестве. Засиделся в салоне и всё такое. Хотя, были причины и посерьёзней.

Местность здесь не равнинная. Постоянные подъёмы и спуски. Я слышал, что Стальню построили в скалах застывшего вулкана. Он назывался Вулкан Обречённых, если не ошибаюсь. Наши давние предки бросали в его раскалённую лаву приговорённых к смерти преступников. Сколько времени прошло, а ничего особо не изменилось. Повешенье, четвертование, сажание на кол, заливание раскалённого олова в рот, погребение в землю живьём, бросание в яму с голодными зверями… У каждого города свой метод умерщвления нарушителей закона.

Я укрылся от любопытных глаз друзей за холмом. Нечего им смотреть на мои жалкие старания. «Зажгись!» – рявкнул я на голую как блудница акацию, выставив вперёд руки. Дерево насмешливо смотрело на меня своими скрюченными, сморщенными ветками. Ничего не происходило. «Гори!» – приказал я ещё громче, спугнув ближайших ворон. Каждая мышца моего тела была напряжена. Особенно руки. Я так сильно хотел брызнуть огнём, что напрягал их до треска в суставах. Сизыми червями вены вздулись на тыльных сторонах ладоней. В ушах стучал нарастающий от напряжения пульс. А дерево

и не думало загораться. Мало того, на одну из его веток села ворона и принялась глумливо каркать. У меня к ней столько ненависти возникло, что словами просто не передать. Чёрное перьевое чучело с крыльями и клювом! Горело бы ты огнём потусторонним! Ещё от тупых птиц мне не хватало насмешки выслушивать!

Я даже не сказал и малейшего слова. Мой внутренний монолог негодования выплеснулся столбом огня, поглотившим не успевшую среагировать птицу. Верхние ветки акации с шипением начали гореть. На землю упало обугленное тело птицы, невыносимо воняющее палёными перьями. «Докаркалась?!» – с этой ликующей мыслью я ощутил страшную усталость. Будто целый день рубил дубовые брёвна. Ничего не случится, если я прилягу на минутку-другую…

Глаза я продрал в надежде увидеть дощатый потолок салона паровой машины. Меня должны были перенести на удобное разложенное кресло. Ведь перед тем, как отлучиться, я попросил Брока пойти на мои поиски, если не вернусь через час. Но вместо мягкой постели, я обнаружил себя лежащим на холодной земле с неудобно упирающимся в спину камнем. Как бы простуду не подхватить. Нужно будет выпить лечебной настойки, на всякий случай.

Если верить карманным ходикам, спал я не больше двух часов. Солнце тонуло в серости туч. Того и гляди, пойдёт холодный дождь или снег. Нужно как можно быстрее вернуться к своим. И выругать. Нечего им про меня забывать!

Меня ждал очень неприятный сюрприз. На месте нашего лагеря ничего не осталось кроме дотлевающих углей костра. Ни повозки, ни верблюда – ничего. Сложно передать мои чувства в тот момент. Если сравнивать с загнанным охотниками в тупик зверем, то я был ещё в худшем положении. Зверь хоть на врагов напасть может. Крохотный, но шанс. А я? Неужели меня бросили? Тис! Ах ты, подлый молчаливый злыдень! Всё отмалчивался, претворялся дисциплинированным и уважающим мои команды. А сам! Предал при первой же подвернувшейся под свои когтистые лапы возможности! Взял командование на себя. А меня оставил здесь. Одного. Посреди незнакомой местности. Без припасов и карты. Как легко и просто он умеет с конкурентами разделываться. И денежки Алерадуса прихватил, и карету, и друзей заодно увёз. А они, в таком случае, ничем не лучше его. Тоже мне, лучшие друзья и соратники. Кучка лживых предателей. Радует лишь одно: деньги я так глубоко в кладовой запрятал, что он их не скоро найдёт, если найдёт вообще.

Долго ещё мой гнев вырывался из глотки гейзерами проклятий. Когда я вконец утомился от этого бесполезного занятия и присел на ствол поваленного дерева перевести дух, моему вниманию начали открываться некоторые незамеченные ранее детали. Земля подмёрзшая, следы различать не так-то просто, но если сильно приглядеться… Слишком много натоптанной земли. При всём желании, мои спутники просто не смогли бы так. Значит, тут был кто-то ещё. И не один, и не два. Несколько десятков. Наравне с неглубокими отметинами, были и глубокие. Похожие на следы парнокопытных. Значит,

лошади или верблюды. Разбойники? Работорговцы? Уж лучше бы Тис предал. Тогда я хотя бы был в полной уверенности, что никто из нашей команды не пострадал. А в чём теперь можно быть уверенным? Зря я, конечно, на Тиса наговаривал. Ничего, есть шанс успокоить совесть перед ним. Выследить и спасти. Жаль, мечи в повозке оставил.

Я шёл по следу. Перед тем, как отправиться практиковать магию, мне хватило ума захватить с собой шерстяную накидку. После теплоты повозки, мёрзнуть как-то желания не было. Теперь она была как никогда кстати. С началом сумерек пришлось задуматься о ночлеге. Спичек с собой не было, но с разведением костра проблем не возникло. Я накидал в кучу веток и принялся их ненавидеть, желая гореть им пламенем. К радости, огненный столб из руки не заставил себя ждать. На этот раз, душевных усилий он потребовал меньше.

Две луны украшали небосвод. Одна была полной, как серебряное яблоко, вторая – серпом, словно какой-нибудь небесный великан откусил от неё порядочный кусок. Звёзды светили с непривычной яркостью. Мерцали, переливались разными цветами, некоторые из них (должно быть, самые непослушные) плавали по чёрным просторам неба. Им не сиделось на месте. Звездочёты любому их явлению находили нелепые оправдания: звёзды – ничто иное, как простые небесные светила, находящиеся на колоссальных дистанциях от нас. Они подчиняются своим законам, движутся по своим траекториям… Может, учёные мужи и правы. Но в это так скучно верить. Мне больше нравится легенда, где говорится про великого из великих богов Мастуке. Он первым перешагнул из потустороннего в наш мир. И то, что он увидел, не воодушевило. Представший перед ним мир оказался слишком простым, слишком обычным. Он захотел украсить его. Уж слишком одиноко было двум лунам на чёрном небе. Всё доставая из бездонных карманов драгоценные камни, Мастук принялся разбрасывать их по небу. Так появились звёзды…

Я проснулся от холода. Была ещё ночь. Костёр погас. Подбросив новых дров, я без какого-либо труда его разжёг. Даже не пришлось испытывать ненависть. Просто представил: как было бы хорошо вновь согреться. Кажется, я начинаю понимать, как владеть магией. Вернее, она начинает позволять мне это.

Утром я продолжил путь. Не так уж много времени прошло, когда увидел вдалеке клубящийся дым. Не нужно быть прорицателем, чтобы догадаться: мои друзья находятся там. Стараясь сливаться с местной растительностью и не издавать лишнего шума, я принялся пробираться к цели.

Дым валил из трубы пирамидального здания. Над воротами здания блестел на солнце медный диск с выгравированной мордой дигра, извергающего пламя. Рядом с входом стояла наша повозка. Чуть дальше в деревянном загоне паслись лошади. Я насчитал пять охранников. Все они похожи друг на друга: одеты в чёрные одежды, их лица и головы замотаны чёрными повязками, оставляя лишь прорезь для глаз. На поясах висят кривые

сабли, а у меня с собой даже ржавого ножа нет. У каждого две руки – значит, примов среди нет. Хотя, от этого задача проще не становится.

Если бы удалось подстеречь одного из них, вырубить и переодеться в эти черные одежды. Тогда можно проникнуть внутрь здания. А там…

Мои размышления были прерваны пронизывающим до костей воем. Ни один известный мне зверь не способен издавать такой дикий рёв. Я испытал головокружение, слабость растекалась по телу, и оно будто оцепенело. Я сидел, и было трудно разжать вцепившиеся в листву куста, в котором прятался, пальцы. Нарастающий топот копыт. Обречённые крики мыслящих. Святой Мастук, молю тебя, пусть это кричат не мои друзья!

С оглушающим грохотом, вылетели ворота, снеся попавшегося на пути охранника. Из проёма выпрыгнуло чудовище. Громадная клыкастая пасть, налитые кровью глаза, вертикальные зрачки, покрытое тёмно-жёлтой шерстью тело. Оно стояло на двух согнутых подобно верблюжьим ногах, а мясистые верхние лапы увенчивались раздвоенными когтями-клешнями. Оно безжалостно налетело на ближайшего человека и одним лишь ударом отсекло его ноги. Других охранников расправа не миновала. Никто не смог спастись…

К моему величайшему удивлению и радости, вслед за чудовищем из проёма выбитых ворот выбежал Брок. За ним Тис, Кич и Джина. Замыкал цепь Бирюк. Мне сделалось легче. Когда я вновь попытался найти взглядом дивное чудовище, то ничего не заметил. Разве что наш верблюд стоял у паровой повозки. Потусторонние боги, так ведь верблюд и есть это жуткое чудище! Перевёртыш!

Друзья заскочили в повозку. Я успел подбежать до того, как они тронулись с места. Дверь мне открыл Тис. Как же я рад снова его видеть!

Все были порядком возбуждены. Я исключением не стал. Брок то и дело выглядывал в окно задней двери. Мне удалось рассмотреть ссадины на его лице. Кич лёг в кресло и тут же уснул. Ему уже гораздо лучше, но силы ещё не полностью восстановились. Тис нервно вглядывался в окно, в котором виднелась изогнутая шея и увенчивающая её вытянутая голова верблюда. Как ни в чём не бывало, он скакал рядом с нашей повозкой. Будто бы и не был вовсе страшным чудовищем, а обычным горбатым скакуном. В окне напротив маячила открытая пасть Бирюка с вываленным набок языком. Я зашёл в кабину к Джине. Она пристально вглядывалась в дорогу, когда я отворил дверь. Обернулась на шум. И будь я проклят, если Бабочка не была рада меня видеть! Застывшие в нежной улыбке губы подрагивали, словно она хотела что-то сказать, но всё не могла. Такой нежный, тёплый взгляд. От него мне сделалось неловко. А потом вмиг всё исчезло. И улыбка, и взгляд. Нахмурив брови, Джина отвернулась и больше не поворачивалась. Я сказал, что очень рад вновь её видеть. Она буркнула в ответ, чтобы не отвлекал от дороги. Из всей нашей команды, мне хотелось тогда говорить только с ней. Жаль, Джина не ответила взаимностью.

Я вернулся в салон. Кич по-прежнему спал. Тис с Броком сидели за столом и разговаривали. Напряжение спало. Погони за нами нет, а то, что

верблюд оказался перевёртышем – нам только на руку. Я вспомнил, что не ел ничего пристойного со вчерашнего дня. Вернее, мой желудок об этом напомнил. Он не унимался до тех пор, пока я не забил его вяленым мясом до отвала, залив всё приличной порцией вина. А пока я занимался чревоугодием, Тис на пару с Броком поведали о случившемся.

Когда я отходил от лагеря, ничто не предвещало беды. Но не прошло и получаса, как стаи напуганных топотом копыт ворон взмыли в воздух. Их было несколько десятков. Без лишних разговоров, на рычащего Бирюка накинули усыпляющую сеть. Её верёвки были смазаны дурманными травами. Стоит кому-то попасть в такую – в сознание придёт не скоро. Мыслящие в чёрных одеждах окружили стоящих у костра Тиса, Кича и Брока. Сопротивляться было более чем бесполезно. Незнакомцы перекинулись друг с другом несколькими фразами. Их содержание ничего хорошего не предвещало. Паровую машину забрать, её владельцев убить, если будут сопротивляться, если нет – в рабство продать. Красп будет у них через две недели. Слишком много мороки. Лучше всего, чтобы сопротивлялись…

Из повозки вышла сонная Джина. Как она сама потом рассказывала, так крепко спала, что не слышала топота копыт. Увидеть десятки враждебных чужаков для неё было великим потрясением (а для кого бы не было?). Но ещё большим потрясением было то, что они обратились к ней без какого-либо намёка на агрессию. Даже наоборот. Словно к себе подобной. Они попросили прощения у «сестры» за возникшее недоразумение. Спрятали оружие и стянули со спящего Бирюка сеть. Сказали, что их предводитель всегда рада встрече с представителями ордена из других городов. И пригласили на встречу с ней в их резиденции (это приглашение больше было похоже на приказ, которому нельзя не подчиниться).

Джина начала понимать, в чём дело. У каждого из незнакомцев на шее висел медальон. Точно такой же, как и тот, что сейчас был на ней – янтарный овал с выгравированной мордой дигра, изрыгающего пламя. Этот медальон Бабочка сняла с одного из напавших на меня с Кичем в Саре разбойников. Уж очень безделушка ей приглянулась тогда. Видимо, не зря. К носу Бирюка тут же поднесли баночку с противоядием. Вдохнув из неё пары, он тут же проснулся, хотел было отгрызть голову бандиту, но, увидев отрицательный кивок Тиса, остепенился.

Прирождённая актриса Джина отлично играла свою роль. По дороге к логову бандитов ни разу не провалилась с ответами. Она управляла повозкой, в которую набилось с дюжину непрошенных гостей. Один из них – сгорбленный прим, всё время провёл рядом с ней. Или любопытства ради, или в качестве проверки, он задавал различные вопросы. Бабочка без промедлений на них отвечала. Да, эти мыслящие, путешествующие с ней – ученики. Да, они проходят испытание на эту, как её, верность, да, именно верность. Тяжёлая дорога, плохо выспалась, туго соображает. И волк тоже. А что здесь такого? Он может принести очень много пользы гильдии. Ордену? У них, в Саре, называют и так, и так. Созвучно с Гильдией воров, орудующей в городе. Да, с

ними поддерживают контакт. Что за глупый вопрос? Терзан, конечно! И опять глупый вопрос. Испытание проходят, зачем же ещё в такую даль переться?..

Утонувшее в горизонте солнце вылило на его поверхность остатки своей крови. Пирамидальное здание клином пробивалось из травянистой земли. Лошадей загнали в стойла, повозку оставили у входа. Оружие с собой не брали. Осталось в повозке: в гости не положено с булавами и кинжалами ходить. Охранники отворили ворота, над которыми багровела эмблема Ордена Огненного Дигра. Верблюд наотрез отказался идти в стойла. Его и толкали, и ногами били – лёг на землю и всё. А когда его хозяева зашли в здание, поплёлся следом. Преданное животное, что с него взять?

Внутри здание оказалось ещё мрачней, чем снаружи. Окон почти не было, поэтому все коридоры и комнаты заливались полумраком, разбавленным редкими настенными факелами. Словно из ниоткуда выплыл чёрный силуэт. Дрожащий огонь факелов вырисовывал его размытые очертания. Чем ближе силуэт подходил к Джине, тем отчётливей его можно было рассмотреть. Стройная фигура и смолянистые волосы, непослушными волнами стекающие на плечи. Танцующее пламя отражалось в тёмных глазах. Багровые губы зависли в полуулыбке на тёмном, как шоколад, лице.

– Приветствую, – грубым женским голосом говорили губы, – наш узел Ордена всегда рад принять в своих стенах собратьев.

– Для нас это большая честь… – начала Джина.

– Нет такого понятия как честь! – пренебрежительно искривились губы, но потом вмиг стали такими же дружелюбно-улыбающимися, как и прежде. – Хотя, ты это и без меня знаешь. Проверка?

– Да, проверка, что же ещё? – выкрутилась Бабочка. Она довольно продолжительное время была воровкой, общалась с такими мыслящими, с которыми общаться не стоило бы… Очень многое знала про криминальные организации, гильдии, сборища, но про Орден Огненного Дигра слышала впервые. И уж тем более, про его духовные установки.

– Теперь мой черёд, сестра. В чём величие низменности?

Джине тут же вспомнилась любимая поговорка Терзана, главы гильдии воров. Он любил повторять её каждый раз, как собирался лишить кого-то жизни.

– В её бесконечности…

– Я даже не сомневалась. Просто спросила в знак взаимности, – после недолгой паузы, губы продолжили. – Мне сказали, что ты из Сара. Как поживает ваша предводительница Тона?

Единственная воровка с таким именем, знакомая Джине, была мертва уже как полгода. О ней Бабочка знала мало. Разве что та принадлежала высшему воровскому сословию и промышляла в северном районе Сара. Ей подлили яд из крови дигра в бокал с вином. Кровь дигра сама по себе безопасна, но если её смешать с порошком пустынника и подержать несколько дней на солнце – получится самый опасный и смертоносный из известных яд. Одной маленькой

капли хватит за пять секунд свалить намертво взрослого слопра. Ещё никто не смог отыскать противоядие.

Должно быть, это ещё одна проверка. Придётся рискнуть:

– Тона? Не очень, насколько мне известно. Говорят, в потустороннем мире развлечений маловато…

– Ах да, совсем забыла. Всего в голове и не удержишь. Она хотела прыгнуть выше своей головы и подчинить своей власти другие узлы Ордена… Благо её преемница Жарца успела вовремя…

Имя Жарца Бабочке ровным счётом ничего не говорило.

Темнокожая женщина продолжила:

– Кстати, меня зовут Линта. Я здесь главная.

– Джина.

– Вижу, наш разговор порядком утомляет. Особенно твоего раненного ученика. Где он потерял руку?

Лицо Кича искривилось в негодовании. Он только набрал полные лёгкие воздуха и открыл рот, чтобы сказать какую-нибудь колкость, как Джина опередила:

– Ему отгрыз руку чёрный волк близ Седого леса. Мой ученик тогда ходил справить нужду. Волк так и остался лежать там – захлёбываясь в собственной крови от кинжальной раны в шею…

– Храбрый у тебя ученик. Надеюсь, остальные не хуже. Всегда рады принимать в наши ряды отчаянных и смелых.

К Линте со спины подошёл молодой человек с отблёскивающей на свету факелов лысиной. Что-то прошептал на ухо и тут же скрылся.

– Жаль, но мне пора выполнять свои прямые обязанности. Прошу меня извинить. Я *хочу* – это слово прозвучало в повелительном тоне, – видеть вас завтра за оргией, посвящённой торжеству и величию единения Спайкнифа и Сифы, – она многозначительно подмигнула Броку, – Вы ведь не собирались провести этот великий для нашего Ордена день в пути?

– Нет, конечно же нет. Мы будем очень рады! – врала Джина.

– А пока, располагайтесь здесь как дома, – Линта щёлкнула пальцем, из полумрака выполз кривоногий прим. – Проведи наших дорогих гостей в покои, накорми и выполняй любую их прихоть. Да, и этого верблюда тоже расположи. В одной комнате с волком.

После этих указаний Линта зашагала прочь сильно хромая. Стараясь как можно тише цокать по каменному полу металлической подошвой. Только сейчас Джина разглядела: вместо левой ноги ниже колена, у неё протез.

Друзья пошли следом за слугой. Как и было приказано, он отвёл их в зал для гостей и хорошенько накормил. Бирюка и верблюда поселил в комнате поменьше. За неимением других пожеланий, прим вышел из зала и больше не появлялся на глаза.

Тис предложил попытаться сбежать глухой ночью. Никто с ним спорить не стал. Проверки ради, он вышел из зала – тут же его встретил вооружённый отряд охранников. Они ласково объяснили, что туалет есть и в покоях для

гостей. И вообще, каждый гость настолько дорог их предводительнице, что приходится охранять… Никто из них ведь не хочет её расстроить? Линта очень не любит расстраиваться… Ничего не оставалось, как вернуться обратно.

Утро наступило в мучительных бессонных раздумьях.

Вчерашний слуга вошёл в зал и попросил всех последовать за ним. Разве был другой выбор?

Линта сидела во главе громадного стола, заваленного всевозможными кушаньями и питьём. Вокруг стола сидело около трёх десятков мыслящих. В основном людей. Ещё были люрты. Меньше всего – примов. Посреди стола возвышалась платиновая статуя совокупления двух богов: Спайкнифа и Сифы. Кому как не бывшей воровке Джине знать эту легенду? По древним сказаниям, миллионы лет назад два великих божества слились воедино в неведомом танце страсти. Они кружились в нём тысячелетиями, не зная усталости и печали. Лишь наслаждение и страсть были их постоянными спутниками. И так бы продолжалось вечно, если б не сущность Сифы. Страсть и блаженство заслепили ей глаза надолго, но не навсегда. Постепенно её воровская натура начала брать верх и однажды она оборвала прекрасный танец. И не просто оборвала – она украла сердце Спайкнифа… С тех пор у Сифы два сердца – оружие самого умелого вора. Двуличность. А бывший любитель изящества и красоты обратился в бессердечного покровителя войны и оружия. Остатки былой любви он воплощал в созданных им клинках. Они были изящны, красивы и… смертоносны.

Слуга усадил за стол. Бирюк и верблюд остались у входа. На них никто не обращал внимания.

Вкусней еды Джине не приходилось пробовать даже в доме бывшего мужа Санто. А он был известен на весь Сар и округу своей любовью к пышным пирам. Кич на пару с Броком всё нахваливали выпивку. По их словам, такое вино достойны пить только боги. Тис молча ел и всё оглядывался по сторонам. Если он и был доволен кушаньями и выпивкой, то очень умело это скрывал.

Пирующие хмелели. Начинали происходить вольности, без которых не могла обойтись ни одна пристойная оргия. Линта оторвалась от поцелуев с соседкой и встала. Всё внимание было обращено на неё.

– Каждый год в этот день мы празднуем торжество и величие единения Спайкнифа и Сифы. И каждый раз мы преподносим свой дар этим покровительствующим наш Орден богам. На этот раз судьба улыбнулась нам больше обычного. Сегодня с нами собратья из Сара, – все вмиг обратили взгляды на смутившихся собратьев из Сара. – Многие думают, что путешествие привело их к нам. Но на самом деле – сама судьба привела их в этот зал! Это знак, который только глупец неспособен увидеть. Сегодняшнее подношение мы совершим с помощью одного из них. Вот этот молодой, крепкий люрт, – она ткнула пальцем в сторону Брока. – Ему выпала честь принять роль Спайкнифа! А я, как это положено вашей предводительнице,

возьму на себя величие Сифы. Мы будем совокупляться, а потом я украду его сердце, вырезав из груди церемониальным кинжалом! Этим мы воздадим великую дань нашим покровителям!

Брок вскочил, но тут же сел на место – к его горлу приставили лезвие меча. К остальным встрепенувшимся «собратьям из Сара» применили те же аргументы. А Бирюка вообще окружило четыре охранника, устремив в его сторону острия копий.

– Такого неуважения к нашим традициям я даже от городских зазнаек не ожидала! Чему вас в том Саре только учат? Одной контроля над всеми захотелось. Другие, вот, чтить многовековые обычаи отказываются! Приведите мне избранного!

Не отнимая клинка от горла Брока, охранник поволок его за локоть к хозяйке. Для человека у него хватка очень даже ничего. Когда Линта была уже близко, он отвёл лезвие и пнул люрта к ней.

Не видя другого выхода, Брок занёс кулак во всепоглощающем желании размозжить её черноволосую голову как спелую дыню. Женщина с металлическим костылём не казалась серьёзным противником. То ли из-за того, что недооценил, или вообще из-за полной неравности сил – поверженный заумным приёмом люрт лежал на лопатках. Линта вскарабкалась на него сверху. Рядом стояла её помощница, держала кинжал, готовая по первому же приказу передать его госпоже, чтобы та вырезала сердце Брока.

И тут всеобщее внимание обратилось на взвывшего чудовищным рёвом верблюда. Вернее, на то, что когда-то было верблюдом. Оно разрасталось, менялось. Его кости трескались, конечности искривлялись, нарастали, вытягивались, обрастая смертоносными когтями, всасывался в спину горб, волнами дрожала лохматая шкура, втягивалась, расплывалась морда, растягивалась пасть, полная острых, похожих на акульи зубов. Чудовище тут же напало на оторопевших мыслящих, держащих Бирюка в поле своих копий, и, не дав опомниться, разодрало их на хлещущие кровью с обломками костей и обрывками мяса куски. Смотря на них, было совершенно невозможно предположить, что когда-то они могли быть частями живых мыслящих существ…

Чудовище не щадило никого… Нерастерявшийся Бирюк последовал его примеру. Вскоре к ним присоединились и остальные.

По дороге к выходу встретилось ещё много представителей Ордена Огненного Дигра. Никто из них не выжил…

Ну, а остальное я и так уже знаю.

Глава 15: ***Тризолус Первый***

В зале царил полумрак. Единственный источник света – две длинные электрические лампы. Они располагались по бокам массивного трона. Вошедший в помещение не смог бы ничего разглядеть, кроме этого трона, за которым восседал пожилой мужчина в широкой, закрывавшей тело по шею

багровой мантии. Если подойти ближе, то можно было бы рассмотреть вшитые в воротник мантии драгоценные камни: четыре рубина, два бриллианта и один изумруд. Седую голову мужчины увенчивала массивная корона из платины, золота и рубинов. Густые как снежные комы брови нависали над прозрачными, словно сделанными из зелёного стекла глазами. Эти глаза блестели на свету ламп, внушая вошедшим страх и уважение. Лицо восседавшего было будто вытесано из камня: грубые, рубленые черты, короткая борода вокруг узких губ и вытянутые щёки. Огрубевшая кожа тугим слоем застилавшая лицо. Умный, сосредоточенный взгляд был устремлён на спящих младенцев.

Без стука распахнулась дверь, вливая в зал порцию света. Сразу за светом вошёл человек. Поклонившись хозяину, он прочёл:

– Послание по магическому сеансу связи: «Тимпануса больше нет, учитель, вскоре то же случится со Стальней, уже пересекаем реку. Жду команды. Парфлай.»

Восседавший за троном Тризолус лишь слегка качнул головой по направлению к выходу. Понявший всё гонец со страхом в душе покинул зал, как можно тише закрыв за собой дверь.

Старик всё так же глядел на младенцев. Ждал. Весть о значимой победе не удивила его. Что мог противопоставить аграрный городишко его армии техномонстров? Единственная причина, по которой город был удостоен чести уничтожения: он стоял у берега реки Морская. В том месте, где её дно вплоть до другого берега самое неглубокое. Если бы существовал другой путь, по которому Форт Террора смог перебраться через реку – тысячи жителей Тимпануса остались бы живы…

В зале послышался плачь – проснулся детёныш люрта. Своими криками он разбудил остальных. За всё это время Тризолус уже порядком утомился от них. Каждое всхлипывание выводило его из себя. А когда четверо маленьких люртов начинали визжать вместе – хотелось сжечь их огненным заклинанием или утопить в кислотном дожде. Но нельзя было. И от этого становилось неприятно до невыносимости. Когда же он придёт? В прошлый раз не прошло и часа. А сейчас – четвёртый день и намёка на появление нет.

Но будет нужно, Тризолус подождёт и больше. Гораздо больше. Лишь бы вышло намеченное.

Прошло некоторое время. Воздух начал трескаться красными молниями, поднялся ветер. Запахло навозом. Из образовавшейся между потусторонним и этим миром дыры выскочила громадная гиена. Младенцы завопили громче, чем когда-либо. Развернувшаяся перед ними страшная картина пугала неописуемо.

Дыра затянулась. Пятнистая шерсть гиены сияла всеми оттенками красного. Она душераздирающе хохотала, приближаясь к первому детёнышу. Раскрылась разящая вонью клыкастая пасть и…

Сожрав первого младенца, гиена принялась за второго. Её живот рос со странной закономерностью. С каждым новым куском увеличиваясь в

несколько раз. За третьего взялась уже овца с кроваво-красной сияющей шерстью, в которую превратилась гиена. Не смотря на тело овцы, зубы в пасти оставались всё такими же смертоносными. Бока овцы растянулись до невероятно громадных размеров. Казалось, если съест ещё один кусок – взорвётся. Страшная кровоточащая пасть принялась за четвёртую жертву. Доев её, случилось то, что и ожидалось – натянутые бока не выдержали и треснули, разбрызгивая по залу кровавые внутренности.

Всё это время Тризолус медленно шагал к существу. Считая до четырёх, он делал новый шаг. Он был в нескольких метрах от существа, когда то лопнуло, окатив его вонючими потрохами. Не останавливаясь, он вытер лицо, вновь досчитал до четырёх и сделал шаг.

В том месте, где раньше была овца, в воздухе парил громадный мотылёк с переливающимися пунцовыми крыльями. Его шарообразные глаза светились оттенками зелёного. Старик не отводил от них взгляд. Он был совсем близко. Мантия колыхалась от мощных взмахов крыльев. Корона слетела с головы, обнажив окружённую дрожащими от ветра седыми волосами лысину, и со звоном покатилась по полу. Верховный Маг вытянул руку. Коснулся пальцами покрытого колючими волосинками брюшка мотылька. Несколько секунд спустя, Гирен отпрянул от Тризолуса овцой и заскочил в тут же возникшую дыру между мирами.

Это был самый большой успех за всё время. Самый обнадёживающий. Самый волнующий. Бог крови позволил прикоснуться к себе! Раньше о таком Тризолус даже не мог мечтать. Гирен с каждым новым экспериментом доверяет ему всё больше…

Но нечего расслабляться! Ещё многое предстоит сделать. Очень многое.

Глава 16: ***Стальня***

Чем ближе мы подъезжали к Стальне, тем суровей становился климат. Всё выше поднимался слой снега. Всё сложней продвигалась паровая машина. Обзор затрудняли частые снегопады. Котёл быстрее остывал. Расход угля вырос в два раза. В салоне было прохладно – залатанные дыры пропускали холод. Чтобы не замёрзнуть, нам приходилось натягивать на себя всю одежду, что только была. Колёса скользили. Нас часто уводило в занос. В некоторых особо сложных для прохождения местах запрягали Бирюка и верблюда. Кстати, мы назвали его Яр. Он – потустороннее существо, способное принимать форму понравившегося ему животного. Видимо, облик верблюда ему приходится по душе. В голове не укладывается, сколько времени он нам мозги морочил. Надо было догадаться. Тогда, в пещере с летучими мышами, хоть на мгновение, но он посмотрел настоящими глазами. Нужно быть только мной, чтобы ничего не заподозрить. Ох уж этот старик Алерадус, долгая ему память, приручил потустороннего монстра! Спасибо огромное за такой неожиданный сюрприз.

Я пытался найти общий язык с Яром. Но он вёл себя как раньше – по-верблюжьи. Будто бы никто не знает его тайну. Ладно, общение не самое важное. Главное, чтобы в нужный момент опять в самого себя превратился.

Джина по-прежнему меня игнорирует. Но кое-какой сдвиг всё же произошёл. Я принёс в кабину специально приготовленный для неё ужин из двух зажаренных яиц, огурцов, сушёного банана и стакана вина. Трудно даже описать, каких усилий мне это стоило. Кулинар я никудышный, но яйца жарить умею… Сколько же всё-таки чувств вложил в это кушанье. Чего уж душой кривить, это своего рода попытка извиниться. И мои старания не остались незамеченными. Она остановила повозку, приняла из моих рук тарелку и, о счастье, сказала: «спасибо»! После этого, правда, Джина мне больше ничего не говорила. Но чувствую, это был переломный момент. Вскоре мы вновь станем друзьями. Хотя бы друзьями…

О том, чтобы проводить привалы на улице разговоров даже не возникало. При такой погоде только мясо жарить на костре… Приходилось есть вяленое и пытаться приготовить на нашу ораву чего-нибудь ещё на крохотной плитке за столом. Бирюк к снегу был равнодушен. Я тоже бы был, будь у меня такая густая шерсть. Верблюд не выказывал недовольства. А если бы и выказал, всё равно в повозку не поместился бы.

За одним из привалов Тис поведал нам историю о своём сыне. Видимо, он давно хотел это сделать, но всё не находил подходящего случая. Слова с трудом выходили из его рта. Много горести и печали таилось в них. И гордости. Чистой отцовской гордости.

Тил был трудным и единственным в семье ребёнком. Плохо поддавался воспитанию, пререкался, несколько раз убегал из дома. Его поведению было простое оправдание: слишком многого от него хотели родители. Особенно отец. Тис был заметным гражданином Нового Бура: занимал ответственные должности по службе и имел важное место в обществе. Естественно, требования, предъявленные к сыну, были соответствующего уровня. Ежедневные принудительные занятия математикой, этикетом, географией, шахтным мастерством, логикой, диалектикой, литературой, ораторским мастерством и боевыми искусствами. Каждый принадлежащий к высшему обществу крот просто обязан знать все эти науки. Уметь отстоять свою точку зрения как в словесной баталии, так и в кулачном бою. Знать названия минералов и в то же время уметь добыть их из земли. Но у сына Тила были совсем другие планы. С раннего детства он чувствовал себя чужим в компании сверстников из уважаемых семей. Среди них он был изгоем – слишком плохо успевал абсолютно во всех преподаваемых науках, чем давал повод неприятным насмехательствам над собой. Родители знали об унижениях сына, но ничего поделать не могли. Или просто тешили себя надеждой, что не могли. Тис постоянно говорил жене Мине: «насмехательства закалят его характер, сделают критичным к жизни, заставят взяться за ум и добиться очень многого…» Но вместо того, чтобы корпеть над навязываемыми науками, Тил любое свободное время проводил за лепкой из глины. Это было его увлечение,

его всепоглощающая страсть. У него всегда выходили угловатые, неправильной геометрии, странные (бездарные и бессмысленные, по словам отца) скульптуры. Но было в них что-то живое, что-то кричащее, затрагивающее доселе спящие глубины души. Тис как-то тайно признался в этом Мине. Но сыну так ничего и не говорил. Его позиция был проста как всё простое: учи науки, а лепку оставь профессионалам. Лучшие фигуры выходят у людей и примов. А кроты рождены копать, разрушать целостность глины. Незачем позорить свой род этими ненужными занятиями…

Чем старше становился Тил, тем больше он начинал противоречить родителям. Он вконец забросил занятия, и всё время проводил в мастерской, создавая всё новые фигуры. Чтобы никто не беспокоил, он запирал дверь. Однажды, отец не выдержал и выбил её. Гнев наполнял его душу: к увлечению сына, к невоплощённым возложенным на него надеждам и к самому себе, за то, что не смог заставить, научить… Тис еле удержался, чтобы не перебить творения сына в черепки. Как ни как, это труд. Пусть никому и не нужный… В тот день он впервые поднял руку на сына…

С иллюзиями воспитать в Тиле достойного члена высшего общества было покончено. Родители задумались над дальнейшей судьбой сына. Ведь одним духовным сыт не будешь. Нужно пристроить сына-болвана на работу. Смотреть на фигуры – горожане смотрят, ходят на его выставки, хвалят, а вот платить за это – ни у кого, почему-то, желания не возникало. На тот момент Тис занимал почётную должность начальника охраны главы города. Поэтому он без труда устроил сына охранником к себе в отряд. Вполне возможно, что работа поможет Тилу одуматься, взяться, наконец, за голову.

И Тил взялся. Только не за голову, а за взрывной камень. Он подбежал с ним к рушащему их город техномонстру. Смерть героя…

После этой истории Тис ушёл в молчаливые раздумья. Он так и не рассказал, что случилось с его женой Миной. Думаю, наберись смелости и спроси кто-нибудь из нас – он не сказал бы. На сегодня ему и этих болезненных воспоминаний достаточно.

Это было ужасно! Поднялся буран. Нам пришлось остановить повозку и молить богов о том, чтобы всё прошло благополучно. Салон качало. Ледяной ветер пробивался сквозь щели забитых досками и тряпками дыр. Но всё это не пугало так, как бой о боковую стенку. Сильный, свирепый, сопровождаемый звериным рёвом. С каждым ударом повозка сотрясалась. Дребезжали стёкла. И ничего не разглядеть из-за снега. Что за зверь? Но это продолжалось недолго. Раздался рёв вперемежку с волчьим рычанием. Возня. О стенку что-то несколько раз стукнуло, качнув нас с невероятной силой. Ещё чуть-чуть, и перевернулись бы. А потом всё стихло. Вернее, стихла возня битвы, обозначенная победоносным воем. А буран продолжался. Это пугало.

Первым делом, когда спала непогода, я выглянул на улицу. Рядом лежало мёртвое тело зверя. Кажется, снежного медведя. Да, именно его. Бирюк над ним хорошо поработал…

Снежный медведь – самый свирепый из своих собратьев. Он опасней даже красного медведя. Превосходит его и лютостью, и массой. Эта лежащая на снегу туша не меньше трёх тонн весить должна. Бирюку повезло, что отделался только рваной раной на холке. Тис тут же обработал её мазями и заставил вылакать ведро лечебного зелья. Обычно, волки не могут устоять в бою с таким медведем. Бирюк или слишком везучий, или невероятно опытный воин. Думаю, хватает и того, и другого…

Шкуру медведя очень умело снял Брок. Не сильно приятно было на это смотреть, если честно. Но лучшего способа утеплить стены салона не предвиделось. Кстати, после этого в повозке значительно повысилась температура.

Мы продолжили путь, а Бирюк остался. Поесть… К вечеру он догнал нас.

Утром вновь была метель. Гораздо меньше, чем прежде. Рисковать не стали и переждали непогоду. Ждать пришлось до позднего обеда.

В общем, дорога была не из лёгких. Боюсь даже представить, что бы мы делали без паровой повозки.

Солнце заслоняли свинцовые снежные тучи. Лишь когда мы подъехали ближе к вырывавшейся тёмными пятнами из белого пейзажа горе, поняли: пункт конечного назначения достигнут. Проехав ещё полкилометра вдоль скалистых стен, мы наткнулись на ворота. С металлическими вставками и заклёпками, чем-то похожие на главные ворота Сара.

Мы с Тисом вышли из повозки. Остальным я приказал находиться внутри. Мало ли чего случиться может? Снаружи никого не было. Прежде чем начать безудержно колотить ногами и кулаками по воротам, я осмотрелся в поисках какого-нибудь сигнального колокола или ещё чего. Меня опередил Тис, дёрнув за незамеченный мною рычаг. Громкого звука не последовало, но окошко над рычагом распахнулось. Появившаяся сине-зелёная физиономия драга оценивающе посмотрела на Тиса, потом на меня. Без каких-либо слов, ставни окошка вновь захлопнулись. Некоторое время ничего не происходило. Я уж думал вновь дёрнуть рычажок, но не успела рука до него дотянуться, как раздался тяжёлый, оглушающий скрежет металла. Ворота начали медленно разъезжаться посередине, обнажая два тонущих в тенях силуэта. Чем больше разъезжались ворота, тем отчётливей они становились.

На проходе стояли два человека. Оба высокого роста, один был худой и жилистый, второй – полный, с солидным пивным животом. Сухое, вытянутое лицо первого мне было до боли знакомо. Второе, округлое с пухлыми как сливы губами, тоже. Но где я их мог видеть?

Тот, что худой, улыбнулся и пригласил внутрь. Да, паровая машина пусть тоже заезжает. Я подал сигнал нервно наблюдавшей в смотровое окно Джине. Медленным ходом она повела повозку за нами. Вглубь суетящегося города.

– От лица всех жителей Стальни приветствую тебя, Дрим Тринадцатый, и твоих спутников, – говорил худой, в то время как полный буравил меня обиженным взглядом. Где-то я уже видел этот взгляд… Откуда, Гирен с Геллизой побери, он знает моё имя? И при чём тут Тринадцатый?!

– Мы ждём тебя уже который день, – всё тем же спокойным, само собой разумеющимся голосом говорил человек. – Сказать по правде, ожидали видеть тебя раньше.

– Да что всё это значит! – не выдержал я.

Оба мужчины удивлённо переглянулись, затем посмотрели на меня:

– Разве твоя кровь тебе не сказала?

Некоторое время я в недоумении глядел то на одного, то на другого. Потом всё-таки собрался с мыслями:

– Простите, я погорячился. Просто дорога сложная, – я говорил и в то же время отчаянно пытался вспомнить, где мог раньше встретиться со своими собеседниками. Никаких идей на ум не приходило. – Но я всё равно ничего не понимаю. И нет. Кровь мне ничего не сказала.

– Жаль... – вздохнул худой. – Придётся тебе многое объяснять. Но не сейчас. У нас с Томбом много дел.

– Значит, вашего друга зовут Томб. Моё имя, почему-то, вы уже знаете. А вас-то как величать?

– Меня зовут Риоллиос Сороковой.

– Вот и познакомились, – без особого оптимизма сказал я. Тис как шёл рядом молча, так и шёл. Кажется, его наш разговор совсем не интересовал. Или он просто не подавал виду, что интересует.

Ещё несколько минут пути, и мы стояли у порога невысокого дома с прилегающей конюшней.

– Ну вот и пришли, – сообщил радостную весть Риоллиос. – Машину можете ставить возле конюшни. Она никому там мешать не будет. Хозяйка дома вас накормит и разместит в комнаты. Отдыхайте, набирайтесь сил. Сейчас нам дорога любая помощь. Тем более – ваша. Если есть какие-то вопросы, а они, разумеется, есть – можете задавать их нам. Только позже. Слишком много дел ещё нужно успеть. Завтра в первой половине дня нас с Томбом можно будет найти в центральной библиотеке. Где потом – трудно сказать… В общем, очень рады вас здесь видеть. До встречи.

– Да, очень рады видеть, – вставил Томб, – несмотря ни на что, очень рады…

На этой дружелюбной и совсем непонятной ноте мы распрощались. И лишь спустя час, за ужином, я вспомнил, где их видел. Это именно те два путешественника, с которыми у нас была стычка ещё тогда, в самом начале путешествия в Руины Неизвестного города. Они назвались бастонцами. Запудрить нам мозги хотели? Что ж, это им удалось. Ох и отделал я тогда Томба. Неловко как-то… И Кич ему ещё в пузо камнем метнул из рогатки. А Брок Риоллиосу усыпляющий приём провёл. Наш первый серьёзный бой. Кто бы мог подумать, что мы с ними встретимся ещё раз? И уж что совсем маловероятно – в этом громадном, расположенном в жерле застывшего вулкана городе.

Хозяйка дома Килфа, пожилая женщина-прим с серебристой шерстью, была более разговорчивой. Но ничего полезного кроме общих сведений о

городе из неё выудить не получалось. Ей, кажется, на происходящие вокруг события дела мало. Главное, чтобы постояльцы были. Желательно – с деньгами. Кстати, с нас ничего не требуется. Риоллиос, честь ему и хвала, заплатил за наше проживание на месяц вперёд. Я бы удивился этому, конечно, если бы хоть что-то понимал. А так, заплатил и заплатил. Значит, так надо и всё.

Про Стальню я знал лишь общие сведения. Расположена в умершем вулкане. Развитый город. Самое лучшее оружие производят. И всё, пожалуй. Поэтому сведения, любезно предоставленные Килфой во время дружелюбной беседы, были очень ценны.

Стальня – многотысячелетний город. Он вырос из небольшого кузнечного поселения Сталь близ потухшего Вулкана Обречённых. Руда, добываемая из его недр, обладала невероятно редкими полезными свойствами и ценилась оружейниками по всему Главному материку. Но умением её обрабатывать мог похвастаться далеко не каждый. Этот секрет хранился кузнецами Стали в строжайшей тайне. Многие мастера из других городов приходили к ним в надежде постичь секреты обработки. Подавляющее большинство уходило ни с чем. Лишь немногие, дав клятву хранить секрет и не выносить его за стены посёлка, были обучены. Не секрет, что твёрдую как алмаз руду невозможно обработать без магической помощи. В посёлке жили маги, выполняющие эту задачу. Многие из них были кузнецами.

С годами Сталь разрастался. Всё больше жаждущих постичь тайны обработки становились его жителями. Наивно полагать, что не нашлось желающих силой отобрать все достижения и заслуги честного и кропотливого труда. Постоянные набеги бандитов не давали покоя. И чем больше разрастался посёлок, тем больше набегов совершалось. Всё сложней было обороняться. Не успевали отстроить разрушенную стену, как налётчики прорывали её в другом месте. И, казалось, конца такому неблагоприятному положению вещей не будет. Имя предложившего решение проблемы было утеряно в веках. Зато результат его предложения жив и поныне. Зачем каждый раз отстраивать стены, когда можно поселиться в стенах, практически не способных быть разрушенными? Кратер вулкана – отличное место для основания нового поселения. Хороший доступ солнечного света внутри делает этот вариант вполне выполнимым. И руду можно будет добывать не отходя далеко от дома. А скалистые стены станут отличным укрытием от врагов. Настоящая неприступная крепость!

Случилось именно так, как и предполагалось. Переместившийся в скалу посёлок лишился проблем с налётчиками. Многие из них, кстати, даже боялись подходить близко к вулкану из-за суеверий, впитанных с молоком матери. В нём, как ни как, в древности сжигали разбойников…

Разросшийся с веками город в вулкане получил название Стальня. Многие жители ближайших городов, страдавших от набегов бандитов, в надежде обрести защиту переселились в его неприступные стены. И хоть кузнечное дело и остаётся в Стальне одним из самых важных, много внимания

уделяется и другим ремёслам. Несколько десятилетий назад город пополнился сотнями новых жителей – магами, не принявшими единение волшебства и технологий, навязанных Верховным Магом Тризолусом. Некоторые из них теперь занимают почётные места в Общинном Совете города. От их мнений многое зависит. Даже слишком многое, по мнению Килфы. Но, может быть, это и к лучшему…

Утром мы с Джиной пошли на поиски центральной библиотеки. Бабочка сама вызвалась пойти со мной. Кич остался отдыхать. Брок с Тисом пошли блуждать улицами города. Разведывать что и как. Яр с Бирюком остались близ конюшни. Ещё сразу после расселения я попросил волка следить за нашей повозкой. Что он и делал.

У первого встречного человека я спросил путь. Тот почесал свою лысеющую макушку, развёл плечами, мол, и знать не знает, что у них в городе библиотеки есть. То же произошло и с тремя последующими прохожими. И не скажешь, что они глупо выглядят. Мыслящие как мыслящие. Должны были бы знать дорогу. Не обманул ли нас Риоллиос? Может, это он так отомстил за ту стычку? Но когда она была! Пора бы и забыть.

Нет, не обманул. Один драг-полукровка (впервые вижу драга с шерстью прима по телу) указал путь. Нужно было идти прямо по дороге. Дойти до большого светло-зелёного здания с вывеской «Волшебные травы», повернуть налево, пройти десяток другой дворов, пока не выйдем на широкую улицу с фиолетовыми столбами вдоль дороги. Эти столбы для удобства путешественников. Чего душой кривить, и для удобства горожан тоже. Каждый цвет отвечает маршруту дороги. Потом полукровка протянул нам сложенную вчетверо карту, которыми, как выяснилось, он торгует (рядом серел в тени дома незамеченный раньше прилавок) и сообщил, что без неё всё равно потеряемся. Цену заломил, конечно, непомерную… Ладно, главное, что объяснил, как пользоваться.

Приблизительно через час мы подходили к светло-розовым колоннам входа в библиотеку. Я обратил внимание на странную угловато-приземистую архитектуру здешних зданий. Цвета преобладали светлые, в основном розовые или голубые. Светало здесь позже, чем обычно. А когда поднимал голову к небу – чувствовал себя мелким тараканом, попавшим в громадную для него ванну мыслящего. Вокруг города возвышалась скалистая оболочка выеденного столетиями вулкана.

Джина всё это время молча шла рядом. Разговор завести я не пытался. Захочет, сама заговорит. Не захотела…

Громадный холл с многочисленными рядами высоченных полок. Повсюду: книги, свитки и ещё раз книги. Древней подшивки, современной. Из всех существующих в природе видов бумаги. Что меня удивило больше всего – в зале не было посетителей. Мы долго блуждали книжными лабиринтами, пока встретили первого мыслящего – разодетого в странную фиолетовую одежду карла. Его и без того большие глаза под гнутыми линзами очков казались просто гигантскими. Розовая шерсть торчала из под одежды

отовсюду, где только возможно. Весьма комично он выглядел, как на мой взгляд. Карл самозабвенно вчитывался в какой-то фолиант с толстенной кожаной обложкой. Джина спросила (от чего он вздрогнул) не знает ли, где мы можем найти Риоллиоса или Томба. Коротышка только плечами развёл, выпятив вперёд толстую нижнюю губу. Почему-то мне сделалось в равной степени и смешно и грустно. Желание спрашивать его что-либо у меня отпало. У Джины, должно быть, тоже. Попросив прощения, что отвлекли, мы продолжили поиски.

Довольно много времени прошло, пока мы наткнулись на следующего мыслящего. Благо, это был именно тот, кто нам нужен. Томб. Он сидел за небольшим столом у стены, перелистывал толстую книгу. На мои оклики он отвлекся от неё и удостоил недовольным, даже сердитым выражением лица занятого человека, оторванного от важных дел. Он что до сих пор обижается?

– Простите, что побеспокоили… – начала заходить издалека Джина.

– Я сейчас занят, – всё с той же физиономией отвечал Томб.

– Тут такая библиотека большая, заблудиться – запросто, – продолжала тактический разговор Бабочка.

– Ничего сложного. Тут всего один главный ход. Остальные – вспомогательные. Все к нему ведут. Это вы от непривычки так решили, – кажется, он начал смягчаться.

– Я бы не запомнила. Без вас только и терялась бы… – Джина многозначительно улыбнулась.

– Да ладно… – краска смущения выступила и тут же исчезла с лица Томба. А он тёртый калач.

– Нет, правда. Я без сильного, начитанного мужчины пропала бы…

– Вы говорили, что можно задавать вопросы. Нам, если честно, вообще ничего не ясно! – колом встрял я в их воркование.

– Я вам ничего не говорил. Это Риоллиос говорил, он сейчас где-то здесь бродит, – его смягчившееся было лицо опять налилось важностью и недовольством. – У меня своих дел предостаточно. Не далёк тот час, как нападут полчища техномонстров, а мне тут прохлаждаться, видите ли, нужно, справки раздавать каждому желающему!

Техномонстры нападут?! Мне это совсем-совсем не нравится…

– Простите, пожалуйста, мы не хотели вас отвлекать от важных занятий, – когда Джина успела подойти к его столу? Как бы невзначай, она прикоснулась к руке и заговорила чуть ли не задевая своими губами его ухо (она что, назло мне это делает?). – Такой солидный и сильный мужчина, постоянно занят… Как я вам сочувствую: совсем нет времени расслабиться, отвлечься от вечных серьёзных дел…

– Ну… Вообще-то, если подумать, я действительно сегодня много работал…

– Правда? – нависла всеми прелестями над Томбом Джина.

– П-правда… – сглотнул похотливую слюну толстяк, пожирая взглядом выпирающий верх груди из под тугой чёрной кожаной блузки.

– Это так замечательно! Ведь правда, Дрим? – с мастерски наигранным ликованием спросила Бабочка.

Я пробурчал в ответ что-то невнятное.

– Томб, вы говорили про техномонстров. Неужели всё так плохо?

– Увы, да, – вздохнул он, не переставая пялиться на грудь. – Боюсь, нападение на Стальню неизбежно. Большинство врагов Тризолуса – маги, отказавшиеся ему подчиняться. Большинство из них живут здесь. По всему Материку есть многие другие, но они – одиночки, не способные оказать серьёзное сопротивление. Мы, можно сказать, единственный ненужный колышек в отлаженном механизме его злых планов…

– Тризолус… – задумчиво повторила Джина. – Никогда не слышала…

– Как?! – выпучил глаза Томб. – Ты никогда не слышала имени Верховного Мага королевства Техмаг?

– Не припоминаю…

– Это настоящий тиран, монстр в обличие человека! – вспылил Томб. – Предатель! Он изменил идеалам чистой магии! Смешал её с шестернями и паровыми котлами! Но хуже всего – он применил все свои знания на сотворение чудовищных механизмов. Техномонстров! Полумагических, полутехнических существ с заточёнными внутри душами умерших зверей. Страшные создания. Безоговорочно послушные. Запредельно кровожадные. На протяжении десятков лет он создавал целую армию. Тысячи. Десятки тысяч! Или даже сотни… Масштабы его амбиций не имеют границ.

– На нашем пути встретилось несколько, – решил похвастаться я. – Теперь от них осталась только груда металла…

– Какими они были?

– Все на четырёх лапах с орудийными башнями на панцирях. Свистели паром, – менее оптимистично добавил я. – Один из них оторвал руку нашего друга…

– Четыреноги. Это основная боевая единица его армии. Вам вообще повезло, что остались в живых. А другу – так подавно. Пленных они брать не умеют. Но вы ещё не знаете, на что способны другие. Думаю, встреча с мечником или поджигателем для любого из нас в подавляющем большинстве случаев может оказаться последней в жизни. Кстати, – Томб встал из-за стола и подошёл к одной из полок. Порылся в кипе книг и вытянул одну. Протянул Джине. – Здесь собраны описания всех известных нам техномонстров. И их предполагаемые слабые места. Изучите наизусть. Это вопрос жизни и смерти.

– А откуда у вас такие сведения? – листая книгу, спросила Бабочка.

– Некоторые маги ушли сразу. Но многие – остались. Кому надо перечить Верховному? Они приняли его техномагические нововведения. Даже помогали строить техномонстров... – говоря это, он задумался на некоторое время, потом спохватился и продолжил. – Но с первыми испытаниями на приговорённых к смерти преступниках всё стало ясно – механизмы строятся отнюдь не для добрых, оборонительных целей. Слишком много агрессии, слишком много зла. Отказавшиеся продолжать подчиняться приказам

Тризолуса маги бежали из королевства. Лишь немногим удалось уйти от расправы со стороны своих же творений.

– Вы так говорите, словно были там… – на этот раз Джина не кривила душой, её слова были пропитаны неподдельным интересом и… восхищением.

– Да, я был одним из многих жителей Магаррана, оставшихся после нововведений, побоявшихся сразу отречься от заведомо ложных, вредных идей. Хотя, мне тогда они и не казались такими уж плохими. Сейчас, конечно же, я понимаю свою ошибку…

– Ваш друг назвал меня Дрим Тринадцатый и сказал, что вы давно нас ждёте. Этому вообще есть логическое объяснение? – задал я терзавший всё это время вопрос.

Томб перестал разглядывать ослепительную улыбку Джины и посмотрел на меня.

– Всему есть логическое объяснение. Даже магия подчиняется своим законам.

– Ну?

– Магическое существо внутри нашего прорицателя Корпаруса Третьего сообщило о вашем прибытии. Вообще, если ты ещё не заметил, не мы управляем своей судьбой. Мы лишь орудие. Пешки в партии потусторонних сил. Они решили, что ты должен быть здесь. И всё. Ты будешь. Как видишь, так и случилось.

– В этом есть какой-то смысл… Хотя, мне не очень приятно осознавать себя пешкой. Но я уже слышал подобные слова от другого человека. Мага Алерадуса. Не слышали о таком?

– Это будет ответом на начало твоего вопроса. Алерадус Двенадцатый был великим магом. Будучи главным советником Тризолуса, он первым отказался от техномагических введений. Кто знает, может быть, этот отказ имел огромное влияние на других магов. И без него они бы остались верны правителю, готовящемуся силой захватить весь Главный Материк. Так уж вышло, что тебе выпала честь продолжить его дело. Ты преемник его крови – Дрим Тринадцатый. Я удивляюсь, как это ты ещё об этом не знаешь. Твоя кровь давно уже должна была тебе всё рассказать.

– Видимо, она у меня стеснительная. Сколько времени она во мне, а я только недавно научился стрелять огнём.

– Стрелять огнём?! Многие маги десятки лет ждут этой способности!

– Это хорошо или плохо?

Томб не ответил, а лишь посмотрел на меня с укоризной, мол, чего глупые вопросы задаёшь?

– А почему я Тринадцатый? У вас было двенадцать Дримов до меня?

– Нет. Исчислительные имена даются всем магам по количеству тел, в которых жило их потустороннее существо. Алерадус был двенадцатым его обладателем. А ты, следовательно, тринадцатый. Понятно?

– Так это выходит, магическая кровь твоего друга Риоллиоса была до него в тридцати девяти телах?

– Да, и это далеко не предел. Бывают случаи, хоть и редко, когда кровь сменяет до нескольких сотен носителей до того, как вернуться.

– Вернуться?

– Ты что, вообще ничего не знаешь?

– Нет, – без намёка на смущение ответил я. – Все книги по магии, которые прочёл, ни строчкой об этом не сообщают.

– А где ты покупал свои книги?

– В Саре.

– Можешь выкинуть их в топку своей паровой машины. Хорошие книги только в Техмаге или у нас, в Стальне.

– Это я уже понял… Мы, если не ошибаюсь, говорили об…

– Ах да, магическая кровь. Ты ведь знаешь, что она – потустороннее существо, живущее в нас. Существо приходит из своего мира и через некоторый промежуток времени возвращается в него обратно. Почему это происходит? Увы, если и есть ответ на этот вопрос, мы его не знаем. Не всё вечно в нашем мире, должно быть. Не то, что в потустороннем…

Томб вздрогнул, словно что-то вспомнил, посмотрел на настольные часы и с досадой покачал головой:

– Всё, уже четверть третьего. Заговорился я с вами. Мне придётся как следует напрячься, чтобы успеть выполнить запланированное. Не знаю, есть ли ещё Риоллиос в библиотеке. Он бы ответил на другие ваши вопросы. Можете его здесь поискать. А я прошу простить, но за меня это никто не сделает, – с этими словами он уселся за свои книги.

Я просто не мог уйти, не задав ему этот вопрос:

– Томб, скажите, это не с вами и Риоллиосом мы столкнулись близ Пашней? Давно было, конечно…

– Да, именно с нами. А что?

– Извините, пожалуйста, мне так неловко. Если бы я знал…

– То не распустил бы руки?

– Да…

– Мой мальчик, нам бы совсем не составило большого труда отделать тебя и твоих друзей по первому разряду. Думаешь, все твои удары имели бы тот же эффект, примени я против тебя боевую магию?

– Но, если разобраться, это ведь вы на нас напали.

– Поэтому с вами ничего плохого и не случилось.

– Тогда почему вы на нас напали?

– Так было надо.

– Я не понимаю…

– Кровь приказала, – всё раздражительней говорил Томб. – Другого объяснения нет. Да оно и не нужно. Всё. До встречи. Завтра утром не уходите из дома.

На этом и разошлись. Для успокоения совести, мы с Джиной побродили по библиотеке ещё немного в поисках Риоллиоса. Как и предполагали, его не нашли. И ничего страшного, ведь всё, что нам было нужно знать, мы уже

знали. А разжёвывать известное можно сколько угодно, но не обязательно. Лично с меня и этой информации на сегодня хватит.

Я хотел взять какую-нибудь книгу по магии, так сильно нахваленную Томбом. Но среди длинных полок не нашёл и одной. Только исторические летописи и философские трактаты. Да ну их!

На улице светило обеденное солнце. Очень большой контраст. За пределами стен-вулкана Стальни лютовал мороз. А в самом городе была вполне терпимая погода. Как ранней весной в Пашнях. Словно в теплице: свет попадает, а холодные ветры обходят стороной.

Хорошо, что карту купили. Даже боюсь подумать, сколько недель без неё мы бы бродили по улицам этого громадного города стали и магии. Он чем-то напомнил мне Сар. В нём не было таких высоких зданий, но атмосфера, наполнявшая воздух, была похожей. Быстрый, деловой ритм ощущался во всём: и в скорых потоках мыслящих, и в проносящихся на мимо повозках всех возможных размеров и конструкций, и в ни на секунду не прекращающихся звоне, лязге, гуле, доносящихся из нагло втесавшихся в жилые массивы кузниц.

Как бы невзначай, Джина заговорила о городе. В этом ей гораздо уютней, чем в свихнувшейся от своего невежества Линтирфе. Кстати, мне, кажется, там очень понравилось… Я сообщил, что да, понравилось, да и тут тоже неплохо. Последовал вопрос, которого я и ждал. Но одно дело ждать, а другое – получить его прямо в лоб. Что я испытываю сейчас к той женщине, с которой провёл несколько ночей? Да, она красива, но красоты ведь для меня должно быть мало… Хочу ли я вернуться к ней? Собравшись с мыслями я попытался соврать, мол, нет, не чувствую к ней никакой привязанности и всё такое. Но Бабочку так просто обмануть не удалось. Она потребовала полной искренности. Ведь, в конце концов, мы только друзья… Пришлось говорить правду. Да, всё это время я скучал по Нуо Бао. И сейчас скучаю. Но не как по человеку, с которым хочу провести свою жизнь. Я скучаю по тому проведённому с ней времени, которое никогда (а я знаю это точно) больше не повторится. У неё есть муж, которого любит. Хотя, для меня это не помеха. Но, надумай я поселиться в их городе, со временем стал бы бесплодным. А этим жертвовать не намерен ни при каких обстоятельствах…

Не знаю, была ли Джина удовлетворена расспросом, но остаток дня она провела не избегая моей компании. До поздней ночи мы, вместе с остальными, изучали врученную Томбом книгу про техномонстров.

В истории возникновения ничего нового для себя я не почерпнул. Сегодня это уже слышал. А вот наглядное описание семи основных видов механизмов были неоценимо полезны.

Для меня навсегда останется дикостью осознавать тот факт, что в каждом механизме заточена душа свирепого животного. В основном слопра, дигра или медведя. Душа крысона тоже встречается, но только у определённых видов. Вообще, само существование подобных машин меня вводит в интеллектуальный стопор. Как такое возможно построить? А тут ещё души из

потустороннего мира повыдёргивали и в них запихнули. Нет, не могу поверить, хотя знаю, что так оно и есть. От подобных размышлений начинает очень сильно болеть голова. Нужно просто принять как данность. Каким бы сумасшедшим и злым Тризолус не был, это не избавляет его от звания «гений»… Не очень-то я и рад оказаться на его пути. А, как это уже стало понятно, моя магическая кровь просто так не отпустит. Будет толкать, натаскивать, травить меня на него. Как бы это не было печально, но наша встреча неизбежна. От осознания этого мне становится жутко.

Самый распространённый вид, как мы сегодня уже выяснили, – четыреног. При сохранении основной конструкции, он бывает разных модификаций. От медленной модели утяжелённой бронёй и крупным калибром снарядов, до быстрой, насколько возможно облегчённой. Также у разных моделей присутствуют различные системы отвода газа. У более ранних, предназначенных для ведения боя в открытых местностях, труба отвода находится на верхней части бронированного панциря и направлена перпендикулярно земле. У более поздних моделей, меньших по габаритам, труба находится в задней части панциря и расположена параллельно. Они способны вести бой в более ограниченных пространствах, чем свои предшественники. Глазная линза установлена над дулом орудия – для предельно-точной стрельбы. Если конструкция не поменялась, то аметистовый кристалл с заточённой душой внутри, находится в правой передней части панциря. Спереди броня толще. Чтобы добраться до кристалла, нужно наносить удар сбоку. Брюхо панциря наименее бронированная часть.

Поджигатель – страшный механизм, способный сеять смерть и разрушение в крупных масштабах. Размерами он чуть больше четыренога. В отличие от него, передвигается на четырёх бронированных колёсах. Толстый панцирь имеет куполообразную форму. Глазная линза, как и у прошлого, расположена над выходным утолщённым дулом орудия. Отводная труба находится в задней части корпуса. Известны два вида поджигателей в зависимости от используемого оружия. Плюющие огнём – обычно они имеют красную раскраску корпуса. И плюющие кислотой – выкрашенные зелёным цветом. Под толстой укреплённой обшивкой панциря находятся цистерны с боевым топливом. Оживляющий кристалл расположен в нижней центральной части механизма, в близости от парового двигателя.

Самым элитным и опасным техномонстром ближнего боя заслуженно считается мечник. Передвигается он на четырёх трехсуставчатых конечностях. Корпус яйцеобразный, с четырьмя торчащими из него кольцеобразными рукощупальцами, увенчанными острыми лезвиями. Даже страшно себе представить, какой вред способны причинять эти длинные, изгибающиеся конечности. В отличие от других механизмов, в мечников вселяют души чёрных волков, что наделяет их лютым интеллектом и делает очень грозными противниками. По всему корпусу расположено четыре автономных набора глазных линз. Аметистовый кристалл расположен в самом центре панциря. Короткая, уплотнённая трубка отвода газов увенчивает верх корпуса.

Стенобур – механизм с душой крысона. Его главная цель: бить ворота и прорывать дыры в стенах. Но, после выполнения основной задачи, он никогда не упустит возможности напасть на врага. Механизм продолговатой цилиндрической формы, передвигающийся двумя десятками наборов мелких лап. Благодаря разбитию тела на отдельные секции, он способен изгибаться подобно сколопендре. Главный внушающих страх размеров вращающийся бур находится в голове механизма. Каждая секция корпуса окольцована сотнями вращающихся остроконечных зубьев. Глазная линза находятся в верхнем углу головной секции. Аметистовый кристалл расположен также в голове. По всей длине тела расположены три автономно работающих паровых двигателя. Благодаря этому стенобур способен функционировать даже при потере двух третьих своего тела. Отвод газов совершается через трубу в задней части корпуса.

Не менее страшный и свирепый магомеханический монстр – Секатор. Продолговатый, высотой не выше человеческого пояса, он предназначен для ведения боя в ограниченном пространстве. Благодаря передним лапам-ковшам способен делать подкопы. Незаменим для нанесения сокрушительного удара по морали солдат и жителей осаждённого города. Главное оружие секатора – острые передние жвала, способные лишь одним смыканием прекратить существование любого живого существа. Передвигается с помощью передних лап и трёх пар вспомогательных. Отводная труба находится в нижней задней части панциря. Две глазные линзы расположены чуть выше каждого из жвал. Жизненный кристалл находится в центральной части панциря.

Следующий техномонстр – взрыватель. Хотя, техномонстром его назвать весьма сложно. Он очень похож на небольших размеров паровую повозку. Но внутри салона вместо пассажиров он возит цистерну взрывчатого вещества. По первому же приказанию механизм мчится в нужное место и уничтожает себя и окружающих сильным взрывом. Такую дрянь близко к толпе мыслящих подпустить и в страшном сне не хочется. Глазная линза находится в нижней передней части механизма. Аметистовый кристалл с душой крысона расположен недалеко вглубь от неё. Отводная труба размещена в передней части корпуса перпендикулярно земле.

И последняя из боевых единиц армии Тризолуса, описанных в книге, – Жнец. Основная часть конструкции ничем не отличается от взрывателя. Но вместо цистерны с взрывчатым веществом предвещая смерть торчит двойная заострённая лопасть. Не трудно догадаться, что она приходит в движение. Тупое механическое существо. Оно жаждет лишь собирать кровавый урожай…

В общем, главный принцип борьбы с техномонстрами ясен. Нужно выводить из строя их жизненно-необходимые органы. Как бы при этом самому не быть выведенным из строя…

После изучения этой книги мы долго совещались. Вообще, зачем мы должны оставаться в городе, когда на него вскоре будет совершено нападение армией смертоносных машин? Это противоречит любому проявлению

здравого смысла. И пусть предсмертная просьба Алерадуса была добраться до Стальни. Про то, чтобы в ней умереть он ничего не говорил. Мы ведь выполнили его волю, в конце концов! Хотя, кого тут обманывать? Умирающий маг указал нам лишь на очередную ступеньку пути. Следующую нам указали Томб с Риоллиосом. Не зря ведь именно они нам встретились на пути в Руины? Неприятно было узнать, что нами играют как бездумными куклами. Куда приведёт эта игра? И можем ли мы из неё выйти? А почему бы и нет? Сесть в повозку и уехать куда-нибудь подальше. В тот же Сар или Пашни, на худой конец. Да куда угодно, лишь бы прочь от полчищ механических чудовищ!

Решили выслушать мнение каждого. Как это ни странно, за то, чтобы повернуть назад не высказался никто. Сошлись на мнении, что каждый поступит так, как прикажет их лидер, то есть я. Из всех только Кич был категоричен. Он уже успел набраться сил с момента своего ранения и рвался поквитаться за него с каждым подвернувшимся под его уцелевшие три руки техномонстром. От былого шутливого Кича не осталось и следа. Серьёзный, молчаливый, сам себе на уме. Не знаю даже, каким он мне нравится больше.

Тяжёлое бремя непростого решения было любезно взвалено на мои плечи. Что ж, такова цена лидерства. Пришлось пораскинуть мозгами. Вообще-то, наша компания ни что иное, как сборище не обременённых сторонними заботами мыслящих. Разве кто-то ждёт Тиса домой? Его семья мертва. Путешествие с нами – для него единственный способ не свихнуться от мыслей о них. А Джина? Бывшая воровка, с огромной радостью готовая забыть о своём прошлом. И мы даём ей такую возможность. Бирюк? Волки гордые, одинокие существа. Они почти никогда не впускают в свою жизнь других мыслящих. Но если подобное произошло, можно сказать с уверенностью – это навсегда. Единственный друг Бирюка мёртв. В его заледеневшем сердце есть место только для мести. А наш путь приведёт к убийце. Я в это почему-то непоколебимо верю. Магическая кровь, должно быть, подсказывает. Но самое странное, волк тоже в это верит. Может ли быть между нами какая-то неведомая связь? Или просто моя убеждённость так безоговорочно вселяет в него уверенность? Яр? Про него говорить даже не стоит. Насколько понимаю, он наш потусторонний ангел-хранитель или что-то вроде того. И под конец, Брок, Кич и я – детки зажиточных крестьян маленького городишки Пашни. Кем мы были в городе? Тенью своих родителей. Сколь бы я не был зол на своего отца, он всё равно нашёл себя в этой жизни, достиг того, чего хотел. А я? А мы все? Мы ничего полностью своего не создали и, увы, оставшись в Пашнях, не смогли бы создать. У нас совсем другие взгляды, совсем другие надежды. Нам тесно в клетках отцовских забот… Вот главная причина, почему отправились в это путешествие. Доказать себе что чего-то да стоим. Поиск приключений – лишь один из приглянувшихся способов самореализации, не больше того. Повернув назад сейчас, мы ни чем не будем лучше испугавшегося трудностей Лорка…

Мы остаёмся в Стальне!

Утром нас посетил Риоллиос. Он не был многословен. Лишь поприветствовал и позвал за собой. Всех. Волка и перевертыша это тоже касалось.

Спустя некоторое время блужданий суетливыми улицами, мы вошли в ворота тренировочного боевого полигона. Почему я решил, что он боевой? Стоит только взглянуть на всех тех мыслящих, оттачивающих мастерство владения всеми видами оружия и магии, и сразу ясно станет.

Риоллиос отвёл нас на свободную площадку и принялся читать лекцию о ведении боя с техномонстрами. Как нам уже известно из книги, у всех них есть общие уязвимые места: глазные линзы и трубы отвода, расположенные снаружи корпуса. Именно они наша первичная цель. Но, выведя, допустим, из строя глазные линзы, не стоит особо радоваться. Техномонстр продолжает бороться вслепую. Можно уничтожить врага закупорив ему трубу отвода, но это очень и очень трудно выполнимая задача. Лучше всего повредить аметистовый кристалл. А чем и как это делается – именно та задача, которой мы должны будем обучиться в кратчайшие сроки. Но прежде чем начнём обучение, нужно узнать, на что каждый из нас способен.

Махать клинками и кулаками, умело орудовать зубами и когтями каждый уважающий себя путешественник должен. А мы, как Риоллиос в этом убедился, себя уважаем. Увидев в могучих руках Брока не менее могучий пернач (он нёс его всё это время завёрнутым в овечью шкуру), маг был сильно поражён. Мол, эти лапы только душить способны (явно с намёком на прошлую стычку говорил), а не такое могущественное оружие сжимать. Узнав, что люрт не умеет вызывать магическую силу своего пернача, Риоллиос не смог сдержать смех. Мысль о том, что волшебное оружие использовалось как обычное его крайне забавляла. Успокоившись, он пообещал научить им пользоваться. Даже у такого неотесанного детины как Брок это получится.

Пришёл мой черёд показывать свои магические умения. Без особого труда я спалил деревянный макет четыренога. Думал, последует похвала, но получил нагоняй. Мол, слишком долго вызывал. За это время техномонстр уже давно бы распорол меня как разделочный нож рыбу. Далее, вперемешку с ругательствами, последовали советы как улучшить своё умение.

Тем утром началось наше сложное, жёсткое, выматывающее все духовные и физические силы, но невероятно полезное обучение боевому мастерству лучшими мастерами города Стальня.

Город готовился к нападению.

Глава 17: ***Рок***

В ночном небе загорелась ещё одна звезда. Она выделялась своей краснотой и размерами. Но самое странное, она не стояла на месте. Летела, оставляя за собой тусклый, быстро гаснущий след. И не было в ней ничего умиротворяющего, успокаивающего, характерного всем другим звёздам неба.

Что-то пугающее, тревожное. Гнетущее. Словно занесённый нож гильотины, она вздымалась над Главным Материком. И вот-вот чья-то рука дёрнет спусковой механизм…

Исполинские механические крылья резали воздух. Тризолус вглядывался в бледно-освещённую прожекторами даль небес. Смертоптица несла его в своём техномагическом чреве. С заточённой в аметистовом кристалле душой грифона, она была одним из лучших творений Верховного Мага.

Прошли те времена, когда Тризолус доверял живой плоти. Она слаба. Не самое лучшее место для вместилища сильной души…

В это путешествие он взял с собой сыновей. Рира и Лароуса. Оба, изредка шипя паром, стояли позади него.

Тризолус всю свою жизнь посвятил созданию техномонстров. Его одержимость не имела границ. И уж тем более не имели границ его замыслы. На старости лет он всерьёз задумался о своих достижениях. И о недостигнутом. Столь великим планам не осуществиться в мизерные сроки человеческой жизни. Вначале он думал о перерождении в тело техномонстра. Но эти мысли отпали сами собой по ряду случившихся причин.

У Верховоного Мага было трое детей от могущественной ведьмы Ирты. Два сына-близнеца Рир и Лароус и красавица-дочь Кора. Видимо, богам нравился союз двух сильных магов. Стоит ли говорить, что понятия зла и добра совсем другие в потустороннем мире? Если они вообще присутствуют. Бог поступает так, как посчитает нужным. И если это способно привести к сотням тысяч смертей простых мыслящих, ну и что? Спайкниф и глазом не моргнул, практически уничтожив всю расу примов. Создавая драгов, Геллиза не задумалась о том, что первые вылупившиеся существа не лишатся своей звериной сущности. Десятки близлежащих поселений подверглись нападениям безжалостных громадных ящеров. Сколько мыслящих погибало до тех пор, пока сознание драгов переросло животную суть? Страшно даже думать об этом… А чего только стоят развлечения Летуна? Этот бог большой любитель прохлады. Раз в три сотни лет он приходит в наш мир насладиться нежной для него лаской ледяных ветров. Вызывая на себя их дуновение, он совсем не задумывается о том ужасе и разрухе, наносимой поселениям мыслящих чудовищной силы ураганами. Стоит ли вспоминать о любови богини морей Водрусы к гигантским жемчужинам? Как только богиня находит одну из них, начинает рыдать от счастья. Её солёные слёзы выталкивают воду из берегов, приводя к громадному ущербу приморских городов. И нечего удивляться, что потусторонние боги решили подарить детям Тризолуса и Ирты дар волшебной крови. При чём – всем трём. Подобного случая в семьях магов ещё не происходило. Если из десяти детей один рождался с магической кровью, значит, родителям невероятно повезло.

Отцовские инстинкты Тризолуса давно утонули в смердящем болоте его одержимости. Если они вообще когда-либо были. Дети являлись лишь средством достижения цели, не больше того. Соединённые кровными узами помощники. Сильные маги, чьё вымуштрованное им же мастерство будет

служить общему делу. Будущие генералы его армии. Такими он видел детей. Но мало того: такими видели себя и они. И их мать. Редкий случай столь дружной семьи…

Но размышления о вечной жизни привели Тризолуса к чудовищному поступку. Прежде чем совершить над собой задуманное, он решил испытать замысел на детях. Всё казалось просчитанным до мелочей. Ошибке места не было. Тем более, вечно-живущему правителю нужны будут верные вечно-живущие помощники. Лучшую кандидатуру и не придумаешь. Но могли не понять, не согласиться. Они ведь ещё слишком молоды и глупы. Куда им до размышлений о продлении жизни? Втайне от всех он создал три механических тела, подобные человеческим. И одной ничем не примечательной ночью убил во сне своих детей. Слил их магическую кровь в сосуды. Не теряя лишнего времени, заботливый отец принялся вызывать их души. Сыновей заточить в аметистовые кристаллы удалось. А с дочкой Корой вышла накладка, которой не должно было случиться. По неизвестным причинам, её душа застряла в пространстве между нашим и потусторонним миром. Обречённая на вечные страдания. Захлёбываясь от собственной ненависти к убившему её отцу. Уж лучше стать пищей потусторонних обитателей, чем это…

Проснувшаяся от тревожного чувства Ирта поспешила в спальню дочери. Окровавленное тело. Иссушенное, обезображенное страхом и непониманием. Холодное и белое. С растрёпанными по белым простыням волосами. Оно было совсем не похоже на ту красавицу, от которой сходили с ума все ученики её отца. Сыновья. В их покоях тоже не было места жизни. Кровь внутри вскипела. Потребовала мести.

Ирта побежала к мужу: рассказать о чудовищной трагедии. В его опочивальне было пусто. Побежала в кабинет. У двери путь преградили два охранника. Хозяин очень занят, просил совсем никого не впускать. Зря они это сказали. Не прошло и секунды, как их кожа сорвалась с мышц. Страшная смерть…

Войдя в кабинет, Ирта увидела то, чего совсем не намеревалась увидеть. Тризолус вздрогнул и обернулся на звук отворившейся двери. Его руки сжимали полупустой сосуд с красной жидкостью внутри. Он вливал её в воронку, торчащую из бока человекоподобного механизма. Размерами механизм значительно превосходил средний человеческий. Шарнирные руки и ноги, рифлёный грудной панцирь и небольшой нарост над ним с двумя глазными линзами. Рядом стояло ещё два таких же.

Долив содержимое сосуда в воронку, Тризолус заговорил слегка расстроенным голосом:

– Ещё не всё. Сейчас они могут только видеть и слышать. На симбиоз кристалла с телом нужно время. Кору вернуть не удалось. Жаль…

С нарастающим ужасом в душе Ирта переваривала сказанное.

– Ты подлый детоубийца! – только и выкрикнула она, выпустив в мужа огненный шар.

Тризолус тут же рассеял его ледяным ветром.

– Так было нужно. Ради нашего же блага, – сообщил он.

– Ты умрёшь! – завопила Ирта, вызвав огненного элементаля. – Ты сдохнешь! Сдохнешь, как червь! Я скормлю твое тело диким бобросам!

– Это твой выбор, – без лишних эмоций ответил Тризолус, тут же создав ледяного элементаля.

Бой созданий длился недолго. Лёд таял, вода тушила языки пламени, шипел пар. Словно две столкнувшиеся волны, они распались, исчезли, оставив после себя лишь дымящееся пятно и испаряющуюся лужу. Ирта произнесла заклинание. Тут же её тело начало вытягиваться, утончаться, лицо покрылось чешуёй, рот начал расширяться в пасть, зубы вырастали в клыки, с капающим с кончиков смертоносным ядом. Она превратилась в громадную змею, тут же поползшую на своего врага. Тризолус сделал несколько круговых движений рукой, образовав тем самым перед собой широкую ледяную стену. Загоревшаяся голубым пламенем змея протопила себе проход. Разинув пасть, она начала плевать из всех зубов белёсыми ядовитыми струями. Но струи не долетали до цели. Они исчезали в близости от тела. Маг успел вызвать защитную оболочку. Выпятив руки вперёд, он выпустил сильный порыв ветра. Шипящую, извивающуюся змею подхватило ветром и ударило об стену. На пол упала Ирта уже в человеческом обличии. Словно и не почувствовав столь сильного удара, она выпрямилась и развела руки, в ту же секунду превратившиеся в длинные остроконечные щупальца. Без лишних раздумий она хлестнула щупальцем по мужу. Его защитная оболочка выдержала удар. Затем второй. Третий. Тризолус не спеша шёл к своей возлюбленной. Ещё один удар – оболочка треснула. Острое щупальце разодрало плечо до кости. Даже не вскрикнув от боли, он продолжал идти. Щупальца отрывали от тела куски. Когда он дошёл до жены на человека уже не был похож. Окровавленные кости и обрывки плоти на них. Лишь лицо оставалось нетронутым. Он бы давно умер, если б не магическая кровь. Существо внутри не собиралось возвращаться в потусторонний мир. Изо всех сил оно поддерживало тело носителя. Ирта упала перед ним на колени и зарыдала. Ненависть постепенно покидала её. Жалость, сочувствие и стыд приходили на смену. Ей хотелось вымаливать у Тризолуса прощения, хотелось лечить его раны, хотелось простить его страшный поступок…

Глазными линзами оба сына безмолвно и безучастно наблюдали за всем. Если бы они могли остановить своих родителей! Хотели кричать. Но у них не было ртов. Хотели встать стеной между – не могли пошевелиться. Заточённые в неуклюжие и неподвижные магомеханические тела. Они не могли остановить окровавленные пальцы отца, мёртвой хваткой вцепившиеся в шею задыхающейся матери. Несколько минут – и всё кончено. На полу лежала Ирта. Лишивший её жизни Тризолус уставшей походкой брёл к рабочему столу. Ему нужно было придумать, что делать со своим умирающим телом…

Ещё одна неполадка: когда сыновья смогли пошевелиться, у каждого не сработал говорящий аппарат. В чём причина этого так и не удалось выяснить. До конца своих дней им придётся оставаться немыми.

Металл исполинских крыльев блестел лучами восходящего солнца. Парфлай приказал развести створки посадочной площадки. Пасть Форта Террора принялась медленно раскрываться. Поглощая Смертоптицу в распахнутое техномагическое лоно.

Тризолус терпеть не мог почестей. Кому об этом не знать, как не его приближённым? Был случай: он раскидал магическим вихрем встречавший его в портовом городе Ворране оркестр. Словно опавшие листья, поднятые ветром, музыканты долго кружили в воздухе вперемешку со своими инструментами, пока не повалились на землю. К счастью для них, у Верховного Мага тогда было хорошее настроение. Оркестр отделался разбитыми инструментами, набитыми шишками и ссадинами.

Бок Смертоптицы треснул. Нижняя часть соприкоснулась с полом, образовав трап. Вначале спустился Тризолус. На его голове рубинами блестела корона. Тело, как и всегда, по шею было скрыто багровой мантией. За ним следовали пугающие механические тела сыновей. При виде учителя встречавшие Парфлай и Лимб присели на колено – выявить необходимую меру страха и уважения.

– Где кинжал? – сразу перешёл к главной цели прибытия Верховный Маг.

– Было очень трудно достать, – начал набивать себе цену Лимб. – Представляете, у кого он был…

– Дай его мне, – перебил Тризолус.

– Вот, – Лимб достал из пазухи ножны со сверкающей драгоценными камнями рукоятью. Но вместо того чтобы отдать его учителю, он вынул клинок и произнёс, – посмотрите какая идеальная форма лезвия, какая мастерская работа! Он достоин принадлежать только богу…

– К чему ты клонишь? – поинтересовался маг.

– Богу… Или мне! – выкрикнул Лимб и вонзил кинжал в сердце Тризолуса.

Никто не шелохнулся. Но не от удивления. Любой ученик имел право померяться силами с наставником. Это было неписанное правило: если способен превзойти учителя, то ты достойный преемник престола. Благодаря этому правилу из шестидесяти шести учеников осталось только два: Лимб и Парфлай… Сыновья уже давно не считались таковыми.

Лимб провернул кинжал и вытащил его из тела, дав выход струе тёмной, стареющей крови. Тризолус некоторое время стоял, прожигал ненавистным взглядом довольное лицо драга. Затем качнулся, изо рта потекла кровь. Верховный Маг повалился на пол. По телу под скрывавшей его мантией прошлась предсмертная судорога. Прекратилась.

– Даже не думай, друг мой, – направил клинок на дёрнувшегося Парфлая самопровозглашённый Верховный Маг Лимб. – Ты можешь стать моим помощником, а можешь последовать в потустороннее путешествие следом за этим старым мешком навоза, – говоря это, Лимб пнул тело Тризолуса. – Вас, кстати, меха-сыновья это тоже касается!

Парфлай не ответил, но и не шелохнулся больше. Рир и Лароус, как и раньше, неподвижно стояли на своих местах.

– Надо же какой роковой кинжал! Убил и учителя и ученика – моей рукой! Ах-ха-ха! – разразился диким хохотом Лимб. – Подумать только, я этому ничтожеству сколько лет прислуживал. Где теперь его хвалёная магия? Где теперь его наводящая страх высокая фигура в мантии? Лежит у моих ног как куча ненужного мусора! Пронзил его чёрствое сердце! С этим кинжалом и его армией я – непобедим!

Лимб наклонился к телу учителя. Снял с головы корону, надел на себя. Слегка большевата. Ничего, сейчас и так сойдёт, а позже ювелирные мастера подгонят размер.

– Кстати, всегда хотел заглянуть ему под эту дурацкую накидку, – Лимб лезвием кинжала откинул окровавленный край грубой материи.

Дерзкое лицо драга вмиг приобрело испуг. В ту же секунду полумеханическая-получеловеческая рука схватила за запястье кисти, которой он сжимал кинжал. Лимб взвыл от дикой боли – под напором пальцев Тризолуса кости трескались как сухие ветки. Он выронил кинжал. Вместе с кистью…

Ополоумев от боли, Лимб побежал к краю площадки и прыгнул вниз. Когда бежал – корона спала с головы и со звоном покатилась по полу. К ногам законного хозяина…

Драг не разбился – упал в снежный сугроб. Встал на ноги и побежал проч.

– Нет! – приказал взмывшему в воздух Парфлаю Тризолус, – ты мне нужен. Почини меня. Он сам найдёт свою смерть. Совсем скоро!

Парфлай мог с лёгкостью добить учителя и занять его место. Но этого не сделал. Наоборот – помог восстановиться. В его правилах лишь честные поединки. Бросить вызов Тризолусу – было такое в планах. Но не сейчас. Ещё не время…

Глава 18: ***Провал***

Нам пришлось нелегко. И это ещё мягко сказано. Просыпались ни свет ни заря. Ложились поздней ночью. Большая часть дня проходила на полигоне. Изнурительные тренировки, отработки приёмов, непрерывное фехтование, рукопашная, стрельба и тому подобные важные занятия. Остаток времени мучительно медленно протекал в библиотеке. Меня буквально шпиговали всевозможными книгами по магии. И попробуй только не усвоить урок! Тренеры спуску никому не давали. Моим друзьям тоже не позавидуешь. Отсутствие в их крови магического существа не лишало необходимости штудировать науки. Они должны были досконально изучить теорию выживания. Я, кстати, тоже не был лишён изучения этой премудрости, но в более мягкой мере. Нужно отметить, вполне интересно было узнать, как копать ловушку на слопра при помощи нескольких веток. Из коры некоторых деревьев, оказывается, можно делать отличные верёвки. И добыча влаги в

пустыне, между прочим, не такое уж сложное дело. А ведь даже мудрый Тис не знал этого. Оказывается, самое распространённое и простое на вид растение пустынник способно высасывать из земли воду подобно губке. Стоит проделать в его стволе отверстие, как из него вытечет капля горькой на вкус жидкости. Это, к примеру, и я знал. А вот что, теряя жидкость, растение начинает жадно высасывать своей сложной, распростёртой на несколько сотен метров корневой системой влагу из почвы – не знал никто из нас. Оставь под отверстием в стволе сосуд и, спустя несколько часов, он будет полон неприятной на вкус, но столь необходимой в пустыне жидкостью! И много-много ещё чего, о чём просто лень говорить, так как голова просто раскалывается от вливаемых в неё знаний.

Я овладел основами боевой магии. По крайней мере, хочу в это верить. До углублённых знаний – как до неба, разумеется. Но какие-то понятия в голове отложились. Три главных принципа колдовского боя: выбрать цель, сконцентрироваться на ней, поразить её. При чём, не обязательно целью должно быть какое-то одно существо или мыслящий. Группа тоже вполне сойдёт. Правда, это требует большого мастерства. Трудно уследить сразу за несколькими движущимися противниками и одновременно нанести удар по каждому. Как говорят учителя – это наживное. Мне сейчас главное досконально научиться хотя бы на одном противнике концентрироваться.

Не хотелось бы себя хвалить прежде времени… Но не удержусь: у меня получается! Хоть Риоллиос и твердит постоянно, что я полный желторотик в магическом деле. Но я-то знаю… Главное – не переоценить себя. Ведь одно дело – тупые деревянные макеты палить и с тренировочными элементалями сражаться, а совсем другое – против реального врага выступить.

Как выяснилось, моя магическая кровь склонна к двум стихиям: огню и электричеству. Это хорошо. Вообще магическая кровь – это уже хорошо. И всё равно, к чему у неё склонности. При желании, можно развить любое умение. Вот только каких усилий это будет стоить… тут уж только от упорства обладателя зависит. А при склонности – всё гораздо проще. Это и так понятно. Кстати, я очень сильно пересмотрел отношение к своему дару. Раньше я считал его проклятьем. В тебе сидит что-то чужое, иногда управляет, иногда помогает и всё такое… Но все эти ошибочные рассуждения остались в прошлом. В том времени, когда я ещё не умел раскрыть, понять своих возможностей. Я, сказать по правде, и сейчас их не раскрыл и до конца не осознал. В этом и есть прелесть – до конца дней я буду узнавать что-то новое о своей связи с потусторонним существом. Вечный путь самосовершенствования, продиктованный свыше! Но самое главное – ты ощущаешь своё отличие от других. Даже от магов. Ведь у каждого своя кровь. Неповторимая. Есть общие заклинания, силы, но у каждого они проявляются по-своему. А про отличие от простых мыслящих и говорить не стоит. И так всё ясно. Я уже успел это отметить раньше: в большинстве случаев, узнав, что ты маг, начинают относиться к тебе с большим уважением, но и холодеют как-то, отстраняются. Что ж, это одна из плат за те невероятные возможности,

которыми тебя наделяет потустороннее существо. Я к ней готов. И пусть при моём появлении в таверну посетители будут затихать, провожать взглядами и заспинными перешёптываниями. Мне всё равно. Главное – при подвернувшемся случае быть способным молнию из руки выпустить!

Трудно было поверить, что купленный на рынке Камбалирона пернач – могущественное магическое оружие. Его несколько лет назад похитили из дома овдовевшей жены боевого мага. Кстати, немного времени спустя после этого случая, вдова покинула Стальню не сказав никому и слова куда направляется. Больше о ней никто ничего не слышал. Томб объяснял, почему оружие способно вызывать заклинания, но я вначале так ничего и не понял. Нет, понятно, что прошлый хозяин был убит в бою и кровь вытекла на его оружие. Но как это всё возможно – до меня не доходит. Кровь может жить в жилах живого существа – это более-менее понятно. А вот чтобы засела в куске стали, пусть и самого высокого что только бывает качества, – это даже мой склонный к доверчивости любым безумным идеям и теориям мозг отвергает. Но отвергай не отвергай, а факт остаётся фактом. И когда своими глазами увидел, как при его помощи была вызвана магия, мои сомнения рассеялись.

В зависимости от хозяина, пернач был способен вызывать разные заклинания. Долгое время у Брока ничего не выходило. Как бы он ни пытался – магия упорно сидела в его оружии, не подавая и капли надежды на желание выйти наружу. Как это похоже на мои первые робкие попытки вызвать огонь! И вот однажды на полигоне ни с того ни с сего пернач в руках Брока загорелся зелёным пламенем и проплавил металлический манекен условного врага. Как потом говорил люрт, то был редкий случай, когда не пытался вызвать магию. Просто захотелось нанести больший урон. Радость по этому поводу слегка омрачил Томб. Он сообщил: чтобы повторить успех придётся ждать целый день, а может и больше. Кровь будет восстанавливаться. Великий Мастук, ну не понять мне как кровь может находиться в твёрдом металле и всё!

Чтение книг и физические нагрузки страшно меня выматывали. Но дигровая доля усталости приходила на использование магии. Бывали случаи, когда я просто отключался, вызывая то или иное заклинание. Даже не знаю, что бы я делал без восстановительных жвачек. Они просто незаменимы для мага. Не знаю, как их делают. И, откровенно говоря, не имею и малейшего желания узнать. Мне других забот хватает. Пусть этим другие занимаются. А мне главное – запастись приготовленными ими жвачками как следует. Хоть инструкторы и говорят, что злоупотреблять этим делом не следует… Кровь может впасть в зависимость. Говорят, а сами требуют от меня невозможного. При чём: иногда даже заставляют их принимать. Что ж, когда всё закончится – буду очень рад восстанавливать свои магические силы желанным длительным отдыхом. Но пока я не могу себе позволить спать несколько суток подряд. Бывали дни, когда вообще не ложился. Внеурочно отрабатывал заклинания. Только и жевал эту кислятину.

После первой недели упорных тренировок нам выдали оружие. Сделанное в лучших кузницах города. Такого же типа, которым привыкли

пользоваться до этого. Только Кичу выдали другое. Ему вручили кинжал и мушкет. Но не простой мушкет, который есть на вооружении охраны чуть ли не в каждом более-менее развитом городе Объединённого Королевства. Сталь и отделка – само собой на высоте. Но это не главное. Мушкет был многозарядным. На семь выстрелов. Чтобы стрельнуть – не надо засыпать порох. Он уже был упакован в бумажные патроны со стальными пулями. Сделанный из лучшей в мире стали, ствол был практически неразрушим. Деформация в результате перегрева – главная причина отказа простых мушкетов – ему была не страшна. Лишь бы не прикасаться к нему, чтоб не обжечься. Держаться нужно всё время за деревянную рукоять. Стоит ли говорить, что о существовании такого оружия я даже в самых смелых фантазиях предположить не мог?

Ещё пообещали выдать броню, но позже. На нас пока не хватало. Придётся подождать, пока будет готова новая партия.

Как-то на полигоне я наблюдал одну неприятную ситуацию. У меня до сих пор болит сердце, стоит только вспомнить. Я тогда решил перевести дух после длительного фехтования на деревянных мечах с инструктором. Сел на пол и принялся от безделья глядеть по сторонам. Каждый был занят своим делом. Брок предпринимал отчаянные попытки вызвать магию из пернача. Джина метала кинжалы и сюрикены в красные точки на коричневом макете четыренога. Эти точки – наиболее уязвимые части. Точно попав в них, если не уничтожишь, то значительно ослабишь противника. Тис то и дело вонзал когти в манекены врагов. Бирюк лежал на боку, выгрызал блох. Заставить его что-либо делать – задание непосильное даже для наших склонных к садизму и подавлению индивидуальности инструкторов. Верблюд щипал траву возле главного входа. Кич практиковался в стрельбе из мушкета. Двумя верхними руками он держал оружие. Отстреляв все семь патронов, его нижняя рука потянулась за новыми. Но не смогла взять. Потому что у него её не было. Я видел досаду, злость и безысходность в его взгляде. Топнув ногой, он потянул к ящику с патронами другую, уцелевшую руку. Мне хотелось верить, что блеснувшие на солнце капельки на его волосатых щеках – пот от длительных тренировок. Но это были слёзы…

Наше пребывание в Стальне было полно трудностей и упорства. Но было бы ошибочно предположить, что на развлечения времени не оставалось. В принципе, практически не оставалось, но раз в неделю нам полагался выходной день. И каждый был волен им распоряжаться по своему желанию. Как правило, целый день мы отсыпались, набирались сил. И если сил набраться удавалось – шли гулять по городу.

Не смотря на свои внушительные размеры, Стальня была скупа на места отдыха. Похожие друг на друга таверны и парк – пожалуй всё. Зато парк был замечательным. Занимал огромную территорию, был полон разнообразной зелени и мелких экзотических зверушек. Меня очень удивляло, что в нём было мало посетителей. Неужели все жители города настолько заняты? Или просто не видать никого из-за пышных зарослей? Мне нравилось приходить туда

одному. Остальным друзьям больше приглядывалось заседать в таверне. А мне почему-то нет. Хотя раньше и представить себе не мог, что предпочту уединённую прогулку запотевшей кружке пенного эля. Должно быть, волшебная кровь. А может, и нет. Может быть, я просто… повзрослел? Гуляешь словно отгороженный от окружающего мира. Размышляешь, вспоминаешь, переосмысливаешь…

Однажды со мной на прогулку пошла Джина. Это произошло довольно неожиданно: она сказала всем, что устала и хочет остаток дня отлёживаться. Все ушли в таверну, кроме меня, разумеется. Обычно, я выходил на прогулку позже, чем они. Уже были случаи, когда, выходя со всеми, в парк я не попадал – затягивали в таверну уговорами и насмешками, мол, от коллектива отрываюсь, к элю охладел и всё такое. При хорошем расположении духа отказаться не всегда получалось. Да и не хотелось, если честно. При плохом – проще. А когда я собрался уходить, она подошла и поинтересовалась, не буду ли я против её компании. Ей уже намного лучше: усталость ни с того ни с сего отпустила. Такое бывает. Конечно же, я был этому только рад.

Мы гуляли по парку. Был солнечный день. Пели птицы. Шелестели травой грызуны. Воздух был наполнен приятным букетом запахов полевых цветов. Вокруг всё зелено, свежо и красиво. Лучшего места для отдыха и не придумаешь.

Долго мы ходили протоптанными тропинками. Восхищались красотой природы. Болтали о простых, отвлечённых от общих проблем вещах. Делились приятными воспоминаниями. Я даже умудрился рассказать несколько забавных историй, произошедших с моим дядей. Он был скотником, но прославился не этим, а своей непомерной тягой к спиртному. Выпивая, он терял над собой контроль. О его пьяных выходках в трактирах ходили легенды. Обычно, девушкам не интересно слушать про скачущего по столам посетителей пьянчужку, ни с того ни с сего решившего, что он одна из своих выставочных коров. А вот Бабочка с неподдельным интересом слушала. В перерыве между очередной историей, она сказала, что мой дядя очень похож на одного чудака, гостившего как-то в их городе Скоте. Джине тогда было лет десять-одиннадцать. Утром её отец покупал у него коров для забивки, а вечером чудака видели в трактире. Тот пытался забодать стойку трактирщика. Подумать только, дядя сам мне рассказывал об этом случае. С гордостью рассказывал. И даже шишки на лбу предъявлял в качестве доказательств. Ох уж этот дядя Пирк, где он только не прославился…

Вспомнив о родном доме, Джина погрустнела. Я заметил это и перестал говорить. В поле зрения попал лежащий на земле ствол упавшего дуба. Я предложил посидеть на нём. Тем более – рядом озеро. Наблюдать за дрожащей пеленой воды, что может быть прекрасней? Хотя, мне незачем было так распинаться – Бабочка призналась, что сама хотела передохнуть.

Мы молчали. Слова были лишними. Без них проще.

Джина взяла меня за руку. Её нежное тепло ладони обжигало сильней огня. Я не помню, чтобы когда-либо моё сердце стучало с такой силой. Даже

стало немного страшно. Но было что-то сладостное в том страхе. К горлу подступал тёплый комок. Я пытался бороться с желанием, но оно оказалось сильнее… Мы встретились взглядами. Её бледное лицо заливалось румянцем. Её глаза… В них блестело солнце!

Я люблю её…

Наши губы соприкоснулись. В самом страстном, желанном, прекрасном и неповторимом поцелуе.

А потом всё вокруг потемнело, поблекло. Поднялся ветер. Шурша листвой, он сыпал в глаза крупинки песка. Запах цветов смешался с гарью кузниц. Даже это прекрасное место небезупречно. Даже в нём бывают свои плохие дни. Что тогда говорить об окружающем нас мире?..

Мы решили вернуться домой.

Джина попросила забыть о случившемся. Ведь это всего лишь ошибка. Мы прекрасно всё понимаем. Она говорила, а глаза были полны страсти. Но эта страсть тонула в накатывающих волнах печали. Глаза слезились. От попавшего в них песка? Не уверен…

Дальше – как и прежде. Мы пришли в дом. Хозяйка накормила. Друзья ещё не пришли с таверны. У Джины была отдельная комната. В ней она и закрылась, заранее пожелав мне спокойной ночи. Её улыбка была наигранной. Кажется, дорожка к её сердцу вновь покрылась инеем. Как и раньше.

В тот день мне показалось, что я смог растопить его, покрыть ковром зелени и цветов. Неужели я ошибся? Нет, мне действительно это удалось. Но только на несколько мгновений. Зачем она топит свои желания? Зачем рвёт, замораживает мои цветы?

Следующим утром на тренировку. Нужно было набраться сил. А я за всю ночь не сомкнул глаз. Я сгорал от желания и стыда одновременно. Если бы был способ избавиться от этих душевных мучений! Но его нет, и никогда не будет. Кому как не мне это знать? Даже смерть не способна с ними справиться. Ведь душа будет страдать ещё больше. От того, что нельзя будет что-либо изменить…

Трудно поверить, но всё это бесконечное издевательство над нами на полигоне, эта непомерная зубрёжка книг и хроническое недосыпание – лишь начальная стадия тренировки. Подготовка к главному испытанию. Когда Риоллиос об этом сказал, «радости» нашей удержать нельзя было… Мы тут, знаете ли, загибаемся от нагрузок, а это только начало! Какое ещё к гиреновой матери испытание? А это всё детские игры, значит?

В общем, когда подошло время к финальному испытанию, наши нервы и силы были на пределе.

В конце одного ничем не отличающегося изнурительного дня точно помню, как ложился спать в доме Килфы. А вот проснулся совсем не там, где следовало бы. Вместо мягкого матраса и простыней подо мной лежал ковёр засаленной соломы. Мне до сих пор не ясно, как я не проснулся раньше: в помещении жутко воняло крысонами. Их тошнотворный запах и мертвеца поднять способен. Да и вообще, как я оказался в этой дыре? А может, я сплю?

Глупое предположение. Даже в самом смелом кошмаре такая вонь не возникнет!

Осмотревшись по сторонам, я не нашёл ни одного повода для повышения и так упавшей донельзя морали. Скалистые стены. Меня что, в пещеру приволокли? Очень оптимистичная весть! Ненавижу пещеры! С меня прошлой, полной летучих мышей, хватило.

Слабый свет настенного факела освещал помещение. Я задел ногой в соломе что-то твёрдое. Факел. Тут бы и дурак догадался его поднять и поджечь от настенного огня. Вонь была настолько невыносимой, что буквально выталкивала вон. Но перед тем как уйти, я решил покопаться в соломе. К глубокому сожалению, предполагаемое оружие обнаружить не удалось. Не очень-то и хотелось идти в тот тёмный коридор без меча-другого. Но выбор был невелик: или остаться в комнате и нюхать отвратный запах экскрементов крысонов, или идти в единственный прилегающий к ней выход. Я выбрал единственно правильный вариант.

Узкие осклизлые стены, низкий потолок и спёртый запах гнили. Но не такой резкий, как раньше. К нему и привыкнуть – не проблема. Проблема как раз в ограниченном пространстве. Теснота всегда оказывала на меня неприятное воздействие. Люблю просторы, знаете ли… Свет факела далеко не распространялся. Непроглядная чернота тоннеля пугала. Но больше всего пугали звуки, похожие на рычание. Они ни на секунду не прекращались, злобным эхом пробегаясь по стенам.

Не смотря ни на что, я шёл вперёд.

Нога наступила на выступ, тут же вдавившийся в пол. Над головой распахнулись створки и из потолка посыпались кровососущие черви. Зубастыми присосками они впивались мне в лицо, шею, грудь, пальцы, заползали за пазуху, лезли в нос. Я уронил факел. Так уж вышло, что уронил его в лужу. Предсмертно прошипев, он погас. В полном мраке меня грызли черви. Первое время я кричал, пока они не забили мне рот, пытался отдирать этих скользких ползучих гадов, но их зубы крепко впились в кожу. Кольцевидные тельца рвались, оставаясь передней зубастой частью на мне. Если бы в тот момент я мог выбрать между испытываемыми мучениями или смертью, я бы второй вариант не отвергал…

В таких ситуациях панике места нет. Хорошо, что вспомнил об этом. Попытался успокоиться. Удалось, насколько это было возможно. Заползших в рот пережевал и с отвращением выплюнул. Было тяжело дышать. Долго так не протяну. Руками эту дрянь не отодрать. Чем больше шевелиться – тем больнее будет. Тут только магия помочь может. Я начал представлять, как бурые тельца кровососов начнут скручиваться и лопаться в пламени. Моя кожа загорелась. Боли я больше не чувствовал. Скорее – очищение. Словно драг, сбросивший после зимы с себя шкуру. Все черви сгорели. Но вместе с ними сгорела и моя одежда. И волосы. Я высморкал останки паразитов. Дрожащими пальцами ощупал голову. Пышная причёска сменилась лысиной. Что ж, я давно хотел подстричься…

Заклинание отняло много сил. Но идти я ещё в состоянии. С каждым днём магическое существо внутри крепчает. Раньше я бы на месяц отключился от подобного перенапряжения.

Факел покоился в луже. А я шёл дальше. Представил, что могу видеть в темноте как днём – и смог. Что это, что прошлое заклинание я вызвал впервые. Раньше даже и не догадывался о таких способностях.

Идти голым по сырому тоннелю – занятие не из лучших, хотелось бы отметить. Босые ноги хлюпали по скользким холодным лужам. Заболею, должно быть. Когда это всё закончится, нужно будет неделю из кровати не вылезать. Пить лекарственные отвары, элем и вином запивать. Да, и чтобы Джина уксусные компрессы меняла…

По дороге я наткнулся на металлическую лестницу, ведущую в отверстие в потолке. Тоннель не заканчивался – идти можно было дальше. Но мне показалось более правильным полезть вверх. Как выяснилось – зря.

Лестница привела в громадное помещение. Ничем не примечательное. Разве что с дырой в стене размером со слопра. Я уж было подумал, что та дыра – выход. Пошёл к ней. Но грозный рык оборвал все мои надежды. Вот откуда тот звук по туннелю растекался! Только его усиления мне и не хватало для полной остроты ощущений!

Ленивой походкой из дыры выполз красный медведь. Встал на дыбы, растопырил верхние лапы и обнажил зубы в диком, угрожающем вопле. Я не великий знаток медведей, но этот был самым огромным из тех, которых я когда-либо видел. Даже та туша снежного, убитого Бирюком, была меньше. Первая мысль, посетившая меня – бежать обратно к лестнице, но я слишком далеко отошёл от неё. Единственный выход – сконцентрироваться, готовиться извлечь из своего потустороннего существа последние силы для боя.

Зверь побежал на меня. Каменистый пол содрогался от тяжести его лап. Пена лилась из открытой пасти. Эта челюсть способна за долю секунды разорвать меня пополам. Ничего не оставалось, как выпустить в него разряд молнии. Это заклинание далось с трудом – силы были на исходе. Запахло палёной шерстью, но животное и на секунду не остановилось. Наоборот, казалось, оно разозлилось ещё больше. Я побежал к отверстию с лестницей. А что ещё оставалось делать? Но долго бежать мне не пришлось. Резкая боль когтями прошлась по спине. Я пролетел в воздухе метров десять. Упал на пол. Стоит ли говорить, сколь неприятно это было?..

От боли мой разум помутнел. Ненависть и жажда мгновенной мести овладели сознанием. Зверь не успел добежать – сгорел дотла в созданном мной магическом огне. Его дымящиеся останки на полу – последнее, что я видел перед тем, как потерять сознание. Слишком много сил потратил.

Я провалил финальный экзамен…

Как узнал позже, остальные дошли до конца. У каждого из них была своя задача. С которой все сумели справиться. Лишь один я подвёл тренеров. Не смог найти выход из лабиринта. Они слишком переоценили мои возможности, доверив самое сложное испытание…

Глава 19: ***Месть***

Посреди ночи тревожный сон Бирюка оборвался. Его нос учуял совсем слабый запах. Этот запах нельзя было забыть с того момента, как впервые вдохнул. Солёный, кислый, с гнильцой, слабо перебитой мятой. Должно быть, в город его занёс ветер, когда открывали ворота. Запах исчез. И было непонятно: приснился ли он, или был на самом деле. Но догадки строить не в правилах Бирюка. Даже если есть хоть тысячная шанса достичь цели – он её не упустит.

Охранники у главных ворот не заставили ждать. Отворили. Это был не первый случай, когда волк выходил за пределы города. Охотиться.

За стенами погода была совсем другой. Снежные сугробы отсвечивали платиной лун. Падали редкие хлопья снега. Трудно взять след: мешал постоянно меняющий направление ветер. Вдалеке на холме гнетущим металлом возвышался Форт Террора. Он довольно чётко выделялся из ночи своими жёлтыми огнями по периметру корпуса. Словно чудовищный маяк, предвещающий смерть… Но за довольно долгий промежуток времени он не передвинулся и на сантиметр. Кишащие вокруг него механизмы далеко не отходили. Стальня привела все свои силы в полную готовность. Но отсутствие каких-либо действий со стороны противника сбивало с толку. Некоторые жители даже начали поговаривать о том, что никакого вторжения не будет. Вполне возможно, что город в жерле остывшего вулкана армию Тризолуса мало интересует. Только вот одно смущало: отправленных к нему послов с целью мирных переговоров не подпустили близко. От безжалостных лап и снарядов техномонстров никому не удалось спастись.

Но Бирюка не интересовала технокрепость. Уловленный запах доносился с противоположной стороны. Слабый, обрывчатый. Не теряя времени, волк мчался на него.

Сугробы пронзались массивными лапами, снег ложился, лип на пепельную шерсть, мелкое зверьё испуганно разбегалось в стороны. Словно из выхлопной трубы, из раскрытой пасти валил пар.

Запах усиливался. А вместе с ним росла и жажда. Жажда мести…

Вход в скалистую пещеру. Из него доносился смешанный запах. Опасности, крови, смерти и тот, что привёл сюда. Шерсть вздыбилась на холке. Дурной знак. Интуиция Бирюка никогда не подводила. При других обстоятельствах он бы просто развернулся и побежал прочь. Но нужно отомстить. Даже если это будет последним поступком в его жизни!

Было темно, но волки довольно неплохо видят ночью. Проходы были достаточно широкими. Только в некоторых местах приходилось протискиваться между стенами.

Навстречу нёсся снежный медведь. Его шерсть во многих местах была опалена, в глазах читалось бешенство. Он нёсся на Бирюка. Нет, скорее –

сквозь него. Но теснота прохода не давала возможности миновать друг друга. А вспененная пасть медведя только усиливала необходимость боя.

Ослеплённый ярой лютью зверь не оказался достойным соперником. Бирюк ловко поднырнул под массивную, неповоротливую морду и перегрыз кадык. Повалившаяся на него туша давила спину. Проползя под ней, волк оказался на другой стороне прохода. Путь можно было продолжать.

Длительное блуждание извилистыми переходами. Многочисленные разветвления дороги. Но в какой из рукавов идти – такой проблемы не возникало. Запах указывал путь.

Крысоны, одни из обитателей пещеры, прятались в своих норах. Глазели из них тлеющими угольками глаз. Их писк, возня и вонь были слышны повсюду.

Очередной переход привёл к большому помещению. Посреди горел костёр, заволакивая каменистый потолок сажей. Ближе к входу покоились обугленные тела зверей. По очертаниям и размерам очень похожие на медведей. У костра на навале шкур лежал Лимб. Увидев Бирюка, он заговорил изнеможенным, еле слышным голосом:

– Вот и ты, волчонок. Не вовремя, правда, но заходи, погрейся у костра.

Бирюк прорычал, что раздавит мерзостного драга как болотную лягушку.

– Нет, погоди, – Лимб прокашлялся кровью. Подойдя ближе, в дрожащем свете огня можно было различить ужасную рану от плеча до низа живота. – Пожалей меня. Подари ещё немного времени. Видишь, как я ранен? Я вскоре сам умру, – он снова прокашлялся. – Составь мне компанию перед путешествием к потусторонним…

Волк ответил, что подлая скользкая ящерица не заслуживает такой чести.

– Погоди. Прошу. Погоди. Я ведь не убивал твоего друга. Убив меня, ты никогда не узнаешь настоящее имя убийцы…

Бирюк присел рядом, навострил уши.

– Мне очень трудно говорить, понимаешь. Но ради тебя я готов страдать. Это что у тебя на шее? Фляга с лечебным отваром… – Лимб прокашлялся ещё громче и жальче, чем раньше, – Ты видишь, как мне плохо? Не мог бы я хлебнуть… Нет? Мне так трудно говорить…

Волк зарычал, что означало только одно: или драг всё расскажет, или окажется в потустороннем мире раньше, чем планировал.

– Хорошо, хорошо, – драг всем видом показывал, каких усилий ему стоит говорить, – я расскажу тебе всё. И, может быть, ты сам поделишься со мной напитком. В общем так: я путешествовал с твоими друзьями Броком и Тисом. Когда мы достигли Сара, Брок познакомил меня с остальными. Все такие приятные на вид. Особенно великий маг. Твой друг – Алерадус. Он больше всего произвёл на меня приятное впечатление. А потом, – Лимб вновь закашлял, помолчал некоторое время, невзначай выпятил лишённую кисти руку обработанной огнём раной вперёд, умоляюще поглядел в волчьи глаза, понял, что отвар не получит и продолжил, – они пошли в таверну. А у меня не было сил с дороги, и я остался в комнате. Лёг спать. А посреди ночи

проснулся – этот прим, как его, Кич, по-моему, сжимал кинжал в руке. Рассматривал его в свете крохотной свечи. Я уж хотел перевернуться набок и вновь заснуть, но передумал. Прим начал шептать какие-то слова. Просто из любопытства я прислушался к ним. Оказалось, он разговаривал со своим кинжалом. Как с живым существом. Понимаешь? Он свихнулся! Всех слов мне не удалось различить, но тех, которые понял, вполне хватило. Убить мага ради крови. Отнять потустороннее существо, заполучить его могущество, а главное – богатство. Я тогда хотел сразу же подняться и рассказать всем, но испугался расправы. Тот бешеный прим без размышлений перерезал бы мне горло. А утром я проснулся и первым же делом побежал в комнату мага. Но было поздно. Над его телом стоял тот бешеный прим. Шерсть на его лице была измазана кровью. В руке он сжимал тот драгоценный кинжал. На полу лежало бездыханное тело твоего друга. Мне так жаль, что не смог его спасти… Кич кинулся на меня. После долгой борьбы мне удалось вырвать кинжал из его руки. В тот момент как раз прибежали остальные. Я сжимал рукоять оружия. Естественно, никому и в голову не пришло, что убийца – Кич. Я ведь был новичком в их компании. Чудом мне удалось убежать. Когда я пришёл в себя, то понял, что до сих пор сжимаю рукоять кинжала. Вот почему ты видел его у меня…

Переполненный ненависти Бирюк зарычал, что в этих словах нет и капли правды. Лимб – лживый клещ, который сейчас будет раздавлен. По его словам, магию Алерадуса перенял Кич, но наследником, как раз, оказался не он, а Дрим…

– Ах вот как, – глаза драга нервно забегали, – я слышал, что такое бывает, но чтобы самому с этим столкнуться…

Волку было всё равно, но ради забавы он готов выслушать ещё немного бреда обречённого на смерть головастика.

– Поверь мне, такое действительно бывает! – Лимб цеплялся за соломинку, не забывая при этом кашлять и тяжело вздыхать. – Магическое существо способно выбирать следующее тело. Обычно, оно не сильно разборчиво и переходит к первому пожелавшему дать ему приют. Но бывают исключения. Видимо, Дрим показался ему более подходящим вариантом.

Бирюк призадумался. Он где-то подобное уже слышал. Лишать жизни мыслящих никогда не доставляло ему удовольствия. Делал это только при отсутствии другого выбора. Даже такой подлый слизняк как Лимб имеет право быть выслушанным.

После недолгих размышлений, волк заговорил. Ему было интересно, почему же тогда ящер при их прошлой встрече сказал, что убил Алерадуса? И почему техномонстры не разодрали его на части?

– Так ведь всё просто, друг мой. Думаю, тебе можно раскрыть мою тайну. У меня просто нет другого выбора. Понимаешь, я работаю на власти Стальни. Моё задание – шпионить за Тризолусом. Мне удалось влиться в их ряды. И я уже совсем разгадал их секрет управления монстрами, как был похищен работорговцами, – вдруг Лимб начал задыхаться. Его целая рука потянулась к

фляге на шее у волка. Бирюк наклонился, позволив выпить её без остатка. Вопреки здравому смыслу, он начинал верить словам драга.

Лимб отдышался, пришёл в себя и продолжил рассказывать:

– Спасибо, великий волк, я не сомневался в твоей справедливости. Как я понимаю, ты хочешь знать, что было дальше? Слушай. Я длительное время отсутствовал в рядах неприятеля, что давало все поводы усомниться в моей верности. Нужен был какой-то способ доказать свою преданность сразу при возвращении. Алерадус – был учителем и советником Тризолуса. Когда последний захотел смешать магию с механикой, Алерадус тут же разгадал его планы захватить Материк. Отказавшись от ученика, маг покинул Магкор, чуть позже переименованный в Королевство Техмаг. Многие последовали его примеру. Не трудно догадаться, что Алерадус был одним из злейших врагов Тризолуса. Когда мы встретились, я ничего не знал про тебя. Ты мог оказаться одним из слуг Верховного Мага. Поэтому-то я и соврал тебе. Вот тут недоразумение и произошло…

Бирюк не знал, что ему делать. Верить в то, что Кич – предатель, не хотелось до невыносимости, но речи драга такие убедительные…

Некоторое время они сидели в тишине. Первым её нарушил Лимб:

– Спасибо тебе, волчонок, ты спас меня от смерти. Отличное зелье у тебя. Оно не только тело лечит, но и кровь восстанавливает…

Не успев договорить, драг выпустил из руки молнию. Но Бирюк пригнулся и разряд, брызнув искрами и раскрошив кусок камня, исчез в потолке. За всё это время волк ни на секунду не расслаблялся. И к подобному был готов.

Лимб попытался выпустить ещё одну молнию, но у него вышла лишь жалкая голубая змейка, растворившаяся в воздухе не достигнув цели. Сил на ещё одну больше не было.

– Слушай, друг, я ведь пошутил. Это шутка такая – молниями стрелять. Я знал, что увернёшься. Поверь мне!

Но Бирюк не стал верить…

Острые зубы раскрошили череп как переспевшую дыню. Но они не успокоились, пока не разорвали тело на сотни мелких частей. Это был один из редких случаев, когда звериная сторона Бирюка выползла из наглухо забитых досками сознания закромов души…

Волк отправился назад в Стальню. Начинало светать и раннее солнце блестело на снегу. Небо было лишено облаков. Щебетали птицы.

Месть не принесла удовлетворение. Наоборот, повергла в уныние. Пустота, возникшая в душе после смерти друга, не заполнилась, а стала ещё больше. Умерщвление убийцы не воскресит его жертву…

Чем ближе Бирюк подходил к городу, тем громче слышал взрывы, крики, выстрелы и лязг металла. Пока он был в пещере, полчища техномонстров зловещим роем налетели на Стальню.

Глава 20: ***Сражение***

Ранение оказалось несерьёзным. Когти зверя прошлись по моей спине вскользь, оставив четыре царапины. Зато вокруг них отливал тёмно-жёлтым и сизым громадный синяк. Несколько дней попил настойку Тиса и пришёл в полный порядок. В отличие от своих же ожиданий, душевно ощущал себя великолепно. Не дошёл до конца лабиринта, провалил последнее испытание… Да какая разница, что другие подумают? Я голыми руками гигантского красного медведя одолел! За одно это мне грудь медалями обвешать надо!

Рядом с городом обосновалась технокрепость. Риоллиос сказал, что создатель нарек её Фортом Террора. Довольно подходящее название, как по мне. Одно осознание того, что рядом с городом, в котором ты находишься, возвышается многомиллионотонная громада металла и магии, готовая в любую секунду выпустить на тебя полчища своих смертоносных «деток» – повергает в глубочайшее уныние. В первые дни у меня даже ноги от страха трусились. И не вижу в этом ничего постыдного. Не боятся только мертвецы. Потом как-то смог с собой совладать. Не до конца, конечно, но всё же…

Город, как и раньше, ждал нападения. Но сейчас как-то менее оптимистично. Мораль бойцов падала. Многие пытались утешить себя несбыточными разговорами о том, что столкновения можно избежать. И вообще, зачем Тризолусу это? Если бы хотел, давно бы уже напал…

Но бой был неизбежен. Это лишь вопрос времени. Только глупец способен не понимать столь очевидной истины.

Кстати, Форт Террора виднелся с наблюдательной башни задолго до того, как мы окончили свое обучение. Кто знает, может быть, именно его присутствие добавляло нам сил на полигоне? Ведь просто невозможно из себя столько выжимать без хорошей оплеухи.

В ночь перед нападением я не мог заснуть – не редкость в последнее время. На это оставались силы. Наше жёсткое обучение давно завершилось. После него мы всё равно посещали полигон и библиотеку. Но это было похоже больше на развлекательные прогулки, чем на то, что пришлось пройти. Никто не орёт на ухо, никто не бьёт деревянным мечом по лбу в наказание за невнимательность, никто не оскорбляет, не унижает тебя. Да и вообще, тренеры с нами сейчас как с равными разговаривают (на их вновь прибывших учеников это не распространялось). Каждый из нас волен делать то, что посчитает нужным. Мы продолжали тренироваться больше по инерции, чем по желанию. Но, в принципе, закрепление полученных знаний никому ещё не мешало. Да и нужно же было хоть чем-то себя занять? Не сидеть ведь постоянно в доме и сжавшись калачиком трусливо выжидать появления техномонстра?

Я услышал возню в конюшне, выглянул в окно: Бирюк выбежал на улицу и устремился куда-то. Удивляться нечего. Он так поступает, когда хочет поохотиться. Я прошёлся по комнате. Случайно задел стул. Проснулся Кич. Вернее, он тоже не спал. Прежде чем я сообразил что-то сказать, он спросил:

– Слышь, Плувер, – говорил он полушёпотом, чтобы не разбудить остальных, – каково оно?

– Что?

– Магом быть.

Я немного задумался. Присел на стул, который задел мгновением ранее. В голове носились стаи мыслей, но чёткого ответа из них не выходило. Столько всего можно сказать, и в то же время – сказать нечего…

– Ну так, нормально, – я всё-таки выдернул из роя размышлений хоть какой-то ответ.

– И что, просто нормально?

– Ну да.

– А кем тебе больше нравится: обычным или магом?

– Сложно сказать…

– Да всё тебе не сложно.

– Понимаешь, магом мне нравится быть. Очень сильно нравится. У меня открылись такие возможности, о которых раньше даже и подумать боялся.

– Значит, магом больше нравится?

– Не совсем. Дело в том, что когда был простым – мне это тоже страх как нравилось… Как бы это сказать… Тогда я чувствовал себя великолепно. И сейчас я чувствую себя прекрасно. Вот.

– А всё-таки?

– Ну, ты меня и озадачил… – я почесал затылок. – Должно быть, магом. Но только потому, что сейчас такой. А если бы был простым – простым хотел бы быть.

– Я не хочу магом, – послышался бас Брока. Не знаю, проснулся он только сейчас, или тоже страдал бессонницей.

– Почему? – интересовался пытливый Кич.

– Мой пернач – маг. Его достаточно.

– А если бы ты не узнал, что он способен вызывать магию? – пытливо поглядел ему в глаза Кич.

– Я сильный. Мне магия не надо.

– Так Дрим ведь тоже не хотел быть магом раньше, – гнул свою линию Кич.– И вот посмотри: вполне собой доволен.

– Дрим – другой, – сообщил Брок. – Важный. Я так не хочу.

– Чего это я важный? – мне стало лестно.

– Ты как был, – объяснял Брок. – Но глаза – магического старика. Он был важный. Ты теперь тоже.

– Что за бред ты городишь, Брок? – я его не понимал. – У меня цвет глаз совсем другой. У Алерадуса были чёрные.

– Цвет не такой, – пожал плечами великан. – Но глаза – такие.

– Не понимаю я тебя… – вздохнул я.

– А что здесь понимать? – вызвался объяснять Кич. – Как старик тебе свою кровь передал, ты изменился. И не просто магию его перенял. Ты снял с его плеч груз, который придётся нести уже тебе.

– С чего ты так решил? – отпирался я.

– Да это на лбу у тебя написано! – хлопнул себя по бедру Кич.

– Ну, раз говоришь… – мне пришлось уступить.

– Эль разлюбил! – мощным басом вставил Брок.

– Да ну тебя, с этим элем! Не в нём вся прелесть жизни! – я начинал злиться.

– Уж конечно не в нём, – согласился Кич. – Для тебя он теперь только в нашей черноволосой компаньонке и состоит.

– Что ты городишь? – ещё чуть-чуть, и я заехал бы ему в глаз.

– Правда! – подбросил дровишек Брок. – Дрим любит Джину.

– И ты туда же? – на меня ополчились! – Да не люблю я никого! Забыли разве? Доказано на сотнях обиженных фермерских дочурок.

– Кому ты рассказывать будешь? – отрезал Кич.

Я не нашёл, что ответить. Так и глядел злобно то на него, то на Брока.

– Не вижу ничего плохого в тёплых чувствах, – это Тис сказал. Что-то никому сегодня не спится, как я погляжу… – Ты, Дрим, отрицай сколько хочешь, но нам-то всё видно. Вместо того, чтобы отнекиваться, лучше бы действовать начал. Цветы подарил или стих любовный сочинил.

– Сговорились вы, что ли? – я обречённо воздел руки к потолку.

– Тут и сговариваться не надо, – сообщил Кич.

– Ну и что вы мне предлагаете? – отнекиваться дальше было бесполезно. – Она ко мне холодна. Даже если и не безразлична, как вы говорите, что тогда?

– Что тогда? – поучал мудрый Тис. – Берёшь и греешь.

– Допустим, я уже пытался, – моя злость куда-то подевалась, сменившись чем-то сентиментальным, за что я сам себе опротивел. – Только допустим. И в какой-то момент мне показалось, что смог пробиться через стену. Но вмиг эта стена заросла и стала даже толще, чем прежде. Предположим, что я не сдамся и продолжу попытки. Но с каждым новым усилием стена будет расти. Понимаете? Какой тогда смысл? Мне и так не по себе. Уж лучше вообще ничего не делать.

– Эн-нет, дружок, так разговор не пойдёт! – выпалил Кич.

Все посмотрели на него.

– Не пойдёт! – повторил он ещё громче и достал из заначки под кроватью закупоренный кувшин с вином. – Без него не пойдёт…

– Правильное решение, – сказали мы в унисон.

До рассвета оставалось совсем чуть-чуть. Вина было немного. Каждому по кружке.

– Так вот, Дрим, – сообщил Тис, отхлебнув добрый глоток, – в боях ты доказал, что настоящий мужчина. А размышляешь как желторотый юнец! Женщины для того стены и выстраивают, чтобы мы их рушили! Разве ты сам не знаешь?

– В том-то и дело, что знаю, – обречённо согласился я. – А Джина… Она не такая как все…

– Все они *не такие*, – со знанием дела вставил Кич.

– Есть женщины люрты, женщины люди, женщины драги… – начал загибать свои могучие пальцы Брок.

– Да какая к Моолу разница! – завёлся Тис. – Драг или крот – любая женщина хочет одного: быть завоёванной достойным! А ты, Дрим, разве считаешь себя недостойным Джины? Очень в этом сомневаюсь…

– Точно! – согласился Кич и залпом осушил кружку. – Хватит уже придуриваться! Иди к ней, признайся в чувствах!

– Сейчас, что ли? – удивился я.

– А когда же ещё? – одновременно сказали все трое.

– Но она спит, – я цеплялся за соломинку. – Я не хочу её будить.

– Она рано встаёт, – не унимался Кич. – Вот уже и рассвет. Наверняка не спит. В постели ворочается, ждёт, чтобы ты пришёл…

– Да, иди. Я буду рад, – подбодрил Брок.

Я в надежде посмотрел на Тиса, но тот только кивнул, мол, иди, дружок, хватай своё счастье, пока можно ещё…

Ничего не оставалось, как для смелости допить остаток вина и поднялся со стула. Но не успел я пройти и нескольких шагов, как распахнулась дверь. На пороге стояла Джина. Только сейчас я подумал о том, что наши громкие разговоры могли разбудить её. Сколько времени она простояла у закрытой двери, слушая нашу беседу – остаётся только догадываться.

– Ты, кажется, ко мне собрался? – спросила она строгим голосом.

– Я…

– А вы чего уставились?! – гаркнула она на остальных.

Друзья стыдливо потупили взгляды. Чего уж врать – я тоже потупил.

– Стыдно вам всем должно быть! – отчитывала Джина. – Особенно тебе, Дрим.

Кич не выдержал и прыснул в руку.

– Очень смешно. Просто со смеха лопнуть, – отреагировала Джина. – Мне с вами не о чем разговаривать. Тебя, – она испепелила меня взглядом, – это не касается. Я жду тебя в своей комнате. Пора покончить со всем этим раз и навсегда! – с этими словами она хлопнула дверью.

Поддержки ждать мне было не от кого. Собравшись с духом, я пошёл следом.

Когда я вошёл в комнату, Джина стояла возле своей кровати. Она посмотрела на меня. И злости, как ожидалось, во взгляде не было. У меня тут же словно булыжник от души отлёг.

Я подошёл к ней.

– Скажи, Дрим Плувер Младший, только не ври. Скажи то, что хочет сказать твоё сердце…

– Я люблю тебя, Джина. Я всегда любил тебя…

Она обняла меня. Её сладкие губы подарили поцелуй. Сердце рвалось наружу. Это был самый счастливый день в моей жизни…

Рассветная тишина разорвалась на части воем труб, предвещающих тревогу. На город совершено нападение.

Каждый житель Стальни знал, что делать в таком случае. Наша команда исключением не была. Экипировка лежала на первом этаже дома. Когда мы с Джиной спустились туда, Кич уже натягивал шлем, Брок шнуровал наколенники, а Тис втискивался в нагрудник. Мы последовали их примеру. Когда все были готовы – бегом отправились к пункту сбора. Яр следовал за нами.

Мы, вместе с другими отрядами новичков, подчинялись командам Томба. Каждый занял свою позицию в западной части стены. Ждали.

Форт Террора медленно приближался к городу. Именно поэтому была поднята тревога. Вместе с ним приближались и техномонстры. Их нельзя было счесть. Туча убийственной магомеханики, жаждущей сровнять нас с землёй. Глядя на них, мои руки тряслись, ноги подкашивались. Хотелось убежать прочь. Спрятаться. Спастись. Зачем я здесь? Какая сила заставила меня добровольно защищать совершенно чужой для меня город? Невольно я поймал взгляд Джины. Кажется, она задавалась тем же вопросом.

Но куда бежать? Уже поздно! Раз уж согласился с самого начала, так дойди до конца. Не будь позорным трусом!

Технокрепость остановилась. Туча раскололась надвое. Они хотят зажать нас в «клещи»! Чтобы никто не смог спастись. Будь они прокляты! А вот и волна стенобуров уже на подходе. За ними взрыватели: тут как тут.

– Огонь! – завопил Томб.

Раздался оглушающий, непрекращающийся гром мушкетов. Взрывы. Я невольно посмотрел на Кича. Его глаза горели злостью. С невероятной скоростью он менял обоймы с патронами. От выступившего пота шерсть липла к лицу. Не прекращая стрелять, он дико захохотал. Техномонстры один за другим выходили из строя под натиском его метких пуль. На добравшиеся до стен механизмы из чанов обрушились ливни раскалённой смолы и кислоты.

Первую волну удалось отбить без потерь.

Секаторам не прорыть туннели в камнях и руде вулкана. Это нам на руку. Атаковать они могут только стены.

Несколько мучительных минут затишья. И вновь нападение. Четыреноги. За ними секаторы. Град снарядов крошил стену. Раздались первые крики раненных и убитых. Уцелевшие после пуль мушкетов и бомб из взрывного порошка техномонстры полезли на стены. На всех смолы и кислоты не хватило. Магические заклинания огня и льда уничтожили многих, но не всех. Они начали забираться в расщелины, с которых велась оборона. К нам попытался заползти секатор. Я тут же три раза поднял перед ним скрещенные руки – никакого эффекта! Да я особо и не надеялся, что подействует. Наверняка враги меняют условные знаки каждый день. Брок не заставил себя ждать и размозжил металлическую башку перначом. Следующего секатора удалось уничтожить с большим усилием. Он извернулся и пернач оторвал ему левое жвало. Джина метнула сюрикен прямо в его глазную линзу. Но у него их две. Прежде чем пернач оборвал его мерзостное существование, механизм проткнул уцелевшим жвалом прима. Попал в шею – незащищённое бронёй

место. Бедняга умер мгновенно. Это был один из новичков, которых тренировали после нас. Но сейчас нет времени оплакивать погибших! Нужно давать отпор. К нам уже лез четыреног. Я выпустил в него разряд молнии. Остроконечные лапы задёргались в конвульсии, после чего обездвиженный техномонстр сорвался со стены и полетел вниз, сшибив на своём пути нескольких собратьев. В соседний проём пролез другой четыреног. Разодрав молодого драга, не успевшего даже занести меч для удара, он пополз в нашу сторону. Должно быть, все свои снаряды он уже потратил. Выстрелов не следовало. Тис запрыгнул на его панцирь. Проткнул когтями глазную линзу. Ослеплённое техночудище сбросило его с себя. Начало свирепо размахивать конечностями. Томб заморозил его шаром льда. Один из новичков расколол ледяную статую механизма булавой.

Нам удалось отбить вторую волну.

Я начинал верить в победу. Никто из моих друзей не пострадал – от этого мой боевой дух парил на заоблачной высоте.

Некоторое время ничего не происходило. Нам удалось уничтожить солидное количество врагов. Я слышал, как некоторые радостно перешёптывались, мол, победили уже. По стенам другие механизмы лазить не умеют. А с этими один раз справились и ещё десяток разков справимся! Мне хотелось поверить этим разговорам. Поддаться соблазну и расслабиться. Но что-то в душе запрещало. Не давало покоя. Ну не может быть всё так просто…

Огонь, сопровождаемый чёрным дымом, сверкнул на уродливом теле Форта Террора. Что-то со свистом вонзилось в стену, чудовищным взрывом оторвав от неё кусок, а потом до наших ушей долетел зловещий гром разрывающегося пороха. И тут технокрепость разразилась вспышками огней, окуталась клубами чёрного дыма. Вырывавшиеся из её орудий снаряды рвали стену как послушные псы.

Началась паника. Томб приказал отступать в город.

Часть вулкана обрушилась. Путь десяткам тысяч механизмов был открыт.

Стальня была обречена. И мы – вместе с ней…

Отбиваться было бесполезно. На место десяти убитых, приползали, приезжали сотни новых. Взрыватели, стенобуры, секаторы, четыреноги, жнецы, мечники, поджигатели.

Я израсходовал все магические силы, сжевал все восстановительные жвачки. Даже не знаю, как ещё находился в сознании. И мало того, был в состоянии махать мечами.

Из новичков остались только мы. Хвала богам, все друзья целы. Ну, и Яру тоже. Превратившись из простого верблюда в потустороннего монстра, он свирепо защищал нас. Все остальные, что сражались в нашем отряде, не успели пройти полный курс боевой подготовки. Должно быть, это сыграло роковую роль… О продолжении боя речь уже не шла. Нужно было каким-то чудом спасать свои шкуры. С нами был Томб. Он приказал следовать за ним. К входу в подземную пещеру, в которой мы проходили испытание. В ней была

сложная цепь тоннелей, один из которых выходил в нескольких километрах от города. Если бы суметь добраться туда – мы спасены.

Техномонстры рушили здания, убивали сопротивлявшихся, преследовали убегавших. За нами гналось несколько мечников. Когда мы добрались до входа в пещеру, Яр вступил с ними в бой. Они окружили его. Он дико выл, и выдирал их остроконечные щупальца. Вцепился зубами в корпус ближайшего механизма, а остальные продолжали наносить жестокие удары. Разодрал на части одного, другого. Кинулся на третьего. На помощь к механическому собрату подоспели поджигатели. Они окружили Яра и начали поливать огненными и кислотными струями. Не задеть мечников было невозможно, но им, кажется, до этого дела не было. Затравленный зверь издал жалобный кличь. Даже потусторонний монстр не способен выжить после стольких ранений… Но его самопожертвование дало нам время скрыться в тоннелях. Бедняга. Мне будет его не хватать…

Благо, Томб знал тоннели как свои пять пальцев. Он был одним из тех, кто устанавливал в них ловушки. Да, нам повезло…

Зашедшие следом техномонстры будут блуждать по лабиринтам до остатка своих механических дней. Но эти хитрые твари заблокировали вход. Больше никто не сможет спастись этим путём.

Несколько часов мы шли по широким проходам подземелья, пока не услышали раздавшийся эхом шум. Это был топот лап. Большой зверь. И он нёсся на нас. Мы уже приготовились к бою, как из темноты в свет факела (Томб добыл его в одной из секретных комнат) возникла знакомая и любимая всеми морда волка. Бирюк!

Как он сам объяснил, учуял наш запах и залез в пещеру отыскивать. Он очень рад, что мы смогли спастись. Увидев, что на город совершено нападение, он спрятался в скалистой расщелине. Одному бросаться в бой – безумие. Из своего убежища он наблюдал за происходящим. Когда проломили стену и монстры полезли внутрь – думал, что никто уже не выживет. А спустя некоторое время унюхал наш запах, доносящийся из пещеры. Дальше мы сами знаем. И ещё, он отомстил за Алерадуса. Лимб мёртв. Остатки его предательского тела гниют в логове красных медведей.

Узнав, что Яр – мёртв, волк расстроился. Да мы все, если честно, были не в духе. Вообще день сегодня мрачный, трагичный, полный боли и смерти. Даже весть о кончине Лимба не способна его скрасить.

Мы выбрались на поверхность. Только сейчас, издали смотря на полыхающие развалины, до нас начало доходить: Стальни больше нет…

Глава 21: ***Бешеные псы***

В зелени стеклянных глаз отражались огни, разрушение и смерть. Тризолус наблюдал за уничтожением Стальни. Пепел сожжённого города укреплял его мечты. Если и был кто-то, способный помешать им, то сейчас его останки покоятся в руинах. Остальные города всего Объединённого

Королевства Сарбонии и Западной Картурии не смогут оказать и мизерную долю сопротивления, какое смогла Стальня. Уничтожить, сравнять с землёй, разорвать всё на мелкие части. Никого не оставить в живых. Заточить души поверженных в аметистовых кристаллах. Дать им приют в слабых, неспособных справиться с его солдатами, но годных к любому рабскому труду механических телах. И править ими! Вечно…

За спиной стояли сыновья. Глядели чёрными выпуклыми механическими глазами в смотровое окно. Парфлай сидел у командной рубки, отдавал приказания роящимся вокруг него примам.

Выполнившие задание техномонстры возвращались к Форту. Но расслабляться им предстоит недолго. Вскоре большинство из них разошлют по всему Материку – сеять хаос, уничтожение и смерть. Остальные останутся охранять технокрепость.

Тризолус полностью восстановился после нападения. Его новый сердечный поршень работал даже лучше прежнего. Поступок его ученика был хорошей оплеухой. Напоминанием о том, что расслабляться не следует. Ты можешь рассчитать всё до мелочей, всё распланировать. И, казалось, ничто не сможет помешать выполнению задуманного. Но всегда найдётся какая-то загвоздка, какой-то сбой. И в случае с Лимбом эта неосторожность чуть не привела к полному краху. Но теперь нельзя быть таким неосторожным. Единственным учеником, не бросившим вызов, оставался Парфлай. Он всегда был преданным помощником. Но таковым был и Лимб. Вскоре и стрек захочет померяться силами. Это лишь вопрос времени. Пока он нужен для управления Фортом Террора. С его существованием придётся мириться. Если стрек нападёт до того момента, как станет бесполезным – Тризолус поселит его душу в рабском механизме, обречённом на вечные унизительные страдания. Если нет, то Верховный Маг убьёт его сам. Лучше – во сне. Так проще… А душе Парфлая будет даровано тело, которое предназначалось Коре. Оно до сих пор пылится в рабочем кабинете.

Со Стальней было покончено. Этот колышек был вынут из шестерней механизма замыслов. Осталось совсем немного. Но для этого нужны были детёныши люртов. Десятки. Даже сотни. Тысячи – если понадобится! Пришло время показать новым творениям всё, на что они способны.

В помещении посадочной площадки пробивающийся сквозь редкие смотровые окна свет безуспешно боролся с мраком. Тризолус открыл задний отсек Смертоптицы. Лязгая о пол механическими конечностями, выползли детоловы. Помахивая гибкими хвостами-булавами, они направились к выходу. Им не нужно было ничего говорить, не нужно ничего приказывать. Они отлично знали свою цель. Их телами управляли души мылсящих. Преступников, убийц и насильников – подонков, нашедших смерть на виселицах, плахах и гильотинах. Верные бешеные псы. Ради вызволившего их из потустороннего мира мага они готовы на всё. Особенно – крушить и убивать. Это и в прошлой жизни приносило им громадное удовольствие…

Глава 22: ***Болотный гриб***

В пещере было прохладно, но, по сравнению с метелью, лютовавшей за выходом, это был райский уголок. Вечно здесь не отсидишься. Придётся пробираться сквозь снежные завалы. А что ещё остаётся делать? Главное – решить, куда именно держать путь. Эх, паровая повозка, как нам без тебя плохо…

У меня с Томбом возник конфликт. Он начал тянуть одеяло на себя. Принялся раздавать команды. Я в мягких тонах описал ему суть вещей: в Стальне командовал он, был учителем и гидом, но здесь, за пределами города, отдаю приказы я! Да и то, не так, чтобы сильно командую. Совсем чуть-чуть – ровно столько, сколько требуется. У каждого есть своё мнение, которое он смело может высказывать. Мы все здесь друзья. У нас равноправие, так сказать. Волей Алерадуса я назначен над ними старшим. Но любой волен ослушаться меня (слава Мастуку, таких случаев пока не наблюдалось). Так что Томб не в праве здесь распоряжаться. Мы итак слишком многое сделали для его города. Чуть не погибли во время осады. Да, он помог нам спастись, но ведь и мы рисковали своими жизнями ради его идеалов. Так что никто никому ничего не обязан. И вообще, чего это он решил, что мы должны идти туда, куда ему хочется? Стальни больше нет. Следовательно, защищать больше нечего. Нужно остыть, успокоиться и на трезвую голову решить, что делать дальше. Пусть каждый выскажется. И уже потом примем решение, которое всех более-менее устроит.

Томб долго глядел на меня. Кажется, он хотел спалить меня взглядом. Наверное, силы все раньше израсходовал, в противном случае – точно спалил. Потом всё-таки выдавил из себя:

– Ладно, как скажешь, Плувер. Но на отдых времени нет. Если и принимать коллективное решение, то нужно принимать его сейчас.

Я посмотрел на остальных. Они спохватились и начали неумело претворяться, что занимаются своими делами и не подслушивают. Тис кивнул. Его ответа мне было достаточно. Разговор не клеился и сводился к одному – добыть пищу. Уже близился вечер, а мы ничего ещё не ели. Услышав об этом, Бирюк тут же убежал куда-то, прорычав, чтобы мы готовили костёр. Не прошло и получаса, как он притащил в зубах громадную тушу дикого вепря. Вот и ужин. И шкура в придачу.

Тепло огня согревало снаружи, набитый жареным мясом желудок грел изнутри. Запивали еду растопленным в шлеме снегом. Для полного счастья не хватало кувшина-другого с вином. Да и так, в принципе, нормально было. Самое время обсудить наши дальнейшие планы.

– На случай поражения, – начал Томб, – нашими стратегами был разработан запасной план. Его составили буквально за день до начала нападения, поэтому вы ничего о нём не знаете. Это дело очень рискованное и, скорее всего, почти невыполнимое. Но, даже если есть мизерный шанс остановить Тризолуса, им следует воспользоваться!

– Я не хочу больше драться, – перебил его Брок. – Я хочу быть в Линтирфе. Хочу к Трине.

– Значит, вы тоже застали Торжество Беззаботности… – почесал покрытый рыжей щетиной подбородок Томб. – Там хорошо, конечно. Но разве ты не знаешь про их проблемы? Город построен на развалинах поселения Древних. Ещё тех, которые были до возникновения ныне населяющих Материк рас. На тех руинах лежало проклятье. Через миллионы лет оно никуда не исчезло. Мужчины, прожившие в Линтирфе полгода, максимум – год, становятся бесплодными.

– Мне два месяца – хорошо, – стоял на своём Брок.

– За эти два месяца армия техномонстров десять раз успеет спалить Линтирфу дотла. И тебя, кстати, в придачу.

Томб обвёл всех взглядом:

– Или думаете, Стальней всё и ограничится? Тризолус – сумасшедший мизантроп, обладающий слишком большой властью и возможностями. Глупо надеяться, что вас это как-то обойдёт стороной! Только вместе мы сможем его остановить!

– Слушай, Томб, хватит этих патриотических речей, – осадил его Тис. – Этот крысонов сын вырезал весь мой город. Отобрал жену, сына и дом. Вместо того чтобы доживать свой век в тепле и уважении собратьев, я вынужден скитаться как последний бродяга. Уж извините меня, друзья, никого не хотел обидеть. Да вы меня и сами понимаете… Я уже слегка староват для бурной жизни путешественника. Больше чем кто-либо может себе представить, я хочу пробить череп этого психопата своими когтями. Но друзья, глаза мои не застелены кровавым покрывалом горячности. Я отчётливо понимаю: этому никогда не бывать. Вы видели ту механическую крепость? Как туда проникнуть? Вокруг неё кишат техномонстры. Они просто изорвут нас в клочья, не подпустив и на пять километров. Даже если бы нам удалось до неё добраться, что дальше? Крепость раздавит нас как назойливых блох. Это ведь порождение самых злых и жестоких мыслей, когда-либо рождавшихся в голове мыслящего! Вы видели её в смотровые линзы? Она полна шевелящихся щупалец, готовых придушить любого. А орудия? Они в несколько минут разнесли неприступные стены вулкана! Что для них такая мелочь, как мы?

– Я с тобой полностью согласна, – заговорила Джина. – Добраться до Тризолуса – задача невыполнимая. Сопротивляться – бесполезно. Нужно найти какое-то убежище. То место, в котором он никогда нас не достанет. И не только нас. Наших близких и вообще – любого, кто встретится на пути. Надо отправиться в путешествие на юго-запад. Пока ещё не поздно. Мои родители живут в Скоте, заберём их с собой, зайдём в Пашни…

– А потом что? – рявкнул Кич. – Будем ходить из города в город, предупреждать всех, подавать надёжду… А потом, в один пасмурный день нас всех перережут техномонстры как свиней в скотобойнях твоего же родного города. Где ты собралась укрываться? В небесах?

– Не следует на меня кидаться. Мы все сейчас на пределе, так что не надо тут умничать. Я хоть что-то предложила. А ты только и можешь, что тявкать.

– Что ты сказала? – ощетинился Кич. – Тявкать? Я ещё от трущобной воровки жизнеучений не выслушивал!

– Трёхрукая обезьяна! – не заставила ждать ответа Джина.

– Да я тебя сейчас…

– А ну заткнитесь оба! – рассудил Тис. – Нам ещё друг с другом поцапаться не хватало!

– Джина хорошо говорит, – влез в разговор Брок. – Нужно взять Трину и плыть Пустой Материк. Там нет технических зверей. Там хорошо.

– Пустой материк? – удивился Кич. – Ты, наверное, забыл про Вулкан Ненависти. Уж лучше умереть в бою от лап техномонстра, чем во сне подохнуть под пеплом извержения.

– А вообще, там последний раз извержение было лет десять назад, – я разворошил в памяти осевшие школьные учения. – Если повезёт, следующее будет через двадцать, а то и тридцать.

– Да пусть все сорок! – не унимался Кич. – В постоянном страхе. Что это за жизнь?

– И что ты предлагаешь? – поинтересовался я.

– Выслушать Томба – вот, что я предлагаю. Он так и не высказался.

– Почему бы и нет, давайте выслушаем.

– Спасибо, – перенял эстафету дискуссии Томб. – Надеюсь, перебивать больше никто меня не будет? – убедившись, что перебивать не будут, он продолжил. – Как я уже говорил, на случай поражения у нас есть план действий. Не забывайте, что Форт Террора довольно долгое время стоял вблизи Стальни. Всё это время наши лучшие учёные изучали его, искали слабое место. И нашли. Землёй к нему не добраться – это неоспоримый факт. Уж тем более, когда нас подавляющее меньшинство. Но есть место, с которого они не ожидают атаки. С воздуха! – Томб выдержал паузу, торжествующе осмотрев наши озадаченные лица, и продолжил. – Да, именно с него! Конечно, риска эта затея не лишена – механические щупальца и снаряды везде достать могут. Но, ещё раз повторюсь, если есть хоть малейшая возможность – ей нужно воспользоваться!

– Как это вообще возможно? – я вышел из оцепенения. – Полёт? Мы ведь не птицы…

Глаза Томба засияли:

– Стратеги разработали план нападения. Учёные придумали способ его выполнения. Вот, – он снял нагрудник и сорвал с него внутренний смягчающий слой каучука, под которым оказалась сложенная вчетверо бумага. Развернул и протянул нам. Это был чертёж странного шарообразного приспособления. – То, что вы видите – схема одноместного летательного аппарата. При желании, его можно сделать многоместным. От этого ничего не изменится. Он до безобразия прост, и им в состоянии управлять даже ребёнок. Главный его элемент – болотный гриб. Не знаю, слышали вы о таком или нет.

Он растёт только на территории Вечных Болот. В отличие от всех остальных грибов, он питается летучими газами. Высасывает их из болота трубчатым корневищем подобно ненасытной пиявке. Размерами может превышать даже слопра. Если перевязать ножку и срезать ниже перевязки – газ не вытечет. Летучая шляпка – идеальный способ подняться в небо.

– Подожди, Томб, я где-то уже слышал такое, – сообщил Тис. – Если память мне не изменяет, такой аппарат уже создали. Лет двести назад. И его создатель улетел в небо. Больше о нём никто ничего не слышал… Идея использовать болотные грибы для полётов отпала как опасная для жизни.

– Да, наши учёные взяли за основу изобретение великого Винчида Леона. И почему сразу: никто ничего не слышал? Его тело нашли в тот же день. Оно упало на дом в соседней деревушке. Учёный хотел спуститься, сделав в грибе маленькую дырочку. Он даже провёл наземное испытание: проколол шляпку, от чего газ медленно вытек. По его замыслу, так должно было произойти и в воздухе. Но, вместо того, чтобы уменьшаться, плавно спуская учёного на землю, шляпка гриба треснула. Не трудно догадаться, что случилось потом. Великий учёный муж был так увлечён желанием взмыть в воздух, что забыл о том, что его собственный вес сыграет с ним роковую шутку. Дополнительное давление на поверхность шляпки, оказываемое подвязочными тросами, плюс отверстие в нём – равняется катастрофе.

– Так, что-то мне это не нравится, – воспротивилась Джина. – Это дополнительное подавление или как там его, оно ведь никуда не денется?

– Да, чем наш аппарат от того, что двести лет назад построили, отличается? – взбунтовался Кич, не забывая при этом ненавистно поглядывать на Джину. Мне печальную судьбу того изобретателя повторять страх, как не хочется.

– Ты ведь на моей стороне был, – выкручивался Томб.

– Я серьёзно. Мы, примы, высоты не боимся. У нас в крови – по деревьям лазить. Но это не значит, что я заберусь в сомнительную конструкцию, способную лопнуть в любой момент!

– Я не хочу так, – коротко и ясно высказался Брок.

Даже Бирюк, которого наш разговор мало интересовал, начал рычать и тявкать, мол, волки не летают. Пусть этим постыдным занятием птички занимаются.

Я вспомнил про тухнущий огонь и подбросил в него новых веток пещерного дерева. Бледное пламя вспыхнуло новой силой.

– Друзья, вы правы, наш аппарат от изобретения Винчида Леона ничем практически не отличается, – начал объяснять Томб. – У нас времени не было разработать что-то новое. Ладно, не буду врать – это и есть чертёж его изобретения.

– Прекрасно! – хлопнул в ладоши Кич.

– Кич, ты уж прости, что тебя обозвала, – извинилась Джина, – я не со зла.

– Принимается, – улыбнулся Кич. Его ненавистный взгляд вмиг сменился дружеским, словно от души что-то отлегло. – И меня тогда прости. Я первый начал.

Бабочка молча кивнула. Ей тоже не хотелось продолжать ругаться с Кичем, пусть он был и неправ…

Я обратил внимание, что Бирюка в пещере не было. Когда это он успел выйти?

– Как это мило, – заметил Томб. – Так вот, риск есть всегда и везде. Не мне вам говорить. Идя по твёрдой земле, вы с такой же вероятностью можете подвернуть ногу и упасть в обрыв, или наступить на ядовитую змею. Ручаться с полной уверенностью ни за что нельзя. Но свести опасность к минимуму можно. Всё до смешного просто: на сжимающую ножку гриба завязку ставится клапан. Из кожи, металла или дерева – всё равно из чего. Какой материал добудем, таким и воспользуемся. Когда возникает необходимость снизить высоту – клапан открывается, выпуская тем самым избыток газа. Есть ещё вопросы?

– Допустим, что мы все здесь достаточно сумасшедшие, чтобы согласиться на эту затею, – предположил я. – Возникают сразу два вопроса. Первый – как мы доберёмся до Вечных Болот? Мне это представляется весьма размыто. Я по горам лазить плохо умею… Ладно, сможем каким-то чудом. Построим летательные аппараты и доберёмся на них до Форта Террора. А потом что делать? В дверцу постучать?

– До Вечных Болот добраться не так сложно, как может показаться. Через Горный Хребет Печали лезть не придётся. На западе отсюда у реки Морская стоит поселение люртов Торня. У меня есть золотые монеты. Если их не хватит, продадим латы. Лучше бы хватило… Там можно будет купить запасы, а главное – нанять судно. На нём по реке мы доберёмся до Озера Водных. Если удастся уговорить его жителей пропустить нас, то прямиком к болотам и приплывём. Если нет – будем добираться в обход пешком. Оба варианта нас устраивают.

– Звучит вполне пристойно, – одобрил Кич. – На корабле я всегда хотел прокатиться. Вот только как мы доберёмся до Торни? На улице мороз, метель, сугробы по шею… У нас ни провизии, ни тёплых вещей.

Стоило только упомянуть про вещи, как в пещеру вошёл Бирюк. В пасти он тащил меховые шубы. Ровно шесть штук.

– Откуда? – первым из оцепенения вышел Томб.

Бирюк прорычал уклончиво, что очень устал и хочет спать. Нам предстоит нелёгкий путь. Было бы глупо не набраться перед ним сил. Он свернулся калачом и захрапел. Наблюдательный Тис сразу же подошёл к нему и растолкал. Достал баночку лечебного зелья и заставил выпить. Бирюк не стал противиться. Теперь и я увидел, что шерсть волка на боку была запачкана кровью. В блеклом свете костра его рану было легко не заметить. Слава богам, она была неглубокой. Тис промыл её водой и обработал лечебной мазью. Даже не знаю, что бы мы делали, потеряй крот в бою свою аптечку.

Мы ещё какое-то время говорили, обсуждали детали, высказывались… Но и так всё было ясно – лететь на сомнительном приспособлении придётся. При чём: каждый из нас больше не выразил протестов. Бороться – лучше, чем по норам отсиживаться. Даже Джина была с этим согласна.

Легли у костра. Закутались в шубы. Утром с трудом пожарили остатки замороженного вепря. Удивительно – за ночь никакой зверь не утащил вынесенную в снег тушу. Оставшееся мясо взяли с собой в дорогу.

Погода сопутствовала. Солнце искрилось на снежной глади сугробов. Стоячий морозный воздух пощипывал раскрасневшиеся лица. Чистое, без единого барашка тучки, небо внушало оптимизм. Если бы ноги по колено в снег не проваливались – вообще отлично бы всё было. Когда я терял терпение – топил снег огненным заклинанием. Даже не знаю, как лучше: идти по глубоким сугробам или по вязкой грязи.

Бирюк чувствовал себя великолепно. У волков ранения заживают гораздо быстрее, чем у других мыслящих. Даже быстрее, чем у кротов. А с лечебным напитком – за ночь затягиваются. Главное не задевать образовавшийся струп, и всё будет в порядке.

Начинало вечереть. Снег был сыпучим, поэтому построить из него крытое убежище оказалось весьма сложной задачей. Мы просто вырыли в глубоком сугробе яму для ночлега. Снежные стены от ветра хоть как-то, да защитят при необходимости.

Сложнее всего было отыскать дрова для костра. Вокруг одна только снежная гладь. Вот тут-то я и дал волю накопившейся ненависти к ней. Огонь, вырывавшийся из моих рук, с шипением топил сугробы. После долгих поисков нашлось несколько погребённых снегом карликовых деревьев. Чем не дрова, пусть и замёрзшие?

Сил у меня совсем не осталось, и я лёг спать. Костром занялся Томб. Его стихия – ветер. Огнём он управляется не так умело, как я. Но это не помешало ему распалить заледенелые стволы. Сбившись в кучку у костра, прижимаясь поближе к боку Бирюка, утопая в шубах – так прошла ночь.

Нам пришлось здорово хлебнуть морозного горя. До конца своих дней я буду вспоминать… И это будут далеко не «приятные воспоминания». Собачий холод, недоедание, недосыпание. Но мало этого – я подцепил горячку. Друзья соорудили для меня носилки и привязали их к спине Бирюка. Даже боюсь себе представить, как это было унизительно для гордого волка. Но лучшего решения не нашлось.

Снежные просторы сменились серостью земли и желтизной листьев. Когда лечебная настойка поставила меня на ноги, мы были уже в одном дне пути от Торни. Даже не знаю, как Тис умудрялся отыскивать нужные травы в тех сугробах. Я перед ним в громадном долгу. Да и перед остальными – тоже. Про Бирюка я вообще молчу. Ему я обязан в первую очередь.

За то время, как мне потом рассказали, на нас напал отряд разбойников. Проходя невдалеке, они узнали свои шубы, украденные ночью из лагеря. Тогда от зубов волка погибло два охранника. Не стоит и говорить, кого

бандиты хотели убить первым. Томб пошёл на риск. Он потратил все свои магические силы на создание воздушного элементаля. От которого, кстати, в бою было проку мало. Он был громадных размеров, но соответствующей мощью похвастаться не был в состоянии. Разве что – причёску испортить мог и глаза снегом засыпать. Но задумка сработала. Напуганные вихревым великаном, разбойники пустились в бегство. Им не хватило смелости проверить его на крепость. А ведь у тех вихрей едва ли хватило бы сил сорвать металлический шлем с головы…

За костром Томб наконец-то рассказал, зачем они тогда с Риоллиосом вступили с нами в драку. Кровь приказала – хорошая отговорка, но долго в неё верить не будешь. В Стальне мы старались избегать этой темы. Как-то неловко было. А сейчас – так уж подавно. Есть дела и поважнее. А про Риоллиоса так вообще язык не поворачивался заговорить. Скорее всего, он погиб во время нападения. Мало ли как Томб отреагировать может на упоминание о своём лучшем друге… Но раз уж сам начал рассказывать, значит, так надо.

Они тогда действительно шли из Бастона. Их задачей было получить поддержку Гильдии Бастонских Магов. Для борьбы против мощного противника нужны союзники. Мы вряд ли знаем, но большинство колдунов юго-западных земель живут именно в Бастоне. Они не сильно любят об этом распространяться. ГБМ не то, чтобы тайная организация, но и не открытая для широкой общественности. Так вот, их помощь могла бы сыграть ключевую роль. Кто знает, согласись они помочь, Стальня могла бы остаться неприступной…

В общем, Тарансор Второй, Верховный Гильдии, дал ясно понять, что не в своё дело лезть не собирается. У него с Тризолусом отношения не совсем, чтобы тёплые, но и не враждебные. Зачем ему подвергать своих дорогих подопечных на такую опасность? Уж лучше остаться в стороне, сохранить нейтралитет…

Пришлось возвращаться домой ни с чем. Но мало того, по дороге на Томба с Риоллиосом напали грабители. Они, конечно же, получили своё. Уцелевшие в панике бежали. Но бой не прошёл без потерь. Испуганные громкими криками и лязгом оружия кони магов поскакали прочь. Найти их так и не удалось. Стоит ли говорить, что все запасы питья и еды, тёплая одежда и палатка – были привязаны к лошадям? Хорошо, что Риоллиос по старой привычке носил деньги на поясе.

Два уставших, голодных, замученных ночным холодом мага подходили к ближайшему поселению – аграрному городишке Пашни. Как назло, им навстречу шла группа весёлых «молодчиков». Один из них даже песни распевал радостно-вульгарные. Кич это был, если память Томбу не изменяет. Натянутая до предела струна нервов не выдержала. Он швырнул камень в нашу сторону. Нет, совсем не хотел кого-либо травмировать. Только напугать, чтобы мы заткнулись и не злили его своим весельем. Он и предположить не мог, что у нас хватит дерзости вступить с ними в драку. Риоллиос не стал ждать нашего приближения и напал первым. Как он потом признался: думал,

что его резкий выпад распугает нас. Но не тут-то было. Естественно, им пришлось нам поддаться, чтобы не нанести вред. В конце концов, это они начали.

Вот так всё и было.

Я оглянулся по сторонам: его рассказ сморил на сон всех. Ради приличия я пробурчал в ответ что-то невнятное, а потом накрылся и тут же заснул. Снилась какая-то белиберда про хохочущих лошадей и прыгающих вокруг них примов со свиными головами. Проснулся в плохом настроении. Погода соответствовала: свинцовые тучи вот-вот собирались расплакаться.

К Торне мы подходили до нитки мокрые. Никто не встречал нас с распростёртыми объятьями, никто не хлопал дружески по плечу. И парад никто в нашу честь не закатывал. Да вообще – на входе даже охранники не стояли. Ничего, нам не привыкать.

Был ливень. Не удивительно, что мы не рассмотрели признаков возможной угрозы. Лишь пройдя главный вход, я заметил, что ворота не распахнуты внутрь, а повалены на землю. Рядом с ними лежало изувеченное тело люрта. Дождь ручейком смывал с него кровь в лужу неподалёку.

Улицы были пусты, если не считать мёртвых тел повсюду… Под ногами хлюпала грязь. Мы держали оружие наготове.

Это был техномонстр. Он увидел нас. Другой. Больше любого, с которым мы сталкивались. Под раскрытой металлической пастью сжимались и разжимались суставчатые клешни. Длинный, гибкий хвост, увенчанный остроконечной булавой, покачивался в разные стороны. Три пары шарнирных ног несли это чудовище к нам. Из трубы на спине валил дым. Детский плачь. В решётчатом брюхе были заточены младенцы.

Мы побежали врассыпную. Механизм погнался за Джиной. Не смотря на свой размер, передвигался он гораздо быстрее человека. Бабочка едва успела свернуть за дом. В том месте, где она была секундой ранее, кирпичи стены проломились под мощным ударом булавы. Раздался выстрел. У Кича оставалось ещё несколько обойм, полных патронов. Глазная линза не задета. Второй. Тоже мимо. Бешено виляя мордой, техномонстр побежал к нему. Как тут в глаз попадёшь, спрашивается? А у механизма их два…

Магию применять – опасно. Могут пострадать заточённые дети. Я выбежал из-за дома и со всей силы рубанул мечом по задней ноге монстра. Мастера Стальни умеют делать оружие! Я скрылся. А срубленная конечность осталась лежать в грязи. Но на передвижение механизма это не повлияло. Он направлялся к Кичу, не прекращающему вести прицельный огонь. Всё-таки выбив одну глазную линзу, прим побежал искать себе укрытие. В этот же момент на панцирь техномонстра запрыгнул Тис. Но могучий хвост тут же сбросил его как назойливую муху. Благо, не булавой, а гладкой трубчатой частью. К ужасному удивлению, стоило кроту запрыгнуть, как из панциря выскочили шипы, проколов ему ноги. Тут из укрытия выскочил Брок и вмазал что было силы по механической лапе перначом. Он был менее удачлив – механизм пихнул его конечностью. Одна нога отрезана, другая – изогнутая.

Механическое чудовище неуклюже ползло на оставшихся четырёх к бессознательно лежащему на полу Броку. Джина метнула нож. Точно в глазную линзу! Молодчага!

Но порадоваться ослеплению врага нам так и не удалось. Он продолжал ползти к Броку. Как потом выяснилось, в его слегка приоткрытой пасти была спрятана третья линза. В неё попасть было крайне сложно. Техномонстр дополз до цели. Занёс хвост для удара. Но опустить булаву ему не удалось. В хвост вгрызся Бирюк. Пользуясь возможностью, из укрытия выскочил Томб и уволок Брока в сравнительно безопасное место. Я тоже не стал терять времени. Подлетел к обескураженному врагу и срубил его ноги. Одну за другой. Тем временем Бирюк отгрыз хвост. Лежащее на боку обездвиженное, обезоруженное механическое тело монстра размахивало мелкими передними лапами-клешнями, клацало челюстью и выпускало и втягивало шипы на спине. Заточённые в его металлическое чрево дети визжали. Мне в лицо бил горячий пар. Но это было терпимо. Я сделал то, что должен был. Срубил несколько шипов под выхлопной трубой и несколькими мощными взмахами распорол панцирь. Нет, там паровой двигатель. Сделал то же самое ближе к голове. Нашёл! Аметистовый кристалл! Одного удара хватило оборвать ненужное нашему миру существование этого чудовищного создания.

Дождь уже не шёл. Из просветов в облаках на нас разливалось тёплое золото солнца.

Разрубив прутья, мы вытянули детёнышей. Никто из них серьёзно не пострадал – это лучшая награда за бой.

Тис лежал в грязи. Дрожащими руками держал треснутую флягу. Пытался добыть из неё оставшиеся капли лечебного напитка. Ему здорово досталось. Без боли в сердце я не мог смотреть на его проколотые ноги.

Оказывается, мы не одни в городе. Сотни глаз наблюдали за нашей схваткой с техномонстром. И теперь они приближаются к нам. К Тису подбежало несколько люртов. Они принялись обрабатывать раны. Плачущих младенцев подхватили на руки. Унесли в дома. Женщины. Они все были женщинами.

Одна из них заговорила с нами. Мы, великие воины, спасли их городок от страшного металлического помощника Гирена. Бог был недоволен ими. В последнее время они перестали приносить ему в жертву младенцев. За это он послал своего помощника собрать дань. Но никто не захотел её отдавать. Все мужчины, даже старики, стали горой, взялись за оружие. Но что они могли поделать с тем потусторонним чудовищем? Оно убило их, а потом принялось отбирать детей. И тут появились мы, великие воины, отнявшие у чудовища жизнь и забравшие обратно украденных детей! Мы всегда будем почётными гостями в их городке. Если нам что-нибудь потребуется, мы без стеснения можем это потребовать!

Я кратко объяснил, что это чудовище вовсе не потустороннее, а созданное человеком в нашем мире. И что нам нужны съестные припасы, доски, инструменты, одежда, порох, бумага, свинец, корабль, мешки, кожаные

ремни, лечебные перевязки, зелья, порошки из пустынника, голубого кита, лягушачей лапки, светящихся тараканов, электрического угря и тому подобные необходимости. Для большей точности, я повторил этот список несколько раз, поскольку, как выяснилось, читать собеседница не умеет, а если бы умела – записать не на чем. Она понимающе кивнула и пообещала достать всё, что только у них есть. Надеюсь, память её не подведёт.

Не успела она уйти, как к нам подошла другая люртша. Спросила, не хотим ли мы отдохнуть, поесть или ещё чего (говоря это, она всё поглядывала на пришедшего в сознание Брока и кокетливо размахивала хвостом). Значит, правда, когда говорят, что женщины-люрты после смерти мужа в трауре больше пяти минут не находятся… Отказываться от гостеприимства никто не стал. С дороги все были более чем голодны. Надоело жевать недожаренное мясо диких кабанов, сусликов и крысонов. Про усталость я вообще молчу. Отдых нам ох как не помешает!

Нас отвели в громадный зал для пиршеств. Должно быть, в нём принимают самых почётных гостей. Отказавшегося лежать в лечебнице Тиса посадили на допотопную кресло-каталку и покатили к нам. По его сияющему выражению лица и не скажешь, что он был серьёзно ранен. Еда была изумительной. От разнообразия у меня разбегались глаза. И это в городе люртов, которые в особом гурманстве крайне редко бывают замечены! Тогда я жалел об одном: что мой желудок не безграничен… В придачу ко всем тем кушаньям, было разнообразие выпивки. Всевозможные виды эля, вина и перцовой настойки. Мой выбор пал на чёрное вино – традиционный напиток люртов. Оно было горьким на вкус, быстро било в голову. То, что надо… Я обязательно попрошу дать нам в дорогу бочку-другую.

Больше всех, повезло Броку. Та люртша, присмотревшая его ещё днём, совершила задуманное. Уволокла его в спальню…

А вот мне было совсем не до этого. Кажется, Джине тоже. Хоть мы и сидели рядом, но между нами была пропасть. Даже не знаю, почему так произошло. Стоило признаться друг другу в любви, как на город напали техномонстры. Может быть, из-за этого я боюсь взять её тёплую, нежную руку, поцеловать в губы? Почему я смущённо отвожу взгляд? Что-то останавливает, мешает. В душе затаился страх. На меня это не похоже…

Ранним утром всё было готово. У причала нас ждал самый лучший корабль, который только был в городе. Его трюмы были забиты всевозможными припасами. Особенно меня обрадовало наличие порошка сушёного электрического угря. Его было не так много, как хотелось, но и на этом спасибо. Еда, выпивка, пресная вода – всего было в большом количестве. Нужно отдать должное – память у той люртши замечательная. Всё, что я просил, было на месте.

Брок буквально ошарашил всех заявлением: без Тоны он никуда не поплывёт. Так звали ту девушку, которая пригласила нас на пиршество. Мы пытались его отговорить: всё как волнами о скалы. Упёрся на своём. Ничего с ней плохого не произойдёт. Она, по её же словам, отличный воин. С детских

лет училась стрельбе из лука и владению двуручным мечом. Оружие, броня – всё у неё есть с собой. Отец погиб в бою с техномонстром. Матери никогда не знала. Ни мужа, ни детей завести не успела. В городе ничто не держит. К тому же, она прекрасно умеет готовить. Даже согласна делать это всё время, без лишних разговоров.

А что нам оставалось? Без Брока наши мизерные шансы на победу сводились к нулю…

Команда пополнилась.

Мы пустились в плавание. Сказать по правде, матрос из меня не то, чтобы никудышный, но и до профессионализма далековато. Слава Мастуку, хоть морская болезнь стороной миновала. Чего нельзя сказать о Броке и Бирюке. Кто бы мог подумать? Самые сильные из нас, а перед простой качкой не устояли.

Тона не соврала. Готовила она действительно отлично. Жаль её возлюбленный Брок не сразу смог оценить её талант по достоинству…

Шкипером безоговорочно выбрали Томба. Так уж и быть, пусть покомандует немного. Как сам признался, в юности он несколько лет бороздил просторы Моря Покоя на торговом судне, чем-то похожем на наше. Но то было меньше и не такое новое… Молодость требовала приключений, а кок требовал чищеной картошки. Магические навыки юнги (коим был Томб) в повседневном быте мало требовались. Разве что команду веселить фокусами. А так – большинство времени было потеряно в камбузе за чисткой картошки и мытьём посуды. Но свободное время юнга проводил с пользой: ходил с важным видом за капитаном по палубе и требовательным голосом повторял все его команды. Никто не был против такой мелкой шалости.

Плох тот юнга, который капитаном стать не хочет…

Лучшим морским волком можно назвать, увы, не Бирюка. От него вообще пользы никакой не было. Даже вред – разлёгся посреди палубы так, что только перелазить через него надо. А вот Кич, наоборот, был самым полезным. Лишившись руки, он ловкость не растерял. Лазил по мачтам с невероятной прытью.

Тис пил лечебное зелье. С каждым днём ему становилось всё лучше. Раны на ногах затягивались. Он начал ходить. Вначале на костылях. Потом с палкой. А потом и вовсе без какой-либо помощи.

«Две доли пустынника, одна голубого кита, одна лягушачьих лапок, две тараканов и одна электрического угря!» – это наставление Алерадуса я держал в памяти ещё с Сара. Первое время повторял перед сном, чтобы не забыть. Главное, не напутать. Сомнения закрались. Захотел уточнить точно. К сожалению, Томб не знал, как делать взрывной порошок и помочь мне в этом был не в состоянии. На всякий случай, я спросил у Кича. Он согласился со всем, кроме первых двух ингредиентов. Кажется, пустынника одна доля, а голубого кита – две. Но память, как известно, умеет играть с нами шутки весёлые… Эх, Лорк, почему ты ушёл от нас? Ведь у тебя была бумажка с точным рецептом!

То, что раствор мог испортиться от дневного света – забыть просто невозможно… Поэтому экспериментировать я решил в одном из трюмов. Мы с Кичем вынесли из него все припасы. Мало ли что случиться может. Лучше лишний раз перестраховаться. Вначале решили испытать пропорцию, предложенную Кичем. Смешали порошок. Несмотря на название, в реке Морской вода была пресной. Кич предварительно набрал несколько вёдер за бортом. Я принялся лить воду на полученный порошок. Уже начало переливаться за край чана, а гнилостного запаха не следовало. Промашка! Кич сочувственно развёл плечами. Мне хотелось влепить ему затрещину. Еле удержался. На эту попытку я потратил половину всего порошка электрического угря!

Смешав ингредиенты в первичном варианте пропорции, я принялся лить воду. Вот тут-то и пошла вонь. Прибежала перепуганная Джина, схватилась за нос и помчалась прочь. Значит так, что там маг дальше делал… Да, он воспользовался магией. По идее, всё, что мог Алерадус, могу и я. Но это только по идее. Что делать, о чём думать? Кич не выдержал запаха и пулей вылетел из трюма. А мне, значит, приятно вдыхать этот «прелестный аромат»? Предатель! Так, отвлекаться не нужно. Я закрыл глаза и начал пытаться представлять, как это варево начнёт превращаться в порошок. Но перед глазами почему-то постоянно прыгали какие-то верблюды и лошади. Откуда они там появились? Сегодня я и капли вина в рот не брал! Потом, вроде бы, начало представляться что-то вроде жидкого раствора, постепенно превращающегося в сыпучий порошок. А потом я, естественно, отключился.

Пришёл в сознание от окатившей меня холодной воды. Брок держал в руке пустое ведро и улыбался. Томб помог подняться. Ликующий Кич не стал говорить, а метнул комочек порошка в воду. Грохочущий взрыв поднял приличный столб воды. Радости моей не было предела.

Я думал, что проплыть через ущелье в Горном Хребте Печали окажется проблематичным. Мне оно представлялось гораздо уже, чем оказалось на самом деле. При желании, там могло пройти судно в три раза большее нашего. Но рисковать лишний раз не стали и сбросили скорость. Мало ли что. Об подводный риф дно распороть или на мель сесть. В скалистых местностях можно многого ожидать. Слава покровительствующим нас богам, всё обошлось! Мы благополучно преодолели ущелье.

Водное путешествие продолжалось.

Как-то вечером я набрался смелости и отправился в каюту Джины. Тис тогда стоял у штурвала. Заметив меня и тут же догадавшись, куда иду, он пообещал, что никому не скажет. Почему-то на следующий день Кич лукаво мне улыбался, а Брок всё посмеивался… Ну и Гирен с ними!

Джина не удивилась моему приходу. Даже наоборот: сказала, что всё гадала, почему я не заходил к ней раньше. А потом настало очень неловкое молчание. Я хотел говорить о своих чувствах, а вместо этого губы только и расплывались в глупой улыбке. Слова застревали где-то в гортани. Я подсел рядом. Попытался обнять, но угадавшая мой замысел Джина встала и отошла в

сторону. «Не сейчас» – сказала она, и разрыдалась. Я попытался её успокоить. Вытер слёзы, принёс стакан с водой. Вскоре Бабочка пришла в себя и заговорила. Она не может с собой ничего поделать: действительно любит меня. Но… В её жизни был мужчина… Он сделал ей очень больно… Джина думала, что никогда не сможет полюбить после этого. Как выяснилось, смогла… Но что-то внутри мешает разрушить стену, которой уже долгое время ограждает себя от мира. Как бы ни хотелось, она не может впустить меня в свою жизнь. По крайней мере, сейчас…

Мы провели ночь вместе. Она поцеловала меня перед сном. Лежа так близко, я всё же не посмел прикоснуться к ней…

Это была самая странная в моей жизни ночь с женщиной. Как ни удивительно, разочарования не почувствовал. Даже гордился, что смог совладать со своими желаниями. Надеюсь, Джина ценит мой подвиг.

Томб научил Кича делать патроны. Пороха, свинца и бумаги хватало. И взрывной порошок был в наличии. В общем, всё не так сложно, как казалось. Свинец легко плавился на огне. Томб, при помощи могучих пальцев Брока, выгнул из металлической ложки формочку. Расплавленный в ней свинец остывал, принимая округлую форму. Дальше – обточить её напильником. Бумага была тоньше, чем надо. Пришлось накручивать её несколькими слоями. В бумажный патрон засыпался порох с мизерной примесью взрывного порошка. Нужно было в точности соблюсти пропорцию, чтобы порох мог воспламениться лишь от сильного удара мушкетным бойком. Поверх плотно утрамбованного пороха ложилась пуля. Всё это хорошенько заматывалось в бумагу. Всё. Патрон готов. Осталось только испытать. Кич вставил его в обойму и выстрелил в парящую по небу чайку. В общем, чайка больше не парила…

Под мудрым руководством Томба, Кич принялся делать патроны.

Тис мешал травы, варил их в казане, доливал воду. Наполнял бутылочки полученным лечебным зельем.

Река Морская впадала в Озеро Водных. Близ речного берега поставили судно на якорь. Спустили на воду шлюпку. В ней я, Томб и Брок поплыли к озеру. Тиса оставили старшим.

Моё плохое предчувствие подтвердилось. Не успели проплыть и нескольких метров по озерной глади, как вынырнули щупы. Они окружили нас. Их перепончатые руки сжимали зазубренные орудия. Гарпуны, как я узнал потом. Они что-то лопотали на непонятном булькающем языке. Мы только в ответ руками разводили. Потом один из них едва различимо спросил, кто из нас главный. Брок ткнул в меня пальцем. Щуп пробулькал что-то своему скользкому членистоногому собрату. Тот кивнул и тут же скрылся в воде. Спустя несколько напряжённых минут молчания и бездействия он вынырнул. А вместе с ним вынырнула прозрачная капсула. Щуп жестом показал, чтобы я в неё залез. Остальным моим спутникам он сказал ждать.

Не так, чтобы страшно было, но уж точно – неприятно. Капсула проглотила меня. Плотно сжалась над головой. Я стал её пленником.

Некоторые щупы остались следить за Томбом и Броком. Остальные поволокли меня на дно.

В прозрачной воде озера плавали разноцветные рыбы. Из дна росли причудливые красные, жёлтые и фиолетовые водоросли. Я испугался, когда громадная креветка стукнулась об оболочку. Мне показалось, что капсула треснула. Трудно передать словами тот панический страх, холодом окативший всё внутри. Один. От подводной толщи отделяет лишь эта тонкая прозрачная стенка. Здесь никакая магия не способна помочь. Дай течь это нехитрое подводное приспособление и… Даже не хочу об этом думать! Слава Мастуку, то, что я принял за трещину – оказалось прилипшей оторванной ножкой креветки. Но до полного спокойствия было далеко. Всё тяжелее становилось дышать. Мне ведь нужен воздух, а с каждым вдохом его становится меньше.

За всё время путешествий для себя я открыл одну простую истину: паника очень плохой союзник. Лишь трезвость рассудка, холодная чёткость действий и полнейшее спокойствие способны привести тебя к победе.

Мы подплывали к странным округлым строениям, расположенным вдоль дна. Из самых больших торчали трубы, тянущиеся к поверхности. Мою капсулу заволокли в округлое отверстие в илистом дне. Протянули по тёмному водному тоннелю а потом меня буквально вытолкнуло вверх. Стоит ли говорить, что я стукнулся головой о потолок?

Капсула раскрылась. Вначале с опаской, потом всё более уверенно, я начал дышать. На стенах висели шары, источающие мягкий голубой свет. Впервые вижу такие. Я спрыгнул на твёрдый пол. Следом из воды вынырнули мои сопроводители. Они жестами показали, чтобы шёл за ними.

К большому удивлению, щупы предпочитали дышать лёгкими. Так вот зачем те громадные трубы – они втягивают воздух с поверхности! Мне их город всегда представлялся совершенно другим. Уж точно – непригодным для существования других мыслящих. Как мало мы, всё-таки, друг про друга знаем.

Самое поразительное: по дороге коридорами и просторными залами подводного города попадались мыслящие других рас. Вот голубо-шёрстный прим разукрашивает стену. А вон там ребёнок-драг играет со своими сверстниками щупами. Таких случаев было довольно много. Даже не знаю, что тут и думать.

Меня завели в небольшой зал. Стены в нём плавно переливались оттенками фиолетового. За столом сидел пожилой щуп. Его одежда ничем не отличалась от той, что была на других. Те же похожие на прилипшие водоросли штаны и сорочка. Но, в отличие от остальных, на шее у него висел медальон – большая чёрная жемчужина на платиновой цепочке. Должно быть, я удостоен аудиенции почётной особы.

– Приветствую тебя, – заговорил пожилой щуп, каждое слово которого словно выпрыгивало из лопающегося пузыря, – в городе Подводье. Моё имя Рыборок. Я – избранный править своим народом.

Последовала короткая пауза. Кажется, теперь моя пора представляться:

– А я – Дрим Плувер Тринадцатый. Маг. До целого народа далековато, но в своей команде вроде как главный.

– Маг? Для нас большая честь принять избранника потусторонних. Скажи, что занесло тебя к нам? – щуп говорил коряво, но на удивление правильно составлял слова.

– Да я бы и сам хотел на этот вопрос получить ответ… Понимаете, я не совсем управляю своей судьбой. За меня этим занимается моё потустороннее существо. В последнее время только в передряги меня и втягивает.

Рыборок вопросительно (насколько это позволяла мимика его гладкого лица) посмотрел на меня.

– Короче говоря, сейчас мы держим путь к Вечным Болотам. И просим позволить проплыть к ним по территории вашего великого подводного государства. Мы ведь всё равно на поверхности будем…

– Что вы забыли в Болотах?

– Как бы смешно это ни звучало, хотим построить летательные аппараты из болотных грибов.

– Подобно великому Винчиде Леону?

– Да. А откуда вы знаете это имя?

– Мы знаем о нём всё! Сотни лет назад он разработал для нашего народа чертежи подводного города. Именно благодаря нему мы смогли построить Подводье. Для щупов его имя навеки останется священным.

– А до этого вам плохо жилось? И почему я никогда не слышал о том, что вам помогал наш учёный? – я не посчитал наглостью спросить это. Тем более, разговор из формального плавно перетёк в дружеский.

– Озеро полно опасностей. Дикие подводные твари постоянно совершали набеги на наши поселения. Убивали воинов, детей и женщин, рушили дома. Некоторые щупы пытались найти убежище на суше, но там, как выяснилось, опасностей не меньше. Двести лет назад тогдашний избранный править своим народом Кальминоок попросил помощи у самого великого из великих учёных. Винчида Леон сразу же взялся за дело. Втайне от своих собратьев. Вот почему ты ничего не слышал об этом. Дружба со щупами тогда не была в почёте на суше. Сейчас, пожалуй, тоже. Лишь немногие, как ты, к примеру, не отворачивают от нас с презрением и отвращением лицо… Так вот, он предложил создать сушу под водой. Щупы способны дышать воздухом. Подводные монстры – нет. Благодаря нему, мы лишились этой проблемы раз и навсегда.

– А они не пытались проломить ваши здания?

– Нет. Всё, что связанно с воздухом отпугивает их.

– Кстати, вы упомянули имя Кальминоок. Мне кажется, я встречал щупа с таким именем. В Саре.

– Ты не врёшь?

– Я могу ошибаться, конечно. Может быть, его и не совсем так звали. А может, и так. Он рассказывал, что раньше жил в этом городе. Но потом пустился в странствие, которое привело его в Сар. Сейчас он живёт в

Трущобах Недостойных. На суше, так как городская река слишком грязная для обитания.

– Скажи, ты не помнишь, как он выглядел?

– Да обычно выглядел… – я напряг память: размыто как-то, ничего определённого, разве что… – Кажется, у него глаза были разного цвета. Да, такое забыть трудно. Пусть я и подвыпивший был. Один синий, другой чёрный.

– Я знаю лишь одного жителя Подводья с такими глазами. И он сотню лет назад покинул город. После него избранным править своим народом стал я.

– Вы хотите сказать, что я сидел в таверне, пил эль за одним столом с…

– Да, именно с ним.

– Но как такое возможно? Неужели щупы живут столько лет?

– Нет, щупы живут не намного больше людей или драгов. Лишь единицы обречены на долгожительство. И только они имеют право быть избранными править своим народом.

– А как вы это обнаруживаете?

– Это определяется сразу после рождения. Такие щупы отличаются от других, хотя, иноземец разницы никогда не заметит.

– Так вы, получается, тоже такой?

– Да, я прожил сто шестьдесят три года… А Кальминоок – больше двух с половиной сотен лет.

– А почему он покинул город?

– Долгожительство – не дар. Страшное проклятье. Рано или поздно от него устают… – Рыборок задумчиво помолчал некоторое время. – Многие ищут смерти. Некоторые – пускаются в отшельничество. Хотя, такие долго не выдерживают – сходят с ума.

– Но Кальминоок выглядел вполне нормальным.

– Поверь мне, он выжил из ума. Ты думаешь, здравомыслящий щуп попёрся бы в Сар? После всей роскоши и привилегий в родном городе, нормальный стал бы жить в трущобах?

– Не знаю… Наверное, нет.

– Ты говорил, что вам надо на Вечные Болота. Скажи, зачем хотите сделать летательные аппараты?

– Чтобы использовать их для нападения на Тризолуса – сумасшедшего мага, наводящего ужас на все города Материка.

– Я слышал про него. Он Верховный Маг. Почему сумасшедший?

– Он сжёг дотла уже несколько городов. И останавливаться явно не намеревается. Им управляет злость и жажда разрушения.

– Довольно грозный противник. И сколько человек в твоей армии?

– Эмм… Нас семеро… Нет, с Тоной уже восемь…

– Вы или храбрецы, или не в своём уме, раз выступаете против способного сжигать дотла города противника…

– Скорее – не в своём уме, – заметил я.

– Я разрешаю вам переплыть озеро. Только держитесь берега, чтобы не задеть наши воздушные трубы. И ещё одно: без проводников вы завязнете в Болотах ещё до того, как поймёте что к чему. Я распоряжусь предоставить вам отряд наших лучших воинов. В битве с Тризолусом они вам помогут…

У меня отнялся дар речи. На такую щедрость я совсем не рассчитывал.

– Это лишь самое малое, что я могу сделать для человека, общавшегося с самим Кальминооком, пусть и сумасшедшим. К тому же, ты чтишь память великого Винчида Леона, что очень большая редкость для вашей расы…

– Я даже не знаю, смогу ли как-то отблагодарить…

– Сможешь. Тем, что победишь своего врага, кем бы он там ни был. А теперь извини, нам пора прощаться. Что у тебя, что у меня – полно дел. Если хочешь, можешь задать последний вопрос.

– Да, просто так, для интереса. Вы так хорошо, связно говорите на нашем языке. И про Сар знали. Откуда, если не секрет?

– Когда сюда шёл, ты, должно быть, обратил внимание на сухопутных мыслящих в наших стенах. Большинство из них совершили преступления в вашем мире. Они пришли в наш город в поисках убежища от правосудия. Мы не каждого пускаем. Лишь тех, кто действительно раскаивается, кто всей душой хочет исправиться. Это легко определять – богами нам даровано умение чувствовать замыслы любых мыслящих. Если бы твоя душа была грязна, к примеру, тебя бы сюда и не привели… Некоторые другие сухопутные жители Подводья пришли к нам в меру иных причин. У каждого они свои. Да мы и не спрашиваем какие. Главное, чтобы гости не желали нам зла. От них мы и узнаём о наземном мире.

Я пытался переварить сказанное, когда скользкая перепончатая рука Рыборока пожала мою. На этом мы и распрощались. Трудно верилось, что нам не только разрешили переплыть Озеро Водных, так ещё и отряд воинов в помощь приставили.

Мне опять предстояло путешествие в подводной капсуле. На этот раз я перенёс его гораздо проще.

В шлюпке скучали Томб и Брок. Каково же было их удивление, когда я сообщил, что вынырнувшая следом дюжина щупов-воинов будет помогать нам.

Благо, судно было способно вместить новых членов команды. Среди которых только один мог более-менее разговаривать на нашем языке. Его звали Камоорн.

Пополнение рядов привело к поредению съестных припасов. Ну и аппетитец у наших новых друзей, хочу заметить. По моим расчётам еды должно хватить. А вот вино в ближайшее время кончится, если будут продолжать так же лихо на него налегать. А они будут… На всякий случай, я припрятал парочку кувшинов в своей каюте.

Если честно, я поражаюсь самому себе. Склонный к недоверию, мнительный, хронически педантичный, я с легкомыслием принял помощь Рыборока. Мало ли что? Может быть, у него тайное соглашение с Тризолусом.

И этот отряд он приставил к нам совсем не из добрых побуждений. Что мешает им ночью вырезать нас как сонных щенков? Почему я раньше об этом не задумывался? Но самое ужасное, я и сейчас размышляю об этом крайне редко. Да и то – не со всей необходимой серьёзностью. Что-то есть в щупах располагающее к себе. Их непривычные нашему взгляду членистоногие тела должны отталкивать. Но этого не происходит. Наоборот, к ним питаешь своего рода симпатию. И не только я. Все мои друзья очень быстро сдружились с новыми соратниками. Неужели нам так просто задурить голову? Надеюсь, нет…

Уже на второй день путешествия по Озеру Водных с подзорной мачты можно было разглядеть тёмную зелень болот. Было грустно оставлять наш корабль. Я к нему начал привыкать даже больше, чем в своё время привык к паровой повозке. К тому же, роль матроса мне пришлась по душе. Когда всё это закончится, нужно будет всерьёз задуматься об этом. А что? Верный экипаж уже есть! Если повезёт, найдём наш корабль в этих водах нетронутым. Наберём запасов и отправимся бороздить нетронутые просторы Вечного Океана! Эх, кого я обманываю?

Мы погрузили припасы на шлюпки и поплыли к берегу. Переливающийся в лучах обеденного солнца, покинутый корабль с каждым гребком весла отдалялся от нас. Я видел, как на его борт забралось несколько любопытствующих щупов. Теперь корабль ваш, ребята…

Разбили лагерь невдалеке от Вечных Болот. Что-то болотных грибов разглядеть мне не удалось. Камоорн сообщил, что ближайший грибной лес расположен в трёх, максимум четырёх часах пути болотами и топями на север. Он с остальными щупами проведёт нас к нему самой безопасной дорогой. Решили выступить в путь на рассвете. Так, чтобы успеть до захода солнца сделать летательные аппараты.

Болото – не лучшее место для прогулок. Особенно с увесистыми мешками за спиной. Лишний вес может сыграть не в нашу пользу. Большую часть припасов пришлось оставить. С собой взяли лишь самое необходимое. К сапогам приделали широкие куски досок. Так будет меньше вероятности завязнуть. Ну и жалкий вид у Бирюка был! Еле смех сдержал. И правильно сделал. Хвостом по башке получить не очень-то и хотелось… Щупам доски не понадобились: их перепончатые ноги были словно созданы для ходьбы по болоту.

Я ненавижу это место! Вонь! Ужасная вонь повсюду! Прямо из земли надувались пузыри, лопались. Мы отплёвывались от попавшей в лицо солёной грязи. Она пекла глаза, липла к волосам. Какой отвратительный запах! Повсюду мерзкое кваканье болотных жаб. Некоторые из них были размерами с собак. Агрессивные. Они жрали друг друга. Заглатывали дрыгающих лапами меньших собратьев. Без отвращения смотреть было невозможно.

Как выяснилось, жаб бояться нам не следовало. Бояться нужно совсем других существ. Они выползли из грязи прямо перед нами. Их было не счесть. Болотные слизни. Громадные бесформенные существа. Я слышал,

обволакивая липким телом жертву, они высасывают из неё жизненные соки. В течение недель, иногда даже месяцев.

Глядеть на них без страха было невозможно. Что-то внутри надломилось. Я лишился рассудка. Огненные столбы и цепи молний посыпались из моих рук шквалами. Что делали другие, я не видел. Не мог видеть. Глаза слепила ярость и жажда боя. Из меня словно выскочил зверь, загнанный в угол. Я думал, такое может происходить только с волками. Как выяснилось, я ошибался…

Когда пришёл в себя, вокруг расстилался ковёр слизистого желе. Ни один враг не спасся. Невдалеке стояли друзья, дико глядели на меня. Они даже не успели достать свои оружия…

Бой выжал из меня очень много сил. Но сознание не потерял, хоть идти по болоту был уже не в состоянии. Восстановительные жвачки, приготовленные Томбом на корабле, решил поберечь для более важного случая. Бедняга Бирюк, сегодня ему предстоит ещё одно унижение. Мало того, что на лапы нелепые доски накрутили, так ещё и меня нести придётся. Но что-то он не сильно противился. Кажется, тащить меня на спине ему не так уж и противно. Я думал, после смерти Алерадуса он больше никого не признает другом. Неужели волк выбрал меня?

За очередным подъёмом нашему взору открылся грибной лес. Тёмно-зелёные, тёмно-красные и тёмно-жёлтые шары, скученные в сплошном расстилающемся до горизонта массиве. Над ними искрились на солнечном свете крылья громадных мух и стрекоз. Между стволов лазили жабы, ящерицы и ещё какие-то скользкие твари, название которых я не знаю и знать не хочу.

К вони, кстати, мы уже давно привыкли, но убраться из этого места хотелось до невыносимости. Видимо поэтому все ускорили шаг. Тут-то и произошло неприятное. Мы обернулись на крики Джины. Её обкручивали фиолетовые щупальца, тянули на дно зыбкого болота. Мы устремились на помощь. Несмотря на ужасную усталость, я спрыгнул с Бирюка и побежал сам. По дороге принял жвачку. Мы рубили щупальца мечами. Они извивались, текли зелёной слизью, хлыстали, обкручивали ноги и тянули за собой. Но нас оказалось больше, чем их. Многие конечности удалось срубить, остальные попрятались под землю. Из грязи торчало одно лишь лицо Джины, а потом и оно скрылось. Я нарыл в болотистой массе предплечье, начал тянуть. Кто был рядом – последовали примеру. Остальные обхватили наши спины и начали тянуть. Бирюк вцепился зубами в мой наспинный мешок и принялся со всей силы дёргать. Вот появилась голова, плечи. Я срубил обкручивающие их щупальца. Дальше стало легче тянуть. Должно быть, та тварь решила отпустить.

Джина не дышала. Тис отпихнул меня и принялся оказывать помощь. Он дёргал её руки и ноги, вдыхал в её рот воздух, бил лапами по груди. Мне было плохо видно. Он ведь не пускает в ход свои когти? Если с ней что-то случится, я их лично ему вырву!

Изо рта и носа Бабочки потекла тёмная вода. Удар в грудь, ещё один. Ещё. Ну же! Ну же! Джиночка, давай! Очнись! Не умирай, моя любимая! Не умирай! Придурочный крот, сделай же что-нибудь! Сделай, Гирен тебя подери! Сделай!

Джина прокашлялась, жадно вдохнула воздух. Спасена…

Мешок, что она несла, утонул в болоте. В нём была почти вся наша еда. Да ну её, эту еду. Нужно делом заниматься, а не потери оплакивать.

Мы принялись за строительство летательных аппаратов. Какой-то мудрый прим лет пятьсот сказал: «Чем проще, тем надёжней». Надеюсь, его слова имеют силу и по сей день. Так как невозможно придумать приспособление проще нашего. По сути дела – это болотный гриб, к которому кожаными ремнями привязано подобие лодки. Лодку желательно делать из досок, но их у нас нет. Придётся довериться толстым полым стволам болотных грибов. Как и ожидалось, после того, как их срезать, податливые вначале, они быстро высыхают, затвердевают, становятся достаточно крепкими, чтобы выдержать большой вес. Управлять этим приспособлением можно с помощью вёсел-крыльев, которые делались всё из тех же грибных стволов. Для балластного веса использовались набитые грязью мешки. Стволы близ основания шляпки гриба перетягивали кожаными ремнями в двух местах. Нижним ремнём – намертво. В верхнем делали крохотную дырочку, из которой тут же начинал выдуваться разящий болотом зеленоватый газ. Эту дырочку затягивали ещё одним ремнём. Хорошенько затягивали! Чтобы спуститься – достаточно раскрутить его. Будем надеяться, что эта замысловатая затея в воздухе нам сюрпризов не предоставит.

Наши друзья щупы оказались отличными помощниками. Они беспрекословно выполняли любую порученную работу. И делали это на совесть. Ещё они добыли нам еду. Настреляли жаб своими гарпунами. Как оказалось, жабье мясо довольно терпимое на вкус. А когда другого нет, так вообще за деликатес принять можно.

Мы все работали как проклятые. Ни секунды на отдых. Иначе нельзя. Ночевать в этом месте то же самое, что и обречься на страшную смерть. Как и планировалось, к вечеру всё было готово. Ещё подплывая на корабле к Озеру Водных, мы решили изменить конструкцию. Вместо одного гриба, взяли три. Естественно, лодку тоже удлинили. В противном случае Бирюк бы просто в неё не влез. Не подвязывать же его за хвост?

Мы построили четыре основных воздушных судна и восемь обманок. Издали их различить невозможно. По крайней мере, будем надеяться на это… В четырёх разместимся мы. Обманки будут лететь рядом, привязанные к нашим воздухоплавателям верёвками.

Я, Джина и Бирюк расположились в первом воздушном аппарате. Тис, Томб, Брок, Тона и Кич – во втором. В третьем и четвёртом поровну разделилась дюжина щупов.

Ждать было нечего. Срезали удерживающие канаты. Залитые кровью вечернего солнца болота и грибные леса отдалялись. Сердце стучало так, как ещё никогда. Мы поднимались к небесам…

Глава 23: ***Яд полосатой гадюки***

Тризолус находился в подавленном состоянии духа. С момента разрушения Стальни, плачь детёнышей люртов не зазывал Гирена. Бог крови уже давно должен был насытиться телами погибших в битве. Но проходили дни, а он всё не появлялся.

Боги живут вечно, но кто сказал, что они бессмертны? Да, простым оружием их не убить. Даже самая сильная магия не окажет на них и малейшего воздействия. Их не сжечь в огне, не заморозить льдом и под водой не утопить. Тогда что? Тризолус долгое время ломал себе голову над этим вопросом. Всегда считалось, что боги непобедимы. Тогда почему же Мастук убил единственного сына Карбора за соблазнение своей матери Геллизы? Это единственный случай смерти бога, описанный в древних манускриптах. Но неизвестно ещё, сколько их было на самом деле. Многие смертные с всепоглощающим страхом и трепетным благоговением смотрят на потусторонний мир. Для них это что-то невероятное, неопознанное, загадочное, таинственное и недосягаемое… Но не таков Тризолус. Он давно понял одну простую истину: потусторонний мир – это всего лишь мир. Со своими законами. Ничего большего. Его обитатели гораздо могущественней нас. С этим нельзя поспорить. Они появляются в мире смертных лишь с целью ощутить своё превосходство. На фоне ничтожных, хрупких тел мыслящих – они непобедимые великаны, боги, олицетворение силы и храбрости. А у себя – простые существа, практически ни чем не отличающиеся друг от друга. Наш мир – словно лечебная мазь, которой они периодически натирают раззудевшийся гнойник самолюбия.

Ошибки быть не должно. Убить бога можно. Но лишь оружием из его же мира. И у Тризолуса было такое оружие – Кинжал Спайкнифа. Им он собирался лишить жизни Гирена. И выпить его кровь. А вместе с ней – вечную жизнь и могущество.

Прошлый эксперимент превзошёл все ожидания: бог крови позволил прикоснуться к себе. Если бы у Тризолуса тогда в руках был кинжал…

Форт Террора оставался на своём месте – невдалеке от руин когда-то величественного города Стальни. Парфлай старался не попадаться на разгневанные глаза учителя. Несколько его лучших помощников уже ощутили на себе их злость. Больше они ничего не смогут ощутить. Карлы долго отдирали их обгоревшие тела от пола… Примы имели неосторожность исполнять свои прямые обязанности по управлению технокрепостью в тот момент, когда Тризолус проходил мимо в плохом настроении…

Младенцы люртов рыдали. А вместе с ними рыдала и чёрная как антрацит душа Верховного Мага. Гирен не появлялся слишком долгое время. Дошло до

того, что в порыве бешенства Тризолус принялся вырезать детёнышей. Опомнившись, он понял: материал для эксперимента закончился… Придётся ждать следующей порции от детоловов. А они, кстати, слишком медленно выполняют свои обязанности. Ближайшие поселения люртов расположены слишком далеко. Это отнимает время. Время, которого никогда не хватает.

Парфлай находился в своей каюте. Присутствие учителя в Форте оказывало на него плохое воздействие. До этого стрек был здесь главным. А сейчас – лишь безмолвный раб своего господина. Словно тень, он бродит по коридорам технокрепости. Боясь лишний раз встретиться с Тризолусом. Только любовь к змеиному яду и помогала перенести этот позор. Эх, пусть каким бы подонком ни был Лимб, а выступить против учителя ему духу хватило…

Яд полосатой гадюки смертоносен для мыслящих всех рас, кроме стреков. Одной маленькой капли будет достаточно свалить с ног здорового волка. А вот стреку этой капли будет достаточно совсем для другого… Для них змеиный яд – сильнейший наркотик. От которого, раз попробовав, отказаться невозможно…

Впервые Парфлай вкусил его сладостную горечь уже после того, как стал учеником Тризолуса. Нагрузки, ответственность, невыносимо завышенные требования учителя. С этим всем было трудно справляться, но вполне возможно. Чем стрек и занимался. На наркоманию его подтолкнули совсем другие причины. Можно даже сказать, что в этом свою роль сыграл Лимб...

С юных лет у Парфлая была одна постыдная для его народа слабость. Он питал любовную страсть к примам мужского пола… Стоит ли говорить, что благодаря этому он был изгоем в своём родном городе Лармиране? И не только среди соплеменников. Каждый здравомыслящий прим обходил его стороной. Но Парфлая не просто игнорировали – его боялись. Ведь с пелёнок в его крови жило магическое существо. Мало ли какой вред он мог нанести окружающим. Одинокий, разбитый, разъедаемый похотливыми желаниями, которые никогда, казалось, не осуществятся, стрек покинул город. Он долго путешествовал по Главному Материку. Но, в каком бы месте не пытался осесть, рано или поздно его внутренняя натура лезла наружу. И тогда новые друзья, товарищи, знакомые – все отворачивались от него.

Поиски недосягаемого счастья привели Парфлая в Магарран. Там он познакомился с молодым примом по имени Тор. Эта случайная встреча изменила жизнь обоих навсегда. Тор оказался первым, кто ответил взаимностью на странные межрасовые чувства…

Но их отношениям мешала одна немаловажная деталь: прим был учеником Верховного Мага. Постоянные занятия магией, боевыми искусствами, науками – времени на личную жизнь практически не оставляли. Единственный возможный выход для Парфлая видится с любимым чаще – самому стать учеником Верховного. Тогда они с Тором смогут ночевать в одном замке, на одном этаже. А если повезёт, так вообще в одной постели…

Добиться аудиенции было крайне сложно, но благодаря возлюбленному – выполнимо. После ряда сложных испытаний, Тризолус отметил в испытуемом громадный потенциал: как магический, так и лидерский. В особенности его очень заинтересовала склонность стрека к загробной магии – очень редкий дар среди волшебников. Было бы крайне неразумно отказаться от такого способного ученика. У которого, кстати, многому можно будет научиться…

Последующие два года были самыми лучшими в жизни Парфлая. Быть учеником Верховного Мага королевства Техмаг – честь, которой удостоен далеко не каждый. Роскошь, богатство, власть – приходят следом за этой честью. Но не их больше всего жаждал стрек. Любить и быть любимым – вот главная цель, к которой он стремился всю сознательную многострадальную жизнь. И наконец-то мечта сбылась.

Ни для кого больше не секрет, что Тризолус ценил талант своего нового ученика. Даже слишком сильно ценил… Тор был хорошим боевым магом. Идеально владел электрической стихией. Сравнительно хорошо обращался со стихией земли. Но и только. Куда ему до возлюбленного, способного вызывать из потустороннего мира души умерших? Своей посредственностью он только отвлекает, мешает Парфлаю развиваться в полной мере…

Как только выпала подходящая возможность, Тризолус предпринял попытку избавиться от Тора. Попытка удалась благодаря молодому южному драгу. В смертельной схватке победил Лимб, тем самым доказав себя в роли нового ученика Верховного Мага.

Тор бы не погиб, не будь он столь слаб. Такому не место в стенах замка Тризолуса. Парфлай это прекрасно понимал. Мало того, он очень разочаровался. Его любимый не выдержал поединка с каким-то драгом-простолюдином, у которого даже магического существа в крови не было. Смешанные чувства переполняли стрека. И горечь потери, и боль разочарования одновременно. С каждым днём они обострялись. Ему становилось всё хуже. Нужно было найти какой-то выход. Как-то снять боль, раздиравшую изнутри. И выход нашёлся…

Парфлай слетал на чёрный рынок и купил там корзину с заточённой внутри полосатой гадюкой – самой ядовитой змеёй на Материке. Закрывшись в своих покоях, он с дрожью в руках поднял крышку. Ярко-красные полосы на чёрном чешуйчатом теле. Змея зашипела, угрожающе обнажив белые саблеобразные клыки. У стреков вместо кожи твёрдый хитиновый покров. Но те клыки без проблем его пробили, стоило только засунуть руку в корзину…

Первое наркотическое опьянение было самым сильным. Голова Парфлая закружилась. Он стряхнул извивающуюся змею. Начинало тошнить. Вырвав содержимое желудков, он понял, что очень голоден. Первая идея – подобрать с пола рвоту и съесть. Но, протянув руки, стрек понял: у него их нет. Вернее, он сам есть эти руки. Продолговатые отростки, завивающиеся спиралью, тянущиеся по всей комнате. Змеи. Они вьются как змеи. Страшно? Нет, в этом нет ничего страшного. В этом есть жизнь. В этом есть проявление того, что начинает потихонечку разъедать иссушенный мозг. А тем временем из глаз

текут червивые слёзы. Крылья бились о потолок. Им было хорошо. Они были свободны. Ведь для свободы – нет ничего лучше, чем заточение. Стены отдалялись, тонули в тени, разрывались челюстями дигров. В шевелящемся полу начали копошиться крысоны. Они объедали тела убитых стрелами красных медведей. Разрастающаяся шерсть обвивала ноги. От этого стошнило глазными яблоками. Крысоны с огромной радостью принялись поедать их. А тем временем шерсть всё больше обволакивала, запутывала, сковывала. Это была шерсть прима. Шерсть его возлюбленного. Тор лежал на полу. Разъедаемый кислотой и крысонами. Он тянул облезлые руки к Парфлаю. А потом кровавая волна накрыла его, оставив лишь желтеющий скелет. Шерсть ослабла, перестала сдавливать, опала. Стало намного проще дышать, махать крыльями – лететь по бескрайним просторам маленькой комнаты. И в этом ничтожном полёте было ощущение такой колоссальной свободы, что хотелось никогда его не прекращать. Биться крыльями о стены, разражаться истерическим хохотом, раздирать ногтями лицо и быть… Быть счастливым!

Парфлай проснулся на полу возле рабочего стола. На душе было до непристойного тихо, спокойно и легко. В руке он сжимал неумело выточенную из аметистового кристалла фигурку, чем-то напоминающую прима. С ужасом в обоих сердцах посмотрел на неё. Светло-фиолетовая безделушка. Осмотрелся по сторонам. В комнате творился хаос. Побитая мебель, разодранный матрас, разбросанные книги, бумаги и свитки. Из пуха прорванной подушки торчал чёрный хвост полосатой гадюки. Такое убежище пришлось ей по вкусу. Стрек посмотрел на безделушку. В ней было что-то не то. Какая-то энергия, какая-то невидимая сила пыталась вырваться из недр кристалла. Но не могла. И Парфлай прекрасно знал – это душа… Душа его возлюбленного! Заточённая в нелепую фигурку из аметиста.

Своей находкой стрек тут же поделился с учителем.

Душу своего возлюбленного он обвязал золотой цепочкой и надел на шею. Но не в знак вечной любви. Нет! С той властью, которой наделил его Тризолус за открытие, он способен окружить себя десятками любых примов, каких только пожелает. И никто не будет в праве ему отказать… Аметистовый амулет висел на шее как напоминание о слабости. О том, что может произойти, если ты недостаточно твёрд. Если ты – не в состоянии постоять за себя.

С тех пор купленная на чёрном рынке змея – любимый питомец Парфлая. Куда бы он ни отправлялся, брал её с собой. Обычно хватало одного укуса в неделю. Но сейчас, когда в Форте поселился Тризолус, и двух укусов в день не хватало…

Глава 24: ***Огонь и лёд***

Без дрожи в коленях выглянуть за борт я не мог. Внизу всё непривычно крохотное: деревья как спички, мыслящие меньше букашек, водоёмы – словно высушенные лужи. Трудно поверить, что на такую высоту нас подняла

самодельная развалюха из болотного гриба. Когда я первый раз выглянул при свете утреннего солнца – с перепуга уронил лягушачью лапку (свой несостоявшийся завтрак). Лапка долго летела вниз, пока не скрылась из виду. Мне представилось, что бы было, окажись я на её месте. Весь побелевший от страха (как любезно заметила Джина) я влез внутрь. После этого выглядывать за борт без крайней необходимости не решался. В тот же день я выпил всё вино, что припрятал от щупов. С Джиной тоже поделился, но из неё собутыльник слабоватый. Волки, как известно, алкоголь не употребляют. Разве что эль, да и то, в очень редких случаях.

От Бирюка толку было мало, если вообще был. Поджав уши, он вжался в дно нашей воздушной лодки. Только и делал, что истреблял запасы еды. Как он нам протявкал: на нервной почве у него взращиваются плоды непомерного аппетита. О том, чтобы грести крыльями-вёслами речь даже не заводилась. Благо, нам его помощь и не требовалась. Вообще, крылья оказались почти ненужными. За нас всё делал Томб. Вернее, его магия. Он вызывал ветряные потоки, которые несли наши воздухоплавательные шлюпки в нужном направлении. Хотя, это ещё весьма спорный вопрос. Мы летели на юг, к Стальне. Остался ли там Форт Террора или изменил расположение – узнаем, когда прибудем.

Как это ни странно, мой наручный компас продолжал показывать правильно. Ещё до болот я, интереса ради, сравнил его с компасом Томба. Не обманул, значит, караванщик. Стрелки смотрели одинаково. Думаю, вероятность того, что оба прибора сломались и показывают в одном неправильном направлении – минимальна. Хотя, в жизни всё бывает…

А вот Джина, в отличие от меня с Бирюком, чувствовала себя в воздухе прекрасно. То и делала, что восхищённо смотрела вниз. Даже когда мы попали в грозу, и наше судёнышко кидало в разные стороны как сорванный листок – она не проявила и намёка на испуг. Слава всем сопутствующим богам, никто не пострадал. А ведь были близки к этому. Молния угодила прямо в гриб одной из обманок, привязанной к борту щупов. Камоорн еле успел срезать натянувшийся канат. Обманка, закрутившись, полетела к земле. Меня чуть не стошнило от накативших переживаний.

Кстати, на высоте довольно прохладно. Приходилось кутаться во все тёплые одежды, что только были. Нам повезло чуть больше, чем остальным – при необходимости, могли прижаться к тёплому шерстяному боку Бирюка. Но в холоде был и плюс – еда оставалась съедобной. Да и с подогревом проблем никаких – я ведь огненный маг, как ни как.

Мы пролетали над заснеженными верхушками Хребта Печали. Тут даже я не удержался, чтобы не посмотреть вниз. Безмолвное, неподвижное, вечное величие гор в миг развеялось, испарилось. Мы были над ними. Они не могли стать на нашем пути. Не нужно было с замиранием сердца глядеть в непреодолимую высь. Коварные горы лежали у наших ног…

Чем ближе мы подлетали к развалинам Стальни, тем тревожней становилось у меня на душе. Ощущение безысходной неопределённости. Чего-

то неприятного, странного и в то же время – пугающе чёткого. То, что должно произойти, изменит судьбы миллионов жителей Главного Материка. Навсегда. И в наших руках – не допустить изменений в худшую сторону. Я не напрашивался на эту роль. Мы все, кроме Томба, не напрашивались. «Зачем мы это делаем?» – задаю себе один и тот же вопрос на протяжении всего путешествия. Но продолжаю идти. Мы все – продолжаем…

Первая луна зашла за горизонт. Вторая только начала заходить. Вдали начинали несмело просыпаться первые лучи солнца. Я не спал. Этой ночью так и не сумел заснуть. Не мог – тревожное предчувствие липким слизнем обволакивало серце. Я не удивился, когда Кич завопил во всё горло:

– Враг впереди!

Началось! Гирен всех подери, н-а-ч-а-л-о-с-ь!

Как назло, принялось светать. Нас будет проще подстрелить…

Мы приближались к смертоносной громадине Форта Террора. Увы, он не встретил нас с распростёртыми объятьями. Шквал снарядов полетел в нашу сторону. Треск проломленных бортов, свист пробитых грибов, крики раненных. Обе наши обманки были сбиты. Они тянули вниз. Бирюк разгрыз один соединяющий канат. Я срезал другой. Воздухоплаватель щупов шёл первым. Он принял на себя большинство залпов. Своей гибелью защитил нас. Осколки, обрывки, убитые снарядами и ещё живые щупы падали вниз. К земле. Их предсмертные крики до конца дней будут повторяться в моей голове обречённым эхом. Мы не могли их спасти…

Туман заволакивал нас – это Томб сообразил. Враг не сможет вести прицельный огонь. Под покровом громадного молочного облака добраться до цели хоть какая-то возможность, да есть.

Продираться на ощупь в небе? Меня это совсем не радует.

В непроглядной туманной пелене я уловил крики Томба, чтобы мы сбросили высоту. Джина раскрутила кожаные ремни всех трёх грибов. Из дырочек начал выдуваться вонючий зеленоватый газ. Зловеще свистели снаряды. Один из них пробил наш гриб. Нос судна потянуло вниз. Мы покатились по дну лодки. Я еле успел схватиться за хвост Бирюка. Джина обхватила мои ноги. Волк что есть мочи держался челюстью за борт. Провизия и одежды посыпались вниз. Туманное облако усиливалось, оставляя нас в полном зрительном неведении. Больше голосов наших товарищей с других воздухоплавателей я не слышал. Мы летели вниз. В неизвестность…

Нос аппарата наткнулся на что-то твёрдое. Треснул, а вместе с ним треснуло и дно. В то же мгновение мы лежали в груде обломков. В лицо дул вонючий газ из болотного гриба. Кажется, все остались целы. Мы приземлились на заледенелый металл технокрепости. Времени для передышек нет. Эти извивающиеся щупальца только и ждут, чтобы раздавить нас в своих мёртвых объятьях. В ближайшее смотровое окно Джина метнула комок взрывного порошка. Через образовавшуюся дыру мы проникли внутрь.

Механическое щупальце сжимало обманку. Размахивало ей как игрушечным корабликом. А вместе с ним и воздушным аппаратом, привязанным канатом. Щупы выпали с первым же рывком. Из-за тумана было невозможно увидеть надвигавшейся угрозы. Двое щупов умерли в воздухе – от града снарядов прицелившихся на их крики орудий. Ещё один налетел на выпирающий шип маговолновой антенны. Троим удалось приземлиться целыми и невредимыми. Одним из везунчиков был Камоорн. Экипажу последнего воздушного судна повезло куда больше. Они успешно сели на крышу Форта. Щупальце раскрошило аппарат мощным ударом. Но к тому времени объединившиеся с тремя щупами Тис, Брок, Томб, Кич и Тона уже проникли в пробитую взрывным порошком дыру.

Серый коридор заливался светом электрических ламп. Перепуганные карлы побежали прочь. Держа оружие наготове, друзья шли вперёд. Если не считать топота их ног – вокруг было тихо. Подозрительно тихо. Словно перед грозой, в воздухе витало невидимое напряжение. Вот-вот, и грянет гром битвы!

Коридоры были широкими и пустыми. По бокам встречались невысокие двери. Они вели в банально похожие друг на друга небольшие помещения с многоярусными миниатюрными кроватями, шкафчиками и ящиками. Жилые комнаты прислуги. В некоторых из них можно было встретить забившихся в углы, спрятавшихся под кровати, залезших в шкафчики карлов. Они не представляли и малейшей опасности: трусливые, хилые создания. Но и пользы от них никакой. Тис поймал одного с целью расспросить, где найти Тризолуса. Бедняга карл описался от страха, бубня себе под нос непонятные слова. На этом решили расспросы рабов прекратить.

Дверь была не похожа на предыдущие. Широкая и железная. Сколько ни дёргай ручку – заперта. Скорее всего – снаружи, так как замочной скважины не наблюдалось. Брок решил исправить это упущение, обратившись за помощью к своему перначу. Мощные удары оставили в двери глубокие вмятины, да и только. Томб приказал всем отбежать на безопасное расстояние, а сам слепил комок из взрывного порошка. Отошёл подальше и вызвал небольшой вихрь, который подхватил комок с руки и понёс в сторону двери. Прогремел взрыв. Чёрный дым заволакивал потолок коридора. От двери осталось лишь зияющее искорёженным металлом воспоминание.

Некоторое время ничего не происходило. Первым к образовавшемуся входу подошёл Тис. Лишь молниеносная реакция, присущая кротам, спасла его жизнь. Он отпрыгнул в сторону. Нацеленное в сердце лезвие полоснуло плечо. Тис побежал прочь, крича всем, чтобы приготовились к бою. Из отверстия в двери выполз мечник. Он был гораздо меньше, чем те, с которыми встретились в Стальне. Но конструкция не изменилась – те же четыре извивающихся отростка со смертоносными лезвиями в конце. Должно быть, этот предназначен для ведения боя в ограниченных пространствах.

Обрушившийся на механизм град комков взрывного порошка сделал своё дело. Не успел мечник добраться до первой жертвы, как грудой металла

разлетелся по полу. Оторванные части рукощупалец бились как выброшенные на сушу рыбы. Но расслабляться было некогда. Из дыры выполз ещё один мечник, а за ним – ещё двое. И ещё. Не успел прогреметь первый взрывной комок, как в коридоре было уже пятеро механизмов. И на этом они не собирались останавливаться. Новые техномонстры повалили из отверстия, как зерно из пробитой в мешке дыры. Среди них были и другие конструкции – уменьшенные четырeноги, стенобуры, жнецы и секаторы. Каждый размером не больше человека. И каждый – полный жажды раскромсать плоть врага своими металлическими конечностями. Среди всех, только четырeноги отличались от своих больших прототипов. На башне вместо орудия торчали шипы. И они с чудовищной скоростью вращались.

Разорванные порошком механизмы заграждали путь своим собратьям. Но не надолго. Стенобуры безжалостно прорывали дыры в груде механических тел. Секаторы не отставали в этом деле. Остальные магомеханизмы пробирались в их лазы. Кишащая злом, лютой звериной ненавистью, жаждой убийства масса, стуча механическими конечностями о пол, неслась на убегавших от неё мыслящих.

Взрывной порошок начинал кончаться, а техномонстров, казалось, стало больше, чем было. На бегу не очень-то и удобно лепить комки и, главное, метко кидать их в быстро надвигающихся врагов. Взрывы задерживали их на какое-то время, но его едва ли хватало отбежать на более-менее безопасное расстояние. Коридор вёл прямо. Всё те же невысокие двери по бокам и ни одного дополнительного поворота.

Магия Томба в бою с техномонстрами была бесполезна. Тис развернулся и поднял над головой скрещенные руки – жест, о котором говорил Бирюк. В разгаре боя всегда о нём забываешь. И правильно, ведь сейчас он чуть ли не послужил причиной гибели крота. Вместо того чтобы остановиться, надвигающийся на него четырeног занёс переднюю конечность для смертоносного удара. Чудом Тис успел отпрыгнуть в сторону и побежать прочь.

Когда в очередной раз груда механических тел преградила путь их живым собратьям, Брок остановился, направил на врагов пернач и прокричал первое проклятье, что только пришло ему на ум:

– Да чтоб вы ржавели, ползуны гнойные!

Стоило этим словам слететь с тонких губ люрта, как из пернача вырвалось голубоватое облако, заполнившее коридор и полетевшее в сторону техномонстров. Там, где облако касалось металлических стен, потолка и пола начинала появляться ржавчина. Но мало того – из раскрывшихся трещин засочился белёсый гной. Из груды металла выполз стенобур. Магическое облако медленно наплыло на него, дошло до свалки убитых техномонстров и начало засасываться в дыру и щели. Механизм яро извивался в то время как из его панциря сочился гной. С каждым движением стенобур всё больше замедлялся, пока не остановился полностью в нелепой S-образной позе. Весь

покрытый ржавчиной. Не сложно догадаться, что произошло с остальными врагами…

– Ты – великий маг! – сказала Тона и поцеловала Брока в щёку.

– Не я. Он, – смутившийся люрт ткнул пальцем в пернач.

– Дружище, ты на учениях такого фокуса не показывал… – сообщил Томб то ли радуясь, то ли завидуя своему бывшему ученику.

– Слушай, а ты сможешь повторить его? – поинтересовался Кич.

Приложив пернач к груди, Брок закрыл глаза, и начал прислушиваться. Спустя несколько секунд он ответил:

– Нет.

– Друзья, предлагаю на этом закончить наши разговоры, пока откуда-нибудь ещё не полезут новые смертоносные твари, – перебил Тис, после того, как жадно отхлебнул из фляги целебный настой.

С кротом спорить никто не стал. Нужно продолжать путь.

Бирюк погнался за карлом. Я окликнул его и попросил оставить несчастного раба в покое. Досадные огоньки блеснули в глазах волка. Рявкнув на беднягу, забившегося в угол, он побежал к нам. Джина не сдержалась, чтобы не сделать замечание:

– Прекрати их пугать. Поставь себя на их место! Что бы ты чувствовал, погонись за тобой монстр, в десятки раз больший тебя? Они ведь зла не то что не хотят, даже при всём желании причинить не смогут!

Бирюк прорычал в ответ колкую гадость. Я перевёл, что да, он больше не будет их трогать.

Кроме карлов на нашем пути пока никто не попадался. Это хорошо. Пусть так будет и дальше… Коридоры достаточно широкие: Бирюк без проблем мог стать поперёк, и ещё бы места немного осталось. Мы часто сталкивались с развилками. В некоторых было до шести ходов. О том, чтобы разделиться – даже думать страшно. Нас и так только трое. В одиночку блуждать по этим депрессивным коридорам мне совсем не хотелось. Того и гляди – из-за следующего поворота выпрыгнет на тебя какой-нибудь техномонстр или ещё чего похуже. Нет, вместе гораздо спокойней.

Меня начали терзать неприятные догадки. Кажется, мы одними и теми же коридорами петляем. Совсем не сложно заблудиться в этом металлическом лабиринте. Да, точно петляем. Я это рыжее пятно на стене в третий раз вижу. Просто великолепно!

Мы попытались сконцентрировать всё, что только было в мозгах. Поворот направо, потом прямо, опять направо, теперь налево, и ещё раз налево, ещё раз налево, прямо, налево, направо… Вновь пришли к рыжему пятну. Значит, эта дорога ложная. Идём направо, прямо и теперь уже налево…

Трудно сказать, сколько времени мы бродили по запутанным коридорам, пока не наткнулись на массивную дверь. Заперто. Кто бы мог сомневаться? Зубы Бирюка без лишних проблем прогрызли дыру в замочной скважине. Я не

перестаю поражаться крепости волчьих зубов – они ни чем не уступают клинкам из Стальни.

Дверь со скрипом отворилась. В помещении было сыро и пахло гарью. Горящих на стене факелов едва хватало, чтобы осветить винтообразную лестницу. Ступени вели как вверх, так и вниз. Опять решать куда идти. Джина тянула вверх. Бирюк рычал, что вверх не полезет. Он вообще не представляет, как сможет поместиться в этот узкий проход. И вообще, лучше нам назад вернуться. Кажется, у него просто страх перед лестницами. Бесстрашный волк боится покатиться по ступенькам? При других обстоятельствах я бы вдоволь посмеялся. Но его фобия может здорово навредить нашему делу.

Внутри меня всё словно утяжелилось, начало тянуть вниз. Это магическое существо подсказывает дорогу. Ну что ж, не станем его ослушиваться.

Упрашивать упирающегося Бирюка долго не стал – дал ему смачную затрещину по носу. В лучшем случае, от меня должны были остаться только ноги… Но вышло так, как я и надеялся. Это вывело волка из состояния панического, выплеснувшегося откуда-то из глубины души, страха. Он осторожно опустил лапу на ступеньку. Как выяснилось, никто ему её не оторвал. Дальше он ступал более уверенно.

Мы спустились на этаж ниже. Лестница на этом не прекращалась, но что-то подсказывало (не магическая кровь ли?): дальше спускаться не стоит.

В отличие от предыдущей, дверь была открыта. В коридоре никого не было. Можно смело идти. Не прошли мы и сотни шагов, как что-то щёлкнуло у меня под ногой. В то же мгновение из пола недалеко впереди выросло два цилиндрических объекта. Как выяснилось, за спиной выросли точно такие же. Слишком поздно мы сообразили, что это такое. Из объектов выдвинулись трубки, из которых тут же полетели снаряды в нашу сторону. Мы с Джиной упали на пол. Бирюк остался стоять, как и стоял, подняв хвост насколько только смог. Снаряды пролетали ниже его брюха. Некоторые из них задевали лапы. Волк рычал от боли, но продолжал стоять. Уж лучше он похромает, чем с дырой в черепе лежать будет…

Я пустил цепную молнию. Две смертоносные башни впереди задымились, перестали стрелять. С парой оставшихся я сделал то же самое. Всё, можно подниматься. Снаряды уже не свистят над головой.

Бирюк всё так же стоял. Бедняга! Джина подбежала к нему и принялась поить лечебным настоем. Его лапы. Они все были в ужасных ранах! Было невыносимо больно смотреть на них. Боюсь даже представить, какие мучения он испытывает. Нужно оказать помощь. Мы с Джиной осмотрели ранения. Все – навылет.

Как это ещё волк смог устоять?..

Я принялся забинтовывать рану, но к радостному удивлению обнаружил, что забинтовывать – нечего. Страшное ранение затягивалась прямо на глазах. С остальными происходило то же самое. Слипшаяся от крови шерсть – всё, что осталось от чудовищных дыр в его лапах.

Неужели это так лечебный настой подействовал? Нет, не может быть. Для этого нужно значительно больше времени!

На расспросы Бирюк не отвечал. Сказал лишь, что очень сильно хочет идти дальше. До самого конца…

После долгого блуждания по коридорам, лестницам, комнатам, после отчаянных поединков со встречавшимися на пути техномонстрами, друзья подходили к пологому спуску. Из него терзающим сердце эхом доносился детский плачь. Томб предупредил, что у него неприятное предчувствие. Но потом уточнил: оно у него уже несколько дней такое. Только сейчас чуть обострённей, чем всегда. Кич махнул руками, мол, хуже быть уже не может. По озадаченным лицам остальных было трудно понять, у кого что на уме. С точностью можно сказать только одно: все изрядно устали от этого путешествия, которое, кажется, никогда не закончится.

Не возвращаться же обратно в ту унылую комнату, один из туннелей которой привёл сюда? В ней не было ни одного врага, но её тусклость, серость и замкнутость действовали более чем подавляюще. Желания побывать там ещё раз ни у кого не возникло. К тому же, из коридора доносится плачь. Было бы преступлением не узнать, в чём его причина. И помочь, если ещё не поздно…

Прямо перед носом идущего впереди Тиса из пола выросла металлическая перегородка и грохнула о потолок. То же самое произошло за спиной Камоорна, который стоял позади всех. Пойманы в ловушку как бездумные крысоны!

На потолке распахнулись створки, высвободив мощный напор воды. Вода с пугающей скоростью начала наполнять отрезанное заслонками пространство коридора. Не прошло и нескольких секунд, а ноги уже мокли по щиколотки. Взрывного порошка ни у кого не оставалось – потратили всё в прошлых сражениях. Кич выстрелил в перегородку. Напрасно. Пуля отскочила и утонула в воде – в метре от его ног. Не будь он таким везучим… Хотя, везением пребывание в наполняющемся водой помещении назвать весьма затруднительно… Принялись бить по перегородке оружием. Но даже могучие удары перначом Брока не оставляли практически никаких следов.

Вскоре вода заполнила всё пространство. Последний вдох перед тем, как с головой уйти под неё. И ждать… гибели…

Мучительные мгновенья обречённости и страха.

Перегородки въехали в пол. Вода растеклась по коридору. Жадные глотки воздуха, откашливание. Первым в себя пришёл Тис. Он осмотрелся по сторонам: вид его соратников был более чем жалкий. Но каждый дышал! Его догадка подтвердилась – своим спасением все обязаны щупам. Один из них как раз спрыгнул с потолка. Как потом рассказал Камоорн, только поднялась вода, он и ещё один щуп принялись осматривать каждый сантиметр стен, пола и потолка в надежде найти какой-нибудь переключатель или что-то вроде того. К сожалению, ничего подобного обнаружить не удалось. Третий полез в распахнутое в потолке отверстие, из которого затопило водой. Проплыв

несколько десятков метров вверх, он вынырнул в небольшом помещении. Лысоватый карл смотрел в какие-то линзы. Рядом из толстой трубы торчал массивный вентиль. Обернувшись на плеск воды, карл замер, медленно достал из ножен кинжал и с отчаянным воплем побежал на щупа. Карлы – миролюбивая раса. Большинство: пастухи, земледельцы и рыболовы. Среди них трудно встретить выдающихся воинов. Этот не был исключением. Щуп не задумываясь продырявил его голову гарпуном, тут же подбежал к вентилю и провернул до упора. Как и ожидалось, перегородки опустились, а новая вода больше не затекала. И после всего этого жалеть этих подлых и трусливых коротышек?

Кич разобрал мушкет. Бумага патронов в магазине промокла – от них толку уже не будет. Благо сталь, из которой сделано оружие, не ржавела. В Стальне сделано, как ни как. Пусковой механизм немного подсохнет, и без проблем будет работать. На поясе висели кожаные мешочки с патронами. Из них только один был достаточно крепко завязан, чтобы не пустить воду. Из нескольких сотен пригодными к стрельбе остались лишь несколько десятков пуль. Хоть что-то…

Плачь унылым эхом отбивался от стен коридора. И чем ближе к выходу, тем громче. Спуск привёл к громадному помещению, со слепящим электрическим освещением. От резкой смены света заболели глаза. Особенно у Тиса – кроты больше полумрак любят. Но вскоре привыкли. Свет был настолько ярким и неестественным, что в его лучах любой мыслящий ощутил бы себя не в своей тарелке.

Это была тюрьма. Детская тюрьма. Вдоль широких стен громоздились металлические клетки. Большинство из них были пусты. В некоторых – сидели младенцы люртов. Их обречённые крики раздирали душу на части.

Тона бросилась к клетке, протянула руку к дверце и тут же вскрикнула от боли. Пальцы словно кипятком обожгло. Клетки обволакивала невидимая магическая оболочка. Томб попытался ослабить её заклинанием, но ничего не получилось. Слишком сильная магия.

О пол залязгали металлические ноги. Детоловы! Их было трое, и надвигались они с разных сторон.

Кич забежал за клетку. Тона последовала его примеру. Щупы выстрелили из гарпунов и побежали кто куда. От копий, торчащих из металлических панцирей, до оружий щупов тянулись шнуры из редкостной паутины болотного паука. Такие шнуры порвать практически невозможно. Тис запрыгнул на светильник. Томб перелетел врагов при помощи ветряного заклинания. Лишь один Брок остался стоять на своём месте. Его напряжённые руки сжимали оружие. Первый детолов выбросил свой хвост-булаву. Мощный, точный взмах перначом – и покрытый шипами набалдашник хвоста раскололся на две половины. Кич прицелился в панцирь – туда, где был скрыт аметистовый кристалл. Благо, в Торне узнали, где он находится. Но спусковой механизм не сработал – ещё не успел высохнуть. Щупы оббегали вокруг техномонстров, запутывая шнурами механические лапы. Булава раскрошила

светильник, с которого едва успел спрыгнуть Тис. По хвосту электрический ток светильника достиг механических внутренностей. Из щелей в панцире повалил дым. Лапы подкосились – поджаренный электричеством, паровой монстр упал замертво. Механическая клешня сомкнулась над головой поднырнувшего Брока. Извернувшись, он сбил перначом нижнюю челюсть врага. Ещё несколько ударов – и от морды грозного механочудища осталось лишь сплющенное воспоминание. Дико размахивая клешнями и изувеченным хвостом, обезглавленный монстр бродил по тюрьме. Бродил, пока его существование не оборвал прицельный выстрел Кича. Пуля пробила панцирь и угодила прямо в кристалл. Спусковой механизм наконец-то сработал. Лапы третьего детолова запутались в шнуре, и он с грохотом повалился на пол. Но до победы было ещё далеко. Чудище размахивало хвостом, а клешнями принялось разрезать сковавшую паутину. Первые два патрона угодили в дёргающиеся лапы. Третья – точно в цель. Меткости Кича мог любой позавидовать.

Тис подошёл к парализованному электричеством техномонстру. Распорол когтями панцирь и вынул аметистовый кристалл.

– У нас, кротов, аметист – один из самых любимых минералов. Над входом в дом любого уважающего себя семейства должно висеть не меньше трёх кристаллов. И чем их больше, тем лучше. Ещё в старину считалось, что они притягивают добро, богатство и процветание. А вот в этом безобидном прозрачно-голубом камушке сидит чёрная душа убийцы… Эти твари отняли мой дом! Мою семью… Вот в этом красивом, безвредном на вид камне покоится свирепое зло. Будь проклят тот, кто из красоты творит чудовищ! – с этими словами он когтями расколол кристалл.

Младенцев нельзя было спасти. По крайней мере, сейчас. Защитную оболочку может убрать лишь маг, наложивший заклинание. Или его смерть…

В неестественном свете электрических ламп отливала медью и сталью массивная дверь. Она не была закрыта на засов, но, чтобы открыть, пришлось хорошенько постараться – в ней веса не меньше нескольких тонн.

За дверью багровела в дрожащем огне настенных факелов винтовая лестница. Она вела вверх. Первым на её ступеньки зашёл Томб. Остальные пошли следом. С каждым шагом – всё ближе к цели…

Мы шли по коридору. Впереди я, за мной Джина, а в самом конце Бирюк. Волк шёл бодрой походкой, не было даже и намёка на прихрамывание. Пока что на пути врагов не встретилось (кроме смертоносных башен, разумеется) но на душе становилось всё тревожней. Предчувствие неминуемой битвы нарастало. Не очень-то оно и приятно. Не знаю как для кого, но лично для меня: ожидание боя гораздо тяжелее самого боя.

С каждым днём я убеждаюсь всё больше: мои предчувствия сбываются с пугающей точностью. Этот раз исключением не стал.

За очередным поворотом мы столкнулись с группой примов, одетых в причудливую бордовую форму. Их было пятеро. Увидев нас, они тут же

обнажили клинки. Каждый в нижних руках сжимал рукояти кинжалов, в верхних – коротких мечей. Настороженной походкой они приближались к нам. Джина метнула сюрикен. Не останавливаясь, прим отбил его кинжалом. Что-то не нравится мне всё это…

Я выпустил огненный шар. Никогда ещё не видел, чтобы мыслящие могли так быстро отпрыгивать. За несколько скачков меня настиг один из них и обрушил лавину ударов всеми четырьмя клинками. Я только и успевал пятиться, отбиваясь мечами. А тем временем сбоку наскочил ещё один прим. Я выпустил в него молнию. Запахло палёной шерстью, но враг и не думал сдаваться. Даже обгоревший от электрического удара, он вступил в бой. Джина отбивалась от поблёскивающих на электрическом свету клинков прима. Двое остальных нападали на Бирюка с разных сторон. Не успевали челюсти волка отпугивать одного врага, как другой уже замахивался для удара. Благо, его можно было достать хвостом. Я пятился к стене, еле отмахиваясь от града восьми клинков. Если им удастся прижать меня, можно смело готовиться к путешествию в потусторонний мир. Дела Джины обстояли не лучше. Её умение фехтовать кинжалами меня всегда приятно изумляло. Но противник в этом не уступал. Даже в чём-то был лучше. Нанеся удар, он мог с лёгкостью перепрыгнуть через её голову, в воздухе нанеся ещё несколько атак. Такой реакции и скорости любой крот позавидует. Бирюк умудрился хвостом раскрошить череп противника. С одним примом было куда легче бороться. Нужно постоянно держать его в поле зрения, не подпускать к себе близко и атаковать при первой же подходящей возможности. Я обдал огненным фонтаном прима. Он не успел отскочить. Шерсть и одежда загорелись мгновенно. Но вместо того, чтобы упасть в попытках потушить себя, он кинулся на меня. Хотел спалить, что ли? Я сделал подсечку. Полыхающий враг повалился на пол как дерево во время лесного пожара. Второй прим полоснул кинжалом в месте стыковки моих защитных наручных пластин. Жгучая боль просачивалась сквозь рану. Я плюнул в него кислотой за это. Не знал, что способен на такое. Жаль, что прим отпрянул, и струя едкой жидкости с шипением расплескалась по стене. От натиска ударов, Джина упала на пол. Прим занёс над ней мечи. Ещё пара мгновений, и он будет праздновать победу в этой схватке. Но нет. Зубы Бирюка впились в его спину. Волк теребил его в разные стороны как тряпичную куклу, пока не оторвал здоровенный кусок. Искалеченный прим стукнулся о потолок и упал на пол. После такого никто бы не выжил… Но тем временем прим, бой с которым волк прервал, чтобы спасти Джину, наносил удар за ударом в пепельный шерстяной бок. Пришедшая в себя Джина метнула нож – прямо в горло обидчика Бирюка. Схватившись за рану, он упал, извиваясь в предсмертных конвульсиях. Мой противник был ослаблен ударом электрического разряда. Я пошёл в наступление. Несколько взмахов, обманное движение одной рукой, второй – мечом точно в сердце. Убийство мыслящих не добавляет мне радости. Понимаю ещё – техномонстра с землёй сравнять. Но это… это совсем другое… Мой меч окропился кровью прима. Мои заклинания служили

убийству. Но я не ощущаю угрызений совести. Может быть, когда-нибудь потом, в глубокой старости… Я не хотел. Просто не было другого выбора…

Бой окончен. Мы победили. Враги мертвы, а у нас только один раненный. Ему нужно оказать помощь. Джина достала свою последнюю бутылочку с лечебным зельем и напоила им Бирюка. Раны были глубоки и опасны. В лучшем случае, должно бы пройти несколько недель, пока они заживут. Вспять всем законам природы, они заживали на наших глазах. Не прошло и десяти минут, как от них не осталось и следа. Но зато Бирюк проскулил, что невероятно устал и хочет спать. Он улёгся на пол.

– Слушай, дружище, – я начал догадываться, в чём дело, – а ты, случайно, не маг?

Бирюк устало прорычал, что засыпает. Я достал из сумочки восстановительные жвачки и протянул ему:

– Не засыпай ещё. Потерпи. Пожуй их немного…

Ведя неравный бой с зевотой, волк раскрыл пасть. Я кинул в неё жвачки. Чем дольше он их жевал, тем бодрее становился. Вскоре Бирюк поднялся на лапы и сообщил, что сон как лапой сняло, и он готов продолжать путь.

– Это не лапой сняло. Это восстановительная жвачка сил твоему магическому существу добавила! Ты, случаем, не пил кровь колдуна в последнее время?

Отпираться было некуда. Бирюк всё рассказал. Убийца Алерадуса, Лимб – оказался магом. Видимо, существо врага перетекло в волка. Всё это время он старался об этом не думать и не говорить. Гордому волку только и не хватало заиметь в своей крови магического паразита…

– Как видишь, этот паразит тебя уже второй раз спасает, – встала на защиту магии Джина.

Бирюк неуверенно протявкал, что и сам бы прекрасно справился.

Когда мы встретились взглядами, примы стояли у двери. Должно быть, они охраняли вход. Не в покои Тризолуса, случаем? Что ж, самое время это выяснить.

Дверь была заперта, но на пояснице одного из поверженных врагов я отыскал связку ключей. Один из которых подошёл под замок.

Нет, на палаты великого гения технологий и магии это совсем не похоже. Повсюду разбросан хлам, перевёрнута мебель. Я не говорю уже про запах. Да какой там запах – вонь! Словно из мешка с навозом! Без отвращения по помещению идти нельзя было. А когда я случайно вступил в рвоту – захотелось всё спалить к гиреновой бабушке! Еле удержался…

На первый взгляд, в комнате никого не было. Но потом мы услышали змеиное шипение. Пошли на звук. За развороченной кроватью опёршись спиной о стену полулежал стрек. Его светло-жёлтые крылья были разбросаны в самой неприемлемой для его расы позе. В руке держал полосатую гадюку, зубы которой впивались в его брюхо. Сетчатые глаза слезились, в непонимании глядели на каждого из нас.

– Вот видишь, моя родная Изабелла, – принялся говорить стрек, – чудовища возмездия пришли и к нам…

– Что ты городишь? – поинтересовалась Джина.

Словно не заметив её вопроса, он продолжал:

– К тебе, родная Изабелла, и ко мне, Парфлаю – былому капитану. Бичом возмездия над нами вознеслись. И вскоре кровью окропятся стены.

– Где Тризолус?

– Он мой учитель. Мой наставник. И мой проклятый истязатель! – завёлся стрек, оттянул змею от своего брюха и кинул в меня. Я успел отскочить. Джина метнула сюрикен прямо в голову извивающейся на полу гадюки. А тем временем стрек выпустил нам в глаза магическое пыльное облако и, пробив своим телом смотровое окно, улетел в небо.

– Трусливый наркоман! – только и успела кинуть ему вдогонку Джина.

В этом помещении делать больше было нечего. Мы направились к выходу. А в коридоре нас уже ждали…

Винтовая лестница привела в очередной проход. Но этот отличался от предыдущих. Кое-где из потолка торчали светильники, разбавляющие мрак размытыми конусами электрического света. Но даже этого мизера освещения хватало рассмотреть пугающие внутренности коридора. Словно ненасытными червями на мёртвом теле, он был облеплен металлическими трубами. Любых размеров: от тонких и коротких до толстых, проходящих по всей длине. Вырывающиеся из стен, тонущие в потолке, извивающиеся спиралью, тянущиеся по полу, круто уходящие вниз – их было несметное количество.

Томб посмотрел на остальных, увидел в их глазах замешательство, покачал головой и прошёл по коридору с десяток шагов:

– Ну, видите, бояться нечего. Обычный себе коридор! – поднимал моральный дух маг.

Но бояться, как оказалось, было чего…

Из темноты возникло нечто, обхватившее холодными скользкими щупальцами лицо и шею взвывшего от страха Томба. Не успел он вытянуть клинок, как новые конечности обвили его руки и ноги. Спутники поспешили на помощь. Но добежали не все. Вырвавшиеся из темноты щупальца обкрутили Кича, а потом и Тону. Конечности медленно сдавливали, душили своих жертв. Камоорн с ещё одним щупом побежали к Томбу. Тис и оставшийся щуп устремились на помощь Кичу. Брок помчался спасать свою возлюбленную. Вблизи он рассмотрел бугристое тело и чёрный сплошной глаз. Земной осьминог! Пернач рассёк плотный слой кожи и с хлюпающим звуком вошёл в мягкие внутренности. Пасть осьминога издала чудовищный вопль. Щупальца начали ослабевать. Тона смогла сделать вдох. Брок не прекращал свирепых атак, пока от его противника не осталось лишь кровавое месиво. Во время очередного взмаха он задел трубу на потолке. Труба треснула, и из неё потекла жидкость, обливая голову люрта. Щупальце сжало Тису грудь, он отрезал его когтями, сделал выпад и вонзил лапу прямо в глаз

осьминога. Щуп нападал с другой стороны – загонял кинжал в спину. Вскоре щупальца ослабли и жадно глотающий воздух Кич брезгливо сбросил их с себя. Камоорн сразу же прострелил гарпуном череп врага. Щупам не привыкать сражаться с осьминогами: как водными, так и земными. Его соплеменник отрезал щупальца кинжалом. Теперь Томб может спокойно вздохнуть.

– Брок ранен? – перепугано спросила Тона.

– Я хорошо чувствую, – удивился вопросу люрт.

– Брок, у тебя вся голова в крови! – мрачно сообщил Тис.

Брок удивлённо провёл рукой между рогами, посмотрел на неё – действительно кровь.

– Не моя, – он посмотрел вверх, на треснутую трубу, из которой уже перестала течь жидкость, – там кровь.

И действительно, в месте надлома труба была измазана кровью. Редкие красные капли срывались с неё и разбивались о пол.

– По этим трубам течёт кровь… – сказал пришедший в себя Томб. – Теперь понятно, откуда в этой технокрепости столько мощи. Она питается силами магических существ, живущих в этой крови!

– Тогда нужно немедленно уничтожить их! – сделал вывод Тис и занёс когти над одной из труб.

– Нет! – закричал Томб. – Не делай резких движений! Неизвестно что произойдёт. Вдруг всё взлетит на воздух?

– А если не взлетит? – встрял Кич. – Одну трубу проломили – и ничего. Так чего опасаться? Давайте всё здесь разнесём!

– Я ещё раз повторяю: это небезопасно! – забрызгал слюной Томб. – Мало ли что случиться может! Сказано – нельзя, значит – нельзя! Ещё есть возражения?

– Да, я бы хотел… – начал Кич, но его слова заглушили донёсшиеся из конца коридора раскаты взрывов.

– Кровью чую – это наши! – прокричал Томб. – Все за мной!

Первым из апартаментов бешеного стрека вышел я. И тут же наткнулся взглядом на пару чёрных выпуклых глазных линз. Я потянулся за мечом, но чудище схватило мои руки и покачало маленькой металлической головой. Мол, не нужно, дружок, и так всё с тобой ясно… Рядом стояло такое же. Они были человекоподобные. Размером с высокого люрта. От них веяло мёртвым холодом металла, но внутри текла горячая кровь. Я сразу почувствовал присутствие магических существ в этих смертоносных механизмах. Второе чудище схватило Джину, не дав ей достать кинжал. Дверной проём был недостаточно широким, поэтому Бирюку приходилось протискиваться в него. Увидев механических людей, он начал лаять и извиваться, пытаясь как можно быстрей вылезти. Но от этого он только застрял, запутавшись задними лапами в разбросанных по полу тряпках. Лучшего случая убить волка и придумать нельзя.

– Мы ваши друзья, – прохрипело чудовище из треугольной сетки под своими глазами. – Мы не причиним вам вреда.

С этими словами оно отпустило мои руки. Ну у него и хватка – синяки месяц сходить не будут.

– Отпустите девушку немедленно! – потребовал я.

Второе чудовище отпустило Джину. Она подбежала ко мне и прижалась к плечу. Тем временем Бирюк выпутался из тряпок и вылез в коридор. Он стал невдалеке от меня и, не спуская глаз с механизмов, готовился атаковать при первой же необходимости.

– Вы пришли сюда, чтобы убить нашего отца, – неживым голосом продолжило чудовище. – Мы поможем вам.

– Ваш отец – Тризолус? – не скрыл удивление я.

– Простите, мы не представились. Меня зовут Лароус. Его – Рир. Да, мы бывшие наследники престола королевства Техмаг. Сыновья Верховного Мага Тризолуса. А сейчас – их жалкие тени, заточённые в эти проклятые механические тела…

– Неужели отец способен сделать такое со своими детьми? – поразилась Джина.

– То, что он сделал с нами – не самое страшное из его поступков… С того дня как он убил нас, а главное – нашу ненаглядную сестричку Кору… И маму… Её звали Ирта – она была самой могущественной ведьмой королевства. Не слыхали, случайно?

– Нет…

– Это не имеет значения. В общем, мы уже очень долго желаем ему смерти. Я даже скрыл от него исправность своего говорящего аппарата. К сожалению, Риру не пришлось ничего скрывать – его аппарат так и не заработал. Не секрет, что моих с братом сил не хватит отправить отца в потусторонний мир. Поэтому мы решили действовать исподтишка. Я нанимал убийц, подкупал его учеников, чтобы бросали вызов, но всё тщетно. Старого ублюдка не так просто убить, как хотелось бы… Но сейчас всё по-другому. В одном из вас сидит магическая кровь его злейшего врага Алерадуса. Если мы объединим наши усилия – то, безусловно, победим!

– Подождите, какими это предсказаниями мы должны вам верить? – поинтересовалась Джина.

– Мы вас могли убить ещё в самом начале нашей встречи, – коротко и ясно объяснил Лароус.

– Вполне возможно, – согласился я. – Но какие цели вы преследуете? Избавиться от конкурента и продолжить его дело?

– Как бы просто наша цель не звучала, но мы хотим лишь одного: убить отца. Остальное нас не интересует. Мы хотим отомстить ему. Только и всего. С момента заточения наших душ в эти железки мы жаждем лишь этого. Вам придётся нам поверить. В конце концов, у вас просто нет другого выбора. Без нашей помощи ваши шансы ничтожны.

– Ладно, – мне хотелось им верить. – Предположим, мы согласились на вашу помощь. Каковы тогда наши действия?

– Отец сейчас в своём зале для экспериментов, – сказал Лароус. – Двери никогда не запираются, но никто не смеет входить. Прервать его испытания – верная смертная казнь. Даже если мы с братом зайдём – тут же превратимся в груду хлама под натиском его гневной магии. Я предлагаю напасть через главный вход. Ворваться всем вместе и обрушить на него все свои силы. А после, те, кто выживет, пойдут в рукопашную атаку.

– Замечательный план! – взмахнула руками Джина. – Поумнее ничего не придумали?

– А знаешь, когда я ещё был человеком, все девушки были от меня без ума… Вот бы нам в те беззаботные дни встретиться… Хотя, ты тогда ещё и не родилась, наверное…

– Мечтай, кастрюля ходячая! – огрызнулась Бабочка.

– Только это и остаётся… – лишённым эмоций голосом ответил Лароус. – Поверьте, если и есть шанс уничтожить Тризолуса – это застать его врасплох и навалиться на него всеми силами, что только у нас есть. Давайте не будем терять времени? Пока он ещё не успел обрести вечную жизнь, но это может произойти в любую минуту.

Ну что ж, раз он говорит, значит, пора. В последний бой!

До высоких двойных дверей в зал идти оказалось не так долго, как ожидалось. По дороге я достал мешочек с оставшимися восстановительными жвачками – не густо… Поделился с Бирюком. Протянул нашим новым механическим друзьям, но, поняв, что у них нет ртов, смутился и сжевал сам.

Перед входом мы слепили снаряды из взрывного порошка. Ну, с богами!

Бирюк прыгнул в двери, распахнув створки настежь. Мы забежали следом. В помещении горели электрические лампы. На шум обернулся высокий человек в багровой развивающейся от ветра мантии. В руках он сжимал кинжал. Даже издали можно было рассмотреть присущие только Кинжалу Спайкнифа драгоценные камни. В нескольких метрах от человека махал переливающимися пунцовыми крыльями гигантский мотылёк. Его светящиеся зелёным глаза устремились на нас. В тот же миг мотылёк превратился в кровавую овцу и поскакал прочь. Тризолус метнул кинжал вдогонку. Остриё вонзилось в кроваво-шерстяной бок, но ранение было не смертельным. Гирен запрыгнул в исчезнувшей следом тёмной дыре между мирами.

– Вы умрёте мучительной смертью! – гневно выдавил из себя Тризолус, но тут же прогремел взрыв – первый снаряд угодил прямо в него, свалив на пол. Полетели следующие. Рир выпускал из рук магический град камней, Лароус брызгал кислотными струями. Из пасти Бирюка вырвалась молния. Я обдавал его огненными фонтанами. Помещение заволакивалось дымом от взрывного порошка. Стало тяжело дышать. Мы ещё долгое время атаковали наугад. Потом прекратили. В конце концов, после такого смертоносного шквала никто бы не выжил…

Мы оставались на своих местах. Рир пошёл к месту, на котором врасплох застали Тризолуса. Что-то поднял с пола. Было плохо видно. Кажется, обгоревшая багровая мантия. А где же сам её обладатель? Громкий шлепок, скрежет металла. И звук катящегося по полу шара. К моим ногам прикатилась маленькая механическая голова. Как назло, дым усиливался.

– Ничтожные пресмыкающиеся, – разносился низкий, грубый голос по задымленному залу. – Вы перепортили мне все планы! Теперь я перепорчу всех вас! Одного за другим. И вас, сыновья, в первую очередь. А тебя, сосунок с могучей кровью моего врага, я оставлю на десерт…

Громкий лязг металла. Мимо пронёсся Лароус. Пролети он чуть ближе – снёс бы меня своим телом.

Скрип открывшейся двери. Поднявшийся ветер начал выдувать дым – это дело рук вскочившего в зал Томба. Видимость улучшалась с каждым мгновением. Возле Бирюка стояло существо. Старческое лицо с седым серпом волос вокруг лысины не могло ввести в заблуждение. Вместо тела у него было что-то другое. Механические части, сросшиеся с плотью! В груди, сделанной из прозрачного металла – практически ни чем не уступающего сплавам из Стальни – было видно, как по трубкам перетекает кровь, как вращаются поршни и шестерни. Человеческие внутренности вперемежку с замысловатыми механизмами. Нет! Это существо не может быть человеком!

Увидевший врага Бирюк не замешкался и врезал ему хвостом. Тризолус отлетел спиной в стену, но тут же встал на ноги и пустил в волка рой ядовитый ос. Насекомые облепили зверя и принялись безжалостно жалить. Кич открыл огонь из мушкета. Целился в голову, но его пули не достигли цели – сгорели в огне магической защитной оболочки. Мы с Джиной начали метать в него комки взрывного порошка. Взрывы не причиняли и малейшего вреда. Заклинание поглощало их силу.

– Ненавижу вашу расу! – крикнул Тризолус и выпустил в щупов поток змей. Камоорн успел отпрыгнуть. Двое других – нет. Магические существа вонзали в них свои зубы и впрыскивали смертоносный яд. Вскоре змеи исчезли. На полу остались лежать два посиневших, покрытых красными буграми укусов бездыханных щупа.

– Тупые люрты! Я не подарю вам быструю смерть! – выкрикнул Верховный Маг и выпустил ледяной вихрь в Тону и Брока. Вихрь превратил их в глыбы льда.

– Ты убил мою семью! – взвыл подбежавший вплотную Тис и вонзил когти в металлическую грудь Тризолуса. Защитная магическая оболочка исчезла, но её костёр спалил кроту руку. Пошатнувшись, Маг схватил пальцами горло Тиса и принялся душить. Кич выстрелил. Его пуля продырявила ухо врага. Но не успел прим выстрелить ещё раз, как струя кислоты прожгла набедренники и опалила ему ноги. Крича от боли, он повалился на пол.

Я срубил душащую Тиса руку мечом. Второй меч загнал прямо в живот. Тризолус посмотрел на меня. Его глаза были зелёными. Такие же как и у меня,

только отрешённые, неживые. В них было много боли, ненависти и зла. И в них я увидел своё отражение. Оно напугало. Мои глаза ничем не отличались от его…

Он выпустил в меня ледяной поток, а я ответил огненным столбом. Некоторое время наши силы были равны. Лёд и огонь не пускали друг друга. Но потом я ощутил перевес своих сил. Вытекавшая из ран кровь ослабляла Тризолуса. Ещё пара мгновений и мощное огненное облако поглотило Верховного Мага. Он горел, плавился металл его механизмов, свёртывалась кровь, дымились органы и кожа. Лицо покрылось пузырями, глаза закатились. На пол повалилось задымленное тело. И в этом теле не было мета жизни…

Я отдышался, и устремился к Тису. Он был мёртв. Я не смог спасти его… Некоторое время спустя, я сделал над собой усилие и поднялся, осмотрелся вокруг. Облепившие Бирюка осы постепенно исчезли. Волк лежал на боку, жадно глотал воздух. Он жив! Лёд растаял, высвободив упавших без сил Брока и Тону. С ними всё будет в порядке. Кич держался за опаленные кислотой раны. Рядом лежали проеденные набедренники. Броня приняла большую часть удара на себя, и полученные ранения были не так опасны, как это могло показаться на первый взгляд. Ничего, на ноги уже через неделю встанет. А тем временем над мёртвыми щупами рыдал Камоорн. Да, жаль вас, ребята. Без вашей помощи мы бы не справились… Части Рира были разбросаны по всему залу. Ему помочь уже никто не сможет. Я подошёл к лежащему на спине Лароусу. К радостному удивлению, он был жив. В его рифлёном грудном панцире была глубокая вмятина, но он сказал, что всё нормально. Паровой двигатель не задет, ёмкость с кровью – тоже. Он со скрипом приподнялся на шарнирных локтях, сделал головой полный оборот и встал на ноги. Ничего страшного, уверил он, бывало и хуже.

Ко мне подошла Джина, обняла и страстно поцеловала как никогда ещё. Такой поцелуй может заслужить только победитель!

А тем временем Томб вылез из своего укрытия за дверью…

Глава 25: ***Эпилог***

Мы постепенно приходили в себя. Благодаря магическому дару исцеления, Бирюк вскоре поднялся на лапы. Словно и не был искусан роем ядовитых ос. Джина обработала и перевязала раны Кича. Брок и Тона давно очнулись от ледяного сна. Они в молчаливой скорби стояли над телом Тиса. Камоорн сидел возле трупов своих соплеменников, разговаривал с ними… Не знаю, это у щупов такой ритуал, или он просто свихнулся. Нет, всё же не свихнулся. Просто очень расстроен. Мы все, если честно, расстроены. Кроме Томба, наверное, который всё не отходил от Лароуса, выпытывая как управлять Фортом Террора и техномонстрами. Механический человек охотно делился всеми доступными ему знаниями. Оказывается, управлять этой страшной махиной и её *деткам*и весьма просто. Конечно, для виртуозного обращения требуется обученный персонал и доскональное знание

магомеханических наук. Но с базовым уровнем справится и любой нормальный мыслящий. Передвигать эту громадину можно с помощью нехитрых манипуляций рычагами в капитанской рубке. А техномонстрами управлять – ещё проще. Есть несколько команд, которые они преданно выполняют. Стоит только произнести в специальную голосовую трубку, и магические волны в считанные мгновенья донесут приказания до механизмов.

Да, мне тоже было интересно узнать, как управлять технокрепостью. Но не больше того. Дослушав объяснения Лароуса, я предложил уничтожить её вместе со всеми техномонстрами к гиреновой бабушке. Тут же глаза Томба блеснули недобрым светом. Что это я за чушь такую предлагаю? Тризолус мёртв, но не его последователи. За него ведь все жители королевства Техмаг горой станут. Они будут мстить за смерть своего лидера. Начнётся страшная война, которая повлечёт за собой смерти миллионов невиновных. Мы будем полными глупцами, если уничтожим сейчас такое мощное оружие. Нужно использовать его против наших врагов! И чем раньше, тем лучше. Не будем терять времени. Сегодня же нужно отправиться в путь. С помощью этой мобильной крепости и армии бесстрашных механических солдат мы навсегда сотрём с лица Материка этих предателей чистой магии!

Я молча кивнул ему…

После нашего разговора Томб ушёл в капитанскую рубку – собирать новоприобретённые войска, рассеянные по всему Объединённому Королевству Сарбонии и Западной Картурии.

Я поговорил с остальными. Выслушал их мнение, высказал своё. Дольше всего общался с Лароусом. Выяснилось, что на верхнем этаже Форта есть один замечательный магомеханизм – Смертоптица. С его помощью мы можем покинуть технокрепость в любой подходящий для нас момент.

Когда мы зашли в рубку, Томб сидел в капитанском кресле и глядел в смотровое окно. Я сказал, что нам нужно похоронить убитых. И заодно – освободить младенцев люртов. Мы хотим отвезти их в Торню. Томб сказал, что на это всё у нас нет времени. До Торни – пять дней пути в лучшем случае. За это время враги могут нанести неожиданный удар. Лароус возразил, что при помощи летательного аппарата его отца мы успеем всё сделать до вечера. Поколебавшись немного, Томб согласился, но при условии, что сам никуда не полетит. Надо же кому-то следить за нашей новой крепостью?

Со смертью Тризолуса заклинание в детской тюрьме спало. Мы перенесли рыдающих младенцев из тесных клеток в салон Смертоптицы. Нужно торопиться: еды для них (как и для нас, в общем) не было, а искать продовольственный склад в этих зловещих коридорах желания не возникало. Потом мы занесли тела убитых. Как своих, так и врагов. Смерти безразлично за кого ты воевал…

По дороге мы встретили карла. Брок схватил его за шиворот, поднял и порекомендовал убираться из технокрепости куда подальше. И пусть всем своим дружкам об этом скажет. Описавшийся от страха карлик побежал прочь.

Потолок посадочной площадки разъехался в разные стороны. Взмахнув исполинскими крыльями, Смертоптица взмыла в воздух, унося нас внутри своего механического чрева в бескрайние небесные просторы.

Мы направлялись в Торню. Что потом? Трудно сказать. Обратно в Пашни к отцу и молодой мачехе я не хочу. В Сар? Возможно… Очень хочется повидаться с Сиром и Кирой. Мы уже слишком долгое время не слышали от них вестей. А потом? Действительно, что же потом?.. Я не хочу останавливаться на этом, оседать в каком-то тихеньком городишке и до конца дней рассказывать о своих приключениях скучающей детворе. Моё сердце рвётся к новым приключениям, к новым победам! Меня окружают самые близкие друзья. Они никогда не обманут, никогда не предадут – после всего, что мы пережили это просто невозможно. Всегда будут рядом, куда бы извилистые дороги судьбы не завели нас. Вместе мы непобедимы. И Джина. Первая настоящая любовь в моей жизни. Мы будем вместе. До конца наших дней. Я это чувствую. Но не магической кровью. Сердцем…

В холодильной комнате, что использовалась для хранения продуктов на борту Смертоптицы, сейчас лежали тела убитых. Мы забрали с собой всех. Тризолус, Тис, обломки Рира, пять примов и два щупа – мы похороним всех близ Торни. Тяжело смотреть на их безжизненные останки. Как бессмысленно настигает нас смерть. Тризолус был сумасшедшим, его действия привели к гибели тысяч, если не миллионов невинных мыслящих. Но что-то внутри не разрешило оставить его на борту Форта. Ненавижу себя за подобные мысли, но, кажется, я испытываю восхищение перед ним. Нет, вовсе не оправдываю его злых поступков, но… он был великим создателем и творцом… Кто знает, поверни он свои изобретения на службу добру, не будь столь одержим чудовищем внутри, сколько пользы смог бы принести… Мне хочется рыдать, смотря на его изувеченное самим же собой тело. Щемящая боль в душе так сродни с чувствами отца, потерявшего своего сына… Откуда я знаю это? Наконец-то я начал понимать, что говорит моё магическое существо! Алерадус… Он был его отрёкшимся отцом…

Теперь до меня дошло, в какое грязное болото интриг нас втянули. Магам Стальни было абсолютно наплевать на мыслящих остальных городов. Их интересовала лишь месть! Месть всем, кто остался в Техмаге, кто позволил смешать чистоту магии с ржавчиной шестерёнок. Вот почему Алерадус перебрался в наш тихий городок и жил там жизнью отшельника. Он не хотел участвовать в этой бессмыслице. А мы – всего лишь карательная дубинка в хитрых, притворных руках. Меня переполняет злость. Да, мы остановили безумца Тризолуса, но на его кресло тут же уселся новый. Тот, кто всё это время выдавал себя нашим другом. Томб!

Я устал видеть кровопролитие. И мне всё равно, чья это кровь – врага или приятеля, напыщенного богача Магаррана или простецкого крестьянина Фермерских Угодий…

Всё, хватит!

Разве мог Томб знать, что главенствующая рубка управления техномонстрами находилась в нашем подчинении? Тризолус – не такой дурак, чтобы отдавать свою армию в полное подчинение капитану технокрепости. Что в таком случае помешало бы Парфлаю направить механизмы против своего же создателя? На этот случай у Верховного Мага было две рубки: одна в его столичном замке, другая – на борту Смертоптицы. В любой момент он мог отменить непонравившийся ему приказ и отдать свой. Теперь это право наше.

Я кивнул Лароусу. Он вынес в голосовую трубку приговор, магическими волнами облетевший весь Главный Материк: *Уничтожить Форт Террора. После выполнения – уничтожить друг друга*.

Николаев – Шарм-эль-Шейх
2007 – 2008 год

Книга 2. Ищейки Смерти

Глава 1: ***Лунная бойня***

Линтус Безупречный тяжело вздохнул: уже начинало светать, а наёмники всё не появлялись. Благо, до зенитной фазы лун оставалось полтора десятка дней!

А за окном всё не унималась разъярённая толпа. Охрана едва сдерживала её у главного входа.

«О Великий Мастук, – принялся мысленно молиться Линтус, – помоги мне… Помоги всем нам! Пусть эти пресловутые любители наживы, головорезы и кровавые ищейки в одном лице оправдают хоть частицу тех слухов, которые о них ходят…»

Возмущения толпы стихли. Повисла тишина сродни той, что обычно бывает на кладбищах в жаркий день. Нет, всё же не полная тишина – издали доносился едва различимый топот копыт. Он всё нарастал, смешиваясь с отвратительным скрипом плохо смазанных металлических колёс. Линтус с надеждой выглянул в окно и увидел, как подъехала карета, запряжённая тремя гнедыми и одним вороным. Управляла каретой (какая дикость!) рыжеволосая девушка в тёмно-синем плаще. Смолкшая толпа вмиг расчистила дорогу. Двери кареты с визгом петель разверзли створчатую пасть и выплюнули на землю громадного люрта. Рассветное солнце поблескивало на его лысой голове и правом роге (вместо второго рога одиноко торчал обрубок). Вслед за ним вышел сгорбленный прим. Глядя на его тёмно-фиолетовую шерсть, Линтус сделал вывод, что прим не из здешних мест. Скорее всего – с Южного побережья. За примом следовал седой крот. А сразу за кротом – коренастый человек. Одетый, как и большинство бандитов средней руки, в кожаную броню. Тем временем девушка-кучер распрягла лошадей, поручила их кому-то из оторопелой толпы и тут же направилась следом за соратниками.

Это они!

Двери в кабинет Главы города отворились, и впустили долгожданных гостей.

– От лица всего нашего скромного городка Гродиц, – торжественно начал Линтус Безупречный, – хочу поблагодарить вас за столь великую честь…

Человек в кожаной броне резко поднял руку и скорчил мучительную мину, от чего остальные слова сухим комком застряли в горле Главы города.

– Ближе к делу, толстяк, – грубо потребовал наёмник.

Лицо Линтуса налилось кровью. Если бы кто-то другой позволил себе хотя бы половину подобной дерзости – последствия для наглеца были бы крайне плачевными… Но сейчас совсем другие обстоятельства. И, преодолевая невыносимые душевные терзания, пришлось смириться. Собрав растерянную на миг волю в крепкий кулак, Глава города заговорил вновь:

– Это повторилось уже трижды… Каждый раз – в ночь зенитной фазы лун.

– Кто-то видел убийцу? – спросила рыжеволосая.

Линтус повернулся к ней. Его лицо было усталым и беспомощным.

– Нет, никто не видел. Каждый, кто мог увидеть – мёртв… Эта проклятая тварь не оставляет в живых никого. Ни стариков, ни женщин, ни детей. Забирается в окна домов. Да что там забирается – проламывает их громадным телом, оставляя после себя лишь клоки жёсткой чёрной шерсти. И начинает есть… Не зная меры и жалости… От каждого убитого она отъедает немного… Гирен подери, в последний раз она вырезала два десятка душ!

– Вы пытались давать отпор? – вновь заговорила девушка.

Глава взорвался подобно пороху:

– Я похож на человека, который при первом же случае обращается к наёмникам?! Репутация! Моя репутация как Главы города – безупречна! Все вопросы я решаю сам!

– Да, и поэтому в прошлый раз вырезали два десятка душ… – ехидно вставил человек в кожаной броне.

Глава города пропустил шпильку мимо ушей.

– Мы устраивали облавы, ставили ловушки. Но ни одна ловушка не сработала. Ни один солдат из облавы не выжил… – налитое гневом лицо Линтуса вмиг приняло спокойное выражение. – Пятьсот золотых.

Коренастый задумчиво почесал гладковыбритую щеку:

– Интересно, откуда в меленьком и непримечательном городке такие богатства...

В глазах Линтуса вспыхнул и тут же потух огонёк ярости затравленного зверя:

– Это не должно вас касаться… Ваше дело – убивать по приказу заказчика. Наш город – ваш заказчик. Вы возьмётесь за дело?

– Нам вначале нужно ошмотреть мешто пошледней бойни, – зашепелявил прим.

– Моя охрана сопроводит вас.

– Это единственное, на что они способны, – коренастый человек оглянулся на появившихся из ниоткуда люртов, – проводить к месту своей неудачи…

Линтус ничего не ответил на очередную колкость. Его охранники тоже. Да и вряд ли, судя по их туповатым лицам, они могли ответить что-то связное.

Наёмники отправились следом за люртами. Сквозь расступившуюся толпу, через массивы убогих, но убранных улочек, мимо уныло похожих друг на друга стрельчатых лачуг, вдоль в удивлёнии распахнутых округлых окон, вглубь выкупанной бедности, натёртых до блеска трещин в стенах, вылизанных, вымытых, вычищенных тряпок-одежд… В сердце маленького городка под названием Гродиц.

Это место отличалось от остальных в городе – чувствовалось сразу. Было тихо. Невыносимо тихо. Мертвецки тихо… Цепь домов зияла ранами выбитых окон. Сопровождавшие люрты остановились. Один из них, должно быть

старший, махнул рукой в сторону ближайшего дома, мол, дальше охранники идти не намерены, это уже не их забота.

Первым к дому подошёл прим. Осмотрел выбитое окно и вытащил из трещины в раме застрявшую шерсть. Чёрная, упругая, длиной с кисть человека. Такая может принадлежать множеству свирепых существ: как простым, так и потусторонним. К приму подошли товарищи. Нет, внутрь они заходить не станут. Изувеченные тела жертв бойни давно уже убраны и преданны огню. А разглядывать засохшую кровь по всему помещению – занятие не из приятных. Гораздо проще положиться на чутьё своего товарища, которое ещё ни разу не подводило.

Однорогий люрт сжал в могучем, испещрённом шрамами кулаке клок шерсти. Его глаза закрылись, но было видно, как под веками бегают тараканы зрачков. Его губы дрожали, вычерчивая силуэты немых слов. Так он простоял несколько минут.

– Чёрный, – произнёс он.

– Кто? – спросил прим.

– Волк, – еле слышно ответил люрт.

– Просто замечательно! – брызнул слюной коренастый в кожаной броне. – Нет ничего лучше, чем за волком охотиться!

– Тартор, ты можешь хоть сейчас не быть желчным занудой? – осадила его рыжеволосая.

– Главный, – выдохнул люрт и выпустил из рук шерстяной комок. Комок подхватило ветром и понесло, как перекати-поле, по безлюдной дороге.

Коренастый мужчина только открыл рот, но его перебил прим, пристально глядящий на новый поднятый с разбитого подоконника клочок шерсти:

– В дне пути на юго-вошток начинаетша Приожёрное Редколешье… – сообщил он, спрятав шерсть в один из набедренных карманов.

– Не думаю, что там мы найдём убийцу, – сказал седой крот. – Волки любят чащи…

– Я согласна с Морротом: Редколесье – обиталище зайцев и крысонов. Слопров – в крайнем случае. Там хватает и хищников. Но мелких – до чёрных волков им далековато…

– Так что же будем делать? Дальше на месте топтаться? – спросил Тартор.

– Нужно идти к Главе города, – сказал прим. – Предлагаю жа дело вжятьша. Кто против?

Никто не ответил.

Наёмники подошли к стоявшим всё это время в стороне люртам-охранникам и потребовали отвести обратно к Линтусу. Но стоило им двинуться с места, как из-за домов неподалёку вышла толпа людей. Впереди всех шёл Глава города.

– Мы принимаем ваш заказ, – с вызовом сказала рыжеволосая, обводя толпу взглядом.

– Я и не сомневался, – твёрдым, как калёная сталь, голосом ответил Линтус. – Вот здесь, – стоявший за ним люрт поднял над головой кожаный мешочек, – двести пятьдесят золотых. Вы все, – Глава обвёл взглядом толпу, – знаете, как тяжело они нам достались, – с этими словами люрт швырнул мешочек к ногам Тартора. – Если вы, Ищейки Смерти, избавите наш город от безжалостного убийцы, то получите ещё столько же!

– Настоящие… – попробовав на зуб монету, одобрил Тартор.

– У вас есть время до следующей зенитной фазы лун. Вы должны принести нам его голову! – приказывал Линтус Безупречный под одобрительный гул толпы. – И мы приколотим её к главным воротам! Чтобы никто больше не осмелился нападать на нас!

Дальнейшие слова были не важны. Главное уже решено – Ищейки Смерти взялись за предложенное дело. А если так, то можно не сомневаться: рано или поздно, заказ будет исполнен…

Главным стратегом в команде безоговорочно считался Тос. Хотя до лидера он не дотягивал – сказывалось каторжное прошлое на серебряных приисках Шахтной цепи. Семь лет туго передавленные металлическими оковами запястья и щиколотки, тянущие к земле цепи, обжигающий невыносимой болью кнут надзирателя и труд… чудовищный, хуже любой самой изощрённой пытки... ТРУД. В сотнях метров от ближайшего выхода – глотая каменную пыль, смешанную со спёртым до головокружения воздухом, откалывать киркой кусочек за кусочком гранитные внутренности земного чрева… Те единицы, которые доживали до освобождения, были уже совсем не такими, какими попадали в шахты. Это были уставшие, измученные, подавленные существа – блеклые тени своих былых обличий. Обречённые доживать укороченный изувеченным здоровьем век в молчаливой, инертной злобе ко всему вокруг, включая самих же себя. Тос всегда был умным примом. Говорили, что до ареста он возглавлял какую-то шайку анархистов в своём родном городе Нортисп. Всё бы ничего, вздумай прим остаться простым местным смутьяном. Но, видимо, этого оказалось недостаточно столь умному и амбициозному мыслящему. Он замахнулся куда выше: решил изменить порядки в городе. Его идеи тотальной анархии мешал лишь один подводный камушек в лице городского сената. Тщательно всё обдумав, Тос, во главе своих вооружённых сподвижников, приблизился к зданию сената. Благодаря этому, увы, вся его последующая жизнь пошла под откос. Восстание подавили с такой же лёгкостью, как, к примеру, смазывают лечебным отваром зудящий прыщ. Большинство бунтовщиков были убиты, а остальных, вместе с Тосом, сослали, как это и полагается по Закону, на каторжные работы в Шахтной цепи.

Но если Тос и был безразличным, отделённым от тела мозгом Ищеек Смерти (кстати, именно он придумал такое название), то Филика – играла роль тех нервных узлов и окончаний, соединяющих его со всеми остальными частями тела. Да, именно рыжеволосая красавица Филика была лидером в их

команде. Но не из-за своих сводящих мужчин с ума внешних данных, а только лишь благодаря твёрдости характера и кристальной чистоте рассудка. И горе тому, кто посмел бы не выполнить её приказ!

Выслеживать чёрного волка ещё никогда не приходилось, поэтому в команде витали противоречивые мнения. Тартор, в меру своего упрямства, не был согласен с большинством и тянул проводить поиски в Приозёрное Редколесье. Филика и Моррот были категорически против этого и предлагали остаться в городе и устроить засаду при следующей зенитной фазе лун. Но тут возникал очень большой риск: город не так уж мал, где делать засаду? Надеяться на помощь местных воинов – наивно и даже смертельно опасно. Но что же тогда? Ближайшее обиталище чёрных волков – Седой Лес. Но до него, как известно, четыре дня путешествия на карете… И даже если убийца укрывается там, то найти его среди бескрайних непролазных чащ будет просто невозможно. Лирк отмалчивался: видений больше не следовало, значит, предлагать что либо – смысла не имело. А из сложившихся мнений слишком сложно выбрать одно – все они далеки до идеальных. А вот Тос, который сам вначале подал идею про Приозёрное редколесье, предложил начать прочёсывать местность вокруг города. Да, наивно надеяться найти следы – пусть и громадного зверя – на засохшей земле, постоянно осыпаемой песками благодаря крутому нраву здешних ветров. Но мизерный шанс наткнуться хоть на малейшую зацепку всё же есть!

Ну вот, Тос опять спас положение. Филика, как это обычно бывало, приняла его мнение за своё и заставила остальных сделать то же самое.

Решено: разбить лагерь близ северной окраины города; расписать график, выбрать для каждого направления поисков; преступить к выполнению своих новоприобретённых обязанностей.

Лагерь, как и всегда, состоял из кареты, кожаного навеса и пасущихся рядом лошадей.

В первое дежурство пошли Филика с Тосом – в юго-западном направлении, а Тартор и Лирк – в юго-восточном. Моррот остался охранять лагерь.

Как и ожидалось, первый день поисков не дал абсолютно никаких результатов. Раздосадованные, но в то же время и заразившиеся азартом поисков, наёмники легли спать.

Товарищи Тартора все как один спали без задних ног. Громогласный храп Лирка молотом выбивал сон из утомившейся за целый день головы. Мысленно выругав собрата всеми существующими и несуществующими ругательствами, Тартор скинул стёганое одеяло и направился к карете. Ветра не было. Воздух стоял холодный, но на редкость чистый. Очертания первой луны бледно просвечивали сквозь чёрные облака. Хилый рожок второй луны сквозь трещину в облаках забрызгивал платиновым светом угловатые ветви растущего повсюду пустынника. Звёзд практически не было видно. Порывшись в багажных сундуках, Тартор добыл кувшин с вином – верное средство от любой бессонницы.

«Кружки – для слабаков!» – с этой непоколебимой, как гранитный монолит, мыслью он сделал несколько смачных глотков из горлышка. Но не успело вино сделать своё волшебное дело, как невдалеке послышался треск веток. Тартор обернулся на шум, и тут же его тело зажало ледяными тисками ужаса.

Из кустов пустынника, небрежно перебирая лапами, вышел волк. Приглушённого лунного света едва хватало, чтобы выхватить из мрака его грозные очертания. Но сомнений быть не должно: это волк. Чёрный волк… Это не новость, что глаза волков блестят в темноте – они отражают свет. Так они могут хорошо видеть даже при свете немногочисленных звёзд. Но у этого волка они блестели не как у обычных зверей. В них витал зловещий красноватый оттенок. Оттенок, предвещающий собою смерть…

Ближайшее оружие лежало в сундуке кареты. Тартор стоял как на ладони: одетый в спальные одежды, оцепеневший от страха, один…

Работа хорошего, опытного наёмника заключается отнюдь не в постоянных рыцарских сражениях с заказанными для умерщвления мыслящими. Нет, нет и ещё раз нет! Это романтизированное мнение, бытующее у большинства жителей Главного Материка – более чем ошибочно. Наёмник – это профессионал, любым способом достигающий поставленной цели. И чем выше его профессионализм, тем больше этих способов в его арсенале. Зачем, к примеру, идти в лоб сумасшедшему люрту, размахивающему палицей? Почему бы не дождаться, пока люрт уснёт, а потом подлить яд в его флягу с чёрным вином? Так ведь гораздо-гораздо проще… А если заказанный – отшельник, живущий, к примеру, где-нибудь в оледенелых пещерах Горного Хребта Печали? Нужно быть готовым отправляться в длительное леденящее не только душу, но и тело путешествие. О том, что при этом нужно иметь с собой весь необходимый инвентарь – и заикаться не стоит... А если заказанный скрывается где-нибудь в богами забытых окрестностях, в которых говорить никогда не говорили на всеобще-принятом языке? Нужно, в таком случае, знать местные диалекты: чтобы расспросить, попросить, припугнуть… И многое, многое другое!

Ищейки Смерти не были исключением. В их багажных ящиках лежало много вещей, способных облегчить столь трудную работу. Но одними вещами всё не кончалось. Филика, подбирая помощников, смотрела не только на их умение рубить головы и крушить кости (что немаловажно, нужно отметить), но и на их интеллектуальные способности. Склонность к обучению, анализу ситуаций и так далее. В общем, каждый в её отряде был способен на многие вещи. Владение языком волков – было одним из них. Поэтому Тартор, сбросив с себя потрескавшийся лёд первичного страха, начал узнавать в рычании и скулеже «ночного гостя» знакомые слова.

– Приветствую тебя, ничтожное создание. Меня зовут Ворк. Я вожак своего сильного племени. А кто ты?

– Тартор, охотник за головами, наёмник, – стараясь скрывать дрожь в голосе, представился человек.

– Я чувствую твой страх, ничтожество… Но он… Не такой… Не тот, что нужен… Ты мне неинтересен… И твои соратники по стае – они такие же как ты. Ваш страх не такой сильный, как у других. От вас мало пользы…

– Это ты убил тех несчастных жителей Гродица? – Тартор добился полной твёрдости голоса.

– Когда луны вверху – я хочу есть… Сильно хочу…

– Ты должен убраться из этого города прочь!

– Нет. Вы – те, кому заплатил предводитель городских ничтожеств за мою шкуру. Но вы – мне неинтересны. Ваш страх – не будет вкусным… Я не хочу портить себе аппетит вами… Убирайтесь прочь! Не мешайте моему пиршеству!

Волк замолчал. Его глаза злобно смотрели на Тартора. Его пасть скалилась. Слабый лунный свет падал на громадные желтоватые клыки. Сколько душ отправили эти клыки в потусторонний мир – было даже страшно подумать…

Тартор стоял на месте. Смотрел убийце прямо в глаза. Что делать в сложившейся ситуации? Кинься наёмник к карете, закричи, пустись бежать – всё равно исход один. Смерть...

Раздался невероятно громкий для столь тихой ночи выстрел. За ним последовал второй. Волк взвыл от дикой боли, свинцовым шариком вгрызшейся в его бедро. Филика подняла вторую пару пистолетов, но выстрелить так и не удалось: враг помчался прочь.

– Ты цел? – подбежал к Тартору Тос.

Тартор лишь миг глядел на него непонимающим взглядом, а затем сипло закричал:

– Да не стой же ты, баклажан фиолетовый, в погоню! Это был убийца!

Но в погоню так никто и не отправился. Вскоре помутнённый жаждой преследования рассудок прояснился, и Тартор осознал бессмысленность своего требования. Чёрные волки – непревзойдённые мастера ночной маскировки. Последствия погони в подавляющем числе случаев оказались бы крайне плачевными... Даже самый ленивый и бестолковый наёмник это знает. Придётся ждать утра.

– Гиренов сын, он ведь был у нас в руках! – не унимался Тартор. – Пусти ты пулю в его тупую мохнатую башку!

– Славь своих богов, в особенности любимую Сифу, что в этой темноте хоть раз попала! – грубо ответила Филика.

– Так! Ты что-то имеешь против моей богини Сифы? – возмутился Тартор.

– Да, я против покровительства воровства. В любом, даже безобидном проявлении, – призналась Филика.

– Да ты, безбожница, вообще против любого покровительства! – выпалил Тартор.

– Закрой свою разящую нечищеной драговой глоткой пасть! – продолжала любезничать Филика. – Богам до нас дела нет. Никогда не было и

никогда не будет! Ты это хотел от меня услышать?! Всё зависит только от наших усилий. Абсолютно всё!

– Мне тошно вас слушать, – заключил Моррот, после чего все замолкли. – Вы забываете, что нам ещё нужно выполнить контракт.

– Волк большой. Волк злой. Волк мстить, – добавил Лирк.

– Нужно выдвигаться на рашшвете, – сообщил Тос. – Теперь будет гораждо проще его найти. Как ты говоришь, его жовут? Ворк? Вожак чёрных волков? Я удивляюшь, как это он тебя ещё в живых оштавил.

– Эта тварь сказала, что жрёт чужой страх. Наш страх ей не по вкусу… – вспомнил ужасающий разговор Тартор.

– Упивается предсмертными мучениями, – с ненавистью прошипела Филика. – Как это похоже на чёрных волков… Всё, разговором здесь не поможешь. Завтра предстоит тяжёлый путь. Нужно набраться сил. Не стоило нам быть такими беспечными: с этого момента, каждую ночь двое будут на страже. Утром – смогут отоспаться в карете. Сегодня это будет, – она зло посмотрела на Тартора, – Тартор и…

– Эй! Ты это специально? – возмутился коренастый.

– Приказы не обсуждаются, забыл? – улыбка в первозданном злорадстве растеклась по красивому женскому лицу. – Так, Лирк, будешь вторым дежурным?

– Я перехочу спать, – забасил люрт. – Филика говорит – я делаю.

– Вот и отлично. До рассвета осталось не так уж и много.

До утра всё прошло спокойно. Стоило солнцу лишь краешком показаться из-за пустынного горизонта, как Ищейки Смерти отправились в путь. Им повезло, что ночь выдалась безветренной. Начальное направление взять было не сложно: пятна засохшей на земле крови ещё не успели заместись песком. Волк бежал на северо-запад.

К обеду кровавый след был утерян. Видимо, зверь сумел окончательно зализать рану. Судя по тому, сколько крови он потерял – передвигаться ему крайне тяжело. По идее, он давно должен был замертво свалиться ещё несколько часов назад. Крепкий попался. Но ненадолго его должно хватить. Даже у самых выносливых существ когда-то кончается запал. Сомнений нет – он где-то неподалёку. Еле плетётся, часто отдыхает, тяжело дышит. Он уже не жилец! Осталось только добраться до него и добить…

Пустынная местность хороша для наёмника тем, что в ней практически негде спрятаться его жертве. Равнинная местность. Видимость – просто прекрасная. Волка здесь за километры видно. Да вот что-то пока нет его, волка. Ну как он мог, смертельно-раненный так далеко забежать?

А первая луна, тем временем, насмешливо взошла на дорожку вдоль своих небесных владений. Разноцветные бутоны цветов-звёзд принялись раскрываться, награждая быстро-темнеющий небосвод прекрасным сиянием. Вторая луна сегодня запаздывала: редкое, но вполне закономерное явление. Лишь когда пустыню жадно поглотил чёрный шёлк ночи, она лениво появилась с северной стороны размытого мраком горизонта.

Наёмники разбили лагерь. Сегодня на страже были Тос и возмутившийся до невозможного Тартор. Но, как говорится, в потустороннем мире за место в казане не спорят…

Утром возник вопрос: в каком направлении идти дальше? Ведь Ворк вполне мог изменить свой путь. Тут можно было выдвинуть уйму теорий: и идти обратно, и стоять на месте, и на все четыре стороны пойти… Но одна вероятность казалась наиболее близкой к действительности: раненный волк мог пойти на запад – к реке Нали. Это ведь только у наёмников – полные бочки питьевой воды в карете. А что первым делом будет хотеться измученному пустынной жаждой и страшной раной зверю? Ближайший источник пресной воды – река Нали. Тут направление преследования само собой напрашивается.

До заката день прошёл в пыльном, изнурительном пути. Жара стояла невыносимая – совсем не в пример прошлому дню. Взмыленные лошади едва перебирали ноги. На небе не было ни одной спасительной тучки, и, казалось, солнце беспрерывно лило на путников свой гнев. Песок заметало в щели кареты время от времени поднимающимся ветром. Салон нагрелся и превратился в невыносимую парилку. Внутри сидеть выдерживал только Тос. Да, после семи лет каторги он мог сносить и не такие испытания. У поводьев неизменно сидела полураздетая Филика. Она то и дело обливала себя водой. Остальные плелись рядом с каретой, делая отчаянные попытки попасть под крохотный огрызок тени.

Ночное дежурство разделили между собой Моррот и… Тартор…

Следующий день не предвещал ничего дурного, ровно как и ничего хорошего. Жара по сравнению со вчерашним днём ничуть не убавилась. В общем, пот заливал глаза, песок скрипел на зубах, в горле у каждого пересохло. Вода в бочках начала заканчиваться, поэтому расходовалась исключительно для попойки коней. Пришлось утолять жажду вином. Это хорошо, конечно, но вот на таком солнце… Сморенные ко сну наёмники были вынуждены забраться в парилку салона и предаться забвению хмельного сна.

Хуже всего было Тартору. За всё это время ночных дежурств он практически не сомкнул глаз. Сушёная ножка голубого кита – гриба, способного надолго прогонять сон – помогала, но вызывала приступы депрессии. И с каждой новой ножкой (которых приходилось для нужного эффекта принимать всё больше) депрессия усиливалась. В карете было слишком жарко для того, чтобы хорошо поспать. Блаженными для Тартора стали те мгновенья, когда солнце начинало близиться к закату, и жара немного спадала. Тогда-то часик-полтора он мог поспать в карете в относительном спокойствии.

С каждым километром местность начала меняться. Равнины перетекали в пологие подъёмы и склоны, растительность становилась всё гуще. Под ногами начинала шуршать пожелтелая от солнца трава. Всё больше деревьев встречалось на пути.

Ближе к вечеру с верхней точки очередного подъёма через подзорную трубу не составляло труда разглядеть жизнетворную вену земли – реку Нали. Но было слишком далеко, чтобы рассмотреть крошечные точки существ, снующих возле её берегов.

На этот раз ночью дежурила Филика. Стоит ли говорить, кого она выбрала в напарники?

Некоторое время они сидели молча. Сидели у костра. Жертвуя своим сном, охраняли сон других. Прислушивались, вглядывались в бледно-освещённую лунами даль.

– Я не могу понять тебя, – нарушил напряжённое молчание Тартор. – Что ты пытаешься доказать?

Филика посмотрела на соратника. В дрожащем свете огня её лицо было прекрасней, чем когда либо. Такое нежное, беззащитное, молодое и чувственное. Казалось бы – лишённое печати любых забот и тяжб. Такое лицо легко могло принадлежать светской модели Сара, но отнюдь не профессиональному убийце…

– Нет, ну скажи мне, зачем ты надо мной издеваешься? – продолжал «борьбу за справедливость» Тартор. – Зачем всё это надо? Показуха? Хочешь продемонстрировать власть надо мной, своё лидерство? Так ведь никто ж и не сомневается! Почему ты так ко мне относишься?

На мгновение на лице Филики блеснула улыбка. Затем оно приняло такое серьёзное и задумчивое выражение, что лучшие мудрецы древности обзавидовались бы. И по-прежнему рыжеволосая ничего не ответила.

– Я давно заметил твою антипатию ко мне… – добивался правды Тартор. – Очень непрофессионально. Личные чувства не должны мешать нашим делам...

– Личные чувства? У нас с тобой не может быть личных чувств, – отрезала Филика.

– И знаешь, я этому очень-очень рад! – рявкнул Тартор, поднялся и набросал дров в костёр.

Танцующие языки пламени радостно поглотили дар и, в знак признательности, потянулись вверх ещё неистовей – словно хотели слизать с неба все звёзды… Зелёная ветка в костре зашипела пузырящимся соком.

До самого утра наёмники больше не разговаривали.

Нет, это не обман зрения: по брюхо в реке стоял волк и жадно лакал воду. Его прилипшая к бокам чёрная шерсть лоснилась на солнце. Моррот опустил подзорную трубу и доложил всем об увиденном.

Филика приняла правильное решение. Лошади слишком устали, чтобы вести длительное преследование. Да и команде нужно передохнуть. До реки – с полчаса пути. До волка – часа два в лучшем случае. Ничего, никуда не денется. Пока он не знает, что преследователи его обнаружили – в рукаве есть козырный туз неожиданности. Нет смысла им сразу же расшвыриваться…

Солнце не было уже таким грозным противником. В тени размашистых приречных деревьев как-то сразу забывалось о его жестокости.

Лошади долго не выходили из воды. Наёмники решили не отставать от братьев своих меньших (хотя, как доказано великим учёным Винчида Леоном, лошади жили за много тысяч лет до появления первого мыслящего…). Искупавшись, они пополнили запасы воды в бочках.

Время близилось к вечеру. Ворк свернулся калачом на берегу в тени громадного куста оранжевого трествольника. Кажется, волк решил отдохнуть перед дорогой. Лучшего случая для нападения и придумать нельзя.

Филика приказала запрячь лошадей и ждать команды. А сама достала из оружейного ящика кремневое ружьё с прикреплённой к стволу подзорной трубой – её собственным изобретением. Засыпала порох и затолкала свинцовую пулю.

Под укрытием высокой прибрежной травы она подползла на необходимое для удачного выстрела расстояние. Ближе – опасно. Волки очень хорошо умеют чувствовать угрозу.

Дав упор на локоть, прижав приклад к плечу и щеке, Филика принялась прицеливаться. Она сделала глубокий вдох, медленно выдохнула, успокоив биение сердца, дала поправку на расстояние и лёгкий южный ветер. Ещё один вдох, выдох. Спокойствие, уверенность и твёрдость руки пришли следом. Указательный палец прижал курок – ещё один миллиметр и боёк сорвётся с места, приземлится на пороховой запал… Нет, ещё не время… Ветер начал меняться. Ещё один вдох. Немного задержать дыхание. Успокоится. Выдохнуть. Чуть левее и выше. Да! Отлично… Пот солёными реками лился по лицу, заливал глаза. Под ложечкой похолодело. Одежда на спине и подмышках промокла насквозь. Вдох… Палец дожал курок. Щёлкнул стопор бойка. Ствол яростно, с громким хлопком выплюнул пулю, и сразу же за ней закашлял облачками едкого белого дыма.

Дым рассеялся. Филика посмотрела в подзорный прицел: волк так и лежал. Но в его голове, чуть ниже левого уха зияла дыра с куриное яйцо. Из раны вытекала багряная кровь с розовыми ошмётками мозгов…

Чистая работа!

Выстрел был сигналом. Остальные Ищейки Смерти подъехали на карете к командирше, подобрали её и отправились к телу поверженного врага.

Пятьсот золотых за столь простую работу! Кажется, боги улыбаются им!

Каждый счёл нужным подойти к мёртвому волку. Хотя достаточно было бы и одного Лирка. Главе Гродица нужна голова убийцы. Что ж, он её получит. Люрт достал из ножен двуручный меч и замахнулся. Со свистом рассекая воздух, лезвие вонзилось в лохматую шею, вгрызлось в позвонки. Лирк вытянул окровавленный меч и замахнулся вновь. Товарищи молча наблюдали за его действиями. Взмахи клинка были столь обыденными, непринуждёнными. Словно люрт рубил не голову мёртвого мыслящего, а обычные дрова для растопки.

Тос пристально вглядывался в бока волка. Странно, на них не было раны прошлой пули. Ни запёкшейся крови на шерсти, ни струпа…

– Тупые ничтожества! – зарычал выскочивший из-за куста оранжевого трествольника Ворк. – В ваших башках нет и капли моих мозгов!

Вожак чёрных волков одним прыжком настиг вздыбившихся лошадей и, прежде чем наёмники вышли из оцепенения, перегрыз глотки каждой. В несколько прыжков Ворк скрылся в тех же кустах, из которых мгновением ранее появился.

– Гиренов сын! – выпалил Тартор.

– Подлый убийца, тварь! – склонившись над трупами лошадей, проклинал Моррот. – Ни одна не выжила.

Лирк побежал следом за волком. Но вскоре вернулся:

– Жратель страха далеко. Быстро бежит. Не догнать.

– А ведь волк прав… – спокойно сказал Тос. – Он окажался дейштвительно умнее наш… Мы купилишь на его приманку как малолетние профаны…

– Вот и говори после этого, что чёрные волки – тупее всех остальных мыслящих… – развела руками Филика.

– Что с телегой-то делать будем? – вопрошал Моррот.

– Выкинем её к гиреновой бабушке! – предложил Тартор. – Возьмём с собой самое необходимое, а её здесь и оставим.

– Ты меня просто поражаешь своей беспечностью, – фыркнула Филика. – Ты не забыл, сколько она стоит? Да и всё необходимое мы на своих горбах далеко не дотащим.

– Так ты это… Нас в лошадей превратить решила? Опять?.. – удивился Тартор.

– Филика правильно говорит, – рассудил Тос. – Ничего у наш не отвалитша. Глядишь, по дороге караванщиков вштретим – у них и тяговых животных раждобудем.

– Когда это всё закончится, первым делом – в Сар! Покупать паровую повозку! А то мне это уже порядком надоело! – потребовал Тартор.

– А управлять ей кто будет? Ты? – осадила его Филика. – Ты с нашей управиться-то как следует не можешь…

– Надо будет – научимся, – не сдавался Тартор. – Не я, так ты или Моррот, или Тос…

– Или я, – дополнил Лирк.

– Да, или Лирк… – совсем уж неуверенно согласился Тартор.

– Хорошо мечтать, конечно, но давайте на землю спустимся, – повернула разговор в нужное русло Филика. – Лирк, ты видел, куда побежал убийца?

– По реке. Север, – доложился люрт.

– Не вижу больше причин терять время! – подвела итоги командирша. – В путь!

Голову убитого по ошибке чёрного волка всё же взяли с собой. Так, на всякий случай. Хороший наёмник всегда отличается запасливостью.

Путь был не из приятнейших. Да, тени деревьев здорово спасали от зноя, речной воздух обдавал свежестью. Но… Филика шла рядом. Ей было не так

плохо, как остальным. Где же это видано, чтобы женщин в лошадиные узды заправляли? К тому же и места было только на четверых...

Ворк был виден в подзорную трубу. Словно угадывая, что за ним следят, он начинал непристойно махать хвостом и скалиться. Но каждый раз, как Филика пыталась подкрасться на расстояние выстрела – отбегал. Он над всеми просто издевался! Как бы эта самоуверенность не сказалась потом...

Преследование продлилось три дня. Убийца невиновных граждан городка Гродиц оставался в поле зрения подзорной трубы до первых серебряных крон могучих деревьев Седого Леса.

Дело становилось всё сложнее.

Карету пришлось оставить на подходе к лесу. Дальше – при всём желании не протащить.

Шли налегке, держа оружие наготове. Лишь один Моррот тащил за спиной походную сумку.

Взять след было несложно. Продавленный лапами хворост, поломанные ветки, клочки чёрной шерсти на сучьях. Казалось, что волк совсем и не хотел скрываться. Просто шёл по своим делам, плюя на подсевших ему на хвост наёмников.

Чем дальше, тем сложнее пробираться сквозь размашистые ветви, коренья и нагло раскинувшиеся повсюду сети плющей.

Тартор без умолку вносил смуту в ряды. Нужно поворачивать назад! В лесу мы все – как на блюдечке с кровавой каёмочкой! Волк сюда всех специально заманил! Это его стихия! Тут-то он со всеми и расправится! С паникёрскими возгласами никто спорить не стал. Да и зачем спорить, если в этих словах – правда? Просто нет другого выбора. Время поджимает. Заказ должен быть выполнен. Любой ценой. Поверни наёмники назад – шансов поймать убийцу не останется.

Солнце всё ниже спускалось по ступенькам небосвода. Вскоре его кровавый закатный свет едва-едва пробивался сквозь нагромождения ветвей. Клики диких зверей, лесные шорохи и скрипы зазвучали отчётливей. Свирепей…

Моррот развёл костёр. Ищейки Смерти расселись вокруг. Несмотря на долгий путь, есть никому не хотелось. По крайней мере, никто не доставал своих запасов. Назревал серьёзный разговор – не до еды было.

Тартор не упустил возможности заговорить первым:

– И что дальше делать-то будем? – спросил он с сардонической ухмылкой.

– Думаю, нужно переночевать здесь, – предложила Филика.

– Как же ты не понимаешь?! – завёл приевшуюся песню Тартор. – Если мы разобьём здесь лагерь, то к утру от нас останутся только обглоданные кости! Седой Лес не прощает малодушия!

– Я не хочу дохнуть что муха, – задумчиво почесал рог Лирк. – Но я хочу здесь. Здесь – безопасно.

– Седой Лес, конечно, не место для праздных прогулок, – принялся рассуждать Моррот. – Оставшись на месте, мы окажемся отличной подсадной уткой. Но, продолжая пробираться сквозь чащу мы себя не обезопасим. А надумай повернуть назад, в лучшем случае выйдем из леса только часов через пять. За это время встревоженные звери здорово полакомятся нашей плотью. И не обязательно это будут волки. Тут хищников хватает.

– Если до этого момента, на нас здесь не напали, – заговорила Филика, – то вряд ли нападут за всю ночь. Переждать до утра тут – единственно правильный выбор.

– И будем как сыр в испорченной крысоноловке! – забрызгал слюной Таротр. – Крысоны придут и сожрут, а она не сработает!

– Сделаем так, как сказала я, – на удивление спокойно отчеканила Филика. – Если кто хочет спать – пусть скажет. Но я бы никому этого не советовала. Сушёных ножек голубого кита хватит на всех.

Никто не стал спорить с лидером. Разжевав горькие сушёные палочки, каждый молча сидел у костра, держа оружие наготове. Готовый в любой момент принять бой.

Солнце полностью исчезло, сквозь ветви леса начали проглядывать драгоценные камни звёзд. Первая луна стремительно приближалась к своему зениту. Вторая только появилась. Тос подкинул в костёр дров. Его тёмно-фиолетовая шерсть в свете огня казалась чёрной.

Отпив вина из общей фляги, Лирк заговорил:

– Убийца придёт. Я вижу его.

Филика испуганно вскочила, выхватив оба пистолета. Осмотрелась и, не заметив опасности, села.

– Лирк, гиренов сын! – вздохнув с облегчением, заговорила она. – Я же вся на нервах от этого треклятого гриба и пятиклятого леса!

Становилось не на шутку холодно. А все тёплые вещи лежали там, где им и следовало лежать – в сундуках кареты.

Моррот принялся рыть яму: передними когтистыми руками он разрывал твёрдую, пронизанную сетью корней землю, задними – выгребал наружу добытую сыпучую массу.

– Роешь нам могилу, о доблестный крот? – зло рассмеялся Тартор.

Моррот выпрямился, вытер песок с покрытого короткой щетиной лица и злобно уставился на коренастого.

– Что-то ты сегодня не в настроении, – заговорил он. – Ворку это только на руку!

– Друзья, а не подумали ли вы, что здесь что-то не так? – глаза Тартора сверкали дурманом гриба. Слишком много он их съел за последнее время… – Убийца-волк пускается в бегство. Мы идём по его следу. И приходим… Сюда… В чащу Седого Леса…

– Тартор, ты это нам уже щегодня говорил… – попытался утихомирить слетевшего с катушек товарища Тос.

– Это всё – ловушка Ворка, – нервно замахал руками Тартор. – Он заманил нас сюда, в свою стихию! Здесь-то он с нами и расправится. Во сне! Мы ведь не выдержим и заснём! Он вырежет нас как незрячих щенков!

– Да заткнись ты, – потребовала Филика.

Тос прыгнул на помешавшегося Тартора, обхватил его тремя руками, как клещами, ладонью четвёртой он закрыл его рот. После этого воцарились несколько минут полного молчания. Не было даже привычных лесных шорохов.

Раздался громкий треск хвороста. Все как один обернулись и ужаснулись: неподалёку от них сидел со скучающим видом Ворк. Выждав театральную паузу, волк, ехидно скалясь, зарычал.

– Я смотрел за вами давно… Вы – смешные ничтожества… Вы – живы, ведь я хочу поиграть… Я люблю играть кровавые игры… Вы – мои игрушки…

– Ты – подлый, безжалостный убийца! – закричал Моррот. – От твоих рук умерли десятки невиновных мыслящих! Нам заплатили за твою смерть. И мы выполним свой заказ!

– Невиновных? Кто это сказал? – оскалился волк. – Чем вы лучше меня? Вы убиваете за деньги. Жалкие, никому не нужные камушки, металлические кругляшки и бумажки… Я делаю то же самое. Но моя награда – сладкий страх жертв…

– Паршивый, лживый, блохастый уродец! – взбесилась Филика. – Мы убиваем только тех, кто причинил вред другим!

– Я знаю вас насквозь, – рассмеялся, словно гиена, Ворк. – Вы убиваете тех, кто причинил вред тому, у кого больше металлических кругляшек. И заплати вам ваша жертва больше – вы с радостью убьёте его врага. Но ничего… Мне не вкусен ваш страх. Бегите домой сейчас! Один из вас – будет живой...

Лирк выхватил из-за спины двуручный меч и, издав боевой клич, помчался на волка.

Ворк прыгнул в темноту.

Опять исчез…

Вдруг отовсюду начал раздаваться зловещий рык волков. Из мрака заблестели десятки пар злобных глаз.

Тартор вырвался из рук ослабившего захват Тоса:

– Я ведь говорил, что это ловушка! Говорил! Никто меня не хотел слушать!

– Жаткнись, – отвесил ему отрезвляющую оплеуху Тос.

Моррот молниеносно подпалил от костра торчавшие из походной сумки факелы.

– Бежим! – только и выкрикнул он, на ходу раздавая каждому по факелу.

Ветви царапали лицо, раздирали одежду, бежать было трудно, ноги то и дело спотыкались об коряги. В темноте лесной ночи за наёмниками гналась злобная стая чёрных волков.

Первым настигли Лирка… Он яростно размахивал широким лезвием меча, отгоняя волков. Факел упал на землю: света едва хватало вырывать из ночи чёрные силуэты врагов. Меч яростно разрезал воздух в миллиметрах от ловко уклонявшихся волков. Один раз удалось полоснуть мохнатый волчий круп. Но мгновением позже подкравшийся зверь подхватил зубами факел и выкинул его в сторону. Окутанный мраком лесной ночи, Лирк отчаянно размахивал двуручным мечом – своей единственной соломинкой к спасению. Но что может поделать воин – пусть тысячу раз искусный – в кромешной тьме против стаи чёрных волков?

Наёмники, насколько хватало сил, мчались по лесу: им некогда было оборачиваться. О случившейся с товарищем беде они узнали, когда было уже слишком поздно…

Лес наполнился отчаянным, диким, полным боли, страдания и мучений криком живьём раздираемого на части люрта…

А потом крик смолк. Но его эхо ещё долго носилось по пропитанному хвоей, плесенью и запахом мокрого зверья воздуху Седого Леса.

Тартор бежал рядом с Филикой. Когда она зацепилась за выступы корней и впечаталась лицом в засыпанную опавшими колючками землю – он был рядом, чтобы помочь. Волчья пасть уже была готова сомкнуться на голове девушки, но наконечник эспонтона вонзился прямо в глаз зверя. Тартор тут же вырвал оружие из раны. Волк дико взревел. Но не от боли: от предвкушения сладкой мести…

Филика лежала на земле, отчаянно пытаясь вытянуть ногу из хитросплетений корней и в то же время – стреляя из пистолетов по окружившим волкам. Тартор стоял рядом. Крепко сжимая рукоять эспонтона, то и дело, совершая безуспешные выпады в сторону ловких волков. Факел Филики погас. Факел Тартора лежал на земле: сырой хворост и иголки дымились под ним. Наёмники – словно загнанные звери; из преследователей они превратились в жертв…

Но где остальные? Где Тос? Где Моррот? Почему они не идут на помощь? Или, быть может, их уже нет в живых? Нет, пусть живут. Пусть живут, какой бы трусливой ценой не была дана им та жизнь!

Противный чавкающий звук. Шерсть взвывшего волка задымилась, зашипела. Звуки повторялись всё чаще. В слабом свете гаснущего факела Филика разглядела чудовищную морду трехрогого зверя. И нарост. Под мордой выпирал отвратительный нарост. Из него с тем противным звуком выплёвывались струи смертоносной кислоты. Дигры! Вечные лесные враги встретились под колпаком ночи! Гигантские кошачьи налетели на чёрных волков. Начался очередной бой их вечного противостояния. И в этом бою никому не было дела до каких-то жалких, в страхе прижавшихся к земле людишек…

Подхватив догорающий факел, Филика и Тартор помчались прочь. Через некоторое время за их спинами начало разрастаться красное зарево. Оброненный Лирком факел подпалил Седой Лес. Таков его посмертный

подарок убийцам. Нехотя, лениво, смертоносно – пожар ширился по сырым просторам леса. Наёмникам повезло – ветер дул им навстречу...

Сырость Седого Леса – не лучший соратник огня. Пожары тут случаются крайне редко. И, как правило, ненадолго. Этот пожар не был исключением. К утру, он потух, оставив после себя обугленные трупы обитателей леса и наполнив воздух невыносимым запахом гари.

Измученные Филика и Тартор подходили к опушке, на которой оставили карету. Карета стояла там же, где и должна была.

А рядом с ней нервно переминались с ноги на ногу Моррот и Тос.

Глава 2: ***Все дороги ведут в Сар***

– Эта дрянь станет отличным украшением наших ворот! – с нескрываемой злобой сообщил Линтус Безупречный.

Несколько пар рук из толпы выхватили голову и поволокли к воротам. Жители плевали, пинали, выдирали из неё клоки чёрной шерсти. Кровь и мозги давно засохли; из дыры в черепе разило гнилой трупной вонью. Пробивая гвоздями шкуру и череп, голову приколотили к главным воротам городка Гродиц.

Голова ошибочно убитого волка была обречена служить напоминанием о страшных злодеяниях своего предводителя…

– Мы дадим вам новых лошадей. И, разумеется, оставшуюся сумму платы. Но… – Линтус выдержал полагающуюся в таких случаях паузу, – только завтра. Сегодня ночью как раз зенитная фаза лун. Посмотрим, тот ли это убийца… И ещё одно, – он понизил голос, – мне очень жаль вашего погибшего товарища…

Глава города предложил наёмникам переночевать в его летнем домике, но предложение было отвергнуто. Незачем привыкать к забытой роскоши мягких кроватей и чистых простыней. Это может помешать профессии…

Моррот и Тос легко отделались. Хочешь, не хочешь, а обвинить их в предательстве не поднимался язык. Они были далеко и не видели, как упала Филика – вот их оправдание. Точно так же оправдывали себя все четверо за смерть Лирка. Никто не слышал. Никто не знал. Никто не подозревал… В ту позорную ночь каждый превратился в трусливое животное. В тупую, бездушную тварь, озадаченную лишь одним: спасением своей никчёмной шкуры. И ещё неизвестно, да и никогда известно не будет, вступился бы Тартор за Филику, не помешайся он рассудком от переедания голубого гриба…

«*Кодекс наёмников за головами стоит на трёх незыблемых веками постулатах:*

– Неуверен, что выполнишь заказ – не берись;

– Если взялся – выполняй любой ценой;

– Не оглядывайся, не жалей, не вспоминай…»

Лирк был частью команды. Он был её жизненно-важным органом. И без него уже не будет того коллектива, тех Ищеек Смерти, наводящих неописуемый ужас на всех, кому «посчастливилось» волей богатого заказчика стать их врагами…

Было трудно не оглядываться, было больно не жалеть, было невозможно не вспоминать. Но жизнь не стоит на месте. Жизнь течёт своим неумолимым ручьём из колодца прошлого в пропасть будущего. Несёт на плоту суетливых существ. Одни существа тонут в его беспощадных водах, другие тут же приходят на их место. Одни помогают тонуть, другие тянут за собой на дно. А те, кто ещё на плоту, кого ещё не коснулась холодная, цепкая рука утопающего – они, затаив дыхание, вожделенно глядят в пропасть. Загипнотизированные её чудовищным величием, смертоносной красотой. Не замечая тех, кто уже утонул, не помогая тем, кто пытается выбраться наружу. Для них существует только тот клочок плота, на котором они стоят. И пропасть будущего. Столь размытого лучами радужной дымки, но, в то же время, столь ясного и пугающего вблизи…

В карете спал Тартор. Его дела были куда хуже, чем ожидалось. Здравый рассудок возвращался к нему подобно наплывающим на берег волнам: прояснялся на какое-то время, но потом опять заволакивался туманом помешательства. Добиться от него выполнения приказаний в моменты слабоумия – задача непосильная даже для гранитной характером Филики. Практически весь путь от Седого Леса к Гродицу Тартор провёл в постели. Даже жара не мешала ему целыми днями спать. Иногда он просыпался, выбегал из кареты, запряжённой в его соратников, и начинал бегать кругом, срывая ветки пустынников, роя землю, жуя пойманных жуков и кузнечиков…

Нет никаких гарантий, что Ворк мёртв. А раз нет, то жителям города по-прежнему угрожает смертельная опасность. Да Гирен с ними, с жителями! Это дело чести наёмника…

Тартора приковали наручниками к сиденью кареты. Он особо и не вырывался. Всю ночь проспал как убитый, словно и не был заточён в стенах салона.

Город разделили на три равные территории. Моррот дежурил в юго-западной части. Тос – в юго-восточной. Филике достался северный клочок города. В одиночку справиться с чудовищным убийцей – шанс один из сотни, если не тысячи. Что ж, другого выхода нет.

Филика стояла в тени переулка. Наблюдала. Всё тихо. Изредка мелькали в свете масляных фонарей уставшие лица прохожих. Скучные улицы: ни орущих песни хмельных компаний, ни выясняющих между собой отношения бродяг, ни торгующих собой проституток. Этот простой, спокойный, маленький городок обошла стороной волна суетливой жизни. Тут было тихо, словно в стоячем водоёме. И этот водоём, как показалось Филике, начинал подванивать…

Всю дорогу от Седого Леса и до теперешнего момента было полно времени – думать… Мысли… Тяжёлые, мрачные, безысходные и

болезненные. Разве от них можно убежать? Куда бы ты ни направлялась, где бы ты ни пыталась спрятаться, чем бы ни пыталась заесть, запить, залить – они всегда будут преследовать тебя. Кто-то назвал это совестью… Что ж… У одного предмета могут быть сотни названий – от этого суть не изменится. Филика потеряла лучшего члена команды. Лирк обладал даром прорываться сквозь оболочку тела, выпускать свою душу в путешествие по неизведанному пространству, которое служит перегородкой между Нашим и Потусторонним миром. И кружа в мутной неизвестности, он иногда натыкался на образы прошедшего, а иногда – предстоящего. Порой, без того или иного образа выполнить задание было просто невозможно. Как же теперь обойтись без такой помощи? А нанять к себе в команду нового «прорицателя» – невыполнимая задача. На всех необъятных землях Главного Материка их можно перечесть по пальцам. Окружённые вниманием и деньгами просителей, они вряд ли захотят пачкать руки тяжёлой и кровавой работой наёмника. Истинное чудо, что Лирк тогда без раздумий принял предложение… А вот что касается Тартора… Немного времени прошло, пыл остыл… Ведь его помешательство – чистой воды вина Филики… Она не должна была давать власть своей неприязни к нему. Да, он позволяет себе больше, чем это положено… Но, Гирен всё подери, он ведь спас Филику от страшной смерти! Если бы не он, её голова лопнула бы под зубами волчьей челюсти подобно переспевшему овощу! Хватит. Все мысли о враге… Ворк! Подлый убийца! Нужно ещё раз проверить пистолеты.

Луны вошли в зенитную фазу: первая заслонила собой более крупное тело сестры по небу. Казалось, что ночные светила слились в невероятном любовном действе. Превратились в единое целое. И это хитросплетение источало невероятно яркий для ночи свет, жадно застилая собой звёзды. Если и должен был появиться Ворк на улочках городка, то именно сейчас.

Но ночь дожила свои последние часы, а волк так и не объявился. Значит, подох в битве с диграми. Или сгорел живьём в пожаре. А может, вначале был смертельно ранен, а потом и сгорел. Да, так было бы лучше всего… Кто из Ищеек Смерти не мечтал о таком?

Линтус сдержал слово. Ближе к обеду он, в сопровождении всё тех же туповатых люртов, прибыл к карете. Несколько охранников вели за уздцы четырёх гнедых лошадей. Холодно поприветствовав наёмников, Глава вручил мешочек с золотыми монетами и, не попрощавшись, пошёл обратно в город. В ворота, к которым была приколочена разлагающаяся голова чёрного волка. Люрты отдали уздцы Филике и последовали за хозяином. Жители города не вышли поблагодарить своих спасителей. Не привыкать… Такова уж плата: ты не герой, ты – наёмник. А раз так, то мы тебя используем. Ты будешь рисковать своей жизнью за наши деньги. И не обижайся, когда мы не наденем на твою голову лавровый венок и даже не скажем спасибо. Ничего личного, ведь это всего лишь деловой контракт. Ты выполнил – ты больше не нужен. А если вдруг чего… Мы опять позовём. И ты придёшь… Ведь тебе так нужны наши деньги…

Тартор проснулся в карете. Топот подков о землю и тряска в салоне. Во рту был неприятный тёрпкий привкус.

– Я что, опять жуков жрал?! спросил Тартор. Не получив ответа, он высунулся в распахнутое настежь окно. Тос шёл рядом. Его лицо было задумчивей прежнего (хотя куда уже задумчивей?). Увидев Тартора, крот опасливо вгляделся в его глаза:

– Как ты, Тар?

– Вполне нормально как для слетевшего с катушек маньяка, – Тартор попытался улыбнуться, но вышло весьма жалкое зрелище.

– Меня вдохновляет твой энтужиажм… – Тос тяжело вздохнул.

– Куда мы направляемся? – решил сменить разговор Тартор.

– В Шар.

– Есть какой-то заказ?

– Нет.

– Будем отдыхать?

– И да, и нет… – немного помолчав, Тос добавил. – Филика предложила нам прекратить… Ну, ты понимаешь…

– Разбежаться? – от удивления Тартор чуть не вывалился в окно, в самый последний момент удержался.

– Что-то вроде… – лицо Тоса помрачнело. – Она поровну ражделила жолото и раждала нам. Твоя доля лежит у неё, – немного помолчав, вспоминая, он вдруг выкрикнул: – Швятой Шпайкниф, на этот раж она была шерьёжна как никогда! Думаю, мы дейштвительно ражойдёмша…

– А зачем тогда ехать в Сар? – переполненным безразличия голосом спросил Тартор.

– Мы едем туда иж-жа тебя… – Тос сгорбился и развёл руками, будто невольно извинялся перед собеседником.

– В дурку упрятать хотите? – всё так же безразлично спросил Тартор.

– Друг… – Тос сгорбился ещё сильнее, стараясь не смотреть в глаза коренастого. – Ты ведь жнаешь, что там лучшие доктора… И отношение к больным…

– А мои деньги?

В поле зрения Тартора появилась Филика. Значит, каретой управлял Моррот.

– Твои деньги будут в безопасности. У меня, то есть. Как ты понял, «мы» решили прекратить наши общие дела… – Филика поравнялась с Тосом. – Но это не значит, что мы тут же спихнём тебя в заботливые руки докторов и медсестёр Сара. Мы будем рядом, чтобы следить за твоим выздоровлением. Месяц-другой. Не думаю, что это займёт больше времени. Но если займёт… Надеюсь, ты простишь нам…

– Волшебные апельсины! – выкрикнул Тартор. Его лицо приняло придурковатый оттенок. – Кленовые мальчики!

Тартор выпрыгнул из окна и, радостно выкрикивая бессмысленные фразы, побежал за подвернувшейся на пути ящерицей...

Наёмники бывали в Саре много раз. И каждый раз поражались его бешеному ритму. Чтобы свыкнуться – нужно хорошенько повариться в его соку несколько лет. Сравнить Сар с муравейником? Нет… Даже исполинские башни обиталищ муравьёв тара лишены той неистовой суеты, присущей бывшей столице Сарбонии. Всегда поражающий спешностью, заумностью громадных механизированных сооружений, печатью насмешливого пренебрежения на лицах горожан и, конечно же, воздушными вагонами – Сар всегда тепло встречал гостей холодом металлических ворот…

Первым делом – нужно поселиться. Для этих целей лучшего места, чем Северный район просто не найти. Небольшая (по меркам Сара) гостиница в пятнадцать этажей. «Незабываемая Радость» – было её название. Средний класс: гобелены на стенах в коридорах, густые ковры, мраморные лестницы, пневматический подвод воды к умывальникам и душевым, туалет в каждом номере, электрические светильники, набитые перьями матрасы, всегда чистое бельё, пять отдельных столовых… Это при том, что многие жители окрестных городов про электричество знают лишь понаслышке и всю жизнь моются в бочках с подогретой на костре водой…

Да, после тяжёлых трудовых наёмнических дней и ночей – эта гостиница сущий райский уголок. И тут уже не поговоришь о потере формы и вреде делу – ведь Ищейки Смерти, с лёгкой руки Филики, распались. И сейчас они лишь друзья, вольные идти и делать всё, что заблагорассудится. Только сострадание к Тартору и держит их вместе.

Все как один фальшиво сверкающие отточенной до отвращения улыбкой работники отеля были готовы исполнить любую прихоть. Вне зависимости от рас, на них была одна и та же одежда: на мужчинах – красные штаны, тёмно-зелёный кафтан и чёрный причудливый головной убор; на женщинах было то же самое, но вместо штанов – строгая чёрная юбка.

Карету пригнали на крытую стоянку. Лошадей отвели в конюшни.

Огромный гостиный зал был полон мыслящих: одетые в пёстрые платья, серые костюмы и простые сельские наряды, они противоречили друг другу и в то же время сливались в единый живой механизм.

Жёлтокожий драг с уродливым шрамом поперёк стеклянного глаза отвёл наёмников к их номерам. Широкие мраморные ступени лестницы. Двенадцатый этаж. Три расположенных вряд двери – три заказанных номера.

– Господа и леди хотят, чтобы им показали номера? – слащавым голосом спросил драг и оскалил кривые жёлтые зубы в нелепой улыбке.

– Нет, мы сами разберёмся, – лишила дополнительного заработка гостиничного Филика. – На этом всё, больше в твоих услугах мы не нуждаемся, – с этими словами она протянула одноглазому помятую копревую бумажку.

Драг умело скрыл свой разочарованный взгляд вежливым поклоном и удалился.

– Ну и уродов они здесь держат, – не выдержала Филика. – Вы видели его отвратительный шрам?

– Да, его кто-то здорово полоснул… – согласился Моррот.

– Оштавили бы вы бедолагу в покое, – вступился Тос. – Ему и беж ваш плохо…

– Ну что, будете заходить в свои царские покои? – зло спросил Тартор. – Или вначале меня в дурдом упрячете?

– Моррот, Тос, – озадаченно заговорила Филика, – это моя проблема. Дорога была трудной… Я сама его отведу…

– Как благородно! – вставил Тартор.

– Чего выдумываешь? – удивился Тос. – Мы ведь вщегда были командой. Я не так уж и уштал, чтобы отщиживать швой мохнатый жад в этих, как их нажвал Тартор, «царшких покоях».

– Я согласен, – кивнул Моррот.

– Нет, друзья, не надо, – голос Филики звучал устало и виновато, – Я сама… Незачем нам всем… Это моя вина… Считайте, мой последний приказ...

– Как знаешь, – повёл плечами Моррот, повернул ключ и толкнул дверь. Тос молча вошёл следом.

– Ну что, Тар, – попыталась улыбнуться Филика, – вот мы и вдвоём остались… Нужно немного отдохнуть перед дорогой. Ты не против?

– Мне всё равно.

Номер был из дешёвых: широкая кровать, резная мебель, зеркало на полстены в ванной комнате…

Филика закрыла за собой дверь, ключ оставила в замке.

– Тут у них душ есть, – мрачно сообщил Тартор после осмотра ванной комнаты. – Гирен разодри этих зажравшихся сарских богачей, я уже и забыл, что это такое!

– Хочешь принять? – видимо, Филике стало жарко, и она скинула с себя плащ. Чёрные до колен сапоги, тёмно-красная юбка и всё та же сорочка: бежевая, мокрая в подмышках, с рюшем в рукавах и воротнике. Тартор видел эту сорочку неисчислимое количество раз. Раньше она не вызывала никакого интереса. Но не сейчас. Вернее, интерес вызывало то, что находилось под ней… Тартор жадно разглядывал эту сорочку. Верхние пуговицы были расстёгнуты, обнажая краешек смуглой, лоснящейся в капельках пота кожи. Сквозь тонкую облегающую упругие груди ткань виднелись тёмные бугорки сосков. Тартор сглотнул слюну и отвернулся. Внизу живота что-то приятно грело. Неужели он смотрит на Филику как на женщину? Она ведь боевой соратник, командир, наёмник… Но не объект страсти…

Тартор принял душ. Холодные капли воды остужали тело снаружи. Но внутри всё горело… Как это ему ещё удаётся оставаться в здравом сознании?

Замотанный в махровое полотенце, он вышел из ванной и развалился на кровати.

– Хорошо вам тут житься будет, – сказал он, утопая в подушках.

Филика не ответила. Мало того, она не постеснялась и сбросила с себя одежду. Смутившийся Тартор попытался не пялиться на её стройные формы. Попытка оказалась тщетной… Не обращая внимания на влажные взгляды, девушка направилась в ванную комнату. Доносившийся сквозь зазор незакрытой двери шум душевых капель чем-то напоминал шум дождя. Нет, скорее не дождя, а небольшого водопада.

Когда Филика вышла из душа, Тартор сидел в резном кресле и пил чёрное вино из фляги.

– Тар, как ты себя чувствуешь? – осторожно спросила она.

– Хочешь знать, не поехала ли у меня вновь крыша? – переспросил Тартор и сделал смачный глоток из фляги. Даже не скривился.

– Говоришь связно… – заключила Филика и, шлёпая босыми стопами по дощатому полу, направилась к собеседнику. В отличие от него, она не сочла нужным прятать тело под полотенцем…

– Я сам удивляюсь, что слова связываю, – сообщил Тартор, закручивая крышечку на фляге. – Но мне кажется: опять помешался. У меня сейчас прекрасное видение: ты абсолютно голая стоишь напротив меня… Такое может привидится только от слабоумия.

– Я тебе не нравлюсь? – капризным голосом спросила Филика.

– Смеёшься? – Тартор дрожащей рукой поднёс горлышко фляги к губам и невнятно выругался: забыл, что мгновением ранее закрутил на ней крышечку.

– Тогда обними меня, пока ещё не потерял рассудок, – голос звучал мягко, но в нём легко читались нотки напряжённости.

Тартор не посмел ослушаться…

– Слушай, а может быть я уже и не болен? – спросил не так спутницу, как самого себя Тартор.

– Это мы вскоре и узнаем, – отрезала Филика. От той нежной и страстной девушки не осталось и следа.

– Я не понимаю, зачем нам это? – не унимался Тартор, подняв руку, запястье которой сжимал металлический обруч наручников. Второй обруч опоясывал запястье Филики.

– Чтоб не сбежал куда ненароком, – ответила девушка и дёрнула цепь.

– Вот так всегда, – весело заговорил Тартор, – только сблизишься с женщиной, так она на тебя тут же оковы набросит…

В ответ Филика дёрнула цепь ещё сильнее, от чего её «пленник» непристойно выругался. В бесформенной массе прохожих то и дело мелькали заинтересованные лица. Но этот интерес гас так же быстро, как и возникал: тонул в стремительном потоке спешки. Никому в Саре не было дела до других. Пассивный интерес, мимолётное любопытство – всё, на что были способны очерствевшие, эгоистичные и зазнавшиеся горожане Сара. По крайней мере, такое впечатление они навевали практически на каждого приезжего.

На стенах зданий и рекламных столбах висело много объявлений. Выполненных как красочно и с фантазией, так сухо и информативно. Но среди всего многообразия отчётливо выделялся один плакат, пришедшийся Тартору по душе, а от того и хорошо запомнившийся. Красавица с кроваво-красными волосами и диадемой из драгоценных камней бесстыдно смотрела прямо на прохожих. Пальчиком одной руки она прижималась к выкрашенным рубинового цвета губам, мол, никому не скажу, милый, а во второй держала рукоять инкрустированной рубинами плети. Хвост непомерно длинной плети стекал на пол и тут же устремлялся вверх, бесцеремонно обкручивая горло стоящей на коленях и распутно глядящей, опять же, на прохожих, девушки, голой по грудь (очень даже аппетитную и подтянутую грудь, как отметил наблюдательный Тартор). На кровавоволосой красавице было ослепительно белое платье с высоким срезом, обнажающим стройные ноги выше колен и лихим декольте, совсем не скрывающем, лучше сказать – выпячивающим сочную грудь (уж слишком аппетитную грудь, как отметил про себя наблюдательный Тартор). Невыносимо жаль, что полному обзору на грудь шикарной красавицы мешала рука, занесенная для призывающего к молчанию жеста. Обе девушки были босы, чего, как явствовало из их вызывающих взглядов, совсем не стеснялись. Внизу плаката краснела надпись стилизованными под старину буквами: «Кира – Красный Цветок Пустыни! Вместе с любимыми девочками…» Дальше шла дата, время и место действия.

«Жаль, – мысленно расстроился Тартор, – это будет завтра. Меня уже упрячут в дурку…»

Тартор был просто в восторге от плаката. А вот Филика – напротив. Каждый раз, когда её спутник застаивался у очередного объявления, она бесцеремонно толкала его в бок и тянула за цепь прочь. А сама при виде двух нарисованных красоток делала такой надменный вид, что сама Госпожа Надменность должна была рыдать от своей простоты. Хотя Тартору на миг показалось, что он уловил в этом виде что-то похожее на зависть…

Ближайшая станция воздушных вагонов располагалась в нескольких кварталах на север от «Незабываемой Радости». В причудливом пирамидальном сооружении из металла и бетона рубленым отростком выдавалась вперёд посадочная платформа. Механические подъёмники не работали, поэтому пришлось подниматься вверх по лестнице. Что тренированному наёмнику тысяча-другая крутых ступенек в тесной до неприличия компании вечно-спешащих куда-то мыслящих? Так, развлекательная прогулка…

У входа на платформу стоял прим в фиолетовом комбинезоне. За его спиной несли вахту двое люртов и один темнокожий человек. Все трое были одеты в кожаную броню, и у каждого на поясе висело по дубинке.

Любезно улыбающийся прим в фиолетовом комбинезоне принял от Филики плату за вход в тридцать копрей. Страшная обдираловка, конечно, но те трое вышибал за спиной прима одним своим видом отбивали желание спорить о цене. И правильно…

Нанизанный на стальные рельсовые прутья вагон, скрипя и лязгая металлом, остановился на платформе.

– Нет, нет, нет и раз пятьсот ещё нет! – протестовал Тартор, умоляюще глядя в полные решимости глаза Филики. – В этот железный гроб я ни за что в жизни не полезу! Давай наймём карету или ещё чего… Да пешком хоть пойдём – я согласен и на такое. Лишь бы не в этом механическом гиреновом отродье! Помутней у меня сейчас рассудок – всё равно не сяду.

– Тар, не будь ты таким трусом! – разозлилась Филика и потянула за цепь наручников. Но Тартор упёрся ногами и не сдвинулся с места. – Да что с тобой такое? У нас нет времени на другой транспорт. Смотри, сколько мыслящих из него выходят. И никто из них не побоялся прокатиться. А ты…

– Да мне плевать, – Тартор и вправду плюнул на пол, – если у них не хватает мозгов в головах – это их личные проблемы! Я хоть и слабоумный временами, но опасность всегда брюхом учую!

Филика открыла рот, чтобы что-то ответить, но тут же со всей силы дёрнула цепь. Потерявший на миг бдительность Тартор сделал несколько шагов – этого было вполне достаточно, чтобы попасть в струю спешащих к вагону мыслящих. Не успев сообразить, что произошло, Тартор оказался внутри вагона, зажатый между пухлым примом и старой как жизнь женщиной-драгом с неприятным запахом гнили и мяты изо рта. Рядом стояла Филика: несмотря на ужасную давку, её лицо излучало радость и торжество…

Привратники захлопнули двери. Гремя и свистя паровыми моторами, вагон тронулся с места.

Прославленная на весь Главный Материк лечебница для душевнобольных под оптимистичным названием «Пристанище Заблудших» находилась в Южном районе Сара. Примерно час путешествия в вагоне. За этот час случилось именно то, чего Филика всей душой желала не случиться. Тартор помешался рассудком. Благо, удалось намотать цепь наручников на поручень. Что, как и следовало ожидать, совершенно не спасало никого от бессвязных, порой даже пугающих фраз, вылетавших из рта помешавшегося. Но была и выгода из столь неловкой ситуации: ошарашенные пассажиры попятились прочь. Теснота больше не доставляла неудобства…

Вагон прибыл на нужную платформу. С огромным трудом Филика вытащила брыкающегося Тартора из салона. Дорога до больницы оказалась сущим испытанием нервов на прочность. Тартор постоянно тянул в другую сторону, выкрикивал бесящие нелепостью фразы, иногда прижимался к Филике и начинал теребить её волосы. И эта придурковатая улыбка! Как же она выводила из равновесия!

Но труд Филики был вознаграждён: за очередным поворотом взгляду предстало большое куполообразное здание с узорными решётками на окнах. На широкой доске над розовыми воротами краснела надпись «Пристанище Заблудших».

Радостно прыгающего вокруг измотанной Филики Тартора вмиг скрутили двое одетых в розовые халаты драга. Будь Тар в здравом уме – эти драги лежали бы на полу, захлёбываясь собственной кровью. Но сейчас он не оказывал особого сопротивления. Наручники наконец-то можно было снять. Филика много раз представляла, как тяжело ей будет в этот момент. Душевные стенания не давали ей покоя долгое время. Являлись причиной её бессонницы и плохого настроения. Но сейчас, глядя на волочащиеся по земле ноги подхваченного санитарами Тартора, она испытала облегчение…

– Так, значит, передозировка психотропным веществом… – лохматое лицо доктора было грубым – из тех, что вселяют твёрдую веру в компетентность своих обладателей. – Вполне распространённый случай умопомешательства… Сушёная ножка голубого кита…

– Вначале его помешательство было не сильным, – Филика заёрзала в кресле. – Мы даже не думали, что он помешался. Так, просто начал паниковать. С каждым может случиться. Мало ли чего бессонница и гриб с мыслящим сделать могут. Думали, само пройдёт… Но уже на следующий день его речи и поступки потеряли какой либо смысл…

– Будете чаю? – перебил доктор.

– Нет, – раздражённо отрезала Филика. – Я не люблю чай!

– Вина? – доктор оказался догадливым.

– От вина не откажусь. Я устала…

Доктор поднялся из-за стола и направился к деревянному шкафу в конце кабинета. Это был высокий и худощавый прим; из-под рукавов и воротника его светло-фиолетового халата торчала чёрная с редкой сединой шерсть. Волосы на голове были зачёсаны в тщетной попытке скрыть плешь на макушке. В ушах золотом сверкали серьги в форме поедавших свои хвосты змей – символом Геллизы, богини хладнокровных.

– Лучший урожай Фермерских Угодий за последнее десятилетие, восемь лет выдержки, – нижними руками доктор держал изящные бокалы, верхними – откупоривал бутылку.

– Э-э-э… Ты каждого посетителя таким угощаешь? – удивилась Филика, приняв бокал из волосатых рук доктора.

– Только самых очаровательных, – сухо ответил прим. – Меня, кстати, зовут Лакто.

– Филика, – представилась девушка, чокнулась и залпом осушила бокал. – Слабоватый напиток… – сделала она вывод.

– Вы и ваш помешавшийся друг – наёмники? – спросил Лакто, вновь наполнив бокал собеседницы. Сам он смаковал вино медленными глотками истинного ценителя.

– Неужели так видно? – спросила Филика, одним глотком отпив половину бокала.

– Ну, не так, чтобы сильно видно… – косясь на проглядывающие сквозь плащ округлые очертания рукоятей пистолетов. – Я просто догадливый.

– Ищейки Смерти. Когда-нибудь слышал о таком названии?

Глаза прима настороженно сощурились. И если не шерсть, можно было бы увидеть, как розоватая кожа его лица вмиг побелела.

– Когда мой товарищ поправится? – грубо спросила Филика.

– Я его ещё не обследовал, – напускным спокойным голосом ответил доктор, делая всё такие же гурманские глотки из бокала, хотя рука, держащая бокал, еле-еле тряслась от волнения. Уж слишком именитые у доктора гости сегодня. И их имена облачены в ореол отнюдь не белой славы... – Практика показывает, что приблизительно пятьдесят процентов умопомешанных в результате интоксикации наркотическими веществами склонны к выздоровлению путём курса разработанного мной «реабилитационного лечения». Процесс выздоровления длится в зависимости от метаболизма пациента. В среднем – от двух до четырёх недель. Оставшаяся группа пациентов, увы, не поддаётся никакому лечению…

– И ты надеешься, что я хоть что-то пойму? – со скучающим видом спросила Филика.

– Нет, не надеюсь, – глаза доктора торжествующе заблестели. Да, наёмница не его территории и этим можно воспользоваться. По крайней мере, взять себя в руки и перестать её бояться. В конце концов, она пришла сюда не заказ выполнять... Да, доктору бы хотелось в это верить. – Если просто: один к двум шанса на выздоровление. Если ваш друг не вылечится за месяц, то, увы, не вылечится никогда…

– Теперь слушай меня, шерстяная морда, – Филика поднялась и нависла над доктором: так близко, что было слышно запах его смазанного дорогим вином и ещё более дорогим табаком дыхания. – Если ты не вылечишь Тартора за три недели, я лично выпорю тебе кишки...

Вопреки всем ожиданиям, Лакто остался невозмутим. По крайней мере – снаружи. Каких усилий ему это стоило – оставалось только гадать. Доктор слегка приподнялся с кресла, от чего они с Филикой столкнулись лбами.

– Слушай меня, наёмница, я в этой жизни повидал многое… – доктор говорил спокойно, тщательно выговаривая каждое слово. – Гораздо больше, чем может представить твоя миленькая головушка. Плевал я на твои угрозы. Мне не страшна смерть. В стенах этой клиники я слишком часто с ней виделся… Если ты и дальше будешь разговаривать со мной в подобном тоне – никто здесь и пальцем не шелохнёт ради выздоровления твоего любовника.

Некоторое время они молча испепеляли друг друга взглядами. Шерсть на лице Лакто взмокла от напряжения и липла к щекам. Филика часто дышала. Её левый глаз предательски подёргивался.

– Он мне не любовник, – прорвала пелену тишины Филика. – Налей лучше ещё вина.

Лакто налил ей и себе. Они выпили залпом.

– Будем считать, что этого разговора между нами не было, – сказал доктор.

– Будем… – вздохнула Филика.

– Ваше поведение оправдывается личностными мотивами, факторами усталости и резкой смены обстановки. Всё оно в сумме, помноженное на вспыльчивость характера…

– Ладно, я уже поняла, что ты очень умный, – подняла руки в знак принятия поражения Филика. – Признаю, что была неправа.

– Плата за курс лечения высока. Пятьдесят золотых. Для вас я готов сделать исключение и сбросить пару-тройку монет.

Филика лишь молча бросила на стол кожаный мешочек.

– Здесь шестьдесят золотых. Если вылечишь – сдача твоя…

– Я и весь персонал нашей клиники сделаем всё возможное, – сухо ответил Лакто, пряча мешочек в ящичке стола.

– Очень на это надеюсь, – с этими словами Филика вышла из его кабинета.

Из невидимой двери в стене вышел толстый человек в голубом халате.

– Ну, Кропус, что скажешь? – обратился Лакто к человеку.

– Что скажу? Думаю, этой даме не мешало бы у нас полечиться…

– Нет, просто она темпераментная, – встал на защиту доктор, – напоминает мою восьмую жену. Та тоже всё время грозилась кишки мне выпустить…

– Кажется, эта посетительница – первая, удержавшаяся не спросить про твои серьги, – сказал Кропус и допил остатки вина из горлышка.

– Когда же ты научишься пить хорошее вино? – возмутился Лакто.

Моррот не побрезговал возможностью пошвыряться деньгами. Сто двадцать пять золотых за заказ Гродица и ещё двадцать – остатки с прошлых дел. Месяц проживания в гостинице стоил восемнадцать золотых. Оставалась баснословная сумма. Слишком долго крот отказывал себе в удовольствии. Слишком много лишений, тяжб и опасности. Самое время расслабиться по полной! Таверны, бордели, вино и эль! Как же можно было жить так долго без всего этого?

Тос был более сдержан. Нет, несколько раз они с Морротом выдвигались на похождения… Но в основном, прим проводил время в своём номере или в городской библиотеке. Чтение нужной литературы всегда помогало ему оттачивать мастерство хладнокровного наёмника.

Филика за всё время ни разу не напивалась. Тос с Морротом шутили, что начали забывать, как выглядит их бывшая командирша. Они практически не встречались с ней в гостинице, а за её пределами – так подавно. Но забыть как выглядит Филика для проработавших с ней уже пять лет – задача непосильная, а от того и вызывающая смех. Если девушка и бывала в каких-нибудь увеселительных заведениях, то никто из друзей об этом не знал. Зато было ясно, что она частенько навещает лечебницу душевнобольных…

Тартор сидел на кушетке. Абсолютно голый. Знобило. Хоть бы трусы оставили, изверги… Стены были обиты мягким светло-фиолетовым

материалом. Каким именно, Тартор не знал. Зато он знал, что в кажущейся целостности стен обязательно есть прореха – засекреченная дверь. Ведь как-то же он сюда попал, Гирен раздери всё и всех! И где еда?! В желудке пусто как в голове крысона! Они ведь должны кормить своих пациентов. Должны?..

Комната пугала своей тесной пустотой. Но больше всего она пугала освещением: выпуклый светильник щедро разбрасывал лучи электрического света. Неживой, неудобный свет. От такого мурашки сразу по коже. А если целыми днями под ним…

Внизу стены заскрипело. Тартор с замиранием в сердце наблюдал, как небольшой прямоугольник стены медленно въезжал вглубь. Образовался проём – слишком маленький, чтобы пролезть человеку. Может быть, в него просунут поднос с едой? Да, было бы здорово…

Но из проёма не выезжал поднос. Вместо этого, выползло что-то бесформенное, полное длинных тёмно-красных колючек. Тартор насторожился. Существо заметило его, вздыбило иголки и отвратительно зашипело. Наёмник огляделся по сторонам в поисках какого-нибудь оружия. Напрасно. Единственная мебель – приколоченная к полу кушетка без простыней и подушки.

Раздался хлопок. Тартор не сразу понял, что произошло. А когда понял, ужаснулся: из его бедра торчала красная иголка существа. Притуплённая боль плавно растекалась по телу. И было в этой боли что-то сладостное, сверхъестественное. Ощущение неземной лёгкости и свободы. В ушах начинало звенеть, но следующий хлопок ещё можно было расслышать. Игла угодила в живот. Боли Тартор совсем не почувствовал. В глазах начинало мутнеть. Новые иглы безжалостно впивались в тело. Тартор испытал жгучую ненависть к существу. Он хотел задушить его, растоптать, изорвать на мелкие частички. Но ноги предательски подкосились, и он упал на мягкий пол.

Тартор очнулся. Над головой всё тем же мёртвым светом горела электрическая лампа. Тело ломило ужасно. Из кожи торчали иглы с засохшими кровоподтёками. Выдёргивать их было сплошным мучением. Всё горело внутри. Тартор насчитал двадцать три иглы… А потом его начало рвать. Но рвать было нечем… Тягучая желудочная слизь текла по лицу. Упав без сил на кушетку, Тартор пролежал долго. Может, несколько часов, может и дней… В комнате не было ни часов, ни солнечного света, чтобы вести отчёт времени…

В углу лежало ведро с мутной водой. Привкус отдавал чем-то металлическим. Но этого препятствовало смочить пересохшее горло. Вдоволь напившись, Тартор принялся осматривать комнату в поисках еды. Ничего. Тогда он начал ковырять пальцами в равномерных стенных зазорах между пластинами мягкого материала. Авось проковыряет себе выход из этой сумасшедшей комнаты? Но и тут он потерпел неудачу.

А потом он потерял рассудок…

Очнулся Тартор от ноющей боли в боку. С трудом разлепил веки. Его рука, минуя иголки, сдавливала тонкую, мягкую на прикосновение шею

существа. Иголки мёртвого зверька впивались в бок. Ещё несколько иголок торчало из левой икры и щёк.

Каким бы не было отвращение, но голод был сильнее… Тартор выдрал иголки из тельца. Тонкая, розоватая тушка с нежной, сморщенной кожей. Тушка была горьковата на вкус. Неприятна. Хрящи хрустели на зубах, кровь заливала рот. Но это была еда…

Некоторое время всё спокойно. Тартор даже успел хорошо выспаться. Ранки от иголок заживали быстро. Уродливый птенец голода ещё не начал проклёвываться.

Стена опять зашевелилась. Но на этот раз в четырёх разных местах. Значит, задача усложнилась… Тартор приготовился к бою: стал возле одного образовывающегося проёма. Высунувшего острую мордочку зверька удалось задушить сразу. Трое остальных не заставили себя ждать и обрушили на Тартора дождь иголок. Прежде чем наёмник потерял сознание, удалось задушить ещё одно создание. Какая удача! На обед целых две тушки отвратительного зверька!

Остальное пребывание в комнате с мягкими стенами мало чем отличалось от уже пережитого. Ведро полное воды появлялось, когда Тартор терял сознание. С едой тоже особых проблем не было – главное, успеть изловить существо. А боль от ядовитых иголок? Что ж, ко всему привыкаешь…

Однажды Тартор проснулся от мысли, формировавшейся в нём уже долгое время и, наконец, ставшей понятной. Он уже долгое время не лишался рассудка! Но не успел он толком обрадоваться, как стена вновь заскрипела: на этот раз зашевелился больший кусок – как раз в рост человека. В образовавшемся проёме стоял прим в светло-фиолетовом халате. От комнаты его отделяли стальные прутья решётки.

– Это ты травил на меня ту дрянь! – закричал Тартор и кинулся к проёму. Но прим стоял от решётки на безопасном расстоянии: никак не достать.

– Не стоит, за вас уже поблагодарили, – сухо ответил прим. – Игольчатый борк, которого вы соизволили назвать дрянью, был ключом к вашему выздоровлению.

– Ты – тварь! – только и выкрикнул Тартор и заколотил по стальным прутьям, в кровь разбивая руки и ноги.

– Вас уже ждут в приёмной, – так же безучастно сообщил Лакто. – Когда ваш пыл немного поубавится, можете быть свободны.

Прим развернулся и медленной, уверенной походкой зашагал прочь. Тартор тяжело дышал, со всей только возможной ненавистью глядя вслед.

Глава 3: ***Вне закона***

– Нет, давай уж теперь пешком пойдём! – потребовал Тартор.

– Без извозчика даже? – удивилась Филика. – Ты выглядишь не очень…

– Я хочу размять ноги, – сквозь зубы процедил Тартор.

– Как знаешь, – согласно кивнула Филика.

Они вышли из больницы. Вечерело. Улицы на удивление малолюдны благодаря рабочей перевозке: граждане спешили домой с работ, утрамбовавшись, что селёдка в банке, в воздушные вагоны. И это радовало. Лёгкий ветер постоянно менял направление, принося с собой то запахи цветов, то мокрой кожи, а иногда и палёной резины. Сар был многолик. Среди леса причудливых жилых зданий возвышались громады заводов, фабрик, мануфактур… Здания были любых размеров и форм. Словно химерическая смесь разношёрстных фантазий выжившего из ума архитектора. Сар пугал своей контрастностью. Но было в этом что-то очаровывающее. Что-то, что держит тебя. Что-то, что, после проклятий и негодований, заставляет вернуться. Что-то необыкновенное…

Вскоре безжизненным электрическим светом зажглись фонари вдоль тротуаров. По спине Тартора пробежал холодок. Он встряхнул головой, в надежде сбросить наползавшие образы пребывания в комнате со светло-фиолетовыми стенами. Помогло.

– Лакто, главенствующий клиникой, сказал, что твой помутившийся рассудок удалось прояснить, – решила прекратить затянувшееся молчание Филика.

– Я этому ублюдку премного благодарен… – выдохнул Тартор, невольно почесав многочисленные струпья от иголок борка на боку.

– Как так можно говорить? Он ведь спас тебя! – поразилась Филика.

– Действительно, давай не будем об этом говорить, – Тартор хотел забыть. Всё забыть. Чтобы никогда, никогда, никогда не вспоминать тот ужас.

– Тебе не понравилось лечение? – спросила Филика.

– Я ведь попросил не говорить об этом, – еле сдержал себя в руках Тартор. – Я серьёзно. Не будем…

И опять молчание. На этот раз оно продлилось около часа. Пока наёмники не прошли ворота в Сады Осевого района. К внутренней стороне ворот был приклеен, с подрисованными карандашом непристойными деталями и частями мужских тел, плакат с двумя красавицами: «Кира – Красный Цветок Пустыни! Вместе с любимыми девочками…». Дорожки и некоторые растения освещались фонарями. Приятно пахло зеленью и цветом.

– Этот город злит меня, – поделилась переживаниями Филика, то и дело косясь на подстриженный в форме скалящегося волка куст оранжевого трествольника, изнутри освещённый электричеством. – Как живой, зараза.

– Кто, куст или город? – спросил Тартор.

– Да и то, и другое! – ответила Филика. – Я не понимаю. Слишком много в нём всего. И заводы, и сады, и гостиницы… Всё такое разное, не клеящееся одно с другим…

– А меня уже ничего не злит, дорогая, – сказал Тартор и прикоснулся к руке собеседницы.

Филика убрала руку…

– Смотри, – сменила разговор девушка, ткнув пальцем на растение, бугристый ствол которого был усеян зелёными шарообразными то ли листьями, то ли плодами.

– Прибрежник толстолистый, – принялся читать подсвеченную лампой табличку Тартор, – естественный ареал обитания – земли Южного Побережья и Полуостров Драгов. Растение может достигать четырёх метров в высоту и полторы метров в ширину…

– Как скучно… – зевнула Филика. Вопреки полагающейся каждой женщине впечатлительности, она была безразлична к красотам природы. Да и ко многим другим вещам тоже… Она была черства. Выше положенного. И все переживания по поводу болезни Тартора – были лишь временным помешательством. Тщательно выстраиваемая годами плотина от окружающего мира дала течь. Что-то внутри пустило трещину. Но ничего, Филика всё вмиг отстроит. Сделает лучше, крепче, надёжней!

– Как там поживают Тос и Моррот? – спросил Тартор.

– Они пошли сорить деньгами по тавернам и борделям, – без намёка на осуждение сообщила Филика. – Так что сможешь заночевать в любом из их номеров…

– Они не знают, что меня выпустили из дурдома? – спросил Тартор, нюхая чашеобразный цветок, сорванный с приземистого с оранжевыми листьями дерева.

– Нет. Когда бы они узнали?

– А зачем мне ночевать у них? – Тартор нежно погладил волосы Филики и вплёл в них цветок. – Мне понравилась твоя постель…

Филика тяжело вздохнула и отвела взгляд.

– Твоё лечение стоило шестьдесят монет, – холодным голосом сообщила она. – Я заплатила половину сама, половину – из твоей доли.

– Да плевать на деньги! Почему ты какая-то… ну… – дрожь волнения сопровождала каждое слово парня, – прямо как раньше… Это чувствуется… Что случилось?

Филика опять отмолчалась, она долго разглядывала свои ногти, потом выплела из волос цветок и кинула его на землю.

– Я думал… Я надеялся… – затараторил Тартор. – Я хотел… Тогда ведь… Ну, разве ты забыла, как нам было хорошо?

– Тар, это была ошибка, – безжалостно чеканя каждое слово, заговорила Филика. – Одна большая, глупая, ненужная ошибка. Которую мы больше никогда не повторим. Ты, надеюсь, понимаешь меня?

– Простите, я не из этих мест, – обратился встречный драг в тёмных мешковатых одеждах, с цилиндром на голове. – Не могли бы вы подсказать дорогу к Северному району?

– Тупорылый идиот! – словно порох взорвался Тартор и пнул бедолагу. Да так пнул, что тот прокатился спиной по земле метра с три. Начал стонать от боли – значит, выжил…

На шум прибежали охранники правопорядка, волей несчастливого случая, патрулировавших совсем неподалёку. Их было четверо, и с ними был боброс – зверь, вымуштрованный набрасываться по команде. Они напали так стремительно, что речи о бегстве быть не могло. И о том, чтобы сдаться, тоже…

Тартор присел, и чешуйчатое тело прыгнувшего боброса, мелькнув жёлтым брюхом, пролетело в сантиметре над его головой. Охранник целился металлической дубинкой в ключицу, но Тартор в считанные мгновения увернулся, выхватил дубинку, переломав при этом врагу несколько пальцев, и саданул ей по затылку. Издав глухой стон, охранник распластался по земле. Боброс решил не растрачиваться понапрасну и напал на непричастно стоявшую поблизости Филику. Вот этого ему делать не надо было… Какой бы чёрствой командирша не была, а к животным относилась более-менее нормально. В большинстве случаев – лучше, чем ко многим мыслящим… Поэтому удар был не смертельным. Острый носок сапога вошёл аккурат в центр пятакообразного носа. Боевой боброс повалился на бок, жалобно скуля и хрюкая. И нельзя было отличить: где на его зелёной коже красные пятна раскраски, а где – пятна крови. Второго охранника Тартор уложил тычком дубинки в кадык. Третий – долговязый люрт – оказался крепче любого из своих товарищей. Он поймал руку с дубинкой за запястье и мощным рывком выкрутил её за спину нарушителя порядка. Дубинка с приглушённым стуком упала на землю. Тартор отпихнул ногой подбиравшегося для атаки четвёртого охранника, потом со всей силы топнул тяжёлым каблуком по носку люрта, от чего тот взвыл, но не отпустил: наоборот, второй рукой зажал шею врага и принялся душить. Лапы люрта были подобны тискам: не разжимаясь, сдавливали всё сильнее. В глазах у Тартора начало темнеть, в висках застучало, а Филика, тем временем, стояла рядом без малейшего желания помочь. Кажется, ей доставляло удовольствие наблюдать за мучениями друга. Но это так только казалось. Если бы девушка хоть на секунду усомнилась, что он не сможет выбраться – тут же заступилась бы. Тартор колотил каблуками о стопы люрта. Можно было только позавидовать выдержке и терпению охранника, ведь он не ослаблял захват. Это начинало надоедать. В голове зазвенело, а это признак, что вскоре сознание покинет её. В очередной раз, отпихнув подбирающегося охранника, Тартор извернулся и свободной от лап люрта рукой заехал тому промеж ног. Захват ослаб и Тартор выскользнул из него. Сделал пару жадных глотков воздуха, отпихнул назойливого охранника и с разворота въехал люрту в солнечное сплетение. Гигант захрипел и повалился на землю, корчась в невыносимых муках. Назойливый четвёртый охранник стоял напротив. Перепугано поглядел на Тартора, потом на вырубленных им соратников, кинул дубинку и побежал прочь.

– Ты без этого не можешь? – саркастично осматривая место битвы, спросила Филика.

– Я… – Тартор часто дышал. – Да ну их… всех…

– Чего ты с люртом панькался? – спросила Филика.

– С этой психушкой, чтоб её, всю форму растерял, – Тартор в сердцах харкнул.

– Теперь нам в этом городе делать нечего, – спокойно сказала Филика, склонившись над телом боброса. Зверь жадно глотал воздух, тихо поскуливал.

– Опять нас в розыск объявят! – Тартор улыбнулся. Он всегда любил излишнее внимание…

– Ты это специально! – зло сказала Филика.

Больше времени для разговоров не оставалось. Нужно выбираться из города, пока ещё есть такая возможность. По дороге они заскочили в почтовый дворик, так кстати оказавшийся неподалёку, и на скорую руку написали послание для Моррота и Тоса. За дополнительную плату, посыльный тут же отправился выполнять заказ.

Охранники на выходе из города и не подозревали, что мимо них прошли опасные преступники. И не странно, ведь их только-только объявили в розыск: портреты ещё не успели развезти по всем постам. Две сотни золотых за голову каждого! Охранник, которого Тартор вывел из строя толчком дубинки в кадык – захлебнулся в собственной крови…

Тос утомился пить. Выпивка выбивала его из колеи. Зачастую приводила к нежелательным последствиям: дракам, порочным связям с представителями других рас, излишней болтливости, тяге к наркотикам, похмелью, дрожи во всех четырёх руках, многосуточным головным болям и тому подобным гадостям. Но самое страшное: выпивка делала слабее, отбивала желание заниматься самосовершенствованием! О каком чтении книг, спрашивается, о каком глубокомысленном самоанализе может идти речь, когда в голове безустанно поёт хор алкогольных мальчиков?! И в то же время… выпивка была… необходима в некоторых случаях… Главное, не спутать подобный случай с мимолётным желанием залиться. А порой сие очень и очень сложно…

На этот раз они с Морротом переборщили. Нет, Моррот и без Тоса во всех тавернах и борделях Сара успел шороху наделать! Но сейчас он переплюнул даже самого себя…

Про маслянистые грибы, семена колючника или пыльцу северного вьюна можно умолчать… Подобного наркотического добра было предостаточно, но это не самое страшное, что двум наёмникам довелось отведать в тот вечер…

Из подпольного притона, расположенного в подвале башмачного магазина, они вышли уже очень хорошо «поддатые». Улицы горели радужными цветами, лица прохожих странно вытягивались, надувались, иногда даже лопались, извергая фонтаны прекрасных цветов. Всё вокруг сливалось, смешивалось, расплёскивалось и гудело приятными звуками. Тос держался за руку Моррота. Вернее, не Моррота, а сказочного двуногого слопра, изрыгивающего радуги. Его глаза были полны любви. Его движения пестрили грацией и красотой. А вокруг порхали счастливые лица. Их крылья были короткими, разноцветными, перьевыми и росли прямо из ушей. Такое

умиротворение, гармония и восторг источали эти лица, что хотелось рыдать от радости. И слёзы хлынули водопадом. Лица кружили ближе, быстрее. Хохотали, пока всё не слилось в единую слепящую точку.

Широкая комната со шкурами медведей на стенах наполнялась чудовищным запахом перегара и не менее чудовищным запахом потной плоти. Тос очнулся на полу в окружении десятков голых тел. На нём самом одежды тоже не наблюдалось. Это были представители множества рас. И не только женщины… От одной только мысли о том, что могло произойти этой ночью, Тосу стало не по себе. Моральные каноны разных представителей расы примов могут очень сильно разниться. Так, к примеру, диаспора картских примов категорически не приемлет поклонение любому из богов, а примы, жители Бастона, напротив, почитают чуть ли не каждое известное божество. Но в одном они сходятся: в полном осуждении половых отношений с представителями других рас. Тос прошёл за свою жизнь немало. Ему приходилось предавать друзей, убивать невиновных, грабить бедных… Но сейчас он ненавидел себя больше, чем когда либо прежде!

Проснулась до отвращения некрасивая люртша и многозначительно подмигнула. Тоса словно из ледяного ведра облило. Он чудом нарыл под чьими-то волосатыми ногами свою мятую донельзя одежду. Отыскав среди извращённых сонных тел Моррота, накинув на него первую попавшуюся набедренную тряпку, он поволок товарища к выходу.

Чем дальше от злачной комнаты, тем легче дышалось. Жесточайшее похмелье помогало. Оно создавало впечатление нереальности. Словно это всё сон. Насмешливый, дурно пахнущий сон. Коридоры, лестницы, лукаво скалящаяся драгша у выхода… Снаружи это здание ничем не выделялось среди других. Непосвящённый бы принял его за простой склад или что-то в этом роде. А что творилось внутри… Нет, Тос не хотел этого вспоминать!

Стояла утренняя прохлада. Улицы уже пестрели яркими одеждами вечно мечущихся по своим никчёмным делишкам мыслящих. Город жил обычной жизнью. Никто из прохожих даже не подозревал о ночных похождениях помятых крота и прима. Даже отсутствие на Морроте одежды (кроме разве что набедренной повязки) не вызывало ни у кого интереса.

Вскоре Моррот пришёл в себя. Как выяснилось, он наотрез ничего не помнил. Все возможные события до выхода из порочного здания канули в лету глубин его подсознания. Или очень хорошо притворялся, или и вправду… В любом случае, Тос не стал омрачать и без того невесёлое положение вещей и сообщил, что ему память точно так же отшибло. Словно волшебство какое-то! Странно, правда, что крот о своём мешочке с золотом не заикался. Там денег оставалось не так много, но всё же…

У двери номера Тоса дежурил человеческий парень в белом форменном костюме с нашитой на грудной карман эмблемой парящего в облаках пеликана, который держал в клюве свёртки папирусов. Глаза парня были покрасневшими, лицо – уставшим. Словно он не спал всю ночь.

– Вы, случайно, не Тос? – полуживым голосом спросил парень.

– Чего тебе, шопляк? – буркнул прим.

– А вы, значит, Моррот, верно? – пропустил мимо ушей незаслуженную грубость посыльный.

– Он самый, – выдохнул крот.

– Вам письмо, – парень вручил Морроту сложенный вчетверо жёлтый лист. – Распишитесь здесь, – он протянул бланк, прикреплённый к деревянной табличке кнопками. Моррот прорезал в положенном месте крестик когтем. Посыльный удивлённо посмотрел на него, но ничего не сказал.

– Чего штоишь? – зло посмотрел Тартор.

– Понимаете… – замялся парень, – я тут всю ночь стоял… Если бы немного чаевых…

Услыхав о чаевых, Моррот разразился такими проклятиями в адрес бедолаги-парня, что тот исчез с глаз быстрее, чем это, в принципе, возможно по законам природы. И, сказать начистоту, очень был счастлив этому.

Записка не была многословной: «Любимые Тосик и Моррик, мы празднуем медовый месяц. Нам нужен экипаж и несколько бочек вина. Ждём вас у Главных ворот Сара. Любящие, Т. и Ф.»

Судя из записки, дела были хуже некуда. Чем мягче обращение, тем серьёзнее передряга. Один лишь «Тосик» уже означал крайнюю степень внимания. Медовый месяц – условный знак Ищеек Смерти о статусе «вне закона». С экипажем и вином – всё предельно ясно. Загрузить сундуки кареты провизией и отправиться в путь. Ну, и Главные ворота означали абсолютно противоположное. Встреча должна произойти близ второстепенного входа в город. Того, что находится в Южном районе. Хотя, была и радостная новость. Судя по всему, Тартор вышел из клиники. Хотелось бы верить, что ему там помогли…

Как бы ни болела голова с похмелья, а выбора другого не оставалось: нужно второпях прощаться с Саром.

Глава 4: ***Сделать правильный выбор***

Сар оставался в дне пути на северо-восток. Погони не последовало, и это не могло не радовать. Небо было на редкость звёздным: среди мириад разноцветных камней, теснились платиновые пятаки лун.

Ночь выдалась холодной, но меховые одежды, вино и костёр заставляли забыть об этом.

– Ну, и что дальше? – ехидным голосом спросил Тартор, поджаривая на палочке земляную жабу.

– Как что? Каждый разойдётся куда глаза глядят, – неуверенно ответила Филика. За это время она сотню раз мысленно возвращалась к своему решению. И не всегда она его поддерживала…

– Мы, конечно, можем так поступить, – заговорил Моррот. – Но, не знаю как там у вас, а у меня денег не осталось… А наёмники одиночки нынче не в моде…

– Деньги это одно, – начал речь Тос. – Немаловажное, конечно. Но наш отряд. Да Гирен вщё подри, мы ведь Ищейки Шмерти! Пушть и беж Лирка… Но вщё равно –Ищейки Шмерти! Вмеште – наш боятша, уважают и обходят штороной те, кто мечтает жашадить каждому иж наш в шпину кинжал! Только мы ражойдёмша, как у них появитша такая вожможношть!

– Вот мудрость-то какая в словах примовых! – ехидней некуда вякнул Тартор сквозь набитый жабьим мясом рот.

– Как ты эту дрянь жрать можешь? – не выдержал Моррот, с отвращением глядя, как Тартор ненасытно откусывает и пережёвывает жабье мясо.

– Ты бы отмахнул свою брезгливость и попробовал! Очень даже вкусно! – Тартор поднёс жабу к лицу Моррота, от чего тот скривился ещё больше и оттолкнул угощение. – Ну да, лучше твои горькие коренья и ягоды поглощать… – буркнул Тартор и продолжил трапезу.

– Тос, как всегда прав, – заговорила Филика. – Моё решение было поспешно, необдуманно…

– Конечно же, чего ещё можно ожидать от женщины? – Тартор весь просто светился радостью.

– Узнаю старого доброго язвительного Тара, – похлопал его по плечу Моррот.

– Лучше бы ты в той клинике остался! – не выдержала Филика.

– Лучше бы ты ноги научилась вместе держать! – уж слишком подло ответил Тартор.

Глаза Филики наполнились гневом. Ещё чуть-чуть, и она выхватит свой пистолет и продырявит его тупую, вечно выбритую морду!

– Филика, о чём он говорит? – приподнялся с места Моррот.

– Что жа шутки? – добавил Тос.

– Это дело каждого! – еле сдерживаясь от крика, ответила Филика. – Вас никто не спрашивал, сколько проституток вы оттягали в Саре!

– Да, но… – потупил взгляд Моррот.

– Вот и заткнитесь! – таки перешла на крик Филика. – Я ваш командир! Поэтому заткнитесь! И идите все спать, Спайкниф всех вас сожги!

– Значит, ты ещё и в богов веришь, – упивался её полным разгромом Тартор.

– Паршивая сволочь! – не выдержала Филика и налетела на него. И, прежде чем их успели разнять, хорошенько намяла Тартору бока и лицо.

– Нет, всё-таки в клинику нужно было не меня, а тебя упрятать, – слизывая кровь с улыбающихся губ, сказал Таротр. – Колючие красные уродцы тебя бы на место в момент поставили!

– Дежуришь ночью! – Филика брыкалась в железном захвате Тоса. – И следующей! Всю неделю дежуришь! Всё время дежуришь! Ненавижу тебя!

– С превеликим удовольствием, о наш великий истерический лидер, – ухмыльнулся Тартор.

Что ж, можно радоваться – у Ищеек Смерти опять всё по-прежнему…

Но, как ни странно, угрозы Филики не приняли столь широкий размах, как это бывало раньше. Одной сверхурочной ночи дежурства было вполне достаточно. Как она говорила: ей на Тартора наплевать как на человека, но его боевые качества «пока ещё» нужны команде, а лечение его и так донельзя больного ума слишком дорого обходится и занимает недопустимо много времени.

План дальнейших действий прост: не топтаться на месте. Решено держать путь к Западным Землям. В таких местах всегда работёнка найдётся. Не слишком сложная, зачастую невысоко оплачиваемая. Но это именно то, что надо для поддержания команды в форме.

С Тартором Филика старалась не разговаривать, а если и обращалась с приказанием или просьбой, то только через товарищей.

Фермерские Угодья начинались сразу за мостом через реку Западный Бур. Хороший, широкий каменный мост. Не в пример тому, что несколько лет назад был уничтожен механическими солдатами легендарного злодея Тризолуса Первого…

Лагерь разбили в сотне метров от ближайших поселений. Над каретой подняли кроваво-красный флаг, посредине которого золотилась эмблема денежного мешочка с рисунком на нём: красная шпага входила в левую глазницу и выходила из низа белого черепа. Этот флаг во все времена означал только одно: наёмники готовы принять задание.

Первого клиента пришлось ждать целых три дня. Им оказался сухой старик с длинными седыми волосами и клокастой бородой. Его просьба имела бытовой характер: старший сын отказался подчиняться отцовской воле и силой завладел половиной всех родовых имений. Остальных пятерых сыновей головорезы старшего не подпускают к землям. Им приходится тесниться в оставшемся фамильном доме и владеть всего лишь семью виноградниками, в то время, как старший сын один имеет доход с целых пяти виноградников и одного яблочного поля! Но самое страшное, из-за всех этих междоусобиц дети совсем позабыли о старике-отце. Будто бы его и нет вовсе. Его слова уже который год никто не воспринимает всерьёз. Из громадной спальни, заслуженной годами тяжкого труда, отца выселили в подсобный садовый домик, в котором, между прочим, зимой замерзает вода в стакане, а летом – она оттуда выпаривается. Старик, которого, кстати, зовут Сарток (именно тот, из славного рода Виноградарей), хочет лишь одного: проучить своих неразумных, неблагодарных сыновей. Для этого он и пришёл к наёмникам. Он считает, лучшего выхода, как убить всех своих детей, просто нет. Они не заслуживают жизни, если способны так обращаться с любящим отцом на старости лет. Отцом, который вырастил их, воспитал любовь к труду и винограду! За всё это он согласен отдать все деньги, закопанные им несколько десятков лет назад на случай чёрного дня. Сей чёрный день настал. Сотня золотых!

Ищейки Смерти для виду посовещались, хотя с самого начала было ясно, как они ответят старику. Он просит слишком многого. Его сыновья заслужат

смерти лишь в том случае, если будут убийцами. Кровь за кровь, как говорится… Пусть какими бы не были их злодеяния, смертная казнь – слишком жестокое наказание. Да и что это, вообще, за отец, который жаждет смерти всех сыновей? Разве он не умеет прощать? Скорее всего, старик просто выжил из ума.

Легко, конечно, рассуждать, когда сам далёк от такой ситуации…

Но, разумеется, главный фактор – плата. Сотня золотых за шесть убийств: слишком и слишком мало…

Старику пришлось отказать. Расстроенный, разбитый, подавленный, он поплёлся домой. В подсобную лачугу. Где раньше держали использованные инструменты.

Сарток приходил утром. А ближе к обеду пришёл ещё один человек. Крупный, весь сбитый, крепкий на вид, розовощёкий, смолянистые волосы до плеч, широкая грудь и громадные мозолистые руки. Видно, ему не был чужд труд на свежем воздухе. Это оказался Киллип (именно тот, из славного рода Виноградарей), старший сын седобородого старика.

История Киллипа значительно отличалась от истории, поведанной его отцом. Традиции их семьи уходили корнями на сотни лет в прошлое. Всегда владелец был только один. И, не смотря на то, сколько у него детей – наследник тоже один! Старший. Сын или дочь. Да, пол особой роли не играет, в отличие от варварских обычаев некоторых других семей. Но это всё условно, по большому счёту. Наследник – наследует лишь ответственность за семью. Доход с фермы распределяется поровну среди каждого члена семьи. Ну, это не распространяется на одиночек, решивших покинуть семейное дело и пуститься в вольное плавание. Так уж вышло, что Сарток перестал справляться со своими обязанностями. Поэтому старший сын, как этого и требуют обычаи, занял его место… Но, почему-то остальных сыновей подобное не устраивало. Вернее, больше всего это не устраивало Фиркока, самого младшего сына. Он никогда не любил земледелия и всегда мечтал поделить все их земли, продать свой участок и уехать в Карт учиться каллиграфическому искусству. Каким-то нечеловеческим образом ему удалось переметнуть на свою сторону братьев. У Киллипа просто не осталось выбора, как не допустить развала семейного дела. Силой отобрав у неразумных братьев половину имений, он продолжает традиции Виноградарей. Захоти, он мог бы отобрать всё, но как же тогда жить братьям? Решение далось тяжело, но всё же, он решил оставить им большую часть. Пусть с ней что хотят, то и делают. Пока не продали, хоть это радует. В общем, Киллип слышал, что каждый наёмник обладает «большим даром убеждения». Его просьба не заключается в кровопускании братьев. Нет! Всё, что требуется: заставить Фиркока пересмотреть свои взгляды и перестать перечить многовековым традициям семьи. Измени он свою позицию, остальные братья последуют его примеру как послушные барашки. Киллип уверен в этом. А если не получится убедить: что ж, будущее всей семьи дороже прихоти одной паршивой овцы… Ну, и вознаграждение будет великодушно: в сотню, нет, в сто двадцать копрей!

Вот это уже другой разговор. Тут и советоваться не пришлось. Филика многозначительно намекнула, что Ищейки «подумают» над предложением. О их решении фермер обязательно узнает…

А уже ближе к вечеру пришла и третья сторона конфликта. Бледнокожий, худощавый, рыжеволосый парень лет двадцати на вид. Он был больше похож на какого-нибудь сарского клерка среднего звена, нежели на владельца виноградных полей. Его белое лицо казалось болезненным. Скорее всего, так оно и было.

Фиркок был не так многословен, как его старшие родственники. Весьма убедительно, всхлипывая и постоянно сморкаясь в шёлковый платок, он поведал о коварстве братьев. О том, что они все хотят отправить его в Карт учиться каллиграфии, а то и вообще утопить в колодце. А он всего лишь хочет продолжить дело любимого отца, зверски убитого прошлой весной старшим братом. Все его братья злые, бессердечные люди. Они, безусловно, заслуживают только смерти… По четыре сотни копрей за смерть каждого, плюс три сотни за смерть сумасшедшего старика, что живёт у них в подсобке и порочит светлую память, называя себя их умершим отцом.

Да, денег у него поменьше, чем у остальных. Как наивна молодость! За смерть шестерых он предлагает всего девяносто два золотых…

Филика кивнула Тосу. Тот в ту же секунду накинулся на просителя, сильно встряхнул и прижал его к земле всеми четырьмя руками.

– Шлушай меня, шошунок, – зашипел Тос, брызгая слюной, – когда ты, папенькин шыночек, шрал в шёлковые пелёнки, кривилща жа штолом от ижобилия кушаний и бежжаботно бегал по прошторам родовых имений, я подыхал ш голоду, глотал отравленную пыль на шеребряных приишках Шахтной цепи и не видел ничего, кроме швоих оков, шахт и уженькой камеры, в которой приходилошь делить кровать ш дешятком таких же ижмученных каторжников!

Парень лежал тихо. Его рот был приоткрыт, губы подрагивали, глаза были полны такого страха, который бывает только у обречённых перед смертной казнью.

– Не поделили они виноградники! – шипел Тос. – Да я тебе ш огромной радоштью шею шверну, богатенький шошуночек! Прямо щейчас, – прим потянул руку к шее парня, но тут же отдёрнул, скривившись от резкого запаха. – Ты што, обделалща? Вот же шошунок! Вот шошунок!

– Кажется, с него хватит, – предположил Моррот.

– Да, Тос, а то сейчас от страху его душа в потусторонний мир улетит, – согласилась Филика.

Тос поднялся, подняв за собой и парня, на макушке которого появилась густая седина. С ненавистью посмотрев в остекленевшие от страха глаза, прим метнул Фиркока через бедро. С глухим, хрустящим суставами стуком, парень рухнул на землю.

Товарищи удивлённо посмотрел на Тоса.

– Ты чего это? – спросил Тартор, – Так ведь и убить можно…

– Жаль, что дышит, – зло ответил Тос и скрылся в карете, сильно хлопнув за собой дверцей.

Следовало сказать парню что-то поучительное, подводящее к тому, чтобы он оставил все свои глупые затеи и не мешал семейному делу ради своего же блага. Но говорить никому не хотелось…

Фиркок лежал на земле. Тяжело дышал, но не произносил и слова о нужде в помощи. Наёмники легли спать. Наутро парня уже не было. Дежурящий этой ночью Тартор сказал, что тот поднялся часа через два, как все легли, и поплелся, прихрамывая туда, откуда пришёл.

Так ли это было, или просто Тартор не захотел всем омрачать итак плохое настроение и закопал бездыханное тело где-нибудь неподалёку – останется загадкой. Да, загадкой. Вот только не для Тартора…

В любом случае, к вечеру пришёл окрылённый Киллип и заплатил наёмникам за блестящую работу сто двадцать золотых.

Глава 5: ***Красота убивает***

Работы хватало. Но не той, которой хотелось бы…

У провинциалов и проблемы – провинциальные. В основном, бытовые. Семейные ссоры: кто-то кому-то недодал, кто-то у кого-то отобрал, кто-то отбил у кого-то жену, кто-то слишком долго сидит в кресле Старосты и в том же духе.

Ищеек Смерти роль усмирителей корыстолюбивых амбиций никогда не прельщала. Иногда приходилось играть и её, но только в тех случаях, когда, по мнению команды, другого выбора не оставалось. Дело с Виноградарями было как раз одним из таких случаев. Сар хорошо прохудил кошельки, и их вновь нужно было наполнить. Конечно, большинство других, менее разборчивых наёмников всегда были и будут рады в чужих отношениях копаться. Главное, чтобы платили. Но, как не переставала твердить Филика, это низко и нужной репутации охотникам за головами не добавляет.

В общем, от подавляющего большинства заказов приходилось отказываться. Согласились только на два.

В первом случае, муж насиловал остывшую к нему жену. И так, хорошенько насиловал, от души. С жестокими избиениями. Они жили не сильно богато, поэтому у женщины не оказалось больше семнадцати золотых монет. Филика прониклась сочувствием к ней и в тот же день, не смотря на столь мизерную плату, продырявила череп насильника свинцовой пулей.

Второй случай сулил денег куда-а-а больше. Просить пришёл человек с грустными, полными немой боли глазами. Он представлял множество семей. Все эти семьи принадлежали разным сословиям: от самых низов, до богачей. Но их объединяло одно: смерть сына. У некоторых, даже нескольких сыновей. Всё было предельно просто: в семействе Удочников, что живут в центре Рыболовных Угодий, девятнадцать лет назад родилась девочка. Её назвали Илина, что в переводе с древнего западного наречия означает «красавица». И,

так уж совпало, что с самого рождения девочка отличалась невообразимой красотой и нежностью. Она росла, хорошея с каждым годом. Не секрет, что сейчас ей во всех Западных Землях по красоте равных не сыщешь. Стройная, высокая, с русыми косами до самых… колен, лицо – словно написанное величайшими из художников – всегда светится очарованием, нежностью и беззащитностью (что в доли секунд очаровывает любого, даже самого чёрствого мужчину) и, разумеется, глаза, столь глубокие и бесконечные как небо… Но вот за всей этой наружной маской красоты скрывается чёрствое, подлое и корыстолюбивое создание. Сколько в дуэлях за неё молодых парней погибло! А она от этого только удовольствие получает. День прожит зря, если ради её красоты не погиб какой-нибудь влюбчивый юноша, чтоб её, нерадивую, Сифа в потусторонний мир утащила! Но нет. Родители погибших сыновей не хотят её смерти. Это было бы слишком просто. Нужно лишить её самого главного, после чего смерть – будет казаться детской шалостью. Нужно отнять у неё красоту…

Разумеется, это будет непросто. Вокруг девушки постоянно крутятся толпы ополоумевших влюблённых. Ради неё они готовы удавить любого, даже самих себя. Чем, собственно, периодически и занимаются.

В этом непростом деле затронуты интересы очень многих граждан. И некоторые из них – уважаемые, богатые люди. За выполнение заказа они готовы хорошо заплатить. Очень хорошо… Тысяча золотых монет! Ну, или двадцать пять тысяч копрей. В каком денежном виде наёмникам только будет угодно. Но всё должно быть выполнено на самом высшем уровне!

Вначале Филика сделала вид, что она, а следовательно, и весь отряд – не заинтересованы. Мол, дело не такое уж и важное, пусть парни убивают себя дальше, если дураки такие… Но, только лишь из уважения к родительской скорби и жажды отмщения, её отряд готов помочь. Просящий человек обречённо глядел на командиршу наёмников. Он пережил смерть и перерождение: потерял всякую надежду, а после – обрёл твёрдую уверенность. Тартору было смешно глядеть на этот маскарад. Ведь Филика, когда говорила про отказ, не глядела на собеседника, а разглядывала свои ногти. Такая, казалось бы, мелочь, а выдаёт её с потрохами. Ведь он уже давно заметил, что командирша делает это только тогда, когда пытается соврать…

Не теряя более времени на разговоры, Ищейки Смерти отправились к Рыболовным Угодьям. Три дня пути, и они были уже на месте. Ничего необычного за это время не произошло, если не считать одного случая, вырывающегося из рамок обыденного. На второй день пути в небе пролетело что-то громадное, блестящее металлом на солнце. Должно быть, какая-нибудь выжившая механическая тварюка Тризолуса. Но раз пролетела мимо, не проявила к наёмникам интереса, то и Гирен с ней.

Для простых, непосвящённых во все сложные подробности мыслящих (Ищейки Смерти относились к их числу), война трёхлетней давности казалась, по меньшей мере, странной. Нет, каждый, конечно же, знал имя истинного виновника кровавых расправ над Новым Буром, Тимпанусом и Стальней.

Тризолус Первый, тогдашний Верховный Маг королевства Техмаг. Чудовище в обличие человека или что-то вроде этого. Его передвижная крепость Форт Террора и полчища техномонстров сеяли ужас по всем необъятным просторам Объединённого Королевства Сарбонии и Западной Картурии. Но что приводило в крайнее замешательство, так это почему столь блистательно начатые военные действия так плачевно закончились? Армия техномонстров, почему-то совершила нападение на Форт Террора. После ожесточённого боя остались лишь исполинские груды металла. Ничто не уцелело. Принято считать, что тогда погиб и Тризолус, находившийся в технокрепости. Так это, или нет – для большинства интересующихся навсегда останется тайной. Но, по крайней мере, у Техмага сейчас другой правитель. Сикрофус Двадцать Восьмой – мудрый маг, на чьи плечи пала тяжёлая участь выплаты репараций пострадавшим городам. Нужно отдать должное, с этой обязанностью новоявленный Верховный Маг справлялся отлично.

От былой мощи армии Тризолуса осталось лишь бледное напоминание – волей случая не принявшие участие в финальной битве техномонстры. Они разбрелись без цели по землям Материка. Их и по сей день можно встретить на своём пути. Они агрессивны, поэтому умные путешественники обходят механизмы стороной. Встречаются, конечно, и отважные глупцы, жаждущие дать бой паровой гадине. Но, хоть механизмы с душами злобных зверей внутри аметистовых кристаллов и поржавели изрядно, а угрозу жизни таких смельчаков могут представить нешуточную…

Оставив всех в лагере, разбитом близ поселений, Филика вышла на разведку. Долго искать заказанную девицу не пришлось. Илину не заметить – просто невозможно. Неисчислимая свита ухажёров роилась возле неё, словно пчёлы над медовыми сотами. Где бы она ни прошла – везде была в центре внимания. И да, человек с грустными глазами не соврал: девушка действительно прекрасна! Губить такую красоту – просто немыслимое преступление. Но тысяча золотых монет…

То, что Филика выяснила, следуя по пятам девушки – прячась за стенами домов, спинами прохожих и столбами улиц – не могло не удивлять. Сопровождавшие красавицу мужчины источали такую раболепную покорность, что становилось не то, что отвратительно, а даже жутко. Они были заслеплены красотой до такой степени, что превратились в покорные безмозглые марионетки. Ими вертели, откровенно пренебрегали, заставляли выполнять любую прихоть, любой мельчайший каприз. Из них выкачивали все деньги, все силы, все остатки притаившегося где-то на дне подсознания достоинства. А они всё не сводили преданных глаз с объекта вожделения. Они из шкуры лезли вон, чуть ли не в буквальном смысле. И с таким фанатизмом это делали, что просто мурашки по коже начинали бегать. Да, нельзя умолчать о том, что Филике в некоторые моменты даже становилось завидно… Столько мужчин. Столько возможностей! Но эта зависть быстро проходила. Если парень ради того, чтобы открыть перед тобой дверцу, должен натолочь морду десятку-другому соперников – это уж совсем ненормально…

План был прост: подобраться к девушке и подсыпать ей в бокал порошок из отборных поганок. Главное, не переборщить с дозировкой. Ведь в большом количестве – порошок смертоносен. А вот в достаточном – вызывает жуткую болезнь кожи. Всё тело покрывается красными волдырями и язвами, которые, увы, ничем и никогда не вылечить.

Лучшей кандидатуры на выполнение задуманного коварства кроме Тартора найти было невозможно. Он отлично сойдёт за очередного кавалера Илины. Никто и не заподозрит неладное. А когда заподозрят – наёмники будут уже далеко, занятые пересчётом тысячи золотых монет....

Любимый эспонтон Тартор оставил в карете. Припрятанный в голенище сапога нож на любые случаи жизни – вот и всё оружие. Ещё одно издевательство над моральными принципами Тартора: ему пришлось променять излюбленную кожаную бронированную одежду на парадный костюм, который добрая, запасливая Филика приобрела несколько лет назад специально для него. Они тогда находились в Лормиране, выполняли задание одного богача, нагло преданного деловым партнёром. Тартор сильно вывел командиршу из себя. Она до такой степени утомилась от споров, что, треснув по столу кулаком, ушла бродить по улицам города. Вернулась Филика ближе к вечеру с торжествующей улыбкой на уставшем лице, в руках она держала модный тёмно-синий костюм в белую тонкую полоску. Протянула обновку обескураженному Тартору. Он хотел поблагодарить, но не знал как – так долго этого не делал, что просто забыл. А тем временем Филика сладким голосом говорила, что Тар – незаменимый член их команды, что его боевые умения заставят позавидовать любого вояку и в спорах – Тартору нет равных… Но, поскольку работа наёмника всегда полна опасностей, то от преждевременного путешествия в потусторонний мир никто не застрахован. И, случись чего неладное с Тартором, Филика бы не хотела закапывать столь важного члена в рванье, которое он обычно носит. Этот костюм станет замечательным одеянием для последнего пути. Тар ведь заслуживает особых почестей?.. Тогда Тартор откинул костюм и, провожаемый ликующим взглядом оппонентки по спорам, отправился в карету заливать унизительный разгром чёрным вином, чёрным элем и всем остальным чёрным, что только имело спиртовой градус.

Филика отряхнула костюм от пыли и спрятала в сундук. Там он и пролежал до сегодняшнего дня. Для этих провинциальных мест костюм вполне сойдёт за очень модный (а не безнадёжно устаревший, как это было на самом деле). Вот и замечательно! И, отпирайся, не отпирайся Тартор, а надеть злосчастный костюм таки пришлось.

Записаться в штат ухажёров Илины оказалось куда проще, чем предполагалось. Вертящимся вокруг неё мужчинам друг до друга, как это ни странно, тогда дела не было. Тартор влился в безропотно снующую за девушкой толпу мужчин с той же лёгкостью, как река Морская впадает в море Покоя. Это произошло на базарной площади. Несколько поклонников выбирали любимой меха. Многие другие были заняты сочинительством и декламацией прескверных любовных стихов. Причём, декламировали они

одновременно, стараясь друг друга перекричать. Понять что-либо в этой бешеной какофонии любовной экзальтации – задача воистину затруднительная. Один рыжебородый мужчина в дорогущем смокинге, видимо, самый счастливый, держал над головой возлюбленной большой зонт на длинной деревянной ручке. Мужчину ничуть не смущало, что солнце, от которого должен был спасать этот зонт, прятали косматые белые тучи. Он с залитым потом от усердия лицом выполнял свою ответственейшую обязанность. Его лицо светилось детской радостью. Остальные мужчины просто стояли, ничего особо не делая, полными преданности и любви глазами заглядывая в рот Илине.

«А девушка вполне даже ничего…»

Снующая возле Илины толпа влюблённых состояла из представителей многих рас. Людей больше всего, несколько молчаливых люртов, с пяток драгов, парочка кротов, немного примов (вопреки своим строгим верованиям) и, неизвестно на что рассчитывающий карл с выпачканной на груди и подбородке чем-то коричневым шерстью. Но был среди них ещё один мыслящий. Стрек. Прозрачные с желтизной крылья, хитиновое тело, покрытое серыми волосками, мелкими шипами и уродливыми наростами, что бывают у представителей его расы от укусов змей. Тартор сразу обратил на него внимание. Но не потому, что стрека трудно встретить в этих местах, а потому, что тот совсем не был похож на остальных. И не видом, а поведением. Его движения были лишены той бездумной увлечённости, присущей остальным. Стреки – сложная раса в плане выдачи эмоций. Трудно понять, радуется он или зло желает тебе скоропостижной кончины. Их глаза не шевелятся, их лица абсолютно лишены мимики. Даже нижняя часть лица, столь похожая на человеческую, неспособна и на жалкое подобие улыбки. Когда стрек говорит – его рот слегка приоткрывается, откуда выплёскиваются бесцветные клекочущие слова. Конечно, сами стреки отлично различают эмоции собратьев: по смене неуловимых ухом других рас интонаций в голосе, по подёргиванию жвал и головных усиков. Но для человека, прима, люрта или драга подмечать подобные детали – задача воистину непосильная.

Этот стрек настораживал больше всего. Вопреки канонам своей расы, отвергающим любую одежду и украшения, на его тонкой шее висело два аметистовых камня: один, на серебряной цепочке – небрежно вытесанный силуэт прима; второй, на золотой цепочке – детализированный бюст бородатого человека с лысиной. Эти светло-фиолетовые камни воистину несуразно смотрелись на его сером грудном панцире. Но что-то Тартор слишком много уделяет ему внимание. Есть лишь одна цель – Илина.

«Да она ведь красавица!»

Тартор всегда был разборчив в женщинах, делая упор в предпочтении на степень наслаждения. Чем женщина красивее, тем, соответственно, выше окажется и наслаждение, если она лишена некой брезгливости и как минимум на «хорошо» знает предмет «основы секса». Нет, если выбирать между неопытной красавицей и невероятно опытной «не очень и красавицей» – для

коротко-временной связи Тартор, конечно же, выберет вторую. Но где сейчас ты найдёшь неопытную девицу? Время такое. Конкуренция... Поэтому для разборчивого наёмника обязательно наличие: пышных грудей, милого личика, длинных, желательно рыжих, на худой конец – каштановых волос, чувственный, слегка округлый животик, тонкая талия, изящным изгибом переходящая в крутые бёдра, ну, стройные, длинные и аппетитные ножки, разумеется, и две небольшие впадинки на пояснице, да, без впадинок – никуда… Правда, когда Тартор изрядно выпивал, его требования к женщинам значительно уменьшались. До того уменьшались, что наутро самому смешно (если не страшно) становилось. Но, хмель выходил из головы, впуская в неё всё те же жёсткие рамки. Илина не то, что соответствовала всем представлениям об идеале красоты – она была его воплощением. Да, ради такой женщины Тартор не прочь пару-тройку шей свернуть. Так, не туда мысли пошли. Работа. Двести пятьдесят золотых на товарища. Будет жалко такую красоту губить, но… А почему, собственно, сыпать порошок из отборных поганок должен Тартор? Все остальные, значит, в лагере себе отсиживаются, а ты за них всю грязную работёнку делай! За что им тогда столько денег с заказа? Ведь, в сущности, всё сделает Тартор! Ну ладно, что-то опять не туда мысли пошли. Они ведь команда. Каждый выполняет то, что нужно для общего дела и только тогда, когда от него требуется. Не стоит об этом забывать.

С базарной площади они плавно переместились в таверну с пугающим любого нормального мужчину названием «Дамский каприз». Пустующий зал вмиг заполнился до отказа. Мест, как ни странно, хватило на всех. Самые счастливые уселись подле любимой. На этот раз повезло двум усатым мужчинам и стреку. Тартору досталось разделить пыльный столик невдалеке от входа в уборную с примом, молчаливым люртом и придурковато улыбающимся карлом.

Если бы Тартору удалось занять место стрека или одного из тех усатых…

Стрек всё время сидел молча. Да не то, что молча, а вообще – как статуя сидел. Практически не шелохнулся. Впялился сетчатыми глазами в одну точку (или одновременно в несколько, как это они умеют) и всё. Глупец! Возле него усатые мужчины что-то безустанно рассказывали смеющейся в ответ красавице, поочерёдно целовали ей ручку и кормили с ложечки сладкими кушаньями. Вот же везёт этим проходимцам! Зависть жгучими ручьями разносилась по венам. Тартор представил, как целует бархатную ручку девушки. Представил и погрустнел, что недостоин этого.

Тем временем, с места поднялся коренастый люрт с бледным лицом и медленно направился к столику любимой. Было в его походке нечто очень знакомое Тартору. Холодная напряжённость, выверенная скованность и чёткость каждого движения. Не бывать Тару наёмным убийцей, если люрт не готовится к драке!

Без лишних разговоров, великан схватил одного из насторожившихся усатых мужчин и швырнул в сторону. Томящееся личико Илины приняло

увлечённое выражение. Мужчина повалил ближайший столик, вместе со всей посудой, едой и не успевшим отскочить драгом. Бледнолицый люрт занял место отброшенного. Кровь ещё отбивала молотом в висках: плохо слушающейся рукой он поднял со стола ложечку, с пригоршней зачерпнул из розетки вишнёвое кушанье и поднёс к губам возлюбленной. Девушка слизнула немного угощения, случайно уронив капельку на открытый декольте верх груди. Стрек так и сидел, не шевелясь. Усатый мужчина испуганно завертел головой. Илина кивнула люрту, и он припал к её груди, нежно слизывая растекающееся пятнышко.

Тартора всего перекрутило внутри: красавица позволяет этому хвостатому уроду обнимать себя! Да он ведь наполовину зверь. Слабоумный рогатый недочеловек! Ему бы гнить на рудниках Шахтной Цепи!

Но счастливые мычания люрта вскоре сменились воплями боли и отчаяния. Отброшенный им ранее усач не был из тех людей, кто так просто расстаётся со своим местом «под солнцем». Он подобрал с пола отбитое горлышко графина и вонзил его люрту в затылок. Великан ревел как смертельно раненный красный медведь. Разметая попадавшиеся на пути столики, стулья и зазевавшихся ухажёров, он мчался на ранившего его человека. Усатый мужчина оказался не так ловок и быстр, чтобы избежать расправы. Мощные ручища впились в его горло, сразу же сломав несколько позвонков. Люрт всё сжимал мёртвую шею. Изо рта и затылка гиганта текла кровь. А вместе с ней, вытекали и последние силы… Вскоре бледнолицый люрт упал замертво, похоронив под могучим телом своего убийцу.

Илина так внимательно следила за расправой. Так блестели её глубокие как Вечный Океан глазки. В такой радостной, милой улыбке расплывались пухленькие губки.

«Она ведь богиня! Богиня, богиня, богиня…»

Таверну «Дамский каприз» пришлось покинуть. С пополнением: трое подавальщиков-примов примкнули к рядам влюбчивой толпы мужчин. Три новых минус два убивших друг друга старых равняется плюс одному...

Начинало темнеть. Неудивительно, что Илина из рода Удочников захотела отправиться к себе домой. Жила она с недавних пор не в родительских имениях (которые, сказать по правде, были тесны для столь широкой души девушки): покровители совершенно недавно подарили ей дом, выкупленный у вдовы зажиточного торговца.

– Сейчас опять начнётся, – шепнул Тартору прим с розовым моноклем в левой глазнице.

Илина стояла на крыльце. Её нежные глазки блуждали по затаившейся в ожидании толпе.

– Ну… Сегодня это будешь ты, – божественным голосом произнесла девушка и показала хрупким пальчиком на высокого рыжебородого человека в дорогущем смокинге, чьё грубое лицо вмиг засияло невероятным блаженством. – Да, ещё ты… – она показала на двурукого прима. – Ну, и ты, новенький, – её выбор пал и на Тартора.

Остальные разошлись, образовав живой круг. С крыльца своего дома Илине открывался прекрасный вид на всё, что должно было происходить внутри этого зловещего круга. Она с нетерпением ждала развязки…

Тартор всё понял. И успел опередить рыжебородого, потянувшегося за пистолетом у себя под пиджаком. Удар был негромкий, хлюпающий. Из глаз мужчины брызнули слёзы, из перебитого носа хлыстала кровь, заливая ему подбородок и шею. Тартор занёс кулак для второго удара, но тут же остановился. Промычав что-то невнятное, рыжебородый отбросил пистолет на пол и побежал прочь, растворившись в толпе. С него хватит травм на сегодня. Сильный, подлый удар в висок. В голове Тартора зазвенело, в глазах брызнули кровавые искры. Ноги подкосились, но он успел обернуть это в свою пользу и провёл подсечку. Двурукий прим подпрыгнул, и нога Тартора пролетела мимо цели. Тартор лежал на земле. Такой беззащитный, такой доступный – бери и забивай до смерти. Но прим оказался опытным бойцом, способным трезво оценивать силы соперника. Видимо, потеря двух рук научила его многому… Подхватив с пола пистолет, он выстрелил во вскочившего на ноги и тут же ставшего боком противника. Свинцовый шар пули вскользь задел край плеча и спины Тартора и вгрызся в живот оказавшегося на его пути человека из толпы. (Как бы иронично это ни звучало, но человеком оказался именно рыжебородый владелец пистолета. Спасти его, кстати, удалось. Пусть весь немногочисленный остаток своей жизни ему придётся есть жидкую пищу. И что? Главное – жив остался…) Тартор пошёл в наступление. Благо, он почти сразу смог выбить из рук врага пистолет с тяжёлым металлическим яблоком в конце рукояти, которым прим размахивал как булавой, держась за дуло. Враг с присущей его роду ловкостью уклонялся, блокировал и контратаковал. И, нужно заметить, его удары не отличались благородностью: он целился в раны, оставленные пулей, пытался выколоть глаз, про попытки ударов в пах и говорить не хочется. После очередной успешной контратаки, прим пошёл в решительное наступление. Несколько раз его твёрдые как гранит кулаки настигали лицо Тартора. Пяткой – прямо в солнечное сплетение. Тартор отшатнулся, жадно глотая воздух. Перед ним стоял настоящий боец. Заслуживающий уважения. И мучительной смерти… Прим подался вперёд, готовя сопернику серию новых ударов. Тартор сработал на опережение. Кулаком прямо в подбородок. Очень удачный удар: был слышен отвратительный хруст челюсти. Прим рухнул на землю, словно мешок с дерьмом. В отличие от рыжебородого, ему придётся есть каши лишь полгода…

Вытерев рукавом с лица кровь от рассечённой брови, Тартор направился к возлюбленной. Илина смотрела на него глазами, переполненными восхищения.

Остальным ухажёрам – отбой. Сегодня ночь принадлежит Тартору!

В рукав пиджака был вшит крохотный мешочек с порошком из отборных поганок. Всего и нужно – потянуть за верёвочку, подсыпав отраву в бокал с шипучим вином девушки. Тартору бы не составило особого труда проделать

это. Но он напрочь забыл про своё задание. Он вообще обо всём забыл. Мысли послушными рабами пластовались перед обелиском с вычерченным кровью именем: ИЛИНА!

Она повелевала им как хотела. Она приказывала ему делать унизительные для любого мужчины вещи. Она давала себя обнимать и в то же время лупила его плетью. Она плевала на его лицо и жарко целовала. Она пила шипучее вино и угощала его. Она отбирала вино и заставляла рыдать как младенца. Ей нравились его унижения. Ему нравилось её нагое тело…

Всё внутри Тартора разъедалось червями ревности. Илина должна принадлежать только ему! Всегда! Никто не смеет прикасаться к её божественному телу! Никто! Но к нему прикасались… до встречи с Тартором прикасались… Нет! Она не могла позволить этим уродам (тут же в голове пронёсся образ бледнолицего люрта, целующего её грудь)… От этих мыслей хотелось выть – так тяжело было бремя слепой ревности.

На её запястье поблёскивал золотой браслет в форме змеи, поедавшей свой хвост, с рубиновым и изумрудным камешками вместо глаз. Кроме этой вещи на девушке ничего не было.

Тартор обнимал свою любовь, ласкал – она позволила ему это делать. Но ревность просто разрывала его, не давала покоя.

– Откуда у тебя этот браслет? – осмелился спросить он.

– Не твоё дело, послушный раб, продолжай… – сладко вздохнула Илина.

– Это подарил мой соперник? – внутри сделалось невыносимо больно.

– Да, – ответила девушка, – не останавливайся, мне так хорошо…

– Сними его, – взмолился Тартор. – Сними его, моя любимая. Сними, я прошу тебя. Мне очень больно… Сними!

– Ух, тебе придётся здорово заслужить это.

И Тартор заслужил…

Илина сняла браслет и положила на столик подле камина.

А после, уставшие и довольные, они повалились на кровать. Илина тут же уснула. А Тартор не смог. Ему не давало спать странное чувство, будто что-то вдруг отпустило. Словно с плеч упал невидимый ранее груз. И стало так невероятно свободно. И мысли. Подобно стае спугнутых рыб, они заметались по голове. Ими больше не повелевал тот обелиск, мгновениями ранее державший в таком строжайшем подчинении.

Девушка, лежащая рядом, оказалась просто девушкой. Да, красивой. Но видал Тартор за свою жизнь девиц и пошикарнее! Как это он мог так слепо подчиняться её воле? Это до дикости смешно. Чтобы Тар, старина несмеймнеприказыватьженщина Тар, оказался под каблуком…

БРАСЛЕТ! – пушечным ядром пронеслось в голове.

Тартор поднялся с постели, собрал разбросанные по всей комнате вещи, оделся и подошёл к столу. Огонь камина плясал в драгоценных глазах золотой змеи. Не раздумывая и секунды, он спрятал браслет в карман. На столике стоял бокал с недопитым шипучим вином. Чётким движением, словно всю

жизнь только этим и занимался, наёмник насыпал в бокал ядовитый порошок. Вино смертоносно зашипело.

Тартор подошёл к постели и нежно притронулся к плечу Илины. Она разлепила веки и потянулась, сладко улыбаясь. Заспанная девушка, вполне симпатичная, но не сказать, чтобы богиня… Она приподнялась, взяла бокал и поднесла его к губам. Нет! Тартор выбил бокал, не дав сделать и глотка. Хрусталь звонко разбился, окропив паркет шипучей отравой.

– Что же ты делаешь, мой милый раб? – удивилась девушка.

– Спасибо потом скажешь, – ответил Тартор, молниеносно выхватил нож из голенища сапога и полоснул острым, как клык дигра, лезвием по нежной женской щеке.

Шрам останется довольно-таки уродливый.

Задание выполнено.

Глава 6: ***Падшие герои, благородные злодеи***

Тысяча золотых. Разве что-то может согреть душу сильнее, чем тысяча золотых? Тугой, тяжёлый мешок с золотыми монетами. Кто сказал, что от денег все беды? Как такое может быть, когда с ними так легко и приятно? А лишь они начинают кончаться – тут и раздражённость повышается, и настроение подавленное… И необязательно их где-то тратить. Мастук упаси! Само наличие мешочка с золотом в тайнике – верный залог хорошего расположения духа.

После недолгого совещания, было решено отправиться на север, в город Малый. Подальше от Фермерских и Рыболовных Угодий. Прочь от житейских проблем провинциалов! Шороху Ищейки Смерти наделали предостаточно: подкрепляющие репутацию слухи будут ещё долго будоражить умы тамошних жителей. Как обычно, большинство слухов окажутся лживыми, переполненными крови и насилия. Ну что ж, репутация наёмников от этого всегда только выигрывала.

Лучшего пути, чем вдоль реки Изогнутая, придумать невозможно. В аграрном городишке Пашни, стоявшем по обе стороны реки, пополнили запасы. Дальше предстояла скучная, но и успокаивающая своей скучностью дорога.

Тартор, между прочим, не удержался от соблазна: когда вернулся с задания, на запястье блестел золотом браслет в форме поедавшей хвост змеи. Хотел проверить его магическую силу на собратьях, в частности на Филике.

Командирша тогда расчёсывала гриву лошади. Зачем это делать, спрашивается? Причёсанная или нет, лошадь одинаково тянуть повозку будет. Лишняя трата драгоценного времени. Лучше бы совершенствовала боевые навыки. Тартор тогда всё что на душе было – всё выложил в доступной ему манере. Думал, Филика проглотит оскорбление. Думал, в ноги упадёт, изнемогая от избытка чувств. Думал, главным его сделает…

Но думать – удел для других, отнюдь не для Тартора. Он это понял, когда лопатой соскребал лошадиный навоз с земли. Ради такого зрелища даже Тос и Моррот из кареты вылезли.

В общем, не так просто из магических вещей выгоду извлекать…

Когда страсти улеглись и Тартор рассказал, в чём заключался секрет девушки, Филика попросила браслет себе (Тар не смог отказать, ведь это впервые за последние дни, когда командирша заговорила с ним нормально, без посредников и ругани). Долго рассматривала вещицу, пытаясь вспомнить, где же раньше видела подобное. Не вспомнила и спрятала опасную вещицу в карете, подальше от пытливых глаз товарищей. Выкидывать или ломать – рука не поднялась. А одевать… Нет, лучше без экспериментов.

На второй день пути случилось непредвиденное.

Обеденный привал. Тос сидел на крыше кареты и молчаливо глядел на бесконечность неба. Таился за ним такой грешок. Если раньше, до заточения на серебряных приисках, знакомые всегда отмечали его болтливость, отменное чувство юмора и утончённость манер. То после заточения – Тос сделался молчаливым, задумчивым, иногда даже злым. Он мог часами, если не сутками сидеть, уставившись в небо или воду, давая путь грустным мыслям об испорченной жизни. И он очень раздражался, когда что-то или, не приведи Мастук, кто-то нарушал ход размышлений. Поэтому тёмное пятнышко вдалеке, растущее, обретающее очертания парящего стрека он воспринял с неприязнью.

Стрек приземлился возле Тоса и попытался представиться, но раздражённый прим тут же повалил непрошенного гостя. Они боролись, пока не повалились с крыши кареты. На шум прибежали остальные.

– Пошмотрите, что жа фрукт к нам пожаловал! – заговорил запыхавшийся Тос, держа в неразрывных захватах незваного гостя.

– Погоди, – Тартор поднял с земли золотую цепочку с аметистовым бюстом мужчины, должно быть оброненную во время падения. Непонятно почему, но от прикосновения к камню, Тартора бросило в ледяной пот. – Я его знаю. Один из подкаблучников Илины.

Тос расцепил пальцы. Стрек поднялся, «случайно» облокотившись на рявкнувшего от неожиданной боли прима. Быстро осмотрел крылья на наличие заломов, не обнаружил таковых и выхватил из рук Тартора медальон.

– Чего тебе здесь нужно? – не стала церемониться Филика.

– Я прилетел по делу, – высоким клекотом сообщил стрек. – Смотрю, к работодателям у вас особый подход… – сказал и покосился на потирающего царапины Тоса. – Надеюсь, моё колючее тело не доставило вам неудобств...

– Да иди ты к Гирену в жопу! – окрысонился прим.

– Хочу поблагодарить вас за спасение, – стрек подошёл к Тартору и горячо затряс его руку. – Не лиши вы стерву чар, я бы рано или поздно погиб в очередной драке за её покровительство.

– Её чар? – настороженно спросил Тартор.

– Ну да, её чар. Чар красоты, – без намёка на эмоции заклекотал стрек. – Это ведь ваша рука оставила на её щеке глубокую рану.

– Кто тебе такое сказал? – возмутился Моррот. – Мы знать не знаем ничего об этом.

– Боюсь, что у меня совершенно другие сведения, – не сдавался стрек. – Каждый об этом знает из слухов и сплетен. А я, к тому же, своими глазами видел.

– Что ты видел? – разозлился Тартор.

– Я видел, как вы зашли к ней в дом на ночь, – сказал стрек. – А наутро её нашли связанную, с забитым тряпкой ртом и глубокой раной на левой щеке. Рана, кстати, была хорошо обработана и не кровоточила…

– Поблагодарить Тартора – это всё, что ты от нас хотел? – спросила Филика.

– Ох, где же мои манеры? Меня зовут Парфлай. Я не из этих мест. С городка Ижкир, что располагается в крайней западной части королевства Техмаг. Должно быть, вы не слыхали о таком…

– Сердце древесной промышленности Техмага. Вырубка леса, переработка, заготовка древесины, изготовление мебели, каркаса для карет, рукоятей для орудий труда и войны, ну и тому подобная дребедень, – блеснул эрудицией Моррот.

– Я могу только похвалить ваши познания, – сказал Парфлай. – Так вот, я – владелец крупного лесоперерабатывающего завода. Должно быть, вы понимаете, что за этим стоит?

– Долговая яма? – предположил Моррот.

– Взбунтовавшийся заместитель? – загадала Филика.

– Высокие налоги шишки из Магаррана требуют? – вставил Тартор.

– Бандиты обещают крылья выдрать жа неуплату дани? – с надеждой спросил Тос.

– Деньги, – всё тем же бесцветным голосом отрезал предположения стрек. – За моей спиной большие деньги. Очень большие. И я готов поделиться с вами…

– Дай договорю: и ты ими поделишься за выполнение невероятно опасного задания, – перебила Филика.

– Абсолютно верно. Вам придётся убить очень опасных преступников.

Из-за холма в километре от них выросло нечто угловатое, извергающее пар из трубы.

– А вот и мои слуги, – махнул в сторону холма Парфлай. – Новейшая модель паровой повозки. Очень удобная и практичная, скажу по секрету. Не в пример её допотопным предшественницам. Я к вам так спешил, что не выдержал и полетел сам. Не стал дожидаться её прибытия.

– Кто заказанные и что они сделали, чтобы заслужить смерть? – холодно спросила Филика.

– Это великие люди… – стрек помолчал. – Вернее, были такими… Вы ведь слышали о героях, остановивших армию Тризолуса?

– Отовсюду разное говорят... – задумчиво почесал за ухом Тартор. – Есть и про героев молва, но смутная очень, маловероятная...

– Так знайте, механические порождения злого гения Тризолуса Первого были остановлены группой доблестных мыслящих. Только благодаря их смелости, отваге и самоотверженности мы можем наслаждаться свободной жизнью. Вы знаете, что хотел сделать этот детоубийца с покорёнными мыслящими? Он хотел всех убить. Абсолютно всех. Чтобы заточить их души и волю в хлипких телах механизмов…

– Стоп-стоп-стоп, – перебил Моррот, – откуда такие глубокие познания?

– Как откуда? – развёл руками стрек. – Каждый житель Техмага знает об этом. Я удивляюсь, как это большинство жителей Объединённого Королевства могут оставаться такими невеждами. Их души весели на волоске от самой, что только бывает ужасной участи, а они даже своих спасителей не знают.

– Так, давай без оскорблений, – предложила Филика.

– И вообще, чего ты от наш хочешь, нащекомое, – зашипел Тос. – Ешли они такие хорошие, жачем их уничтожать?

– Увы, другого выхода просто нет, – ответил Парфлай. – Даже самые лучшие из нас способны пасть. Начну с самого начала. Без малого три года назад отважная группа воинов совершила дерзкий, немыслимый штурм Форта Террора. И пусть они атаковали с воздуха…

– С воздуха? Они все стреками были, что ли? – перебил Тартор.

– Нет. Построили летательные аппараты из болотных грибов… – ответил Парфлай и после значительной паузы продолжил: – Их шансы на успех были настолько ничтожны, а противостоящая армия – настолько сильна, что, должно быть, Тризолус попросту не воспринял их как серьёзную угрозу. Или просто не рассчитывал, что кому-то взбредёт в голову построить аппараты по сомнительным чертежам Винчида Леона. В любом случае, они добились своего. Пусть и с потерями… Их трофеем стала Смертоптица – крылатый техномагический исполин, переносящий хозяев в своём чреве, – стрек осмотрел слушателей: – Вы просто не могли про металлическую птицу не слышать.

– Недавно даже видели, в облаках летала, крылышками махала, – сообщил Моррот.

– Слава Летуну, хоть какие-то знания в этом невежественном лесу… – похвалил Парфлай.

– Так, глубокоуважаемый, ещё что-то подобное, и мы тебя пинками под рогатый зад вышвырнем! – не удержалась Филика, разглядывая свои ногти на руках.

– Этот трофей и стал причиной гибели светлых принципов, – пропустил её слова мимо ушных дырок стрек. – С ним пришло сильно много власти… Смертоптица – вторая по мощи после Форта Террора. Три года герои погрязали в её сети. Путешествовали по миру: изучали Выжженные Земли и Пустой Материк. Первое время, даже помогали нуждающимся: спасли Тикус от набега кровожадных воинов Повелителя Леса, выявили и обезвредили

причину плохих урожаев в Диде, убили потустороннее чудовище, засевшее в подземельях Бирры, утолявшее свой дикий голод обитателями города, помогли сбросить диктатуру «Фиолетовых Мундиров» в славном городе Тампе…

– Подумаешь, герои… – ревностно перебил Тартор. – Мы до тех городов просто не добрались ещё.

– Я не сомневаюсь в этом, – всё тем же монотонным клекотом ответил стрек. – В общем, со временем их стремление помогать мыслящим наткнулось на немую неблагодарность. На ужасающее безразличие. Думаю, вам оно знакомо… Забыть, что когда-то было не так хорошо, как сейчас – самое простое дело. А забыв о злых днях, забываются и герои, которые помогли их пережить… Вы ведь понимаете. Да, по глазам вижу, что понимаете…

– Давай уже к сути подводи, – потребовал Тартор.

Паровая карета, если можно было так назвать массивное металлическое сооружение на восьми колёсах, остановилась в нескольких метрах от них. Лошади нервно забили копытами по земле. В смотровых окнах виднелось два бесстрастных лица примов.

– Знаете, кто спалил дотла Диду? – поинтересовался Парфлай.

– Да иди ты, – не поверил Моррот.

– Недавно герои залетели туда пополнить запасы, – продолжал стрек. – Предприимчивые купцы потребовали с них чрезмерную плату. Это оказалось последней каплей…

– Нет, не понять мне, откуда ты это всё знаешь? – хлопнул себя по бедру Тартор.

– И какое тебе дело до жителей Диды и вообще до всего этого? – добавил недоверия Тос.

– И что вообще это всё значит? – сказал, чтобы не молчать, Моррот.

– Я знаю многое, – ответил Парфлай, медленно сменяя взгляд сетчатых глаз от собеседника к собеседнику. – И мне это так не безразлично потому… Понимаете, я раньше был… – он долго молчал, вспоминая, – я раньше был… Слугой Тризолуса… Капитаном Форта Террора…

Возникшее напряжённое молчание прорвал Тартор, потянувшись за эспонтоном:

– Так давай мы тебя сейчас убьём!

Из кареты стрека тут же выскочило шесть вооружённых до зубов примов.

– Тар, не будь умалишённым, – осадила его Филика.

– А я и есть умалишённый, если не помнишь, – не заставил ждать ответа Тартор, но оружие отставил. Охранники стрека не казались слишком грозными противниками – с ними, при необходимости, и врукопашную справиться можно.

– Да, я ожидал что-то подобное, – это показалось, или в голосе Парфлая действительно можно было уловить что-то похожее на грусть? Он щёлкнул пальцем и его примы скрылись в карете. – Когда кто-то узнаёт о моём прошлом… Нет, не хочу вспоминать… Понимаете, я был слеп. Я был

беспомощен и глуп. Он приютил меня. Он помог мне. А взамен я служил ему как верный цепной боброс. И, как это не печально, успел наделать очень много глупостей до того, как понял… – Парфлай сутулился, его крылья повисли на спине, словно завядшие листья. – Тяжело… Я улетел прочь. Я бежал от его власти. И всё это время. Всё это ужасное, полное душевных мучений время я провёл в попытке загладить свои злодеяния. Я раздавал деньги бедным, выполнял просьбы нуждающихся, защищал от обидчиков слабых…

– Я сейчас расплачусь, – не выдержал желчный Тартор.

–Да заткнись ты уже, помойная яма! – топнула ногой Филика и попросила гостя продолжать.

– Только помогая другим, я чувствую себя сбой, – вновь заговорил Парфлай. – Не тем чудовищем, в которое меня превратил Тризолус, а простым, добрым и открытым парнем. Кем когда-то был…

– Ну, а от наш ты тогда чего хочешь? – всё выпытывал Тос, чьи царапины по телу невыносимо зудели. – Вожми и убей шам швоих героев. Вон, у тебя целая когорта преданных молокошошов.

– Будь всё так просто, я к вам бы не обратился, – заговорил стрек. – Падшие герои – великие воины, равных которым нет. Трое из них обладают сильнейшим магическим существом в крови. Ещё у одного – могучее волшебное оружие. Остальные – искусные бойцы. Вам ни за что с ними не справиться…

– Во-первых, насчёт справиться – вопрос спорный, – встрял Тартор. – Во-вторых, если всё так плохо, каким чудом мы выполним заказ?

– Выполните. Я всё продумал, – сказал стрек и два раза щёлкнул пальцами. С левого бока паровой повозки распахнулась широкая дверь. И распахнулась не так, как это принято, а вверх. Примы принялись выгружать из салона тяжёлые мешки. А с ними – какую-то цилиндрическую вещицу из чёрного матового металла. Эта вещь была высотой не больше полуметра.

Парфлай похлопал по мешку:

– В каждом таком – тысяча золотых монет. Можете проверить. Всего десять мешков. Это задаток. Столько же вы получите после выполнения задания.

Ищейки Смерти стояли как были, старались не показывать свои эмоции. Жаль, что каждого выдавала пелена, золотой пылью застелившая глаза…

– А теперь о выполнении, – перешёл к делу Парфлай. – Эта железяка, на которую вы с таким недоверием смотрите – сильнейшее взрывное устройство. Я разработал его специально для этого случая. Всё, что вам нужно сделать – установить бомбу на борту Смертоптицы. Чтобы похоронить под её обломками заказанных. Желательно всех. Обязательно: Дрима и Бирюка. Они оба дали приют в своей крови могущественным магическим существам. Один – человек, другой – волк.

– Волки могут быть магами? – не поверил ушам Тартор. – Нет, я знаю, что некоторые падшие представители их расы способны заводить дружбу с другими мыслящими. Но чтобы магами становились…

– Как же всё-таки вы, молодой человек, мало знаете, – сообщил известную всем истину Парфлай. – Так вот, ваша команда зарекомендовала себя безупречными специалистами подобных дел. Говорить мне ещё что-либо – бессмысленно, – стрек опять выдержал свою коронную паузу. – Насколько я понял, задание вы приняли.

– Нам нужно немного посовещаться, – ответила Филика, жадно пялясь на мешки с золотом.

Парфлай понимающе кивнул.

Ищейки Смерти зашли за свою карету, склонили головы поближе друг к другу и принялись совещаться.

– Славься великий Моол, – громким шёпотом заговорил Моррот, – дорогостоящие заказы нам просто на голову падают. Да после такого куша нам на три беззаботные жизни хватит!

– Мне он не нравится, – сказал Тартор. – Мне стреки вообще не нравятся. Они чересчур скрытные, чтобы им доверять.

– Он шлишком колючий, – двусмысленно добавил Тос, не переставая чесать зудящие царапины.

– А я ему верю, – сказала Филика. – Пусть его лицо и голос – лишены эмоций, но видно, что он страдает за это дело сердцем. Или сердцами, не знаю, сколько их там у него.

– Да, и сказочно богат при этом, – напомнил Моррот, в чьих глазах ещё стояла золотая пыль.

– И к тому же… – добавила Филика задумчивым голосом. – Они спалили Диду… Пусть я и ненавижу своё детство, но всё же…

– По пять тысяч на каждого… – мечтательно проигнорировал её Тартор. – Я бы смог себе построить большой каменный дом где-нибудь у реки, засадить несколько полей виноградом, завести прислугу и нескольких красавиц-жён…

– Ух, каким ты романтичным иногда бываешь, – съязвила Филика. – Мне особенно про жён нравится.

– Думал, тебя к ним взять, но теперь не хочу, – наигранно обиженно отразил шпильку Тартор.

– Всё, моя жизнь потеряла всякий смысл! – не заставила ждать с ответом Филика.

– Он, как вщякий штрек – личношть неприятная, – заговорил Тос. – Но мне кажетша, его шлова правдивы. А цена – более чем окупает ришк. Вы вшпомните, как мы жа пятьшот жолотых щебя в Щедом Лешу подштавили… Уж ешли жижнь швою ложить, как бедняга Лирк, так хоть жа шоштояние целое…

Вспомнив о погибшем товарище, они помолчали в знак его доброй памяти.

На этом совещание закончилось.

Парфлай стоял на том же месте, где и раньше. Казалось, что за это время он ни разу не шелохнул и усиком.

– Мы согласны, – обрадовала его Филика. – Если вы не против, хотелось бы проверить…

– Да, пожалуйста, – согласился Парфалй.

Тос подошёл к первому выбранному им мешку и развязал узел. Золотые монеты. Настоящие. Пьянящие. Манящие. Звенящие… Драгоценное сырьё, из которого умный способен создать своё благополучие…

– Теперь слушайте и запоминайте. Хорошо запоминайте. И вглядитесь в их лица, – Парфлай щёлкнул пальцами и его шестёрка прим раздал наёмникам листы с портретами и записями карандашом на обратной стороне: как зовут, насколько опасен, каким оружием владеет в совершенстве и так далее. – Их всего восемь, – продолжал стрек. – Дрим – их предводитель, могущественный маг. В бою опасней его, поверьте мне, вам из мыслящих никого ещё не доводилось встречать. Джина, Ночная Бабочка, – бывшая воровка, теперешняя подстилка Дрима. Хорошо владеет кинжалами и метательным оружием. Опасна, но с ней вы, думаю, легко справитесь. Брок – могучий люрт, чья и без того непомерная сила подкрепляется магическим перначом из самой Стальни. С ним проблемы в бою серьёзные возникнуть могут. Тона – люртша, жена Брока. Любит двуручные мечи. Её вы убрали бы с закрытыми глазами. Бирюк – волк-маг. С ним связываться вообще не стоит. Лароус – сын Тризолуса, предавший отца и переметнувшийся к врагу. Он тоже маг. Но не совсем, чтобы человек… В общем, это не сам сын, а его душа. Заточённая в тело магомеханической машины. Кстати, он сыграл не последнюю роль в столь низменном падении из героев в разбойников. Что тут скажешь, яблоко от яблони… Кич – прим, лишённый в одном из боёв руки. Но это ни в коем случае не сказалось на его боевых качествах. Он непревзойдённый стрелок. Лучше не попадаться на линию огня его многозарядного мушкета… И Камоорн – щуп. Как и все щупы, искусен с гарпуном, копьём, сеткой и тому подобными глупостями. Вам он на один зубок.

– Да-а-а, не воодушевляет список, – сделал вывод Тартор.

– Я уверен, что вашего мастерства хватит выполнить задание, – подбодрил Парфлай.

– Есть какие-то предположения, откуда начинать поиски? – спросила Филика.

– Совсем недавно они залетали в Пашни, – сообщил стрек. – Там живут отец с мачехой Дрима. Адрес их дома записан на обратной стороне одного из листов. Это всё, чем я могу помочь.

– А как мы получим вторую часть платы за заказ? – задал всё это время терзающий вопрос Моррот.

– Даю слово: выполните задание – и я отыщу вас в тот же день, – сказал Парфлай. Его сетчатые глаза бликовали появившимся из-за туч солнцем.

Глава 7: ***Пашни***

Говорят, что золота, как и вина, слишком много никогда не бывает. Что ж, эти умники ничего не смыслят в жизни...

Десять мешков – это уже не шутки! Они тяжёлые и занимают место. Драгоценное место… Пришлось выбросить часть инвентаря. В основном это были тёплые вещи и тяжёлое снаряжение для суровых путешествий в горах. И не просто выбросить, а привести в негодность перед этим: чтобы случайный прохожий не нажился. Такова уж традиция Ищеек Смерти: или твоё, или ничьё… Но даже после этого решения лошади еле тянули. Другого выхода не осталось: надо выбросить две (последние!) бочки с вином. Когда Филика отдавала этот приказ, а Тос дрожащей рукой его выполнял, у Тартора и Моррота на глаза накатили слёзы… Из продырявленных бочек на засохшую землю вытекала прекрасная жидкость временного лишения всех проблем. Каждый напоследок – даже Филика – отпили из бочек столько, сколько только могло влезть. А запасливый Моррот даже наполнил все доступные фляги и подцепил на себя. Мол, на своём горбу нести буду, в карету ногой не ступлю и в мороз и в стужу, но добру пропасть не дам!

Прощание с вином оказалось слишком тяжким для здоровья. Непоколебимая Филика, отчаянно борющаяся с непослушными поводьями в ещё более непослушных руках, приказала сделать «небольшой привал». Её приказ услышал только Моррот, зигзагами плетущийся возле кареты. Тос с Тартором давно уже спали в обнимку на полу салона и всю грандиозную мудрость приказа командирши оценить не смогли…

«Небольшой привал» продлился до позднего утра. Филика проснулась от невыносимой жажды. Как она сидела тогда за кучерским креслом – так и заснула, зарывшись в груду шкур. Просохшее, как пустынный колодец, горло, монотонный, болезненный звон в голове, клятва самому себе никогда больше не пить – в общем, всё как обычно.

Тартор так и храпел на полу салона. Тос жадно лакал воду из бочки для попойки коней. А где же Моррот? Бедняга, расставание с вином сильно подорвало его душевные силы…

Крота нашли в сотне метров на запад. В выкопанной им же норе. Найти не было так сложно: выдавали пустые фляги, разбросанные по пути. На дне сверху заваленной ветками ямы свернувшись зародышем спал Моррот. Разбудить его так и не удалось. Бесцеремонно разбуженному ранее Тартору и возмущённому Тосу пришлось волочить крота на себе. Его расслабленное тело было тяжёлым и мягким, как шерстяной мешок с козьим помётом. Запах, конечно, отличался, но ненамного: приоткрытый рот и ноздри с каждым выдохом извергали чудовищную смесь винного перегара и тошнотворно-кислого запаха переваренных кореньев.

Моррот весь последующий день пролежал в карете. К вечеру проснулся и с ужасом в сердце обнаружил, что фляг с вином нет. Вернее, они есть, но

пусты! Лежат в сундуке, где им и место. Как выяснилось, Филика вылила оставшуюся флягу на землю…

В ворота Пашней Ищейки Смерти въехали уже полностью протрезвевшие. Полные сил, решимости и жгучего желания сдвинуть дело с начальной точки. До вечера оставалось несколько часов. Белые облака густой ватой заволокли солнце, земля была влажной, пахло последождевой свежестью и рогатым скотом. Городок показался наёмникам уютным, спокойным, тихим местом. Как раз таким, где можно провести заслуженную старость, воспитывая внуков в стенах уютного домика у подножья речки…

Филика и Тартор отправились в имения Плуверов. Тосу и Морроту предстояло решить проблему с перегрузкой кареты. Удивительно, как это ещё лошади не издохли от такого напряжения.

Долго дом искать не пришлось. Первый встречный драг указал правильный путь. Кто же в городке не знает, где живут Плуверы?

Каменный забор, незапертые ворота. По двору носятся, хлопая крыльями и крича, куры, гуси и утки. Цепной боброс возле ворот на пару с цепным псом из будки возле коровьих стойл разразились самозабвенным лаем.

Парадная дверь трёхэтажного кирпичного дома беззвучно отворилась. На пороге стояла белокурая женщина лет двадцати-двадцати пяти. Очень даже неплоха собой, как отметил про себя Тартор, хоть блондинок не сильно жаловал. Должно быть, сестра заказанного.

– Я чем-то могу вам помочь? – голос девушки звучал мягко, но и властно одновременно.

Боброс и барбос залаяли ещё самозабвеннее.

– Да, мы ищем Дрима Плувера, – перекрикивая лай, сообщила Филика.

– Тара, Бис, а ну замолчите! – топнула ножкой девушка. Цепные животные беспрекословно выполнили приказание хозяйки. – Прошу простить, если вдруг забыла… – не сходя с порога, белокурая прищурилась в попытке лучше разглядеть непрошенных гостей. – Мы знакомы?

– Нет, мы не знакомы, – грубо отрезал Тартор. – Но мы знакомы с Дримом Плувером. И нам бы очень, – на слово «очень» он сделал особый акцент, – хочется с ним увидится.

– Странно, а я-то думала, что знаю всех близких знакомых мужа… – растерянно сказала девушка.

«Мужа! Интересно, Джина знает?..» – проскользнула одна и та же мысль у наёмников.

– Ах, простите, совсем забыла представиться: меня зовут Нирма, – отрекомендовалась белокурая красавица.

– Филика, а это Тартор, – ответила на любезность командирша. – Мы пересекались с вашим мужем раньше. Деловые отношения, вы ведь понимаете...

– Ах да, как же не понять, – улыбнулась, чтобы скрыть непонимание, девушка. – Не знаю, право, сможет ли муж вас сейчас принять. Мы последние годы очень популярны в округе… Вот, пришлось даже боброса завести, к

дверям приставить. Ну раз уж вас он пустил… Хотя муж всё равно занят. С тех пор как он купил ту молочную хокору, ему не до посетителей, – немного помолчав, девушка капризно добавила, – и не до жены…

– Так он где-то здесь? – глаза Филики предательски блеснули.

Тартор невольно пощупал рукав своего чёрного камзола: в него вшита отравленная игла. Стоит только умело прикоснуться к жертве – и яд полосатой гадюки сделает своё дело…

Ха, опытный маг! Да и не таких в потусторонний мир отправляли!

– Простите, Нирма, а вы не могли бы нас отвести к своему мужу? – как можно небрежней спросил Тартор и растянул губы в самой что только бывает дружелюбной улыбке. Тонкие в тёмно-синей помаде губы Филики сделали то же самое, обнажив ровные крупные зубы с золотыми протезами верхних клыков.

– Ну, даже не знаю… – замялась красавица, в то время как её глаза жадно разглядывали широкие плечи Тартора.

– Это очень важно, – отточено взволнованно сообщила Филика. – У нас к вашему мужу дело, которое не терпит отлагательств.

– Какое дело? А в общем, никогда мне не было дела до его дел, – махнула рукой Нирма и спустилась с крыльца. – Идёмте за мной. В питомник.

Идти пришлось через весь двор, мимо будки настороженного пса, по узенькой тропинке в обильно засаженном овощами огороде. К небольшому свежевыкрашенному деревянному строению. Тартор еле сдерживал себя, чтобы не пинать вертящихся под ногами курей и уток. Нирма шла молча. Её унылый взгляд то и дело скользил по двору мечты любого фермера. Нет, не для выращивания картошки и дойки коров она рождена, сразу видно.

Деревянное строение оказалось питомником. От него пахло свежей краской. И, судя по состоянию сбитых вместе досок, оно было построено совсем недавно, на скорую руку.

– Он очень не любит, когда его беспокоят, – прошептала Нирма и едва слышно постучала в дверь.

– Убирайся прочь! – раздался громогласный раздражённый голос. – Я занят! Я же говорил, что занят!

– Дорогой, к тебе тут пришли по делу, – белокурая говорила в щёль между дверью и косяком.

– Отправь их к гиреновой прабабушке! – раздался взрыв праведного гнева. – Пошли все прочь! Прочь! Я занят!

К злобным крикам примешивался странный скулёж.

– Ну, сами видите, – виновато развела руками Нирма.

Скулёж усилился.

– Не знаете, надолго ли? – с надеждой спросила Филика.

– Муж последнее время только в этом проклятом сарае и сидит! – Нирма это сказала достаточно громко: так, чтобы её услышали за дверью.

Скулёж перерос в отчаянный звериный вопль.

– Нирма, кто там ещё есть, а ну бегом ко мне! – заглушил вопль твёрдый, как гранитный камень, голос.

Жена не смела ослушаться. Наёмники, само собой разумеется, тоже.

Вначале было сложно сориентироваться: плохо освещаемое крохотным окошком в потолке помещение, застеленный соломой пол, широкоплечий седой мужчина, склонившийся над чем-то бурым, бугристым и уродливым. И тошнотворный от непривычки запах: сладковатый, похожий на смешанный запах прогнивших яблок и слив.

Озадаченное, напряжённое, покрытое испариной лицо мужчины устремилось к вошедшим:

– Чего стоите, лодыри?! Ты! – он ткнул пальцем в сторону Тартора, – иди сюда, хватай её щупальца, хорошо хватай, чтобы не вырывались! Бабьё, бегом за кипятком! И нож! Нож мой захватите!

Тартор отчаянно боролся со скользкими щупальцами хокоры. Женщины побежали в дом: ставить на огонь вёдра с водой. Ненадолго Нирма оставила Филику у плиты и сбегала в кабинет мужа. Вернулась с боевым ножом и банкой спирта. Вода вскипела. Коромысло было только одно, а вёдер – ровно два. Жена фермера виновато призналась, что не в состоянии поднимать тяжести из-за болезни. Какой болезни, она не уточнила. Филика грязно выругалась, водрузила коромысло с двумя раскалёнными, извергающими пар вёдрами на плечи и направилась к питомнику. По дороге на неё накинулся с диким лаем пёс. Цепь удержала его в нескольких сантиметрах от жертвы. Не расплескав и капли, Филика врезала острым сапогом агрессору прямо в бок. Привыкший не получать отпор за свою грозность, комок шерсти поджал хвост и, жалобно скуля, спрятался в будке.

Зрелище было, мягко сказать, не для слабонервных. Тартор навалился телом на все двадцать ходовых щупалец и два ротовых в придачу. Молочная хокора – бугристое бесформенное животное размером с большую собаку – беззубым слизистым ртом пыталась «укусить» обидчика за лицо. Весёлый, лишённый брезгливости мыслящий счёл бы эту ситуацию весьма забавной: мужчина обнимает животное, а то его в ответ страстно целует, покрывая зеленоватыми слюнями… Но не до смеха было. Дрим Плувер Старший прижимался руками к спине животного. Бугристая бурая спина пульсировала.

– Началось! – только и успел выкрикнуть седоволосый мужчина.

Спина хокоры разошлась в стороны и из неё полезли розовые бесформенные комки.

– Нож! – приказал Плувер.

Нирма дрожащей рукой передала ему сполоснутый спиртом боевой нож.

Её муж с точностью и хладнокровием хирурга-мясника перерезал первую пуповину.

– Держи, – он протянул бесформенный комок еле сдерживающей рвотные позывы жене. – Ты знаешь, что нужно делать.

Да, она знала, что нужно делать. Находясь в предобморочном состоянии, она всё же нашла силы бросить детёныша в ведро с горячей водой. На большее Нирмы не хватило – она повалилась на сено без сознания.

Дальше всё пошло по накатанной: Тартор держал хокору-роженицу; Дрим Старший резал пуповину; Филика кидала детёнышей в кипяток; Нирма тихонечко лежала на сене, претворяясь бессильной.

Молочная хокора перестала реветь. Восемь бесформенных комочков плескались в вёдрах. Два последних оставались без движения.

– Можешь её отпускать, – с облегчением выдохнул седоволосый и вытер взмокшее лицо платком.

Тартор был счастлив выполнить поручение. Он отпустил щупальца, поднялся на дрожащих от напряжения ногах и первым делом пощупал рукав камзола. Всё в порядке. Да, только истинный профессионал сможет, борясь с буйным животным, сохранить иглу в положенном месте…

– На воле они живут только на территории Заброшенных Островов. Только там ещё сохранились кипящие подземные озёра, – Дрим кивнул на вёдра. – В этих озёрах они и рожают. Вы бы утёрлись, – он протянул покрытому зеленоватой слизью Тартору свой платок.

– Спасибо, но мне это мало поможет, – Тартор, насколько это было возможно, вытер лицо. Тяжёлый от слизи платок камнем упал в сено.

– Жаль, двое не выжило, – досадовал Плувер.

– На кой слизень её держать надо было? – ругнулся Тартор, с досадой поглаживая липкие волосы.

– Она впервые рожает, – кивнул Плувер на тихо поглощающую свою пуповину хокору, – могла сожрать детёнышей.

– Какая мерзость! – сообщила «пришедшая в себя после обморока» Нирма и выбежала во двор.

– Да, – сказал хозяин имения, пренебрежительно смотря на распахнутую дверь, – теперь можно и выйти. Самое сложное – позади.

По дороге Дрим Старший выловил из ведра мёртвых новорожденных.

Солнце клонилось к земле, в предсмертной агонии выливая ржаво-красную кровь на облака, тщетно пытающиеся удержать светило на месте.

Нирма ушла в дом. Во дворе, под покровом могучих ветвей яблони стояли Дрим, Тартор и Филика. Молча разглядывали друг друга.

– Я как-то пил молоко этой штуковины, – признался Тартор. – Бьёт в голову моментально. Крепче любого чёрного вина. А как оно получается? Я сосков не видел…

– Хокоры кормят своих детёнышей, отрыгивая полупереваренную пищу, – поделился знаниями Дрим, тщательно всматриваясь в глаза собеседника.

– Гиреновы экскременты! Неужели я пил блевотину той отвратительной твари?! – расстроился Тартор.

– Какая разница, откуда напиток? – удивился Плувер. – Ты ведь сам сказал, что крепче любого вина. Если так посмотреть, то тебе это должно быть безразлично. Ведь сцеживать «молоко» придётся мне…

– За эти труды и платят немало… – вмешалась Филика.

– Это да, не стану спорить, – хищно улыбнулся фермер, – во все времена, всеми народами, кроме придурковатых стреков, разумеется, – молоко хокоры высоко ценилось… Кстати, мы ведь с вами не знакомы?

– Увы, – вздохнула командирша. – Меня зовут Филика, его – Тартор. Понимаете, произошла ошибка: мы пришли к вашему сыну…

– Да чтоб его! – весело рассмеялся Дрим Плувер Старший. – Слава сына-стервеца не оставляет отца в покое ни на минуту! Он ведь у меня великий маг… – чем-то вроде отцовской гордости, смешанной с лёгким пренебрежением и, возможно даже, завистью отдавали его слова. – Куда не выйду в городке – никто проходу не даёт. Каждому от Дрима Младшего что-то надо. Разве так трудно им в головы свои деревянные вбить, что отец за сына – не ответчик?! Он недавно, кстати, прилетал со своими друзьями – так наше имение со всех сторон окружили просители. Через заборы лезли, в окна стучались… В общем, лучше бы он и не прилетал. Или хотя бы тайно пришёл. А то ручкой помахал, улетел на своей железной фиговине, а от меня попрошайки ни на шаг не отходят. Работать не дают, честное слово, – он ненадолго задумался, – хотя, иногда и помогают. Как вы, к примеру.

– У вас была открыта входная дверь… – не выдержала Филика.

– Ах, дверь… – свёл густые седые брови отец героя. – Сын улетел и в дом уже не ломятся. Зато на улице… Без скрывающей лицо накидки не пройдёшь и одной улицы! А дверь мы никогда не запирали. Раньше пёс стерёг, а сейчас пришлось боброса купить! Дорогой, зараза… Кто же в здравом уме мимо него пройдёт? Бояться бобросов – у каждого мыслящего в крови! Тара только своих пускает.

– Так мы, значит, свои? – спросил Тартор.

– Выходит, да, – кивнул Плувер. – Как видите, сына моего здесь нет. Увы, никак помочь вам не могу. И, кстати, благодарю за помощь в питомнике.

– Нам просто необходимо увидится с вашим сыном, – безысходно заламывал руки Тартор.

– Вы не знаете, куда он отправился? – добавила Филика.

– Как же не знать? – чуть ли не обиделся отец. – К Заколдованным Горам полетел со своими сомнительными дружками, – он приблизился к собеседникам, зачем-то оглянулся по сторонам и продолжил шёпотом: – мне особенно тот металлический человек не нравится. От него у меня всегда мурашки по коже бегают… И девку себе выбрал препаршивую: ей бы рожать, а она всё приключения на свои чресла ищет.

– К Заколдованным Горам, значит, – бесцветным голосом повторила Филика. Эх, знал бы Дрим Старший, что у неё в тот момент в душе творилось…

– Огромное вам спасибо, – поблагодарил Тартор и горячо пожал руку собеседнику.

– Да не за что, собственно, – ответил фермер, вытирая слизь с пожатой руки о штанину. – Заходите, если что…

– Непременно зайдём, – в один голос отозвались наёмники, учтиво поклонились и зашагали прочь.

Заколдованные Горы! Туда без нужного снаряжения сунуться – самоубийство. Да и со снаряжением – тоже самоубийство. И как раз всё необходимое было выкинуто на днях в угоду тяжести золота! Вот ведь как! Но самое ужасное, где в этом аграрном городишке найти новое? Ближайший сравнительно крупный город – Бастон. До него дней пять пути. Ещё и обратный путь… За это время владельцы Смертоптицы весь Материк облететь смогут.

Тос с Морротом выполнили, насколько это было возможно, свои обязательства: у кочующего торговца удалось купить две пары великолепных лошадей и карету. Карета была далеко не первой свежести, но тщательный осмотр наёмников прошла. Потускневшая зелёная краска, покрытые лёгкой ржавчиной заклёпки снаружи и надёжный каркас, крепкие рессоры – внутри. Размерами салона и багажных отделений новая карета уступала старой, но ненамного. Часть груза переместили в неё, закупили провизию, сено, наполнили бочки пресной водой. Да, про несколько новых бочек вина тоже не забыли…

Сейчас как можно быстрее нужно решать – куда держать путь. Любое промедление грозит огромными осложнениями, если вообще не полнейшим крахом задания. Тартор, как это ни странно, поддержал предложение Филики отправиться в Бастон. Как известно, заказанные – любители исследовать. А в Заколодованнх Горах исследователю и жизни мало будет всё выяснить. Так что со временем, скорее всего, проблем не возникнет. Моррот отмалчивался. Тос тоже спорить не начинал. Вначале. Давал выговориться. Когда Тартор выдохся описывать все преимущества своего плана, прим спокойным, размеренным шепелявым голосом сообщил, что план-то хорош, конечно, но есть ли в нём смысл? Ещё не факт, что в Бастоне можно будет приобрести горное снаряжение. Да, на север от города находятся Западные Возвышенности и особо храбрые горожане не упускают возможности проводить там время. Но потребуются ли для покорения в большинстве своём отлогих подъёмов, скажем, ботинки с металлическими шипами, оттяжки, восьмёрки, жумары, шлямбуры, закладки, ледорубы и скальные молотки? Ответ напрашивается сам собой... Ближайшее место, где можно приобрести достойное снаряжение – Сар. В меру недавних приключений в Садах Осевого района наёмникам там появляться крайне не рекомендуется… Конечно, они допустили непростительную ошибку, выкинув столь ценное снаряжение и тёплые вещи. Что тут скажешь, были ослеплены невероятным количеством золота, свалившимся на их головы. Это не оправдывает, но и не отягощает вины: что сделано, то уже сделано. Жалеть о решении глупо. Главное, после одной дурной ошибки не допустить ещё одну, по глупости превосходящую прошлую в десятки раз. В Пашнях вполне можно купить тёплые одежды, кирки, металлические колья и крепкие верёвки. Жалкая пародия, ну и что?

Зато десять дней не будет потеряно. Тартор тут возразил, что скалолазу от природы Тосу, конечно, легко рассуждать. А что делать остальным без профессионального снаряжения, в особенности Морроту? Тут уж Моррот нарушил своё затянувшееся молчание и заверил, что по горам прекрасно способен лазить без любого снаряжения. Для этого у него есть прекрасные когти. А Тартору пора бы перестать вводить смуту, пытаясь приписывать каждому свой страх высоты. Стиснув зубы, Тартор промолчал в ответ.

Как это и полагалось, последнее слово было за Филикой. Она не стала медлить с решением: ворчливого Тартора и мудрого Тоса отправила за покупкой «жалкой пародии» снаряжения; а сама осталась вместе с Морротом осматривать новых лошадей и карету.

Глава 8: «*Книга Божественных Величий». Произвольное*

Близился сезон дождей. Свинцовые тучи жадно паслись на небесных просторах. Прохладный ветер залетал в распахнутые оконца карет. Пахло сырым цветом пустынника.

Моррот управлял лошадьми, запряжёнными в новую карету. Тартор сидел внутри. Салон монотонно покачивало, это успокаивало… Впереди ехала карета с Филикой и Тосом.

В голову Тартора лезли приевшиеся мысли о командирше. Она чёрствая, жестокая и опасная женщина. Тогда, в Саре, она отдалась ему… Не так, чтобы самый лучший раз в жизни, но всё же… Что-то в этом было. Недопустимая для наёмника слабость: как для него, так и для неё! Теперь, вместо того, чтобы думать об успехе общего дела, голова Тартора забита Гирен знает чем. Эти женщины! С ними столько проблем. Столько…

В жизни ему доводилось любить только один раз. Он бы с улыбкой вспоминал о тех беззаботных днях наивного детства, если бы оно было таковым. Таким, каким бывает у большинства мыслящих. Но только не у сына религиозного служителя.

С рождения и до раннего юношества Тартор жил в Бастоне. Жил в скромном домишке в окружении любящей матери и строгого, педантичного и честолюбивого отца. Братьев и сестёр не было, но задуматься о том, хорошо это или плохо, с ранних лет Тартору не хватало времени. Отец хотел вырастить достойную копию себе любимому. И, будучи высокопоставленным жрецом Храма Почитания Всех Божеств, очень успешно воплощал эти замыслы в жизнь. Нельзя сказать, что сын так уж противился отцовской воле. Да, иногда было скучно слушать длинные проповеди; до жуткого тошно запоминать имена и деяния всех неисчислимых божеств, как хорошо известных каждому мыслящему, так и практически забытых; порой было невыносимо тяжело усидеть в стенах храма за чтением религиозных книг, когда по улице бегали сверстники, веселились, играли, радостно галдели. Но, в общем, старания и настойчивость отца не прошли даром: сын свято верил в

необходимость занятий. Из Тартора рос замечательный жрец – надежда и оплот будущего поколения.

Из мальчика Тартор постепенно превратился в юношу. Начитанного, уверенного, убеждённого и праведного. Сверстники уважали, даже боялись, что он может наслать на них гнев богов. А где есть уважение и страх, там есть и одиночество… Но оно не тяготило юношу. Наоборот, придавало веру в свою уникальность, непревзойдённость и невероятно большое значение в этом мире, в отличие от простых грешных. Не было в Бастоне ни одного жреца, который бы не завидовал отцу Тартора. Даже сам Верховный Жрец после одной из служб подошёл к Тартору, грузной рукой похлопал по хрупкому плечу парня и сказал, что за будущее прихожан он не переживает: Верховному подрастает достойная замена… В тот день отец Тартора впервые прослезился при сыне.

А потом всё пошло бобросу под чешуйчатый хвост. В городе остановился с караваном известный торговец шёлком. Так уж вышло, что с ним была и его дочь: прекрасная рыжеволосая девочка с карими глазами и подёрнутыми чёрными бровями. Ну, не то, чтобы она была совсем уж девочкой. Но и не женщиной… В общем, как бы там ни было, Тартор, случайно столкнувшись с ней на базарной площади, потерял дар речи. И всё, что он до этого знал, показалось таким бесполезным, таким чуждым по сравнению с очарованием её прекрасных глаз! Это было словно удар обухом по темени. Он стоял, растерянно глядел на неё и мямлил что-то глупое, несуразное себе под нос. Девушка звонко рассмеялась ему в ответ и наградила за неописуемые старания ослепительной улыбкой. И всё. Потом её позвал отец, и она не стала перечить воле родителя. Тартор смотрел ей в след. Тёплые, неведомые доселе чувства приятно грели одинокую, как это он уже понял, душу парня. Расстроенный своим открытием, он поплёлся домой.

Всё бы прошло безнаказанно... Тартор бы со временем забыл о той встрече и ещё прилежней ударился в религиозные учения, если бы не одно обстоятельство. Тогда, на базарной площади, Верховный Жрец стал невольным свидетелем порочной встречи. А отец девушки был известен не только состоянием, сколоченным на торговле шёлком. Он ещё был и убеждённым неверующим, публично демонстрирующим свою неприязнь к любому божеству. Будь юный Тартор замечен в плотских утехах на жертвенном камне в храме с проституткой, пусть даже иной расы, наказание было бы не столь суровым. Ведь бастонские проститутки, как известно, поголовно верующие…

Строжайший выговор отцу; исключение Тартора из претендентов в жрецы Храма Почитания Всех Божеств!

Приговор был вынесен. Тартор взглянул в подавленные горем глаза отца. Взглянул и понял, что больше никогда не осмелится посмотреть в них. Той же ночью юноша бежал из дома. И никогда он больше не видел любимых родителей...

Он не знал, куда ему идти. Мысли просить у торговца шёлком покровительства он рубил на корню. В городе находиться было невыносимо больно. Бежать. Как можно дальше мчаться прочь от своего позора!

Шайка воров наткнулась на изнеможённого, измученного голодом и жаждой парня в окрестностях Бастона. Взять с него им было нечего. Они так и хотели бросить его умирать, если бы один из бандитов не узнал в нём бывшего служителя храма. Всем известно, что каждый вор просто мечтает о покровительстве богов, в особенности Сифы и Гирена. Каждой большой шайке жрец просто необходим! Так Тартор получил своё твёрдое место в «новой семье». Ему повезло, должность долгое время пустовала: прошлому жрецу вспорол живот дикий кабан в результате неудачной охоты.

А дальше – всё как полагается. Плохое окружение, выпивка, азартные игры, продажные женщины…

Судьба играет над нами странные шутки. Праведный, религиозный, добрый и честный парень волей нелепого случая превратился в безжалостного, хладнокровного наёмного убийцу.

Единственное, что связывало теперешнего Тартора с тем добропорядочным и наивным юношей – Книга Божественных Величий. Эту книгу он захватил с собой из дома, когда бежал в мир похоти, зла и насилия. Она всегда была рядом с ним. Лежала в неприкосновенном багажном сундуке вместе с его золотыми монетами. Выученная наизусть в детстве, она, всё же, успокаивала: стоило открыть пожелтевшие страницы.

Вот и сейчас Тартор взял книгу с потрескавшейся кожаной обложкой в руки, открыл на произвольной странице и принялся читать, сверяясь с памятью.

Да, ничего он не забыл.

…Великий из великих богов Мастук всегда отличался крутым нравом. Он не терпел пререканий, он тяжко карал за неповиновение, он жестоко обходился с лгунами и льстецами. Он был королём в Потустороннем Королевстве. Он есть король в Потустороннем Королевстве. Он вечно будет королём в Потустороннем Королевстве. Некоторые древние манускрипты и наскальные руны противоречат общепринятым истинам. Они вещают о том, будто Потустороннее Королевство распалось несколько тысяч лет назад на княжества в результате междоусобных войн богов. Что, якобы, Моол первым отказался платить дань и объявил о выходе своего Подземного Княжества из-под крыла Королевства. Эти вещания до сих пор вызывают споры великих жрецов, но за собой не таят ничего. В Главном Сказании нет ни слова о распаде Королевства…

…Мастук – покровитель всего и всех. Нет чётких ограничений, нет жёстких рамок. Уверовавший в Его могущество обретёт спокойствие, счастье и процветание. Представители всех рас почитают Его. Хотя, большинство почитателей – люди.

Кроты, жители подземных городов, отдают предпочтение Моолу.

Драги слепо верят в силу великой Геллизы, которая, как следует из некоторых сказаний, чтобы насолить бывшему мужу Мастуку, создала свою собственную расу драгов из варанов.

Большинство щупов слепо поклоняются Водрусе, предстающей в нашем мире в двух ипостасях: голубой акулы и прекрасного дельфина (в зависимости от настроения богини).

Стреки выбрали объектом почитания Летуна, бога воздуха.

Как это ни странно, множество примов поклоняются Спайкнифу, богу, чей гнев привёл к практически полному уничтожению их древней расы.

Гирен, жестокий бог крови, внушает ужас и страх любому мыслящему, вне зависимости от расы. Мыслящие часто употребляют его имя в качестве ругательства или объекта запугивания детей. И не зря, ведь Гирен обожает поедать новорожденных детёнышей, в особенности – люртов. Во все времена уважающие силу, люрты приносят богу своих детёнышей в жертву. Их преклонение перед Гиреном основано на страхе и ненависти. Как известно, Гирен имеет три ипостаси: кровавая гиена, кровавая овца и кровавый мотылёк (в зависимости от настроения бога).

Принято, что гордая раса волков считает низостью преклоняться перед каким-либо божеством. Хотя некоторые из их представителей (в особенности чёрные волки) были замечены в ритуалах жертвоприношения Гирену.

Но выбор преклонения перед божеством – личное дело каждого мыслящего. Распространены случаи поклонения нескольким богам. Отдельно можно выделить последователей Храма Почитания Всех Божеств: эти, безусловно лучшие представители всех рас мыслящих, отдают жизнь на алтарь служения каждого из божеств. В особенности – забытых массами. Ведь каждому хорошо известно: если боги не будут получать из нашего мира уважение, преклонение, страх и благоговение, то их гнев может обрушиться на смертных с ужасающей мощью. Последователи Храма являются теми безоговорочными защитниками и спасителями, от чьих действий зависит судьба неподозревающих ни о чём мыслящих…

...Легенда о жадности

Крупный богач и землевладелец Тирафор никогда ни с кем не любил делиться. Его крепостные получали только необходимое для поддержания скудного существования. Его слуги ходили по шикарному имению в рванье. Его дети носили недоношенную одежду старших братьев и сестёр, играли игрушками прадеда, и каждый день были обязаны выказывать раболепную любовь к отцу: улыбаться, сочинять благодарственные стихи и петь хвалебные песни. В противном случае, их ждала серьёзная порка. Жене повезло чуть больше: раз в год Тирафор покупал ей новое платье, чулки и туфли. И покупал сам: иногда неделями ходил по базару, торгуясь за каждый копрь. Всегда добивался, чтобы цена была сброшена до невиданно

смехотворных низин. Дошло до того, что каждого торговца в округе передёргивало, стоило хотя бы краем уха услышать имя землевладельца.

Поклонялся ли Тирафор какому-то божеству? Конечно же, да! Сифа, богиня воровства – была его тайной страстью. Никто из близких не знал об этом. А что тогда говорить о незнакомцах? Все думали о чёрствости и скупости богача. Никто не хотел рассмотреть в Тирафоре религиозного праведника, свято выполняющего волю богини. Но ему, по большому счёту, на мнения остальных было наплевать.

Отбирая заработанное у своих подчинённых, выторговывая всё возможное, недодавая близким – он воровал…

Его закрытый железной дверью подвал ломился от богатств. Шёлк, золото, серебро, драгоценные камни, прекрасное оружие великих мастеров – чего там только не было! Порой, Тирафор днями напролёт сидел в своём подвале. Упивался богатством, заряжался ещё большей жаждой к воровству, к обогащению. Пропитывался приторным ядом жадности. Как можно спокойно спать, когда другие подвалы его замка не завалены драгоценностями? Заходя в отличном настроении, Тирафор зачастую выходил из сокровищницы мрачный, подавленный тем, что всех богатств мира ему не заполучить. В такие дни домашние в страхе безвылазно сидели по комнатам. Озлоблённому отцу семейства на глаза попасться – страшнее и не придумаешь мучения.

Однажды ночью Тирафор проснулся от кошмара. Ему приснился чудовищный слопр с кровавыми глазами, раздирающий тушу полуразложившегося дигра. Странно, ведь слопры травоядны…

Но дурным сном всё не ограничилось. Как и обычно, Тирафор отправился в свой подвал с сокровищами. Но что он обнаружил? О боги, чудовищная сеть замков на железной двери была мастерски вскрыта, все смертельные ловушки были выявлены и обезврежены, а сокровища… украдены!

В мире существовала только одна мыслящая, способная на такую дерзость: легендарная воровка Сикроза – молодая примша, заслужившая себе громкую славу непревзойдённой взломщицы и рискованной авантюристки. Стальное Пёрышко – так прозвали её братья по ремеслу за достойные уважения крепость характера и бесшумность движений. В ту ночь ей не сиделось в таверне за кружкой чёрного эля. И, развлечения ради, она проникла в сокровищницу Тирафора. Как к себе домой зашла, взяла рубиновое колье и с десяток бриллиантов. Разумеется, вышла она из тщательно охраняемого дома (охранники – единственные получали достойную плату за службу) так же просто и незаметно, как вошла.

Крупный богач-землевладелец был убит горем. Столь трепетно собранные в знак служения Сифе сокровища были осквернены почитательницей той же богини!

Тирафор потерял аппетит, безжалостно бил слуг, детей и жену, без меры пил вино и сливовую настойку. И молился. Всё время молился Сифе,

выпрашивая расправы над Сикрозой, задабривая богиню постоянно растущими оброками крепостных.

История отношений простых смертных и божеств скупа на случаи прямого вмешательства по просьбе смертных. Случай с Тирафором – один из немногих…

Однажды Сифа явилась ему во сне с требованием мгновенно прибыть к подножью скалы, что находилось в нескольких часах верховой езды от города. Тирафор не посмел ослушаться: оседлал своего лучшего скакуна и отправился в путь.

Луны щедро заливали жидкой платиной света просторы. В воздухе зависла нездоровая тишина: ни шелеста ветра, ни крика птицы. В этой тишине топот копыт скакуна отбивался тревожной дробью в сердце. Вдоль дороги возвышались сосны. Их безжалостное безмолвие, непоколебимость и монолитность действовали удручающе. Зловеще сверкая глазами, ночные звери уходили с пути. Пробирающее насквозь ледяным страхом предчувствие чего-то неотвратимого, скверного и ужасного не отпускало Тирафора ни на секунду.

У скалы стояла Сикроза. Рубиновое колье на ней отражало мягкий свет лун. Не трудно догадаться, кому это колье принадлежало раньше…

Тирафор спешился невдалеке от воровки. Совсем близко приближаться он побоялся – впопыхах забыл взять оружие. Хотя, победить в схватке опытную грабительницу у грузного землевладельца шансов в любом случае не было. Они какое-то время стояли, глядя друг на друга. Не нужно быть великим знатоком мимики примов, чтобы разглядеть презрение и насмешку во взгляде Сикрозы. Как бы ни пытался Тирафор, а свой страх и мучительное ожидание скоропостижной кончины ему скрыть не удалось.

Вскоре воровке надоело упиваться ничтожеством своего соперника и она, махнув правыми руками и звонко рассмеявшись, зашагала прочь. Но не прошла она и нескольких шагов, как из-под земли вырвалась потусторонняя змарва, пустила в ход чудовищные пиловидные зубы и утащила останки Сикрозы в нору.

Через некоторое время Тирафору удалось заставить своё оцепеневшее тело шевелиться. Невероятных усилий ему стоило взобраться на скакуна. Дальше – было проще. Верный конь сам мчал хозяина домой. В безопасное место…

Почему Сифа натравила змарву на свою любимицу? Тирафор прискакал на самом дорогом во всей округе скакуне; обшитая парчой с золотыми вставками сбруя… Сикрозе следовало убить тучного землевладельца и присвоить их себе. А она махнула на всё руками, подписав себе смертный приговор.

Сифа была оскорблена поступком Стального Пёрышка. А боги обид не прощают…

Если ты вор – то никогда не должен забывать об этом!

Глава 9: ***Новые друзья…***

Фермерские Угодья остались позади каменного моста через реку Западный Бур. На пути к Заколдованным Горам стоял Кривой Лес. Хоть разбрасываться лишним временем Ищейки Смерти и не имели возможности, но споров о преодолении леса не возникло. Пошли в обход по южной стороне. В ужасную чащу, таящую на каждом метре пути смерть, сунуться может решиться только отчаянный безумец…

Мрачные деревья леса, затаившиеся по левую руку путешественников, действовали удручающе, от них веяло ледяным ветром страха. Ходили страшные легенды об этих местах. Бесследные пропажи караванов, безумные дикие звери, потусторонние монстры, кровожадные ожившие мертвецы убитых в лесу мыслящих – далеко не полный список пророченных сюрпризов. Прагматичным наёмникам в ходячих мертвецов верилось с большим трудом, но и без них, мертвецов, опасностей хватало.

Первая ночь подле окраины леса прошла спокойно. Настрой у наёмников был боевой. Полученное золото приятно грело, обещанное – разжигало желание выполнить заказ как можно скорее. Костёр на ночь потушили, чтобы не привлекать к себе лишнее внимание диких зверей. Ночное дежурство не случайно выпало Морроту. Кому как не кротам, обитателям подземных городов, хорошо ориентироваться в полумраке ночи?

Свежесть рассветного воздуха приятно щекотала ноздри. Каждый вдох приносил с собой оптимизм и веру в собственные силы. Из леса доносились редкие крики хищных птиц; солнце начинало оживать после ночной смерти. В такие мгновения Моррот ощущал себя действительно счастливым. Трудно сказать почему. Ощущал и всё.

Из кареты высунулась заспанная физиономия Тартора. Сухо поздоровавшись с товарищем, он нетерпеливо устремился к ближайшим кустам. Не трудно догадаться с какой целью…

Вернулся Тартор в хорошем расположении духа.

– Будешь? – спросил он, набивая длинную курительную трубку табаком.

– Натощак не люблю, – сморщил щетинистый нос Моррот. – И тебе очень не рекомендую. Тебе силы ещё понадобятся.

– Да надоело мне себя ограничивать, – Тартор поднёс зажжённую спичку к трубке и смачно затянулся. – Всю жизнь так… Мы ведь теперь богачи! Задание выполним и на заслуженный отдых!

– Отдых… – Моррот задумчиво проследил за табачным облачком, плавно растворившемся в воздухе.

– Ну да, отдых, – выдохнул очередную порцию дыма Тартор. – Для чего ведь мы работаем? Чтобы обеспечить себе старость, безбедное существование и всё такое. С этим заказом это пришло. Смысл работать дальше?

– Действительно, смысл работать… – всё не выходил из задумчивости Моррот.

– Так, мне кажется, ты надо мной насмехаешься, – набычился Тартор.

– Насмехаюсь… – так же туманно ответил крот.

Тартор в сердцах харкнул на землю и жадно затянулся.

– Ты извини, Тар, я всю ночь не спал, – пояснил Моррот.

– Да понятно… Но что, разве ты со мной не согласен?

– Как тебе сказать? – крот почесал кончик носа. – Мне нравится своя работа. В странствиях я счастлив. Даже не задумывался никогда, что бы со мной было, осядь я где-нибудь надолго.

– И убивать тебе тоже нравится? Мне, допустим, эта часть работы больше всего не нравится.

Моррот не ответил, ушёл в себя с мыслями.

– Ладно, не буду тебе больше мозги компостировать, – сообщил Тартор и отошёл к лошадям. К тому времени, как он в их благородном обществе докурил трубку, проснулись Филика и Тос.

Позавтракали хлебом и вяленой курицей. Моррот пошёл спать в карету. Запрягли лошадей. Все восемь колёс со скрипом сдвинулись с места.

В путь.

Второй день пути вдоль Кривого Леса был более щедр на события. Ближе к обеду, приблизительно в сотне метров от головной кареты, из чащи выбежало стадо диких кабанов. Чудовищная живая масса парнокопытных неслась неумолимой волной, ровняя с землёй всё на своём пути. Страшно даже подумать, что бы произошло, вздумай они повернуть в сторону наёмников. Следом за кабанами из леса выбежал виновник переполоха – зелено-шёрстный дигр. Натужные движения, невысокая скорость, тонкая, недалёкая кислотная струя – старый, уставший зверь. Странно, что кабаны не почуяли в нём дряхление. Иначе, с лёгкостью растоптали бы его. Но ещё странней, как это зверь смог дожить до старости. Зачастую воинственный гонор дигров служит причиной их смерти что называется «в самом рассвете сил». Стадо отдалялось. Утомлённый годами дигр бежал всё медленней. Если бы не отставший от собратьев детёныш – остаться хищнику голодным.

Старый дигр раздирал добычу, поглощал молодую, неокрепшую плоть. Филика уже прицелилась в его сердце, когда Тос остановил. Незачем тратить пулю на старое животное. Сегодня ему повезло, но завтра этого не произойдёт. Голодная смерть – вот что ожидает в старости каждого хищника, наводящего на всех неописуемый ужас…

Погода сопутствовала. Несмотря на хмурые серые тучи, грозно витающие в небе, дождя который день не было.

Ночью опять дежурил Моррот. Такова уж судьба кротов в любой компании путешественников – беречь сон остальных, когда нельзя оставлять костёр на ночь.

Доносившиеся из леса шорохи Моррот воспринимал мужественно, списывая их на ветер и мелких обитателей. Но пришёл момент, когда списывать уже не получалось: треск веток, копошение в опавших иголках и траве, едва различимый скулёж.

Чувство страха присуще каждому мыслящему: как запуганному страшными сказками ребёнку, так и видавшему виды наёмнику-головорезу. Другое дело, насколько каждый способен с этим одинаковым по своей природе чувством справляться.

Преодолевая естественное желание остаться у карет, Моррот пошёл на шорох. Следовало бы разбудить товарищей, но он как-то об этом не подумал. Сердце колотило по ушам взбесившимся часовым механизмом, руки и ноги мелко тряслись в ожидании схватки. Из земли принялись выползать мертвецы. Их полуразложившиеся тела разили гнилью и смертью, в просветах между мясом в лунном свете белели кости. Пустые глазницы горели изнутри чудовищным красным пламенем. В полураскрытых ртах копошились трупные черви. Изъеденная язвами мёртвая рука потянулась к кроту. Скованный безудержным страхом, Моррот зажмурился, бурча под нос молитвы Моолу. Ледяной холод обжог шею, но крот не переставал молиться.

«О Великий Моол, царь подземных владений! Твоя сила безгранична! Твои деяния – неоспоримы! Твоя воля – священна! Ты – единственный, чей путь верен! Ты – единственный, чьей воле мы неудержимо следуем! Освети наш бренный путь! Помоги нам пройти его тяжбы! Порази врагов наших и упейся их ничтожеством! Воссияй над лесом незрячих чудесным светилом! Озари теплом спокойствия наши мечущиеся души! Да встрепенутся все неверные от имени твоего! Да преклонится пред твоим величием верный!»

Моррот открыл глаза. Невдалеке суетились шакалы. Не трудно было догадаться, что они готовятся напасть на лошадей. Странно, как для любителей лёгкой добычи и падали. Но после случившегося уже ничего странным не кажется. Ледяной отпечаток руки ещё чувствовался на шее. Крот подобрал с пола здоровенную ветку и побежал распугивать падальщиков. Убил нескольких наиболее наглых и смелых псин – остальные разбежались.

С первыми лучами рассвета случившееся ночью показалось Морроту дурным сном. Ну не могут мертвецы выползать из своих могил. Ведь известно, что двигаться всё живое заставляет душа внутри. А мертвец – это тело, давно лишённое таковой. И никакая известная магия не заставит его подняться из земли. Но шею сжимали ледяные пальцы. А точно сжимали? Моррот тогда был так напуган… Наверняка всё случившееся – игра подстёгнутого темнотой и страхом воображения. Те шакалы запросто могли показаться вырывающимися из земли трупами. Кроты хорошо видят в темноте, но не настолько хорошо, чтобы на фоне ночного леса чётко различать мелкие детали. А дальше – ход разбушевавшейся фантазии.

Не надо было вспоминать о тех жутких историях про лес!

Проснувшимся товарищам Моррот рассказал про шакалов. О своём «видении» он решил умолчать, чтобы не позориться. Мало ли чего о нём подумать могут. Перспектива попасть в четыре светло-фиолетовые стены «Пристанища Заблудших» не прельщала. Забравшись в салон тронувшейся с места кареты, он выпил залпом кувшин крепкого вина. После чего заснул, как

убитый. Ему не приснился ни один сон. И это хорошо: ведь тогда присниться могло только нечто чудовищное, монструозное, химерическое…

День прошёл без приключений. Ночь, как это ни странно, тоже.

Поздним утром на лошадей попыталась напасть стая шакалов. Не тех ли, которых ранее разогнал Моррот? Филика продырявила пулей бок одного, остальные разбежались. Можно только догадываться какое голодное отчаяние подтолкнуло этих трусоватых созданий на подобный поступок.

Жалким нападением падальщиков события дня и ограничились.

Моррот в четвёртый раз провёл ночную смену. Ближе к утру из леса начал усиливаться шорох и скулёж. Опять! Шерсть по всему телу вздыбилась. Крот дрожащей рукой взялся за трикогтевик – вытесанная из дерева лапа с тремя короткими когтями, символ бога Моола. После той ночи «дурных видений», доселе не сильно религиозный Моррот сделал себе этот талисман, обвязал верёвкой и надел на шею. Зарёкся никогда не снимать.

Нет, на этот раз ходящие мертвецы не вылезали из земли. Всё та же стая тощих до костей шакалов. Морроту даже стало их немного жаль. Но жалость – оружие слабых. Наёмник быстро поборол её в себе и задушил четырёх ближайших зверьков. Остальные, как и всегда, разбежались.

Следующий день принёс душевное облегчение – гнетущие угрюмостью деревья леса вдоль левого края дороги кончились. Опасность, как это говорится в простонародье, скрыла своё уродливое лицо.

Тучи так и прятали небо, лишь изредка расступаясь перед солнцем и тут же его пряча. Дождь всё не начинался.

Во время обеденного привала Филика забралась на крышу кареты с мощной подзорной трубой в руке. Установила оптический прибор на треногу и принялась разглядывать округу. Из просветов между облаками вырывались стремительные пучки света, разрывали нависшую над землёй тень. Будь командирша романтичной, нашла бы подобную картину весьма живописной. Но в её сердце места романтике с ранних лет не было… На востоке в дымке виднелись смутные очертания стен – город Старый Рин. Видимо, там шёл сильный дождь. Юг ничем, кроме пустынной местности, не порадовал. Запад, само собой, изобиловал деревьями Кривого Леса. А вот на севере размыто виднелось нечто крайне интересное: крохотная тёмная точка на серой земле. Филика некоторое время наблюдала за точкой, пока та вдруг не поднялась в воздух и не скрылась в мрачно обступивших небо облаках.

Смертоптица!

Филика прикинула расстояние и тут же отметила место на карте. Привал пришлось досрочно прекратить. Толком не отдохнувших лошадей погнали что было силы. К гнездилищу исполинской механической птицы.

Ночь пришла, как и всегда, не вовремя…

Хочешь, не хочешь, а лагерь разбивать надо.

Видимо, где-то там в небе облако наскочило на острый край звезды и треснуло… Пошёл дождь. Как некстати пошёл дождь. И не простой дождь, а

ливень с градом! Зловеще засверкали кривые стебли молний. Взрывы грома сотрясали воздух.

Филика и Тос побежали держать и, по возможности, успокаивать лошадей. Навес сорвало ветром, стукнув Тоса болтающимся на верёвке колом по голове. Благо, боковой стороной стукнув... Звон в ушах прошёл всего через полчаса.

Моррот с Тартором схватили по два раздвижных металлических штыря. Рискуя жизнью, избиваемые градом, они отбежали с ними от карет и установили в четырёх разных местах, обхватив тем самым лагерь в неровный воображаемый квадрат. Спасительный квадрат… Только Моррот забил свой последний громоотвод в землю и отвёл от него руки – в глазах брызнул яркий белый свет. На некоторое время крот ослеп, но, слава Моолу, зрение постепенно вернулось. Тут никто не станет спорить, что временно ослепнуть гораздо лучше, чем изжариться от ужасающего электрического заряда. Не успей Моррот отвести руки – ударившая в громоотвод молния окутала бы его своими смертоносными объятьями.

Ночью дождь с градом не прекращались. Тут уж не выспаться. Ничего, наёмникам не привыкать. Зато лошадей удалось успокоить. К тому же, от дождя и града неплохо помогали каучуковые плащи. Молнии то и дело били в громоотводы. Что ж за путешественник без громоотвода-другого в сундуке?

Утро давно наступило. Тучи поредели, прекратился град, молнии сверкали только вдалеке. Теперь дождь походил лишь на бледную тень того ночного безумства. Притоптанная годами дорога полнилась лужами. Колёса карет, как это ни странно, почти не завязали, ведь дорога была хорошо посыпана гравием. Значит, новоизбранный мэр Сара сдержал своё предвыборное обещание… Копыта лошадей монотонно месили неглубокую грязь. Воздух был свежим и чистым.

Какая удача! В нескольких сотнях метров от карет пасся дикий кабан. Филика без раздумий пустила в ход любимый мушкет с подзорным прицелом. Моррот в считанные минуты распотрошил тушу: разрезал живот, вынул внутренности, сцедил в кувшин кровь. Да, пускал он в ход не разделочный нож, а собственные когти…

К обеду небо совсем прояснилось. Мерзкие моросящие капли прекратились следом. Самое время делать привал.

Как было приятно Ищейкам Смерти после такого мокрого и сложного пути погреться у костра. Правда, огнище разжигать пришлось из запасённых на чёрный день углей. Найти сухие дрова было невозможно. Но запас для того и существует, чтобы его тратить в нужную минуту, ведь верно?

Сочное кабанье мясо шипело на костре капающим в костёр жиром и кровью. Запах готовящегося кушанья дразнил голодные желудки наёмников. Неизвестно что сдерживало их накинуться на сырое мясо. Но сдерживало. Все терпеливо ждали приготовления.

Грозный, плотный и жёсткий на вид кабан оказался очень мягким на вкус…

В это было просто невозможно поверить, но не было ещё случаев, когда глаза подводили сразу четырёх мыслящих одновременно. К каретам приближалась стая шакалов. Хотя, стаей их свору из четырёх особей назвать – язык не поворачивался. Если раньше они казались просто слишком худыми, то сейчас они были похожи на ходячие скелеты, туго обтянутые мокрой шкурой. Оставалось только догадываться, сколько зверьков погибло под тяжестью неумолимого града, сколько слегло от метко запущенных небом молний. Ведь умирающая с голоду стая всё это время следовала за наёмниками!

– Ублюдочные пушистые твари, – разозлилась Филика, отстранив ото рта смачный кусок кабанины. – Поесть спокойно не дают! Ничего, – зло улыбнулась она, – сейчас я их перестреляю.

Моррот тяжело вздохнул. Тос развёл руками, мол, судьба у этих тварей такая: подыхать.

– Филика, я думаю, этого не следует делать, – вступился за исхудалых назойливых зверьков Тартор.

– Держишь марку занудного перечильщика? – сверкнула лукавым взглядом Филика.

– Да какую, к гиреновой матери, марку? – набычился Тартор. – Разве ты считаешь, что они заслужили такой смерти?

– Да, я непоколебимо так считаю, – ответила Филика и достала из-за пазухи кремнёвые пистолеты.

– Постой, подожди, – заслонил собой линию огня Тартор. – Они ведь столько времени следуют за нами…

– И что? – раздражённо спросила Филика.

Шакалы остановились в шагах двадцати от наёмников. Выжидающе глядели, словно знали, что сейчас решается их судьба.

– Как что? Ты не узнаёшь в них никого? – спросил Тартор.

– Я узнаю в них назойливых дрянных зверушек, которым пора распрощаться с жизнью, – так же твердо, как и всегда, ответила Филика и поднялась с места, чтобы выбрать удачное место для стрельбы.

– Ну, подумай, – не отходил от неё Тартор, – они ведь так стремятся к своей цели. Мы их и били, и погода их уничтожала, а они всё идут…

– К чему ты клонишь? – не так твёрдо спросила Филика; её поднятая для выстрела рука опустилась.

– Чем эти шакалы отличаются от нас с тобой? – бегло заговорил Тарот. – В их зверином мире они такие же работяги, как и мы в нашем. Готовые ради куска добычи на всё…

– А ведь старина Тар прав, – выдавил из себя Моррот.

– Вшпомнить только беднягу Лирка… – добавил Тос.

– Да ну вас всех! – отрезала Филика, занесла руку и выстрелила.

Капитанша всегда била метко. Пуля с брызгами легла в лужу под лапами одного из шакалов. Ни один падальщик даже не шелохнулся.

– Чтоб вы все прокляты были! – крикнула на зверьков Филика.

– Вот видишь, – сказал Тартор и схватил за ногу оставшуюся тушу кабана, – они, как и мы, не страшатся опасностей, – запыхавшись, он бормотал, волоча тушу к навострившим уши зверькам.

– Да ты просто слабак… – неуверенно сказала Филика.

– Если протянуть руку умирающему коллеге – проявить слабость, то да, я слабак, – отрезал Тартор и отошёл от туши.

Шакалы дико накинулись на угощение. Их ослабевшие от многонедельного голода пасти едва ли могли отрывать куски мяса. Зверьки не рычали друг на друга, как это обычно бывает, ведь они вместе прошли этот тяжёлый путь и выжили. Среди них нет вожаков – после всего пережитого они стали равны.

– Прекрасно, теперь нам опять вяленой курицей давиться! – занесла руки в позе великомученицы Филика.

– Ничего, нового кабана подштрелишь, – утешал Тос.

– И ты туда же, – устало вздохнула командирша.

На этом общение с четырьмя шакалами не закончилось. Наевшись до натянутого, как барабан, выпирающего брюха, что весьма несуразно смотрелось на фоне исхудалого тела, псовые нерешительно, поджав к земле хвосты, а к голове – уши, подползли к греющемуся у костра Тартору. Филика еле сдержала себя, чтобы не потянуться за пистолетом, когда их увидела.

Пушистые существа опасливо полизали руки и ботинки спасителя, потом, довольные, что их не прогнали, легли у его ног.

– Ну вот, теперь они от нас никогда не отстанут! – обречённо вздохнула Филика.

– Вот и замечательно! – сказал Тартор, гладящий самого пушистого шакала, лицо наёмника сияло невероятной радостью. – У меня в детстве был замечательный пёс. Дворняга, конечно, но двор нам охранял отменно. Брехал, правда, много…

– Чего это тебя на сентиментальности прорвало? – спросил Моррот.

– Да, извините, я… – лицо Тартора сделалось как всегда строгим и сосредоточенным. – Тупые воспоминания накатили…

Строжайший выговор отцу, исключение Тартора из претендентов в жрецы…

– Всё, нужно кончать с нашей грязной работой! – сказал Тартор. – Вот взорвём мы тех сумасшедших на механической птице и всё! Не буду больше. Надоело! Вечно я куда-то бегу, вечно чего-то ищу… – после долгих размышлений он добавил: – Домик на берегу речки отстрою. А этих засранцев пушистых к себе возьму, пусть двор охраняют!

Поглаживаемый шакал радостно тявкнул.

Никто с Тартором спорить не стал. Оно ведь и так ясно, что добившийся грязным путём богатства мыслящий руки себе пачкать больше не захочет…

Огонь отлично просушил одежду.

Коней запрягли и отправились в путь. До отмеченного Филикой места на карте оставалось ещё совсем немного.

Начинало темнеть, когда это место было теоретически достигнуто. Но не следует забывать об обязательной погрешности при расчёте расстояния по оптическим приборам. Поиски зацепок придётся проводить довольно долгое время. И не факт, что таковые найдутся. И это очень беспокоило каждого члена Ищеек Смерти. Вполне вероятно, что заказанные уже давно покинули Заколдованные Горы.

Искать что-то под покровом ночи – дело жутко неблагодарное. Поэтому распыляться и не стали. Решили дождаться утра.

Только солнце принялось разгонять мрак – Ищейки Смерти разбрелись в разные стороны. Филика на север, Моррот на запад, Тос на юг, а Тартор и шастающие за ним по пятам шакалы на восток.

Вернулись к сумеркам. Тос вообще с пустыми руками. Филика тоже с пустыми руками, но с жуткими воспоминаниями. Ближе к обеду на её пути встретилось место кровопролитного боя. Тела погибших никто и не думал закапывать – так их и оставили гнить на солнце. Судя по запёкшейся крови и начинавшим подванивать телам, бой произошёл либо ночью, либо ранним утром. Филика решила не вмешиваться и прошла место сечи стороной... Тартор вернулся с обглоданными костями и золой от костра. То есть, ни с чем... А Моррот повстречал по дороге измученного прима, который заверил, что знает, куда отправились «эти сучьи ублюдки на Смертоптице». Но расскажет об этом только после того, как его накормят и напоят вином. Разумеется, Моррот привёл случайного встречного в лагерь.

Моррот с новоявленным знакомым пришли позже всех. Тартор уже распалил костёр и сидел возле него, похлёбывая вино из фляги. Филика расчёсывала лошадей. Тос стоял над Тартором, глядел в костёр и время от времени брал у товарища флягу, чтоб сделать смачный глоток чёрного вина. Сытые шакалы нагловато крутились возле хозяина, дожидаясь момента, когда он расслабиться, чтобы лизнуть в лицо.

Разумеется, увидев с Морротом неизвестного, все побросали занятия и обратили к нему пытливые взгляды. Даже шакалы – и те навострили уши!

– Эти чудовища отняли у меня всё! – тут же принялся жаловаться незнакомец. Это был коренастый прим, одетый в подранные лохмотья, что раньше вполне могли являться дорогой одеждой. Его лицо было простым, открытым, располагающим к себе. – Простите, пожалуйста, за бестактность, но Моррот говорил, что у вас есть еда… Я несколько дней ничего не ел…

Тос молча отправился к карете, вытянул из сундуков вяленое мясо, вернулся и протянул снедь незнакомцу. А голодный с дороги Моррот пусть сам себе достаёт всё, что соответствует его гастрономическим предпочтениям.

– Они спустились с небес на чудовищной металлической птице, – сквозь набитый вяленой курицей рот говорил прим. – Они принесли моим товарищам смерть, – сказал и запил еду вином из фляги, предоставленной Тартором.

– Убили товарищей? – возмутился Тартор.

– Всех до одного… – глаза прима увлажнилось, – Тикр, Прако, Витофар… бедняжки мои, где же вы сейчас! – он разрыдался.

– Ладно, друг, не убивайша так, – Тос похлопал бедолагу по плечу. – Им уже не помочь…

– Они все мертвы! Все! – с горя выл прим, не забывая при этом отправлять в рот очередную порцию вяленой курицы. – Дюжина великих воинов и преданных товарищей! Эти порождения Гирена, не моргнув и глазом, отправили моих мальчиков в могилу!

– Погоди, я сегодня видела тела дюжины мыслящих, – перебила его Филика. – Это, случаем, не твои собратья?

– Ах, бедняги! Бедняги! Бедняжечки мои! – горевал прим, заливаясь вином.

– Там рядом стояли разбитые клетки… – насторожилась командирша. – Вы, случаем, не ра…

– Нет! – перебил её прим. – Как можно такому произойти?! Мы никого себе не трогали. Охотились на редких существ для зоопарка Карта. Нам сказали, что в этих местах недавно видели треглавую гориллу! И тут из неоткуда появились они… Эти служители смерти и зла! Эти убийцы!

– Значит, нет, – с облегчением выдохнула Филика.

– Они чудовища! – продолжал прим. – Они страшней любого потустороннего монстра!

– Брат, ушпокойша, не надо так… – утешал Тос.

– Я постараюсь, – вытирая слёзы, пообещал коренастый прим.

Некоторое время воцарилась тишина, прерываемая жадным чавканьем.

– Ты говорил, что знаешь, где они, – нарушила молчание Филика.

– Эти подлые твари думали, что я мёртв. Стояли над убитыми, смеялись и говорили, что собираются вернуться в Заколдованные Горы, – прим опять разрыдался.

– Значит, опять Горы… – потёрла руки Филика.

– Доблестный Моррот говорил, что вы собираетесь убить их… – заплаканные глаза прима кровожадно блеснули. – Я хочу пойти с вами. Я хочу отомстить этим ублюдкам. Хочу выпотрошить их кишки голыми руками…

– Мы не милосердная организация, – отрезал Тартор.

– Мне всё равно, – сказал Моррот.

– Не знаю даже, – задумалась Филика, – как ты думаешь, Тос?

– Не вижу в этом никаких проблем, – сказал Тос и дружески потряс плечо собрата по расе. – Ты на вид парень крепкий. Думаю, ш тебя толк выйти должен.

– Я готов на всё, лишь бы отомстить за своих падших товарищей, – холодно сказал прим.

– Вот и прекрасно, – заключила Филика. – Тебя как, кстати, звать-то?

– Красп.

Глава 10: ***Пора Великой Нетерпимости***

Армия Нового Бура продвигалась на восток. Тесня, круша, гоня полчища стреков. Это было нелёгкое испытание для любого солдата. Тревожные ночи, изматывающие до невыносимости дни, кровь и боль соратников, братьев, отцов. Отчаявшийся противник прибегал к самым подлым и коварным методам: устанавливал пехотные капканы, запускал в ночные лагери убийц-смертников, в качестве отвлекающих манёвров выпускал на передовую беспомощные отряды детей, насылал с помощью магов тяжкие хвори и заразы. Но каменную кротовую мощь остановить невозможно. Медленно оттесняя каждый метр, они продвигались вперёд, словно прокапывали тоннель в гранитной скале военной машины стреков.

От боя к бою лилась кровь. Ручьями, стремительными потоками, водопадами. Металлические панцири кротовьей брони, ещё недавно так ярко блестевшие на солнце, темнели, тускнели, покрывались ржавчиной и засохшей кровью. Трофейные скальпы поверженных стреков мёртвыми грудами переполняли повозки. Идущая на восток армия оставляла за собой могилы собратьев. И изувеченные, опозоренные тела врагов…

Командовал армией Нового Бура легендарный Кирфаор. Стратег, воин, Главный Жрец Моола, великий маг и Глава города в одном лице. Солдаты шли за ним слепо: сражались, подставляли тела под стрелы и копья, убивали, превозмогали ночной холод, дневную жару, боль, голод и скорбь.

Война с Митарой, крупнейшим городом стреков, назревала десятки лет. Разногласия межу почитателями разных богов, обыденные и в подавляющем большинстве – безобидные, приняли чудовищный размах. Трудно сказать, кто начал первым. Да и бывают ли в подобных конфликтах первые?..

Некоторые историки делают точкой отчёта Поры Великой Нетерпимости закрытую встречу жрецов в картском Храме Почитания Всех Божеств. До сегодняшнего дня неизвестно, что произошло на той встрече. Но известно, что после неё, прямо у порога Храма жрецы Нового Бура и жрецы Митары затеяли драку. Хотя некоторые историки отмечают, что подобные инциденты происходили и ранее.

В любом случае, мордобоем жрецов дело не ограничилось. Как в городе кротов, так и в городе стреков – велась широкая пропаганда нетерпимости и антагонизма. Все торговые и политические соглашения между двумя городами были разорваны. Этот шаг привёл к экономическому кризису Нового Бура так как, в отличие от Митары, которая легко нашла поддержку у Столицы, новые связи быстро наладить не удалось. Волна протестов горожан росла. Но она была направлена не на правительство, которое, по большому счёту, было виновато, а на жителей Митары. Ненависть обедневших кротов к стрекам не имела границ.

Развязка накипевших отношений пришла неожиданно. На первый караван нового торгового пути между Новым Буром и Камбалироном было совершено дерзкое нападение. Все товары, жизненно необходимые для возрождения

экономики кротовьего города, были разграблены. Практически все караванщики и охранники – убиты. Те единицы, которым посчастливилось выжить, рассказывали, что среди нападавших разбойников был стрек. Никто не стал разбираться: был ли тот стрек тайным агентом Митары или простым разбойником-оборванцем. В тот же день Городской Совет проголосовал за объявление войны «зажравшимся сволочам Митары». Глава города тут же поддержал решение Совета.

Мобилизованные Войска Нового Бура под предводительством самого Кирфаора отправились в бой.

То ли разведка была на высоте, то ли всё было ясно заранее – Митара направила войска навстречу агрессору.

Дикая бойня. Битва за битвой.

Один из самых ожесточённых боёв случился у южных берегов Проклятой Воронки. Кротовья армия подбиралась всё ближе к городу неприятеля. Стратеги Митары предприняли отчаянную попытку переломить ход событий. На кротовьи ряды обрушилась вся военная мощь стреков. Нападение было совершено в зените безжалостного летнего солнца. Хорошо ориентирующиеся в полумраке кроты всегда плохо переносят яркий свет. Со всех сторон налетали полчища воздушных лучников и копейщиков. С воздуха крылатые солдаты обрушивали на пеших врагов снаряды из взрывного порошка, бросали кислотные бомбы. Стаи дрессированных боевых бобросов выполняли кровожадные приказания стреков. Но с ярким светом жители подземного города давно научились бороться: на голове каждого блестел металлом шлем с пластинами из тёмного стекла в прорези для глаз. От шквала болтов кротовьих арбалетов невозможно скрыться летающим бойцам. И общеизвестный факт, что солдаты Нового Бура прекрасно подготовлены к рукопашной борьбе с любым зверем.

Дикие крики боли и страдания. Оторванные конечности, опаленные кислотой тела, пробитые панцири. Густые реки белой крови стреков дико смешивались с реками фиолетовой крови кротов. Смерть ликовала повсюду…

Остатки армии Митары бежали. Значительно поредевшие ряды кротов пустились в погоню. Опьянённые хоть и тяжёлой, но победой, они без промедлений были готовы вступить в новый бой.

Марш-бросок продлился до глубокой ночи. Только когда измученные солдаты буквально валились с ног, Кирфаор приказал разбить лагерь. Ночь и предшествующий ей день были на удивление спокойны. Моральный дух бойцов парил в невиданных высотах.

Молодой солдат вышел из палатки. Потянулся. Поздоровался с проснувшимися соратниками. Ранний утренний воздух ещё не успел прогреться. Где-то впереди манила золотистым платком слава воина-победителя. До Митары оставалась всего неделя пути. Ещё какая-то неделя и подлый враг будет повержен. И тогда Новый Бур сможет вздохнуть спокойно. Вновь наберёт былую славу. Сбросит с себя оковы нищеты. И воспарит над всеми городами, как ещё никогда! Каждый глоток свежего воздуха словно

подпитывал эти мысли, приносил оптимизм и веру в свои, а значит, и в общие силы.

На завтрак была, как и всегда, печёная в золе картошка. Моррот предпочитал есть картошку сырой и не проходило и одного принятия пищи, когда он не выклянчивал её у поваров. Но на этот раз, интереса ради, он решил изменить своим традициям. И почему подавляющему большинству кротов нравится именно печёная еда? Обугленная шкурка и обжигающая язык мякоть – ни в какое сравнение с хрустящим на зубах сочным корнеплодом.

– Говорят, стреки готовят нам «большой сюрприз» в Митаре, – сквозь набитый картошкой рот сказал солдат с ужасными шрамами от кислоты на лице и правой руке.

– Ещё б им, крылозадым, не готовить, – добавил его сосед.

– Чего им-то ещё готовить? – встрял третий солдат и залпом осушил полный бокал чёрного эля. – Уж все их уловки виданы!

– Да, точно говоришь, – переменил мнение второй. – Они, мухи навозные, себя ужо показали во всей смердящей красе. Хватит с нас.

– Кретины! – хлопнул себя в грудь опаленный кислотой. – В любой войне козырный туз – для битвы решающей!

– И то верно, – вновь переметнулся его сосед.

– Реша-а-ающей! – передразнил третий. – А кто тебе сказал-то, что она будет в Митаре? Вдруг, она уже была? Не задумывался, что ли?

Морроту стало неинтересно слушать, и он отправился в спальную палатку. До начала длительного, изматывающего марш-броска оставалось меньше получаса. Провести это драгоценное время, слушая пустую болтовню вояк – преступление против себя самого.

В палатке никого не было, и это радовало. Моррот улёгся на засаленный тряпичный настил. Закрыл глаза. Попытался хоть на время избавиться от любых мыслей. Вымести метлой беззаботности из засоренной избы мозга все заботы и тяжбы. И, на какую-то долю секунды, ему это удалось. Такая чистая, пустая и лёгкая свобода. Тебе не нужно идти на смерть и несправедливо выживать, не нужно оплакивать погибших, не нужно выпускать кишки врагу…

Тира!

Шорох парусинных дверей вмиг всё испортил: заставил Моррота раскрыть глаза и обернуться. В палатку вошла Тира.

– Думал от меня здесь спрятаться? – спросила девушка и бесцеремонно легла рядом.

– От тебя спрячешься… – буркнул Моррот.

– С тех пор, как убили твоего брата, ты сам не свой, – просто и в лоб сказала Тира.

– Да, Спайкниф всех изрежь, я сам не свой! – вспылил Моррот, вскочив на ноги.

– Морри, ты чего? – в оранжевых зрачках кротихи блеснула растерянность. – Его ведь проткнуло копьё врага, – она поднялась и положила

руку на плечо собеседника. – Великая героическая смерть: Могучий Моол доволен Фирротом. Мне непонятна твоя печаль…

– Мне самому непонятна, – окрысонился Моррот и стряхнул руку Тиры, – ясно тебе, самка? Чего ты ходишь за мной попятам?

– Я… – слёзы заблестели в красивых выпуклых глазах Тиры.

– Всё ты и можешь, что морочить мне голову! – продолжал Моррот. – Куда ни пойду, вечно ты тут как тут. Сколько раз ты подставляла меня в бою? Сколько раз ты бы уже кормила червей своим телом, не поспей я вовремя? Это, – крот выпятил грудь с едва зарубцевавшимся шрамом, отвратительной багровой змеёй выевший густые короткие волосы, – помнишь? Лучше бы тогда не закрывал твою ветреную голову. Может тогда в ней хоть что-то зашевелилось бы!

Тира стояла молча, опустив голову, хлюпая носом, изредка вытирая слёзы тыльной стороной когтистой ладони.

– Да, в следующий раз я хорошенько подумаю, прежде чем идти тебе на помощь, – уже спокойно сказал Моррот. – И вообще, может, ты хоть сейчас расскажешь, зачем меня преследуешь? Поначалу это всё было забавно, но сейчас… Очень утомляет, поверь мне.

Тира подняла заплаканные глаза на Моррота.

– Ну, почему? – прищурился тот.

– Почему? – спросила она и, казалось остановившиеся, слёзы вновь брызнули из глаз. – Да… потому… я… люблю тебя, бессердечный ты сын змеи! – еле выдавила сквозь нарастающие потоки слёз кротиха и побежала прочь из палатки.

Моррот хотел побежать следом, но что-то внутри остановило его. Тира… Не сказать, что непревзойдённая красавица. Средние и не отталкивающие, и, в то же время, не манящие черты лица. Простая, округлая фигура. Ничего особенного. Ну, разве что приятные, можно даже сказать, красивые глаза цвета предзакатного солнца. И, чего уж не замечать, широкие мускулистые руки: такие бугристые и жилистые. Прямо как нравится Морроту. Ну и что? Таких «красавиц» у него полон Новый Бур остался. И каждая признавалась в любви. Каждая, затаив дыхание, дожидается его возвращения. И, разумеется, каждая просто мечтает завести от него детей. У некоторых это уже, кстати, получилось… А о том, чтобы создать семью – ночами и днями грезят.

Странно. Моррот всегда удивлялся несправедливости и нерациональности женщин. На некоторых самцов, таких как он, к примеру, они буквально охотятся. Бегают стаями, выцарапывают друг дружке глаза… Но почему-то неоправданно холодны к остальным, которые, по большому счёту, ничем не отличаются от тех «избранных»: две руки, две ноги, одна голова, один обрубок хвоста… Так ведь нет! Вместо того, чтобы осчастливить других, а главное – самим быть счастливицами, женщины буквально отравляют жизнь соперничеством, склоками, завистью и изменами!

Но в Тире что-то есть. Непременно что-то есть! Она не похожа на остальных самок. Вернее, не так сильно похожа… И дело тут не в том, что она

служит в регулярной армии. С этим предрассудков как, к примеру, у примов или драгов, нет. Если на то уж пошло, армия на четверть состоит из самок. Да, их практически никогда не назначают на высокие должности, требующие стальных нервов и молниеносных решений. Ну и что? Самка-пехотинец в бою ни доблестью, ни силой, ни духом не отличается от самца!

Марш-бросок, как и всегда, продлился до полнейшего истощения бойцов. За это время двое солдат погибли в металлических челюстях противопехотных капканов. Магические хвори и заразы успешно удавалось отбивать силами собственных волшебников.

Глухой ночью Моррот проснулся от громких возгласов. Выбежал из палатки.

Поймали вражеского убийцу-смертника. Стрек лежал у костра, залитый собственной белой кровью. Его крылья, ноги и руки были переломлены, панцирь весь в трещинах. Он хрипло глотал воздух. Так тяжело ему это давалось, что каждый вздох казался последним. Но нет: жажда жизни присуща каждому. Даже смертнику…

Кроты толпились возле него кругом. Никто больше не избивал: ещё один удар, и стрек точно подохнет. Все ждали Главу.

Толпа расступилась в благоговении: к стреку твёрдым шагом приближался неимоверно широкоплечий, высокий крот с гладковыбритым до розовой кожи лицом и головой. Кирфаор был одет в лёгкий доспех лучших мастеров Стальни, за его спиной бугрился на ветру чёрный плащ с гербом Нового Бура: воткнутыми в землю мечом и трикогтевиком. За ним следовала свита генералов и боевых магов.

– Скольких эта тварь успела? – голос Главы города был прост, спокоен, но ужасающая печать ненависти таилась в нём.

– Ваше могущество, четверых перерезал во сне, мерзота, – донеслось из толпы.

– Четверых наших доблестных бойцов за этого недоноска… – Кирфаор подошёл к истекающему кровью стреку. Дрожащее пламя костра десятками мелких огоньков отражалось в сетчатых глазах убийцы. Стрек лежал неподвижно, всё так же тяжёло дышал, воздух с булькающим свистом выдувался из пробитого лёгкого.

– Жаль, что эти безбожные твари не показывают свой страх, – горько вздохнул Глава и в ту же секунду его когти вонзились в шею недрогнувшего убийцы.

Кирфаор поднял за жвало отчленённую голову, умелыми движениями снял скальп. Остатки головы бросил в ещё извивающееся в конвульсиях безглавое тело.

– Во имя Моола! – прокричал Глава, подняв скальп над своей головой. И его голос был подобен зовущим в бой трубам.

– Во имя Моола! – вторили все оглушающим хором, сев на колени, в ожидании молитвы.

– О Великий Моол, царь подземных владений! Твоя сила безгранична! Твои деяния – неоспоримы! ... – молился Кирфаор. Толпа шёпотом повторяла за ним.

Странно, но уже в который раз во время молитвы Моррот ощутил невероятную лёгкость, беззаботность, свободу. Прямо как тогда, в палатке, с закрытыми глазами… До того, как Тира всё испортила.

– … Да встрепенутся все неверные от имени твоего! Да преклонится пред твоим величием верный! – закончил Кирафор, бросил тёплый скальп на ближайшую повозку с трофеями и отправился в покои. Свита генералов и магов последовала за ним.

Не было в армии Нового Бура ни одного солдата, который бы не знал этой молитвы наизусть!

Следующий марш-бросок был прерван внезапным нападением вражеских отрядов. Несколько десятков стреков и дюжина боевых бобросов. Они хотели застать последний эшелон кротов врасплох. Не получилось. Неприятель сражался отважно, до последней капли крови. Моррот не сумел сдержать обещание и поспешил на помощь окружённой бобросами Тире. Болты его арбалета безжалостно настигали двух чешуйчатых зверей, а, когда подбежал ближе, в ход пустил когти. Но благодарить девушке за спасение некогда: битва со стреками была в самом разгаре.

Нападение совершено от беспросветного отчаяния – каждый понимал это. Возможно, отряд неприятеля совершил его наперекор воле главного командования. Это не метод военных мужей Митары – так неорганизованно и такими мизерными силами нападать.

Кроты с минимальными потерями перебили всех нападающих.

Но если бы всё ограничивалось одним боем. Противопехотные капканы здорово помотали нервы сапёрам. Это задерживало продвижение. Но, слава Моолу, на этот раз обошлось без жертв. С участившимися заклинаниями магических болезней тоже удалось справиться.

Ночью, как и всегда, разбили лагерь.

После молчаливого ужина, уставшие солдаты разбрелись по палаткам.

Когтистая четверня нежно ухватила Моррота за руку. Он раздражённо обернулся:

– Что такое? Я хочу спать.

– Морри, я… – замялась Тира. – Я… просто хотела сказать…

– Ну, чего там ещё? – буркнул крот.

– Спасибо тебе… Сегодня в бою… Ты говорил, что не поможешь, а помог…

Моррот посмотрел ей в глаза, приоткрыл рот, но слова грудой камней застряли в горле. Выпуклые глаза Тиры отражали звёзды. Тепло её руки приятно грело. Даже не грело – обжигало.

«Да ну это всё!» – подумал Моррот и страстно поцеловал Тиру.

Этим поцелуем он поджог фитиль, который быстро догорев, взорвал бомбу страсти.

«Может быть, хоть сейчас она успокоится?» – подумал Моррот, оттряхивая с себя песок и листья.

– Я люблю тебя, – прошептала всё ещё лежащая на земле Тира.

– И я тебя… – вдруг озвучил свои мысли Моррот, смутился и быстрым шагом устремился в палатку.

Чем ближе кротовья армия приближалась к Митаре, тем отчаянней держалась оборона. Противопехотные капканы встречались чуть ли не на каждые пять шагов. Потоки магических проклятий лавинами обрушивались на солдат. И не всегда волшебники успевали их отбивать… Ночами на лагерь совершалось по несколько нападений убийц-смертников, иногда даже целыми отрядами. Неприятель из отдалённых укрытий вёл снайперский огонь по марширующему войску.

Но подлая партизанская тактика не приносила нужных результатов.

Непоколебимый каменный исполин-крот, невзирая на все тяжбы, прорыл тоннель к окраинам Митары…

Город встретил гостей недружелюбной каменной стеной и широким рвом вокруг неё. Из воды рва в подзорную трубу виднелись хищно мечущиеся перепончатые плавники. Акульи выродки – метровые речные чёрные рыбы с четверным набором пиловидных зубов. Получили своё название за схожесть характера с морскими акулами. Прожорливы, злы и неимоверно опасны. Ни один мыслящий, даже помешавшийся рассудком, не захотел бы оказаться в воде в их компании.

Ждать было бесполезно. Тактика боя (нужно отметить, очень эффективная) Кирфаора заключалась в нападении. Без промедлений, задержек и отсрочек. Не дать врагу прийти в себя, собрать новые силы. Уничтожить сразу, разгромить, вырезать на корню, не дав взойти новым побегам.

На рассвете кротовье войско выстроилось вдоль линии нападения. Красное солнце заливало панцири доспехов предстоящей кровью сражения. Ни крошечного дуновения ветра. Молчаливая земля под ногами, казалось, застыла в болезненном ожидании смерти. Над городом кружила стая чёрных птиц. Они радостно кричали, предвкушая сытный трупный пир…

– Огонь! – махнул рукой Кирфаор.

Рассветная тишина разорвалась на части чудовищным грохотом канонады мортир. Смертоносный, рушащий всё град взрывных ядер обрушился на Митару. Стены крошились, раскалывались замки, дома, трескались причудливые купола храмов… Город полыхал огнём.

Пальба из мортир продолжалась до последнего ядра.

На вбитых в землю лафетах остывали дымящиеся стволы. Они выполнили своё предназначение.

Над когда-то непоколебимой, неприступной Митарой поднимался зловещий столб чёрного дыма. В небе замелькали фиолетовые точки – выжившие после обстрела, до последнего не верившие в происходящее, гражданские покидали город. И чем дальше они улетали, чем выше поднимался дым – тем обречённей становился город…

– Впер-р-рёд! – дико завопил Кирфаор. – Во имя Моола!

Босые когтистые ноги топтали землю. Звеня доспехами, выкрикивая имя своего бога, армия Нового Бура мчалась на штурм.

Раздались первые выстрелы вражеских бомбард. Уступая зоной дальности мортирам кротов, они ни чем не уступали смертоносностью. Рвущиеся ядра косили шрапнелью целые отряды. Зарытые противопехотные капканы уносили в потусторонний мир всех, кого только могли.

Но доблестные солдаты не останавливались, слепо мчались за ведущим их в бой Кирфаором.

Вышедшее из зоны обстрела бомбард, войско приближалось к стенам Митары. На шквальный огонь лучников, кроты ответили прицельным арбалетным. Сражённые болтами стреки падали со стен. В воду – на радость акульим выродкам. Раненные, убитые кроты застилали землю.

На стены забрасывали верёвки с крюками, лестницы. Солдаты Нового Бура взбирались вверх. Кислотные бомбы, вылитые чаны раскалённой смолы, стрелы, парящие в воздухе, безжалостно атакующие стреки… Не будь кроты так упрямы от природы, никогда бы им не взять те стены.

Группа воинов пробилась к держащему ворота механизму, срубила цепи. Безумно скрипя от беспомощности, звеня разорванными цепями, деревянная туша ворот поверженным трупом повалилась поверх рва, образовав мост в город.

– Дверь поддалась! – бешено завопили кроты и устремились через возникший проход вглубь города.

Уцелевшие здания дико перемешивались с разрушенными и пылающими руинами. Когда-то полные деловитых прохожих, улицы были перерыты траншеями, завалены баррикадами и… телами… обгоревшими, разодранными, изувеченными, застывшими в немом крике беспомощности…

Стреки дрались как бешеные дигры: ни шага назад, только смерть или победа.

Первыми встретили кротов боевые бобросы. Бесстрашные преданные животные, один за другим, они умирали за идеалы хозяев…

Чудовищно кровопролитный бой длился до вечера. Ни один защитник Митары не выжил…

Город повержен. Победа за Новым Буром. Но вместо радости – кротов ожидала глубокая скорбь.

Над бездыханным телом Кирфаора, склонив голову в великой печали, стояли выжившие в битве воины. Среди них были Моррот и Тира.

Война выиграна, но без Главы сама суть этой войны терялась, блекла, уходила в небытиё…

Победители вернулись домой побеждёнными.

Начались дни до безобразия размеренной мирной жизни. Гром канонад и предсмертных криков постепенно стихал в головах солдат. Прежние заботы о доме, семье и близких медленно, но бесповоротно заменяли их место.

Моррот всерьёз задумался о дальнейшей жизни. Роль вечно одинокого любимца женщин его больше не прельщала. И он, недолго думая, предложил Тире создать семью. Не трудно догадаться, что влюблённая в него по ушные отверстия девушка ответила взаимностью.

И всё бы ничего: завели бы детей, отстроили большой дом... Вот только новый Глава города Сприфанот возобновил былые дружеские отношение с поверженной Митарой!

Как-то вернувшись после шахтных работ, Моррот обнаружил самое ужасное, что только могло произойти в его жизни. Тира лежала на постели. На первый взгляд спала, но на самом деле – мертва. Отравила себя ядом полосатой гадюки… На полу рядом с ней лежала записка:

«Прости меня, мой дорогой Морри, но я никак не могу простить поступка нашего нового Главы!»

Моррот тогда и выгорел весь внутри. От него осталась лишь внешняя оболочка – говорящая, иногда даже улыбающаяся, принимающая решения… Но внутри не осталось ровным счётом ничего. Пустота. Невыносимая яма непрекращающейся ни на миг душевной агонии. И все попытки залить эту чудовищную яму вином, застелить пеленой развратных ночей с проститутками и былыми подругами – лишь углубляют её…

Морроту стал ненавистен его дом, его город, его соратники, друзья и родственники. Ему стал ненавистен он сам. Крот ушёл из Нового Бура. И с тех пор он никогда не оглядывался. Никогда не хотел вернуться.

Моррот проснулся в холодном поту. Уже больше сотни лет прошло, а события тех злополучных дней всё всплывают у него в кошмарах.

Глава 11: ***План***

Гряда заснеженных верхушек Заколдованных Гор вырастала над горизонтом. Бока бурых перистых туч заливались жёлтым маслом обеденного солнца. Копыта и колёса равняли с землёй высокую траву. Шакалы утопали в густой растительности, но всё так же преданно следовали за повозкой, которой правил их хозяин.

Тартор не спускал глаз с нового попутчика – Краспа. Где это видано, чтобы так просто взять его с собой? Они ведь опытные наёмники, Гирен всё подери! Да что там опытные – одни из самых лучших, если не самые во всём Главном Материке. Мало ли кем незнакомец оказаться может. Вдруг, шпион подкидной, наседка? А если и не шпион, то ворюга какой-нибудь. Ночью взломает сундуки с золотом – и поминай, как звали. Хотя, это очень и очень маловероятно: обойти смертельные ловушки Тоса пока ещё никому не удавалось… Но, всё равно, не нравится новый попутчик Тартору и всё тут! Его располагающее к себе лицо, пламенные, полные горечи и боли речи не действуют на Таротра. Ну и что? Всё равно, последнее решение за импульсивной капитаншей…

Филика сидела на крыше, разглядывая окраины в подзорную трубу. Искрящиеся на солнце снежные гребни, лоснящиеся дождевыми каплями трава и деревья, навалы камней, небольшое озерцо с ивами, печально склонившими к нему ветви, пьющий воду благородный техномонстр… ТЕХНОМОНСТР!!!

Да, именно магомеханическая тварь! Кажется, раньше эту модель называли «четыреног». Так вот почему эти чудища до сих пор живы: они постоянно обновляют запасы воды для паровых двигателей. Видимо, и дрова сами добывают, гады механоползучие.

Словно услышав размышления Филики, четыреног отпрял от озерца и налёг передними ногами и туловищем на иву. Вылезшее с корнями дерево повалилось на землю. Растерзав ствол покрытыми заметной ржавчиной, но всё же острыми конечностями, техномонстр принялся «поедать» дрова открывшимся в брюхе отверстием.

Нет, кареты в этих местах оставлять не безопасно. По крайней мере, до тех пор, пока поблизости шастает стальная смерть. Опыт прямого столкновения с техномонстрами у Ищеек Смерти имелся, но очень уж скудный. Обычно, удавалось избегать схваток, просто обходив механическое существо стороной. Только один раз довелось уничтожить кинувшегося на лошадей мечника. Как припоминала Филика, тогда механизм навеки успокоился, вкусив несколько свинцовых пуль из её пистолетов. Враки это всё, про ужасающую мощь и неуязвимость техномонстров – стрелять просто уметь нужно!

Филика приказала остановить кареты, излишней безопасности ради, потребовала команду вооружиться, а сама достала излюбленное до трепета в сердце кремневое ружьё с подзорным прицелом.

Громкий хлопок выстрела распугал птиц, так внимательно наблюдавших с ветвей деревьев за наёмниками. Техномонстр прекратил «древесную трапезу» и принялся суетливо крутиться по сторонам. Ещё один выстрел. Сталь на боковом панцире механизма брызнула искрами. Четыреног обнаружил нападавших и помчался вершить возмездие. Третий выстрел гулким эхом разнёсся по округе. Безжалостный свинец прогрыз металлическую обшивку насквозь. Создание маго-механического гения Тризолуса захромало на левые конечности. Но оно продолжало приближаться к обидчикам, целясь стволом из наспинной башни в Филику. Но откуда позабытому всеми механизму взять снаряды? Механизм приблизился на расстояние обычного выстрела. Не зря, оказывается, Филика приказала подчинённым вооружиться. Моррот всадил арбалетный болт прямо в башню. Остальные открыли пальбу из мушкетов.

Тартор всё не сводил глаз с Краспа: а прим очень даже неплохо управлялся с оружием. Стойка, дыхание, спуск крючка – отточенные, поставленные. И в меткости ему не занимать. Может, он и вправду охотник...

Свинец и сталь рвали механическое существо на части. Оно всё медленней перебирало лапами, брюхо начало тесаться о землю пока

полностью не легло на неё. Словно у проткнутого булавкой паука, лапы четыренога судорожно задрожали. Можно было только догадываться, какие жалобные вопли издало бы существо, умей оно это делать.

Жалко ли было наёмникам затравленную, уничтоженную их руками тварь? Конечно же нет! Оно ведь механическое, в нём нет и капли жизни, ведь верно?

Вероятная опасность миновала. Можно продолжать путь.

Спустя несколько часов, кареты прибыли к подножью горы. Невдалеке грядой мелких водопадов и порогов начинала свой гордый путь река Нали. Уже на подходе каждый наёмник ощутил какое-то странное чувство, похожее на перемешанные страх, неприязнь и восторг одновременно. Это нормально, ведь Заколдованные Горы получили своё название не просто так…

Ох, и дурная молва ходила по всему Материку про эти места. Странные, леденящие кровь, непредсказуемые вещи происходили в них. И даже если отмести половину самых лихих россказней, как явно выдуманные, картина всё равно вырисовывалась очень и очень пугающая.

Но такова уж роль наёмников: не отступать там, где обычный человек в страхе пятится обратно к тёплому домашнему очагу…

– Прибыли, – фыркнул Тартор. – Что, горный человек, доволен отсутствием экипировки?

– Вполне, – обнажил в ехидной ухмылке жёлтые зубы Тос, осматривая отлогие подъёмы и опасные каменистые склоны.

– Тар, твой страх высоты службу нам хорошую не сослужит… – высунулся из-за рыжей гривы Моррот, привязывавший лошадей.

– Да что вы ко мне прицепились? – повысил голос Тартор. – Нет у меня никакого страха высоты! Не было никогда! И не дождётесь!

– Тогда чего ты шкулишь как голодный щенок хокоры? – поинтересовался Тос.

– Никто не скулит! – продолжал скулить Тартор.

– Скулишь, скулишь, – попали в унисон Филика и Моррот, вновь высунувшийся из-за лошадиной гривы.

– Неужели никто больше не разделяет моих опасений? – Тартор с надеждой поглядел на соратников, даже на Краспа мельком глянул. Но поддержки в глазах не прочёл, насупился и пошёл точить клинок своего любимого эспонтона.

– Ты, Тар, кстати, можешь не переживать, – заговорила Филика, и в голосе её читалось ликование.

– Что, ты мне крылья пришьёшь? – попытался съязвить Тартор.

– Нет, гораздо лучше, я тебя оставлю здесь, – блеснула золотыми клыками Филика. – Будешь за лошадьми следить, повозки охранять…

– Ты чего это? – вмиг посерьёзнел Тартор и отложил клинок. – Я думал, этим наш новый попутчик займётся… Ну, или Моррот.

– Ты ведь знаешь, Тарушка, думать – очень вредно, – добивала его Филика. – Я за тебя этот грех – думать – на себя взяла. Так что хочешь, не

хочешь, а останешься ты у подножья гор. Будешь наш тыл стеречь. Заодно и лазить по крутым склонам не придётся. Не работа, а малина…

– Слушай, капитанша, это ведь не дело! – подскочил к ней взволновавшийся Тартор. – Там ведь эти «герои» встретиться могут. Куда вы без меня? Чего это ты выдумала? Оставь этого Краспа, будь он неладен, – Тартор повернулся к обиженно поджавшему губы приму.– Уж извини, Красп, но сто лет ты нам в горах не нужен! Твоя жажда мести только к провалу приведёт! Тос, Моррот, разве вы не видите этого? – друзья виновато отвели взгляды.

– Пошли отойдём подальше, – твёрдым, как сталь из погибшей Стальни, голосом приказала Филика, крепко сжав Тартору руку и потащив того в сторону. – Сейчас я тебе кой-чего расскажу…

У Тартора ледяные жучки по телу заползали: сейчас-то ему капитанша устроит «сладкую жизнь».

Они спрятались от любознательных глаз (а главное – ушей) соратников за навалом камней. Тартор зажмурился в ожидании смачной оплеухи, но вместо этого услышал спокойный, можно даже с натяжкой сказать – оправдывающийся голос Филики:

– Тар, поверь мне, так будет лучше для нашего дела.

– Как, ты не будешь меня наказывать? – опасливо приоткрыл глаз наёмник.

– Слушай, мы с Тосом не посвящали тебя в наш план. Вы там втроём с Морротом и Краспом в карете. Не было подходящего момента… – глаза капитанши заговорщически блеснули. – Короче говоря, этого прима мы подобрали не от душевной щедрости. Ты сам прекрасно знаешь, что каждый шаг у нас выверен. Иначе не быть нам Ищейками Смерти! Он нам нужен как наживка. Понимаешь о чём я? Парфлай предупредил, что заказанных силой мы не возьмём. Ну и что с этого? Хитрости никто не отменял. У этого стрека, видимо, котелок только в одном направлении варится. Я ведь тоже не хотела прима с собой брать. Нужен он нам, как дигру второй хвост. Тос тогда сказал, что не против, а мне, незаметно от всех, подмигнул. А ты ведь знаешь, что это значит. Тос решениями не раскидывается. Если что-то сказал, значит – обдумал. Да так обдумал, что всем нам и не снилось. На месяцы и годы вперёд обдумал, – Филика мысленно ушла в себя.

– Ну? – перебил полёт её восхищённой фантазии нетерпеливый Тартор.

– Ну… – принялась собираться с мыслями командирша. – В общем, Красп для нас что-то вроде червячка на крючке. Его ненависть к нашему «объекту для умерщвления» можно использовать с корыстной целью. Сам посуди, что этот жалкий охотничешка сможет сделать Дриму или Бирюку? Верно – сдохнуть, не причинив и мизерного вреда!

– Слушай, а мы не сильно громко разговариваем? – перебил её опасливо поглядывающий по сторонам Тартор. – Наш «червячок» может сейчас быть где-то неподалёку…

– Исключено, – отмахнулась Филика, – Тос за всем проследит. Это ведь, в конце-концов, его идея… Так вот, про червячка… Как же правильно его использовать? Всего-то и нужно: вовремя спустить его с цепи, когда найдём заказанных. И тут главное – не промахнуться. Уничтожить его до того, как это успеет сделать кто-то из владельцев Смертоптицы. А дальше? Ты сам прекрасно догадываешься, что дальше. Предлог втереться в доверие – железный. Знакомимся, общаемся, можем даже попутешествовать немного вместе – всё по ситуации. Ну, а в конце…

– В конце – домик на берегу речки, свои виноградники, дети, внуки… – размечтался Тартор.

– Что-то вроде, – скривилась Филика.

До заката оставалось не больше получаса. Наёмники не стали отходить от своих традиций и остались ночевать в лагере. На штурм волшебных горных просторов нужно идти выспавшимися, полными сил.

Солнце ещё не успело вступить и временно победить в вечной борьбе с мраком, а Ищейки Смерти уже были полностью собраны, готовые отправляться в тяжёлое, полное невиданных опасностей путешествие.

Для облегчения поисков, было решено разбиться на две группы: Моррот и Тос – в одной; Филика и Красп – в другой. Чтобы поддерживать друг с другом связь, пришлось вытаскивать коробочки со спящими фитасами – крупными крылатыми насекомыми, идеально подходящими для этой цели. К счастью, передохли не все: выживших существ для выполнения задания хватит. Фитасы абсолютно безвредны для любого мыслящего, к тому же, они известны своим вечно сонным состоянием. К их брюшку просто грех не привязать записку. Стоит хорошенько потрясти насекомое, и оно тут же возжелает убраться от вас куда подальше. Так уж природой создано, что фитасы при любой беде всегда возвращаются в место своего рождения. И этому удивительному свойству ещё несколько тысяч лет назад находчивые древние примы нашли применение. Вылупившиеся из куколок, к примеру, в обыкновенной деревянной коробке, они никогда не спутают её с другими, такими же: всегда прилетят к ней в случае опасности. Прекрасный воздушный гонец с запиской на брюшке незамедлительно прилетит к обладателю таковой коробки. Просто великолепно!

Фитасы были вытянуты наёмниками из родных коробочек и распиханы по новым. Филика подписала коробочки: «Тартор», «Филика и Красп», «Моррот и Тос». Теперь, чтобы отправить какое-нибудь гневно-язвительное послание, скажем, Краспу, Тартор должен достать коробочку с нужной надписью, привязать записку к насекомому и как следует его потрясти. Дело сделано – фитаса спасается от живодёра Тартора, ища укрытие в родной обители, коя небрежно болтается на рюкзаке Краспа…

Но вообще, Ищейки Смерти очень и очень редко обращались к услугам этих замечательных насекомых. Не доверяли, что ли? Трудно сказать.

Походные мешки покачивались в такт ходьбе. Тартор глядел на идущих в предрассветную горную тишь соратников. Платиновые монеты лун освещали им дорогу.

– Удачи вам, – полушёпотом произнёс он и отправился в палатку. Спать. А что же ещё ему оставалось делать?

Глава 12: ***«Кожаные крылья»***

Есть выражение: «Так сложно, как искать золотую монетку на дне Западного Бура». Моррот всё время его вспоминал, стоило им с Тосом покинуть лагерь. Крот был свято убеждён, что даже такое нелёгкое дело, как вылавливание монетки со дна стремительной реки – вполне выполнимое. В отличие от предстоящих поисков… Горная гряда на десятки километров расползалась во все стороны. Тут и жизни целой не хватит всё изучить!

Но размышления – размышлениями, а дело выполнять надо.

Заливая кровью снежные верхушки, солнце обречённо поднималось в небо.

Тос опытным взглядом скалолаза осмотрел округу и выбрал лучшее место для подъёма. Моррот не стал с ним спорить.

По крутой каменистой насыпи пока удавалось передвигаться без дополнительных приспособлений. Ремни походных сумок всё больнее впивались в плечи. Чем выше, тем холоднее. Вскоре пришлось надеть тёплые куртки.

Тос шёл впереди. Уверенно и сосредоточенно. Обвязанная вокруг него верёвка уходила за спину длинным отростком, обвивающим Моррота. Только верёвка натягивалась, Тос, не оборачиваясь, переставал идти, ждал не поспевавшего за ним товарища. Прим был сосредоточен на подъёме, всё остальное для него переставало существовать. Моррот бурчал под нос проклятия на всё, что только возможно: на щебечущих непонятно откуда птиц, на прозрачное небо, на ослепительные блики солнца, так не подходящие к чёрным тучам его плохого настроения, на холодную землю под ногами, на Тоса, бодро взбирающегося по сыпучему грунту, на тяжкую жизнь наёмника, на жизнь, как таковую… Здоровье крота уже совсем не то: отдышка, быстрая усталость, лень… Чтоб его, к Гирену! Нога соскользнула, посыпались камни – Моррот повалился и протесал брюхом метров пять, пока верёвка полностью не натянулась и не дёрнула Тоса, увлекая того за собой. Моррот пытался затормозить когтями, но каменистая почва предательски осыпалась. Наконец-то кроту удалось ухватиться за каменный уступ. Вот только катящийся кубарем, громко вопящий ругательства Тос налетел на него и они вместе продолжили «спуск», обдирая об камни всё, что только возможно, теряя на ходу экипировку и провизию из разодравшегося об острый камень походного рюкзака прима. Скорость тревожно нарастала, ухватиться было не за что. Очень и очень нехорошие обрывки мыслей закрадывались в головы наёмников…

Этим «нехорошим мыслям» вполне суждено было свершиться, если бы не оказавшийся на пути валун. Вначале ногами, а потом и походной сумкой Моррот впечатался в него. Тосу смягчил удар крот. Если бы они при этом ещё и не стукнулись до божественных звёзд в глазах лбами – было бы вообще великолепно.

– Ну ты и долбоё… – хотел сказать что-то ободряющее Тос и потерял сознание.

Седой крот отключился следом.

Усиливающийся к вечеру холод не дал долго отдыхать. Первым очнулся Тос. Всё тело ныло от боли, пальцы обжигало морозом. Кое-как поднявшись на подкашивающиеся ноги, он с ужасом обнаружил, что Моррот не дышит…

Помер? Да не может такого быть! Столько пройти в своей жизни, чтобы подохнуть так бесславно? А ну вставай, увалень, хватит отдыхать!

Тос принялся бить товарища по щекам.

Удивлённые, уставшие, безразличные глаза старика, а совсем не волевого наёмника, открылись.

– Ты это чего? – прошептал Моррот еле подвижными от холода губами.

– Шукин ты шын! – обрадовался Тос. – А я думал…

– Не моё ещё время, – более твёрдо ответил крот.

– Ты можешь пошевелитьша? – спросил Тос.

– Сейчас попробую, – Моррот попытался подняться, но ужасная боль жгучими вихрями пронеслась по телу, и он повалился на спину. – Ничего, сейчас, – крот попытался вновь подняться, но чудовищная боль прошлась по нему своими демоническими когтями ещё сильней.

– Начинает темнеть, – словно не замечая критического состояния товарища, сказал Тос. – Мой походный мешок дал течь… Экипировка, оружие… Каким-то чудом иж него не выпал только пакет ш вяленой курятиной, – прим отстегнул ремни с плеч Моррота и внимательно осмотрел мешок. – Твой, вроде, целый. Правда, ш арбалетом швоим попрощатьша можешь… – Тос отстегнул от наружного крепления потрескавшийся приклад – всё, что осталось от арбалета. – Хорошо – кирка плотно упакована. Так бы торчала она у тебя иж шпины, можешь не шомневатьша!

– У меня всё горит, – признался Моррот.

– Придётша шпать в мешке одном, – сказал Тос, роясь в рюкзаке, – Гляди, целое, – он вытянул металлическую флягу с лечебным отваром. – Выпей, – поднёс откупоренное горлышко к губам крота. Моррот жадно вылакал всё до остатка.

Где они были, там Тос и разложил палатку. Ну, палаткой это мизерное сооружение из кожи развёрнутого походного мешка и металлических палок назвать можно было весьма условно. Благо, удалось кое-как «заштопать» зияющую дыру в мешке с помощью вырезанных из него же тонких кожаных лоскутков. В вырезанные ножом дырки прим продел лоскутки и завязал. Не идеально, но всё же… К счастью, палки для палатки лежали в мешке Моррота.

Вот с фитасами не повезло. Все коробочки с насекомыми находились в рюкзаке Тоса… Радовало, что их родная коробочка лежала у Моррота. Она, конечно же, растрескалась, но запах её обломков всё-таки должен привлекать крылатых гонцов.

Перед сном наёмники подкрепились курятиной и вином. Крот чувствовал себя уже значительно лучше, но до идеального состояния – ещё далеко.

Умудрившись завернуться в один спальный мешок, под укрытием хилых стен палатки, они провели ночь.

Утро было морозным. Тос собрал покрывшуюся инеем палатку обратно в походный мешок. Шов на дыре казался достаточно крепким, поэтому рискнули часть вещей из рюкзака Моррота переложить в рюкзак Тоса.

Позавтракали, как это водится, курятиной с несколькими глотками вина. Как всё-таки хорошо, что сообразили всю выпивку перелить в металлическую посуду!

Тяжёлое покорение горы можно продолжать.

– Жавидую я вам, кротам, – говорил Тос, принявшийся аккуратно взбираться по коварной каменистой почве. – Живёте дольше и выждоравливаете быштрее вщех, жашранцы.

– Живём – да, – отвечал не в пример вчерашнему вечеру бодрый и полный сил, едва заметно прихрамывающий Моррот, – выздоравливаем – нет. Волки ещё быстрее.

– Я этих хвоштатых мышлящими не щитаю… – фыркнул Тос и замолчал. Сосредоточился. Впереди сложный и опасный подъём.

Склон становился круче, подниматься – всё сложнее. Вскоре одними ногами обойтись уже нельзя было: начиналась отвесная скала, вгрызавшаяся исполинскими стенами в молочную вату облаков.

Тос начал восхождение. Тяжёлое, медленное, упорное и опасное. Моррот взбирался следом, но не секрет, что вся ответственность лежала на мускулистых плечах прима. Бывшего анархиста и каторжника, а сейчас – охотника за головами, наёмника.

В узкие расщелины Тос забрасывал самодельные закладки – тонкие стальные тросы с петлёй с одной стороны и намертво привязанным металлическим наконечником в форме расширяющейся трапеции – с другой. Стальные тросы купить в Пашнях удалось без проблем. А вот с наконечником пришлось повозиться: обойдя (все три!) магазина и ничего не обнаружив, пришлось переплачивать занятому ковкой подков кузнецу. Раздобрившийся от приобретённого обилия золотых монет в карманах, мастер запряг всех своих подмастерьев и уже через два с лишним часа – заказ был готов. Вязать узлы на стальных, пусть и тонких, тросах – дело трудоёмкое и сложное. Тос лично взялся за него, ревностно никого близко не подпуская. Благо, времени путешествия до Заколдованных Гор было предостаточно, чтобы всё закончить.

Закинув закладку, прим сильными рывками проверял её на прочность. И только после этого – пристёгивал к ней карабин верёвки. Взбирался по новообразованной ступени выше и принимался искать место для следующей.

Морроту только и оставалось, что пристёгиваться к установленным закладкам, собирать использованные и подавать их Тосу.

Было гиреновски холодно. Сильный ветер морозом обжигал лицо и шею, пробирался в отвороты тёплой одежды и чудовищным льдом обдавал взмокшее от пота тело. Чем выше, тем больше были покрыты скалы изморозью, а потом и тонким слоем льда. Подъём начал становиться критически опасным. Скользящие руки и ноги, соскакивающие с места закладки – словно кричали о неминуемом срыве…

Солнце зашло, завесив небо покрывалом ярких красочных звёзд и двумя лунами: одной в форме тонкого рожка, другой – исхудавшего от смертельных хворей щенка хокоры. Морроту это случайно пришедшее на ум сравнение очень сильно не понравилось. Во-первых, ему никогда не нравились хокоры, в особенности их отвратительные щенки. Во-вторых, крысон с теми хокорами, ночного света не хватит для продолжения восхождения. А если и хватит, то сил-то уж точно на него не осталось!

Словно прочитав мысли товарища, Тос прекратил подъём.

– Что, дружище, влипли мы ш тобой? – подытожил он.

Моррот промолчал в ответ. Он так устал от всего этого, что плевать хотел на подъём, на друга, на то, что висел на отвесной скале в нескольких километрах от ближайшей твёрдой поверхности под ногами. Ему хотелось просто поспать. Ну, или умереть, на крайний случай…

– Ничего, не пропадём… – неуверенно сказал Тос. – Мои древние предки – так те вообще на деревьях вщю жижнь проводили. На вышоте… – от этого слова похолодело под лопаткой. – Тебе холодно?

Крот опять промолчал. Его рука потянулась к карабину.

– Эй, друг! – выкрикнул заметивший отчаянный жест товарища Тос. – Ты это мне брось! Шамоубийштво – для тюфяков вроде Линтуша Бежупречного…

– Прости, Тос, но я не разделяю твоего оптимизма, – заговорил крот, отняв руку от карабина. – Если мы перестанем подниматься, а мы уже перестали, то спустя час-другой замёрзнем насмерть. Уж лучше я полетаю, чем постепенно в ледяную глыбу превращусь…

– Ну ты и шлабоумный шын гиены, ха-ха! – почти ободряюще рассмеялся Тос. – У наш же ешть шпальный мешок. Щейчаш я вшё уштрою!

Моррот тупо глядел на устанавливающего закладки Тоса. Действительно, чего это на крота нашло? Жёсткий приступ суицидальных мыслей. Давненько такого не было. Ой как давненько…

Не так-то всё и плохо, если трезво посмотреть.

Ночевать подвешенными к сомнительного качества самодельным закладкам, закутавшись с лицами в один спальнй мешок? Да пожалуйста! Зверски холодно? Вино легко справится с этой проблемой! Чудовищно неудобно? Ха! Закалённый наёмник умеет спать в седле мчащейся лошади, спать стоя с открытыми глазами и даже вниз головой за ноги подвешенный, тоже должен уметь спать, сил набираться! Ну, вниз головой – это уже

слишком, допустим… Но вот горизонтально висеть и спать – всегда пожалуйста!

Пусть и тяжёлая, ночь подошла к концу. И, не смотря ни на что, Моррот и Тос хоть и не выспались как следует, но сил на продолжение подъёма набрались предостаточно. Словно на пикнике каком-нибудь, они поели курятину и принялись за восхождение.

Опасная тонкая ледяная корка нарастала. Вскоре превратившись в толстый наскальный лёд. Прекрасный, спасительный наскальный лёд!

Критический участок миновал. Подъём значительно ускорился. Тос орудовал кирками. Моррот – когтями. Спрятанные перчатками руки горели от бурлящей крови. Горячий воздух, вырывавшийся из ноздрей и рта наёмников, превращался в ледяной пар. Усталость засыпала лавина желания добраться до вершины. К тому же, туман облаков не был таким густым, каким казался издали.

Кто бы мог подумать, что прирождённый скалолаз Тос допустит ошибку? Конец пути размыто выплывал из тумана. Жажда покончить с этим богами проклятым подъёмом ослепила его. Прим ускорился. Забыв о безопасности… Очередной удар киркой в непроверенный лёд, резкое смещение веса на неё и… отколотый лёд… срыв… увлекаемый тяжестью натянувшейся верёвки, Моррот сорвался следом…

– Хря, – вымолвил непонятное слово Тос в то время, как монстр силы тяготения вцепился безжалостными лапами в его спину и потянул на смерть. Многие мыслящие, пережившие близость гибели, утверждали, что в считанные секунды перед их глазами взбесившимся калейдоскопом мелькали события их прожитой жизни. Измены, предательства, обиды, радости, горести и давно ушедшие в небытие детские воспоминания… Тос за свою карьеру наёмника, да что кривить душой, и до неё тоже, успел побывать в неисчислимом количестве подобных ситуаций. И каждый раз, он испытывал совершенно другое чувство. Пустоту. Безжалостную, злую и холодную. Всё вокруг действительно замирало: время на какие-то доли секунд останавливалось. Но никаких образов, никаких воспоминаний – глухая пустота, в которой чудовищным барабаном отбивает собственный пульс. А может быть, это потому, что каждый раз тем или иным способом удавалось избежать смерти? И не пришёл ещё час воспоминаний? Как же не пришёл? Сейчас как раз и настал. Из непроглядного колодца памяти принялись всплывать яркие образы. Отец, за что-то избивающий мать на глазах малолетних двойняшек: сына и дочери; тяжёлая деревянная указка пахнущего мятой и гнилью учителя-драга, отбивающая пальцы не выучившего урок Тоса; умершие от чумы мать и сестра-двойняшка; расистское избиение в школьном дворе группы стреков; первые анархистские собрания в подвале колледжа; провальный штурм здания городского сената родного города Нортисп; разрывающие плоть плети надзирателей; постылая свобода: отчаяние, боль, нежелание жить; случайная встреча с обворожительной Филикой в

хозяйственном магазине (нужно было купить мыла и верёвку…); тяжёлая, полная опасностей, но вдохнувшая в него новые силы жизнь наёмника…

– Ну ты и долбоё… – перекривлял позавчерашнее ободрение Тоса Моррот и замолчал на полуслове, так как в лицо ударил сорвавшийся кусок льда. Кусок был небольшим, но удар всё равно оказался неприятным. Крепкие когти рук и ног Моррота намертво засели в обледеневшей скале. Ещё бы – жить захочешь…

Просто не верилось, что сорвавшийся следом крот умудрился вновь зацепиться за лёд. И как зацепиться!

– Шлышь, Мор, – перекрикивая своё дикое сердцебиение, заговорил Тос. – Кирку выронил… Одна ошталащь.

– Смотри эту не потеряй, долбень, – посоветовал Моррот.

Тос глубоко вздохнул. Прекрасный, свежий воздух жизни…

Вверху взбирался Моррот. В сущности, вся надежда теперь была на него. Тос поднимался следом. С одной киркой это удавалось весьма жалко. Сапоги с вручную приделанными шипами – помощник ей весьма ненадёжный…

Чуть ли не приведший к гибели, срыв значительно увеличил время подъёма. Но бесконечно этот ужас продолжаться не мог, хоть и казался наёмникам сотней вечностей.

Запыхавшийся, уставший, измученный, обозлённый и в буквальном смысле выжатый как какой-нибудь восточный фрукт, нет, как сотня восточных фруктов, Моррот подтянулся, перевалился грудью, отполз подальше от обрыва, упёрся ногами в ледяную глыбу и вытянул к себе Тоса. Сказать, что это было проделано из последних физических сил – ничего не сказать. Последние силы покинули крота ещё до злополучного срыва. Он, да и Тос тоже, были ведомы лишь силой воли. Твёрдой и могучей силой воли, которой обязан обладать каждый наёмник…

Вершина горы взята!

Ха! И что теперь, Заколдованные? Не такие вы уж и страшные! Подумаешь, боязливые горожане, никогда за пределы своих жалких домишек не ступавшие, навыдумывали про вас небылиц! Самые обыкновенные себе горы. Да, опасные и непредсказуемые, как это и подобает горам. Но вот колдовства в вас – не больше, чем в дигре чешуи. Хотя, если дигру посчастливилось сожрать линяющего драга…

Отдышавшись, набравшись сил, наёмники осмотрелись вокруг.

Верхушка представляла собой отлогую заснеженную глыбу. Среди искрящейся на солнце снежной пустоты одиноким истуканом возвышалось узловатое обледеневшее дерево. Да, не густо…

Зато открывался великолепный вид на величественные горы, сотнями скалистых, покрытых льдом титанических пальцев тянущиеся к небу. К сожалению, подзорная труба, вместе с остальным инвентарём, вывалилась из походного мешка Тоса. Но и без неё можно было разглядеть чёрную матовую точку на одной из верхушек гор.

– Ты видишь, что и я? – потирая уставшие глаза, спросил у товарища Моррот.

– Швятой Моол, это ведь Шмертоптица! – подтвердил Тос.

– Вот и вознаграждение за труд тяжкий! – потёр начинающие замерзать руки крот. – И, как назло, нет ни одной фитасы, чтобы Филике рассказать…

– Они, видимо, не защекли ещё… – сказал Тос и отпил вина из фляги. – Передохнём немного?

– Разве что – немного… – согласился Моррот, доставая из рюкзака опостылевшую курятину.

Послеобеденное солнце было благосклонно, ветер напрочь отсутствовал. Если не стоять всё время на месте – холода не чувствовалось. Наёмники подкрепились, набрались сил и принялись за сооружение «кожаных крыльев». Из сложенных тупым клином металлических палок и развёрнутых рюкзаков получился великолепный аппарат для скольжения по воздуху. Верёвки, до этого служившие страховкой при подъёме, двумя рядами параллельно идущих петель свисали с металлического каркаса – почти удобные места для путешественников. В идеале на этих петлях для смягчения впечатлений должны были лежать спальные мешки. Так как одного мешка не хватало, то и место одно было не застеленное. После недолгого спора, место с мешком досталось Морроту. Его старому телу нужно немного покоя… Также отдельные верёвки крепились к крыльям и служили жалким подобием направляющего механизма.

Ждать было нечего. Солнце должно светить не меньше двух часов. За это время до цели долететь – плёвое дело. Пусть у наёмников и не велик опыт полётов…

Тос нервно вздрогнул от горячего шершавого прикосновения к шее. Обернулся. Ничего необычного не предстало его взору: всё те же фиолетовые стены, пол и копошащийся оранжевыми змеями потолок лабиринта бесконечности. Ощущение времени исчезло. Да и было ли оно раньше? Было ли вообще раньше хоть что-то до этих незыблемых коридоров? В памяти бледным маячком мерцал ответ. Но всякий раз ускользал, стоило Тосу потянуть за ним руку.

Мерзкое чувство стоящего за спиной врага липким гноем заливало душу. Но сколько бы Тос не оборачивался – всё та же пустота. Лишь стены – безмолвные надзиратели…

Лабиринт успокаивал своей бесконечностью. Идёшь ты или стоишь на месте, всё равно исход один – забвение. Сладкое, лёгкое и приятное забвение. Совсем-совсем не страшное.

По коридору прокатился злобный утробный рык, оборвав безмятежные мысли. Пол содрогнулся, словно на него повалилась каменная колонна, затем ещё раз и ещё… Свирепый рык зловещим эхом вздыбливал каждую волосинку на теле прима. Чудовищный обитатель лабиринта свинцовыми шагами приближался к посмевшему нарушить его одиночество.

Тос помчался прочь. Прямиком по коридору, не сворачивая. Пол был ледово-гладким и от непривычки прим несколько раз упал. Потом более-менее пристрастился: бежать нужно короткими шагами, едва отрывая стопы от пола.

Но как бы быстро не передвигался Тос, злостный рык и молотами отбивающиеся по полу шаги не смолкали. Что-то здесь не совпадало с реальностью. Но это не вызывало удивления, ведь в лабиринте бесконечности может происходить всё что угодно.

Тупик. По сторонам только стены. Нужно бежать назад. Но там надвигающаяся смерть… Что было сил, Тос устремился назад. Коридор закручивался дугой, и приближающееся чудовище нельзя было увидеть. Зато всё явственнее чувствовался его жар и гнилостный запах. Шерсть на теле прима слипалась от пота. Страх ледяным ветром обжигал сердце, желудок и кишки. Казалось, ещё чуть-чуть и выглянет из-за скруглённой стены уродливая морда смертоносного зверя. Но нет, примыкающий справа коридор впустил Тоса в своё спасительное чрево.

Злобный рёв чудовища оглушающей волной пронёсся по лабиринту. И затих. Прекратились и шаги. Но опытный наёмник Тос не сбавил шаг. Кому как не ему знать, что тишина таит в себе больше угрозы, чем самый громкий и пронзительный крик?

Коридор рассыпался на пять одинаковых рукавов. Размышлять было некогда, и Тос устремился в четвёртый слева, ведь его любимым числом была четвёрка. То ли из-за того, что руки у него было четыре, то ли ещё по какой-либо более скрытой причине…

Бледно-розовое тело, покрытое язвами и длинными бугристыми наростами, густыми пучками торчащими повсюду. Узкий кроваво-красный глаз, слезящийся ярко-жёлтой слизью. Толстые как стволы дуба отростки ног. Громадная разверзнутая пасть вглубь зоба покрытая рядами шиповидных зубов. Тос зажмурился. Не так от страха, как от безысходности. Воображение его порождало ужасные кровавые образы. Разрывающие плоть, крошащие кости зубы. Чудовищная боль. Звон предсмертных колоколов…

Тос открыл глаза. Фиолетовые стены и оранжевые змеи на потолке. Чудовища нет, а он жив… Паршивый лабиринт играет свои подлые игры.

Бежать. Бежать что есть сил. Бежать прочь.

Мертвецкая тишина вмиг разодралась тяжёлым, медленно повторяющимся топотом и до костей пробирающим рёвом. Но лучше уж слышать угрозу, чем в любой момент ожидать её появления из глухой тишины.

Коридор упёрся в стенку со сверкающей бронзой дверью. Ни ручки, ни кольца на двери не было. Прим дико заколотил по ней всеми четырьмя кулаками. Глухой стук – дверь была толстой, не проломить.

А вот и лабиринтное уродище появилось из-за дальнего поворота. Точь-в-точь похожее на примерещившееся ранее. Короткие ножные отростки гулко сотрясали пол, ужасная пасть пенилась жёлтой слизью.

«Вот и ты, смерть моя, – пронеслось в голове Тоса, – такая же уродливая, как и вся моя никчемная жизнь…»

Нет, дверь не выбить разбитыми в кровь кулаками и ногами. Должен быть рычаг. Он просто обязан здесь быть! Ну не время ещё умирать. Не время, Гирен подери!

Тос унял в себе дрожь и бегло оглянулся по сторонам. Ничего выделяющегося. Всё, как и прежде. Он подохнет здесь, как затравленный бобросом крысон! Подохнет! Нет, стоп! Эта тварь всё ближе. Медленно приближается – упивается его страхом. Ещё есть немного времени. Смотреть по сторонам, замечать каждую мелочь. Даже если ничего не получится – так хоть помереть с гордостью. Не паниковать! Ни в коем случае не отдаваться во власть трусливых мыслей! Бороться. Выстоять. Выжить.

Толстый хвост оранжевой змеи свисал с потолка ниже, чем у остальных. Тос подпрыгнул и попытался ухватиться за него. Не вышло. Монстр ускорил шаги, побежал. Невероятно! Как эта громадная уродливая туша способна так быстро передвигаться? Тос повторил попытку: на этот раз ему удалось схватиться за хвост, выдрав толстую, ленивую змею из гнезда с собратьями. В тот же миг раздался громкий металлический скрежет: дверь начала медленно проваливаться в пол.

Смертоносное дыхание чудовища жаром обдавало спину, гнилью пробиралось в ноздри. Тос вцепился руками во всё увеличивающийся проём над тонущей дверью, подтянулся и перевалился на другую сторону. По колючей траве и сорнякам он пополз прочь. Лабиринтный монстр дико завыл – дверной проём был слишком мал для его внушительных размеров.

Только сейчас Тос заметил сильную боль в правых руках: сорванная с потолка змея кольцами обхватила их и медленно сдавливала, заглатывая верхнюю кисть. Не теряя ни секунды, Тос вцепился зубами в чешуйчатое тело и отгрыз удаву голову. Кольца ослабли и мёртвыми шлангами повалились на землю. Прим освободил кисть от головы, вытащив из ран хоть и не ядоносные, но острые клыки. Боль можно не замечать – для профессионального наёмника это не проблема. Вот о злобном уродливом лабиринтном монстре забывать никак нельзя было. Наверняка здесь есть специальный для него ход.

Прим осмотрелся: широкое помещение с такими же, как и в коридоре, стенами и потолком. Вот только пол был земляным, густо заросшим колючими сорняками и травой. Если включить воображение и представить все затаившиеся в этих зарослях опасности… Так, хватит с Тоса воображения на сегодня. Спасению жизни оно никак не поможет.

Прим несколько раз обошёл стены, но выхода так и не нашёл. Оглядел потолок, но свисающего хвоста не обнаружил. Мало того – впустившая его сюда дверь захлопнулась. Отгонять жуткие мысли о голодной смерти в этом ограниченном пространстве становилось всё сложней.

В попытке развеять отчаяние, Тос принялся ходить вдоль помещения. Его сапоги с вручную приделанными шипами безжалостно топтали растительность. Диковинные насекомые и мелкие ящерицы разбегались прочь.

Кто бы мог подумать, что этот жест безысходности принесёт плоды? Почва просела под ногами наемника, и он провалился под землю.

Тишина… Темнота… Пустота…

Тос распахнул глаза.

– Живой, всё-таки, – подвёл черту Моррот. – Что, Гирен разодри, с тобой случилось?

Тос растерянно поглядел по сторонам: лёд. Себя он обнаружил закутанным в спальный мешок.

– Ну, так что это было? – допытывался Моррот. – Ты меня во время сна своей кровью всего перепачкал!

Ещё растерянней чем прежде, Тос поглядел на перебинтованную кисть – как раз в том месте, где укусил удав. Тело саднило.

– Это ты мне лучше шкажи… – сказал прим, стряхивая шкуру спального мешка.

– Мы как раз закончили работу над «кожаными крыльями», как ты вдруг повалился мешком навоза на пол, – вспоминал Моррот. – Я как только тебя не пытался растормошить: и пощёчины, и щекотка, и снега за пазуху натолкал… Всё без толку! Думал, душа твоя уже в потусторонний мир на корм богам отправилась – трупом лежал. Но нет, дышал. Слабо, но дышал. Начало темнеть, а ты в себя всё не приходил. Вот я во льду нам нору и вырыл…

– И что, это вщё время я тут был? А почему рука жабинтована? – допытывался Тос.

– Ближе к утру у тебя из неё кровь хлынула. Смотри, как меня запачкал, – Моррот демонстративно показал большое бордовое пятно на куртке. – И раны у тебя на запястье были ну словно… словно…

– Удав укущил? – подсказал Тос.

– Да, именно так! – подхватил Моррот. – Я её тебе и замотал. А теперь объясни мне, что это всё значит!

– Ешли бы я только жнал… – задумчиво ответил Тос. – Вщё-таки не жря эти горы жовутша Жаколдованными.

Тос рассказал всё, что ему довелось пережить в лабиринте бесконечности. А почему бесконечности? Увы, прим не знал на это ответ.

– Не завидую я тебе, дружище, – вновь подвёл черту Моррот. – Ты запросто мог в том лабиринте погибнуть.

– Врагу бы не пожелал! – счастливый, что всё кончилось, соврал Тос.

Моррот многозначительно улыбнулся и полез наружу. Захватив с собой спальный мешок, за ним следом направился Тос.

Начинался рассвет. Даже потёртые жизнью наёмники не смогли избежать восхищения. Вырывающиеся из залитых солнечной кровью облаков верхушки гор, искрящиеся снегом и льдом. На фоне их могучей безмятежности, непоколебимой безмолвности – жизнь мыслящего казалась такой ничтожной и мелочной. Ненужной. Глупой. Пошлой. Сколько сотен поколений всех рас рождалось и гибло, воевало и любило, верило и обманывалось, а эти горы всё так же стояли. Так же молчаливо насмехались над жалкой суетой крохотных

существ у их подножий. И эти существа всё бежали куда-то, потупив взгляды в землю. Ничего не видя кроме своих стоп. И лишь единицам удавалось поднять головы ввысь. Рассмотреть столь близкую, но в то же время – далёкую вечность…

Завтрак ничем не отличался от обеда или ужина – немного вина и вяленая курятина. Густые облака скрывали тёмное пятно Смертоптицы. Но Тос с Морротом прекрасно помнили где видели её в последний раз.

Все вещи упакованы, спальный мешок постелен. Наёмники заняли свои места в хлипком летательном аппарате, разогнались и сорвались с обрыва.

Даже через шерсть шарфов, обмотанных вдоль голов с прорезями для глаз, быстрый холодный ветер умудрялся обжигать кожу. Дикое чувство страха смешивалось с ещё более диким восторгом. Моррот за свою жизнь успел совершить несколько полётов. Тос летел впервые.

«Кожаные крылья» скользили по волнам воздушных потоков. Наёмники приближались к цели.

Глава 13: ***Арахк***

Вожак поднялся на задние лапы, огляделся. Его верные воины щетинились сотнями серых, бурых, белых и чёрных шерстяных комков, щерились острыми резцами и нетерпеливо перебирали когтистыми лапами. Они рвались в бой.

Вдалеке вновь возник магический огненный шар, переливающийся фиолетовым и синим цветом. Вожак издал резкий, пронзительный писк и побежал на зов волшебного пламени. Стая помчалась следом.

Живая масса неслась по каменистым насыпям, траве, песку, пересекала ручьи, взбиралась на валуны, просачивалась в заросли кустарников.

Пламя горело над двумя прямоходящими существами, жадно лижа их магическими языками огня. Вожак остановился и выпрямился. Стая в раболепном ожидании устремила на него красные точки глаз. Вожак оскалил резцы: двуногие всегда вызывали в нём ненависть. Они больше, сильнее и в их лапах иногда длинные стальные когти, их шкура порой покрыта твёрдой кожей или железной чешуёй, а ещё они умеют плевать в его верноподданных смертоносные палки и стальные шары. Когда ты вообще один или с тобой мало подчинённых – двуногих врагов нужно обходить стороной. Но сейчас за спиной целая армия.

Вожак издал пронзительный писк и помчался на врагов магического пламени. Предвкушая солоноватый вкус крови в пастях, стая бежала за ним.

– А вот это мне уже совсем-совсем не нравится, – сказала Филика, указывая на столпившуюся вдалеке армию крысонов.

– Какие твари, – дрожь отвращения прошлась по телу Краспа, – я их терпеть не могу.

– Думаю, обнажить оружие будет не лишним, – только Филика сказала это, как стая сорвалась с места.

– Гиреновы отпрыски! – выкрикнул Красп и принялся нервно копаться в сумке.

Филика выстрелила из ружья с подзорным прицелом. Пуля предназначалась самому крупному крысону с фиолетовой шерстью – явно вожаку, но застряла в теле случайно заслонившего его черношерстого крысона. Случайно – ведь не может тупое создание умышленно пожертвовать жизнь за предводителя!

– Подохните, дряни! – завопил Красп и метнул в шерстяную массу комок взрывного порошка. Интересно, где он его раздобыл?

Взрыв размёл десятки существ, оставив после себя кровавое месиво: оторванные головы, лапы, хвосты, торчащие из мохнатых тел изломанные кости…

– Не пугаются, мрази! – совсем не женским голосом выкрикнула Филика, подожгла фитиль и метнула гранату в надвигающуюся живую лавину. Металлические осколки безжалостно сотворили несколько добрых дюжин мёртвых и умирающих крысонов.

– Их слишком много! – запаниковал Красп и побежал прочь.

– Сношатель болотных слизней! – выпалила немыслимое ругательство Филика, метнула ещё одну гранату и побежала следом за трусливым примом, по её словам – любителем обитателей болот…

Погоня была чудовищной. Тяжёлые походные рюкзаки за спинами мешали бежать. Разъярённые крысоны тучами налетали на преследуемых, впивались острыми зубами и когтями в одежду, раздирали тело до крови. Красп первым сбросил с себя снаряжение, но это не помогло ему избежать ужасных укусов десятков, а то и сотен зверьков. Крепко сжимая рукояти четырёх кинжалов, он бежал, выпуская кишки облепившим его крысонам. Вскоре и Филика сбросила рюкзак. От взбесившихся существ она отбивалась кривой саблей.

У подножья горы посреди двух валунов чернел вход в пещеру. Потерявший надежду, ополоумевший от боли Красп забежал в неё. Вряд ли он надеялся, что крысоны испугаются темноты и перестанут поедать его живьём. И всё же, ему казалось, что в пещере что-то защитит его, спасёт. Наивно, конечно… Но вот только грызущие его зверьки все как один разжали челюсти и с жалобным писком помчались вон из пещеры.

– Сюда! Филика, Сюда беги! – вопил во всё горло Красп, и его крик спасительным эхом отбивался от стен пещеры.

Облепленная мерзкими живыми комками Филика вбежала в пещеру. Как и в случае с Краспом, зверьки отпустили свою двуногую добычу и жалобно помчались прочь.

У входа толпились крысоны. Злобно пищали, щерились, ползали по спинам и головам собратьев. Громадный крысон с тёмно-фиолетовой шерстью сильно выделялся из толпы подчинённых. Филика поднялась на колени. Её

окровавленное тело обжигало сотнями мелких ран. Нестерпимая ненависть захлестнула командиршу. Она выхватила два чудом сохранившиеся за поясом кремнёвых пистолета и без раздумий выстрелила в вожака крысонов. Два мохнатых тела, заслонивших предводителя, намертво повалились на каменистую землю. Вожак издал чудовищный рык, достойный, пожалуй, дигра, но никак уж не крысона. И было в этом рыке что-то зловеще-ликующее…

– Уродливые мрази! – закричала Филика, и слёзы смочили её исцарапанное и грязное лицо. – Чтоб вы все передохли! Чтоб вы подохли! Утопились в своей вонючей моче!

Превозмогая боль в теле, Красп подполз к девушке и обхватил её руками в попытке успокоить. Филика вывернулась и локтем выбила ему два передних зуба.

– Сыкливая обезьяна! Пожиратель собственных фекалий! – выместила на него злость командирша. – Чтоб ты сдох, – слабеющим голосом пожелала она и потеряла сознание.

Склонившись над девушкой, Красп долго боролся с желанием задушить её. Несколько раз его руки касались тонкой шеи Филики, но тут же одёргивались. Капитанша нужна ему для мести. А убить её можно будет и потом. А лучше всего – пленить и продать Аксу Брутальному для потехи его сволочных подчинённых. Красп с тёплой улыбкой зажмурился, представив, как Филику раздерёт на мелкие кусочки какой-нибудь зверь на арене «Стадиона Правды». Затем разыгравшееся воображение работорговца принялось и за спутников командирши. Вот и захлёбывающийся кровью, медленно угасающий на глазах раззадоренной толпы Тартор ползёт по пыльной земле, оставляя своими обрубками ног жирные кровавые полосы, а довольный чёрный волк обгладывает длинную кость голени. Выпотрошенное когтями дигра тело Моррота грудой мяса валяется неподалёку. А Тос… Что ж, Тос, пожалуй, пусть живёт. Нескольких хороших ударов хлыстом на главной площади ему будет достаточно. Ведь примы должны быть солидарны друг к другу…

Опытный Красп в погоне выбросил всё, кроме сумки. Как же её выкинуть, если в ней яды и лекарства хранятся? Правда, там ещё и взрывной порошок был, но он, увы, израсходован. Прим обработал свои многочисленные раны. Борясь с отвращением, он обработал раны Филики. Краспа чуть не стошнило, когда он расстегнул её сорочку и прикоснулся к порезу на омерзительно голой груди. Но что поделаешь, такова уж цена мести…

Крысоны всё так же толпились у входа. Их отвратительный писк зловеще проносился вглубь пещеры.

Глаза быстро привыкли к тусклому зеленоватому свечению. Напившись лечебного отвара, оживившийся Красп подошёл к скальной стене и принялся рассматривать причину свечения: тёплый на прикосновение, мягко светящийся зелёным самоцвет. Таких самоцветов было полно в пещере.

Интереса ради, прим постучал по самоцвету рукоятью кинжала – тут же по камню пошли змейки трещин. Самоцвет медленно погас.

Во избежание беды, Красп решил к светящимся камням больше не прикасаться.

– Ты обработал мои раны? – тихим голосом спросила очнувшаяся Филика.

– Там рядом с тобой фляга, – проигнорировал вопрос Красп. – В ней осталось немного…

Филика жадно выпила лечебный отвар.

– Слушай, извини меня… – почти виноватым голосом попросила командирша.

– Забыл уже, – с досадой нащупав языком дырки от выбитых зубов, соврал Красп, за жизнь ни разу не забывший и косого взгляда в свою сторону.

– Не знаю что это за пещера, но тут достаточно тепло, – поделилась наблюдением Филика.

– И самоцветы путь освещают… – задумчиво ответил Красп.

Капитанша поднялась на ноги. Тело ещё саднило, но невероятной лечебной силы мазь и отвар творили настоящие чудеса.

– Ты где такие лекарства взял? – спросила Филика.

– Да был у меня друг-маг один… – пустился в тяжёлые воспоминания Красп. – Он их делал, а потом и заклинания накладывал… Друг мой лучший… Эх, Витофар, драг ты наш ненаглядный, за что же тебя эти чудовища в потусторонний мир отправили?.. – голос был полон жалости, но и какой-то едва уловимой фальши, как показалось Филике. Хотя, чего она ожидала от убитого горем прима? Полноценного драматического спектакля? Порой в самых обычных и вызывающих удивление поступках и речах заключена великая скорбь…

Всё равно, рано или поздно, капитанше придётся его убить… Жалости или симпатии тут не место.

– Эти твари нас не выпустят, – покосившись на крысонов у входа, сказала Филика и подняла с земли выпачканную кровью и кишками саблю. – Из-за них мы лишились всего: и провизии, и снаряжения, и фитас!

– Я желаю им мучительной смерти, – сердечно признался Красп.

– А я как желаю! Жаль, это невозможно, – Филика спрятала за пояс разряженные пистолеты. – У тебя в сумке там пороха и пуль нет?

– Увы, – виновато развёл руками прим.

– Слушай, я тебя хоть не сильно?.. – спросила Филика, случайно наткнувшись взглядом на окровавленный зуб, лежащий на плоском как блин камне, словно на подносе совести.

– Ты была не в себе. Я прекрасно понимаю… Давай не будем вспоминать, – улыбался Красп, а глаза горели подлостью и коварством. Жаль, что Филика не разглядела этого в зелёном полумраке самоцветов...

– Ты готов идти? – спросила Филика.

– А разве есть выбор? – вопросом ответил Красп и, для большей убедительности, вынул кинжалы из ножен.

– Молись своему богу, чтобы эти клинки не пришлось использовать, – не оценила воинственный жест Филика. – Проклятые твари, вся одежда – в лоскутки. Хуже бродяги Трущоб Недостойных, чтоб их!..

– Хоть живы остались. И на том спасибо… – не промолчал Красп. – Кстати, наше спасение – загадка.

– А не всё ли равно? – подняла брови Филика и решительной походкой направилась вглубь пещеры. – Пошли, пока чего не случилось.

– Тут ты права, – кивнул Красп и направился следом.

Сказать, что проходы пещеры странные – ничего не сказать. Одинаковое расстояние между стенами, самоцветы, освещающие путь, подъём, закрученный идеальной спиралью. Нет, любительница хаотичного искусства Природа не могла сознательно породить эту пещеру. Тут без пронырливой руки мыслящего не обошлось. По большому счёту, эта пещера была чем-то вроде внутренней лестницы, ведущей ввысь горы. Вот только куда именно?

Если построено мыслящим, то добра ждать наивно. Не зря ведь крысоны побоялись войти внутрь. Наверняка здесь полно смертоносных ловушек…

Стоило Филике подумать о ловушках, как её нога задела неразличимую в полумраке нить. Мокрый треск, похожий на треск переломанной кости. Командирша бросилась на землю. Зря. Из дыры прямо перед её лицом выполз паук размером с добрый кулак люрта. Членистоногое встало на задние лапы, угрожающе замахав передними лапами прямо перед носом Филики. И без того всклокоченные волосы девушки встали дыбом. В груди заколотило, словно там появился ледяной элементаль. Дрожь ужаса прошлась по телу. Паук ощетинил капающие смертоносным ядом хелицеры для атаки.

«Паучёчек, паучёк…» – всплыла в голове Филики строчка из детской песенки.

Чвяк – сказало лезвие, пробив хитиновый панцирь членистоногого.

Красп поднял кинжал и с наслаждением поглядел на предсмертные мучения паука. Да, сейчас это не грозный противник, а всего лишь пришпиленная букашка. Пусть и немаленьких размеров.

– Лихо ты его, – похвалила Филика после того, как поднялась на ноги.

– Будешь? – спросил Красп и протянул кинжал с дохлым членистоногим командирше.

– Фу, убери эту дрянь, – скривилась от отвращения девушка.

– Ну и оставайся голодной, – Красп вырвал хелицеры с ядовитыми железами и за раз откусил несколько мохнатых лапок.

– Нужно быть аккуратнее, – стараясь не слышать смачный хруст паучьих конечностей на зубах прима, сказала Филика. – Впервые вижу такую ловушку…

Прим ничего не ответил. Да и зачем трепаться, когда твой рот набит столь вкусной паучатиной?

Они шли дальше. На этот раз намного медленнее, чем прежде – повсюду выискивая возможную опасность. Как ни странно, новых ловушек не следовало.

Наёмница и её спутник поднимались всё выше. Самоцветы, как и прежде, сияли тусклым зелёным светом. Воздух был почти свежим – не в пример сырому и затхлому запаху подавляющего большинства пещер, в которых удалось побывать Филике. Тут просто обязана присутствовать система вентиляции. И как после этого не считать этот странный туннель не детищем рук мыслящего?

«Кроты! Безусловно, его построили кроты!» – как электрическим разрядом ударила догадка Филику.

– Паучёчек, паучёк, – ни с того ни с сего забубнила она себе под нос, – ты на веточке залёг…

– Паутинку заплетаешь, – подхватил Красп, – мушек жадно поедаешь…

– А что там дальше? – спросила Филика, тщательно замурованный склеп детских воспоминаний которой дал глубокую трещину.

– Про комаров что-то, – почесал за ухом прим. – Всё время на этом месте сбивался, когда с друзьями по двору гасали, как угорелые. Детство, чтоб его…

– Детство… – уж очень тяжело вздохнула Филика.

– Д-Е-Т-С-Т-В-О, – прозвучал чудовищный, неживой и не мёртвый голос, отдающий чем-то металлическим до истерической дрожи в коленях.

Наёмница и её спутник испуганно обернулись. То, что стояло за их спинами неподготовленного мыслящего одним своим страшным видом могло отправить в потусторонний мир. Обычное тело человека по пояс, голое, мужское… Но это не смущало. Смущало то, что выше: отвратительными наростами человеческая кожа переходила в бурый хитиновый панцирь, покрытый белёсыми волосками. Головогрудь сверкала тремя парами иссиня-чёрных глаз, щупальца жвала медленно покачивались. По бокам головогруди хитин такими же отвратительными буграми, что и на поясе, переходил в кожу человеческих рук.

– А-а-а-а-а! – завопил слетевший с катушек Красп и ударил кинжалом в глаз ужасающего существа. Лезвие высекло искру и соскочило в сторону, будто глаз был вылит из металла.

– Н-Е-Т, – перебирая щупальцами жвалами, чудовищным голосом сказало существо.

Красп отступил на шаг и замер. Филика как стояла, так и осталась стоять: испуганный взгляд и подрагивающая рука на рукояти кривой сабли.

– О-Д-И-Н-О-К-И-Й, – отчеканило существо и ткнуло пальцем человеческой руки в головогрудь.

Путешественники молчали.

– О-Д-И-Н-З-Д-Е-С-Ь-У-С-Е-Б-Я-В-М-И-Р-Е-С-О-В-С-Е-М-О-Д-И-Н-О-К-И-Й-В-Э-Т-О-М-О-Д-И-Н-О-К-И-Й-П-Р-О-С-Т-О.

«Это ведь Арахк. Бог пауков. Ушедший отшельником в наш мир!» – вспомнила одну из легенд, поведанных Тартором Филика, и её бросило в ледяной пот.

– Т-Ы-П-О-Д-У-М-А-Л-А-М-О-Ё-И-М-Я, – сказало существо.

– Сдохни, уродец! – завопил Красп, подхлёстнутый отвращением, страхом и ненавистью.

Но прежде чем четыре лезвия кинжалов достигли своих целей, Арахк вытянул вперёд руку. Прим замер, будто каменная статуя. Бог пауков поднял руку вверх. Повинуясь невидимым нитям, тело Краспа взлетело в воздух. Пальцы разжались, кинжалы звякнули о камень.

– О-Д-И-Н-О-К-И-Й, – повторился Арахк, – Г-Р-У-С-Т-Н-О-О-Д-И-Н-О-Д-И-Н-О-К-И-Й, – его голос отдалённо можно было сравнить со стальным крюком, царапающим ржавое полотно.

Филика полными ужаса и отчаяния глазами глядела на божество. Красп всё так же безмолвно висел в воздухе. Командирше показалось, или прим действительно не дышит?

– И-Д-Ё-М, – приказал хозяин пещеры и направился вверх по винтовому туннелю. Пройдя мимо оцепеневшей, находящейся на волосинку от обморока Филики. И как направился – не перебирая человеческими ногами, а держа их неподвижно, на небольшом расстоянии от земли…

От шока Филика не могла пошевелить и мизинцем. Она ощутила, как какая-то неведомая сила подтолкнула её в спину и понесла следом за Арахком. То же произошло и с парализованным Краспом.

Туннель привёл в громадное помещение. Стены и потолок обросли тысячами самоцветов, мягким зелёным светом наполняющих пространство. Было сыро. Сквозняк промозглыми змейками проникал в дыры одежд. Пахло едва уловимой затхлостью вперемешку с чем-то резко-травяным, словно в погребе знахаря. Громадный металлический овальный стол посередине и металлические стулья с высокими спинками гордо скрашивали пустоту помещения. Хотя нет, помещение далеко не пустовало. Эта копошащаяся масса, которую Филика в полумраке ошибочно приняла за густой ковёр – пауки. Всех размеров и форм. От крохотных, размером с головку булавки, до, о ужас, громадных переростков, ни чем не меньше того отвратительного вожака крысонов! В пору было закричать от ужаса, замахать в панике руками, побежать истерически прочь. Вот только всё тело командирши сковывали невидимые магические клещи. Как она не силилась, даже моргнуть не удавалось.

– М-О-И-Г-О-С-Т-И-К-Р-А-С-И-В-Ы-Е-О-Т-Н-Ы-Н-Е-Л-О-Х-М-О-Т-Ь-Я-П-Р-О-Ч-Ь, – всё тем же чудовищным голосом произнёсло божество. В подтверждение слов, изодранная одежда на Филике и Краспе сотнями лоскутков разлетелась прочь, оставив хозяев полностью нагими.

«Сейчас изнасилует и убъёт! А потом ещё раз изнасилует…» – кровавыми буквами всплыли чудовищные мысли в голове Филики. Красп, казалось, был того же мнения.

Но, словно желая прогнать дурные сомнения гостей, из копошащейся массы пауков выплыли два цельных одеяния и шелковистой кожей окутали наёмницу и её спутника. Странная тонкая чёрная ткань с белыми паутиньими узорами оказалась на удивление тёплой.

Божество село во главе стола. Его гости были усажены невдалеке. Только после этого Филика и Красп ощутили, казалось навсегда утерянный, контроль над телом. Этот металл… Да ведь стол и стулья сделаны из настоящего золота! Пауки ползали повсюду: по полу, столу, стульям, ногам, туловищу, ушам, зарывались в волосы. Красп сидел спокойно, не шевелился. Казалось, что заползавшие в шерсть пауки совершенно не беспокоили его. Но это только так казалось… Филика, со всем только присущим её организму отвращением, принялась вытрушивать мелких членистоногих из волос.

– Н-Е-Т, – коротко и ясно приказало божество и вздрогнувшая Филика замерла. Но не скованная невидимой магической силой, а своими нервами, вновь завязавшимися тугим узлом.

– К-У-Ш-А-Т-Ь-Л-Ю-Б-Я-Т-Г-О-С-Т-И-Г-О-С-Т-И-У-Г-О-Щ-А-Й-Т-Е-С-Ь.

Громадные зелёные пауки принесли на своих брюхах накрытые крышками подносы.

– У-Г-О-Щ-А-Й-Т-Е-С-Ь-Г-О-С-Т-И, – отбивающим всякий аппетит голосом повторил Арахк и поднял свою крышку. В тусклом зеленоватом свете можно было ошибиться, но лежащее на подносе блюдо вполне могло в прошлой, более осознанной жизни оказаться головой и торчащим из неё скруглённым хребтом стрека…

Красп недрогнувшей рукой снял крышку. В нос ударил приятный запах варёной баранины. Голод превозмог страх, и прим жадно набросился на угощение. Косившаяся на него Филика сглотнула слюнку и открыла крышку. Копошащиеся личинки муравьёв тара, обрубки человеческих пальцев и залитые кровью глаза, безмолвно глядящие на девушку. Командирша зажмурилась, героически борясь и побеждая подступившие к горлу рвотные позывы. Дрожь отвращения прошлась по телу, очень уж хорошо смотрящемуся в новой облегающей одежде. Филика открыла глаза. Ну и воображение у неё! Никакие это не личинки, а варёный рис, обрубки пальцев – обычные бастонские сардельки, а глаза… да вот что-то больше нет ничего, что могло бы окровавленные глаза напомнить… В любом случае, еда – именно та, о которой командирша мечтала уже долгое время. Особенно невероятно сочные бастонские сардельки.

«Мушек жадно поедаешь, – просто не могло не всплыть в памяти Филики продолжение детской песенки, стоило глянуть на бога пауков, жадно высасывающего соки из хребта, – комаров и мошек разных: злых, кусачих и проказных…»

– Я-Л-Ю-Б-Л-Ю-О-Д-И-Н-О-Ч-Е-С-Т-В-О-Н-О-П-Л-О-Х-О-Д-О-Л-Г-О-О-Д-И-Н-О-Ч-Е-С-Т-В-О, – признался Арахк, после того, как покончил с трапезой.

Громадные зелёные пауки притащили кувшины с красным вином и бокалы.

– Но почему же одиночество? – на сытый, смоченный великолепным вином желудок, язык Филики развязался сам по себе. – Вон у вас сколько друзей, – она покосилась на живой ковёр из пауков. Зарывшиеся в волосы членистоногие ничем о себе не напоминали, а значит, и не мешали, если о них не вспоминать умышленно.

Красп жадно поедал третью по счёту порцию телятины. Прыткие пауки-подносчики легко угадывали его желания.

– О-Н-И-Э-Т-О-Я-Я-Э-Т-О-О-Н-И, – всё тем же чудовищным, но вполне уже сносным голосом ответило божество.

В воздухе повисло молчание, наполненное мерным шуршанием десятков тысяч лапок пауков и смачным чавканьем Краспа.

Страх как-то отходил на второй план. Было что-то незлое, вполне дружелюбное и даже гостеприимное в обстановке вокруг. Арахк не казался таким уж страшным монстром, которым предстал при знакомстве. Всего лишь одинокий бог, заточивший себя в стены замка, вытесанного в скале магическими силами (версию с кротами Филика отбросила).

Набив кишки до отвала, Красп откинулся на спинку стула. Эх, сейчас бы закурить трубку с нортиспским табаком! Нет, быть того не могло: паук поднёс приму подкуренную трубку из дигрового рога. Ядрёный табачный дым распространялся по помещению с пугающей скоростью. Филика прокашлялась. Да, на такое способен только табак, выращенный в славном городе Нортиспе.

– Г-О-С-Т-И-Р-А-З-В-Л-Е-К-А-Й-Т-Е-Г-О-С-Т-И-Г-О-В-О-Р-И-Т-Е-И-С-Т-О-Р-И-И-И-Л-И-В-Ы-Н-Е-Г-О-С-Т-И-В-Ы-Е-Д-А-М-О-И-Х-М-А-Л-Ь-Ч-И-К-О-В, – чудовищный голос звучал ещё зловещей, чем когда-либо.

Красп прокашлялся дымом. Ощутившая мгновенный холод под желудком Филика с трудом проглотила вино и отставила бокал.

Напряжение нарастало подобно сорвавшейся с вершины горы лавине. Пауки-подносчики, столь услужливо обходившиеся с гостями, и множество других громадных пауков окружили, выпятив смертоносные хелицеры. Засевшие в волосах и шерсти мелкие пауки оживились, заползали.

– Я-Л-Ю-Б-Л-Ю-П-Р-А-В-Д-И-В-Ы-Е-И-С-Т-О-Р-И-И, – призналось божество.

– Есть у меня… эмм… одна великолепная правдивая история! – Красп пытался вычесать назойливых паучков, за что они награждали его болезненными укусами. – Мне её рассказал… эмм… один странник в скотской таверне «Жирные желудки». В общем, один вольный работорговец в компании своих верных подчинённых занимался отловом товара для города Старый Рин… – изжаленный укусами, словно уколами сотен иголок, прим перестал вылавливать засевших в шерсти паршивцев. Паучки, в свою очередь, перестали кусаться и, мало того, успокоились, перестали копошиться, словно затаились, прислушиваясь к истории. Громадные пауки уже не топорщили

хелицеры. Но положенный успех нужно было ещё закрепить, поэтому Красп продолжал, не собираясь останавливаться:

– … заяц бежал прямо на него. Труда не составило поймать. Но тут из-за дюны появился виновник погони – громадный запыхавшийся люрт. Работорговец напоил его сонным зельем и упрятал в клетке. Может быть, благодаря такому удачному началу, улов и оказался просто сказочным. Не без потерь, конечно… Но такова уж судьба торговцев мыслящим товаром. В общем, улов был продан для игрищ на «Стадионе Правды». Практически все рабы слегли на потеху кровожадных зрителей. Да вот только пойманный в самом начале люрт – уцелел. А, как это известно каждому, хоть раз побывавшему в Старом Рине: уцелевшему на арене даруется свобода. Работорговец тогда не придал значения освобождению люрта. И очень зря. Через три года люрт, вместе со своими могущественными сообщниками, отыскал работорговца… Месть была жестокой, кровопролитной и страшной…

Красп замолчал. Сделал жадный глоток вина и ещё более жадную тягу из трубки. Едкий дым изо рта и ноздрей медленно растворился в воздухе.

– Т-В-О-Я-И-С-Т-О-Р-И-Я-П-Р-А-В-Д-И-В-А-М-Н-Е-Н-Р-А-В-И-Т-С-Я-С-И-Л-А-Л-Ю-Р-Т-А-Я-Х-О-Ч-У-Е-Щ-Ё-П-Р-А-В-Д-И-В-У-Ю-И-С-Т-О-Р-И-Ю-Я-О-Д-И-Н-О-К-И-Й, – всё тем же чудовищным голосом, но, как показалось его гостям, как-то мягче сказал Арахк.

Пауки насторожились.

– Эта история про влюблённую девочку, – заторопилась Филика. – Она была молода и наивна. Её тело было девственно, а помыслы – чисты. Она полюбила соседского мальчишку. Он был ещё тем сорванцом: вечно растрёпанные волосы, оторванная верхняя пуговица на засаленной рубашке, постоянно выпачканное лицо то сажей, то пылью, то ещё чем-нибудь. Ну, то, что в городке он задирой был главным – это и так понятно. Девчонки от него без ума были. Но их все вместе взятые чувства вряд ли могли сравниться с чувствами той рыжеволосой девочки. Она любила его. Больше чем отца пьяницу. Больше чем распутную мать. Больше чем брата, объявленного в розыск за убийство своей жены и детей… Тот драчливый неряха – для девочки был воплощением всего светлого и доброго. Всего того, чего ей так не хватало в жизни. Конечно, когда девочка выросла, то поняла, что мальчишка был совершенно не таким, каким она его видела. Он был заносчивым, горделивым, эгоистичным и жестоким. Но девочка в упор не хотела видеть в нём плохие стороны. Только и делала, что мечтала о нём, рыдала днями напролёт, когда видела его в компании других девчонок. А мальчишка всё не хотел замечать её страданий.

Филика тяжело вздохнула:

– И непонятно ещё, чем бы всё закончилось, если бы девочка не отправилась в один прекрасный день на поиски своего отца. Обычно его можно было найти пьяным где-то на берегу реки, что протекала близ южной окраины городка. Девочка отца тогда так и не нашла. Он нашёлся несколько дней спустя: еле держащегося на ногах, его привела к крыльцу дома пьянчуга-

любовница. А тогда девочка нашла совершенно другое: то, что так сильно искала. Взаимную любовь. Мальчишка её грёз со скучающим видом ловил рыбу на самодельную удочку. Девочка отважилась и подошла к нему, осмотрелась по сторонам, никого не увидела и, борясь с предательским чувством стыда, поцеловала неряху в щёку. Вместо того, чтобы отстранится, он обнял девочку. А потом… В общем, это произошло как-то странно… Будто во сне… Не успев побыть девушкой, девочка стала женщиной…

Тут лицо Филики налилось краской то ли гнева, то ли стыда, то ли вожделения. А может – всего сразу. Она продолжила после долгой паузы:

– Мальчишка после случившегося вёл себя так, словно ничего не произошло… Всё так же игнорировал девочку… А она… Её сердце… Её сердце больше никогда не способно любить…

Филика договорила, дрожащей от перенапряжения рукой потянулась к бокалу с вином, но тут же одёрнулась, словно от ядовитой змеи.

– М-Н-Е-Н-Р-А-В-И-Т-С-Я-Д-Е-В-О-Ч-К-А-Х-О-Т-Ь-И-С-Т-О-Р-И-Я-Н-Е-П-Р-А-В-Д-И-В-А-Д-Е-В-О-Ч-К-А-С-П-О-С-О-Б-Н-А-Л-Ю-Б-И-Т-Ь, – сказал бог пауков, от чего у Филики неприятно засосало под ложечкой.

– М-Н-Е-Х-О-Ч-Е-Т-С-Я-Е-Щ-Ё-И-С-Т-О-Р-И-Ю-Х-О-Р-О-Ш-У-Ю-П-Р-А-В-Д-И-В-У-Ю, – сообщил Арахк.

– Ах, тебе хочется историю? – вспылила Филика. – Историю? Мало я тебе душу свою наизнанку вывернула, мохнатый уродец? Да мне плевать, что ты способен натравить на нас свою свору членистоногих засранцев!

– Филика, – Красп сжал её локоть.

– А ты не вякай мне тут! – командирша выдернула руку из цепких мохнатых пальцев прима и перешла на крик: – Никто не смеет мне указывать! Никто не смеет копаться в моём нижнем белье!

– М-Н-Е-О-Д-И-Н-О-К-О-З-Д-Е-С-Ь, – невозмутимо призналось божество.

– Ты разве не чувствуешь? – Филика резко повернулась к Краспу. – Этот гад проникает в наши мысли. И ему всё равно, что мы тут говорим. Он копается в наших воспоминаниях, словно бродяга в куче отбросов.

– М-Н-Е-О-Д-И-Н-О-К-О-З-Д-Е-С-Ь, – будто оправдываясь, повторился Арахк.

Красп уже давно зажмурился. Шерсть на его спине и груди намокла от пота и болотной тиной липла к телу. Филика жадно дышала, нагло глядя во все шесть глаз божества. Хотя бы перед смертью держаться достойно…

– В-С-Е-Г-О-О-Д-Н-У-И-С-Т-О-Р-И-Ю-Ф-И-Л-И-К-А-В-С-Е-Г-О-О-Д-Н-У, – голос Арахка звучал всё так же мерзко и страшно.

– И что, великое божество за неслыханную дерзость не выпотрошит меня будто рыбину на базарной площади? – Филика в удивлении подняла брови и обнажила золотые клыки то ли в полуулыбке, то ли в оскале. Её пыл постепенно остывал, впуская за собой страх, отчаяние и стыд.

– В-С-Е-Г-О-О-Д-Н-У, – будто ничего не произошло, попросил бог пауков.

– Не понимаю я вашей логики, божества… – сказала Филика.

Красп приоткрыл один глаз и опасливо огляделся. Арахк выжидающе смотрел на командиршу. Застывшие пауки, казалось, вторили своему богу.

– У меня есть одна интереснейшая история, – решил сгладить ситуацию прим. – Как-то поздней весной…

– Я-Х-О-Ч-У-Ф-И-Л-И-К-У, – отрезал Арахк.

– Ах, ты меня хочешь? – командиршу бросило в озноб от возникших в голове образов.

Божество ничего не ответило.

– Ну ладно уже, – странным образом ненависть Филики к Арахку сменилась чем-то вроде симпатии, – девочка выросла. Выросла чёрствой и бессердечной стервой. Когда настал час, она с радостью покинула родительский дом и пустилась странствовать. Почему она не осталась в родном городе? Можно придумать сотню отговорок. Но на самом деле всё было невероятно просто: тот мальчишка, который к тому времени превратился в крепкого и статного мужчину, покинул городишко. Девушка не знала куда он направился, да и не хотела знать, если честно. Но вот только без него родной край показался ей невыносимо скучным и тоскливым. И она, не долго думая, отправилась куда глаза глядят. Ох, чего ей пришлось повидать… В общем, и без этого чёрствое сердце девушки стало твёрже алмаза и чернее антрацита… Но… Совсем недавно эта девушка допустила ошибку… Её сердце словно вновь стало тёплым и способным любить… Но эта слабость прошла. Девушка больше никогда такого себе не позволит…

– П-О-З-В-О-Л-И-Т, – сказал Арахк и опрокинул стол, будто тот был для него не тяжелее пушинки. Со звоном подносов, массивная золотая поверхность навечно накрыла сотни не успевших разбежаться пауков.

Только сейчас Филика обнаружила, что её ноги приклеены к полу густой и невероятно прочной паутиной. С запозданием она начала понимать, что её самые страшные опасения начинают сбываться.

Красп всё так же сидел рядом. Скованный невидимой силой. Неспособный пошевелить и веком. Застывшие глаза упирались взглядом в стену со светящимися самоцветами. Ему повезло, он не видел того, что происходило рядом. Вот только слышал…

Арахк медленно приближался к кричащей, трепыхающейся, как пойманная зверька, Филике. Согнутая спина, медленно, совсем не по-человечески передвигающиеся человеческие ноги, возбуждённый до предела мужской половой член… В попытке освободиться Филика опрокинулась вместе со стулом, сильно ушибла бедро и локоть. Но это было ничем по сравнению с предстоящим…

Ткань в подаренной божеством одежде сама разошлась в нужном месте. Филика взвыла от ужаса, боли, страха и… наслаждения…

– М-Н-Е-О-Ч-Е-Н-Ь-О-Д-И-Н-О-К-О, – всё повторяло божество леденящим душу голосом. Его горячее, пахнущее кровью, дыхание обжигало лицо, хитиновое тело, словно наждачная бумага, тёрлось о тело.

Пауки радостно копошились вокруг.

Глава 14: ***Скука...***

Скука не стеснялась показывать своё уродливое лицо. Какое-то время Тартору удавалось прятать его за ширмой игр с шакалами. Чтение «Книги Божественных Величий» тоже помогало. Но от унылой морщинистой старухи спрятаться было не так просто, как хотелось бы. Скука покорно ждала, пока Тартор вымотается, устанет, и сразу же возвращалась. С ещё большей наглостью и упорством.

Воздух был холодным, но безветренным. Тёплой одежды было предостаточно. Дров для отопительной печки в салоне хватало на несколько без насморочных месяцев. А если и случись чего – поблизости всегда есть деревья, уж очень хорошо годящиеся для растопки. Запасов еды, пусть и вяленой, хватало в изобилии. С вином и пресной водой проблем тоже никаких не предвиделось. Размеренная, унылая и неменяющаяся день ото дня жизнь. Как раз берег реки, пусть и неспокойной, рядом. Разве не о такой жизни Тартор мечтал в последнее время? Что ж, пора привыкать…

Шакалы всё время бегали за Тартором, стараясь как можно больше раз потереться о хозяина мохнатыми тельцами и лизнуть в сапог. Такой слепой преданности не от каждой одомашненной псины ждёшь, а чтобы ещё и от диких обитателей леса – вообще что-то невообразимое.

Тартор даже дал им имена: зверька с перебитым ухом он назвал Бон, с чепрачным окрасом – Мон, полосатая сучка получила кличку Мона, а самому крупному и мохнатому досталось гордое имя Тифуариус, в честь одного долговязого прима пьяницы, с которым Тартору приходилось пересекаться несколько раз по наёмническим делам.

Ну, для самих шакалов эти имена были делом весьма условным… Стоило, к примеру, хозяину произнести странное слово «Тифуариус» и поманить, как зверьки всем скопом облепляли его, радостно поскуливали и подпрыгивали в попытке лизнуть в руку или в лицо, если совсем уж повезёт.

Лошади паслись на берегу Нали, так что питья и еды у них было в достатке. Кому-кому, а им такой затянувшийся привал был в радость. После долгих и изнурительных дней путешествия – ленивое бездействие… лучше нельзя и придумать!

Однажды после обеденного сна, который стал неотъемлемой частью нудного распорядка дня, Тартор вспомнил, что давно не практиковался в боевом мастерстве. Конечно, вскоре это мастерство ему сотню тысяч лет не нужно будет, но пока оно ещё нужно. Схватив любимый трофейный эспонтон, добытый в ожесточённом бою с группой доблестных караванщиков (ещё в те смутные юные годы службы жреца в бандитской шайке), Тартор вышел из кареты и направился на ближайшую поляну. Делать ничего не хотелось, и битые полчаса он просто разглядывал оружие: узорное широкое лезвие из стали мастеров Стальни, отдалённо напоминающее продолговатый лепесток

клевера, теснённая платиной загадочная монограмма «*ЛЕ*», двухметровое древко с металлическим стержнем внутри и округлым металлическим набалдашником в конце. Такая вещица на чёрном рынке Старого Рина стоила бы не меньше полусотни золотых монет.

В конце концов, Тартору надоело любоваться незаменимым орудием кровопролития, и он отложил его в сторону. Вначале разминка тела – самая нудная часть тренировок, но и самая необходимая. С каждым новым упражнением кровь растекалась по жилам всё быстрее. Стало жарко, и Тартор снял кафтан. Небольшая пробежка с преследующими и весело тявкающими шакалами, кувырки, растяжка, отжимания… Вроде бы тело готово. Эспонтон приятной тяжестью лежал в руках. Раскрутка перед грудью, поворот корпусом и выпад. Перепуганные шакалы отскочили кто куда. До конца тренировки приближаться к хозяину они больше не осмеливались. Занос за спину и боковой удар, занос, удар, занос, удар. Смена позиции, поворот корпусом, выпад. Тартор упёр оружие набалдашником в землю, резко выдохнул несколько раз в попытке восстановить сбитое дыхание, отёр рукавом пот с лица. Да, нужно поменьше на вино налегать – проклятая отдышка. Заложив эспонтон за спину, обхватив правой рукой древко, Тартор принялся отрабатывать технику «удлинённой руки» – одну из сложнейших боевых техник, которой, в своё время, он обучился в Храме Терпения, что и по сей день стоит на отшибе Посёлка Отшельников. «Порхай как бабочка, жаль как змея» – фундамент этой техники. Хоть Тартор всегда смутно себя представлял в виде мелкого крылатого насекомого или клыкастого чешуйчатого гада, но «удлинённой рукой» овладел в совершенстве. Плавные, направленные усыпить бдительность врага круговые движения наконечником, на первый взгляд неуклюжие, а на самом деле отточенные до автоматизма передвижения, молниеносная атака. Редкий противник способен устоять в таком бою.

– Опять ты! – разозлился Тартор при виде уродливой зеленоволосой старухи.

– Я, родненький, я, – подтвердила Скука и оголила беззубый рот в отвратительной улыбке.

– Сдохни, тварь! – от всего сердца пожелал Тартор и нанёс боковой удар. Старуха с не старушечьей ловкостью присела, увернувшись от смертоносного клинка. Без лишних раздумий Тартор совершил колющее движение. И на этот раз старуха проворно уклонилась, словно была величайшим мастером рукопашных единоборств, а не стареющей развалиной.

– Да чтоб тебя! – Тартор принялся щедро сыпать смертоносные удары. Не допуская ни одной ошибки, Скука уходила от них.

– Гирен тебя раздери в щепки! – обрушил первое пришедшее на ум проклятье запыхавшийся Тартор, бросил эспонтон и в расстроенных чувствах сел на землю.

Да что она себе возомнила, эта дрянная Скука? Думает, способна вот так просто приходить? Её сюда никто не звал!

– Не горюнься, родненький, не горюнься, – зеленоволосая старуха дружески похлопала Тартора по плечу и села рядом. – А над ногами тебе нужно поработать.

– Да какими там ногами?! – отчаянно рявкнул Тартор, с отвращением разглядывая глубокие борозды морщин на тусклом лице собеседницы.

– Как какими, родненький? – подняла тонкие как волосинка брови Скука. – Твоими ногами, конечно же. Вес тела на носки больше переноси, а не топай пятками, как слопр в хобот раненный.

– Пятками? – сокрушался Тартор. – Пятками топаю? Как слопр?

– Да, родненький, ими самыми, – подтвердила старуха, изо рта которой пахло ветошью и крысоньим помётом.

– Ах, ну да, пятками… – обречённо сказал Тартор и вздохнул так тяжело, что самый искусный актёр Картского Трагического Театра удушился бы от зависти.

– Да ты не переживай, роднюсенький, это исправимо, – подбодрила старуха.

– Ах, ну если ты так говоришь… – Тартору в этот момент было просто невыносимо одиноко и грустно.

Скука со старческим треском в суставах поднялась, опёршись на плечо собеседника. Ковыляющей походкой прошлась до насторожившихся шакалов и ласково потрепала холку Бона:

– Ух, ты мой хорошенький, ух, ты мой мохнатенький.

Бон лёг на живот и тихо заскулил, как скулят псовые от невыносимой тоски…

– Ты и до моих зверушек добралась? – Тартор вскочил с эспонтоном в руках и устремился в атаку, не забывая, при этом, перемещать вес тела больше на носки…

Порхать как бабочка, жалить как змея! Отбросить все мешающие чувства: ненависть, злость, раздражение. Чистый сгусток боевой энергии. Оружие – продолжение тела. Обманное движение и выпад. Клинок вошёл аккурат между старушечьих глаз и с брызгами крови и мозгов вышел из затылка.

– Ох! Ох! Ох! – застонала зеленоволосая старуха. – Что же ты наделал, родненький?

Тартор спешно отступил. Всполошившиеся шакалы побежали прочь.

– Больно-то как, родненький, – изнывающим голосом проговорила Скука, при этом безуспешно стараясь ладонью заткнуть кровотечение на затылке.

– Так я это… – растерялся Тартор. – Думал, ты увернёшься…

– Ах! Ох! О-о-о-х-х! – стонала зеленоволосая старуха.

– Странно как-то… – Тартор почувствовал, как его бросило в пот, словно в прорубь. – Я ведь думал, что ты мне мерещишься…

– А оказалось – нет? – залитый кровью рот скривился в отвратительной улыбке, – что ж ты, родненький, так со старшими?

– Ты сама виновата! – рявкнул Тартор. – И вообще, почему это ты ещё не валяешься мёртвая, а мне вопросы всё задаёшь?

– Не люблю Смерть… – многозначительно ответила Скука и прокашлялась кровью.

– Это почему ещё? – удивился Тартор, вытирая наконечник эспонтона о траву.

– Ясно почему, – ухмыльнулась старуха, – Смерть – конец, облегчение… А я не люблю этого. Мне, родненький, больше по душе томное ожидание встречи…

– Ты ведь Скука, как-никак, – догадался Тартор.

– Ох, родненький, ты меня здорово продырявил, – пожаловалась старуха. – Нельзя же так.

– Ну всё, – лицо Тартора налилось краской гнева, – надоел мне твой скулёж. Ещё хоть слово…

– Ох, родненький, ты меня здорово продырявил, – словно издеваясь, повторилась старуха. – Нельзя же так…

– Сдохни! – вскипел Тартор и одним махом снёс старухе голову. Голова покатилась по земле, словно кочан кровавой капусты.

– И это вся благодарность, – бурчала отсечённая голова. – Эх, молодёжь, молодёжь…

Тартор молча глядел на безглавое тело, направившееся к бурчащей голове. Тело нащупало свою главную часть, подняло и вспыхнуло тёмно-зелёным, воняющим болотом, пламенем. Несколько мгновений, и на его месте осталась лишь пригоршня бурой золы.

– Мона, ко мне! – позвал Тартор.

На клич сбежались все шакалы кроме Тифуариуса, который опасливо обнюхивал останки Скуки. Как следует обнюхав и помочившись на них, самый мохнатый из четверых зверьков, радостно вывалив набок язык, побежал к хозяину.

Тартор гладил вертящихся вокруг шакалов и думал о том, что постепенно сходит с ума. Возникший в голове образ игольчатого борка заставил наёмника содрогнуться от неприятных воспоминаний.

Глава 15: «*Книга Божественных Величий». Произвольное*

…И сказал он: всё живое на земле должно дрожать пред его величием. И воздвиг он Вулкан Ненависти в знак воли своей. И обрушил он пылающую смерть на головы усомнившихся…

…Богиня морей Водруса очень редко покидает свои потусторонние владения. Единственная причина, по которой Она навещает мир смертных – любовь к гигантским жемчужинам. Такие жемчужины рождаются внутри раковин древних моллюсков – неимоверно редких исполинских подводных существ. Доказано, что жизненный цикл некоторых особей может длиться миллионы лет. Обернувшись злобной голубой акулой, Водруса рыщет по дну Вечного Океана в поисках любимого украшения. И никогда эти поиски не прекращаются до тех пор, пока гигантская жемчужина не будет найдена.

Обитатели подводных глубин, которым не посчастливилось оказаться поблизости исполинской голубой акулы – гибнут от её свирепых челюстей. Но этим дань смертного мира перед богиней не исчерпывается. Отыскав древнего моллюска, акула разгрызает его раковину и добывает жемчужину, тем самым убивая благородное существо. От радости находки, Водруса оборачивается прекрасным дельфином. Но радость смешивается с чувством скорби по погибшему моллюску. Из громадных глаз дельфина текут моря солёных слёз, вытесняя воду из берегов, затапливая близлежащие поселения мыслящих. Именно из-за страха возвращения Водрусы, множество селений и городов, живущих морским промыслом, были перемещены на километр и более от водных границ…

…Призрев всех и всё в потустороннем мире, бог Арахк изгнал себя в мир смертных. Тысячи лет он странствовал по открывшимся ему землям в попытке разгадать их тайну. Боги способны почти на всё в бренном мире, но понять саму суть вещей Арахку так и не удалось. Пока не удалось. Мир смертных отличается скоротечностью, бурлящей изменчивостью, сменой циклов и поколений. Потусторонний мир вечен. Поэтому любознательному Арахку не составило труда его понять. Это и послужило причиной самоизгнания. Каково же было удивление бога, когда он понял, что ничтожный мир смертных намного сложнее и разнообразнее великого и бесконечного потустороннего мира. И это понимание распалило в нём невыносимую тоску. Покинув потусторонний мир в надежде развеять одиночество, Арахк только глубже погряз в нём.

Но есть в смертном мире то, что пришлось Арахку по душе. Пауки. Членистоногие создания, напомнившие богу самого же себя. И даже не внешним сходством, а своим образом жизни. Каждый из них обречён до конца дней ткать паутину в надежде поймать добычу. Так и Арахк: он обрёк себя плести паутину вечного поиска, изредка вылавливая ею крупицы истинных знаний…

…Притча о взаимопонимании

На сборе гильдии наёмных убийц возник религиозный спор между двумя и без того враждовавшими кланами. Глава, а, следовательно, и весь клан, поклонялись Гирену, богу крови. Другой клан приносил жертвоприношения богу оружия Спайкнифу. Спор, словно вспыхнувший хворост, охватил всех присутствующих на сборе и принял угрожающий масштабным кровопролитием оборот. Как почитатели Гирена, так и Спайкнифа – настаивали на том, что их бог самый свирепый, сильный и жестокий. О том, чтобы прислушиваться к доводам друг друга – речи и быть не могло.

Когда лёгкий мордобой принялся превращаться в жесточайшее избиение, когда вместо кулаков замелькали битые бутылки и клинки – тогда-то в спор вмешался Верховный Гильдии. Сам он был почитателем Мастука, поэтому роль беспристрастного судьи пришлась ему впору. Воззвав к порядку, он приказал завязавшим потасовку главам кланов выйти вперёд и держать ответ.

Толпа разделилась на две сравнительно равные половины: почитателей Гирена и почитателей Спайкнифа. Даже приверженцы других богов приняли близкие им по духу стороны: кто из уважения, кто из страха, кто из лести…

– Гирен – величайший бог, покровитель сильных и бич слабых! Изнеженному ювелиру-оружейнику и не снилось такое могущество! – не дождавшись разрешения, заговорил глава клана – худой, высокий, слегка сгорбленный мужчина с рыжей бородой и коротко-стриженными рыжими волосами.

Толпа за его спиной зашепталась.

– Как ты смеешь называть так величайшего Спайкнифа? – зашипел пожилой драг с шелушащейся от старости чешуёй – глава противостоящего в споре клана. – Твой гиено-бог только и способен, что беззащитных детёнышей люртов жрать!

Из-за его спины понеслись одобрительные возгласы.

– Детёныши слабы и беззащитны, – парировал высокий. – Гирен – бог силы и мощи. Пожирая беззащитность, он утверждает над ней власть. А на что способен твой бог? Сотни, если не тысячи лет он не появлялся в нашем мире. В то время как Гирен бродит по нашим землям чуть ли не каждый день!

– На что способен мой бог? Вы слышали? – драг с сардоническим, насколько позволяла его мимика, выражением лица повернулся к зашептавшейся толпе за спиной. – На что способен Спайкниф? Да он в одиночку практически уничтожил всех древних примов! На что способен! Хе-хе, – глава гильдии наёмных убийц зло рассмеялся.

– Вот тут и проявляется слабость твоего бога! – ликующим голосом заявил высокий и слегка сгорбленный. – Если бы Гирен взялся, то без пощады спалил бы всех примов. До единого.

По обе стороны возникли громкие перешёптывания, в основном – примов. Драг раскрыл рот, чтобы возразить, но высокий не дал ему высказаться, продолжая говорить:

– И это не просто слова! Вспомните старинную легенду о «треногих людях». Чем она кончается? Дикая гиена вошла в их дом и перегрызла глотку каждому.

– При чём здесь эта легенда? – забрызгал слюной загнанный в угол драг. – К чему ты это всё говоришь? Что за бред?!

– Это не бред! – прохрипел раскрасневшийся рыжебородый, прокашлялся, выпил воды из фляги и продолжил: – Эта легенда ничто иное, как запечатлённое истребление древней неизвестной нам расы мыслящих. И кем? – он ликующим и в то же время пренебрежительным взглядом обвёл своих противников по спору. – Спайкнифом? Хех! Вы прекрасно знаете, какой бог предстаёт в ипостаси гиены…

– Это не доказательство его могущества! Это всего лишь байка! – всё не сдавался старый драг.

– Да что ты такое мелишь, дряхлая ящерица?! – перешёл на крик рыжебородый. – Гирен одним пальцем вашего Спайкнифа за пояс запихнёт!

– Ах ты ж навоз слопра! – не стал церемониться драг и обрушил на спорщика град свирепых ударов.

– А ну прекратите это ребячество! – рявкнул Верховный Гильдии, от чего драг послушно выпустил шею рыжебородого из цепких рук. – Ваш спор с каждой минутой становится всё глупее и глупее! Посмотрите на себя. Нет, вы посмотрите хорошо друг на друга! Кого вы видите? Вы – в первую очередь наёмники. Хладнокровные убийцы, без колебаний выполняющие любой самый, что только бывает, грязный заказ. А во что вы превратились? В глупых религиозных фанатиков! – глаза Верховного Гильдии горели зловеще. – Вместо того, чтобы обсуждать наши общие дела, вы готовы перегрызть друг другу глотки из-за полнейшего пустяка. Разве так трудно понять, что для одних мыслящих Гирен – самый сильный и свирепый бог. А для других – Спайкниф. Третьи веруют лишь в могущество Сифы. И так далее… Ну так что теперь? Перегрызть глотки каждому, чьи верования отличаются от твоих? Друзья мои, – он обвёл внимательно слушающих наёмников добрым отцовским взглядом, – учитесь взаимопониманию! Смотрите, каждый из нас давно научился уживаться с другими расами. Так почему же мы не сможем научиться уживаться с почитателями других богов? Неужели это так сложно? Нет… Так может быть, мы отбросим эти глупые предрассудки? Какая разница, скольких мыслящих перебил наш бог, сколько гор он перевернул, сколько рек он повернул вспять? Главное ведь то, что лично для нас – он единственный и всемогущий!

Мудрые слова сыграли свою примирительную роль: вот уже и рыжебородый хлопает старого драга по плечу, улыбается и что-то шепчет; вот уже и разделённая на две половины толпа наёмников начинает постепенно сливаться в одну… На отмеченных побоями лицах начинают мелькать вначале неуверенные, но потом и твёрдые улыбки. Дружеские перешёптывания, извинения, похлопывания по плечу и пожимания рук.

– И к тому же, – подошёл к концу наставлений Верховный Гильдии, – этот спор настолько бессмысленный… Ведь даже и ребёнку должно быть ясно, что главный бог потустороннего мира – Мастук…

Расслабленные мгновением ранее, а теперь – напряжённые лица наёмных убийц обернулись к взявшему на себя роль судьи Верховному. Продлилась долгая, мучительная минута молчания, прежде чем рыжебородый выкрикнул боевой клич, который, подхваченный многими другими, пронёсся по залу смертельным приговором почитателю Мастука.

Верховного Гильдии безжалостно растерзали на мелкие кусочки, которые в последствии скормили диким собакам. Новым верховным был выбран рыжебородый. Он, несмотря на опасения многих наёмников, не стал сводить счёты с почитателями Спайкнифа, в частности со старым драгом. В конце концов, находить взаимопонимание обязан каждый толковый правитель…

Почему убили прошлого Верховного Гильдии? Да, его слова были полны силы и правды. Они лучше любого силового решения примирили возникшую вражду кланов. Но вот вещавший эти слова, увы, сам не верил в них. Он всего

лишь искусно умел выдавать свои эгоистические цели за несущие пользу окружающим вещи…

Глава 16: ***Нежданная Встреча***

– Будь ты проклят швоим любимым Моолом! – вопил Тос на пустившего «кожаные крылья» в затяжной поворот Моррота. – Меня щейчаш вывернет наижнанку!

– Чего?! – попытался перекричать завывающий в ушах ветер Моррот. – Я не слышу! Что ты хочешь?

– Чтобы ты покрылша яжвами и плещенью! – в сердцах пожелал Тос. – Кто тебя летать учил? Выживший иж ума бежкрылый штрек?

– Не вижу никаких «штреков» впереди, – ответил Моррот и потянул за верёвку, отчего левое крыло опустилось ниже: поворот стал ещё резче и стремительнее.

– Клянушь детьми, которых у меня никогда не было, когда мы прижемлимщя, я тебе такое ушт… – Тос недоговорил: их хлипкую летательную конструкцию тряхнуло, от чего страх проглотил все нарождавшиеся в голове прима проклятья.

Густой молочный туман облаков постепенно рассеивался. Тёмное пятно Смертоптицы начало обретать очертания: продолговатый корпус, похожий на панцирь навозного жука, широкие, судя по всему – сложенные вдвое крылья и клинообразный перед, уж очень сильно похожий на клюв хищной птицы.

Чем ближе к дивному механизму, тем тревожнее становилось Морроту. Заказанные опасные мыслящие. Даже слишком опасные – небольшой группой вырезать целую Диду… Если только представить, что они способны сделать с двумя подвернувшимися под руку наёмниками! Нет, лучше не представлять… Дела – хуже некуда. Задуманный Филикой план вышел из-под контроля: потеряны фитасы, с помощью которых нужно согласовывать действия. Теперь ей самой придётся убивать Краспа и разыгрывать искусный спектакль перед заказанными. А что остаётся делать Морроту и Тосу? Без весомой легенды лететь в логово ужасных убийц! Вряд ли заказанные настолько глупы, чтобы поверить в «случайно пролетавших мимо любителей горных полётов»…

Моррот выровнял «кожаные крылья». Долгое время полёт проходил плавно, что неимоверно радовало Тоса.

Яркий розовый свет вспыхнул и тут же погас, на несколько секунд ослепив наёмников. Но эта досадная мелочь не способна навредить. Заколдованные Горы опять потешаются магией? Благо, хоть не лабиринт бесконечности…

Некоторое время спустя Моррот разглядел на земле две крохотные фигурки мыслящих. До Смертоптицы оставалось не так уж и много – вполне хватило бы часа два-три пешего пути. Интерес и желание отсрочить встречу с кровожадными заказанными взяли своё:

– Спустимся к ним?! – попытался докричаться до товарища Моррот.

– Вщё что угодно, лишь бы твёрдую жемлю ощутить! – ответ Тоса был предсказуем.

Моррот пошёл на снижение. Да, летать он худо-бедно умел, вот только с посадкой как-то не клеилось… Задубевшие от постоянного напряжения и холода члены отказались слушаться в необходимый момент и «кожаные крылья» спикировали в громадный куст оранжевого трествольника. Куст, кстати, спас наёмникам жизнь, хоть и хорошенько исцарапал.

– Вот это ты кушок гниющей мертвечины! – проклинал Тос, продираясь сквозь заросли оранжеволистных ветвей. – Ты наш чуть не отправил в потусторонний мир, гиренов ты пришпешник! Чтоб твои обглоданные волками оштанки желтели на рашкалённом пуштынном шолнце! Чтоб… – здравый рассудок вернулся к приму, – Мор, ты жив?

В ответ тишина.

Тосу было уже не до проклятий. Он полез обратно в кусты, отыскал тело Моррота и вытащил его наружу.

К счастью, крот дышал, хоть и еле-еле. Он отключился: не от ушибов, а от перенапряжения. Уж слишком тяжёлое это дело – управлять наспех сколоченными «кожаными крыльями».

Несколько смачных оплеух привели Моррота в сознание. Только после этого наёмники рассмотрели тех мыслящих, ради которых спустились с небес.

Филика сидела на земле, подобрав колени к груди. На ней была странная одежда: чёрная с белыми узорами, похожими на узоры паучьих сетей, облегающая ткань и никаких намёков на пуговицы, застёжки, карманы и тому подобную шалость, без которой трудно представить современные одеяния. В руке Филика сжимала окровавленный булыжник. Её лишённое какой-либо печати эмоций лицо было белее мела. Её глаза смотрели в одну точку. Её уста едва шевелились, всё повторяя глухое: «нет, нет, нет». Рядом лежал Красп. Вернее то, что осталось от Краспа: тело, завёрнутое в такую же причудливую одежду, что и командирша, и размозжённая в месиво мозгов, крови и костей голова.

Моррот остался на месте. Тос подошёл к командирше и осторожно прикоснулся к её плечу. Филика вздрогнула и обратила к нему непонимающий, испуганный и подавленный взгляд.

– Филочка, девочка, положи камушек… – как можно ласковей попросил Тос.

Филика вновь вздрогнула, будто вспомнила что-то ну уж слишком плохое, и тем же отрешённым взглядом покосилась на окровавленный камень в своей руке, потом на тело Краспа, потом вновь на камень…

– Прекрасная погода, – совсем тихо сказала она.

– Да, Филочка, прошто отличная погода, – согласился Тос, – только положи камушек…

– Я никого не люблю! – вскрикнула Филика. Её пальцы разжались, и окровавленный камень покатился, упёрся в начинающий коченеть локоть Краспа.

– Что здесь, да пощадит нас Моол, произошло? – это Моррот подошёл.

– Я никого не люблю! Прекрасная погода! – выкрикнула Филика и разрыдалась, пряча лицо исцарапанными, запачканными запёкшейся кровью ладонями.

– Дружище, давай не будем её какое-то время трогать, – предложил Тос.

Моррот молча кивнул, с чем-то вроде досады и сочувствия рассматривая мёртвое тело прима.

Невыносимо хотелось есть. Ещё невыносимей – пить. Не было ни того, ни другого. Моррот остался приглядывать за командиршей, а Тос – отправился на поиски съестного. Хотя, надежд он особо не питал: там, где растёт оранжевый трествольник – места съедобным плодам и кореньям совсем не остаётся. Трествольник, будь он оранжевый, красный или белый – самый настоящий безжалостный монстр растительного мира. И пусть поверхностный безобидный, даже милый глазу вид не вводит никого в заблуждение. Его корневая система не такая сильная и размашистая, как у пустынника. Но это не мешает ей выпускать в почву ядовитые выделения, отравляющие существование практически любому съедобному растению. И даже если вблизи трествольника какое-нибудь плодовое деревце или полный ягод куст каким-то чудом не засохли – не стоит обманываться. Плоды и ягоды с них будут последним, что отведает неосторожный голодный путник. От корневого яда трествольника ещё никто не смог найти противоядие! Нет, были, конечно, случаи, когда мыслящие выживали – но только потому, что съеденные ими «щедрые дары природы» ещё не успели как следует напитаться ядом.

Филика пришла в себя гораздо раньше, чем ожидалось. Она поднялась с места и твёрдым голосом заявила, что всё будет хорошо. Командирша была молчалива, на вопрос Моррота, что же с ней, Гирен подери, произошло, отвечать наотрез отказывалась. Но зато её глаза, а значит и разум, были ясны. А это – самое главное.

Наёмники и не подозревали, что всё это время за ними наблюдала пара налитых кровью и лютой ненавистью глаз…

После тяжёлого перелёта впору было расслабиться, набраться сил. Но как тут расслабишься и отдохнёшь, когда в желудке хоть шаром покати? Возвращение Тоса только всё усугубило: поиски увенчались полнейшим крахом. Не то, чтобы пожевать чего нашёл, так и воды не раздобыл. А ведь страшнее голода – только жажда…

Он появился действительно тихо: искусный хищник, подкарауливший добычу. Налетел, будто нежданный смерч, и одним махом хвоста повалил Филику и Моррота, о чём-то беседовавших друг с другом. Тос толком ничего не успел сообразить, когда зверь со всего маху сбил его наземь твердым, как камень, лбом массивной головы.

– Конец вам, ничтожества, – прорычал волчьим языком напавший и разразился душераздирающим гиеновым хохотом.

Это было последнее, что слышал Тос, прежде чем потерять сознание.

Очнулся он от ужасающей боли в ногах – они были придавлены валуном. Филика и Моррот лежали рядом, точно так же скованные. Подобным образом заточать пленных любят волки. В особенности – чёрные…

Ворка было очень трудно узнать: его шерсть полнилась проплешинами с уродливыми, плохо зажившими ранами от ожогов. Но никто бы не спутал его чудовищный, полный жажды живой плоти взгляд.

– Наконец-то вы все очнулись, ничтожества, – заговорил вожак чёрных волков.

– Мразь! Тварь! Гад! – завопила бьющаяся в бессмысленных попытках вырваться Филика, наконец-то понявшая, что же с ней произошло.

– Ох, как мне приятно слышать слова твоего страха, – сладостно проскулил Ворк. – Ещё немного. Ещё совсем немного, и твой страх станет вкусным. Таким, что мне по душе.

– Филика, прекрати паниковать! – рявкнул Моррот. – Не бойся его! Не дай этому ошпаренному псу насладиться твоим страхом!

– Что, мудрый старый крот решил всех спасти? – ехидно протявкал Ворк. – Не получится, гнойное подземное ничтожество. Не получится!

Волк подпрыгнул к Морроту и разверз смертоносную пасть прямо перед его головой, обдавая из неё вонью застрявшего в зубах мяса. Мгновение спустя голова крота была внутри пасти. Моррот ощутил больное прикосновение слюнявых клыков, острых и крепких как лучшие клинки из павшей под натиском армии Тризолуса Стальни. Крот и не думал пугаться: смерть его не страшила. Наоборот, последнее мысли о встречи с ней всё больше прельщали. Слишком сильно устал он за свою жизнь. Но, умереть нужно достойно! Если и суждено великим Моолом принять смерть от зубов этого ненасытного монстра – пусть так тому и быть. Пусть этот гад подавится сухостью и храбростью угощения. Ни капли страха он не получит! Ни крохи испуга!

– Ничего, ничего, ничего, – зарычал Ворк, отнимая пасть от головы Моррота, – ты у меня ещё испугаешься. Да так испугаешься, что все те ничтожные жителишки Гродица покажутся мне великими смельчаками. Вы так просто у меня не умрёте. За то, что вы сделали с моим лесом и моими подданными – вы получите заслуженное наказание. Ой какое заслуженное. Все без исключения.

– Это вы, дряни, убили Лирка! – завопил Тос. – Паршивые комки блох и клещей!

– Ох, того однорогого люрта? – весело проскулил Ворк. – Скажу по правде, я хорошенько упился его страхом. Такой грозный на вид, и такой трусливый на вкус. Признаюсь, он был довольно неплохой закуской.

– Жамолчи! – приказал Тос.

– Мне указывают замолчать? – ехидно проскулил вожак чёрных волков и чудовищно рассмеялся, как гиена. – Кто мне указывает? Лохматое шестилапое ничтожество? Ко всем недостаткам которого можно добавить ещё и обречение своих товарищей, таких же ничтожеств, на мучительную и страшную смерть?

– Что ты нещёшь? – захлёстываемый ненавистью, прошипел Тос.

– Выследить вас было проще простого, – упивался Ворк. – В суматохе пожара ваши запахи, ничтожества, смешались с горелыми ветвями, листвой и мхом. Многие из моей стаи погибли в костре. Те, кто выжили – разбежались кто куда. Они больше не хотели слушать меня… – в жестоких глазах зверя на мгновение блеснуло что-то вроде сожаления и печали. – Я уж совсем отчаялся. Думал, никогда не поквитаюсь с вами. Да вот вдруг учуял свой собственный запах. Совсем слабый. Я решил пойти по следу. И мои старания не прошли даром. Теперь вы – мои пленники, которым уготована страшная участь. И всё благодаря этому сгорбленному фиолетовому приму. Это ничтожество, на счастье мне, но на несчастье вам, носило в набедренном кармане клок моей шерсти. Почему он это делал – мне всё равно. Зато теперь я могу поквитаться с вами.

Тос похолодел от страха и осознания своей глупости. Действительно, расследуя места убийств в Гродице, прим положил найденный клочок шерсти себе в карман. А потом неожиданные события сменяли друг друга, словно картинки кошмарного калейдоскопа. Куда там дело до какого-то комочка шерсти? А после – и вовсе забылось. До сегодняшнего злополучного дня…

– Значит, ты лишился своей стаи, говоришь… – ухмыльнулся Моррот.

– Ненадолго, тупые ничтожества, совсем ненадолго, – зарычал Ворк. – Они вновь придут, когда на моей шее будет красоваться ожерелье из ваших тупых голов.

– Ну, так чего ты медлишь? – каким только возможно спокойным голосом спросила Филика и обнажила золотые клыки в презрительной улыбке. – Или ты решил нас до смерти заболтать?

– И вправду, – согласился Ворк, подскочил к Тосу и укусил его за плечо. Прим взвыл от боли. Клык прошёл плечо насквозь, задев кость. Волк упоительно дёргал головой, расковыривая рану.

Вопли Тоса пугали обречённостью. Нет, сегодня умирать он совершенно не хотел. Да к тому же эта боль. Эта ужасная, невыносимая, растекающаяся по телу кислотными струями боль…

– О да, мне нравится, – Ворк оторвался от раны. – Твой страх не самый вкусный, но ничего, вскоре будет лучше, – он продолжил пытку.

– Отпусти его! Отпусти его! Отпусти! – всё повторяла Филика.

– Отпусти его, – прорычал кто-то за спиной.

Ворк навострил уши и повернулся на рык. Тут же его морда приняла боевой оскал:

– Проваливай отсюда, нечёрный, это не твоё дело.

– Я не позволю тебе издеваться над ними, – грозно прорычал скалящийся в ответ волк с пепельной шерстью и загнутым набок хвостом.

– Вы, нечёрные, – одиночки. Вам не понять, что такое лишиться стаи, – скалился Ворк. – Уходи прочь. Или я убью и тебя.

– Уходи ты, оставь их, – отвечал пепельно-шёрстный незнакомец. – Я не люблю лишать жизни мыслящих. Даже подлых и мерзких чёрных волков.

Ворк ответил ему боевым кличем и напал. Два волка сцепились в ужасающем танце смерти. Мелькали клыки. Хвосты, точно плети, хлыстали. Массивные лапы впивались короткими но острыми когтями в тела соперников. В таком танце стоит кому-то ошибиться – и путешествие в потусторонний мир обеспечено.

И волк с пепельной шерстью ошибся… Ворк выкрутился из его захвата за холку, лишившись при этом доброго куска шкуры, и в то же мгновение вцепился врагу в горло. Хватило нескольких секунд, чтобы сделать своё кровожадное дело.

Защитник наёмников лежал на боку. Жадно глотал воздух. Шерсть на его шее заливалась кровью из чудовищной раны.

– Ты – не ничтожества, за которых решил отдать жизнь, – проскулил запыхавшийся Ворк. Его тело покрывали раны и ушибы, но все они были не смертельными. – Мне даже жаль тебя.

Умирающий волк попытался прорычать что-то в ответ, но вышел только булькающий хрип.

– Чего ты пялишься, ничтожный землекоп? – рявкнул Ворк на Моррота и хлыстнул его по лицу хвостом. Широкий и длинный нос крота переломился в нескольких местах, из ноздрей хлынула кровь. Моррот взглядом полным ненависти и отсутствия страха поглядел на мучителя.

– Ничего, ты у меня ещё забоишься, – пообещал чёрный волк. – Забоишься. Накормишь меня сладостным страхом.

Ворк подскочил к Тосу и принялся вновь раздирать рану.

– Я же сказал тебе оставить его в покое, – раздался рык за спиной.

Ворк вздрогнул и резко обернулся. Не может быть: оставленный умирать волк стоял на лапах и скалился.

– На этот раз я отгрызу тебе голову, – пообещал Ворк и приготовился к прыжку.

Но обещанию не суждено было сбыться. Из пасти пепельно-шёрстного волка вырвалась толстая змея молнии, вмиг окутавшая электрическими объятьями чёрного волка.

Ворк взвыл от боли и помчался прочь. К спасению. Оставляя после себя отвратительный смрад палёной шерсти. Но этот смрад вскоре растворился в прохладном послеобеденном воздухе.

В памяти наёмников всплыл только один волк, разделивший кровь с жидким магическим существом. И этот волк был одним из заказанных. Бирюк!

Бирюк откатил валуны. К счастью, ноги у наёмников остались невредимыми, если не считать ссадин и гематом. Мягкая земля с травой помогли обойтись без переломов.

– Спасибо тебе… – еле выдавил Моррот, держащийся за расквашенный нос.

Бирюк не ответил, обвёл спасённых пристальным волчьим взглядом. Затем сорвал зубами с задней лапы кожаную перевязь с мешочком, непонятно как удержавшуюся во время боя, и бросил командирше.

Филика обнаружила в мешочке лечебную мазь, поднялась и тут же упала: затёкшие ноги не смогли её удержать. Тос держался за рану, мужественно стараясь не показывать, что ему невыносимо больно. Командирша со второй попытки поднялась и подошла к приму. Смазала рану мазью, а потом перевязала шарфом, которым ещё недавно Тос безуспешно укрывал лицо от пронизывающего холодного ветра в полёте. После пришёл черёд фыркающего Моррота. Несмотря на его сопротивление, Филике всё-таки удалось добраться до носа: резким и умелым движением пальцев выровнять его, а потом как следует обработать лечебной мазью. Стоит ли говорить, что крот дико взвыл от боли при этом?

– Скоро чёрный вернётся, может быть, даже с помощью. Нужно идти, – сказал волк. – Сможете?

– Куда денемщя? – сквозь зубы процедил Тос.

– Спасибо тебе доблестный… – нацепила притворную улыбку Филика, но Бирюк оборвал её:

– Здесь неподалёку труп прима. На нём такая же странная одежда, что и на тебе.

– Да, ты прав, – Филика поёжилась, ведя внутри титанический бой с наплывающими обрывками ужасающих воспоминаний. – Это я убила его.

– Ты убила? – переспросил навостривший пепельные уши волк.

– Да. Я убила, – Филика пытливо посмотрела в глаза хвостатого собеседника. – Ты ведь знал его? Краспа? Пусть на теле и не рассмотреть лица, но вам, волкам, этого и ненужно, чтобы узнать.

– Самки людей – самые коварные и лживые существа во всём Главном Материке, – ответил Бирюк. – Я чувствую, как ты втягиваешь меня в какую-то хитрую игру, которыми вы так хорошо владеете… Но мне всё равно интересно. Я отвечу: да, я знал его.

– Раз ты знал его, – продолжала Филика, – значит, ты знал и то, что он хотел убить тебя и всех твоих друзей. Ведь верно, Бирюк?

– Теперь ты совсем меня удивила, – говорил с ещё большим интересом глядящий на командиршу волк, – мало того, что ты знаешь моего врага, так ты ещё знаешь и моё имя.

– Ну как же не знать имена тех, кто путешествует по миру на Стальной Птице?

– Вот как? – склонил набок голову Бирюк. – И, может, ты что-то слышала о нас ещё, кроме имён?

– Да разные слухи болтливые языки по Материку разносят… – отмахнулась Филика. – Всему верить – быть глупцом…

– Ты права, – согласился Бирюк. – Идёмте за мной.

Ноги ныли, раны обжигали болью. Но боль можно и не замечать. А усталость? С ней способен справится любой наёмник-середняк. Что уж говорить о таких элитных головорезах как Филика, Моррот и Тос?

Путь до лагеря «падших героев» оказался длиннее, чем рассчитывали Моррот и Тос, когда пустили на посадку «кожаные крылья». Давно стемнело,

и вторая луна вовсю сияла обломком платиновой монеты на испещренной самоцветами звёзд пелене неба. Первая луна тонула в мрачных громадах ночных облаков. Накрапывал мерзкий холодный дождь.

В полумраке ночи проглядывались огни. «Вот и вы, наши заветные денежки…» – подумала Филика. Но эта мысль не согрела её. Наоборот, противным холодком обдала всё внутри. О чём подумали Моррот и Тос – знают лишь они сами. Но мысли их были далеко не приятными…

Глава 17: ***Дети Носолома***

После в прямом смысле победы над Скукой, Тартор помрачнел. Сделался злее и подозрительнее. Каждый шорох, каждое дуновение ветра, каждый крик птицы – заставляли его содрогаться. Он не верил, что Скука ушла насовсем. Это магическое наваждение – или чем оно там вообще было – клинком не остановить. Посему наёмник ожидал его триумфального возвращения. И это ожидание выедало духовные силы, делало нервным и нетерпеливым. Уж лучше зевать от скуки, чем содрогаться от подозрительности…

Погружаясь в чтение «Книги Божественных Величий», Тартор каждый раз боялся оторваться. И не потому, что было уж так интересно. По большому счёту, книгу он знал практически наизусть. Причина крылась в другом: наёмник боялся вновь увидеть блеклое морщинистое лицо. Но утомлённый до предела, он откладывал книгу. А Скука всё не появлялась. От этого напряжение росло ещё больше.

К тому же, большинство времени свинцовые дождевые тучи кутали небо. От мрачной погоды на душе становилось ещё хуже.

А шакалы беззаботно резвились, словно и не помнили всех тех прошлых визитов унылой старухи. А ведь приходила она часто. И всегда неожиданно. Впрочем, уходила она так же неожиданно. Разве что в последний раз Тартор поторопил её уход, снеся эспонтоном голову.

«А вот и я, родненький!» – время от времени проносился в голове наёмника голос Скуки. То ли воображение разыгрывалось, то ли старуха потешалась. В любом случае, когда это происходило – дрожь проползала по телу тысячами ледяных гусениц.

И непонятно ещё, чем бы всё это дело закончилось, если бы из мучительного ожидания Тартора не вырвал лай шакалов, а затем и жалобный визг. Именно благодаря мохнатым четвероногим – наёмник смог сохранить свою жизнь…

К лагерю приближались незваные гости.

В чём был – босой, в штанах и сорочке – Тартор выбежал из кареты, автоматически захватив с настенных крючков эспонтон. Стоило ему лишь высунуться, как рой смертоносно свистящих стрел и болтов забарабанил по карете, жадно впиваясь в лакированное дерево. Да, вот так просто высунуться – тупее ошибки наёмник допустить и не может. Лишь только волей покровительствующих богов ему удалось избежать прямого попадания. А ведь

несколько стрел задели сорочку, каким-то невероятным чудом лишь царапнув тело! Повалившись наземь, Тартор заполз под карету. Нескольких секунд ему хватило оценить серьёзность ситуации: на земле лежал сражённый десятком стрел шакал (кто именно, разглядеть было невозможно), дюжина лучников и двое арбалетчиков приближались, не жалея стрел обстреливали место укрытия; за ними шли с полдюжины мечников и столько же копейщиков. Хватило лишь беглого взгляда на их серые облегчённые латы с теснённым красным гербом на груди определить: это отряд Наёмников Севера.

Пусть из-за расстояния герб на грудях надвигавшихся бойцов разглядеть было трудно, но Тартор и так знал, как тот выглядит: сжимающий стрелу кулак. Как же не знать герб твоих заклятых конкурентов? Если уж на чистоту, то до того, как Филика сколотила Ищеек Смерти, лучшими наёмниками во всём Главном Материке по праву считался отряд Сификура Пятого, который дал им гордое название «Наёмники Севера». Отрядов у Сификура было много – по большому счёту, это была гильдия наёмников, объединённая одним гербом и одним предводителем. Разумеется, все заказы, а, следовательно, и их оплата, проходили через Сификура. Попасть в гильдию было совсем уж непросто. Филика задумалась о создании своей собственной банды отчасти из-за того, что не прошла отбор в неё… Будущая командирша решила сделать ставку не на внушающие страх силу и количество, как это было у Наёмников Севера, а на ловкость, интеллект и сравнительно низкие цены за услуги. И она не прогадала! Благодаря её небольшому отряду из пяти мыслящих (тогда Лирк ещё не успел погибнуть в Седом Лесу) громадная организация Сификура понёсла потерю славы. Нет, конечно же, заказов хватало, и всегда будет хватать на всех. Но, подобно пожару в сухом лесу, распространившиеся слухи о Ищейках Смерти, выполнявших задания быстро, качественно и недорого, сделали своё дело. Практически каждый потенциальный заказывающий в первую очередь намеревался обратиться к отряду Филики. И, только если не получалось, искал помощи у Наёмников Севера или у других наёмников, коих по всему материку – как собак нерезаных.

Сификур и его подчинённые до последнего старались не замечать новообразованное подразделение наёмников. Всё отшучивались и смеялись над «тупыми дилетантами». Где же это видано, чтобы во главе отряда наёмников стояла женщина? Наёмники Севера первые отказы постоянных работодателей восприняли несерьёзно, списав всё на прихоть судьбы. А тем временем Филика и её отряд набирали обороты… А когда наконец-то Наёмники Севера восприняли конкурентов всерьёз, было уже поздно: молва об Ищейках Смерти ходила по всему Материку. Но что громадной махине мелкая кучка выскочек? Так, просто назойливая муха – ничего больше.

Стоит несколько слов сказать о предводителе Наёмников Севера. Более сотни лет назад, профессор магического искусства ковки и оружейного дела Сификур Пятый утомился от обыденности жизни в Стальне (тогда никто и не подозревал, что город падёт от наплыва армии ещё не родившегося Верховного Мага Тризолуса). Он выбрал себе весьма странное занятие, как

для профессора. Обладая значительным капиталом, собранным за годы проживания в городе, расположенном в жерле потухшего вулкана, он собрал под одной крышей лучших на его взгляд наёмников, упорядочил их работу и чётко расписал обязанности. Но самое главное – вооружил их оружием, выкованном в Стальне. Нанял мыслящих, представляющих его в большинстве городов Материка. Представители имели право принимать заказы. Но окончательное слово всегда было за Сификуром. Большие расстояния для общения между главой и подчинёнными преградой не были: почтовые фитасы всегда доставляли послания в срок. Заказы принимались в основном на убийство мыслящего или группы мыслящих. Реже – на подавление бунтарских мыслей путём физического наказания (без смертельного исхода). Иногда Наёмники Севера привлекались в помощь армий воюющих городов. Множество раз их нанимали для тихого устранения «невыгодных» политиков. Нужно отметить, что в подавляющем большинстве случаев наёмники справлялись с заданиями. Сам Сификур в исполнении заказов непосредственное участие принимал весьма редко. Но если принимал, то только в кровавых, обрекая заказанных на мучительную смерть от укусов роя магических ос или пауков. Его боевая магия подчинения и создания насекомых наиболее сильна.

Но до поры до времени Ищейкам Смерти удавалось сохранять с Наёмниками Севера если не дружеские отношения, то хотя бы – нейтралитет. С какого это слизня им взбрело в голову напасть? Времени размышлять у Тартора не было, но и без этого из памяти выплыли сравнительно недавние события в Саре. Тартор тогда насмерть зашиб охранника… Как узнали Моррот и Тос, покидавшие город, за головы Филики и Тартора власти Сара назначили по двести золотых. Вот тебе и прекрасный повод поквитаться с «мелкой кучкой выскочек»!

А тем временем бойцы всё приближались…

Да, ситуация не из лучших: до ближайшего укрытия за скалами метров двести. А до реки – так вообще в два раза больше. Бежать – верное самоубийство. Пусть, линии обстрела мешали кареты, но лишь на первых десяти-двадцати метрах. Дальше – поминай, как звали…

«Вот тебе и домик на берегу речки и размеренная старость, – панически подумалось Тартору. – Сейчас ближе подойдут и обстреляют как загнанного пса, а то и вовсе – затыкают копьями, как неблагородную скотину…»

Но если уж и подыхать, то с собой кого-нибудь забрать! Тартор прополз несколько метров и… провалился под землю!

Благодарить судьбу было некогда: нужно ползти прочь. И как можно быстрее! В норе оказалось вполне просторно для человека, стоял сухой гнилой запах, со стенок торчали коренья, ползали слизни и червяки. Держа впереди клинок эспонтона, Тартор полз прочь от подбирающихся к карете наёмников. Из-за движимого им страха, он даже не задумывался о том, кому могла принадлежать эта нора…

А тем временем Наёмники Севера обнаружили исчезновение заказанного. Откатили карету и наткнулись на нору. Но в неё никто лезть не захотел: мало ли какое потустороннее чудовище способно её вырыть. Решили просто засыпать, что и сделали. Пусть лучше Тартор там заживо сгниёт, если повезёт не встретиться с обитателем…

Командир отряда Вик Носолом – жилистый и высокий прим с уродливым шрамом от уха до уха вдоль перебитого набок носа – был доволен своими бойцами. Они осмотрели кареты и близлежащие места возможных укрытий, но никого не обнаружили. Вот и замечательно! Теперь все пожитки Ищеек Смерти принадлежат его отряду. То есть – ему.

В салоне раздался обречённый вопль.

– Носолом, – позвал высунувшийся из кареты лучник-драг, – здесь на сундуках ловушки!

– Неужели? – рявкнул командир. – А ты чего ожидал? Что конкуренты нам свои сокровища просто так отдадут?

– Эмм… – замялся лучник.

– Ну, кто на этот раз? – сдвинул толстые коричневые брови на чёрной шерсти лица Носолом.

– Тифук, мечник… – выдохнул драг.

– А-ну пошёл с прохода! – громом разразился командир и швырнул наземь так неудачно ставшего на входе в карету лучника.

В салоне витал густой дух крови и потрохов. Рядом с сундуком лежал изувеченный драг. Его руки по локоть больше напоминали изорванные бобросами тряпки, а не руки, а из широкой дыры вдоль грудного доспеха выглядывали кишки. Он был ещё жив, но с каждой секундой его душа всё ближе подбиралась к створкам ворот потустороннего мира. Из сундука торчали окровавленные лезвия.

В окна и дверной проход кареты уставились пытливые глаза. Наёмники отлично знали нравы командира и понимали, что внутрь заходить не следует…

– Что же ты так, Тифук? – раздражённо спросил Носолом, тщетно укрывая от вони нос рукавом сорочки.

Тифук прохрипел что-то невнятное в ответ.

– Ты думал, так просто сундучок откроется? – допытывался командир. – Раз, и всё?

– Боль… – с невероятным трудом смог выдавить из себя смертельно-раненный мечник.

– Тебе больно, друг мой? – с издёвкой спросил Вик Носолом.

– Помоги… – вновь выдавил внятное слово Тифук.

– Если бы мог, всё равно не помог! – нараспев ответил командир.

Умирающий драг прокашлялся кровью.

– А знаешь ли ты, тупой ублюдок, – совершенно спокойным, ровным голосом говорил Носолом, – что нам несказанно повезло?

– Боль… Помоги мне… – молил раненный.

– Не перебивай, шваль! – рявкнул Вик и пнул драга в изувеченную руку.

– А-а-а-х-х-х… – обречённо выдохнул Тифук: у него не оставалось сил даже вскрикнуть от новым потоком нахлынувшей боли.

– Так вот, – вновь спокойно и сдержанно заговорил Носолом, – нам повезло, что ловушкой здесь были эти лезвия. А представляешь, уважаемый Тифук, что бы случилось, будь вместо них добротный заряд чёрного пороха или ещё чего-нибудь взрывного? А мы тут все рядом стоим…

Тифук виновато опустил окровавленные глаза.

– Вижу, что понимаешь… – тоном простившего блудное дитя отца сказал Носолом. – Да не съедят твою душу боги.

Носолом молниеносно выхватил из ножен искривлённый меч и одним махом снёс голову Тифуку. Вытер лезвие о висевший на крючке камзол Тартора и вышел из кареты. Подглядывающие наёмники разбежались от кареты, как спугнутая стая рыбёшек.

– Тилип, – позвал капитан своего главного помощника.

Здоровенный человек с лысой, как кость, черепушкой и толстой, словно ствол дуба, шеей подошёл к Носолому.

– Распорядись, чтобы убрали в карете, пригнали лошадей и взломали ловушки, – потребовал командир.

Тилип молча кивнул, а потом разразился на подчинённых грозным басом, сравнимым, разве, с взрывом осадочного ядра:

– Вы слышали командира, мелюзга бесхребетная! Выполнять! Сирог и Тафа – за вами взлом!

Наёмники поспешно выполнили приказания, первым делом закопав тело товарища близ реки Нали. Ещё бы: попробуй, возрази командиру и его помощнику, на чьих кровавых руках, по меньшей мере, смерти трёхсот мыслящих. У каждого…

Смертельные ловушки Тоса хорошенько заставили попотеть Сирога и Тафу. Хитрость крота-каторжника заключалась в том, что ловушки представляли собой сложнейшую цепь сообщающихся механизмов. Другими словами, даже если сработала одна ловушка, вздумай взломщик прикоснуться к сундуку, от которой она сработала, и непременно среагирует вторая. Открывать сундуки можно лишь в том случае, когда всё обезврежено до последней крохотной пружинки.

Сирогу и Тафе удалось доказать свою славу непревзойдённых мастеров взлома и уже ближе к вечеру все ловушки были устранены. Сундуки вскрыли и тут же позвали командира.

Золото…

– Будь прокляты ваши дети, – похлопал Носолом по плечам Сирога и Тафу, – тут тысяч семь-десять золотых будет…

Даже страшно предположить, какая дикая пелена золотой пыли застелила глаза собравшихся в салоне и глядящих в окна и проходы наёмников.

– Носолом, это мы взломали ловушки! – забрызгал слюной Сирог (он всегда говорил за себя и за жену). – Нам нужна награда! Этот сундук – наш! –

Сирог любовно обхватил сундук и завертел головой, злобно скалясь и по-вараньему шипя на стоявших рядом наёмников.

– А чем мы хуже этих недоделанных драгов-взломщиков? – зашептались, а то и громко заговорили наёмники.

Ещё чуть-чуть, и ослеплённые жаждой золота, все перегрызут друг другу глотки…

– Вон отсюда! – рявкнул Носолом.

– Пошли прочь, насекомые! – подхватил Тилип и пнул ближайшего лучника. Помощник командира сразу сообразил, что за помощь в подавлении несостоявшегося бунта получит хороший пай.

Наёмники нехотя, словно огрызающиеся псы, попятились из кареты. Тилип отогнал бойцов от окон и проходов. Нечего смотреть на то, что должно произойти… В салоне остался лишь Носолом и приникший к сундуку Сирог. Перепуганная поступком мужа, Тафа выбежала из кареты одной из первых.

– Ну, дружище, что мне с тобой сделать? – отцовским голосом спросил Носолом.

– Моё сокровище! Моё золото! Моё! – завопил невменяемый Сирог.

– Увы, это не так… – развёл руками Вик и почесал шрам, уродливым багряным червём выевший шерсть на лице.

– Почему?! Золото! Оно моё! Носолом, я ведь заслужил его! Я рисковал жизнью! И теперь я заслужил награду! Всего один сундучок! Всего один маленький, полный золотишка сундучочек! – не унимался Сирог, принявшийся в перерывах между репликами целовать монеты с изображением древнего короля Сарбонии.

– Ну что же мне с тобой сделать? – это может показаться странным, но мысли командира в тот момент действительно были о дальнейшей судьбе своего наёмника. Над Виком Носоломом золото не имело такой могучей силы, как над подавляющим большинством других мыслящих. Для него золото – лишь одно из средств достижения цели. Да, мощнейшее средство, но не более того. А вот возникшую на горизонте замыслов ещё несколько лет назад цель нельзя решить без этого золота. Сейчас, как никогда, Носолом был близок к ней…

Тем временем Тилип заставил Тафу осмотреть сундуки второй кареты. Карета выглядела значительно дешевле, чем первая. Словно в подтверждение этому, на сундуках в салоне стояли слабые ловушки. Их ещё называют «сундуковые крысоноловки» и обезвредить их способен даже десятилетний ребёнок. Правда, ребёнок должен быть довольно смышлёным…

К сожалению наёмников, в сундуках оказалась только одежда, кое-какое снаряжение и вяленая курятина.

Из главной кареты вышел Носолом. Его суровое лицо выглядело довольным. Следом вышел Сирог со стыдливо опущенным лицом.

– Подойдите сюда, дети мои, – обратился к отряду Носолом, как ещё никогда не обращался.

Наёмники стали возле него полукругом. Золотая пыль слегка рассеялась в глазах. Они пытливо глядели на командира. «Почему Сирог до сих пор жив?» – читалось в их взглядах.

– Дети мои, я давно хотел… – Носолом запнулся, с отцовской любовью поглядел на Сирога, потом на остальных наёмников. – Понимаете… Моя мечта… Сификур Пятый обрезает нам крылья! Мы постоянно должны глядеть на него с открытым ртом, как на бога какого-нибудь, и выжидать, когда он кинет нам очередную вшивую косточку заказа…

Наёмники, затаив дыхание, вслушивались в каждое слово капитана:

– И всё идёт через него. Всё! Мы рискуем шкурами, а дигровую долю заработанных денег отдаём этому облепившемуся дряхлому кроту-магу! Да он ведь только и делает, что сидит в одном из своих замков и предаётся межрасовым оргиям. А мы за него тут задницу рвём!

– Верно говорит наш Носолом! – рявкнул сообразительный Тилип: вздумай он выступить против – не видать золота как своих ушей.

– Верно! Верно! – подхватили наёмники.

– Но что мы можем сделать против Сификура? – осмелилась спросить Тафа, не спускавшая пристального взгляда с понурившегося мужа.

– Ты правильно спросила, дочь моя, – улыбнулся (о дикость!) Носолом. – Для этого мы используем золото Ищеек Смерти.

– Почему ты зовёшь нас своими детьми? – спросил кто-то из наёмников, спрятавшийся за спинами товарищей.

– Я как раз собирался сказать, – потёр все четыре ладони Носолом. – Я отрекаюсь от Наёмников Севера! С этими деньгами я создам свою гильдию. И она будет называться – Дети Носолома!

– Ура Носолому! – заорал Тилип.

Обескураженные наёмники промолчали: слишком о многом нужно ещё подумать…

– Как погляжу, у меня есть доброволец. Тилип, подойди сюда, – приказал командир. – Отныне ты будешь моим первым генералом.

Тилип сдержанно поклонился, хотя внутри у него дико бурлил котёл ликования.

– Моим вторым генералом будет Сирог, – сообщил Носолом.

Сирог поднял лицо. Наёмники ужаснулись: с его щёк была содрана кожа…

– Я недостоин, – сквозь боль изъедаемых мухами ран произнёс Сирог.

– Сын мой, ты искупил свою вину, – ответил Вик. – А поэтому ты достоин этого высочайшего титула. Я всегда готов простить заблудшее дитя. Лишь бы оно само хотело этого.

– Я не подведу тебя, отец… – ответил Сирог и разрыдался.

– Не надо, успокойся, сынок, прекрати, – обняв, утешал его командир.

Нет, ни один молчаливо наблюдавший эту сцену наёмник не смог избежать трепета и страха. Против стальной воли Вика Носолома никто не захотел идти. Уж лучше плюнуть в лицо развратному старикану кроту-магу…

Стоило им только выказать одобрение планов командира, как каждый был удостоен генеральского звания.

Теперь в интересах всех – нанять новых бойцов и слепо выполнять волю Вика Носолома, предводителя Детей Носолома...

Тартор полз по норе. Чем дальше, тем глубже, темнее и страшнее. Он знал, что пути назад нет – шум засыпавшей вход земли долго ещё гудел в голове. Тартор как только мог, отгонял от себя подступающую панику. Ведь, по большому счёту, его похоронили заживо…

Ни в коем случае не останавливаться. Ни при каких обстоятельствах не сбавлять скорость. Пробираться на ощупь. Вперёд. Только вперёд. Дышать становилось тяжелее. От гнилостного запаха резало глаза. Гирен всё изорви, это конец! Остаться под землёй. На корм червям… Тесно! До чего же тесно: Тартору невыносимо захотелось выпрямиться, но спина упёрлась в землю. Как это всё-таки ужасно! Ему захотелось кричать. Надрывно, без остановок. Нет! Он что, малолетний молокосос? Он – наёмник! Нужно закрыть свою пасть, заткнуть дыру страха валунами смелости. Ползи. Ползи вперёд и ни о чём таком больше не думать. Это нора. Нора какого-нибудь громадного зверя. О великие боги, если этот зверь рыщет где-то неподалёку? Он проглотит Тартора за секунду. И его желудочный сок будет долго и мучительно разъедать ещё живого наёмника… Прекратить эту панику! Ползти вперёд и всё. Если это подземное обиталище зверя, то должны быть и ведущие на поверхность ходы. Если повезёт… Нет, обязательно повезёт и Тартор наткнётся на один из них до того, как повстречается с хозяином норы. А паника может всё испортить. Наверняка это подземное чудище способно чуять страх потенциальной жертвы. Так что необходимо собраться. Вот так, хорошо. Продолжать движение. Ни в коем случае не останавливаться.

Вдалеке мрак рассеивался едва различимым светом. Значит, всё-таки есть выход! Живительный свет с поверхностного мира упрямо проникал в подземные щели. Это придало Тартору новых душевных сил. И чем ближе он подползал, тем ярче становилось. Манящее светлое пятно вскоре обрело формы. У Тартора волосы встали дыбом, всё в нём сжалось, похолодело. В широком столбе света, падающем с выхода, неторопливо клубилась пыль. А за пылью… уродливая лоснящаяся голова змарвы!

Вот тебе и хозяин норы! Знакомься, Тартор…

Ползти назад было бессмысленно – змарва в считанные мгновения настигнет. Тартор зажмурился, уткнулся лицом в землю, раздавив щекой так некстати оказавшегося на пути слизняка. Невыносимо хотелось жить. Как никогда ещё хотелось. До брызнувших из-под закрытых век слёз хотелось. Дышать. Есть. Пить вино. Спать. Спать с женщинами. Настигать заказанных. Жить. Просто жить…

Нет боли. Разве такое бывает? Потусторонний мир холодный и тёмный, как нора. Разве что где-то впереди маячит свет. Дразнит своей недосягаемостью. Смерть не так уж и страшна. И чем она хуже жизни? Той

смертной жизни, в которой всё идёт по бессмысленным законам. Неописуемым, непостижимым, но, в то же время, таким простым и обыденным. Не обманул ты – обманут тебя. Не украл ты – украдут за тебя. Не убил ты – убьют тебя. И к тому же, жизнь скоротечна. Она имеет болезненное начало и не менее болезненный конец. А смерть спокойна… Смерть вечна…

Тартор открыл глаза. Морда змарвы находилась там же, где и была. Нет, потустороннее чудище не проглотило его живьём. Страх постепенно рассеялся, и наёмник смог нормально приглядеться к зверю. Свет падал на скользкую голову. И… кое-где проходил её насквозь…

Это была не змарва. Вернее, не целиком. Это была её шкура. Видимо, она сбросила её здесь и уползла куда подальше. Тартор подобрался к шкуре и убедился в правильности догадок. Для пущей верности потыкал шкуру эспонтоном. Даже отработавшая, побитая временем шкура была тверда, как алмаз, и не поддавалась острому, как волчий клык, лезвию, выкованному в самой Стальне!

Искушать судьбу было незачем: Тартор бросил попытки проткнуть шкуру и выполз на поверхность.

Ох, этот прекрасный воздух, ослепительный свет и щекочущий лицо ветер! Так свежо и свободно после затхлой тесноты норы! Жить! Как всё-таки приятно жить!

Но радоваться особо нечему: Наёмники Севера захватили кареты. А вместе с ними – всё золото, что заплатил Парфлай за заказ, остатки золота за прошлые заказы, лошадей, провизию, одежду, оружие… Мало того, они убили минимум одного любимца Тартора. Бедный шакалёнок… Злости на них не хватало! Ведь, по большому счёту, ничего нельзя было сделать. Пришли незвано, негаданно и всё отобрали. Спасибо сказать нужно, что живым уйти удалось. Остаётся только тешиться надеждой, что ловушки Тоса отправят в потусторонний мир как можно больше врагов, столь нагло и бескомпромиссно напавших на лагерь.

Тартор осмотрелся вокруг: заросшие желтеющими кустарниками холмы, выцветшая трава и опавшая листва повсюду. Скорее всего, нора вела в восточном направлении. Значит, нужно идти в сторону заходящего солнца – на запад. Обратно к повозкам. Присмотреться из укрытия к захватившим их наёмникам. А потом… кто знает, может, вырезать их ночью, во сне? Было бы замечательно! Но это всё пока мечты. Нужно вначале обнаружить кареты. А после – действовать по ситуации.

Пусть нора и была средоточием страхов и истерических мыслей, но в ней присутствовало и кое-что хорошее. Прохладная свежесть ветра поначалу и была в радость, но вскоре она стала громадной проблемой. Ведь Тартор бос, одет в лёгкие штаны и сорочку! Пальцы на ногах покраснели от холода, ветер с лёгкостью пробирался сквозь неплотную тонкую ткань и остужал и без того охлаждённое тело. Но мало того, солнце всё ниже клонилось к горизонту. И чем меньше света становилось, тем делалось студенее и тоскливей. Не хватало ещё после так тяжело давшегося спасения замёрзнуть насмерть… А в норе,

что ни говори, было тепло! Но вернуться обратно в неё у Тартора даже намёка на желание не возникало.

Вот уж и совсем потемнело. Небо сделалось чёрным и мрачным: лишь в небольшом просвете дождевых туч одиноко светила изумрудная звёздочка – скорее всего, из Созвездия Крысона. Но так это или нет – трудно сказать. Тартор никогда не был силён в астрономии.

С собой ни огнива, ни спичек, чтобы развести костёр. А попробуй разжечь отсыревшие от промозглой погоды дрова палкой – ничего не добьёшься, только мозоли да волдыри на руках натрёшь. Оставалось только идти вперёд. Не останавливаясь, чтобы хоть как-то согреться по дороге.

Древко эспонтона сжимали задубевшие пальцы. Хватило бы сил добраться до карет. И под покровом ночи совершить возмездие. Перерезать всех, как слепых щенков. Утопить в крови!

Мрачные мысли Тартора оборвали сверкнувшие вдалеке жилки молний, и следующие за ними раскаты грома. А потом и дождь заморосил, вскоре превратившись в ледяной ливень. Земля вмиг намокла и скользила под ногами. Мокрая одежда липла к телу. Усилившийся ветер радости не добавлял. От холода зуб на зуб не попадал. Хотелось плюнуть на всё, лечь на грязь и заснуть. Прекрасным, сказочным сном смерти…

Нет уж! И не такие тяжбы приходилось выдерживать! К тому же, мысли о сладостной мести способны творить чудеса: греть в самую холодную минуту, добавлять силы в моменты бессилия, придавать оптимизма в мгновения отчаяния.

Дорога то круто забирала на холм, то так же круто шла на склон. Тартор то и дело – поскальзывался, иногда падал, вымазываясь в холодной грязи, поднимался и упрямо продолжал путь. Идти практически в кромешной тьме, мокрым, голодным и продрогшим до костей – занятие, мягко сказать, неблагодарное. Даже трудно представить испытанный Тартором восторг в тот миг, когда, поднявшись на очередной холм, он увидел красную точку пламени вдалеке. Сомнений быть не могло – костёр разведён возле украденных карет.

Лишившийся было всякой надежды, Тартор припустил к костру. Под покровом кромешной ночи и шумом дождя, он мог позволить себе подобную роскошь. Кровь внутри бурлила от жажды поквитаться с подлыми конкурентами. Лишь приблизившись достаточно для того, чтобы быть замеченным караульным, он сбавил шаг, а потом и лёг на землю, медленно и бесшумно продолжая путь ползком.

Ливень, казалось, разразился с ещё большей силой.

Спиной к Тартору, у костра сидел наёмник. Уронив голову на грудь – спал, что ли? Всего один караульный? Что, остальные, набив карманы золотом Ищеек Смерти, решили, мол, не их это барское дело? Вот и славненько, ребятки, вот и славненько…

Тартору, благодаря ударившей в голову крови, было совсем не холодно. В ушах звенели колокола ненависти и люти. Он подполз к караульному и молниеносно выбросил клинок эспонтона в спину врага. Чуть левее от

позвоночника, туда, где сердце. Но обязательно ещё при этом задеть лёгкое. Чтобы воздух вышел из него и сражённый караульный не смог позвать на помощь. Удар был точен: крика не последовало.

Зато мгновением позже Тартор обнаружил себя подвешенным над землёй. Он лежал, нужно отметить: весьма в неудобной позе, в сомкнувшейся над ним и подскочившей в воздух сетке. Верёвки больно впивались в тело. От неожиданности Тартор даже выпустил из рук древко оружия, так и оставшегося торчать из спины искусно сделанной куклы-приманки.

Жажда мести сделала его неосторожным. А за неосторожность наёмникам приходится очень дорого платить.

– Гиреновы отродья, жалкие насекомые! – радовался Тилип. – Не зря ведь мы этих кретинов дилетантами звали! Ну не зря же! – упивался успехом первый генерал, пританцовывая (что с ним бывало уж очень редко) возле пойманного врага.

– Подлый ворюга! – взревел Тартор. – Спусти меня наземь!

Тем временем вокруг пойманного Тартора кругом собралась толпа.

Из кареты вышел и Вик Носолом. Света костра вполне хватало, чтобы Тартор различил на капитане свой праздничный тёмно-синий костюм в белую тонкую полоску, надорванный пулей и испачканный запёкшейся кровью в плече и спине. Для второй пары рук прима в пиджаке были проделаны грубые прорези. Но самое удивительное, на левой нижней руке красовался золотой браслет в форме поедавшей свой хвост змеи. Именно тот, с рубином и изумрудом вместо глаз, что Тартор отобрал в Рыболовных Угодьях у стервозной девушки Илины из семейства Удочников.

Носолом вытащил эспонтон из куклы-приманки, придирчиво осмотрел клинок и заговорил:

– Хороший, Тартор, очень хороший. Сталью и выделкой ничем не уступает нашим.

Тартор заметил странную деталь: наёмники смотрели на командира чуть ли не со слепым детским восхищением. Надо же…

– Ты грязный сын гориллы, Носолом! Спусти меня вниз немедленно! – потребовал Тартор, и тут же ему стало совестно: ни за что, ни про что назвал старину Вика сыном гориллы…

– Смотрю, ты и имя моё знаешь… – Вик совсем не удивился этому.

– Я имена врагов кровных всегда знаю, – ответил Тартор.

– Ну что, отец, можно я его удушу голыми руками, пожалуйста? – поинтересовался Тилип.

– О нет, сын мой, – отвечал ему Носолом уж слишком покровительственным тоном, – не забывай, что нам нужно укреплять гильдию. За него, – он больно ткнул пальцем в спину Тартора, – обещано в Саре двести золотых. А сейчас дорога каждая копейка. Пусть обретённое богатство не кружит тебе голову: для наших целей понадобится куда больше золота.

– Но ведь обещано как за живого, так и за мёртвого, – не отступался Тилип.

– Это верно, – согласился Носолом. – Но не забывайте, что именно благодаря Ищейкам Смерти, вернее их богатствам, мы стали на истинный путь. Путь Детей Носолома. Было бы не совсем вежливо с нашей стороны лишать Тартора жизни. Он больше не враг нам. Мы теперь не подчиняемся паршивцу Сификуру. Но, раз уж Тартор – враг Сара… Хороший повод заявить о нашей гильдии. Пусть там и решают, жить этой ищейке или умирать. К тому же, обосновать главный командный пункт я хочу именно в Саре.

– Ты воистину мудр и расчётлив, отец, – отступился Тилип. – В моей голове и тысячной доли твоего ума не отыщется.

– Закуйте его в кандалы, – приказал Носолом.

Несколько твёрдых и сильных рук ухватили Тартора. Сетку срезали, и он повалился наземь. Пытался сопротивляться, но наёмников было больше и их руки обладали истинной железной хваткой. Не успел Тар опомниться, как на руках и ногах у него сомкнулись тяжёлые железные браслеты.

– Только попробуй сопротивляться, ищейка, – зло зашипел на ухо Тартору краснокожий драг и приставил к горлу лезвие сабли. – Я с радостью вскрою твоё горло и выпью всю кровь. А потом съем твоё сердце и мозги. Чтобы быть таким же умным и смелым. Так что давай, дёрнись…

Словами Тартора запугать было практически невозможно. Да вот только он сразу понял, что драг действительно не против отведать свежей крови. Есть на Полуострове Драгов одно племя диких и кровожадных драгов. Сомнений мало, угрожавший наёмник – выходец как раз этого племени.

Со своим братом наёмником шутки плохи. Вздумай учудить какую-нибудь глупость – изрубят на мелкие куски и глазом не моргнут. Что ж, будет Тартору наука – в следующий раз (если он будет, разумеется) так слепо гневу не следовать.

Как ни странно, с заключённым Дети Носолома обходились вполне пристойно. Разрешили обогреться у костра, выделили тёплую одежду (которая раньше и так Тартору принадлежала), накормили, даже вина немного дали.

Они, видимо, действительно умом тронулись, думалось Тартору, отхлёбывая вино из бурдюка. Они бы ему ещё девственницу на ночь предложили или ещё чего-нибудь жизнеутверждающего. Разве настоящие наёмники так с заключёнными себя ведут? Привязали бы Тартора к дереву цепями и оставили на ночь. Если б до утра выжил – хорошо. Подох – не велика потеря. Из еды – кость обглоданную кинуть. Ищейки Смерти так бы и поступили. Да и поступали уже многократно… А про то, чтобы вином поить – так это уж совсем дикость! Вик Носолом – просто прекрасный мыслящий! Такой мудрый, смелый и рассудительный. Как бы Тартору хотелось, чтобы у него был такой отец, а не тот религиозный фанатик…

Ночь прошла под навесом, у костра. Было совсем не холодно. К тому же, словно сговорившись, ближе к утру ветер и дождь прекратились. Облака разошлись, и можно было увидеть прекрасные самоцветы звёзд, своим холодным мерцанием столь сильно греющие душу.

Наёмники пустились в путь на рассвете. Большинство оседлали лошадей и верблюдов. Носолом обосновался в главной карете, за поводья которой уселся Тилип. Другой каретой правил низкий худощавый крот. Тартора держали в салоне второй кареты. К нему был приставлен краснокожий драг, столь жаждущий испить свежей крови. Но самое странное – мысли о побеге даже не посещали голову Тартора. Он с непривычной для него лёгкостью смирился с произошедшим. Мало того, наёмник даже был немного счастлив попасть в плен столь великого мыслящего, как Носолом.

Шли в Сар вдоль берега реки Нали. К обеду небо затянуло тучами, и пошёл дождь. Не такой сильный, как днём ранее, но всё равно неприятный. На такую погоду поверх облегчённых лат наёмники всегда надевали плащи с капюшонами. О том, чтобы когда-либо снять латы во время путешествия – в отрядах Наёмников Севера речи никогда не могло быть. Пусть это замедляет, пусть мешает, но боец всегда должен быть готов к любой неожиданной атаке. Дети Носолома не стали отходить от этого принципа. Зачем отбрасывать полезные обычаи?

Путь продлился три дня и ничем интересным не отличился. Дождь то переставал, то вновь начинался. Никто не нападал: ни звери, ни разбойники, ни поржавевшие техномонстры. Разбивали лагерь с заходом солнца, отправлялись в путь на рассвете. Спокойный, размеренный переход. Нужно отдать должное распоряжению Носолома: к Тартору относились почти как к своему: кормили, поили вином и совсем не издевались.

В Сар вошли через Южные ворота. После недолгого разговора с охранниками, Тартора вывели из кареты. Под конвоем краснокожего драга и нескольких сарских блюстителей правопорядка его отвели в тюрьму. Уж очень мрачными показались её серые стены, из дыр отколотой штукатурки которых проглядывали каменные блоки. И это только снаружи! Что ждало внутри – об этом было просто страшно подумать.

На входе стоял высокий толстый человек в кожаном плаще до пят. Ростом он совсем чуть-чуть недотягивал до среднего люрта. Его сморщенная в затылке голова была начисто выбрита и жирно блестела на солнце. Левое ухо обломлено. Круглые щёки и подбородок, как и голова, были выбриты наголо. Под носом начинали свой путь густые рыжие усы, трупами толстых змей обходящие стороной пухлые губы, спадавшие на грудь и кончающиеся только у верха выпиравшего живота. На воротниках толстяка блестели два серебряных значка в форме схлестнувшихся мечей – высший символ сарской исполнительной власти.

– Старина Тар, тебя вышел повстречать никто иной, как сам Глава городской охраны, – сочувствующе похлопал по плечу узника конвоир-драг.

Толстяк-великан в кожаном плаще (макушка Тартора едва равнялась с его грудью) молча вынул из необъятного кармана мешочек с золотыми монетами и протянул краснокожему драгу.

– Наёмники Севера – вчерашний день, – сказал ему драг. – Мы теперь – Дети Носолома. Обращайтесь по любому вопросу, в любое время.

Глава городской охраны едва заметно кивнул и лениво пожал драгу руку. Не сказав при этом ни слова. И всё это время – не спуская с Тартора жгучих ненавистью тёмных углей глаз.

– Ну всё, Тар, прощай, – вновь похлопал по плечу краснокожий драг, – не судьба мне попить твоей крови и отведать мозгов… Ну и ладно!

С этими словами «дитё» Носолома откланялось и поспешно зашагало прочь.

– Мы тебя здесь сгноим, мразь, – злобным, страшным голосом сказал великан и ткнул Тартора кулаком в живот. Удар был настолько сильным, что наёмник согнулся пополам и закашлялся, отплёвываясь кровью.

– Отведите его в «смертельную камеру», – приказал толстяк и уж слишком ловкой и быстрой для его веса и роста походкой зашагал прочь.

– Не завидую я тебе, ублюдок, – «подбодрил» конвоир, – вы со своей тупорылой подругой в Садах Осевого убили его сына…

В глазах Тартора потемнело, кожу стянуло ледяными тисками, а ноги подкосились от невыносимого, обессиливающего страха.

Глава 18: ***Властелин подземелья***

В лагере горели костры, в свете которых Смертоптица казалась исполинским потусторонним монстром, застывшим в ожидании то ли битвы, то ли сытного обеда. И это не могло не внушать трепет.

Они все были там! Заказанные…

– Где ты раздобыла такую странную одежду? – вместо приветствия спросила бледнокожая черноволосая и черноглазая женщина, ревностно разглядывая стройную фигуру приведённой Бирюком командирши.

– Приветствую тебя, Ночная Бабочка, – холодно ответила Филика. Было неописуемо страшно оказаться в логове этих безжалостных убийц. Но держаться нужно уверено: ни на секунду не дать усомниться в себе. Играть задуманную роль, как тяжело бы это ни давалось. – Не твоё дело, где я взяла эту одежду. Но мало того, нет времени на глупые расспросы: ты видишь, у нас здесь раненные…

– Спишу твою грубость на пережитое. Но мы ещё поговорим с тобой и выясним, откуда ты знаешь имя моего прошлого… – фыркнула Джина и демонстративно зашагала прочь.

– Вы – устали. Вы – отдыхайте, – люртша с вплетёнными в смолянистые короткие косы и кисточку хвоста цветами выглядела вполне дружелюбно. – Мы скоро кушаем.

– Спасибо тебе, Тона, – поблагодарила Филика.

Люртша, кажется, не удивилась, услышав своё имя от незнакомки.

Остальные «падшие герои» не удостоили вновь прибывших вниманием. Они сидели у костров небольшими группами и о чём-то разговаривали. То ли из-за бликов огней, то ли сами по себе – их лица были задумчивыми и обременёнными.

Тона оставила гостей у пустовавшего на отшибе лагеря костра и скрылась в разверзнутом металлическими створками чреве Смертоптицы. Казалось, всем до вновь прибывших дела было не больше, чем горилле из Великого Леса – до популярной книги Закрамбо Тифилимбуса «Про градостроительство и туннелекопание». Даже Бирюк куда-то запропастился.

Вернулась Тона с горой одеял из медвежьих шкур в охапке и лечебными зельями за поясом. Сгрузив всё рядом с гревшимся у костра Тосом, она вновь исчезла. Вскоре опять появилась с полудюжиной тушек зайцев и большим бурдюком.

Тос самолично обработал своё плечо и как следует приложился к бутылочке целительного отвара. Моррот тоже не стал пренебрегать и смазал вспухший нос, а после – вылакал целых две бутылочки. Пусть вкус у зелья и отвратительный, но здоровье всё равно важнее.

– Вы – готовить сами. Он сказал. Вы – отдыхаете, берётесь сил. Я – ухожу, – сказала люртша и тут же выполнила обещание – зашагала прочь, к костру, за которым сидели громадный люрт и примкнувший пепельно-шерстный волк Бирюк.

Дрожь едва можно было сдерживать: тот люрт – никто иной, как Брок. Рядом с ним тускло поблескивал в свете костра двуручный пернач. Филика попыталась отогнать нахлынувшие образы того, что способно сотворить это магическое оружие с врагом, пусть хоть и искусным наёмником.

– Ты бы укрылась – холод собачий, – порекомендовал Моррот, во всю кутаясь в шкуры.

– Что? Ах да, холод… – вынырнула из озера размышлений Филика.

– И что это, Гирен ижорви, у тебя ш головой? – поинтересовался Тос, голод которого превозмог боль: он принялся нанизывать тушки кроликов на палки и ставить их на костёр.

– С головой? – Филика ощупала макушку: подаренный Арахком костюм незаметно окутал её голову плотным капюшоном. Хоть уши и скрывала материя – слышимость не ухудшилась. Наоборот, стала даже отчётливей, если такое возможно. Командирша вяло попыталась снять капюшон. Но, как она и предположила, ничего не получилось. Тонкая одежда окутывала тело второй кожей. Мягкой и удобной. Да, и очень тёплой, когда это было нужно. Ведь, не смотря на холод, Филика чувствовала себя превосходно.

– Твоё одеяние меня пугает… – высказался Моррот.

– Заткнись, тупой крот! – разозлилась Филика. Дальше она понизила голос, чтобы хозяева лагеря не смогли расслышать: – И ты, Тос, тоже помалкивай. Никогда больше не спрашивайте. Ни про Краспа, ни про Ара… вообще ничего не спрашивайте, тупцы. Одежды это в первую очередь касается.

Моррот с нескрываемым отвращением принялся за недожаренного зайца. Когда нет другого выбора, кроты едят и плоть животных. Но предпочитают в подавляющем большинстве случаев пищу вегетарианскую. Тос был в более хорошем расположении духа и уплетал своего зайца за обе щеки. Филика тоже

проголодалась не на шутку, но ела нехотя. Зато пила (а в бурдюке было чёрное вино) за троих.

Наёмники для вида вели разговор обо всём и ни о чём, а на самом деле: присматривались к сидящим у соседних костров.

Бирюк, Брок и Тона сидели ближе всех. Волк ничего не ел, а только изредка поскуливал (не до конца затянувшаяся на шее рана от зубов Ворка давала о себе знать). Брок могучими ручищами разрывал кроликов и делился мясом с женой. Запивали еду они из такого же бурдюка, который Тона принесла наёмникам.

У костра, что был чуть дальше, сидел горбящийся щуп и металлическое чудовище, очертаниями похожее на громадного человека. Вопросов возникнуть не могло: то сидели Камоорн и Лароус. Камоорн ел что-то, отдалённо напоминающее рыбу. А вот Лароус, магомеханический сын Тризолуса, отправлял себе в раскрытую грудь антрацит. Да, именно антрацит, что же ещё может лежать в сером мешке с краснеющей в свете костра надписью «антрацит»?

Разглядеть сидящих у самого дальнего костра было трудно: угадывались две невзрачные фигуры людей и одного прима. Не иначе как к Дриму с его любовницей Джиной присоединился на трапезу Кич.

От мысли о том, что одна из невзрачных фигур – никто иной, как сам Дрим Плувер Младший, Филику бросило в ледяной пот. Словно прочитав её мысли, Моррот негромко фыркнул и выплюнул в костёр хрящ зайца.

Вино быстро вскружило голову. Набитый едой желудок ещё больше расслаблял. Вообще-то, настоящий наёмник в сложившейся ситуации должен был вести себя куда более осмотрительнее. Во-первых, вино и еда могли быть запросто отравлены: если не смертельным ядом, то уж точно – подрывающим силы или развязывающим язык. Во-вторых, даже если заказанные свято верят в благие намерения незваных гостей, то расслабляться отнюдь не стоит. Вино рассеивает внимание, полный желудок притупляет чувства. По большому счёту, сытая и хмельная трапеза – потерянное время. Время, которое вполне можно было использовать более толково: наблюдать, подслушивать, обдумывать план дальнейших действий.

Словно почуяв более чем благоприятную почву для разговора, к костру наёмников подсел трирукий прим. Когда он заговорил, Филика даже вздрогнула – так тихо и незамечено он подкрался.

– Я знаю, кто вы такие, – с ходу ошарашил Кич.

Моррот и Тос удивлённо поглядели на Филику, затем на собеседника. Оба молчали.

– Неужели? – поинтересовалась вмиг отрезвевшая командирша, словно её окатили холодной водой из ведра.

– Да, знаю, – Кич обвёл собеседников торжествующим взглядом, – вы – Ищейки Смерти. По крайней мере, большая их часть.

– Вот как? – Филика, насколько хватило актёрского мастерства, скрыла дикое удивление. Лицо её ровным счётом не выказывало каких-либо эмоций,

но внутри велась сильнейшая борьба. Их рассекретили. Значит, причина визита наёмников заказанным ясна, как весеннее утро на берегу мёртвого озера. Кто же это проболтался? Конечно же, Парфлай или один из его прихвостней-примов! Больше никто не мог знать об этом заказе! Зачем же тогда весь этот цирк? Зачем было спасать, лечить и кормить? Перевербовать? Уж очень маловероятно... Тогда, может, упиться реакцией наёмников, пойманных, словно застрявший в узком ущелье слопр? А потом – хладнокровно и болезненно убить. Вполне возможно…

– Осмелюсь предположить, что моё имя вам тоже известно, – улыбнулся прим и почесал культю.

– Ты осмелился правильно, нам известно твоё имя. Ровно как имена всех твоих соратников, – поверхностно холодно ответила Филика.

– Значит, в представлении друг перед другом мы не нуждаемся, – заключил Кич и мрачно ухмыльнулся.

– Верно говоришь, – согласилась Филика.

Часто задышавший Тос открыл было рот, но язык окаменел, стоило только поймать суровый взгляд командирши.

– Дрим послал меня поговорить с вами, – перешёл к делу Кич и хорошенько отхлебнул из бурдюка, выдернутого из рук Моррота.

– А что, твой хозяин считает низостью самому заговорить с нами? – фыркнула Филика. Выпитое вино придало её словам уверенности, а душе – наглости.

– Начнём с того, что он мне не хозяин… – Кич обречённо вздохнул, – да я и не надеялся, собственно, на приятный разговор. Ваша репутация бежит впереди вас. Было бы наивно ждать от «безжалостных головорезов» тактичности в разговоре…

– И правильно, – сердце Филики постепенно переставало бешено стучаться, дыхание становилось всё ровнее, – мы не любим болтунов. Разговор должен вестись с первого слова – по сути дела.

– По сути… – задумчиво произнёс Кич. – Значит, по сути, нам наплевать на то, как и почему вы оказались здесь, в Заколдованных Горах и какие у вас там счёты с Ворком. Это волнует нас меньше всего. А вот что нас действительно волнует, так это то, что недавно мы отыскали-таки логово Альчирона Третьего. И, так уж вышло, завтра на рассвете мы выступим против него боем. Но вышло ещё и так, что на нашем пути попались вы, профессиональные наёмники. Бой предстоит нелёгкий, и помощь воинов такого класса нам очень даже не помешала бы.

– Так, я услышал то же, что и все? – встрял в разговор Моррот, чей голос из-за распухшего носа звучал гнусаво. – Ты предлагаешь нам завтра вместе с вами двинуть боем в логово какого-то там Альчи… как там его…

– Совершенно верно, – глаза Кича зловеще блеснули в свете костра, – нам предстоит серьёзное сражение.

– А ш чего ты решил, брат-прим, что мы шоглащимщя на это предложение? – поинтересовался оторвавшийся от жареной тушки зайца Тос и тут же продолжил былое занятие.

– Слухи ходят о вас разные, – заговорил Кич и обвёл собеседников пронзающим взглядом. – Вы жестоки, сильны, хитры и всегда идёте до конца поставленной цели.

– Это про нас, – улыбнулась польщённая Филика.

– А ещё вы, – Кич перевёл дух, – не пренебрегаете такими понятиями, как «честь» и «справедливость». Для наёмников это уж слишком редкое свойство… Если это правда, то с нами вы пойдёте без лишних разговоров. Ведь, по большому счёту, если бы не Бирюк, вас и в живых-то не было…

«И кто говорит о «чести» и «справедливости»? Бездушный палач, спаливший дотла Диду?» – подумала Филика и ухмыльнулась.

– А вдруг мы откажемся? – прогнусавил Моррот.

– Тогда у нас не окажется другого выхода, – Кич сделал театральную паузу, – мы заплатим вам за услуги. Вы ведь наёмники, как-никак…

– Мы поможем вам! И ваши деньги нам ни к чему, – Филика удивилась твёрдости своего голоса, на который обернулись не только собеседники, но и сидящие за другими кострами «заказанные».

Тут вмешался Моррот:

– Не нам, конечно, перечить твоей воле, командирша, но, не зная сути дела, ты даёшь согласие… Откуда ты знаешь, вдруг нам суждено умереть в покоях этого Альчи… чтоб его, нерадивого, сожрала стая диких бобросов.

– То, что здесь без прихотливой дамы Судьбы не обошлось – понятное дело, – заговорил Кич. – Неспроста она вас в эти дебри забросила, ох неспроста, – у наёмников, всех как у одного, похолодело внутри, – и неспроста мы с вами встретились. Было бы глупо толковать эту встречу, как вашу погибель. Наоборот, Судьба свела нас, по мнению Дрима и многих остальных, как раз для того, чтобы избежать сильных потерь. Имея по нашу сторону таких союзников как вы – с Альчироном Третьим и его армией будет гораздо проще разобраться.

– Ах, – вскинул руки к ночному небу Моррот, – у этого Альчи… чтоб его изодрали шакалы, ещё и армия есть?

– А как же… – буркнул Кич.

– Я не верю и никогда не верила ни в Судьбу, ни в кого-либо из божеств… – Филика осеклась, явно прокручивая в голове что-то уж очень неприятное. – Нет, конечно же, они есть… Но дела им до нас, простых смертных, не больше, чем нам, к примеру, дела до, – она защёлкала пальцем и завертела головой, словно искала на земле оброненную вещь. – О! До муравьёв! – командирша подняла с пола толстопузого с ноготь муравья. Насекомое отчаянно завертелось в попытке вырваться и по возможности укусить мучительницу. – Вот видите, ползал себе и ползал. Стоило мне его поднять – как тут же засуетился. Мне он – маленькая букашка, которую я в любой момент могу раздавить пальцами. А я для него? Страшное возмездие с

небес, пришедшее мстить за его грехи и ошибки, ну и в таком же духе. А мне, если честно, до этой козявки дела нет, – она отбросила муравья в сторону, – вот он сейчас побежит к себе в муравейник и начнёт собратьям трепаться, что божество его «помазало», сделало избранным. Но ведь мне было с самого начала наплевать на этого муравья, верно? И сейчас наплевать тоже. Я просто подняла его с пола, чтобы показать вам его беспомощность. А теперь представьте, какой бы переполох произошёл в муравейнике, вступи я в него ногой. Совершенно случайно прогуливаясь – раз, и наступила. Я бы даже не заметила, пошла бы себе дальше. А мелким обитателям муравейника – это целое стихийное бедствие…

– В твоих словах, Филика, конечно же, есть здравый корень, – заговорил Кич. – Но есть ведь мыслящие, которым, в отличие от тебя, муравьи не безразличны. Есть, к примеру, малолетние садисты, которым нравится палить насекомых заживо солнечным светом сквозь увеличительное стекло. Но есть и такие, кто, увидев этих садистов, друг им уши…

– Да, вот только это относится к мыслящим! – завелась Филика. – Только к мыслящим и ни к кому больше. Обитатели потустороннего мира чхали на нас… – глаза командирши заметно увлажнились, но она и не собиралась останавливаться. – Они плюют на наши проблемы. На все наши мольбы и надежды. Если мыслящие и замечают изредка муравейники, то боги нас в упор не видят. До тех пор, пока наши души не улетят в их мир. И то, после этого относятся к ним не больше, чем к закуске…

– Я не стану с тобой спорить, – развёл руками Кич. – Спорщик из меня, в последнее время, совсем никудышный. Пусть конечное слово за тобой, но моё отношение к богам и иным потусторонним силам останется прежним. И никогда не изменится.

– Эх, был бы ждешь Тартор, он бы пошпорил, – то ли с облегчением, то ли с досадой вздохнул Тос.

– И вправду, мы совсем про Тартора забыли, – подхватил Моррот. – Интересно, как он там, у подножья гор?

– Отшыпаетщя, ленитщя, но точно не по горам лажает и на «кожаных крыльях» летает, – предположил Тос и тут же виновато поглядел на командиршу: не ляпнул вдруг чего лишнего?

Лицо Филики не исказилось в гневе. Тос облегчённо выдохнул.

– Кич, у нас есть ещё один боец, но он у подножья гор охраняет кареты, – заговорила Филика. От её былой взвинченности не осталось и следа. – Думаю, ваша Смертоптица вполне способна до рассвета слетать туда и обратно…

«Вот тут мы с вами и разберёмся, – скрывался за словами командирши настоящий смысл, – прилетите к каретам, а там изготовленная Парфлаем бомба… Мы её незаметно вам в салон забросим, а сами скажем, что передумали и помогать не будем. Они взлетят, расстроенные, но гордые, а тут-то в небе фейерверк и вспыхнет… Вот ведь как легко всё! Контракт выполнен! Вторая половина несметного богатства в наших руках!»

– Увы, это невозможно, – вмиг развеял приятные мысли Кич. – Смертоптица не сдвинется с места, пока враг не будет повержен!

– Ну и новость! – хлопнул себя по бедру Моррот.

Тос жадно припал к бурдюку.

– Вот! А я думаю, что это меня так гложет… Почему мы вообще вам нужны? – спросила Филика. – У вас ведь есть столь мощное… эмм… что оно там, животное или машина?

– Смертоптица – ручной техномонстр, доставшийся нам как трофей в чудовищной и кровопролитной битве, – ответил Кич. – Увы, воспользоваться её мощью против Альчирона мы не можем. Мы, если начистоту, попали в его западню…

– Хм… – неслаженно хмыкнули наёмники.

– Думаю, мне давно бы уже следовало рассказать, против какого врага вы согласились выступить, – хлопнул себя по лбу Кич. – А то мы так до утра без дела толковать будем.

– Валяй, – чуть кивнула Филика.

И Кич вальнул:

– Мы не удивляемся тому, что вы знаете наши имена и даже название трофейного техномонстра. Ещё бы: хороший наёмник должен знать очень и очень многое. В нашу очередь, не слышать про вас – тоже было бы большой глупостью. Хотя, спрашивается, кто в центральной и западной части Главного Материка не слышал про Ищеек Смерти? Да, ваша слава действительно впечатляет. Маленький отряд из пяти мыслящих, давший хорошую оплеуху многотысячной гильдии Наёмников Севера.

– Уже четырёх, – гнусавый голос Моррота звучал как никогда жалостливо, – бедняга Лирк…

– Простите, я не знал, – извинился Кич и после короткой паузы продолжил: – Раз вы слышали наши имена, значит, вы просто не могли не слышать о наших деяниях. По крайней мере, об одном. Около трёх лет назад на земли Объединённого Королевства Сарбонии и Западной Картурии легла тень ужасной напасти: техномагической армии Верховного Мага королевства Техмаг Тризолуса Первого. В общем, жертвами его полчищ стали города Новый Бур, ныне почти отстроившийся за репарации из Техмага, Тимпанус, новые власти которого только недавно принялись за восстановление города и Стальня, лежащая и по сей день в руинах.

Сикрофус Двадцать Восьмой – новый Верховный Маг Техмага – куда лучший, а главное – не воинственный правитель. Он мудр, его голова полна незаменимых знаний, а магическое существо в его крови мощно и многогранно. Выбранный им путь – применять свои знания во благо. Но не таков уж был его предшественник Тризолус, чьё чёрное, как антрацит, сердце жаждало лишь власти и подчинения своей воле любого ослушавшегося. Без ложной скромности скажу, что нам удалось перебить все его планы. Ну, почти все… Нам удалось убить Тризолуса, а вместе с ним – его самое страшное изобретение Форт Террора и дигровую долю армии техномонстров. На

Смертоптице, которую нам удалось заполучить, находилась одна из главенствующих рубок управления армией. Её-то мы и использовали, чтобы натравить этих мерзостных магомеханических отродий друг на друга. Но всем техномонстрам не суждено было подохнуть в тот день. Благо, они хоть успели разорвать Форт Террора на части. Кто-то отдал приказ из перебивающей все иные приказы рубки, расположенной в столичном замке Тризолуса и остатки магомеханической армии, что те тараканы, разбежались по всему Главному Материку. Мало того, зачуяв Смертоптицу (а её магические волны механические паршивцы чуют за несколько километров), они прячутся. Но самое обидное, что приказания из нашей рубки они попросту игнорируют. Вы даже и представить себе не можете, в каких местах нам их приходилось обнаруживать…

В общем, мы уже три года летаем по свету и отлавливаем удирающих от нас техномонстров. Это, конечно, трудная и нудная в большинстве случаев работа, но ведь должен её кто-то делать? А раз взялись противостоять Тризолусу, то тут уж сами боги велели нам расхлёбывать его наследие.

Так вот, кто-то отдал приказание из замка. Нас это крайне заинтересовало: отдышавшись и набравшись сил, мы направились прямиком в Магарран, столицу Техмага. Там нас встретили со всеми геройскими почестями и тому подобной чепухой. А мы-то думали, что боем пробиваться придётся. В общем, виной радушному приёму – Сикрофус Двадцать Восьмой, который уже тогда был выбран Верховным Магом. Как они так быстро пронюхали о смерти прошлого Верховного и, главное, нашем в этом участии – ума не приложу. Хотя, удивляться не приходится – они ведь там, в Совете своём, маги одни… Есть подозрения (вполне даже обоснованные), что Сикрофус ещё до нашего вмешательства в планы Тризолуса готовил переворот. Так это или нет, а встретили нас как героев. Верховный Маг не отходил от нас ни на шаг, всё нахваливая «великий подвиг для всего Главного Материка». По первой же просьбе, он отвёл нас в рабочий зал Тризолуса, к рубке управления. Рубка была уничтожена (кем, неизвестно), и толку от неё было не больше, чем от зонта в ясный день.

Установить, кто же причастен к перебившим наши приказаниям так и не удалось. Зато удалось узнать, что через день после гибели Тризолуса, из Совета исчез один маг. Как вы уже догадались, звали его Альчирон Третий. Кстати, исчез он не просто так, а прихватив с собой часть секретных чертежей устройства техномонстров. Этот факт нас совсем не обрадовал. Рано или поздно, мы ожидали, что он проявит себя. И, совсем недавно, так и случилось. Мы наткнулись на рыщущего у подножья Заколдованных Гор четыренога. Техномонстр, учуяв Смертоптицу, совсем не собирался прятаться, как это делали выжившие техночудища Тризолуса. Но мало того, разглядев в подзорную трубу, мы обнаружили, что он был абсолютно новым и немного отличался от тех четыреногов, с которыми нам доводилось сталкиваться. Его панцирь был более скруглённый, а лапы короче. Но сомнений быть не могло, магический механизм построен по принципу четыренога. С некоторыми

изменениями. Уж хотелось бы, чтоб в худшую сторону… Так вот, мы не стали его уничтожать, а пустились в погоню: это оказалось совсем не сложно, так как четыреног попросту не обращал на нас внимания. Или делал вид, что не обращал… В любом случае, он привёл нас к развалинам древнего города, ограждённого гребнями скал. Механизм скрылся в скальной пещере. А мы, по простоте душевной, посадили Смертоптицу невдалеке, за горным перевалом.

Вскоре мы поняли, что попались в самую простейшую западню: сев на землю, Смертоптица перестала реагировать на команды, словно погрузилась в непробудный сон. Тут гадать нечего, кто-то или что-то насылает на неё усыпляющие волны. В Заколдованных Горах хватает своих магических странностей. Может быть, в этом причина. Но уж слишком маловероятно, ведь в этих местах мы бывали достаточное количество раз, и ничего подобного не происходило. Скорее всего, это делается умышленно. А чтобы создать генератор подобных волн нужно, как минимум, обладать громадными знаниями об устройстве техномонстров. Чертежами, к примеру… В общем, мы сложили все «за» и «против» и пришли к выводу, что в ловушку нас поймал никто иной, как Альчирон. Пока что столкновений с его армией (а мы уверенны, что он уже успел создать достаточное количество техномонстров) не было. Но тучи сгущаются, в воздухе витает невидимая угроза, растущая с каждым днём пребывания здесь.

Нам остаются два выбора: либо сидеть здесь, как подсадные утки, и ждать нападения, либо напасть самим, застав неприятеля врасплох. Ну, хотелось бы верить, что врасплох… Как вы уже поняли, мы выбрали второе и назначили выступление на завтрашнее утро. Придётся лезть в скальные туннели и вести бой с поджидающей там неведомой опасностью. К счастью, вы оказались неподалёку. А с такими могучими соратниками нам – море по колено!

– Теперь вы понимаете на какой риск можете пойти, – Дрим Плувер Младший словно выплыл из темноты в свет костра. – Я слышал твоё решение, Филика, но оно было вынесено ещё до того, как вы обо всём узнали. Так что сейчас последнее слово за тобой.

«Высокий, стройный, молодой, хоть и с печатью бед и тягот всех мыслящих Материка на лице. Совсем не страшный и злобный, каким рисовало взбушевавшееся воображение…» – намётанным женским глазом оценила Филика.

– Я не привыкла менять своих решений, – отрезала командирша. – Вы спасли наши жизни. Достойная расплата за этот поступок – помочь вам побороть врага.

– А твои спутники с тобой согласны? – не унимался Дрим.

– Что ж, ваши лечебные желья и мажи творят чудеша – рана на плече уже почти не болит, – заговорил Тос. – Да и что, в шамом деле, мне эта рана? Левая верхняя рука плохо работает, ну и что? У меня ещё три в жапаще! Главное, её привяжать туго, чтобы оштальным дело делать не мешала! Я шоглащен ш командиршей. Но даже ешли бы и не был шоглащен, вщё равно подчинилщя бы её воле.

– А ты? – Дрим вопросительно посмотрел на Моррота.

– А что я? – прогнусавил крот. – У меня-то и раны особой нет – так, нос вспух немного. В бою это не помеха. К тому же, я наёмник подневольный. Что мне скажут, то и делаю. А если честно, то жизнью я вам обязан. А долги отдавать привык…

– Рад, что вы с нами, – на лице Дрима появилась уставшая улыбка, – завтра мы дадим славный бой Альчирону и его техномонстрам. А теперь нужно поспать, набраться сил.

Дрим зашагал к дальнему костру. Кич, пожелав всем спокойной ночи, отправился следом.

Наёмникам ничего не оставалось, как завернуться в медвежьи шкуры (кроме Филики, которую и без них тепло грел подаренный богом пауков костюм) и предаться в объятья сладостного сна.

«Нет, не похожи они на хладнокровных убийц, ни Кич, ни Дрим, ни рискнувший ради незнакомцев жизнью Бирюк. А Джина, так уж подавно непохожа! Ей больше к лицу роль торгашки вяленой рыбой на рынке Камбалирона» – подумала Филика и провалилась в крепкий младенческий сон.

Предрассветное зарево окутывало горы. Ночь лениво таяла под натиском вступавших в свои права солнечных лучей. Следом за темнотой, принялись таять звёзды: они растворялись в светлеющем небе, словно сахар в горячем чае. Истошно прокричала горная птица, явно приветствуя начало нового дня.

Из наёмников, Тос проснулся первым. Чувствовал себя он вполне бодро, хотя рана в левом плече не переставала о себе напоминать пульсирующей болью. К нему тут же подошёл Кич. Хозяева Смертоптицы давно проснулись и, кажется, ждали пробуждения новых союзников. Все уже были одеты в облегчённые латы.

– Как твоё плечо? – поинтересовался трирукий прим.

– Да прекрашно, – отмахнулся Тос.

– Ты, на всякий случай, обработай его ещё раз, да и настойки выпей, – Кич протянул ему две бутылочки. Тос не стал отказываться.

Шум голосов тут же разбудил Моррота и Филику. Кажется, они проснулись в один и тот же миг.

– Ваш завтрак в мешке, у кострища, – сказал наёмникам Кич. – Вяленая курятина.

– Гирен изорви сотню младенцев, меня уже воротит от этой курятины! – протирая глаза после дурного сна, выругался Моррот. – Клянусь детьми Тоса, которых у него никогда не было и, скорее всего, никогда уже не будет, как выйду на заслуженный отдых – всех курей в округе вырежу!

Кич поглядел на сварливого крота с сожалением, но говорить ничего не стал.

– Давайте, ребятушки, времени в обрез, – заговорила Джина, всё не переставая коситься на Филику. – На все утренние дела вместе с завтраком у вас не больше двадцати минут. Так что поторапливайтесь.

«На все утренние дела» у организованных наёмников ушло не больше пятнадцати минут. Шустрые, что тут скажешь…

– Значит так, – голос Дрима звучал строго и сосредоточенно. Обращался он к наёмникам, – вы, скорее всего, уже сталкивались с техномонстрами – старыми, проржавевшими железяками. И, возможно даже, уничтожили минимум одного из них. Так вот, те рухляди не идут ни в какое сравнение с теми порождениями злого гения магии и технологии, с которыми нам доведётся сегодня столкнуться. Дело усложняется тем, что механизм, который заманил нас сюда, хоть и похож на начальную модель четыренога, но всё же имеет заметные отличия. А значит, есть вероятность того, что его уязвимые места будут расположены не там, где мы привыкли их находить. Но вам, Ищейкам Смерти, это и без разницы, собственно. Вот теперь растопырьте ушки и слушайте. Если перед вами возник техномонстр, и вы не знаете, где расположен его аметистовый кристалл – сердце, с заточённой душой свирепого животного – не впадайте в отчаяние, а наносите удар по глазным линзам. Надеюсь, что такое глазные линзы – объяснять не нужно? Вот и замечательно. Теперь вторая наружная болевая точка – выхлопная труба. Если её повредить так, что отработанный газ перестанет выходить из неё, паровой двигатель техномонстра быстро перегреется и взорвётся. Это тоже ясно? Ну, вроде бы главное вам сказал. А остальные точки уж сами находите, по ситуации. Ноги тонкие – рубить, дуло пушечной башни – выводить из строя… Справитесь?

– А то! – ухмыльнулась Филика. – Было бы оружие…

– Да и броня не помешала бы… – совсем невзначай подал голос Моррот. Как известно, кроту самая простая кольчуга милее клинка из Стальни. Острые когти на руках – для него лучшее оружие.

– Этого добра у нас навалом! – обрадовала Джина. – За мной, в оружейную. Мы там для вас кое-что приготовили.

Ищейки Смерти проследовали за Джиной в металлическое чрево спящей Смертоптицы. Осматриваться по сторонам времени не было, но Филика успела вскользь пройтись взглядом по рубке управления: широкие смотровые окна со всех сторон, рычаги, кнопки… Как раз самое лучшее место, чтобы подложить бомбу… Жаль, что слишком уж заметное…

В оружейной наёмников поджидали облегчённые латы – слегка поношенные, но ещё в пригодном для боя состоянии. Это были запасные латы Джины, Кича и Дрима. С размером, правда, повезло не всем. Тосу латы пришлись впору. Филике тоже. А вот на низкорослого Моррота грудной панцирь Дрима был уж слишком громоздким. Пришлось отыскать старую кольчугу Джины. Кольчуга, по правде сказать, в рукавах была великовата, а в груди маловата, но в разумных пределах. Носить можно. С поножами проблем ни у кого не возникло. Шлемы сели на головы наёмников идеально. Выполненные из блестящего на солнце металла, спереди они золотились фигурой раскинувшего крылья орла: хвост защищал переносицу, в крыльях зияли прорези для глаз, голова орла была устремлена вверх, к небу. А ведь

воспаривший ввысь золотой орёл издревле считался символом доблестного защитника страждущих и угнетённых…

Оружия хватало в достатке. Каждому наёмнику Джина выдала по рожку, наполненному взрывным порошком. Филике достался кремнёвый мушкет, четыре пистолета и короткий меч – как раз то, что хотела. О пулях и порохе тоже не забыли. Тос выбрал своё любимое оружие – кистень с длинной цепью с бугристым металлическим шаром на конце. Так же он попросил два кинжала и тут же подцепил их на пояс. Моррот решил обойтись без оружия.

Прибавивший в составе отряд был готов к бою.

Солнце уже полностью вылезло из-за горизонта и весело расплёскивало свой живительный свет по снежным макушкам Заколдованных Гор.

Дрим приказал отправляться в путь.

На преодоление перевала ушло не больше двух часов. Техномонстры на пути не попадались. Шли парной колонной: во главе Дрим с Броком, за ними следом Камоорн с Кичем, потом Джина с Тоной, Филике выпало идти с Лароусом, Тос шёл с Морротом, замыкал колонну вывернувший назад уши Бирюк, то и дело настороженно оглядывающийся. Вскоре открылся удивительный вид: руины древнего города плескались в солнечном свете. Серые, потускневшие обломки когда-то величественного города словно ожили, заиграли солнечными красками. Будто бы и не были никогда руинами, а всего лишь плодом древней архитекторской мысли. Мысли, неподвластной пониманию современности. Но это только так казалось. Чем ближе путешественники подходили к руинам, тем отчётливей открывалось их истинное лицо. Навеянный расстоянием глянец обретал унылые формы: поросшие мхом и травой развалины причудливых зданий, навалы камней, проржавевшие металлические балки, растущие из трещин в разбитых каменных дорогах пышные кусты красных и белых трествольников…

– А ведь вся вереница наших головокружительных приключений началась с путешествия в подобные руины! – ностальгически припомнил Кич.

– Как бы она этими руинами и не закончилась… – буркнул Дрим.

Камоорн, за всё время не перемолвился и словом с наёмниками. Будто бы ему язык отрезали. Суровый и не общительный, что ли? Только пялился на костюм филики и всё тут. Ну, Водруса ему судья…

Идущий рядом с Филикой Лароус тоже был не многословен. Поначалу командирша боялась заводить разговор с громадным механическим человеком, но потом интерес победил здравый смысл и она заговорила:

– Так ты… вы – истинный наследник престола королевства Техмаг?

– Хорош наследничек, – мёртвым хрипом отозвался Лароус, его выпуклые глазные линзы и металлический панцирь поблёскивали на солнце, – груда металлолома, а не наследничек.

– Ну, вы слишком к себе строги… – превозмогая отвращение к металлическому человеку, выдавила Филика.

– Льстивая красавица, – донеслось из треугольного сетчатого разговорного отверстия, – был бы я сейчас во плоти, ох бы мы с тобой

потолковали так потолковали. Я, знаешь ли, в своё время был завидным женихом.

– Не сомневаюсь… – ухмыльнулась Филика.

– И тебе не составило труда так просто предать отца? – вмешался в разговор идущий следом Моррот.

– Кого, Тризолуса? – лишённый эмоций голос Лароуса, как показалось наёмникам, принял злостный оттенок. – Этого подлого детоубийцу? Этого одержимого умалишённого? Чудовищного кровопускателя и тирана, не ставящего жизни мыслящих и в копрь? Хах, нет, я не предал его. Я сделал то, что нужно было сделать, лишь бы остановить порождённое им безумие. Это он предал меня, лишив человеческого тела и заточив в эту громоздкую и бесполезную магомеханическую тюрьму.

Моррот не нашёл что ответить.

Дальше шли молча.

За навалом камней блеснула на солнце стальная конечность четыренога.

– Не стрелять! – приказал Дрим.

Уничтожить выползшего из-за навала камней четыренога не составило бы труда. Но, было решено следить за его действиями и нападать лишь в том случае, если механизм проявит признаки агрессии. А четыреног и не собирался их проявлять. Будто бы не замечая незваных гостей, техномонстр с наваленными на спину брёвнами деловито шагал по своим делам. Теперь можно было лучше рассмотреть эту модель техномонстра: в отличие от прошлого, у него не было орудийной башни. Спина была гладкой, вогнутой – идеально приспособленная для штабелей брёвен. Из левой стороны спины торчали две тонкие шарнирные конечности, которыми магомеханизм «придерживал» брёвна. Под глазными линзами у механизма топорщились крупные серпоподобные металлические жвала. Этими жвалами он мог бы вполне перекусить мыслящего пополам, ну, или повалить дерево…

Четыреног скрылся в широкой расселине посреди навала валунов. Расселина плавно перетекала в подземный туннель. Достаточно просторный: волку можно свободно развернуться. Тёмный в основании, туннель вдалеке зловеще горел приглушённым красным светом. Любому сразу понятно: добра от спуска под землю ждать наивно…

– Ну что ж, братья и сёстры, – заговорил Дрим больше для порядка, чем для дельности: каждый и так знал, что нужно делать, – не зевать, быть в полной готовности. Сейчас мы спустимся вниз. Идём той же колонной. Вперёд смотрим с предельным вниманием. Здесь ограниченное пространство. Думаю, в бою у каждого хватит ума не задеть кого-либо из своих… И это… вероятность нападения со спины исключать ни в коем случае нельзя. Бирюк, ты уж следи там…

Волк кивнул.

Предвкушая тяжёлый бой, путешественники вошли в туннель.

Своды туннеля были укреплены мощными балками, электрические светильники с истошным жужжанием извергали красноватый свет. Пахло сыростью и гарью.

Шли медленно, осторожно. Опасаясь за каждым поворотом – а в туннеле их было неисчислимое множество – встретить засаду. Но опасения, к превеликому счастью, не подтверждались. Выходя на очередной перекрёсток или упираясь в многорукавные разветвления ничего кроме отсутствия неприятеля нельзя было встретить. И это нагнетало обстановку. Нервы натягивались, словно музыкальные струны: уж лучше бой, чем мучительное, неопределённое ожидание. К тому же, постоянно растущий гул, полный перестуков и лязга, душевного равновесия не добавлял.

Дорогу выбирали наобум. У первых нескольких разветвлений Дрим задерживал всех в попытках прислушаться к плещущемуся в его крови магическому существу. Но то ли существо решило вздремнуть, то ли нарастающие гул и напряжённые нервы сказывались – какого-либо совета дождаться от существа не удавалось. Поэтому шли наугад. Ну, не забывая при этом создавать карту: наносить все ходы и повороты на бумагу. Картографом назначили Кича. С обязанностью прим справлялся отменно. Сразу видно – занятие ему не в новинку.

У наёмников не было времени посовещаться по поводу заказа. Сделать это ночью в лагере – опасно. А с раннего утра и по сей час – уединиться возможности не представилось. Вот и не было в головах наёмников чёткого плана дальнейших действий. Разве только – продолжать претворяться дружелюбно настроенными к «падшим героям». И следовать повсюду, в какую бы беду те не затягивали.

Мысли Филики пребывали в смятении. Если раньше она чётко представляла себе заказанных хладнокровными убийцами, безжалостными, бездушными и суровыми, то сейчас всё обстояло совершенно иначе. Да, на их лицах иногда можно прочесть жёсткость и силу. Но отнюдь не жестокость и злобу. Описание Парфлая не совсем совпало с действительностью. Этот стрек явно хотел внушить наёмникам своё видение. Но… Разве не каждый мыслящий так или иначе пытается навязать другому свой взгляд на вещи?

Дида… О том, что поселение было выжжено не знал только лишённый зрения глухонемой. А вот кем… Ночью кто-то напал, а утром от домов и их обитателей остались одни угли. Ни одного очевидца не осталось. Были ли виноваты в этом победившие Тризолуса? Где доказательства? В принципе, Парфлай мог запросто оклеветать героев в своих корыстных целях. Он ведь сам признался, что в прошлом был помощником именно Тризолуса. И не какой-нибудь сошкой мелочной, а капитаном Форта Террора! Видите ли, изменился он, стал добрым. Да попробуй, в зрелом-то возрасте, сильно измениться! Даже стреки, пусть и странная раса, но не настолько, чтоб уж так отличаться от остальных. У мыслящих всех рас души похожи…

Ну, допустим, каким-то чудом Парфлай и изменился. Допустим, его слова правдивы. Убивать, при чём подло, в спину (а заказанных можно было

умертвить лишь таким способом, прямой схватки наёмники бы не выдержали) тех, кто рисковал своими жизнями ради сотен тысяч жизней мыслящих, которых не знали. И какова благодарность? Имена и поступки спасителей практически никто во всём Главном Материке не знает. У кого бы тут нервы выдержали? Очередной плевок в лицо, вот герои и выжгли неблагодарных жителей Диды. А что здесь такого, ведь, по большому счёту, эти жители погибли бы от смертоносных лап техномонстров Тризолуса. Что-то вроде расплаты по счетам…

Имеют ли Ищейки Смерти право вершить возмездие над теми, кто просто совершил правосудие, пусть и кровавое? Ведь Филике как-то доводилось побывать в Диде. И жители в ней были мягко сказать далеко не лучшими представителями рас мыслящих. Алчные, жадные, брехливые и завистливые. А их торгаши чего только стоят… Хотя, смерть – уж слишком жестокое наказание.

Двадцать тысяч! Перед глазами Филики посыпался град золотых монет. Какая мораль, когда на кону такие деньги? Всего один раз переступить через себя (в случае, если заказанных оклеветали) и всё. Больше не нужно мёрзнуть и гнуть спину в тяжёлых путешествиях, не нужно дырявить черепа мерзавцев. Когда у тебя есть деньги, за тебя работу должны делать другие. Наладить свою сеть наёмнических услуг, подобную гильдии Сификура Пятого. Взять в долю Тоса и Моррота. Да, если подумать, можно даже этого невыносимого кишкомота Тартора взять тоже. Они-то помогут во всём. Эх…

А вообще, если армия Тризолуса была настолько могущественна, а Верховным Магом двигала только жажда разрушений и убийств, то злобная участь никого из Ищеек Смерти не миновала бы. Умерли бы в неравном бою с отрядами техномонстров…

Ну да ладно, это всё не существенно. Нужно посоветоваться с остальными. Впереди судьбоносное решение, груз которого Филике совсем уж не хотелось взваливать только на свои плечи.

Тос шёл рядом с Морротом. Впереди зловещим красным туннельным светом блестела металлическая спина Ларуса. Позади крался Бирюк. В размышления наёмника о заказе Парфлая диким, сметающим всё на пути вихрем ворвались воспоминания о прошлой жизни. Будучи молодым и глупым, Тос Виконт Симыргор, первенец и единственный сын Виконта Гропара Симыргора, известного землевладельца и сенатора города Нортисп, унаследовал огромное состояние. Так уж вышло, что родители Тоса погибли от рук «грабителей», направляясь домой после званого бала высших сословий. «Грабители» перерезали горла несчастной семейной паре, сбросили тела в водосточную канаву, распотрошили для виду салон кареты, словно искали припрятанные сокровища, и скрылись в неизвестность. Кстати, выражение «в неизвестность» очень хорошо подходит к данному случаю: Тос совсем скоро выследил убийц (благо, денег на подкуп информаторов и рвения было в достатке) и сделал с ними такое, что никто бы не смог опознать в

изувеченных, исковерканных останках намёки на принадлежность какой-либо расе мыслящих…

Через несколько дней на место Виконта в Сенате пришёл Кирпир Зелиус. Кирпир отслужил своё офицером в тайных городских войсках и, казалось, к зрелому возрасту вышел на заслуженную почётную должность. Пусть былой сенатор и оставил этот мир не по своей воле… В общем, под одной из многочисленных пыток убийца родителей Тоса сознался, что «ограбление» – было тщательно запланированным действием «по освобождению желаемой должности».

До элитного шпиона в отставке Кирпира Зелиуса было гораздо сложнее добраться, чем до грубых и недальновидных исполнителей его замыслов. Кровавым путём вступившему в должность сенатора Кирпиру не составило труда предугадать желание Тоса отомстить за родителей. Усиленной охраны, день и ночь не сводившей глаз с хозяина было достаточно. Если заточить и пытать двух наёмных убийц, отсиживающихся в заброшенном доме на отшибе Нортиспа и явно не просыхающих от длительного запоя, у Тоса хватило хитрости, силы и смекалки, то против целых отрядов настороженных вооружённых бойцов шансы были ничтожны. Но желание отомстить не давало наследнику рода Симыргора покоя.

Ещё в раннем детстве няньки и учителя отмечали буйный, противящийся любым правилам характер Тоса. И с возрастом эта тяга к анархизму росла непомерно. А будучи уже зрелым и самодостаточным примом, Тос не стеснялся публично показывать своё пренебрежение любым мыслимым и немыслимым устоям общества. И у него находились последователи. Дошло до того, что вокруг Тоса роилась целая шайка анархических единомышленников. Тос никогда не был против их компании и частенько закатывал пирушки в родовом имении. Как это ни странно, родители никогда не вмешивались во взгляды сына. Видимо, живущему всю жизнь по чужим законам и участвующему в создании новых, сенатору хотелось видеть брешь в приевшейся ему работе. И он видел её в лице своего чада. А мать попросту безмерно любила первенца и ещё с пелёнок спускала с рук любую шалость.

После смерти родителей Тос не прекратил приёмы анархистов. Наоборот, зачастил с ними, призывая новых желающих. Но, в отличие от прошлых безобидных пьянок и оргий, на этот раз каждая встреча имела всё более политический уклон. Тос всё чаще высказывался против «зажравшихся и обнаглевших сенаторов, диктующих свои тупые взгляды свободным горожанам Нортиспа». Единственный выход избавиться от гнёта – пойти штурмом на здание Сената.

Собственно, восстание Тос поднял лишь с той целью, чтобы добраться до Кирпира Зелиуса.

Но у бывшего шпиона и убийцы славной семейной пары Симыргоров свои люди были повсюду. О надвигающемся штурме всё стало известно в тот же день, когда он был задуман. Подавить восстание оказалось смехотворно просто.

Вначале Тоса хотели публично четвертовать, но благодушный «друг его отца» Кирпир попросил смягчить наказание «оступившемуся чаду столь величественных родителей» и сослать смутьяна на серебряные прииски Шахтной цепи. Судьи решили удовлетворить просьбу «друга семейства». Как по Тосу: уж лучше четвертование, чем подобная участь…

Первое время каторги Тос видел перед глазами только лицо подлеца Кирпира Зелиуса. Жажда мести была сильна, как ещё никогда. Но… тяжёлый и мучительный труд постепенно выбили из Тоса всё: желание жить, желание мстить, желание желать…

До сегодняшнего момента!

Гирен изорви его и его детей! Тос вновь ощутил, казалось навсегда забытое, дикое желание скрутить шею Кирпира. Этот ублюдок испортил приму всю жизнь. Из плюющего на всех и вся богатого наследничка, эта тварь превратила Тоса в бывшего каторжника и наёмника. Сколько страданий и лишений пришлось перетерпеть из-за этого пожирателя бобросовых экскрементов!

Бирюк спас их от Ворка. Вот в чём причина. Так уж вышло, что благодаря этому Тос вновь ощутил ценность жизни. Вернее, не только благодаря этому: тут виной целостное приключение в Заколдованных Горах. И подъём на скалу, и блуждание в лабиринте бесконечности, и полёт на «кожаных крыльях». Что ни говори, а Горы воздействуют на мыслящих, по глупости или по необходимости ступивших на их каменистую почву. И не всегда плохо. Тот же лабиринт. Уродливое чудище гналось за Тосом, хотело поглотить, изничтожить… Прим нашёл выход. Теперь-то Тос понял: это такая манера Заколдованных Гор общаться с гостями. Горы доносили послание. Нужно быть только полным остолопом, чтобы разгадать его только сейчас, а не раньше! Чудовище – олицетворение бездействия. Если будешь стоять на месте – оно поглотит тебя, уничтожит. Бесконечные коридоры лабиринта – ни что иное, как сотни занятий, которыми можно оттягивать встречу с бездействием. Но! Выход есть лишь один. Можно до скончания дней бродить по жизни, занимая себя всевозможными делами, не относящимися к истинным стремлениям. И только отыскав путь к стремлениям (а порой, чтобы понять каково твоё призвание, нужно пройти не один десяток километров извилистых коридоров лабиринта) можно найти выход. А ведь как часто этот спасительный выход находится прямо перед нашим носом…

Поквитаться с убийцей родителей, восстановить родовую справедливость, отобрать у незаконных владельцев свои земли и продлить славный род Симыргоров – вот истинное призвание Тоса в этой жизни!

Раз уж Тос обязан жизнью волку, то и вреда ни ему, ни его друзьям никогда не причинит. Но вначале нужно выплатить должок спасителю: уничтожить Альчирона с его механической армией. А потом Тос покинет Ищеек Смерти и отправится в Нортисп. Плевать на деньги! Есть вещи поважнее. Такие как месть, к примеру…

Моррот шёл молча. Ему всё надоело. Ему было плевать на заказанных. Ему не хотелось принимать каких-либо решений. Сладостные суицидальные мысли всё чаще бороздили его голову.

За очередным поворотом показалось выкрашенное красным светом тело четыренога. На спине механизм нёс навал брёвен. Возможно даже, это тот самый четыреног, который заманил всех в эти туннели.

– Это не боевая модель, – предположил Дрим и его твёрдый голос эхом прошёлся по осклизлым стенам туннеля. – Рабочий или вроде того. Так, первыми в бой не вступать. Ясно? Не будем делать резких движений.

– Я ненавижу механических ползунов, – воспротивился Брок. – Я хочу убивать их.

Будто бы учуяв угрозу в мощном голосе люрта, четыреног скрылся за одним из поворотов.

– Да, старина Брок прав, – поддержал Кич. – От техномагических паршивцев ждать добра – наивно. Как по мне, отстреливать их нужно.

– А я согласна с Дримом, – вступила в спор Джина. – Незачем лезть в драку, когда её можно избежать. При чём, обратите внимание, пока что этот туннель был безопасным: ни ловушек, ни засад…

– Ты ещё накаркай тут, – слова Камоорна выходили из его рта словно лопающиеся пузыри.

– Я, а значит и мои подчинённые, считаю, что боевые действия предпринимать ещё рано, – не преминула высказаться Филика. – На подходе к Заколдованным Горам нам довелось уничтожить одного техномонстра. Насколько я поняла, он был старой модели – из выживших воинов Тризолуса. Так вот, агрессии к нам он и не собирался проявлять. Но мы посчитали нужным вывести его из строя, чтобы не было угрозы нападения на лагерь. На него мы потратили немало пороху. А могли бы и обойтись: теперь-то я уверена, что до нас ему дела не было. Если уж хотел бы напасть, то напал бы сразу. Думаю, главное нам держаться от магочудищ на нужной дистанции. Если подойдут на опасное расстояние, тогда уж и пальбу…

– Здесь всё равно последнее слово за мной, – резко перебил Дрим. – Но все вы слышали наёмницу. Мой приказ: покуда техномонстр не приблизятся на расстояние нескольких прыжков – не атаковать.

Возражать более никто не стал.

Шли дальше. Красный свет туннеля уже не раздражал, как в самом начале. Запах гари усиливался до рези в глазах. И гул. С каждым шагом всё отчётливее и громче разбивающийся на страшную какофонию металлического и каменного лязга, перестукивания и треска.

Очередной рукав привёл к широкому проходу, в котором спокойно могли бы разминуться два слопра не задев при этом стоящего у стены дигра. По проходу прошмыгнуло несколько четыреногов с наваленными на спины камнями. Брок еле сдержался, чтобы не запустить в одного из них ржавеющим или огненным заклинанием из пернача. Благо, вовремя остановился.

И пусть дышать из-за витающей в красном свете пыли и сильнейшего запаха гари было трудно, всё равно проход своими размерами внушал спокойствие. После ограниченных пространством туннелей он казался спасительным оплотом, хоть и был, по большому счёту, их расширенным продолжением.

Техномонстры на пути не попадались. Проходом шли не менее километра, пока не вышли к источнику зловещего гула.

Громадное помещение. Нет, помещением чудовищных размеров подземную пустоту назвать сложно. Гудящие валами, цокающие шестернями, перестукивающиеся молоточками, шерстящие широкими лентами, плюющие паром диковинные рабочие механизмы, которых-то и в сарских мануфактурах не встретишь. Техномонстры повсюду. Словно в переполненном муравейнике, они ползали, грызли камни, копали землю, перетаскивали на спине материалы, копошились возле механизмов, тягали в жвалах брёвна и балки. Кроме похожих на четыреногов, удалось рассмотреть ещё два вида техномонстров: практически ничем не отличавшихся от стенобуров и отдалённо напоминавших секаторов – толстых бочкообразных магомеханизмов с двойным набором передних широких конечностей, явно предназначенных для копания. Стены подземного завода (а как же его ещё назвать?) отовсюду были переполнены входами в многочисленные туннели. На ряду с красными входами (туннелями, освещаемыми красными электрическими светильниками) было ещё множество жёлтых, фиолетовых, синих и один зелёный. Конечно же, цвета каждому туннелю давались с определённой целью, но с какой – путешественникам оставалось только гадать.

– Вот бы по ним, да и тонной взрывного порошка! – зло сказал Кич, потирая культю.

– И похоронить себя вместе с ними заживо, – осадила его Джина. – Расслабься, Кич, твоя ненависть к техномонстрам делу не поможет.

– Можно подумать, будто бы ты их любишь, – окрысонился Кич.

– Я… – начала было Джина, но тут же замолчала. В пяти метрах от неё из земли выполз техномонстр, чем-то напоминающий секатора.

Первым нервы сдали у Брока. Люрт обрушил на механизм магический каменный вихрь. Побитый и измятый, техномонстр ещё был способен передвигаться. Залп из ружий: Кич и Филика решили помочь заточённой в аметистовый кристалл душе вернуться в потусторонний мир. Лароус окатил издыхающий магомеханизм доброй струёй кислоты. Бирюк внёс свой вклад жирной змеёй молнии. Дело завершил Дрим, расплавив остатки существа столбом огня.

«Сейчас начнётся, будь оно всё проклято!» – пронеслась «утешительная» мысль в голове Филики.

Шум уничтожения лжесекатора нагло вплёлся в деловитый гул завода. Техномонстры, все как один, прекратили занятия и уставились своими выпуклыми глазными линзами на готовящихся к жестокой битве мыслящих. Некоторое время в воздухе летало напряжение, отягощённое монотонным

перестукиванием рабочих механизмов. Потом техномонстры взялись за прежние занятия. Дела до только что убивших их сородича мыслящих им было не больше, чем крысону до межрасовой поэзии.

НЕ УНИЧТОЖАЙТЕ МОИХ РАБОЧИХ, – откуда-то сверху донёсся громоподобный голос. – ОНИ НЕ ПРИЧИНЯТ ВАМ ВРЕДА. ЗАЙДИТЕ В ЗЕЛЁНЫЙ КОРИДОР. Я ЖДУ ВАС В РАБОЧЕМ ЗАЛЕ!

– Вот тебе новость, – голос Лароуса как никогда был похож на шум высыпаемого мешка с зерном, а не на голос. – Ловушка чистой воды: заходите в зелёный туннель, там-то на вас камни и посыплются, земля под ногами разойдется, и пролетите вниз с километр, а в конце благодать – измазанные ядом пятиметровые шипы… ну и так далее.

– Как для консервной банки, у тебя уж слишком буйное воображение, – не преминула высказаться Филика.

– Да, тут ты права, – склонил крохотную по сравнению с телом металлическую голову Лароус, – достаточно одной только классической засады. И о чём я только думал? Шипы, камни…

НЕ БОЙТЕСЬ, Я НЕ ЗАИНТЕРЕСОВАН В ВАШЕЙ СМЕРТИ, – утешил голос сверху, злобным эхом пронёсшийся по пустотам завода, – МОЖЕТЕ СПОКОЙНО ЗАХОДИТЬ В ЗЕЛЁНЫЙ КОРИДОР. ДАЮ СЛОВО ЧЛЕНА СОВЕТА ТЕХМАГА.

– Слушай, а не голос ли это Альчирона Третьего? – озвучила всеобщую догадку Джина.

НИ Я, АЛЬЧИРОН ТРЕТИЙ, НИ ОДНО ИЗ МОИХ СОЗДАНИЙ – НЕ ПРИЧИНИМ ВАМ ВРЕДА.

– Ну вот, он развеял все мои страхи, – съехидничал Кич. – Как же, поверили мы ему. Сейчас!

– Покуда ещё не нападали… – почесал покрытый колючей щетиной подбородок Дрим. – У вас есть лучшие предложения? Вы обратили внимание, что техномонстры приспособлены к работе, а не к бою? Да, при необходимости, они без проблем могут разорвать, раздавить, раскромсать попавшегося на пути мыслящего. Но этой необходимости у них пока не возникало. Мы только что уничтожили одного, а остальным и дела не было. Как по мне, нужно идти в тот «зелёный коридор». А если уж там и есть какая западня – так мы ведь не из простого теста сделаны? Отпор любым опасностям дадим. Главное, не расслабляться, всегда быть начеку. Вы со мной?

«Мягковат он для командира» – подумалось Филике.

Никто с Дримом спорить не стал. Идти в «зелёный коридор», значит – идти. Уж это лучше, чем бороться с кишащими повсюду техномонстрами.

Вдоль подземного завода прямиком к зелёному входу тянулась извилистая дорога. По бокам возвышались диковинные рабочие механизмы. Техномонстры разбегались с пути. Дойти до «зелёного коридора» труда не составило.

Винтовой коридор заметно забирал вверх. Ограниченное стенами и сводом пространство ни чем не отличалось от такового пройденных ранее

туннелей. Разве что вместо красных электрических светильников жужжали зелёные. Подозрения не оправдались: ни засады, ни ловушек не было. Коридор привёл к широкой металлической двери, уж слишком гладкой, как показалось Тосу. Дверь треснула посередине и с грохотом разошлась в стороны.

Путешественники вошли в просторное помещение, совсем не похожее на унылые, давящие на психику туннели и чудовищный подземный завод. Благодаря скрытой от любопытствующего взгляда воистину колоссальной системе вентиляции воздух был на удивление чистым и свежим. И, благодаря не худшей системе отопления, было тепло и сухо, не в пример сырости пройденных туннелей. Пол помещения был выложен разноцветным мрамором. Стены и потолок – собраны из серебряных плит с причудливыми, радующими глаз узорами. С потолка свисало невероятное множество электрических светильников, абсолютно молчаливо генерировавших свет, очень похожий на солнечный. Посреди помещения, на толстом шерстяном ковре стоял рабочий стол с непонятным полусобранным механизмом на нём. На многочисленных полках вдоль стен лежали инструменты: от обычных отвёрток до таких, чьё предназначение угадать непосвященному мыслящему было просто не под силу. В одной из стен находилась глубокая застеклённая прорезь. Эта громадная прорезь или лучше сказать – смотровое окно открывало целостный вид на подземный завод. Под прорезью находилась массивная панель, уж очень похожая (только гораздо усложнённая) на таковую в рубке управления Смертоптицы.

Когда путешественники вошли, в смотровое окно пристально вглядывался ссутуленный драг. Одет хозяин подземелья был невзрачно: стёганный красный камзол, перевязанный чёрным кожаным поясом, чёрные широкие штаны и просторные мокасины из шкуры красного медведя. Кожа на лице драга была серой с белыми пятнами, сморщенная от старости, особенно в шее.

Хозяин подземелья оторвался от окна и одарил гостей пронизывающим умным взглядом похожих на аметисты горизонтальных зрачков.

– Я приветствую вас, добрые путники, в своих скромных владениях, – первым заговорил драг. – Что могло привести вас к скромняге Альчирону Третьему?

– И ты ещё спрашиваешь? – удивилась Джина. – Ты украл чертежи техномонстров и решил продолжить начатое Тризолусом! Ты укрылся под землёй от пытливых глаз мыслящих, но от нас укрыться тебе не удалось. Ты…

– Вижу, я имею дело не с простыми искателями приключений, – перебил Джину Альчирон. – Должно быть, вы пришли сюда с какой-то целью… – он пристально осмотрел нежданных гостей. – Да, в чём-то ты права, человеческая женщина, я действительно завладел чертежами Тризолуса. И да, я укрылся от любопытствующих глаз под руинами древнего города, затерянного в Заколдованных Горах. Но, прежде чем осуждать меня, посмотрите вокруг. Разве вам попался на пути хоть один агрессивный магомеханизм? Мои рабочие абсолютно безопасны. Вспомните, что вы сделали с одним из них, а

остальные даже не обратили на вашу агрессию внимание. Я создавал своих деток без злых помыслов. И они работают на благо… Ну, допустим, моё благо… Но никто и не говорит, что я – сама добродетель. По крайней мере, от моих увлечений никто не страдает.

– Да, сейчас твои техномонстры не нападали на нас, – заговорил Дрим, косясь на массивную панель под смотровым окном. – Но что помешает тебе завтра отдать приказ им выползти наружу и сеять смерть и разрушение?

– Нет, это исключено категорически! – лицо старого драга приняло обиженное выражение. – Да как вам такое на ум прийти могло? Мои детки – безобидные создания. Кроме трудной, самоотверженной работы они ничего не умеют. В их кристаллах заточены души самых обычных мышей-землероек. А разве эти трусливые создания способны причинять вред мыслящим? Уж увольте! Даже если бы я приказал им напасть, то от испуга они бы ослушались.

– Это уж ты, Альчирон, уволь, – заговорил Кич. Его глаза горели гневом. – Знаем мы сладкие речи бандитов и убийц: проходили неоднократно. Говорить-то ты можешь что угодно. А на самом деле, внутри твоих металлических слуг – души медведей, дигров и слопров! Где доказательства твоих слов? Ложь, ложь и ещё раз ложь!

– Я оскорблён… – Альчирон склонил голову, словно пытаясь скрыть от гостей подступающие слёзы. – Вот тебе и благодарность на старости лет… – он принялся бубнить себе под нос, будто разговаривал сам с собой. – Хотя, действительно, какая благодарность? Ушёл от общества. Забился отшельником под землю. Три года как о члене Совета Альчироне Третьем ни слуху ни духу. А ведь раньше уважали его, преклоняли голову при его появлении. А стоило исчезнуть – тут же и записали в «злодеи»… Ох, помоги мне, великая Геллиза, выдержать эти унизительные испытания!

– Мне жалко ящеричного старика, – призналась Тона.

– Я – верю тоже, – поддержал жену простодушный Брок.

– Ладно, нужно собраться, старик, не раскисать, – подбодрил себя Альчирон. – Простите, я уж очень давно не разговаривал с живыми мыслящими… Уже разучился. Ну ничего, быстро вспомню. Если вам так нужны доказательства, то они налицо. Во-первых, если бы мои рабочие обладали душами диких зверей, то напали бы на вас ещё в красных туннелях. Во-вторых, если бы я хотел вашей смерти, то уж наверняка не приглашал бы вас в свой кабинет. В-третьих, если бы я был коварным двуличным злодеем, то сейчас разъехались бы тайные двери в стенах и на вас напали бы самые ужасные из когда-либо созданных техномонстров!

После этих слов воцарилась зловещая тишина. На душе у путешественников стало неспокойно. Того и гляди, разъедутся потайные двери…

– Ну ладно, допустим, – заговорил Дрим. – Почему тогда наша Смертоптица не хочет взлетать?

– Ваша Смертоптица? – вертикальные зрачки драга расширились в удивлении. – Единственная Сметроптица, о которой я знаю, принадлежала Тризолусу.

– Ну и дела, – развёл всеми тремя руками Кич, – ты ещё скажи, что не знаешь, кто ей завладел после смерти Тризолуса.

– Увы, я действительно ничего про это не знаю… вернее, не знал, – Альчирон задумчиво потёр виски. – Теперь-то знаю, благодаря вам, разумеется. До Совета дошло послание, что Тризолус мёртв. Следующих посланий я дожидаться не стал, а сбежал куда подальше. Не знаю как для других магов, но для меня находиться под властью того тирана было слишком болезненно. Уйти раньше, как некоторым другим, мне не хватило духу. Вот я и жил в вечном страхе пред зловещей тенью зла. А после его смерти понял, что в Совете, который поддерживал тиранию подавляющим большинством, меня ничто не держит. Вот я и очутился здесь…

– Прямо-таки герой-мученик, – фыркнул Моррот.

– Хорошо, с принадлежностью Смертоптицы ты, думаю, уяснил, – сказала Джина. – Невдалеке от твоего подземелья она сейчас сидит на земле и категорически отказывается взлетать. Скажешь, тут нет твоей вины?

– Увы… – погрустнел драг. – Вина здесь моя полная. Хоть и неумышленная. Скорее всего, ваш летательный техномонстр попал под воздействие магических волн, которыми я управляю рабочими. Волны создавал я лично, их частоты отличаются от тех, которыми пользовался Тризолус. Видимо, они привели Смертоптицу в замешательство. Поэтому-то она и не хочет взлетать.

– И что же ты собираешься делать по этому поводу? – с издёвкой спросил Кич.

– Я попросту отключу волны на время, – Альчирон нажал несколько кнопок на пульте и дёрнул рычаг. – Вот, теперь всё в норме. Моим мальчикам пока не понадобятся новые указания. Так что сейчас Смертоптица взлетит при первом же вашем желании.

– Частота другая, говоришь… – почесал перепончатой рукой лоснящуюся на свету электрических ламп голову Камоорн. – И ты с её помощью не можешь управлять остатками армии Тризолуса, верно?..

– Абсолютно верно, – ответил Альчирон. – При всём веющем сумасшествием желании управлять его былой армией – это невозможно. Не говоря уже о том, что будь такая возможность реальной, я бы никогда в жизни ей не воспользовался.

– Ну ладно, предположим, ты не продолжатель Тризолуса, – заговорил Дрим. – Скажи, зачем тебе тогда всё это? Зачем эти техномонстры и завод какой-то в придачу? Уж точно не забавы ради…

– Ну… – замялся Альчирон. – Понимаете… У меня есть одна слабость… – чем дальше он говорил, тем ярче и алчней загорались его глаза. – Я люблю богатства. Любого рода: золото, серебро, платина, самоцветы всех мастей и ценностей… В общем, мои механические детишки – никто иные, как

кладоискатели. Да, они ещё и строители, и управители заводом, есть даже лакеи, фермеры и скотоводы. У меня ведь и хозяйство небольшое есть… Надо же чем-то питаться? Все те рабочие механизмы, что вы видели на заводе, предназначены для различных целей: создание и ремонт магомеханизмов, обработка и добыча полезных ископаемых из сырца… Ну, вы уловили картину?

– Так-так-так… – почесал голову Дрим. – И что же ты делаешь со всем этим богатством?

– Как что? Как что я с ним делаю?! – завёлся старик. – Я им л-ю-б-у-ю-с-ь! – последнее слово драг произнёс с таким вожделением и самоотверженностью, что у путешественников по спине пробежал холодок.

«Вот ведь урод!» – с отвращением подумала Филика.

– И как ты можешь доказать нам свои слова? – спросил Дрим.

Старый драг с опаской поглядел на собеседника и забубнил себе под нос:

– Ах… Как же я сразу не догадался? Они ведь простые грабители… Пришли в покои старика, чтобы отобрать его богатства…

– Мы никакие не грабители! – запротестовала Джина.

– Ладно, у меня всё равно нет другого выбора, – вздохнул Альчирон Третий. – Мои детки способны добывать, но они не в состоянии защитить своего творца… – драг потянул за рычаг на панели. Тут же в стене медленно ушла под землю одна из серебряных плит.

Путешественники приготовились к бою. Сомнений быть не могло, из отверстия должен выскочить какой-нибудь жуткий и свирепый техномонстр. Но ничего такого не произошло. Из образовавшегося прохода лилось разноцветное свечение.

– Что же вы стоите, грабители? – удивился Альчирон и направился в проход. – Идите за мной.

Громадная комната была полна сокровищ. Платиновые, золотые, серебряные слитки, рубины, бриллианты, изумруды, сапфиры, аметисты… чего только не было!

– Гирен ижодри тебя, твоих детей и внуков, ешли они у тебя ешть, штарый драг! Да тут ведь богатштв хватит купить вешь Карт и половину Шара в придачу! – высказал вслух мысли многих вошедших Тос.

– Бесполезная куча никчемных блестящих побрякушек, – прорычал Бирюк.

– Я тоже думаю, – согласился Брок, за три года с лишним неплохо выучивший волчий язык.

– Я лишь прошу, чтобы моя смерть была безболезненной… – горько вздохнул властелин подземелья.

«Вот, мы и нашли свою награду! – подумала одурманенная богатством Филика. – Стоит только умертвить этого старикашку, и сокровища наши! Ну что ж, Дрим, ты командир. Тебе принимать и отвечать за это подлое решение. Вот сейчас и выяснится, каковы на прочность души всех этих «падших

героев»! Сейчас-то и станет ясно, говорил Парфлай про них правду или бесстыдно лгал!»

– Да что ты всё заладил, смерть и смерть? – Дрим встряхнул голову, словно струсил с неё толстый слой золотой пыли. – Мы пришли совершенно не за этим. У нас своих скромных богатств хватает… К тому же, мой отец, отец Кича, и приёмный родитель Брока – крупные землевладельцы пусть и небольшого городишки Пашни… В случае недостатка средств – они всегда рады помочь. – Дрим повернулся к соратникам: – Всё, друзья, нам здесь делать нечего. Мои подозрения не оправдались. Альчирон Третий – всего лишь безмерно любящий золото отшельник. Эти сокровища тому подтверждение.

– Мне всё надоело… – сообщил Моррот. – Пойдёмте отсюда, а? Я хоть и крот, но находиться на свежем воздухе мне нравится больше, чем в здешних гнетущих лабиринтах подземелья.

– Да, Моррот прав, – согласилась Джина. – До чужого добра нам дела никогда не было и быть не должно! Слушай, Альчирон, как бы нам наружу выбраться и побыстрее?

– Так вы меня не убьёте? – не верил счастью старый драг-отшельник. – И не отберёте богатство?

– Видимо, старость тормозит твоё понимание, – догадался Кич. – Мы уходим. Покажи кротчайший выход.

– Ах да, выход… – засуетился Альчирон. – Там, перед входом в мой кабинет, есть тайная дверь… Сейчас, одну минутку, – драг подошёл к панели и дёрнул коротенький рычаг. Раздался приглушённый шум трущихся друг о друга валунов. – Прямиком в открывшийся туннель. Выйдете южнее на несколько километров от руин древнего города. Там по нагорью, минуя скалы и дубраву… заблудиться очень трудно, в общем.

– Прощай, – кинул Дрим и устремился прочь из рабочего кабинета, в открывшийся туннель. Спутники, не сказав и слова старику драгу, последовали за командиром.

«Ах вот ты какой на самом деле, Дрим Плувер Младший, – думала Филика. – И твои соратники тебя достойны. Вот же лживая стречья морда, этот Парфлай! Всё, я расторгаю с ним контракт!»

Дрим шёл впереди всех. Разные мысли крутились в его голове. Но одна занимала места больше, чем остальные. Он корил себя за то, что забыл спросить: зачем в разных туннелях горит разный цвет электрических ламп?

Чуть больше получаса блуждания извилистым туннелем, и путешественники вышли на поверхность. Как же всё-таки приятно светило заходящее солнце! Каким же всё-таки вкусным был свежий воздух! Как же всё-таки нежно трепал прохладный ветерок волосы!

Двери за волком – последним из незваных гостей – захлопнулись. Вообще-то, гости были и не такими уж незваными. Техномонстр Альчирона специально заманил их в подземелье…

Старик драг презрительно ухмыльнулся и включил сеанс маговолновой связи. Произнёс послание, превратившись в магические волны, понёсшееся к адресату:

Убийцы нашего хозяина проглотили наживку, о последний из его учеников, единственный законный наследник его всемогущественной власти! Надеюсь, ты успел совершить задуманное. Пусть великие Спайкниф и Геллиза помогут сбыться твоим начинаниям!

Глава 19: ***«Смертельная камера»***

Тартор лежал в луже собственной крови и думал о том, что в последнее время Сар к нему не очень-то и гостеприимно относится. Воспоминания о психлечебнице и комнате с мягкими светло-фиолетовыми стенами незажившей раной бередили сознание. И тут на тебе: заточение в «смертельной камере» сарской тюрьмы. И эта камера своё название получила не просто так…

Дело тысячекратно усложнял Глава городской охраны Жраб Толстый, младшего сына которого Тартор имел неосторожность убить при стычке с охранниками в Садах Осевого. Жраб «спас» Тартора от грозившей виселицы за содеянное. Да вот только спас он лишь с одной целью: превратить жизнь наёмника в бесконечные чудовищные муки. Все подчинённые Жраба, а в особенности, его сыновья (которых было не меньше дюжины) – прониклись замыслом Главы охраны и делали всё возможное, чтобы Тартор, испытывая нечеловеческие страдания, оставался живым. Хотя жизнью это существование назвать при всей натяжке не отважился бы и последний бездомный бродяга Трущоб Недостойных. А всем прекрасно известно, в каких ужасных условиях живут эти бродяги…

Боль стала привычным делом. Но если бы только одна боль… Хороший сон, тёплый кров и сытный обед – стало чем-то нереальным, недосягаемым, эфемерным. Порой Тартор даже сомневался в их существовании. В моменты таких сомнений было хуже всего: мир становился одним огромным чёрным пятном: беспросветным и безутешным. В таком мире не хотелось жить. Но, вздумай Тартор покончить с собой – ничего бы не вышло. За ним велось постоянное наблюдение. В узкую щель массивной дубовой двери постоянно глядела пара ненавидящих глаз.

Когда сомнения проходили, мечты о доме близ реки, винограднике и спокойной, размеренной жизни согревали, как не сможет согреть ни один очаг. А очаг ох как не помешал бы: сырые осклизлые каменные стены «смертельной камеры» всегда были холодными и мрачными. Размером камера не баловала – три на три метра. Это невыносимо угнетало. Спал Тартор на пропитанном мочой, клещами, клопами и потом опилочном матраце. Больше мебели не было. Умывальника и туалета – тоже. Приходилось опорожняться в угол. Если бы этим издевательство заканчивалось. Когда днями не дают еду и питьё, то, хочешь, не хочешь – съешь содержимое угла…

В стене, что напротив входа, одиноко зиял крохотный проём с металлическими решётками. И находился этот проём там совсем не для того, чтобы скрашивать пребывание заключённого. В этом проёме виднелись, хоть и совсем чуть-чуть, звёзды, солнце, луны, шелестящая от ветра трава и листья… Вид на столь близкую и в то же время недосягаемую свободу действовал удручающе. Ты заперт в каменном склепе, а за его стенами во всю кипит жизнь! Хотелось разорваться на части. Хотелось облаком пара просочиться сквозь решётки и улететь в небо. Хотелось рыдать, но сил на слёзы не оставалось.

Если смотреть с внешней стороны, то проём в стене находился на уровне земли. Это, кстати, чувствовалось, когда лил проливной дождь: грязная вода затекала внутрь. Благо подобный дождь случился лишь один раз. Чтобы хоть как-то уберечься от непогоды, Тартор был вынужден заткнуть проём матрацем. Это помогло. Дождь прошёл – опасность затопления миновала. Вот только в сырой камере мокрый опилочный матрац высыхать совсем не хотел. А каждому известно, что спать в прохладном помещении, да ещё и на промокшем матраце – чревато тяжкими хворями, часто приводящими к гибели…

По ту сторону двери щёлкнули засовы. В камеру вошёл Фирил – самый старший сын Жраба. Одет он был, как и всегда, в чёрный форменный костюм с тройными белыми полосами на штанинах. Если присмотреться, то на воротнике и рукавах можно было разглядеть тёмные пятна от засохшей крови (уж явно чужой). Его лысину успешно скрывало чёрное сомбреро с длинным красным пером экзотической птицы. Смуглое лицо с уродливым шрамом от носа до подбородка поперёк губ. Громадные руки, похожие на медвежьи лапы. Два метра ростом. Очень похожий на отца, пусть и худой. Это, конечно, по сравнению с толстяком Жрабом худой, а так – широкоплечая гора стальных мышц килограмм эдак на сто двадцать.

– Фу, как же у тебя здесь воняет, – таковы были слова приветствия Фирила.

Тартор не ответил. Он всё так же лежал в луже собственной крови, повернувшись к вошедшему опухшим лицом, которое больше было похоже на сплошной переливающийся синяк.

– Была б моя воля, тебя бы давно четвертовали, – признался Фирил и подошёл вплотную к Тартору. – Но папаша решил иначе. И знаешь чего? Я начинаю понимать мудрость его решения! – он пнул наёмника в живот острым с железной набойкой носком сапога. – Убив тебя, мы бы лишились такого замечательного занятия: наслаждаться твоими страданиями! Это ведь так здорово! – Фирил пнул ещё раз: Тартор скрутился от невыносимой боли. – Так приятно выбивать из убийцы младшего братки жизнь. Но выбивать потихонечку, по крохотной капельке… И знаешь чего ещё? Боль болью, а вот твои унижения мне куда больше настроение поднимают… – с этими словами мучитель приспустил штаны и помочился на голову Тартора, целясь в окровавленное ухо.

– Мразь, – собрав все остатки сил, выдавил из себя Тартор.

– Ну, бывай здоровый, – заключил Фирил и зашагал к выходу, остановился в дверном проёме, хлопнув себя по лбу: – Ах, чуть не забыл. Это, так сказать, чтобы продлить твоё никчёмное существование, – он кинул в лицо наёмнику задубевшую, покрытую плесенью краюху хлеба. – Один охранник отобрал её у бродячих собак близ свалки. Приятного аппетита, уродец.

Фирил вышел из камеры. За его спиной хлопнула дверь и щёлкнули засовы. Тартор жадно вцепился зубами в хлеб.

Жраб Толстый и его подчинённые знали свою работу. От обычного избиения до изощрённой пытки – они были мастерами высшего класса. Правда, достигнутыми успехами Жраб не был доволен. Да, им удалось подвергнуть Тартора чудовищным мучениям. Но вот выпытать местоположение Филики всё никак не получалось. Бедняга Тар, по большому счёту, и не знал её точного расположения. Но подобные заверения только развязывали палачам руки…

Саднило в боку, опухшее лицо от малейшего прикосновения разрывалось дикой болью, ноги и руки были покрыты холмиками ужасных гематом, каждый вздох отдавался пронизывающей болью в голове. Тартор откашлялся кровью и попытался подняться. Ноги подкашивались от слабости в коленях. С третьего раза удалось сравнительно твёрдо стать во весь рост. Боль… Она не была столь мучительной. Она была терпимой. Любая боль, какой бы ужасной она не была, – терпима. Унижения? Ну что ж, они не смертельны. Их можно перетерпеть, с каждым разом тая всё большую молчаливую злобу на мучителей. Умереть, облегчив тем самым страдания? Нет, не таков уж Тартор. Сам он кого угодно на тот свет отправить готов, но то, чтобы себя… нет, не может быть и речи!

И что же тогда остаётся делать? Как что?! Бороться! Превозмогать трудности и страдания. Побеждать боль. Игнорировать оскорбления. Жить. Жить назло остальным. И надеяться…

Сил побороть кого-либо из надсмотрщиков не было. Да и вряд ли мучители допустили бы подобный поворот событий. Зато душевные силы желания выжить и поквитаться – били безостановочным гейзером.

Первые дни Тартор всей душой ненавидел мучителей. Проклинал их, сопротивлялся, бился и проигрывал. Но завидное постоянство, с которым проходили тортуры, не прошло стороной. Постепенно ненависть переросла если не в странное подобие любви, то уж точно в равнодушие. Ненависть наплывала на него непосредственно в моменты мучений. Но стоило истязателям прекратить – как прекращалась и ненависть.

Всё чаще Тартор задумывался о своём поступке в Садах Осевого района. Попавшийся под горячую руку прохожий, прибежавшие тут же охранники… А будь Тартор сдержанней тогда, всё бы обошлось! Филика. Ох уж эта Филика! Разве её можно понять: то она впустила Тартора в себя, то бесповоротно захлопнула свою дверцу перед самым его носом. Конечно же, как тут не вспылить? И этот «нездешний драг» как раз подлез под залп

взбудораженной люти. Дальше само собой: стычка с охранниками, перестарался, розыск. Тут и душевнобольному (коим Тартор некоторое время тоже являлся) ясно – вина лежит тяжёлым грузилом окоченевшего тела сына Жраба Толстого на плечах наёмника. Кто Тартор в глазах Главы сарской охраны и его подчинённых? Подлый убийца и мерзопакостный коротышка-ублюдок, вздумавший перечить местным силовым властям. А наказание? Что ж, если откинуть все личные предпочтения, Тартор несёт вполне заслуженное наказание. Слишком жестоко? А каково Жрабу и его сыновьям? Лишились младшего…

ФИЛИКА! ФИЛИКА! ФИЛИКА! – диким вихрем ненависти проносилось в мозгу Тартора.

И действительно, во всём виновата только она! А кто же ещё? Ведь это её холод и чёрствость подтолкнули Тартора к необдуманным и импульсивным действиям. Разве нет? То она сама даёт тебе повод верить в близость чувств, то отметает даже малейшую возможность этого! Злость переполняет от её двуличности. Лживая бессердечная стерва! И вообще, это из-за её вины Тартор лишился рассудка! Заставляла каждую ночь дежурить! Как же тут без голубого кита обойтись? Это всё она! Она желает только зла! Притворная лицемерная Филика! Она с самого начала хотела изжить Тартора. Всё делала для этого. Чудовище! Как только Тартор мог быть столь слеп? Но ничего, ничего, теперь-то он всё понял. Теперь-то всё станет на свои места. Теперь её женские чары не оплетут его сетью лжи и обмана. Хватит с Тартора страданий!

Если бы только удалось спасись, сбежать из «смертельной камеры»… Да, тогда-то Тартор Филике бы всё высказал…

Слабость взяла своё: Тартор улёгся на матрац. Желудок сводило: сгрызенная заплесневелая краюха хлеба лишь напомнила о голоде, нежели его утолила. Больше всего на свете Тартор не любил жалость к самому себе. Ни со своей стороны, ни со стороны других. Он крепкий, жёсткий и толстокожий мужик: все страхи, переживания и скорби он таит глубоко-глубоко внутри души. Но сейчас, как никогда ещё, было одиноко и грустно. Тартор содрогнулся от подступивших было порывов жалости к самому себе и подавил их, мысленно грязно выругавшись. А потом заснул. Как младенец, зверски избитый отцом-алкоголиком.

Бурлящее серое море, разбрызгивающее жёлтую пену. Страшные создания, выныривающие из его глубин, скалящие подобные острым утёсам зубы и исчезающие под неспокойной толщей солёной воды. Ядовитыми стрелами пронзающие сердце крики морских птиц, борющихся с мощными порывами ветра. Воздушное чудовище с непоколебимой мощью раздирает облака. Стремительным, сметающим исполином вырывается из морской пучины скала. Гигантским маяком возносится она над пустой бесконечностью водных просторов. Её крутые каменные уступы трескаются чудовищным громом. Валуны сыплются в воду, вздымая дикие брызги и жёлтую пену. Скала всё больше принимает очертания человеческого лица. Прямые волосы

едва скрывающие маленькие, слегка оттопыренные уши, вздёрнутый нос, округлое лицо, высокий лоб… Филика! ФИЛИКА!

Тартор проснулся в ужасном расположении духа. Зашёлся тяжёлым болезненным кашлем, раздирающей болью отдавшимся в лёгких. Должно быть, пневмония назревает…

ФИЛИКА! ФИЛИКА! ФИЛИКА! – злобным вихрем ненависти пронеслось в его голове.

Тишина крохотной камеры налилась сладостным уху заключённого скулежом.

«Я опять схожу с ума… Кто бы мог сомневаться?» – досадливо подумалось Тартору.

Скулёж не прекращался.

«Бедняжки шакалята мои: что сейчас с ними? – горестно вздохнул Тартор. – Как минимум одного убили Дети Носолома… Ну, они тогда ещё были Наёмниками Севера… Какие подлые уроды! И что это на меня нашло, когда они в Сар везли? Должно быть, это браслет сработал. Надо же, на мне – так никак. А на этом гадостном мохнатом комке с вшами Вике Носоломе – так сразу!»

Скулёж перерос в изнывающее тявканье.

– Да что это вы всё не перестанете?! – превозмогая боль в лёгких рявкнул Тартор неизвестно кому, неизвестно зачем.

Жалостливое тявканье усилилось.

Тартор поглядел в проём в стене и не поверил глазам: между металлическими прутьями просовывали вострые мордочки трое шакалов.

– Бон, Мон, Мона! – радостно вскрикнул Тартор и из глаз его брызнули слёзы.

Да, это были его шакалы. Все трое. И это не продолжение сна, не видение измученного мозга. Это – явь! Зверьки преданно следовали за хозяином. В Саре они потеряли след: уж слишком много новых запахов и шумов, сбивающих с толку. Но, в конечном итоге, шакалы отыскали хозяина. Увы, самый крупный и мохнатый их представитель Тифуариус слёг смертью храбрых, сражённый стрелами луков Наёмников Севера. Остальные успели разбежаться. Но главное предназначение тогда они выполнили: предупредили хозяина о приближении врага.

Упавшее было на нет настроение Тартора тут же подскочило. Он гладил радостно скулящих зверьков, сам плакал от радости встречи и оплакивал гибель Тифуариуса (до этого наёмник не знал, какой из шакалов погиб). Столько всего нужно было рассказать. Столько всего нужно было услышать. И плевать на то, что шакалы – не мыслящие и не способны связывать наши слова в образы, а их скулёж и лай – всего лишь примитивное выражение эмоций, не больше. Лучших собеседников у Тартора не было уж слишком давно. А сколько именно времени он пробыл в сарской тюрьме – трудно сказать. Время тянулось слишком болезненно, чтобы хотеть давать ему счёт.

Позабылось всё: заточение, издевательства, страдания… То, что в дверную щель глядит пара злобно настроенных глаз…

По ту сторону двери щёлкнули засовы, вернув Тартора к реальной сути вещей.

– Бегите, зверьки, бегите отсюда! – рявкнул Тартор и, для убедительности, ослабевшей рукой хлопнул Мона по носу. Чувствовать угрозу – в крови у каждого шакала. Так что зверьки не заставили на себя повторно кричать и устремились прочь.

За спиной Тартора уже стоял Жраб Толстый, ухмылялся:

– Что, дружков себе нашёл?

– Да пошёл ты! – вспылил Тартор и вмазал усатому толстяку кулаком в подбородок. Изнуряющие донельзя дни (а то и месяцы) пребывания в «смертельной камере» не остались незамеченными: удар был ничтожно слаб.

– Ха-ха-ха! – в сердцах рассмеялся Жраб и харкнул полным зелёных соплей плевком наёмнику в лицо.

– Сволочь! – признался Тартор и попытался ударить вновь, но толстяк перехватил руку, вывихнув тем самым наёмнику плечо и повалив того на землю.

– Слабак и мелюзга, – сделал вывод Жраб. Скажи спасибо, что сейчас моя очередь «разговаривать» с тобой. Были бы тут Фирил или Сфарк – они бы с тобой так не панькались.

Тартор ничего не ответил, лишь устремил полные ненависти и злобы глаза на мучителя.

– А я ведь по особенному делу, – признался Жраб. – Мы поймали твою сообщницу!

– Подселите эту мерзость ко мне? – поинтересовался Тартор.

– Мерзость? – в удивлении поднял брови Глава городской охраны.

– Ну да! Это ведь с её лёгкой руки на меня обрушиваются беды. Конечно же она – полнейшая мерзость! – признался Тартор.

– И, даже не смотря на всё это, ты не выдавал нам её местоположения? – ещё больше удивился Жраб.

– Да сколько уже можно? – Тартор уселся на матрац и резким рывком вправил себе плечо. – Ах-х-х! – скрипнул зубами наёмник, подождал пока утихнет боль и продолжил: – Я ведь говорил вам всем, что она бродит по Заколдованным Горам. Точного её расположения я не знаю.

– Как скажешь… – махнул рукой Жраб. – Это уже не важно. Всё равно её тело у нас…

– Она мертва? – пришла пора удивиться Тартору.

– Да, сегодня днём нам принесли её тёло, – улыбнулся усатый толстяк. – Вернее, не принесли, а принёс. Заркий. Наёмник. Знаешь такого?

– Так ей и надо, стерве подколодной! – рявкнул сквозь боль в лёгких Тартор, хоть на душе сделалось неприятно. – Молодёжи сейчас навалило… Не слыхал я ни про каких Заркиев-перезаркиев…

– Вот как ты заговорил… – Жраб пронзил Тартора пристальным испытывающим взглядом. – Нет, ты слишком измотан, чтобы врать.

– Я хочу есть, – признался Тартор.

– Пожалуй, ты можешь заслужить на приличную порцию похлёбки, если опознаешь тело… – вкрадчиво сообщил Жраб.

– Мне всё равно, – кинул наёмник и надсадно закашлял.

– Принести труп! – рявкнул Глава городской охраны, и его приказание просочилось сквозь толстую дубовую дверь и глазное отверстие к подчинённым.

Несколькими мгновениями спустя в и без того тесную камеру внесли замотанное в серый саван тело. Положили на матрац и развернули. Те охранники, что не поместились в камеру, стояли у входа.

Судя по запаху и окоченению, женщина умерла дня два-три назад. Не нужно быть большим экспертом загробных дел, чтобы по перекошенному обречённой гримасой страха лицу определить: Филика умерла в ужасных мучениях…

Да, но была ли эта женщина Филикой?

Внешнее сходство было поражающим. Рыжие волосы, рост, фигура… Тартор склонился над телом и присмотрелся. Затем попытался раздвинуть окоченевшие губы.

– Ты смотри, шеф, старина Тар позабавиться хочет, – весело сказал один из охранников-носильщиков трупа. – Заскучал он у нас тут…

– У меня слишком ослабели руки, – не обращая на язвительные выпады внимания, сказал Тартор. – Кто-нибудь, раскройте ей рот.

Воцарившееся молчание перебил Жраб, обратившись к веселившемуся чуть ранее охраннику:

– Ты у нас самый разговорчивый, значит и самый небрезгливый. Открой ей рот.

– А ну пошёл прочь, урод, – раздосадованный охранник пнул Тартора, словно собаку.

– Тише ты, – осадил его Жраб. – Сегодня Тара мы не трогаем.

– Я ему, куску ослиного навоза, завтра такое устрою… – бурчал себе под нос охранник-носильщик, крепкими пальцами ковыряясь во рту трупа женщины. – Вот, готово. Надеюсь, это стоило моей брезгливости…

Тартор подошёл к телу и заглянул в раскрытый рот.

– Нет, это не она, – заключил наёмник. – У этой все клыки целы. У Филики верхние клыки из золота: она никогда не говорила с нами об этом, но как-то я услышал её разговор во сне. Клыки ей вырвали работорговцы ещё в молодости. Вырвали, чтобы поубавить хищнические замашки. А потом изнасиловали и бросили в пустыне подыхать, что твою отпахавшую своё лошадь…

– Лучше бы Филика в пустыне той и подохла, – пожелал разочарованный Жраб.

– Наверное, ты прав, – выдавил из себя Тартор.

Охранники и Жраб вышли из камеры, оставив наёмника наедине с лежащим на матраце трупом молодой женщины. Хлопнула дверь, чудовищным лязгом щёлкнули засовы.

– Проследите, чтобы он сегодня не получил паёк, – нарочито громко, чтобы Тартор услышал, произнёс Жраб Толстый.

– Но ты же обещал! – выдавил из себя жалкое подобие обречённого крика Тартор. – Ты обещал порцию похлёбки!

Сквозь дверь донесся приглушённый язвительный хохот.

Глава 20: ***«О развитии и становлении жизни»***

Путешественники покинули подземелье Альчирона Третьего на закате дня. Блуждание мрачными туннелями отняло много сил, по этой причине решили разбить лагерь. Всё равно до Смертоптицы в лучшем случае раньше полуночи не добраться.

Костёр распалили нешуточный: широкое пламя било в полный кротовий рост. Доспехи были сняты и теперь мерно поблёскивали на дрожащем свете пламени. После долгого и изнурительного пути как порой хорошо сбросить килограммчик-другой обмундирования! Вздохнуть полной, неотягощённой металлическим панцирем грудью и расправить плечи, не ощущая на них и малейшего давления доспеха, пусть и облегчённого! Поужинали походным пайком из копчёного мяса, сухарей и бодрящего лиственного отвара.

Ночь выдалась прохладной, но благодаря огнищу этого не чувствовалось. Дров хватало в достатке: невдалеке находилась дубрава, хворосту в которой было хоть отбавляй. Брок, Тос и Моррот натаскали его с гору, если не больше. Бирюк свернулся калачом близ костра и захрапел, изредка подрагивая ухом и задней лапой. Дрим умостился на его боку.

«Странная парочка, – подумалось Филике. – Интересно, его девка не ревнует?»

Словно услышав размышления командирши, рядом уселась Джина.

– Что-то не спится мне… – заговорила она после длительного молчаливого обмена искрящими взглядами.

– Ночь лунная, сон ворует – согласилась Филика и подбросила толстую узловатую ветку в костёр. Ветка была свежей, а посему зашипела и запузырилась соком.

– А твои, вон, уже храпят вовсю, – Джина покосилась на храпящих вовсю Моррота и Тоса.

– Утомились… – ответила Филика. – Твои тоже, как погляжу, кроме Брока.

– Брок, если хочешь, можешь ложиться, мы с Филикой подежурим за тебя, – крикнула Джина сидящему по ту сторону костра люрту.

– Я не так хочу спать, – забасил Брок. – Но силы надо завтра. Посплю. Разбудишь, когда надо?

– Разбужу, обязательно разбужу! Как только спать захочу – разбужу, – согласилась Джина.

Брок улёгся рядом с Тоной на настил из травы и листьев. Не прошло и нескольких минут, как подгорье огласилось его мощным храпом.

Разговор не клеился. Вернее, протекал не в том русле, в котором хотели обе собеседницы. Они перечисляли видневшиеся сквозь редкие ночные тучи созвездия, говорили о погоде, о совершённом путешествии в подземелье, об Альчироне и его ненасытной тяге к драгоценностям, о различных соках деревьев, что используются для подкраски волос, о предпочтениях той или иной мази от морщин и маслах для гладкости кожи… Но вот к сути разговора, которая лежала под всей этой бесполезной болтовнёй, дойти всё никак не удавалось. Говорили одно, абсолютно ненужное, а на уме было у каждой совсем-совсем другое…

Первой не выдержала Филика и изящно перевела разговор в задуманное русло:

– В Сарских магазинах можно встретить чудные материи, пестрящие красотой узоров и красок. Их завозят из Диды. Правда, сейчас всё реже можно встретить их в продаже, да и то – по завышенным ценам…

– И не мудрено. После того, как Дида сгорела… – согласилась Джина.

– Сгорела? – Филика сделала годами отточенное удивлённое выражение лица.

– Ну да, сгорела, – ответила Джина. – Разве ты не знаешь? Я думала, что Ищейки Смерти в курсе всех дел, происходящих на Материке.

– Так-то оно так, – пожала плечами Филика, – но вот про Диду конкретно ничего не слышала.

– Хм… – хмыкнула Бабочка, – ты ещё скажи, что, будучи профессиональной наёмницей, ничего не слышала про Парфлая, бывшего помощника, а ныне – продолжателя Тризолуса.

– Не-а, – самым что только возможно безразличным образом отмахнулась Филика.

– Ну ты даёшь! – лицо Джины украсила ветреная улыбка, хотя её глаза всё так же пристально вглядывались в собеседницу. – При Тризолусе он был капитаном Форта Террора… Хоть про Форт Террора ты слышала?

– Да так, приходилось слышать кое-что… – полным женской хитрости голосом ответила командирша.

– Ну так вот, смерть Тризолуса, увы, не означала полную гибель его начинаний, – заговорила Джина. – Этот наркоман-стрек решил продолжить… Ох, знала бы – убила его тогда, в покоях технокрепости! Но не до него было. На первом месте – бой его хозяину. Куда там морочить голову мелкими сошками? Хотя, сошкой Парфлай только показался. На самом-то деле он оказался куда проблематичнее, чем можно было предположить. С момента уничтожения Форта Террора вместе с большей частью армии техномонстров и до недавнего времени – от стрека не было ни слуху, ни духу. Мы занимались своими делами: истребляли попадавшихся на пути техномонстров,

путешествовали, помогали нуждающимся… И думать не думали о том, что преподнесёт нам этот подлый стрек. А оказалось, что всё это время Парфлай готовил планы возмездия. Но какие именно планы, увы, для нас остаётся загадкой. Знаем мы только то, что он со своим войском (каким – остаётся только догадываться) спалил дотла Диду. Это злодеяние совершил он крайне блестяще: в городе камня на камне не осталось! Никто не уцелел…

– Подожди, Джина, подожди, – замахала руками Филика. – Если камня на камне не оставили, чего это вдруг ты утверждаешь, что именно Парфлай всему виной? Откуда такие сведения? Птичка мимо пролетавшая нашептала?

Лежащие рядом Моррот и Тос уже и не притворялись, что спят: они, затаив дыхание, вслушивались в разговор двух сильных и волевых женщин.

– Ну… понимаешь… – растерялась было Бабочка, но потом собралась с мыслями и продолжила: – Ты можешь не верить. Но… В общем, мой мужчина, Дрим Плувер, он ведь маг. Вы прекрасно это знаете. Но маг он не простой. В его крови живёт могущественное потустороннее существо, ранее жившее в крови великого мага Алерадуса, кровного врага Тризолуса. Именно кровного, поскольку злобный Верховный Маг был его сыном… – Джина сделала театральную паузу, дав собеседнице переварить сказанное, и вновь продолжила: – Это существо способно видеть вещи, которых простому смертному видеть не положено. Но мало этого, оно делится своими видениями с мыслящим, в чьём теле проживает. Дрим видел, как уничтожали Диду, хоть и находился тогда в сотне километров от неё. Как он сам говорил, размытые образы сливались в чудовищное пламенное полотно, забрызганное кровью. На этом полотне, посреди дрожащих смертью языков огня чётко виднелся только один мыслящий. И этот мыслящий был не кто иной, как Парфлай!

– Мда… – усомнилась Филика. – И этот стрек виновен лишь потому, что твой любовник увидел его в сомнительном сне?

– Да-а-а, Филика, мало ты в этой жизни ещё знаешь, – явно разозлилась Джина. – Я не собираюсь тебя как-то переубеждать. Хочешь не брать на веру мои слова – дело твоё. Но запомни навсегда: видения Дрима правдивы. Они случаются очень редко. Но если случаются…

– А вы чего уши развесили, дармоеды? – рявкнула на подслушивающих Моррота и Тоса Филика.

– Нет, командирша, и в мыслях не было! – попытался скрыть смущение Моррот и перевернулся на бок, спиной к ней.

Тос молчаливо последовал примеру товарища.

– О чём мы с тобой говорили? – обратилась к Джине Филика.

– Давай сменим тему? – Джине совсем не хотелось продолжать разговор.

– У тебя есть выпить? – озвучила мимолётное желание командирша.

– Слушай, ты читаешь мои мысли! – воодушевилась Бабочка, поднялась с места и подошла к спящим Бирюку и Дриму. Порылась в походной сумке и вернулась с бурдюком. – Думаю, любимый не обидится, – прыснула она и протянула бурдюк Филике.

– Твоё здоровье, – пожелала командирша и отхлебнула. Лицо её скривилось, словно от ужасных мучений, но потом залилось краской, сделалось спокойным, умиротворённым. – Крепкое, зараза!

– Плувер Младший последнее время по чёрному винцу ударяется, – объяснила Джина и приняла бурдюк из слегка охмелевших рук собеседницы. Сделала смачный глоток и почти не скривилась: – Я уже привыкать потихонечку начинаю…

– Хорошо тебе, – вздохнула Филика. – Мне, вон, сразу в голову стукнуло.

– Да это от усталости, – успокоила Джина. – День сегодня трудный выдался.

– Ну что, за женскую дружбу? – спросила Филика, разглядывая ногти на руке, свободной от бурдюка.

– За неё, родимую, – улыбнулась Джина, со времён неудачного замужества с Санто молчаливо ненавидящая всех женщин, в особенности красивых, способных привлечь внимание её мужчины…

Вино неотвратимо делало своё дело: собеседницы хмелели. Разговоры опять пошли отвлечённые, но на этот раз более раскрепощённые. Тут и про количество соблазнённых мужчин, и про близкие отношения с другими расами и полами пошли расспросы и признания…

Теперь претворялись спящими не только Моррот с Тосом. Кажется, все спящие у костра пробудились и навострили уши. Даже Бирюк перестал подёргивать ухом и настороженно поднял его. Щепетильные подробности хмельной беседы Джины и Филики (которые даже не силились говорить тихо) заинтересовали всех. Дрим – так тот после этого заснуть не мог от пробивающихся в голову распутных образов возлюбленной. Много вещей, о которых раньше даже не догадывался, ревностными иглами кололи его самолюбие. Но вместе с тем… любовные чувства и желания крепли, зажигались с новой силой.

– У тебя очень красивое тело, – призналась Джина, задумавшая повернуть разговор уже в своё задуманное русло.

– Да ладно, не правда это, – отмахнулась Филика, – обычное себе тело…

– Нет, правда, – стояла на своём Джина. – И лицо. Такое смуглое, округлое… была бы я мужчиной – тут же влюбилась…

– Что ты прибедняешься? – возразила Филика и отхлебнула из бурдюка. – Вина, кстати, на пару глотков хватит.

– Чего это мне прибедняться? – удивилась Джина и допила вино.

– Да как чего? – подняла брови командирша. – На себя-то посмотри! Тебе дорога – моделью прямиком в Карт. Изящные бёдра, тонкая талия… Правда, кожа у тебя бледная… Да и волосы крашеные… Ну, это мои предпочтения. А тамошние мужчины тебя бы боготворили!

– Ох, знала бы ты, Филика, – вздохнула Бабочка. – Только бы ты знала… Я ведь в детстве такая же смуглая как и ты была! Не веришь? Хех… И волосы у меня чернее смоли были. Да-да, чернее смоли. Иссиня-чёрные были. А теперь-то я – седая. И кожа, Гирен разодри чего, бела как известь.

– Потрясение какое или болезнь? – предположила Филика.

– Первое, – грустно вздохнула Джина. – Упала в колодец, полный змей… Ну да ладно, не хочу вспоминать. Жаль, вино закончилось.

– Сейчас, – сделала успокоительный жест руками Филика и принялась рыться в походной сумке Моррота: – Этот старый алкоголик просто не мог уйти из вашего лагеря, не стырив чего-нибудь спиртного.

Претворявшийся спящим Моррот недовольно фыркнул, но «просыпаться» не стал.

– Есть! – радостно вскрикнула Филика, понюхав откупоренную флягу. – Этот землеройный зараза вместо бодрящего лиственного отвара сюда пшеничной настойки налил.

– Да, есть у нас бочонок, – подтвердила Джина. – Но он популярностью в нашем коллективе не пользуется: слишком крепкая и противная эта настойка. Так, лежит, на всякий случай…

– Вот и подвернулся случай, – дружелюбно улыбнулась Филика, в дрожащем пламени костра блеснули её золотые клыки.

Джина взяла флягу, понюхала горлышко, тут же скривилась:

– Фу, ну и дрянь! От одного запаха охмелеть можно!

– Я не против, – согласилась Филика, сделала небольшой глоток и прослезилась. – А что, пьётся легче, чем пахнет…

– Дай попробую, – Джина повторила подвиг собеседницы. – Брр… нет… не буду больше…

– Да, пусть алкаш-Моррот сам пьёт эту дрянь, – согласилась Филика и спрятала флягу в походной сумке.

На некоторое время разговор опять пустился в вольное плавание. Но Джина, невзирая на ладно поющий в голове хор алкогольных мальчиков, решила довести дело до конца:

– Ты говорила, что у подножья гор остался ещё один ваш соратник. Тартор, кажется. Он твой возлюбленный?

– Кто, Тар? Ах-ха-ха! – Филика в сердцах рассмеялась. – Нет, дорогуша, я не способна любить. Тем более такого самовлюблённого женоненавистника, как Тартор, – странно, но когда Филика говорила об этом, перед глазами возник образ насильника Арахка: кожа словно вновь ощутила на себе его шершавый, как наждачная бумага, панцирь. Самое обидное, что этот образ никогда особо и не оставлял её, сотню раз в день напоминая о себе леденящими душу воспоминаниями. Леденящими? Вполне возможно, но вот только отчего леденящими: от страха или от непонятного проявления восхищения?

– Интересный у тебя костюм. Где ты его взяла? – продолжила расспрос Джина, пробуя пальцами материал. – Такой тонкий и шелковистый… И за всё время ты ни разу его не снимала… Как тебе в нём не холодно?

– Бабочка, я не хочу говорить о том, где его взяла. Честно. Прошу, не спрашивай меня больше об этом никогда, хорошо? – Филика умоляюще поглядела на Джину. И не было в её взгляде и капли лжи. Бабочка

утвердительно кивнула. – Веришь, нет, но костюм греет в холод и охлаждает в жару. Он словно живой… А почему не снимаю: если честно, я не знаю как его снять, если это вообще возможно. Он словно дополнительная кожа.

– Хм, – хмыкнула Джина. – А, прости за нескромность, в туалет как ты с ним ходишь?

– Я не из робкого десятка, – ответила Филика. – Когда надо, костюм сам раскрывается в нужных местах…

– А мыться-то как? – не унималась заинтригованная Джина.

– Да пока возможности помыться и не предоставлялось, – пожала плечами Филика. – Даже боюсь представить, что будет. Но, как ни странно, я всё время, что костюм на мне, ни разу не ощутила себя грязной. Если уж на чистоту, по-дружески, то даже после туалета мне никак подтираться не надобно: костюм сам всё делает…

– Хорош у тебя костюмчик, – одобрила Джина. – Тут без потустороннего не обойтись…

– Это само собой, – вздохнула Филика, и яркий образ насиловавшего её бога пауков вновь вспыхнул в голове.

– Слушай, Филика, а откуда ты знаешь моё воровское прозвище? – задала последний тревожащий вопрос Джина. – Бабочкой, да ещё и Ночной, меня не называли уже как три года.

– Да так… – попыталась отмахнуться Филика.

– Нет, но всё же? – настояла на своём Джина.

Филика была пьяна, это располагало к беседе. В собеседнице она видела сильную, хорошо отхлебнувшую из горестной фляги жизни женщину. Хотелось быть открытой, хотелось говорить без оглядки и сожалений. Хотелось хоть раз за всё время карьеры наёмницы быть с кем-то до конца откровенным. Алкоголь здесь ни при чём. Будь Филика в десятеро пьянее, никогда бы не открыла правды любому другому собеседнику. Любому другому, но не Джине! А раз ей, то и всем её товарищам…

– Костёр гаснет, – заметила Филика.

– Да, сейчас подброшу дровишек, – согласилась Джина, подошла к навалу хвороста и принялась кидать его в костёр. Огонь разгорелся с новой силой.

– У нас есть полное досье на каждого из вас, – призналась командирша и все «спящие» перестали претворяться: кто поднялся и сел, кто лёжа вопросительно глядел на неё.

– Досье? Значит… – Джина выронила из рук хворост, её округлившиеся глаза вмиг протрезвели.

– Да, дорогие мои, да! – откровенничала Филика, обведя «пробудившихся» вызывающим взглядом. – Вы все – заказаны!

– Мне бы фляга твоего друга не помешала сейчас… – призналась Джина.

Командирша понимающе кивнула и потянулось было к походной сумке, но Моррот сам протянул ей флягу.

– Держи, – подала собеседнице выпивку Филика после того, как сама отхлебнула – для храбрости.

– Да, друзья мои, да и ещё сотню раз – да! – продолжила начатое Филика. – За ваши головы и уничтожение Смертоптицы был назначен баснословный выкуп: двадцать тысяч золотых! Половину из которого, кстати, мы уже успели получить…

Кич обалдело присвистнул.

– И кому же это наши головы так дорого сдались? – поинтересовался Дрим, хотя догадка у него была только одна.

– Как кому? – удивилась Филика. – Конечно же, Парфлаю! Это ведь вы, как я только что узнала из разговора с Джиной, убили его хозяина. Думаю, он решил с вами поквитаться за это нашими руками…

– Зачем не напали? – рявкнул Брок, крепко сжимая рукоять пернача.

– Брок, не нервничай, – осадил его Дрим, – Филика нам всё сейчас расскажет. Ведь правда, Филика?

Командирша утвердительно кивнула.

– И мы простодушно разделили кров и путешествие с мыслящими, которым заплатили за нашу смерть!.. – высказал возникшие мысли Кич и от них ему сделалось не по себе.

– Увы, это так, брат-прим, – признался Тос. – Я не жнаю жачем командирша решила вам вщё рашшкажать. Но она женщина рашшудительная и не шпошобная на такие глупошти, ешли не жнает жаранее, чего хочет. Хочу добавить от щебя: я щегодня днём решил, что выхожу иж шоштава Шмертельных Ищеек. Думал, шкажать об этом командирше жавтра, но раж уж так получилошь… У меня ешть дело в родном городе Нортишпе, которое я прошто обяжан выполнить. Так что, Филика, при вщех тебе жаявляю: больше я не подчиняюшь твоей воле. Полагающующя мне долю я оштавляю тебе, но ешли решишь выделить иж неё мне хоть что-то – буду вешьма прижнателен. К вам вщем, щидящим у коштра, я ишпытываю только уважение. Никому, ни при каких обштоятельштвах я не причиню и малейшего вреда. Но при первой вожможношти я покину ваш отряд. Чешть моей щемьи уж шлишком долгое время была жапятнана. Больше я не могу ждать.

Моррот смотрел на Тоса и поражался: прямо на глазах его товарищ претерпевал изменения. Вернее, эти изменения крот заметил ещё днём, когда они подходили к руинам древнего города, но тогда Моррот не обратил на это особого внимания. Взгляд прима – прежде равнодушный, уставший – с каждым словом всё сильнее полыхал буйным пламенем жизненной цели. Крот не мог не узнать подобный взгляд, ведь сам лишился его много-много лет назад. И сейчас он смотрел на Тоса с завистью и уважением. И один лишь этот упрямый взгляд преображал прима, делал величественней. Словно не наёмник в потёртой походной одежде был перед ним, а, как минимум, сенатор крупного города…

– Правду сказать, ты меня удивил, Тос, – призналась Филика. – Очень сильно и горько удивил! От кого-кого, но от тебя я не ожидала… Но что я могу поделать? Выбор за тобой. Я не вправе отговаривать. А что касается

твоей доли – она только твоя. Сам будешь с Парфлаем разбираться, когда он потребует её назад.

– Потребует назад? – переспросила Джина.

– Ну да! – выпалила Филика. – Разве трудно догадаться, что я решила отказаться от заказа?!

Брок положил пернач на землю. Кич облегчённо выдохнул.

– Хотелось бы тебе верить, – с надеждой посмотрела в её глаза Джина.

– Хотелось бы… – повторил Дрим. – А что? Я верю! Вы ведь прекрасно знаете, что к беде моё потустороннее существо чутко. Просто быть не может, чтобы, будь слова Филики лживы, оно отмолчалось за всё это время. А ведь отмолчалось!

– Значит, вы виделись с Парфлаем? – безжизненным голосом спросил подсевший к Филике Лароус. – Можешь поподробнее?

О сне никто больше не думал. Все расселись вокруг наёмников и принялись расспрашивать. Только Бирюк не сдвинулся с места, всем видом демонстрируя, что ни до каких мелочных мух (так он любил называть Парфлая) ему дела нет. Демонстрировать-то демонстрировал, а вот не засыпал всё – навострив уши, слушал разговоры, не пропуская и слова мимо.

Филике, Морроту и Тосу пришлось пересказывать встречу со злополучным стреком: о его появлении, о его лживых (в этом уже нет сомнений) речах, о его громадной самоходной повозке и прислужниках-примах, готовых в любой момент броситься на защиту хозяина…

Разговор продлился до самого утра.

Небо было затянуто тучами. Рассветные лучи окрашивали их кровавой краской. Даже несмотря на столь мрачное начало дня, у путешественников настроение было не то, чтобы хорошее, но и не то, чтобы плохое: среднее. За ночь о многом успели поговорить, многое успели выяснить, о многом успели договориться. Тос решил покинуть Ищеек Смерти – это его право. Но его решение никак не касается остальных участников отряда. Пусть их теперь только трое, они всё равно – Ищейки Смерти. Под предводительством Филики, разумеется.

Дрим предложил наёмникам долгосрочный контракт: десять золотых в неделю плюс еду и кров; за помощь в убийстве Парфлая – пятьсот золотых. Конечно, деньги, по сравнению с золотыми мешками стрека – смехотворные… но большего они позволить, увы, не могут. Несмотря на столь крохотную плату, Филика с лёгкостью согласилась. Она бы и без денег жаждала всадить пулю в стречью голову: дав умышленно лживую информацию про заказанных, Парфлай добровольно записался в список врагов Ищеек Смерти. Но жилка наёмника дала о себе знать: раз за это можно ещё и денег заработать, почему бы и нет?

Тос согласился остаться до тех пор, пока они вместе не доберутся до Тартора и карет. Там-то прим со всеми и распрощается, захватив с собой одну из карет с припасами и причитающейся ему долей золотых монет. На деньги он наймёт отряд головорезов и штурмом захватит власть в Нортиспе, не забыв

при этом поглядеть какого всё-таки цвета кишки у Кирпира Зелиуса. Про свои планы, разумеется, Тос Виконт Симыргор, первенец и единственный сын предательски убитого Виконта Гропара Симыргора, известного землевладельца и сенатора города Нортисп, друзьям не рассказывал.

Позавтракав и облачившись в броню (куда ж без неё, родимой?) путешественники отправились в путь. Шли, как и раньше, парной колонной. В голове колонны были Дрим и Брок. Следом шли: Лароус и Камоорн, Кич и Тос, Филика и Джина, Моррот и Тона. Замыкал колонну, как и раньше, Бирюк.

Ветер дул северный, мерзкими капельками накрапывал холодный дождь, из дубравы доносилось зловещее карканье ворон. Размокшая каменистая земля скользила под ногами. Но хуже всего то, что путешественники ощущали на себе чей-то взгляд. И, увы, не добрый взгляд… О дурном предчувствии первым заговорил Моррот. Остальные подтвердили его подозрения – действительно, зловещий взгляд прячущегося где-то неподалёку то ли существа, то ли мыслящего чувствовал каждый. А Бирюк так вообще – утверждал, что слышал стрекотание крыльев, уж очень похожее на стречье.

Приходилось идти в постоянном напряжении и ожидании беды. Но ничего, до Смертоптицы идти не так и далеко – потерпеть можно.

К обеду дождь перестал, а из расширяющихся и вновь затягивающихся просветов в серых тучах ободряюще выглядывало солнце. Ветер стих и напоминал о себе лишь короткими прохладными порывами. Дубрава вместе со своим вороньим карканьем (вечером и ночью мерзкие пернатые не давали о себе знать) осталась позади. Но вот взгляд… Он не прекращался… Будто бы сами Горы следили за осмелившимися нарушить их покой храбрецами…

Может быть, улучшение погоды и расслабило путешественников, в частности Кича. А может, тут не обошлось и без каких-либо других сил – Заколдованные Горы, знаете ли, заколдованы… Так или иначе, но Кич поскользнулся о мокрую траву и каким-то невероятным стечением обстоятельств вывернул себе правую ногу: навалился на неё всем весом тела, утяжелённым доспехами, самозарядным ружьём за спиной и прочей амуницией. И это Кич, прим! Как всем известно, примы – самая поворотливая, расторопная и ловкая раса. Скорее звёзды с неба падать начнут, чем находящийся при полном душевном и физическом здравии прим утратит способность ловко реагировать на происходящее.

Сказать вывернул – ничего не сказать. Дикая боль победоносной поступью прошлась из ноги по всему телу. Стоит ли говорить, что травма сопровождалось омерзительным, холодящим душу хрустом? Надо ведь такая напасть: поножи, предназначенные защищать, наоборот, усилили травму! Крепёжные ремни на правой наголенной пластине почему-то были плохо застёгнуты: при падении Кича поножа соскользнула вниз и перекрутилась, верхним краем впившись в ногу. Нет, это нужно иметь уж очень несчастливую карму, чтобы так, на самом ровном месте, поломать себе ногу. А в том, что это перелом, да ещё и не шуточный – сомнений ни у кого быть не могло. В особенности у Кича, взвывшего от дикой боли, что затаврённый в бок слопр.

– Приехали… – констатировал Дрим. – по моим прикидкам за той грядой холмов нас Смертоптица поджидает. И на тебе – такая глупость случилась!

– Да замолчи ты уже, Плувер Младший, твои слова не излечат! – прорычал Кич, которому Тос уже успел обработать рану и накладывал шину на выровненную ногу из веток и ремней.

– Здорово! – по-великомученицки вознёс руки к небу Моррот. – Просто здорово!

– Предлагаю не сетовать на судьбу, а вынести из случившегося хоть каплю выгоды, – заговорила Джина. – Мне очень жаль Кича, действительно жаль. Но что тут уже поделаешь? Ему теперь только время поможет залечить травму. Наши разговоры уж точно никакой пользы не принесут. Не знаю как вы, но с этой Смертоптицей я отвыкла от длительных переходов. Отдохнуть бы не помешало…

– Вот и привальчик сделаем, – согласился Лароус. – Мне-то он без надобности: главное – вовремя антрациту подкинуть в печечку и водички в паровой двигатель залить… Но остальным отдых очень даже не помешает.

– Я устала тоже, – подтвердила Тона.

– Мне всё равно. Хоть отдыхать и лучше, чем тащить на своём горбу раненного. Но сколько не отдыхай, а тащить всё равно придётся, – высказалась Филика.

Кич нарычал на Тоса, слишком туго затянувшего ремень на шине. Тос виновато пожал плечами и пробурчал что-то себе под нос, приспустив ремень.

– Почему придётся? – булькнул Камоорн. – Лично я – чувствую себя вполне пристойно. Вы можете здесь отдыхать, а я продолжу путь. На этой равнинной местности вполне хватит места, чтобы посадить Смертоптицу. Отдыхайте себе, набирайтесь сил: даже соскучиться не успеете, как в тёплом и уютном салоне окажетесь.

– А что, вполне пристойная идея! – согласился Дрим и протянул щупу пирамидальный ключ от дверей Смертоптицы, надёжно захлопнутых от непрошенных гостей. – Я, пожалуй, останусь здесь – ноги в край обленились. Совсем отвык от дальних пеших прогулок… Если кто хочет, можете идти с Камоорном.

– Я иду с другом, – вызвался добровольцем Брок.

– Ещё желающие есть? – поинтересовался Дрим?

Никто больше не вызвался добровольцем.

– Гирен подери, кажись я поспешил: спиной чувствую неладное, – сказал Дрим. – Не знаю даже, идея-то хорошая, но следует ли нам расставаться? Не знаю как там у вас, но чувство следящих за нами злобных глаз не покидало меня с самого утра ни на секунду…

– Да-да-да! – невзирая на боль, подтвердил Кич. – Этот взгляд меня и сглазил, вот почему я упал! Где же это видано, чтобы примы себе ноги на ровном месте ломали?!

– Брок, не иди, – разволновалась Тона и обняла мужа. – Глаза смотрят. Глаза плохо хотят нам. Не иди. Не иди любовь. Не иди.

– Даже я своей металлической задницей неладное чую, – подбросил пищи для размышлений Лароус.

– Не иди, любовь, не иди, – Тона вцепилась в могучую руку Брока и даже не думала отпускать.

– Камоорн, может ты это… передумаешь? – спросил Моррот. – А то у меня самого по спине холодок бегает.

– Да, я начинаю жалеть о своём мимолётном решении, – признался Дрим. – Разделяться не надо. Сделаем здесь небольшой привал и дальше пойдём. Все вместе. Ничего страшного, понесём Кича, а то что-то обленились мы тут все.

– Бирюк понести может, – предложил Кич, с надеждой глядя на волка.

Бирюк ответил ему недовольным рычанием.

– Тона не хочет. И я не хочу. Я останусь здесь, – пробасил Брок.

– Да вы всё преувеличиваете, – отмахнулся Камоорн. – И глазом не моргнёте, как я всё сделаю.

– Лучше бы ты всё-таки с нами остался, – предложил Дрим.

– Да не выдумывайте вы проблем лишних! Сколько тут идти? Я пошёл, в общем, – отрезал Камоорн и решительно устремился в путь.

– Камоорн! – воскликнул Дрим. – Не дури!

Но щуп пропустил его слова мимо ушных отверстий и продолжил идти.

«Слабоват Дрим в качестве командира, – в который раз отметила про себя Филика, – раз подчинённый так запросто решил ослушаться. Хотя… чем я лучше? Тос – так вообще отряд покинул…»

Дрим хотел было пуститься следом за скрывшимся за каменистым холмом Камоорном, но его остановила Джина:

– Пусть идёт. Сам захотел. Ты не в ответе за его поступок. Лучше присядь, отдохни. Вдруг он прав, и мы все тут только панику разводим?

– Хотелось бы, чтоб только панику, – пожелал Дрим и сел на землю, рядом с Бабочкой. – Ладно, если хочет – пусть идёт. Не знаю как у него, но у меня ноги за эти два дня устали порядочно. К тому же мы всю ночь не спали. Отдых лишним не окажется.

– Вот и я всем пригодился! – пошутил Кич, но его шутку по достоинству никто не оценил.

Съестных припасов оставалось совсем немного: едва хватило заморить червячка. Потянулось долгое молчаливое ожидание. Разговаривать никому не хотелось. Взоры путешественников выжидающе устремлялись за гряду холмов. Снимать броню никто не стал. Как выяснилось позже, это было правильное решение…

– Летит! – первым нарушил тишину Лароус. – А мы переживали!

И вправду, из-за холмов медленно всплыло тёмное пятно. Чем выше оно поднималось, тем чётче вырисовывались его очертания в лучах обеденного солнца, прорывавшегося сквозь просветы между тучами. Исполинские металлические крылья, величественно скользящие по волнам воздушных потоков, клювообразная головная часть, пронзающая тучи, осмелившиеся

преградить путь, продолговатый скруглённый панцирь и поджатые к нему шарнирные посадочные конечности – Смертоптица летела к хозяевам.

– Не знаю… Чувство у меня такое… Словно кровь закипать начинает… – еле выдавил из себя побледневший, как известь, Дрим.

Его слова – предвестники беды…

Яркая вспышка ослепительного белого света. Донёсшийся следом чудовищный гром взрыва, страшным эхом отбившийся от близлежащих гор. Из панциря стремительно несущейся на скалу Смертоптицы рвались жадные языки пламени, следом тянулся шлейф густого чёрного дыма. Удар о скалу: вспыхнула ещё одна ослепительная вспышка. Дым и огонь! Летящие в пропасть осколки магомеханизма. Оглушительный гром ехидным вестником трагедии пронёсся по округе.

Путешественники с диким ужасом наблюдали за случившимся.

– Этого не может быть! Этого не может быть! Этого! Этого просто не может быть! Нет! Нет! Нет! Не может этого быть! – выкрикивал захлёстнутый горем Кич, давясь рвущимися из глаз водопадами слёз. – Не может! Не может! Нет! Камоорн! Нет! Не может быть! Нет! Я не верю! Просто не может!

Брок испуганно поглядел на Тону, потом на полыхающие осколки Смертоптицы:

– Я – должен быть там. Я – должен был мёртвый. Я – трус. Камоорн… – слёзы хлынули из суровых глаз люрта.

Остальные стояли молча. В жутком оцепенении. У кого лились горькие слёзы, кто просто стоял, не в состоянии переварить случившееся: только что на их глазах погиб Камоорн…

– Мерзостные ублюдки, убийцы моего мучителя и друга, наставника и истязателя, – неизвестно откуда раздался громкий высокий клекот стрека. – В Смертоптице должны были быть вы все, а не один жалкий и никчёмный щуп. Толку-то от него совсем не было.

– Парфлай! – взревел Дрим, готовясь в ту же секунду обрушить столб смертоносного пламени на врага. Но куда обрушить? Стрека нигде не было видно. – Покажи свою стречью морду! Покажи, чтобы я голыми руками содрал с неё кожу и хитин!

– Ишь чего захотел, – голос стрека, как и всегда, был лишён эмоций. Но сколько злорадства и подлости таилось в его словах! – Твоя магическая кровь сильна. Признаю – я тебе в прямом бою не конкурент. Потустороннее существо, жившее в отце моего учителя – одно из самых могучих, которые можно встретить во всём Главном Материке. Только сам Тризолус мог сравниться с ним. Ты, кстати, настолько же туп, как и наивен: имея такой потенциал, ты губишь его, не используешь на полную мощность. Думаешь, защищая тупорылых никчем, ты сделаешь миру лучше? Ха-ха-ха, – Парфлай рассмеялся сухим, пробирающимся в мозг костей смехом. – Слышал о научном трактате Чира Дорфина «О развитии и становлении жизни»? Приведу свою любимую цитату из него: «Жизнь – постоянная борьба. Виды, способные лучше приспосабливаться к изменениям в окружающей их среде, всегда

вытесняли и будут продолжать вытеснять более слабые. Это неотвратимый закон, по которому существует всё живое с самой Точки Отсчёта».

– Ты – трусливая муха! – забрызгал слюной ослеплённый яростью Брок. – Ты – мёртвая падаль! Я – изодру тебя!

– Покажись! – крикнул Дрим. – Покажись, трусливый крылатый выродок! Только покажись…

Остальные насторожились, отложили эмоции в долгий и тёмный ящик души, приготовились к бою. В том, что придётся сражаться – сомнений ни у кого не возникало.

– Так вот, про трактат Дорфина… – продолжал речь Парфлай. – Спася никчемную сошку – будь то прим, человек, люрт и так далее – вы ей не помогаете. Наоборот, продлеваете её ненужное существование. Если ей не хватает сил постоять за себя – она рано или поздно подохнет. И вся ваша так называемая «доблесть» и «защита слабого» – лишь бобросу под хвост. Ненужные усилия.

– Ну, так раз ты такой сильный, – с вызовом выкрикнула Филика, – почему не объявишься? Почему не сразишься с нами? Не вытеснишь нас на правах сильнейшего?

– Ох, моя любимая наивная наёмница, ты всё не так поняла, – высокий клекот Парфлая звучал более чем зловеще. – Сила, безусловно, играет огромную роль. Но, когда её недостаточно – применяется хитрость. И, скажу по секрету, её у меня, в отличие от вас, в достатке.

– Подлая летучая мерзость! – не выдержала Джина. – Болтливый таракан! Покажись или иди прочь! Сгинь! Сдохни!

– Да, ты права, – согласился Парфлай. – Пора прекращать наш увлекательный разговор. Перед вашей смертью я полагаю, было бы досадно не рассказать вам о моей гениально составленной ловушке, в которую вы попали. Словно детей доверчивых, Ищеек Смерти наслал на вас, чтобы отвлечь от основного замысла. Разумеется, вы бы перебили их, но прихотливая Судьба распорядилась иначе… В любом случае, они выполнили своё мелочное предназначение – хоть и на мизерную долю, но ослабили вашу бдительность. Знакомства, разговоры, выяснения – всегда отвлекают. Кстати, не думайте, что всё так просто сложилось: три года я не свожу с вас глаз. О каждом вашем действии, о каждом передвижении – шпионы докладывают мне. Вернее, докладывали. Вскоре в этом отпадёт нужда.

Так вот, всё время, что вы пребывали в Заколдованных Горах – я самолично следил за вами. Мало того, я обзавёлся надёжным союзником, который, кстати, очень сильно помог мне. Вы, думаю, догадались уже…

– Альчирон… – обречённо прошептали многие.

– Да, именно он, – злорадствовал Парфлай. – Я, кстати, не думал, что после встречи с вами он останется жив. Но, видимо, вы такие же доверчивые, как и ваши новые друзья Ищейки. Он заманил вас в подземелье. А я тем временем подложил в Смертоптицу добрый заряд взрывчатки собственного производства. Увы, даже у великих планов бывают свои непредсказуемости.

Кто бы мог предвидеть, что ваш трирукий прим ногу поломает? Ну да ладно. Без Смертоптицы вы далеко не уйдёте.

– Да где ты, подлая тварь?! – взвыл Кич, держа мушкет наготове.

– О нет, боюсь, перед смертью вам так и не удастся повидаться со мной, – проклекотал последователь Тризолуса. – Среди вас есть хорошие стрелки. Зачем же искушать судьбу? В общем, пора, как говорится, и честь знать. Прощайте, недомерки, – повисло гнетущее молчание, нарушенное командой: – Взять их.

Из пещерных отверстий близлежащих скал полезли техномонстры. Все три вида, которых путешественники днём ранее встретили в подземелье Альчирона Третьего: строители (созданные на основе четыреногов), копатели (за основу которых явно были взяты секаторы) и стенобуры. Кстати, с названиями путешественники угадали: именно так и назвал Альчирон свои детища.

Бежать бессмысленно. Всё равно догонят. Нужно дать бой! Последний в жизни бой, если уж так суждено…

– Огонь! – взвыл Дрим Плувер Тринадцатый и выпустил в надвигающуюся лавину техномонстров огненный столб. Волна магомеханизмов разошлась в стороны: кто не успел, остался лежать на земле расплавленной массой металла.

– Смерть консервным банкам! – подхватила Филика и выстрелила из кремнёвого ружья. В копошащейся массе металла, магии и пара трудно было разглядеть – сразила ли пуля врага.

Невзирая на суровые волчьи моральные устои, Бирюк подхватил Кича зубами и закинул его себе на спину. Вцепившись нижней рукой в шерсть волка, позабыв о боли в ноге, Кич вёл прицельную стрельбу из многозарядного карабина на целых семь патронов, который достался ему три года назад в ещё не познавшем на себе мощь Форта Террора городе Стальня.

Стремительная смертоносная волна техномонстров приближались, ровняя на своём пути деревья и кустарники с землёй. Оставляя после себя природе лишь разруху и боль.

Против такой чудовищной силы мушкеты и ружья были бесполезны. Техномонстры приближались слишком стремительно. Вскоре они вышли на расстояние броска. Путешественники принялись забрасывать их комками взрывного порошка: благо, этого добра у каждого хватало в достатке. Отлетавшие в стороны металлические конечности, раскалывающиеся панцири, лопающиеся на мелкие осколки глазные линзы, взрывающиеся паровые двигатели… Но волна была неумолима: на место поверженных, шагая по их частям и трупам, приходили новые. Им не было конца.

Лароус щедро обливал подступавших врагов магическими кислотными струями: под их напором они замирали, плавились, распадались на части. Бирюк выбросил из пасти несколько молний, цепью прошедшихся и навсегда парализовавших десятки техномонстров. Брок выпустил из перначa ржавеющее заклятье: оказавшиеся в голубоватом облаке сотни вражеских

механизмов навсегда прекратили жалкое существование, покрывшись ржавчиной и белёсым гноем. Не ещё одно заклятье пернач сможет выполнить не скоро… Дрим некоторое время стоял неподвижно: весь напряжённый, сгорбленный, словно проседал под невидимой ношей. И эта ноша клонила его всё ниже и ниже к земле. Прямо перед ним выполз копатель и уже занёс верхние массивные конечности для рокового удара, но тут Дрим выпрямился, словно сбросил со спины опостылевшую ношу. В то же мгновение огненная волна вырвалась из мага, сметя с пути угрожавшего копателя. Ширясь и множась, магическая волна поглотила в своём огненном чреве армию техномонстров, словно извергнутая из жерла вулкана лава поглотила снежную лавину.

Дрим покачнулся, но Джина подхватила его и тут же поднесла к губам флягу с бодрящим напитком. Маг жадно выпил содержимое и через некоторое время уже был в состоянии держаться на ногах.

– Это заклинание мне дорогого будет стоить… – прошептал он. – Я чувствую, как магическое существо во мне уснуло от потери стольких сил. Раньше такого не было, чтобы оно спало, а я – бодрствовал. Неизвестно когда оно проснётся, – Дрим огляделся: в округе не осталось ни одного живого (если так можно сказать о магомеханических существах, с заточённой в аметистовый кристалл душой вместо мозга и сердца) техномонстра. Лишь обугленные, оплавленные останки.

– Что, мерзостный крылатый червяк, съел?! – выкрикнул сидящий на спине Бирюка Кич. – Мы и до тебя доберёмся, стрек недоделанный!

– Ах-ха-ха-хо-хо-ха, – дикий сухой клекочущий смех моментально поверг всех в уныние. – Вы думали, это всё? Да эти строители для боя совсем не годятся. Неужели вы решили, что я надеялся убить вас с их помощью? – из-за холма взлетел Парфлай. Кич тут же прицелился и нажал спусковой курок, но патронов в мушкете не оказалось. – Что, патрошки кончились, трирукая обезьянка? Я ведь их наслал…

Прогремел выстрел, поглотивший остальные слова стрека. Раненный пулей из кремнёвого пистолета Филики, Парфлай упал за холм, из-за которого взлетел мгновениями ранее.

– Эту пулю я приберегла для тебя, навозная муха! – ликующе выкрикнула Филика.

– Ох, не следовало мне взлетать, – бормотал Парфлай и его голос разносился по всей округе усилителем звука, лежащим неподалёку. – Слишком долго ждал этого момента… слишком много ждал… погорячился… но ничего, ничего, они у меня сейчас отведают истинного Парфлая. Сейчас отведаете, ублюдки, моих детишек. Как ведь хорошо, что здесь рабочие Альчирона наткнулись на захоронения древних воинов… Вы сейчас узнаете мощь моих новых магических заклинаний. Вы всё сейчас узнаете. Души можно заточать не только в аметисте. Я нашёл способ возвращать их туда, где они находятся первоначально в живых существах, в кости. Встаньте же, – повелел Парфлай, – заклинаю вас, взойдите из своих могил и уничтожьте этих

тварей! Сотрите их с лица Материка! Ваши души – единственные души, к которым боятся притрагиваться боги!

Чёрные облака сокрыли небо. Кровавые молнии забили в землю. Сеющие ужас раскаты грома многократно сотрясли горы. Из мест, в которые били молнии, прорываясь сквозь каменистую землю, выползали живые мертвецы. Да что там мертвецы: живые кости, светящиеся бледным кровавым пламенем! Скелеты когда-то живших на Главном Материке мыслящих. Настолько древних, что ни в одном сказании и не упоминалось об их существовании. Мощное заклинание, к которому Парфлай готовился очень долгое время и вложил в него все свои магические силы, навечно сцепило кости древних существ неразрывными хрящами и суставами. Скелеты были выше любого люрта в три раза: они ловко передвигались на трёх ногах с четырьмя изгибами, толстые пластины немногочисленных рёбер клином выдавались вперёд, руки было две, но левая была совсем небольшой, с двумя изгибами и трехпалой конечностью, а правая состояла из более толстых и длинных костей, сгибалась в трёх местах и заканчивалась пятью двухсуставчатыми пальцами. Громадный череп с острой макушкой, двумя короткими закрученными рогами по бокам, четырьмя пустеющими овальными глазницами, в глубине которых полыхал огонь древней боли и ненависти, и острые клыкастые зубы, пятерными рядами заполняющие широкую челюсть. В основном, исполинские скелеты древних были безоружны и голы (если такое слово уместно), но на некоторых встречались каменные пластины, явно служившие ранее доспехом, некоторые правой пятернёй сжимали крюкообразные каменные орудия, конечно же, предназначенные не для пахоты…

Среди тысяч древних скелетов особенно выделялся один: крупнее остальных, он был облачён в полный комплект каменных доспехов, а его голову венчал шлем из черепа древнего рогатого животного.

Восставшие из мёртвых не спешили выполнять приказания Парфлая. Они окружили скелета с черепом рогатого животного на черепе и принялись говорить на непонятном, странном, повергающем в замешательство и трепет языке, вырывавшемся из алеющих магическим пламенем глубин их разверзнутых пастей.

– Я приказываю вам убить их, – потребовал Парфлай, взобравшийся на холм. Пуля Филики задела его правый бок: задела не серьёзно, но правое крыло парализовало, лишив стрека, хоть и на время, возможности летать.

О том, чтобы открыть огонь по показавшемуся на линию выстрела Парфлаю что Кич, что Филика – даже думать не осмелились. Выстрел уж точно обратил бы на себя внимание древних чудовищ.

Ожившие скелеты проигнорировали приказания стрека и продолжили совещаться.

– Я ведь сказал, что приказываю убить их! – всё клекотал Парфлай.

– Что за назойливая муха здесь разжужжалась? – понятным всем языком спросил скелет с черепом рогатого животного и посмотрел себе под ноги, возле которых стоял Парфлай. – За годы заточения в потустороннем мире я

выучил этот никчёмный язык, но это не значит, что теперь буду слушать на нём приказания. Кто ты такой, чтобы отдавать команды самому Дихуфхуру, королю всех Южных Земель?

– Я Парфлай, прямой продолжатель деяний Тризолуса Первого – великого завоевателя и творца, – представился стрек. – Я вернул вас из потустороннего мира затем, чтобы вы выполняли его начинания, прислуживая моей воле.

– Тризолуса Первого, говоришь? – задумался Дихуфхур. – Виделся я с таким в потустороннем мире. Сильная душа. Такой бы, служа под моим началом, мог стать знатным генералом. Но, как мне помнится, кто-то востревожил его душу и вырвал её обратно в смертный мир. Не ты ли это был, назойливая муха?

– Да, так же, как и ваши души, я вернул и его, – отвечал Парфлай. – Только ваши души я вернул в ваши кости, а его душу – заточил вот в этом аметистовом кристалле, – стрек показал подвешенный на шею аметистовый бюст учителя.

– Зачем ты заточил душу своего хозяина? – вопросил Дихуфхур. – Почему не вернул ему тело?

– Верни я ему тело – он вновь сделает меня помощником, – признался Парфлай. – А так – я сам себе командир. И волен выполнять его грандиозные планы по своему усмотрению.

– То есть, ты предан его идеям, но его самого ты предал? – спросил Дихуфхур.

– Да, так у нас принято… – подтвердил Парфлай. – А теперь кончай расспросы и иди, уничтожь вон тех мыслящих. Это они убили Тризолуса.

– Наш прекрасный мир сейчас населяют ничтожные твари, способные предавать своих лидеров! Теперь я понимаю, почему жители потустороннего мира едят их души… Никто из них не достоин жизни! – громом разнёсся голос Дихуфхура. В ту же секунду он обрушил свою громадную костлявую ножищу на Парфлая, размазав того по каменистой земле, что таракана.

Дихуфхур выкрикнул несколько отрывистых слов на чудовищном языке, и скелеты древних мыслящих все как один устремили взоры на Дрима и его команду. Некоторое время ничего не происходило, но затем исполинские скелеты ринулись в атаку. Вначале медленной, а потом всё ускоряющейся поступью они приближались к своим жертвам.

– Бежать! – крикнул Дрим и помчался прочь. Все ринулись за ним.

Сказывалась усталость путешествия и только что пережитого боя с техномонстрами Альчирона. Беглецы побросали походные сумки. Но это мало чем могло помочь… Самый быстрый из скелетов настиг путешественников. Магических сил ни у кого не оставалось. Кич, всё так же сидевший на спине Бирюка, давно успел перезарядить мушкет и расстрелял всю обойму в злобное наследие дикого прошлого. От пуль в черепе и рёбрах скелета остались внушительные дыры. Но это, кажется, только разозлило древнего воина.

Скелет настиг Дрима, занёс правую руку и с дикой мощью обрушил её. Дрим в самый последний момент успел отскочить в сторону: массивный кулак по локоть ушёл под землю. Не долго мешкая, Плувер рубанул мечом по костяной ноге. Кость оказалась довольно прочной, но перед клинком из Стальни не устояла. Тем временем скелет вытянул руку из земли, вырвав за собой сыпучий столб камней и песка, и вновь занёс её для удара. Но Дрим срубил оставшиеся две ноги, и чудовище повалилось на землю. Нужно бежать – на подходе новые ископаемые твари.

Дрим пустился вдогонку за не остановившимися товарищами: то ли они не видели, что враг настиг командира, то ли решили, что он и так справится (или с ним справятся)…

Держась за шерсть волка, Кич обернулся назад и с ужасом увидел, как сражённый Дримом скелет вновь поднялся на обрезанные ноги. Ему трудно идти: то и дело он спотыкался, обрубки костей застревали в земле и чтобы извлечь их оттуда, нужно было прикладывать не малые усилия, но не трудно догадаться, что бой это чудовище вести было способно. *Неужели этих тварей невозможно уничтожить?!!*

Потусторонние скелеты настигали!

Смертоносная орда светящихся кровью оживших мертвецов…

М-Н-Е-О-Ч-Е-Н-Ь-О-Д-И-Н-О-К-О, – сотряс Горы чудовищный, неживой и не мёртвый голос, отдающий чем-то металлическим до истерической дрожи в коленях, – Н-Е-О-Б-И-Ж-А-Й-Т-Е-М-О-И-Х-Г-О-С-Т-Е-Й-О-Н-И-У-М-Е-Ю-Т-У-Б-И-Р-А-Т-Ь-О-Д-И-Н-О-Ч-Е-С-Т-В-О-М-Н-Е-О-Ч-Е-Н-Ь-О-Д-И-Н-О-К-О.

В тот же миг случилась вспышка, подобная зениту тысячи солнц. Продлилась она секунду, но в этой секунде была целая вечность.

Вспышка прошла, оставив удивлённо озирающихся скелетов древних воинов наедине с самими собой. Преследуемые ими мыслящие исчезли.

Глава 21: ***Прощальная трапеза***

Труп женщины, похожей на Филику, лежал у стены и заполнял камеру гнилостным, чуть сладковатым запахом смерти. Тартор стащил её с матраца сразу же, как ушли мучители. Обещанную еду так и не принесли. От голода сводило желудок. Спасительные мысли о каннибализме наёмник отгонял как только мог.

Шакалы в этот день уже не появлялись.

Запах был невыносимым: даже несмотря на то, что нос человека (в отличие от носа прима или крота) со временем способен привыкнуть к очень многому. Постоянно подкатывали рвотные позывы. Но рвать, увы, было нечем.

В дверную щель не переставали глядеть упивающиеся страданиями Тартора глаза.

Заключённый перевернул матрац на другую сторону и лёг. Уж сильно не хотелось лежать на той стороне, на которой лежало мёртвое тело. Да вообще, не хотелось находиться в одном помещении с трупом. Не хотелось – очень и очень мягко сказано… Лучше бы, разумеется, вообще подальше от «смертельной камеры» и от злополучного для Тартора Сара километров этак на сотню-другую.

Тартор попытался заснуть, но дикий голод и нараставшая боль в голове не давали этому случиться. Мысли о каннибализме всё сильнее сверлили голову радужными оправданиями. Что, собственно, в этом плохого? Неужели лучше умереть страшной голодной смертью, чем переступить через мнимый барьер каких-то там моральных устоев? Да и Тартор, по большому счёту, наёмник. А наёмники, как это всем известно, многие моральные устои переступают. Так что же в этом сверхъестественного? Перед ним лежат десятки килограмм съедобного мяса и жира. Кости и внутренности… Кстати, из голенной кости выйдет отличная дубинка! Можно будет ей размозжить череп кому-нибудь из мучителей! Как ведь всё хорошо складывается: и еда, и оружие! Судьба прямо-таки балует Тартора!

Наёмник было уже принялся вставать с матраца, но то ли из-за слабости в руках, то ли ещё из-за чего-то, он остался на месте.

Да что же это такое? Что, всё-таки отличает мыслящего от зверя? Моральные устои? Да, в принципе, они есть и у многих животных. И, кстати, они им следуют куда чётче, чем многие из мыслящих. Дигры, к примеру, славятся своей свирепостью и жестокостью. Но между собой они выясняют отношения без применения зубов, когтей, ороговевших наконечников хвостов и кислотных желёз: часами, а то и днями, они теснят друг друга в танце борьбы. И при этом не проливают и капли крови соплеменника. А если вдруг кто-то и найдётся среди них, нарушивший это неписанное правило – нападут всем стадом и, разумеется, разорвут наглеца на мелкие кусочки. Даже слопры живут по правилам. Обычно они обитают целыми стаями в громадных пещерах. И, какой громадной не была бы стая, подчиняются все воле одной доминирующей самки!

Тартор мысленно ухмыльнулся тому, что мучителям не удалось выбить из его головы знания про жизнь некоторых диких животных.

Но что же получается? Жраб и его подчинённые хотят поломать Тартора? Заставить его вконец перешагнуть через свою стену морали? Да чего уж переступать, они хотят разбить её! Затравить Тартора, замучить. Им, подлым мерзостным тварям, мало его физических страданий. Они хотят перебить его душу! И им это окончательно удастся, если Тартор снизойдёт до каннибализма…

Нет! Никогда! Ни за что! Уж лучше голодная смерть!

Тартор долго ворочался. Мысли, боль, трупная вонь – не давали ему заснуть. Но, в конце концов, дикая усталость взяла верх – его измученное сознание провалилось в сладкие объятия сна.

ФИЛИКА, ФИЛИКА, ФИЛИКА! Даже во сне она не оставляет его в покое! Её вытесанный из скалы силуэт непоколебимым истуканом сидит в душе. Бередит, царапает, изводит сознание. Не даёт отвлечься. Заставляет нервничать, злиться.

Радужные вспышки.

Стало хорошо. Нет, не так, как становится хорошо отпетому пьянчуге в моменты сильнейшего алкогольного опьянения. Было хорошо по-другому… Было хорошо во всём: тело не болело, душа была спокойна, как Море Покоя в полный штиль, и в голове бушевало полное отсутствие плохих мыслей.

Туман размытых очертаний начал рассеиваться. Вот и желанный дом. Да что там дом – целая маленькая крепость! За ним всё чётче вырисовывалась серебрящаяся на нежном солнце лента реки. Западнее от дома алели, зеленели, багровели спелыми налитыми соком гроздями виноградные лозы. Севернее раскинули размашистые ветви, полные листьев, бескрайние поля табака. Самого лучшего в округе табака – в этом не было и малейших сомнений! На террасе у дома резвились дети. Много детей: и мальчики, и девочки всех возрастов. Укрывшись от обеденного солнца в тени беседки, окружённый очаровательной компанией молодых жён, за детьми наблюдал счастливый отец семейства. Гладковыбритое лицо бороздили первые морщины, в волосах виднелась проседь, но Тартор был счастлив, как никогда в свои молодые годы. В его душе теплились нежные чувства, наивные и открытые, словно у ребёнка. Он любил устоявшуюся жизнь. Любил жён. Всех – даже Риру, самую молодую и строптивую. Она, Рира, была чуть старше старшего сына. К ней Тартор относился снисходительно, как к дочери… Любил детей. Любил негаснущее тепло созданного его трудами очага. Любил реку, в которой по утрам ловил рыбу. Обычно попадалась одна мелочь: на корм дворовым котам. Но Тартор любил сидеть на берегу, вдумчиво глядеть на поплавок, не тронутый, порой, часами. Свежий утренний воздух, медленно восходящее из ночного укрытия солнце, расплёскивающееся миллионами багряных бликов на подёрнутой рябью реку, успокаивающе шуршащие на лёгком ветру камыши и стрекот цикад… Что же может быть лучше этого отдыха?

Столь яркая картина спокойной жизни, полной любви и заботы о ближних, начала блекнуть. Осыпаться, как высохшие листья с деревьев под сильным ветром. Поглощаться туманом. Тартор хотел остаться. Хотел скрыться внутри. Но чья-то сильная рука до крови вцепилась в его плечо и вырвала из засыпающего рая.

ФИЛИКА! ФИЛИКА! ФИЛИКА! Подлая, дрянная Филика! Её наглое лицо щерилось золотыми клыками. Мерзопакостная Филика не дала остаться в прекрасном, выстраданном трудом и любовью мире.

Тартор открыл глаза. Трупная вонь разлагающейся женщины резко ударила в нос. Эта вонь сразу же вернула его к реальности. Страшной, гнусной, голодной, болезненной реальности заточения в «смертельной камере».

– Чтоб вы все сгнили, твари! Я не буду её есть! Я лучше подохну голодной смертью! – на сколько хватило сил громко выкрикнул Тартор.

– Будешь, ублюдок, будешь – никуда не денешься… – донёсся ехидный голос из глазного отверстия в дубовой двери.

Долгое время Тартор лежал неподвижно. Сил, да и желания, подниматься не было. Всё равно в этой крохотной три на три метра камере некуда идти. Мрачные думы скопом гнойных червей закрадывались в голову.

Пробиваясь сквозь вонь и обречённость, в камеру просочился жалобный скулёж.

– Бон, Мон, Мона! – сквозь кровавый кашель воскликнул Тартор и лицо его смочили слёзы радости.

Шакалы просовывали мордочки между решётками, в надежде прикоснуться к хозяину. В зубах Мона держала кусок недоеденной курицы. Должно быть, она нашла его в мусорном ящике – богатые жители Сара совсем уж зажрались и часто выбрасывают продукты недоеденными.

Ох, каким же вкусным оказалось мясо вываленной в грязи курицы! Тартор жадно обглодал рёбрышки и оставшуюся ножку. Голод, так сильно раздиравший его желудок столько времени, принялся отступать. Измученный им Тартор разгрыз кости и высосал костный мозг.

– Бон, Мон, Мона, мои вы прекрасные друзья! Я спас вас от голодной смерти, теперь вы – спасли меня, – не в силах сдерживать рыдания, шептал Тартор и гладил мордочки лижущих его руки, скулящих от счастья шакалов.

– Вам не следует сюда приходить, – наставлял любимцев Тартор. – Они, злые мучители, могут схватить вас. Не нужно себя так подставлять. Конечно, ваше присутствие несказанно ободряет. Но… Сами должны понимать: если из-за меня с вами что-нибудь случится – я не прощу себе!

Шакалы внимательно слушали, умными и преданными глазами глядя на хозяина. А когда он закончил, принялись виновато тявкать и лизать в лицо.

– Ох-хо-хо! – донёсся сквозь дверь грубый смех Жраба. – Видал, Фирил, старина Тар обзавёлся помощниками!

– Вот же мерзость! – завёлся Фирил. – А как же наше угощение? Как же наше вкусное угощение? Неужели ты, подлый убийца, гнушаешься отведать вкусной твоему чреву мертвечины? – эти слова предназначались Тартору.

– Бегите, друзья, бегите прочь! – приказал Тартор.

Но шакалы не сдвинулись с места. Их полные тревоги и участия глаза были устремлены на него. «Нет, хозяин, мы не хотим тебя оставлять здесь, мы знаем, как тебе плохо. Мы что-нибудь придумаем. Мы спасём тебя. А если нет – то умрём у твоих ног, хозяин. Но мы никогда тебя не бросим. Никогда» – словно говорили эти глаза.

Щёлкнули засовы и дубовая дверь отворилась. В камеру вошли два здоровенных охранника-люрта. Своими рогами они царапали потолок.

– Бегите! Бегите! – выкрикнул Тартор и напал на охранников. Но, люрты рукопашное ремесло знали на отлично. С ослабленным хворью, недоеданием, недосыпанием и постоянными избиениями наёмником справиться им труда не

составило. Повалив на пол, один люрт прижал кованым сапогом его горло, а второй охранник подошёл к стене. Шакалы заходились истошным ненавистным лаем. Но люрты словно и не замечали зверьков. Охранник подобрал труп женщины и поволок к выходу. Отпустивший задыхавшегося Тартора люрт взял матрац и вынес из камеры. Мгновением позже он занёс новый, совсем не пропитанный мочой и кровью матрац, и ведро с мыльной водой и тряпку.

– Ты – грязное животное. Мыться – быть не животным, – кинул он и вышел.

Хлопнула дверь. Щёлкнули засовы. Ошарашенный Тартор остался наедине с ведром, тряпкой и своей прогрессирующей болезнью лёгких. В проём глядели шакалы и радостно тявкали.

День выдался довольно тёплый. В камере было душно. Тартор осмотрел воду в ведре, понюхал, удостоверился, что это вода, а не что-нибудь ещё, и принялся обливаться. Сил в дрожащих руках поднять ведро не нашлось. Но ничего: зачёрпываешь ладонями воду и на себя, а потом обтираешься тряпкой.

Вода просачивалась в щели между каменными плитами пола. Помывшись, Тартор вытер остатки воды выжатой тряпкой. Водные процедуры и тявканье питомцев придали ему сил. Мало того – в камере стало сравнительно чисто. Да и ведро можно использовать в качестве унитаза. Неужели дни унизительного опорожнения в угол позади? Просто замечательно!

Жизнь налаживалась…

Мучители били только один раз в день. Да и то, били больше для профилактики, чем для чудовищных страданий. Еду не давали, но в ней надобности и не возникало: шакалы приносили с помоек съестные отбросы. С питьём, как ни странно, проблем тоже не было: раз в три дня охранник наполнял лоханку сравнительно чистой водой. Но, самое ведь главное, для ведра, в которое опорожнялся, принесли крышку, чтобы вонь меньше разносилась по камере! Но это ещё не всё! Подумать только, стоило только ведру наполниться, как за ним приходили, заменяя новым! Нет, но разве может быть что-то лучше этого? Разве жизнь способна одарить мыслящего большим счастьем? Тартор в этом уж очень сомневался. Нет, как же ему всё-таки повезло!

Омрачало одно: лёгкие болели всё больше. Кровавый кашель порой часами не останавливался. Болезненный озноб всё чаще разбивал тело. Когда становилось совсем уж плохо – в камеру входили охранники и поили горячим травяным отваром. На день-другой становилось лучше. Но потом всё повторялось вновь.

Жраб и его жестокие дети могли неделями не заходить в «смертельную камеру». Тартор всё больше убеждался в своём везении. Любимцы шакалы с утра и до вечера скрашивали его жизнь. К вечеру они разбегались на поиски пропитания. А ранним утром возвращались и будили своим нетерпеливым, полным любви и преданности тявканьем.

Тартору даже начинало становиться стыдно, что так сильно ненавидел Филику. Да, она подлая, мерзкая и противная женщина, погубившая его жизнь. И что теперь? Стык потустороннего и смертного мира не на ней сходится. Слишком уж много чести этой дуре. Хоть и такой приятной в постели дуре… Гирен бы её подрал, столько противоречивых чувств к ней: от слепой любви до дикой ненависти! Нет, нужно что-то делать с собой. Да вот только что? Скорее всего, найти ответ на этот вопрос никогда не удастся…

Еды хватало. Шакалы исправно приносили объедки: голодные дни постепенно становились воспоминанием, страшным сном, который так радостно забыть и стараться больше не вспоминать. А вместе с умеренной сытостью к Тартору принялось возвращаться здоровье. Его тело перестало походить на обтянутый кожей скелет и уверенно начало восстанавливать былую форму. Побои медленно сходили, ведь избиения вторую неделю как прекратились. Наёмник уже уверенно мог стоять на ногах, не боясь рухнуть от бессилия, а руки перестали дрожать. В мышцах начинала оживать былая сила. Да что там сила – кровавый кашель досаждал не так часто, как раньше. Крепкий и сильный от рождения организм Тартора начал брать верх над, казалось уже одолевшей его, хворью.

Возвращалась сила, а вместе с ней возвращалось желание совершить побег. В голове Тартора начали появляться дерзкие планы. Да, Жраб, его сыновья и подчинённые – крепкие ребята, спору нет, но Тартор ведь и сам не из простого замеса. Конечно, их сила – в количестве. С толпой справиться будет невозможно. Но если удастся захватить Жраба и, под угрозой его смерти, выйти наружу… А если злость возьмёт верх над Тартором и он прикончит Главу городской охраны, то не беда – всегда есть его сыновья! А как ещё можно выбраться из камеры? Распилить толстенные металлические решётки в стенном проёме? Чем? Шатающимися зубами? Да даже если бы и было чем – в глазное отверстие постоянно кто-то наблюдает. Даже по ночам. Подкоп? В каменных плитах? Нет, выбраться из «смертельной камеры» можно только боем.

Вёдра с питьевой водой заносить в камеру перестали. Вместо этого в стенной проём подвели трубу с вентилем. О благо, повернув вентиль, из трубы начинала литься настоящая вода! Да, рыжеватая от ржавчины, ну и что? Ведь, несмотря на металлический привкус, её можно и пить, ей можно и мыться! Если бы не постоянный ненавистный взгляд из дверного глазка, ощущаемый даже спиной, можно было бы решить, что о Тарторе забыли. Никто не заходил. Никто не бил. Никто не оскорблял. Никто не унижал.

Но интуиция матёрого наёмника не давала Тартору расслабиться. Он чувствовал во внезапном улучшении жизни подвох. Злостный, ужасный, полный следующей за ним боли и страдания подвох.

Как оказалось, интуиция не подвела его…

Как-то Тартор проснулся от тревожного ощущения: словно незаметно что-то вырвали у него прямо из под носа, безболезненно оторвали кусок вместе с мясом… Но что не так? Спросонья сказать трудно. Стены, пол,

матрац, вентиль – всё, как и прежде. В камеру не заносили мёртвых тел похожих на Филику женщин, над головой не стоял скалящийся в предвкушении кровопролития палач с боевым топором, не ухмылялась толпа здоровенных детин, жаждущих почесать кулаки… Тогда в чём проблема? Скулёж и тявканье! Как же без них одиноко в камере! Вот уже сколько времени шакалы с утра пораньше будили хозяина. Но сейчас их вострые мордочки не торчат между стальными прутьями…

Ну ничего, мало ли что могло случиться? Вдруг, они всё ещё ищут отбросы? Или заплутали. Да нет, эти сорванцы способны находить след там, где его не найдёт и волк. А всем на Главном Материке прекрасно известно, насколько искусны в этом деле волки! Решили махнуть пушистыми хвостами на хозяина и податься прочь? Обратно в Кривой Лес? А что, вполне себе вариант, хоть очень и очень маловероятный. А ещё что может быть? Да всё что угодно! И, увы, не самое лучшее…

Тартор, как только мог, отгонял мрачные мысли. Но они и не думали покидать его голову. Целый день он просидел под проёмом, дожидаясь четыреногих друзей. Уродливый птенец голода, казалось бы, замурованный обратно в скорлупу, принялся проклёвываться вновь.

Шакалы не появлялись.

Наступила ночь. Такая же тёмная, холодная и беспристрастная, как всегда. Вот только длилась она дольше обычного – Тартор не спал. Вслушивался в тишину с надеждой уловить милые уху шорохи шакальих лап. Девственную плеву тишины разрывали скрипы дверных петель, топот сапог охранников, вой на луны цепных бобросов и собак, вскрикивания ночных птиц. Но не было среди них преданного скулежа и тявканья…

Утром Тартор почувствовал, как болезнь начинает набирать новую, утраченную было, силу. Мучительный кровавый кашель раздирал лёгкие, а нарастающий голод – желудок. Переживания косили Тартора, как техномонстр жнец косит головы попавшихся под его чудовищные лезвия мыслящих. С каждой минутой наёмнику становилось всё неспокойней на душе. И это беспокойство ослабляло организм, делало уязвимым для болячки.

День прошёл в страданиях: как в душевных, так и физических.

А шакалы всё не появлялись…

Время тянулось со скоростью Исполинских Жернов, что можно встретить в Бастоне: зерно в них свозят со всех Западных Земель, в движение их приводят сотни тяговых слопров; в день они совершают лишь несколько полных вращений, но количество и качество помола впечатляет весь Материк.

К завершению четвёртого дня мучительного незнания, засовы щёлкнули, и в камеру опасливо вошёл охранник. Тартор ещё никогда его не видел: это был седой прим с глубоким, участливым взглядом. В нижних руках он держал большую кастрюлю. Из-под закрытой крышки доносился слабый запах дурманящей разум еды.

– Пришёл почесать об моё лицо сапоги? – окрысонился Тартор.

– Что вы, господин, совсем нет, – прислужливым, лишённым воли голосом ответствовал прим. – Я пришёл оказать вам посильную помощь.

– С чего это вдруг? – голос Тартора звучал измученно и обречённо. – Вы долгое время выбивали из меня душу. Потом просто забыли, как мне кажется. А теперь что, помогать уже надумали?

– Нет, господин, совсем не собираются помогать… – прим осёкся. – Вернее, они не собираются… Понимаете, я, хоть и работаю на Жраба Толстого, не во всём с ним согласен. Уж вы-то, господин, должны меня поддержать: методы Жраба слишком жестоки.

– Ещё бы, – поддакнул Тартор, прокручивая в голове все избиения, унижения и моры голодом.

– Я раскрою вам тайну: сейчас идёт последняя ступень ваших истязаний, – принялся откровенничать прим, переминаясь с ноги на ногу и заламывая свободные от кастрюли руки. – Вас хотят заморить на смерть голодом. Не смотрите на меня, как на идиота, господин. Конечно же, вы это поняли и без меня… Простите. В общем, мне положено следить за вами. Жраб и его сыновья утратили к вам интерес. Они заняты сейчас другими делами: завезли новую партию осуждённых к смерти. А ведь перед казнью над каждым нужно «как следует поработать»…

– То-то я смотрю, они меня перестали избивать, – ухмыльнулся Тартор. – У них попросту завелись новые жертвы.

– Да-да-да, – подтвердил прим, – именно поэтому. Так вот, меня назначили следить за вами, господин. Что я, с гордостью признаюсь, и делал. Они перестали за вами следить, поэтому я позволил себе недопустимое своеволие – подвёл вам трубу с водой. Мне просто больно было смотреть на то, во что они вас пытались превратить. Ну не так разве?

– За это – тебе от меня огромная благодарность, – голос Тартора звучал тихо, устало, но глаза горели уважением. – Ты даже не представляешь, как мне этого здесь не хватало.

– Что ж не представлять – представляю, – ответил прим, и глаза его наполнились грустью и болью. – Я ведь всё это время следил за вами, господин. Какие муки вам пришлось перенести… Нет, господин, ни один мыслящий, какие бы злодеяния он не совершил в прошлом, не заслуживает такого!

– Тише ты, не боишься, что услышит кто? – спросил Тартор и тут же зашёлся чудовищным кашлем.

– Нет, господин, это исключено, – дождавшись, пока собеседник прокашляется, ответствовал прим, – все сейчас на показных казнях. Я не удивлюсь, что во всей тюрьме остались только мы с вами – заключённых на такие мероприятия выводят, чтобы смотрели, какая участь их ждёт…

– Чудненько… – Тартор почесал заросшую косматой бородой щеку. – А меня чего не выводят? Я бы прошёлся, воздушком подышал… Мне в этих четырёх стенах ох как несладко.

– К вам, господин, у Жраба отношение особое… – подтвердил и так понятную истину прим.

– Слушай, – Тартор прокашлялся и продолжил, – а у тебя там, в кастрюле, не еда, случаем? Я, признаюсь, на самом деле начинаю умирать с голоду. И непонятно, что добьёт меня быстрее: пневмония или отсутствие съестного.

– Ах да, господин, мы тут с вами так заболтались, что я и забыл, зачем пришёл, – спохватился седой прим. – Долгое время в моей помощи вы не нуждались – еду приносили ваши четвероногие друзья, да пусть Мастук бережёт их мохнатые шкурки, куда бы они не направились.

– Направились? – переспросил Тартор.

– Да, – сказал прим, – дня четыре назад я охранял Южные Ворота и видел, как маленькая стайка из трёх шакалов выбежала и направилась в сторону Кривого Леса. С тех пор я не видел, чтобы они просовывали свои мордочки в «смертельную камеру». Видимо, их звериная сущность превзошла преданность и любовь к вам. Мне очень жаль…

– И мне… – на глаза Тартора выступили слёзы. – Но этого следовало ожидать…

– В общем, четыре дня я не мог подступиться к вам, но сегодня, как я уже говорил, день показательных казней, поэтому я с лёгкостью пронёс вам еду, – сказал прим, подошёл к сидящему у стены наёмнику и верхней рукой поднял крышку. Запахло остывшим жареным мясом. – Моя жена отличная хозяйка! Не удивлюсь, если её мясные лепёшки из верблюжатины – лучшие во всём Саре! Угощайтесь, – прим поставил кастрюлю перед заключённым.

Тартор с жадностью дигра набросился на еду. Мясные лепёшки были суховатые и холодные. Но до чего же вкусные, после четырёх дней голода! Почувствовав первые приступы режущей боли в желудке, он перестал есть. Отвыкшему от еды желудку нужно время, чтобы переварить – каждый наёмник об этом знает.

– Спасибо тебе, друг, – со слезами радости на глазах, поблагодарил Тартор. – Ты спас мне жизнь.

– Не стоит благодарности, – отмахнулся прим и направился к выходу.

– Друг, ты хоть скажи своё имя, – окликнул его Тартор.

– В этом нет необходимости, – отрезал прим и закрыл дверь.

Щёлкнули засовы.

Еды хватило на три сытых дня. Переживания об участи шакалов сменилось грустью. Но лучше уж грусть, чем неведение! В конце концов, они из леса пришли, и в лес должны были вернуться: рано или поздно. Было бы наивно ожидать от них другого.

Тяжесть переживаний спала с плеч, но кашель не прекращался. Озноб, недомогание, вялость – были его верными друзьями.

Когда последняя мясная лепёшка была съедена, за дверью раздался дикий, безудержный, злой и насмешливый хохот.

– Ну что, подкрепился? – даже приглушённый дверью, голос Жраба нельзя было ни с чем спутать.

– Пошёл к гиреновой бабушке, – прохрипел Тартор и закашлялся. Было такое ощущение, что его лёгкие кто-то измазал кровавым мазутом – до того там всё было плохо.

– Верблюжатинкой, думаешь, питался? – ликовал Жраб. – Да я бы на твои гнилые кишки и крысонового мяса пожалел! Не то, что деликатесное верблюжье! Знаешь, кто это был? Твои маленькие четыреногие друзья! Мы изловили всех троих и пустили тебе на лепёшки! А шкуры спалили в печах! Ах-ха-ха! – смех чудовищной чертой подвёл всё вышесказанное.

– Бон, Мон, Мона! – взревел вскочивший на подкашивающиеся от болезни ноги Тартор. Его вырвало. – Бедняжки мои! Мои хорошенькие! Мои славненькие! Я знал, что вы останетесь со мной до последнего… Бедняжечки, бедняжечки… – Тартор подошёл к двери и заколотил по ней обессиленными кулаками. – Ты убийца, мерзость, дрянь, сволочь! Ползучий гад! Я презираю тебя! Я удушу тебя, подлая сука!

– Убийца? – продолжал ликовать Жраб. – А не ты ли убил моего сына, слизняк? Страдай, мразь, страдай! Да так страдай, как никто в этом мире ещё не страдал!

– Филика! – заорал Тартор: в его слезящихся глазах кровавым огнём блестела безумная ненависть. – Это всё ты виновата, Филика!

Тартор бессильно упал в лужу блевотины. Из его рта текла кровь. Болезнь взяла верх: жизнь медленно покидала его.

– Эн нет, дружочек, нет уж, я не подарю тебе лёгкого выхода, – пообещал Жраб. – А ну, отнесите этот мешок ослиного навоза в лазарет. Пусть его вылечат от пневмонии. А потом… Всё с самого начала…

Щёлкнули засовы.

Глава 22: ***Лесное гостеприимство***

Чёрная гладь, изнизанная белой паутиной. Пятна засохшей и свежей крови. Бьющиеся в многострадальной агонии души мыслящих. Их безмолвные крики. Бесплотная боль. Неосязаемые страдания. Бесконечная мгновенность. Кровавые блики. Багряные молнии. Леденящий жар. Палящий холод. Живая смерть…

Филика очнулась от нестерпимого зуда в пальцах. С брезгливостью струсила с них толстую волосатую гусеницу и осмотрелась вокруг. Деревья любых размеров и форм: начиная от приземистых, хлипких на вид, с белёсой тонкой корой, густой кроной из мелких фиолетовых листьев, и заканчивая толстоствольными великанами с бугристой чёрной корой, поросшей в некоторых местах голубоватым мхом, размашистыми гигантскими иглистыми ветвями и торчащими из земли узловатыми корнями. Заросли всевозможных растений, увенчанных причудливыми цветками, громадными чашеобразными или тонкими и пикообразными листами, обвитые плющом, облепленные насекомыми, о которых не узнать даже из трактата «Про роющих, ползающих и летающих гадов»… Яркие лучи Светила, пробиваясь сквозь толщь листьев,

ветвей и стволов, доходили до земли лишь изуродованными зелёно-жёлтыми лучиками.

Лес подавлял всем: тусклым, гнетущим светом, нависающей теснотой зарослей, непрерывным стрекотом насекомых, криками диковинных птиц с причудливыми клювами и броскими разноцветными перьями, гомоном всевозможных зверей.

Будь на месте Филики какой-нибудь картский учёный муж, посвятивший жизнь биологии – тут же позабыл бы обо всём и принялся изучать местную флору и фауну. Безустанно начал бы срывать отовсюду листву, обдирать кору, выкапывать коренья, делать эскизы птиц, собирать коконы и отлавливать насекомых… и всё на диком научном энтузиазме – ни разу не вспомнив о чудовищной усталости, вероятной обречённости и зверском голоде. Но не такова уж чёрствая командирша отряда Ищеек Смерти! Ей было абсолютно наплевать на то, что ползавшая ранее по её руке гусеница – неописанный в научных трактатах представитель (или близкий родственник – это решится после долгого спора учёных мужей на Всематериковом Картском научном съезде, проводимом каждый год в первых числах после Сезона Дождей) семейства «ползуволосатиус». И тот факт, что шершавые листья плюща, имеющие форму шестигранника, отличаются от любых ныне описанных – наёмницу волновал не больше, чем способен взволновать поросший мхом валун попавшего в кольца удава зазевавшегося павиана…

Что на самом деле волновало Филику, так это три вытекающие друг из друга вопроса. Как она сюда попала? Что делать дальше? И что это, чтоб его, вообще за место такое?

Ну, на первый вопрос вполне можно дать ответ: без вмешательства Арахка здесь не обошлось. Это ведь его мерзостный голос раздался, когда чудовищные скелеты Древних Времён уже настигали убегающих путешественников.

А ведь, по большому счёту, бог пауков – этот ужасный и подлый насильник – их спас!..

Второй вопрос… А что в нём, собственно, сложного? Филика что, девица какая-нибудь светская Сарская, всю жизнь на балах и оргиях проведшая, ни в чём больше толк не знающая? Нужно выжить, выбраться из леса! А как – это уж не проблема для опытной наёмницы. Сведущему в делах выживания мыслящему в лесу всегда еда, питьё и кров найдутся! И наряду с выживанием (а есть хотелось так, словно дня три во рту и маковой росинки не было) нужно отыскать друзей.

Мысли о том, что скудоумный Арахк решил спасти лишь её одну, Филика всячески рубила на корню.

Что это за место – гадать не приходилось. На Главном Материке экзотических лесов хватает в изобилии. Но с такими внушающими трепет размерами и громадным разнообразием растительности только один – Великий Лес. Начиная свою воистину величественную поступь у северных берегов Вечного Океана, западным краем огибая Вечные Болота, переступая

деревьями громадные по площади низины Горного Хребта Печали, он тянется на юго-восток прямо до северо-западных берегов Моря Покоя. Так что сказать, где именно находится Филика – просто невозможно, ибо находиться она могла практически в любой точке Великого Леса. Есть, правда, ещё один лес, упрямо отрастающий каждый раз после гибельного извержения Вулкана Ненависти и покрывающий практически всю часть Пустого Материка – как гласят сказания, очень даже экзотический. Но о том, чтобы очутиться на другом материке – Филике даже в кошмарах никогда не снилось!

Осмотрев себя, наёмница крайне удивилась: на ней не было облегчённых лат. Да что там лат, вообще ничего не было: ни оружия, ни припасов! Лишь насильно подаренный Арахком чёрный костюм с белыми паутинистыми узорами второй кожей обвивал её стройное тело.

В желудке сосало так, словно там ничего не было минимум полнедели. Ничего, вон те жирные лимонно-жёлтые личинки с коричневыми головами – просто замечательный источник белков и витаминов! Филика сняла с буро-зелёного ствола широколистного дерева извивающуюся личинку. Мгновение поколебавшись, она отправила насекомое в рот, откусив несъедобную голову, в отчаянной борьбе за жизнь челюстью вцепившуюся в указательный палец. Толстенькие короткие лапки царапали язык, сочное тельце лопнуло под зубами, залив рот отвратительной жижей, вкусом похожей на уж слишком перебродившую настойку из коры деревьев. Филика многострадально скривилась, но проглотила. Дальше было проще. В таком деле самое сложное – сделать первый глоток…

Наевшись личинок, командирша принялась продумывать дальнейшие действия. Первым делом, нужно орудие. Голыми руками через заросли не пробраться. Долго думать из чего бы его сделать не пришлось – невдалеке росло не имеющее название (в принципе, как и большинство в этом лесу) дерево. Дерево было размашистым и кустистым. Но не его пышные формы и причудливый алый цвет листвы привлекли наёмницу. Округлые у оснований, длинные ветви дерева утончались, становились плоскими и острыми, словно сабли. Должно быть, таким образом дерево охраняет свой толстый ствол от крупных животных. Зачем крупным животным ствол этого дерева? Эх, был бы там картский учёный муж или, на худой конец, учёная дева – не сошли бы с места, пока не выяснили… А вот Филику это не интересовало. «Природа щедро умеет одарять. Главное, суметь разглядеть её дары. А разглядев, нужно их выдирать с корнем, а не расходовать на ненужные поиски истины, которой итак не существует!» – таковы взгляды командирши.

Опасения Филики не оправдались: острые ветки оказались крепкими и твёрдыми, словно были выкованы из диковинного древесного металла. Но в этом-то и была загвоздка. Их невозможно было сломить. Что только командирша ни делала: и колотила по ним кулаками, ногами, камнями, и прыгала, и тянула, и ругалась последними словами, от которых у многих мыслящих бы уши завяли… А твёрдые ветви так же непоколебимо держались на толстом стволе, пусть и с потрёпанной от потуг интервентки листвой.

Махнув уставшей рукой, Филика уселась на густой мох в надежде перевести дух. Приятный на ощупь бархатистый мох был покрыт росой. Так и хотелось растянуться на нём и заснуть. Вот только проснулась бы она?..

После небольшого перерыва, мысли командирши прояснились. Дикое желание сломить острую, как сабля, ветку вытиснилось твёрдым осознанием невозможности этого. А что делать, когда ты упираешься в тупик, и у тебя нет с собой рожка с взрывным порошком, чтобы подорвать стену? Можно, конечно, ничего не делать… Но это уж слишком трусливый путь. Нужно поворачивать и с новыми силами браться за другой путь. Вот и всё. Ничего сверхъестественного!

Да, сломить желанную ветку невозможно. Но это ведь не мешает Филике использовать её для других целей? Для изготовления того же оружия, к примеру. Сломив с соседнего дерева две довольно крепкие ветки, командирша обточила их об острые ветки пышного дерева с алой листвой. Из длинной ветви она сделала копьё, из короткой – подобие мачете.

К тому моменту, как оружия были сделаны, начало темнеть. И без того тусклый свет мерк стремительно и бесповоротно. Идти куда-либо – бессмысленно. Разводить костёр (это если удастся) – ещё бессмысленней. Неизвестно, какое лесное зверьё обитает поблизости, но точно известно, что костёр его внимание к себе обязательно привлечёт. Благоразумней всего взобраться на то громадное дерево с торчащими из земли мощными узловатыми корнями. По грубой неровной коре забираться, что по лестнице – только и успевай пальцы и стопы в широкие выемки вставлять. Громадная ветка, на которую взобралась Филика, уместила бы на себе целого, пусть и исхудавшего от тяжких хворей, слопра. Что уж говорить о молодой, не обременённой и граммом лишнего веса, женщине?

Ночь прошла спокойно. Прохлада и ветер не причиняли и малейшего неудобства – обволокший голову и лицо, оставив прорези для рта и носа, костюм грел, защищал, приглушал тревожные звуки леса.

Филику разбудила лёгкая царапающая боль по всему телу, словно её костюм порос изнутри тысячами мелких коготков. Тусклый свет уже пробивался сквозь непролазную густоту леса. Командирша открыла глаза и ужаснулась: к её лицу опасливо принюхивалась лохматая тварь. В узких глазных щелях багровели овалы зрачков, морду покрывал густой белый вьющийся мех, под толстым бурым носом топорщились длинные пучки чёрных усов, раскрытая пасть обнажала длинные, с жёлтым налётом, резцы, явно способные за раз перекусить кость. Из пасти на Филику пахнуло кисловато-солёным духом. Переносимым, но уж очень неприятным. Наёмница испуганно дёрнулась, от чего тварь испугалась ещё больше, издала истошный вопль и прыжками в два счёта скрылась в гуще леса.

– Чтоб Гирен выел тебя и всё твоё потомство! – кинула вслед твари Филика с перепугу позабыв, что не признаёт богов.

Тварь ничего не ответила.

Завтрак был не богат разнообразием блюд: лимонно-жёлтые личинки в изобилии ползали по стволам деревьев. На сей раз их вкус казался не таким уж и отвратительным. Когда речь идёт о выживании – места брезгливости не должно оставаться. Выбрав лиану потолще и позеленее, Филика срубила её деревянным мачете и напилась вытекавшей из обрубка жидкости. Сок лианы был горьковат, но вполне пригоден для утоления жажды.

Подкрепившись, командирша поразмыслила над направлением своего грядущего пути. Разумеется, оставаться на месте – самоубийство. Идти нужно, но куда? Выгодного направления нет, так как кругом одинаково пышные заросли. Все четыре стороны развели свои бесплотные руки, таящие внутри неизведанные опасности, и жаждут обнять ими заблудшую путницу.

Филика была готова ко многим ударам судьбы, но к такому – нет. Да, она прочла много книг, общалась со многими мыслящими, выбравшимися живыми из безвыходных ловушек дикой природы. Но вот чтобы самой оказаться на их месте… Филика ведь никогда ещё не оставалась с лесом один на один. Всегда был кто-то, кто мог помочь, подсказать, подстраховать. Были оружия, были припасы, был кремень или спички, чтобы развести костёр. А сейчас: одна, с деревянными подобиями копья и мачете, без нормальной еды и поддержки…

Нет, командирша из любой ситуации найдёт выход! Никакой паники и отчаяния! Только оптимизм и твёрдое желание выжить! Все мысли о хорошем, светлом, добром. Да, вот только в жизни Филики в последнее время что-то не клеилось. Ни капельки хорошего, ни лучинки светлого, ни песчинки доброго… Рыдать?

– Замолчи, глупая паникёрша! Заткни свою тупую пасть! – сорвалась на крик Филика, и пёстрые птицы в испуге устремились прочь с ветвей ближайших деревьев.

Полегчало…

Можно было идти в любом направлении. При сложившихся обстоятельствах, это не имело какого-либо значения. Тут можно положиться лишь на удачу: какой путь приведёт к логову дигра, а какой – выведет из леса. Разумеется, тропок, способных облегчить решение, обнаружить не удавалось. Что ж, ясно только одно: если выбрать путь, то идти только в его направлении. Любое отклонение может свести всё на нет. Целый день идти и вернуться на место, с которого всё началось – разве может быть что-то хуже?

В этой практически непролазной глуши трудно ориентироваться в направлении. Компаса нет, а неизвестным растениям доверять нельзя. Они обманчивы. У одних листва смотрит в одну сторону, у других – в другую, а у третьих – во все сразу. Ориентироваться можно только по солнцу. Которого, увы, не видно. Хотя, это не совсем так. Если присмотреться, то сквозь толщь сомкнувшихся над головой ветвей и листьев можно разглядеть более светлое пятно, нежели остальные. Это, по логике вещей, солнце. Вот и славно. Значит, восток в его направлении. А запад – в противоположном. Север и юг, исходя из этого, найти проблем даже ребёнку не составит.

Так куда же, всё-таки, идти?

Филика хлопнула себя по лбу ладонью. Ну конечно же! Как она раньше об этом не подумала? Ну да, неопытность сказалась. Хорошо, что путь до этого не начала! Так бы столько времени потеряла!

Всего-то и нужно – залезть на высокое дерево и оглядеться вокруг. Как раз то, на котором наёмница провела ночь, подойдёт замечательно. Да, Филика не примша какая-нибудь, чтобы по деревьям высоко лазить, но выхода другого нет.

Командирша никогда особо не боялась высоты, поэтому подъём оказался не таким уж и сложным. Правда, не без усилий всё прошло. Чем выше, тем сложнее находить выемки в коре. Несколько раз ей приходилось делать небольшие привалы на ветках, чтобы дать рукам отдохнуть. Большинство деревьев леса были высокими, но Филика выбрала самое правильное – оно оказалось выше остальных поблизости.

Наверху было свободно. Прохладный ветер щекотал лицо, яркое солнце радовало глаз. Но главное – никаких деревьев и кустарников, нависающих над тобой безмолвными стражами. Исполинский разноцветный ковёр из верхушек деревьев стелился повсюду. На западе он тонул в голубом горизонте водной глади. На севере он упирался в острую гряду чёрных скал. Крохотных издали, похожих на окаменелые зубы древнего неведомого существа, сложившего свои кости в том месте миллионы лет назад… Стоило только догадываться, насколько высоки эти скалы. На юге лес не имел видимых границ. А на востоке… лес упирался в скалу, пугающую и зачаровывающую своим чудовищным размером и неправильностью форм! Казалось, что эта скала была олицетворением вечности. Не сгнивающим посланием из Точки Времён. А может, она и была этой Точкой? Да нет, что за романтически глупости Филике в голову лезут. Это ни какая не Точка Времён, да и не совсем скала… Это вулкан… Вулкан Ненависти!

Командирша слезла с дерева полная замешательства и разочарования. Где-где, а в лесу Пустого Материка ей оказаться уж совсем не хотелось. В голове не укладывалось. Подлый, злой, мерзкий Арахк! Мало того, что лишил Филику остатков чести, так ещё и поглумиться решил. Забросил на верную погибель в сердце необитаемого леса. Но зачем? Разве не проще было оставить её на растерзание ожившим скелетам древности? Нет, видимо, ему это доставило бы меньшее удовольствие. Уж лучше его жертва умрёт от изнеможения. Или от какой-нибудь чудовищной лесной болезни. Ну, от лап и клыков диких зверей тоже никто не застрахован. А почему тогда он подарил ей костюм, столь полезный и незаменимый?

Боги. Мыслящим неподвластно уловить ход их величественных мыслей…

Так или иначе, если Арахк дожидается гибели Филики, то ему придётся подождать ещё какое-то время! Наёмница не собирается доставлять богу пауков такое удовольствие! Она будет бороться. До последнего. Назло ему.

Теперь-то с выбором направления проблем не возникало. Нужно идти на восток. К берегу Вечного Океана. А дальше? Дальше будет видно…

Филика отправилась в путь. Умело орудуя деревянным мачете, она прокладывала себе дорогу сквозь густые заросли диковинных растений. Нетронутый доселе рукой мыслящего лес застонал криками птиц и воем зверья.

Злость к Арахку двигала рукой наёмницы. Рубя широкую толстую листву, торчащие из земли корни, полные густого зловонного сока стволы, она представляла, что рубит его отвратительный панцирь, человеческие руки и ноги. Это помогало идти, добавляло сил. Жажда насолить богу пауков переполняла Филику упрямством и упорством. Тяжёлыми, полными труда и усталости шагами, она продвигалась вперёд.

Казалось, заросли никогда не кончатся. К счастью, это было не так. Ближе к обеду лесная гуща стала редеть. Утомлённая рука могла немного передохнуть, но останавливаться для привала Филика не собиралась. Покуда ноги способны нести, она будет продвигаться вперёд.

Вскоре лес поредел. Солнце ослепительными бликами протискивалось в просветы между листвой и ветвями. Рубить листву уже не возникало необходимости, но глядеть под ноги, взвешивая каждый шаг, всё равно приходилось. Можно запросто споткнуться об корень и напороться на сук.

Истошный вопль. Филика обернулась. Цепляясь всеми шестью крючковатыми лапами за шероховатую кору, по толстому зелёному стволу ползла тварь. Да, она была точь-в-точь похожа на ту, с которой наёмница имела неприятность познакомиться утром. А может, это она и была? Раздался ещё один истошный вопль, но на этот раз откуда-то по левую руку. Командирша повернулась и замерла: на дереве – один повисши на толстой ветке, второй ползя по коре – виднелись покрытые густой белой шерстью твари. Ещё два истошных донельзя вопля. Уже по правую руку. Ползя по лианам, прыгая с ветки на ветку, карабкаясь по стволам, к Филике приближались твари.

«Сейчас посмотрим, какого цвета у них потроха» – воинственной молнией пронеслась мысль в голове командирши, и она покрепче сжала деревянное копьё, выставив остриё перед собой.

Филика насчитала около дюжины тварей, расположившихся на деревьях неподалёку. Их глаза сверкали на солнце. Их пасти периодически издавали истошные вопли. И всё. Никаких агрессивных действий они не принимали. Просто пытливо глазели на непрошенную гостью леса.

– Тупые твари, чего уставились?! – рявкнула Филика и сделала угрожающий выпад копьём.

Несколько тварей опасливо подскочили, а кто и вовсе трусливо спрятался за стволом. Остальные, видимо самые матёрые, не шелохнулись.

– Ну что, боитесь меня, комки шерсти?! – наседала командирша, страх скорой и мучительной смерти которой сменился напускной храбростью. – А ну пошли отсюда прочь! – она повторила выпад.

На этот раз даже самые боязливые не отреагировали. Все твари остались на своих местах, будто приросли к ним.

Немного поразмыслив и поостыв, Филика решила не искушать судьбу. Мало ли чего этим гадам в головы их уродливые прийти может. Сейчас не нападают – и хорошо. А будет командирша сама нарываться – так и полезут в драку. И нетрудно догадаться, кто из неё выйдет победителем…

Филика продолжила путь. Правда, твари продолжили путь вместе с ней. Издавая отвратительные крики, они прыгали с дерева на дерево. Разумеется, не забывая при этом держаться на безопасном расстоянии от объекта преследования.

Вначале командиршу раздражали и пугали преследующие звери. Она всё время косилась на них и еле совладала с собой, чтобы не впасть в истерику. Но уже ближе к вечеру, ей было абсолютно на них наплевать. Прыгали себе за ней и прыгали, точно обезьянки уродливые. Ну и что? Раз не нападают, то и славно.

Близился закат. Лес не становился гуще, и это очень радовало. Ноги просто подкашивались от усталости. Желудок ныл от голода. Филика остановилась, и, совершенно неожиданно, её стошнило. Рвоты было совсем мало: желудочный сок и сок лиан, которым командирша утоляла жажду во время пути. Кисло-горький комок ещё долго раздирал горло.

Придя в себя, Филика отправилась на поиски пищи. Вкус рвоты стоял во рту, притупляя голод, но командирша прекрасно знала, что ей нужно пополнить потраченные силы. Иначе завтра она далеко не уйдёт.

В голову закрадывалась леденящая всё внутри догадка о причине рвоты. Но командирша отчаянно гнала её прочь.

Личинок и гусениц, как это ни странно, отыскать не удалось. В таком-то лесу! Попалось под взор несколько пауков и таракан, но их Филике употреблять в пищу как-то не хотелось… Благо, на одном невысоком дереве ей удалось разглядеть сливающиеся цветом с фиолетовыми листьями продолговатые плоды. Опасения отмёл в сторону с новой дикой силой заявивший о себе голод. Командирша сорвала плод и разжевала вместе с треснувшей под зубами косточкой. Мякоть плода была кисло-сладкой. А вот от раскушенной косточки пришлось отплёвываться – уж слишком горькая. Второй плод Филика съела с большей осторожностью, выплюнув косточку. Дальше дело пошло само собой.

Набив желудок до отвала, Филика сытым взглядом осмотрелась вокруг. Увы, подходящего для ночлега дерева найти не удалось. А тем временем солнце больше чем наполовину погрязло в зыбучих песках горизонта. Ничего не поделаешь, придётся спать на земле.

Костёр Филика решила не разводить. Мало ли какие звери в лесу водиться могут. Бывают такие, которые боятся огня, а бывают и такие, которые на него бегут, затаптывая громадными лапищами всё на своём пути. К тому же, в нём нет необходимости: костюм замечательно греет ночью, да и мяса пойманного зверя нет, чтобы пожарить. Вспомнив о недосягаемом мясе пойманного зверя, Филика покосилась на тварей, следящих за ней с деревьев. Нет, слишком рискованно нападать на во-он ту, что держится дальше от стаи.

Хотя… соблазн велик… Нет! Мало ли какое у неё мясо может оказаться? Стоит оно того, чтобы подвергнуть себя вероятности нападения дюжины шестиногих уродцев? Сейчас они спокойны, но кто знает, чем всё повернётся, вздумай Филика напасть на одну из них, пусть и держащуюся в стороне от других. В конце концов те фиолетовые плоды очень даже недурны собой. Да, мясо ими не заменить, но риск голодной смерти они очень даже неплохо сводят на нет.

Филика нарвала мха, постелила на землю и улеглась. Она была настолько уставшей, что тут же провалилась в сон. Все переживания о близости стаи странных зверей и нападении какого-нибудь проходящего мимо хищника растворились в глубоком и спокойном сне.

Наступило утро.

Проснулась она, как и в прошлый раз, от слабой скребущейся боли по телу. Открыла глаза. Был ли испуг, когда Филика обнаружила себя в окружении дюжины тварей? Конечно же был! Но не сильный, граничащий с крайним удивлением. Первая мысль командирши: проткнуть копьём первую попавшую под удар зверюгу. Но эту полезную идею пришлось отбросить. Существа сидели мирно. Некоторые из них дремали. Их морды выражали тупой интерес, но уж точно не агрессию.

Упёршись локтями в мшаный настил, Филика приподнялась. Некоторые лохматые твари отпрыгнули, но не далеко. Остальные (в основном спящие) остались на месте.

– И чего вы от меня хотите? – спросила Филика.

– Мы хотим твоей крови! – веющим холодом смерти голосом прорычали твари и напали.

Острые резцы крошили кости, когтистые лапы раздирали плоть. Они не успокоились, пока от командирши не осталась лужа кровавого месива…

Филика вскочила с примятого её телом мшистого ложа. Рассветные лучи только-только принялись пронзать лесную тьму. Капельки росы на листве блестели в их свете. Воздух был свеж и чист, полнился дурманящими ароматами экзотического леса.

– Так это был лишь больной сон! – обрадовалась Филика и весело расхохоталась, сбрасывая смехом остатки оцепенения после кошмара.

– А вы! – командирша обвела взглядом сидящих на деревьях тварей. – Вы… Раз уж такие шерстяные и шестирукие, будете отныне шестошерсты!

Зверюги недовольно завыли, словно они поняли слова женщины и отказываются называться «шестошерстами».

Филика мысленно ухмыльнулась своей сообразительности и отправилась к плодовому дереву. Наелась от пуза. Смастерила из трёх широких листов размашистого растения и тонкой лианы подобие сумки. Наполнила «сумку» плодами и отправилась в путь. Шестошерсты увязались следом.

Вскоре командирша вышла на протоптанную копытами неведомого зверя тропу, которая вывела к реке. Мутно-песочный цвет воды стремительно мчал попавшие в него листья и ветви. Не нужно быть гением, чтобы догадаться не

лезть в воду. С таким течением даже щуп вряд ли справится. Чего уж говорить в таком случае о наёмнице, с детских лет не любившей плавать? На первый взгляд до того берега было метров двести-триста. Река, словно жирная извилистая змея, разрезала лес на две части. Вдоль песчаного берега росли мелкие кустарники и трава. Лучшей дороги и не придумаешь! Уж знамо лучше, чем петлять между раскидистыми деревьями в поисках лучшей дороги.

Сомнений быть не должно: река втекает в Вечный Океан. Лучшего подарка богов Филика и не могла ожидать. Хотя нет, боги здесь не при чём. Им всегда плевать на мыслящих, которых они считают лишь мелким ничтожным скопом насекомых… Филика добилась всего сама! Отчаянно боролась с зарослями, шла, невзирая на голод и усталость. И теперь это её вознаграждение! Теперь-то изнуряющее путешествие обернётся лишь увеселительной прогулкой вдоль реки. Просто замечательно! И, к тому же, не придётся больше пить тёрпкий сок лиан! Командирша попробовала воду из реки и осталась очень довольна.

Долгое время воодушевление Филики держалось на высшей отметке. Подумать только, встреча с простой рекой – стремительным символом жизни – принесла ей столько радости и счастья. Даже золотые мешки покойного нынче Парфлая не сотворили и десятой части того восторга, который испытывала командирша, беспрепятственно идя по твёрдому песчаному берегу.

Но мало того, на пути встретилась крупная игуана, мирно себе дремавшая на камне, купаясь в солнечных лучах. Недолго раздумывая, Филика метнула в неё копьё. Хоть командирша и предпочитала больше мушкеты с пистолетами, но и с метательным оружием прекрасно управлялась. Копьё послушно вонзилось в шею не успевшей ничего понять ящерицы. Вот и мясной обед нашёлся!

На радостях, командирша тут же сделала перерыв и развела костёр. Правда, пришлось изрядно натереть мозолей палкой, пока от трения занялись сухие листья. Но на что только не пойдёшь ради горячей еды?..

Деревянный мачете сильно иступился. Удивительно, как это он вообще ещё оставался целым. Толстый мясистый хвост игуаны пришлось отрезать найденной на берегу острой и крепкой ракушкой. Естественная защита игуаны, не спасшая от копья, запоздало пыталась отомстить убийце хозяйки: Филика исколола все руки о покрывавшие спину и хвост игуаны шипы. Но голод и жажда мяса тупили боль, словно вода – острые камни. Слишком много проблем доставил хребет – его ракушка при всём желании не взяла бы. Поскольку поблизости других острых предметов не наблюдалось, Филика принялась дробить хребет булыжником. Это весьма неприятное и кропотливое занятие дало свои плоды, пусть и отняло прилично времени и сил. Но результат стоил того.

Хвост Филика бросила в дрожащее на ветру пламя костра. Шкура защитит мясо от обугливания. Вспоров ракушкой игуане брюхо, командирша достала только печень и сердце. Остальное выбросила. От худеньких

костлявых лапок и ещё более костлявых рёбер толку мало. Можно было ещё выскрести крохотные мозги из черепа, но что-то Филике было не до этого…

Насаженная на ветку печень быстро приготовилась на огне. Она была суховата, конечно, но всё равно показалась командирше вершиной гурманского наслаждения. Разве что соли не хватало! Маленькое сердце приготовилось ещё быстрее. Оно было упругим, с корочкой. Жаль, что только на один зубок… Подоспел хвост. Вытащив его из костра и подождав, пока остынет, Филика принялась жадно есть мясо, распарывая мешающую трапезе обуглившуюся кожу. После вынужденной фруктово-личиночной диеты, жёсткое и сухое мясо казалось неимоверно вкусным.

На десерт у командирши были продолговатые плоды, набранные в лесу. Просто прекрасное завершение трапезы! Воистину королевской в этих недоброжелательных условиях.

Прекрасное чувство сытости теплом растекалось из полного желудка по всему телу. Осоловевшая Филика всерьёз задумалась о том, чтобы немного поспать. Что здесь, собственно, плохого? Зачем вскакивать и плестись дальше, когда, по большому счёту, спешить некуда? Дорога одна – вдоль реки. Да и вообще, зачем, спрашивается, идти к Океану? Чего командирша хочет добиться? Вплавь до Главного Материка добраться? Смешно… Да и тут, собственно, неплохо. Можно построить хижину у реки, соорудить из тонких лиан сети и ловить рыбу, заниматься охотой и собирательством. Да, это «немного» отличается от устоявшихся взглядов на жизнь Филики, но раз уж нет другого выбора…

Филика бы ещё долго размышляла, постепенно проваливаясь в сон, если бы не случившееся происшествие. Один из продолжавших идти следом шестошерстов (многие звери повернули назад) подошёл к реке, припал мордой и принялся жадно пить. Не успел мохнатый зверь и пикнуть, как из реки вырвалось нечто громадное, бугристое, клыкастое и затащило его под воду.

Наползавший сон как рукой сняло. Филика подскочила, что ужаленная, и отправилась в путь, держась от воды на почтенном расстоянии.

Перед глазами маячил расплывчатый образ водного чудовища. Всё произошло слишком быстро, чтобы хорошо разглядеть его отвратительные очертания. Но и этого вполне хватало, чтобы задуматься о хлипкости жизни. Вот он, шестошерст, ничего худого не замышляя, склонился водички попить. И что же дальше? Нет его, шестошерста, больше… Был и нет… Прыгал себе по деревьям, жрал листву и плоды, дурачился с себе-подобными. В его покрытом белым мехом теле гнездилась душа. И вмиг всего это не стало. Бьющее жизненным ключом тело превратилось в бесполезный мешок костей и мяса. Ну, не таким уж бесполезным – речному монстру на обед в самый раз…

Как всё-таки хрупок смертный мир…

Филика в сердцах плюнула на землю и выругалась на себя за подобные мысли. Нет, ну где же это видано, чтобы наёмная убийца пришла в уныние из-за смерти какого-то зверя? При чём, очень даже некрасивого – с шестью лапами! Самой как дух из мыслящих выбивать – так всё в порядке! Ни совесть

не мучает, ни размышления грустные в голову не лезут. Ну, не всегда так, разумеется, но в подавляющем количестве случаев. Работа у Филики такая – не задумываться о вечных проблемах, а убивать и не страшиться, видя смерть!

Резкие перепады настроения у командирши и раньше бывали. И, кажется, тогда её тоже расстраивали мысли о невечной жизни. После жестокого изнасилования работорговцами она, на свою беду, забеременела. Брошенная одна, измученная и обессиленная Филика умирала в пустыне. Ей повезло, что мимо проезжал караван с вяленой рыбой из Камбалирона в Сар. Караванщики подобрали её и откачали. Можно сказать, они втянули обратно её покидавшую тело душу. С Филикой они распрощались уже в Саре. Именно там она и узнала, что беременна.

После долгой борьбы с самой собой, командирша решила оставить ребёнка. Да, в те дни её настроение скакало похлеще раненной в бедро антилопы. Прямо как сейчас…

Но ребёнку не суждено было родиться. В жутких муках случился выкидыш. С тех пор лоно Филики стало бесплодно.

Воспоминания о тех ужасных днях часто всплывают в её кошмарах.

– Нет, не может этого быть, – ужаснулась от мысли о беременности Филика. – Не может, просто не может!

Она оглянулась на треск ветки. Потерявшие интерес (и товарища) шестошерсты больше не преследовали. Откуда тогда треск, спрашивается? Зверей, способных его издать в поле зрения не оказалось. А ведь в этом лесу кто только водиться не может! Дигры, гориллы, слопры, медведи всех видов и размеров – запросто. Это не говоря уже о неизвестных особях, многие из которых вполне могут оказаться свирепей и сильней любого известного зверя. Одно речное чудище чего только стоит!

Нужно торопиться! Идти вперёд, невзирая на усталость.

Филика шла, замкнувшись в свои мрачные мысли. Спиной она чувствовала угрозу, словно за ней крался невидимый смертоносный враг. Но сколько не поворачивайся – никого нет. Нервы что-то сдавать начинают. Так и до сумасшествия недалеко…

Усилился ветер, вздымая опавшую листву и сыпля прибрежный песок в лицо Филики. Начало темнеть. Странно, до вечера, по идее, ещё времени предостаточно. Командирша подняла голову: небо затягивали бугристые громады свинцовых туч. Она могла поклясться, что полчаса назад на небе не было и единого облачка. Воистину странное место этот Пустой Материк.

Так же неожиданно, как и возникшие из неоткуда тучи, сверкнула молния и подожгла высохшее дерево в сотне метрах от Филики. Чудовищный гром острой болью ударил в уши и сотряс тело. Не заставив себя долго ждать, на лес обрушился ливень.

Сверкнула новая молния. В её свете из тени деревьев выплыло что-то ужасное. Это был чудовищный зверь, казалось, посланный из потустороннего мира сеять зло и смерть везде, где только ступят его тройные копыта. Громадная гора бугристых мышц и извивающихся щупальцеподобных

конечностей. Плоская голова с тупорылой пастью, полной широких резцов. Из головы торчали четыре закрученных спиралью с длинным острым концом рога, словно зубья причудливой короны. Его мешковатое брюхо было полно розовых извилистых отростков. Блеснувшие в зловещем свету молнии все четыре глаза были устремлены на Филику.

Дикий животный страх сам пустил её ноги в бег.

«Бежать! Бежать вперёд! Бежать к спасению!– крутилось в голове наёмницы. – Прочь из этого проклятого леса. Прочь!»

Сверкнула очередная молния, словно факел, подпалив очередное дерево. Огонь шипел от дождя. К ливню примешался град.

Филика бежала, в беспамятстве выбросив мешающие деревянное копьё и мачете. Сделанная на скорую руку сумка из лиан и широких листьев разошлась: хранящиеся в ней плоды все до одного попадали на землю. Благо, костюм окутал командиршу, словно кокон, оставив лишь прорези для глаз, носа и рта. Капли дождя скатывались с гладкой ткани, не проникая внутрь. Размером с перепелиное яйцо град отскакивал, доставляя хозяйке чудокостюма неудобств не больше, чем надоедливая мошкара в жаркий день.

Блистали толстые извилистые черви молний. Оглушающим рёвом проносился гром. Град бил растения.

Бежать становилось всё сложнее. Дыхание сбилось, ноги завязали в мокром песке, нарастала усталость. Но о том, чтобы остановиться, не могло быть и речи. Несмотря на сильный дождь, лес занимался пожаром. Вонь палёных листьев и коры била в нос. Просто невероятное везение: ветер был юго-восточным. Мчащаяся на запад Филика молила Судьбу, Удачу и даже ненавистных ей богов, чтобы ветер не менял направления. Покуда её мольбы не проходили даром, но всякое случиться могло. В этой капризной местности ветер запросто мог повернуть на запад, вынудив командиршу прыгнуть в воду. И если она тут же не погибнет от зубов речного чудовища, то уж точно захлебнётся, уносимая стремительным и неумолимым течением.

Силы были не то, что на исходе – их практически не было. Всё, что правило Филикой, это звериный страх смерти. Без него измученные ноги просто остановились бы. Возможно, эта остановка оказалась бы роковой…

Хоть командирша ещё долгое время не верила, бежать ей помогал костюм. Он словно передвигал ноги, вытягивал стопы из песка и держал тело ровно, когда этого не могла сделать Филика.

Только вперёд. Не оборачиваться, не смотреть назад. В голове кровавым комком маячил образ вырванного молнией из тени деревьев зверя. Воображение так и рисовало его, бегущим следом за командиршей. Вот он догоняет её, словно питон обкручивает щупальцеподобными лапами, раскрывает пасть, разящую гнилью застрявшего меж громадных зубов мяса его жертв…

Страх преследования не покидал Филику, злостной пиявкой присосавшись к мозгу. Но обернуться она не осмеливалась. Бежала. Повернувшись, она может сбиться, упасть, потратив драгоценные секунды,

которые будут стоить жизни. А если уж чудовище гонится за ней, то ничто не спасёт…

Деревья, кустарники, трава, земля, река, диковинные звери и птицы, бегущие от пожара – сбивчиво мелькали перед глазами. Стук сердца отбивался в висках барабанной дробью. Жадных глотков воздуха катастрофически не хватало.

БЕЖАТЬ! БЕЖАТЬ! БЕЖАТЬ! БЕЖАТЬ! БЕЖАТЬ! БЕЖАТЬ! БЕЖАТЬ! БЕЖАТЬ!

В глазах начало мутнеть. Всё сливалось, расплывалось, темнело. Последние шаги Филика делала, ничего не видя перед собой. А потом без сил упала на песок. Сладкий, тёплый, ватный флёр беспамятства окутал её своими бестелесными объятьями.

Невозможно сказать, сколько времени командирша пролежала без сознания. Может, всего несколько минут. А может, несколько дней. Но с точностью сказать можно, что разбудил Филику оклик склонившейся над ней Джины.

Шум бьющихся о берег океанических волн приятно радовал слух.

Глава 23: ***Побег***

Лазарет. Серые засаленные простыни, несколько десятков лет назад, возможно, бывшие белоснежными. Электрический светильник, подрезанным яблоком свисавший с закопченного потолка. Тошнотворный запах лекарств и трав. Облупившаяся краска на дощатых полу и стенах: то ли бледно-коричневая, то ли выцветшая красная.

Тартора поместили в комнату «повышенной заразности», как называли её все, кому не лень. В небольшом помещении с одним единственным окном (с наружной стороны защищённом от побега толстой стальной решёткой) стояло вряд пять низких металлических коек с набитыми соломой матрацами. Тартор лежал на ближайшей к окну койке, остальные были пусты.

Конечно, после «смертельной камеры» новая обитель должна была показаться Тартору царским чертогом. Но из-за выедающей лёгкие пневмонии наёмник не мог по достоинству оценить смену обстановки. Долгое время он вообще не понимал, что происходит. Мелькали и вонзались в его тело иглы, ставились пищевые клизмы, какие-то мыслящие в голубых и малиновых халатах с повязками на лице…

Болезнь прогрессировала.

Тартор умирал.

Физическая Боль? Она превратилась в постоянство. Она была нестрашна, поскольку какова жизнь без неё, Тартор попросту забыл. В перерывах между сладким забвением сна, вспоминались верные шакалы. То, во что превратил их Жраб со своими прихвостнями было настолько ужасно, что без слёз об этом невозможно было и думать. Но ничего, вскоре Тартор присоединится к своим любимцам, и всё будет замечательно…

Но у врача – худощавого красно-зелёного драга с фиолетовыми глазами – были совсем другие мысли на этот счёт. Не зная устали, он боролся с болезнью Тартора, не давая держащейся на волосинке душе сорваться в бездну потустороннего мира. День за днём он и его помощники носились над наёмником, словно тот был высокопоставленным политическим деятелем, которого высший свет просто не мог позволить себе потерять. Да что там деятелем, многие врачи бы давно рукой махнули даже будь он таковым – до того болезнь была запущена. И в первые дни она прогрессировала с чудовищной силой! Обоесторонняя пневмония в последней стадии. В девятистах девяносто девяти случаях из тысячи исход болезни был бы смертельным. Благодаря мастерству и упорству врача, Тартор стал тем единственным счастливчиком.

Лекарства и уход медленно и мучительно, но побеждали в борьбе за жизнь. Смертоносный отёк лёгких вначале остановился, а затем начал спадать. Разумеется, для полного излечения нужно было время. Очень много времени. Но главная битва была выиграна.

Палату запирали на ключ. Первое время это не играло и малейшего значения. Но со временем силы начали возвращаться к Тартору с завидной скоростью. Ранее не способный от бессилия подняться с койки, он с каждым днём всё крепче держался на ногах. Правда, болезнь не собиралась уступать так быстро: сил едва хватало пройтись до крайней стены и обратно.

Душа Тартора была полна лютой ненависти. ФИЛИКА! Она получит своё! Она за всё заплатит! Но потом. Не сейчас. Нужно приберечь злость для другого. Жраб Толстый… По нелепой случайности Тартор убил его сына. Это весьма досадное упущение… Но! Во-первых, у Жраба детей с дюжину, так что он особо и не обеднел. А во-вторых, Гирен испотроши его заплывшее жиром брюхо, так ведь нельзя издеваться над мыслящими! Просто нельзя! Те мучения, которые пришлось пройти Тартору, с лихвой окупили его поступок. Но мало того, интуиция наёмника подсказывала, что они – лишь начало…

Вот только бы вновь стали крепки руки, он с радостью вопьётся в шею Жраба! И никто не сможет остановить.

Кроме врачей и персонала, в палату никто больше не входил. Ни один громила Главы сарской охраны за всё время не объявлялся. Видимо, не хотели подцепить заразу. Им ведь Тартор нужен здоровым. Чтобы опять начать выбивать из него дух!

Когда сознание более-менее прояснилось, Тартор начал присматриваться к доктору-драгу. Средних лет. Сухие, длинные пальцы хирурга (или музыканта), узкий разрез глаз и яркая кожа – свойственные восточным драгам, бурое пигментное пятно на половину левой щеки. Висевший на костлявом красно-зелёном теле, будто на вешалке, голубой халат смотрелся как-то неестественно, несуразно. Но больше всего внимание привлекали глаза. Словно два аметистовых кристалла, они притягивали к себе своим холодным мерцанием. Так же просты, как и загадочны, они пронзали насквозь, подобно копью. Они были полны молчаливого интеллекта, недосказанной мудрости,

накопившейся скорби. Оставалось только гадать, сколько преждевременных смертей повидали эти глаза…

Тартор (как в принципе и большинство людей в его родном Бастоне) всегда опасливо относился к расе драгов. Несомненное сходство с предками варанами играло в этом не последнюю роль. Хладнокровные, чешуйчатые, с короткими хвостами и вечным, не до конца перебитым мятой, тошнотворным запахом гнили из зубастой пасти. Неприязнь людей к драгам пускает корни ещё к тем временам, когда богиня Геллиза, с целью насолить бывшему мужу Мастуку, породила из яиц варанов новую расу мыслящих. Вылупившиеся существа были способны мыслить, но звериное начало их родителей ещё не успело скрыться за завесой здравого разума. Обладая силой, интеллектом и звериной злостью, они совершали нападения на близлежащие поселения людей. Чем старше становилась раса драгов, тем глубже хоронилась их звериная суть. Разумеется, страх, посеянный их свирепыми набегами, ещё долго блуждал по людской крови, перетекая из поколения в поколение. С веками, он превратился в прирождённую неприязнь. Многие люди научились её не замечать, многие – нет.

Но как бы Тартор ни относился раньше к драгам, сейчас ничего кроме уважения он не испытывал. Раса достойна глубочайшего почтения, если хоть один её представитель способен на такие чудеса врачевания, которые продемонстрировал доктор драг с пигментным пятном на лице. Наёмник прекрасно осознавал, что обязан ему жизнью.

Досадно было то, что доктор ни при каких обстоятельствах не заговаривал с Тартором. Он молча входил в палату, молча делал свои врачевательные дела и молча выходил, запирая за собой дверь на колюч. И, нужно отметить, его лицо никогда не скрывала повязка, словно он не боялся подхватить смертельную заразу от своего пациента!

Лишь появились силы, Тартор начал заговаривать с доктором. Благодарил его, спрашивал всё, что попадало на ум, рассказывал о своих приключениях, о подлой Филике и неумолимом Жрабе. Драг, безучастно слушая, осматривал его, проверял термометр, осматривал капельницы. При этом ни разу не бросив в ответ и полуслова.

В молчаливом докторе Тартор видел единственного друга в своей нелёгкой, многострадальной жизни. Мысли о том, что доктор просто брезгует заговорить с заключённым, он отметал как крайне вредоносные. Нет уж! Старина драг просто стесняется. Или не может говорить. Хотя нет, недавно Тартор слышал, как доктор приказал медсестре примше принести горчичников. Его сухой гортанный голос показался наёмнику самым прекрасным и родным. Ну ничего, доктор просто не любит лишних разговоров. А вот Тартору есть что сказать! И он будет это делать до тех пор, пока за ним не придут эти подлые и злобные прихвостни Жраба, чтобы вновь засадить в «смертельную камеру» и по новой предать пыткам и унижениям.

Кроме врача, к Тартору каждый день заходили медсёстры. Делали уколы, меняли капельницы, заменяли утки и так далее. Вот они-то не были скупы на

разговоры. Правда, все их речи пламенели негодованием и ненавистью к «подлому убийце». Сколько же вёдер словесных помоев за день они могли вылить на голову бедняги Тартора – даже страшно представить. Должно быть, им и в голову не могло прийти, что «подлый убийца», с каждым днём чувствующий себя всё лучше, попросту может свернуть их шеи, что охотник недобитой дробью куропаткам. Несмотря на слепую ненависть к пациенту, работу медсёстры выполняли качественно и умело. Только это и сдерживало Тартора…

Был ясный солнечный день: из окна лился поток света, в котором тучно плескались пылинки. Ложившийся на стену ярким четырёхугольником с полосами тени от решёток свет медленно сползал к койке Тартора. Странно, к этому времени должны были сделать уже несколько уколов. Но медсестра всё не появлялась. Может, поменяли лечение? Или попросту забыли. Да, вполне возможно, что банально позабыли о бедолаге Тарторе. Должно быть, сегодня дежурство самой злостной тартороненавистницы – пожилой кротихи с дряблым, поеденным язвами носом. Она давно обещалась «поквитаться с дрянным убийцей». Видимо, для неё час свода счётов настал.

Тартор особо и не расстроился. Чувствовал он себя нормально. До полного выздоровления, конечно, как до луны, пусть и ближней… Но по сравнению с тем что было – муравей и слопр!

Тем временем, прямоугольник света прополз по койкам и, уменьшаясь, приближался к окну. Гирен с теми лекарствами: дико хотелось есть! Тартор нервно прохаживался по палате, то и дело дёргая ручку запертой двери и колотя по толстому дереву кулаками. Никто не отзывался.

Жраб приказал возобновить пытки? Это как раз в его стиле…

Но, как выяснилось, ни Жраб, ни один из его сыновей руку к этому не приложили.

Где-то снаружи раздался пушечный гром. Вначале слабый – стреляли далеко – а потом нарастающий, учащающийся, превращающийся в зловещую песнь канонады.

Донеслись крики, обречённые вопли и грохот рушащихся зданий.

– Приехали… – выдохнул Тартор. – Неужто и до неприступного Сара докатилась смертоносная мясорубка?

Тартор ухмыльнулся, представив нелепость своих слов: громадная мясорубка, что он как-то видывал на скотобойне города Скот, катилась по улицам Сара, сминая, круша громады зданий и перемалывая попадавшихся под исполинские лезвия дико визжащих, точно загнанные на убой свиньи, горожан…

Но наобум выбранное слово «мясорубка» очень удачно подходило под описание происходящего.

Тартор выглянул в зарешёченное окно. Всё тот же унылый вид на пыльный тюремный двор и заросшие красным плющом стены. Ничего необычного. А грохот бойни всё нарастал, сея зёрна страха в сердце. На какой-

то миг над забором возвысилось что-то чудовищное, костлявое, холодно мерцающее кровавым светом. Возвысилось и скрылось, что наваждение. Но Тартор готов поклясться: тот острый череп странного существа и трёхсуставчатая конечность были настоящими. Ледяные пальцы страха и отчаяния стиснули сердце. Как бы в подтверждение действенности происходящего, выкрикивая что-то воинственно-обречённое, по тюремному двору пробежали копьеносцы. Они скрылись из поля зрения наёмника. Не прошло и нескольких секунд, как раздались предсмертные вопли. Тартор бы голову дал на отсечение, что вопили только что пробежавшие воины.

Ну что ж, думалось Тартору, всё это, конечно, плохо… Но так этим уродам и надо! Несомненно, на город обрушилась дикая, неудержимая, неведомая смертоносная сила. С ней не совладать простым мыслящим. Да, Тартору, скорее всего, жить осталось не так уж и долго: если сила сметает всё на своём пути (а по крикам, стонам и грохоту рушащихся зданий в этом не было сомнений) то наивно полагать, что громадные блоки тюрьмы, прекрасно заметные издалека, останутся невредимыми. А ведь отвечать за защиту города должен никто иной, как старина Жраб Толстый! Вот и на тебя, мешок злостного жира, управа нашлась! От этих мыслей все страхи и переживания на некоторое время вымыло тёплой волной предвкушения мести, пусть и сотворённой чужими руками или что там у этих монстров вместо рук…

Вихрь мыслей и эмоций постепенно утихомирился и Тартор вспомнил о своей собственной шкуре. Когда совсем недавно тебя вытащили из смертоносных клещей пневмонии, тут же умирать не очень-то и хотелось. Он отошёл от окна, снял с койки одеяло и постелил в углу, подальше от поля зрения из окна. Сел, упёршись подбородком на колени, и принялся жать. Чего ждать? Ну, точно уж не старухи Скуки, которой он снёс дряблую голову у подножья Заколдованных Гор!

Долго ждать не пришлось. Стоило стихнуть воплям «мясорубки» близ тюрьмы, как раздался чудовищной силы глухой лязг. Громадный металлический купол, когда-то служивший крышей соседнего Храма Мастуку, пробил стену у противоположного от Тартора угла, обсыпав наёмника добрым слоем кирпичного крошева. Отряхнувшись и хорошенько прокашлявшись (не стоит забывать, что болезнь до конца вылечена не была), Тартор подошёл к образовавшейся дыре в стене, в которую пролезть мог даже волк, пусть и рахитичный.

Выглянув во двор, Тартор не обнаружил как охраны, так и неведомых ходящих скелетов. Не долго раздумывая, он пустился в бег.

Если есть стена, то должны быть и ворота в ней. К ним-то и направлялся наёмник, позабыв обо всём, вдыхая, пусть и пронизанный гарью и смертью, но воздух свободы! Гром битвы раздавался за спиной. Казалось, что он отдалялся. Если слух не изменял, то сложившаяся ситуация просто была послана богами для побега!

Все мыслящие, попадавшиеся на глаза наёмнику были мертвы.

По дороге Тартору попадались изувеченные трупы солдат: оторванные ноги и головы, расплющенные тела, вывалившиеся из разорванных животов внутренности… Не время думать об уважении к мёртвым: у обезглавленного человека наёмник снял кожаный грудной доспех и пояс с мечом в ножнах, у прима с оторванными руками стянул кожаные поножи, сапоги и сумку с зельями, подобрал копьё, освободив от сжимающей древко оторванной кисти. С точностью сказать нельзя, уж слишком были изуродованы тела, но, кажется, Тартор узнал среди трупов несколько сыновей Жраба…

Бежав к спасению, Тартор уж совсем не ожидал наткнуться на тех, на кого наткнулся. У стены холодным металлическим блеском сверкала низкая клетка. Но не сама клетка до слёз обрадовала наёмника: в её тесноте были заточены три шакала! Да, именно его три шакала: Бон, Мона и Мон! Завидев хозяина, донельзя исхудавшие зверьки зашлись таким радостным лаем, что даже самый чёрствый на всём Главном Материке мыслящий, увидев эту картину, не удержался бы от слёз. Вложив всю накопившую злость за время страданий, Тартор мечом снёс замок на клетке.

Радости как шакалов, так и их хозяина не было конца! Неистово скуля, зверьки прыгали на рыдающего от счастья Тартора и лизали в гладящие их руки. На какое-то мгновение наёмник забыл всё. Не было ни заточения в «смертельной камере», ни чуть было не выевшей из него жизнь пневмонии, ни подлой предательницы Филики, пустившей его жизнь под откос… Был только миг неземной радости и счастья! Были его друзья! Они были! Мстительный Жраб врал: мясные лепёшки оказались из любого другого мяса, но точно не из шакальего! Тартору даже на ум не могло прийти, зачем Жраб оставил шакалов в живых. Да и не хотелось гадать. Главное, они сейчас здесь, и с ним. Пусть их глаза в полу-безумии от голода, а их тельца похожи на обтянутые кожей скелеты – всё равно они живы! И никто теперь не отнимет их у него. Тартор лучше сложит голову, чем даст своих любимых зверьков опять в обиду…

Гром возобновившейся канонады вернул к ужасающей действительности. Нужно бежать и как можно быстрее. К спасению.

Но изголодавшиеся шакалы были другого мнения. Они следовали за хозяином недолго: остановились у первого попавшегося на пути тела и принялись есть…

Отвращение и жалость переполняли Тартора. Он хотел было накричать на жадно раздиравших дражью плоть зверьков, но передумал. Присмотрелся и замер от чудовищной грусти: это был труп врача. Того самого, который не пустил в потусторонний мир душу Тартора…

Наёмник не сдвинулся с места, дожидаясь, пока шакалы набьют утробы.

Довольные и сытые Мона, Мон и Бон бежали чуть позади хозяина. Их глаза светились преданностью и счастьем.

Добегать до ворот так и не пришлось: в стене зияла громадная дыра. Пробежав через неё, оказавшись по ту сторону тюремных владений, Тартор испытал такое дикое чувство облегчения, какое ощущает не каждая бабочка, вылезшая из кокона и впервые воспарившая в небо.

Город был в огне. К небу поднимались зловещие столбы чёрного дыма.

Расслабляться рано. Путь к Южным Воротам Тартор худо-бедно представлял себе. Но это не значит, что на пути ему никто не встретится. Так оно и случилось. Прямо у поваленных ворот топтался чудовищный скелет древнего существа. Глядя на его разительно отличающееся от всех известных наёмнику строение костей и черепа, можно только с ужасом предположить, каким же уродливым и страшным было это огромное существо при жизни. При жизни! Гирен всё раздери! Какого рожна эти светящиеся кровью треногие скелеты вообще ходят?!

Словно поймав струю перепуганных мыслей Тартора, древний скелет обернулся и устремил на наёмника полный злобы и ненависти взгляд сквозь четыре пустые глазницы. От этого взгляда душа Тартора (да, именно душа!) замерла в мёртвенном бездействии и испуге. Словно загипнотизированный взглядом питона крысон, Тартор глядел на приближающуюся погибель. Он не был в состоянии пошевелить и пальцем. Обмочившиеся от страха шакалы, дрожали точно так же как и хозяин, не смея отвести глаз от скелета чудовищного прошлого Материка.

Громкий хлопок выстрела. Ядро прошило толстое ребро существа навылет. Оцепенение тут же спало. Тартор смог разглядеть двух бойцов: один, тот что люрт, держал в руках мортиру; второй – заталкивал в её ствол новое ядро. Странно, но у одного из них было до боли знакомое лицо. Тартора словно крапивой по лицу хлестнуло: так ведь это один из «детей» Вика Носолома!

Издавший чудовищный вопль скелет двинулся на стрелявших.

Воспользовавшись ситуацией, Тартор выбежал через ворота. Страх нёс его прочь из проклятого Сара. Как можно дальше. К эфемерному спасению…

Наёмник выбился из сил, отмахав добрые пять километров. При его подорванном здоровье и постоянном недоедании: это расстояние можно было считать спортивным подвигом.

«А я ведь так и не узнал, как звали того доктора драга…» – промелькнула щемящая мысль в голове Тартора перед тем, как он провалился в долгий и глубокий сон. Без снов.

Глава 24: ***Могущество Природы…***

– Ты чего это на меня так смотришь? – первое, что пришло спросонья на ум Филике.

– Да так… – смутилась Джина. – Думала, что никогда больше не увижу твою рыжую башку.

– Должно быть, уже обрадовалась… – сострила Филика и приподнялась на локтях. – Мы в потустороннем мире, да?

– Не знаю, нет, наверное… – пожала плечами Бабочка. – Если потусторонний мир точь-в-точь похож на Пустой Материк, то возможно…

Филика поглядела на клубы чёрного дыма, возносящиеся к кровавому зареву над лесом. На фоне зловещей каменной громады Вулкана ненависти это выглядело ужасающе.

– Кажись, пожар ещё длится, – она потянула носом: – Воняет паленым.

– Уже только тлеет, догорает, – сказала Джина. – Ты не видела ещё, какой он был во время грозы: языки пламени лизали дождевые тучи! – Джина сама удивилась поэтичности своего высказывания.

– Это я-то не видела? – завелась Филика. – А, по-твоему, откуда я спасалась бегством? Из него, родимого, из леса! Ты эти языки пожара со стороны видела, а они мне пятки и спину лизали! И уроды! Как много в том лесу уродливых и страшных созданий! Как же я их ненавижу! Надеюсь, костёр здорово прожарил их мерзостные морды!

– Ух… – виновато вздохнула Джина.

– Я в том лесу чуть заживо не сгорела, – не унималась командирша. – Не говоря уже о том, что тот уродливый зверь, – перед глазами выплыла пережитая чудовищная картина: вырванное блеском молнии из тени деревьев чудовище с тупорылой пастью и полным отростков мешковатым брюхом, четырьмя зловещими огнями глаз смотрящая на неё, – мог запросто изодрать меня на мелкие клочки!

– Ладно, ладно, успокойся, – Джина сделала примирительный жест руками. – Ляпнула я, не подумав. Ты уж прости, если задела твои нежные чувства и всё такое… Но может мы делом займёмся? Ты как, способна ходить?

Филика молча поднялась на ноги, прошлась, присела несколько раз:

– Да вроде бы нормально себя чувствую. Усталости почти нет. Руки и ноги работают нормально. В голове, правда, лёгкий звон – так ведь он у меня частенько…

– Вот и чудно! – подытожила Джина. – Будем тогда ловить рыбу.

– Рыбу? – выпучила глаза Филика. – Какую ещё рыбу?

– Обычную такую рыбёшку, что плавает, у неё ещё плавники есть и чешуя… – ухмыльнулась Джина.

Филика в ответ посмотрела таким пронизывающим взглядом, что лукавая улыбка Джины тут же сошла на нет.

– Тут мелководье, – Джина неопределённо махнула в сторону океана. – Вода, правда, холоднючая, зараза… Зато рыбы, крабов, креветок и прочей живности предостаточно. Нужно только приложить немного усилий!

После этих слов Филика обратила-таки внимание на внешний вид Джины: Бабочка была босая, с подкатанными выше колен штанинами, в сорочке с оборванными рукавами и замотанной тряпкой головой. Невдалеке из песка торчало деревянное копьё, а под ним две тряпки, подозрительно похожие на рукава сорочки. Под тряпками что-то шевелилось. В животе сильно засосало, и командирша поняла, что невыносимо хочет есть.

– Ты здесь одна? – последовал логически вытекающий вопрос Филики.

– Нет, мы очутились на берегу, во-он за теми скалами, – Джина показала на гряду невысоких остроконечных скал в южной стороне берега, громадным

слизнем (так, по крайней мере, показалось Филике) выползавших из леса и каскадами спадающих до вод Вечного Океана. – Все вместе. Ну, без тебя только. Думали, ты погибла…

– Рада вас разочаровать! – фыркнула Филика.

– А я как рада быть разочарованной! – повеселела Джина и (какая дикость!) крепко обняла Филику, поцеловав в щёку и губы.

– Ты чего это? – смутилась Филика и выскользнула из дружеских объятий.

– Ох, ты уж прости меня, дурочку, – спохватилась Джина. – Просто… Просто рада тебя видеть и всё!

– А я просто умираю с голоду, – призналась Филика.

– Так чего ж ты молчала? – засуетилась Джина. – Я как раз немного наловила.

Бабочка принялась копаться в связанном с одной стороны рукаве – неким подражанием сумки для добычи. Внутри «сумки» что-то дико забилось. Немного усилий, и в руке оказалась рыбина, искрящаяся зеленоватой чешуёй на солнце. Несмотря на сквозную рану от копья, она была жива, жадно глотала широким ртом воздух и время от времени пыталась выбиться из рук.

– Держи, её можно есть сырой, – Джина протянула рыбину командирше. – В таких рыбах паразитов и всякой другой заразы почти не встречается…

Какие паразиты, какие заразы?! Нету до них дела разрывающемуся от голода желудку! Филика хищно вонзила золотые клыки в зеленоватый бок бьющейся в неравной борьбе со смертью рыбы. Жадно жуя и глотая вкусную мякоть вместе с твёрдыми и острыми чешуйками, командирша чувствовала, как её тело наполняется силой.

– Ты бы хоть чешую почистила… – скривилась Джина.

Филика ничего не ответила. Она была слишком занята трапезой.

Спустя некоторое время, обе девушки ходили по колено в мелководье и собирали «дары океана» острыми деревянными копьями (Джина обтесала ножом ещё одну палку).

Как этого и следовало ожидать, уже давно затянувшийся на стопах наподобие удобных мокасин с твёрдой непробиваемой подошвой, костюм Филики не промокал. Командирше стало грустно от мысли, что всю жизнь будет вынуждена носить на себе эту вторую кожу. Да, она защищает от дождей и градов, от холода и палящего солнца, влаги и огня, каким-то непонятным образом моет тело… Но иногда ведь так хочется ощутить на коже прохладное дуновение ветерка, окунуться в бодрящий холод лазурной воды океана, ощутить на губах его соль…

Словно услышав грустные мысли хозяйки и сжалившись над ней, костюм треснул в стопах, спине, груди, рукавах и шелковистыми лоскутками пополз к поясу. Холодная вода приятно обожгла ноги, зенитное солнце ласкало бархатистую кожу. Образовалось что-то вроде набедренной повязки. Кроме этой повязки на Филике больше ничего не было.

– Ты их чем-то мажешь, чтобы такими упругими были? – завистливо разглядывая подругу, не удержалась от вопроса Джина.

– Их? – Филика невольно прикоснулась к грудям. – Да я забыла, когда в последний раз в руках гребень держала! А про них – так вообще запамятовала, что есть они, дыньки мои спеленькие. Кстати… и вправду, неплохо…

– Мужиков, наверное, роями возле тебя, – заключила Бабочка, позабыв о ловле рыбы и обжигающе холодной воде.

– Мужиков? – Филика со всей силы ткнула копьём в воду. – Да ну их, кобелей этих! Держи вот лучше, – она протянула Бабочке древко с бьющейся на острие камбалой, – хочу окунуться.

– В такой-то холод? – задала риторический вопрос Джина, запихивая в сумку из рукава плоскую рыбину.

Филика плюхнулась в солёную океаническую воду. Нагретое горячими лучами солнца стройное тело обожгло мокрым холодом. И до чего же был приятен этот контраст! Командирша проплыла под водой несколько метров, вынырнула. Из стягивающей кожу прохлады ворвалась в жаркое царство палящего солнца. Лёгкий ветер прохладно обдувал лоснящееся солёными каплями тело. И если бы полный йода воздух не отдавал гарью тлеющего пожара – было бы вообще прекрасно!

Замлевшую от наслаждения Филику на землю вернула Джина:

– Накупалась? Нужно рыбу ловить – остальные есть хотят.

– Как это мило: столько мужланов, а за едой послали одну тебя, – фыркнула Филика, приняв из руки Бабочки копьё. – Почему я не удивляюсь?

– Откуда такая ненависть к мужчинам? – спросила Джина, не забывая держать копьё на взводе и высматривать добычу. – Даже я к ним уже не так плохо отношусь: что ни говори, а среди скопища моральных уродов порой и порядочные мужчины попадаются. Тот же Дрим! Да вообще, все из нашего отряда – замечательные представители своего пола. Разве что Кич немного с приветом… А твои спутники, кажись, тоже неплохи…

– Мои-то? – ухмыльнулась Филика, блеснув на солнце золотом клыков. – Они для меня – бесполые. Так, надёжные соратники, подчинённые. Были, по крайней мере… Тос, вон, вышел из подчинения. О Тарторе ни слуху, ни духу. Наверное, погиб от лапищ тех дрянных скелетов, если ума не хватило ноги унести – он ведь так и остался ждать нас у подножья Заколдованных Гор… Моррот. Старина крот… Что мы с ним вдвоём сделать сможем? – командирша тяжело вздохнула. – Эх, конец славному отряду Ищеек Смерти…

– Вот как… – рассеяно ответила Джина и резко опустила копьё. – Попался, засранец!

На конце заострённой палки дико извивал щупальцами небольшой осьминог.

– Как ты его разглядела? – удивилась Филика. – Я там ничего и не видела!

– Эти гады хитрючие, – возбуждённо сверкая глазами, объясняла Джина, – зарываются в песок, заразы, что и не видно их почти. Но от моего глаза ничто не уйдёт! Кстати, что ты там говорила до этого, я прослушала?

– Да ладно, забудь, – погрустнела и тут же ободрилась Филика. – Лучше расскажи, чего это тебе Кич не по душе пришёлся?

– Вот не знаю, хоть убей! – Джина перевела взгляд с собеседницы на обречённо извивающегося на острие копья осьминога и торжествующе поглядела на Филику. – Вроде бы он нормальный себе парень… Но что-то в нём есть такое, такое, – она защёлкала пальцем, – даже не знаю как сказать… В общем, он мне просто не нравится. Может быть, даже физически. Хотя за несколько лет знакомства Кич сотню раз выручал меня. Но всё же… Не знаю даже…

– Видимо, ты просто примов не переваривaешь, – решила Филика. – Ничего, это не страшно. Я, к примеру, драгов недолюбливаю.

– Да кто ж этих вараноголовых долюбливает? – спросила Джина, деловито снимая издохшего осьминога и ложа его в «сумку».

– А вот мне ваш Кич вполне нормальным кажется, – призналась Филика и подняла со дна большую, блестящую перламутром раковину. – Мне больше этот железный не нравится.

– Лароус? – совсем не удивилась Джина. – Да, он выглядит, мягко сказать, странно…

– Очень уж мягко сказать, – поправила Филика и выбросила раковину обратно в воду. – Механическая глыба металла. У меня от него мурашки по коже. А шуточки его…

– Да, он любит вспоминать свои былые дни, – не смогла скрыть улыбки Бабочка. – Не забывай, что раньше он был уж очень завидным женихом. Женщины по нему кипятком писали.

– Типичный мужлан! – рявкнула Филика.

– Да как сказать… Мы с ним об этом частенько говорили, – стала в защиту Ларoуса Джина, – и что тебе скажу: не такой уж он и мужлан. У него было много женщин и, зачастую, сразу. Но с каждой он обходился до того бережно и трепетно… Каждая его любовница просто тонула в роскоши и внимании. И к каждой женщине он находил свой подход, каждую ублажал и учитывал все её предпочтения, – вдруг лицо Джины исказилось от гнева: – Не то, что тот кретин Санто!

– Хм… – хмыкнула Филика. – Смотри, какая креветка здоровая ползёт!

Джина тут же проткнула копьём ползущее тёмно-зелёное существо с клешнями:

– Не, эт не креветка – омар.

– А знаешь, – начала было Филика, но тут же пришлось закончить: её вырвало. Кусочки не переваренной рыбы и чешуи плавали на взбаламученной водной ряби.

– Что с тобой? – взволновалась Джина.

– Ничего, всё нормально! – огрызнулась Филика. Её покрасневшее лицо заливали две полосы слёз.

– А ну пошли на берег, дорогая, – Джина взяла командиршу под локоть, но та нервно вырвалась, выронив копьё в воду. Оно так и осталось там плавать.

– Всё нормально я тебе говорю, дура тупая, любительница металлических идиотов, слабоумная! – разразилась оскорблениями рыдающая Филика.

– Нет уж, родная, пошли на берег, в тень, – не отступила Джина и крепко схватила Филику за запястье. Лицо командирши было раздражённым и злым, словно у непослушного ребёнка, получившего оплеуху за плохое поведение. Вяло сопротивляясь, но крепко, что матрос дальнего плаванья, ругаясь, она шла следом за тянущей к берегу Джиной.

Бабочка усадила Филику в тени широколистного дерева. Дождалась пока та успокоится и вытрет слёзы.

– Отец, я так полагаю, четвёртый член Ищеек, как его… Тартор? – поразила своей догадливостью Бабочка.

– Тартор? Этот мешок желчи? Если бы он. Ох-хо, если бы это был он а не… – Филика вновь разрыдалась, да так горько, что Джина сама не смогла удержать слёз.

– Так, подружка, успокойся, перестань, – утешала, вытирая свои и её слёзы Бабочка. – Ничего страшного ведь не случилось. Ты беременна. И даже если отец самый последний негодяй на Материке – тебе-то какое дело? Ты родишь прекрасного, здорового ребёнка и воспитаешь его как сама того захочешь. Это ведь замечательно. Мы с Дримом уже третий год не можем зачать ребёнка…

– Да, а если отец… – Филика осеклась. Набедренная повязка вновь расползлась по телу лоскутками, вновь превратившись в костюм, больше похожий на слой второй кожи. – Нет, я не выдержу этого! Я так и знала! Гирен бы изодрал моё лоно! – она вновь горько разрыдалась.

– Ну перестань, перестань, глупенькая, перестань, – шептала на ухо и гладила волосы подруги Джина.

– Нет, не выдержу, нет, – повторяла Филика. Её лихорадило.

– Я была бесплодна… – заговорила, чуть успокоившись, командирша. – Я ведь не могла забеременеть… Как такое могло произойти? Как?!

– На всё воля богов, – пожала плечами Джина.

– Богов! – что бочка пороху взорвалась Филика. – Воля богов! Да будь они все прокляты!

– Да тише ты! – осадила её Джина. – Нельзя так говорить…

– Нельзя говорить? – в заплаканных глазах Филики сверкнули молнии ярости. – А хочешь знать, чьё семя дало росток во мне? Хочешь? Это он подарил мне этот живой костюм, а взамен – изнасиловал! Это был Арахк, бог пауков! Это его ребёнка я буду носить у себя под сердцем!

Джина испуганно посмотрела на Филику. Потом села рядом с ней, обхватив поджатые к груди колени. Долгое время они просто молчали, глядя на мириады солнечных бликов на рябящейся от ветра океанической шири.

Слёзы высохли. Душевных сил на новые просто не оставалось. Ледяной комок обречённости намертво засел в сердце Филики. Молчание нарушил тихий, нерешительный голос Джины:

– Наши ждут еды…

– Что? – оторвалась от мрачных раздумий Филика. – Ах, еды… Да, нужно ещё ловить…

– Нет, этого вполне достаточно, чтобы скрасить наш вегетарианский рацион, – отмахнулась Джина. – Рядом с лагерем растут кусты спелой ежевики, кокосовые пальмы и фиолетовые деревья с продолговатыми плодами – вполне даже съедобными. Тона недавно насобирала их целую кучу.

– Должно быть, это те самые плоды, что я ела в лесу, – кивнула Филика и, как успокоившийся ребёнок после истерики, утёрла рукой нос. – Вполне съедобны.

– Ты как себя чувствуешь? Идти сможешь? – спросила Джина.

– Чувствую… словно душу кто-то пропустил через кровавые жернова разбитых надежд, – Филика сама не ожидала от себя такого красочного сравнения. – А так – вполне даже нормально. Идти могу, безусловно.

– Вот и славно, – выдохнула Джина.

Они отправились в путь. Джина впереди, показывая дорогу; Филика за ней: понурившись, еле-еле перебирая ногами. Тянущиеся из глубокого леса до воды скалы пришлось обходить по океаническому мелководью. По дороге Бабочка ловко насадила на остриё палки зелено-чешуйчатую рыбину.

Обогнув гряду скал, девушки вышли на песчаный пляж, полный выброшенных к берегу ракушек и причудливых раковин. Вдалеке виднелись навесы из широких листьев и суетящиеся вокруг мыслящие. Пепельно-шёрстный волк вглядывался в сторону подходящих.

– Говоришь, лагерь здесь разбили? – спросила Филика.

– Ну да, а что ещё делать было? – глаза Джины загорелись. – Очутились на Пустом Материке без какой-либо надежды вернуться назад. Отдышались, оплакали Камоорна и, ты уж извини, тебя тоже оплакали…

– Не обижаюсь, – отмахнулась Филика. – Я и сама не надеялась, что с вами увижусь. Ну, и дальше что?

– А дальше-то что делать? – глаза Джины сверкнули хищным блеском. – Смертоптица разрушена, из земли вырвались скелеты древних чудовищ. Что сейчас они творят на Главном Материке – страшно даже представить. Но каким бы не было удручающим положение, руки опускать нельзя! Тебе-то и без меня это известно: вон, из леса горящего вырвалась. Небось, хлебнула ты там лиха… Ну а мы? Не сооружать ведь хлипкий плотик и отправляться на верную погибель в коварных течениях Вечного Океана? И уж точно не в лес идти, с чудовищными зверушками, о которых ты недавно говорила, знакомиться. А ещё хуже – панике поддаться и умереть от какой-нибудь глупости вроде ночного холода или укуса ядовитого насекомого. Хотя от скорпионов и пауков никто не застрахован… Что оставалось делать, чтобы выжить? Бороться! Вот мы и взялись за постройку лагеря. Первую ночь

пришлось провести под открытым небом – ничего толкового построить не удалось. Солнце закатывалось, все были уставшие и измученные: работа не спорилась. После того, как первый шалаш, не простояв и десяти минут, распался, решили отложить всё до утра. Благо, хоть съедобных плодов в достатке оказалось. Правда, с пресной водой проблемы были, пока ручеек не нашли в лесу. Теперь за ней по очереди ходим и в скорлупы кокосов набираем…

Рассказывая всё это, Джина и не заметила, как перед ними появился Бирюк. Выглядел он измученным и уставшим. Излизанная шерсть клочками торчала в разные стороны. Он сдержанно поприветствовал Филику и сообщил, что ни на миг не сомневался в её безопасности. По его уверенному рыку и тявканью было ясно: такая хитрая человеческая женщина как командирша нигде не пропадёт!

Остальные приветствовали Филику не скрывая радости. Лароус бесцветным голосом произносил такие пламенные речи, которым позавидовали бы многие картские поэты. Кич всё лез обниматься. Тона радостно махала хвостом, не в силах скрыть счастливой улыбки. Брок был сдержанней своей жены, но глаза его сияли. Моррот весь аж выпрямился, приосанился, словно помолодел. Тос первым после Бирюка подбежал к командирше: обнял всеми четырьмя руками и расцеловал, после чего смутился и виновато потупил взгляд. Он и Кич выглядели, как и Бирюк, вымотанными и взъерошенными. Последним приветствовал Дрим: он вылез из недостроенного навеса обильно притрушенный деревянной стружкой и пылью.

– Очень рад тебя видеть, – заговорил он, струшивая стружку. – Хоть магическое существо мне и говорило, что ты в безопасности, всё равно лучше убедиться в этом собственными глазами.

Филика кивнула. Её лицо было белее извести. Ноги подкашивались от усталости.

– Так, насмотрелись? Теперь возвращайтесь к работе! – рявкнула подхватившая её за локоть Джина. – Не видите, что Филика устала? Ей пришлось пройти тяжёлый путь. Всё это время она блуждала по лесу: не зная отдыха и хорошего сна. И во время пожара она тоже была там… А вы в это время отлёживались на безопасном бережке! Оставьте девушку в покое! Пусть отдохнёт.

С Бабочкой спорить никто не стал. Мужчины, кроме Тоса, вернулись к постройке домиков: к уже сооружённым навесам они пристраивали срубленные стволы деревьев – чем не стены? Тона с Тосом отправилась собирать кокосы. Прим с лёгкостью забирался на верхушки пальм и сбрасывал спелые плоды на песок. Люртша без промедлений их подбирала.

Джина уложила Филику на навал мягкого мха в тени навеса, ещё незатронутого превращением в домик. От еды командирша отказалась. Её бил озноб. Бабочка побежала к ручью набрать холодной воды для компресса. Вернулась – Филика уже спала. Будить её Джина не стала.

Шесть отвратительных шарообразных глаз отражали шесть образов Филики, окаймлённых светом вздрагивающих на ветру факелов. Волосинки на хитиновом панцире жирно блестели. Человеческие руки поглаживали паучье брюхо. Между голых ног то поднимался, то спадал громадный половой орган.

– Я люблю тебя, моя прекрасная, моя ненаглядная, – сладким вкрадчивым голосом заговорил Арахк.

Все шесть лиц в отражении его глаз приняли гневные черты.

– Не надо злиться, моя дорогая, не следует этого делать, – жвала Арахка виновато дрожали, – ты думаешь, я хотел обидеть тебя, но это совсем не так. Я уже люблю тебя, понимаешь? Люблю…

Гнев всё держался на лицах девушки. Но на долю секунды в их глазах проблеснуло сомнение.

– Должно быть, ты всё гадаешь: чего это я говорю с тобой так… красиво? Да, в вашем бренном мире я говорю голосом, от которого твоё сердце замирает в страхе, а волоски на коже становятся дыбом. Но ведь мы сейчас в мире снов. Понимаешь, он совсем отличается от вашего. И поверь уж мне, он сильно отличается от потустороннего. Ты ведь успела посмотреть на мой мир. Все твои спутники успели тоже, когда провалились в его дыру и вынырнули здесь, в безопасности. Этого нельзя было делать, но мне наплевать на какие-то запреты Мастука или Геллизы. Я никому не подчиняюсь. Я сам себе король.

Я говорю с тобой так, как тебе приятно бы было слышать. И речи мои услащены лишь для того, чтобы ты не боялась меня слушать, моя прекрасная, моя дорогая…

Лица с ещё большей силой залила багровая краска ненависти и злости.

– Да нет же, тебе трудно понять. Я не лгу тебе. Но говорю не своими речами. Разве так трудно? Ах да, я и забыл, что ты пока ещё смертная…

Злость вмиг прошла. Лица вопросительно глядели.

– Мы в мире снов. В нём все равны: и боги и смертные. Ведь могуществу сна подвластен каждый. А я уже люблю тебя… Ваш мир слишком сложен, чтобы его понять. В его ветхой бренности, хлипкой, разрушаемой, умирающей и в то же время вечной жизни таится непостижимая мною загадка. И благодаря тебе я приблизился к её решению как ещё никогда. Я заставил себя полюбить тебя. И эта любовь – ключ!

Лица вновь исказились в гневе. Их хозяйка топнула шестью правыми ногами.

– Тебе просто трудно понять бога. Я прощаю тебе это. Ведь я уже люблю тебя. Я вижу, как в твоей голове ползают одни и те же паучки вопросов. Поверь мне, это было неизбежно. Я специально дал твоему спутнику – моему замечательному гостю – испорченную паучью кожу. И ты легко отправила его душу в мой мир – ты прошла первое испытание. Но одного испытания мало. Поэтому я помог ничтожному смертному, которого вы звали Парфлай, совершить заклинание. Без моей силы он бы не смог вернуть несъедобные души в остатки их высохших тел. Но с этим заданием

ты не справилась, поэтому я отправил тебя сюда. В помощь я сохранил твоих спутников. Новое испытание ты пока не прошла до конца. Но начало хорошее. Ты ведь должна доказать своё право быть со мной. Хочешь ты или нет, – здесь и без того потерявший всю приторную сладость голос Арахка повысился и прозвучал грозно и страшно, – ты полюбишь и меня! Твоё лоно взрастит моего сына: порочно зачатый Миром Вечности с Миром Бренности! Он будет разгадкой!

Глаза отражали все шесть спин бегущей прочь Филики. Но убежать далеко не получилось: повсюду были стены, сотканные из паутины.

– Ты бежишь от меня? Или от себя? От своего предназначения? Ха-ха-ха! – громовой голос бога пауков рвал душу на мелкие ошмётки. – Никуда тебе не деться. Эти стены создал не я. Их воздвигла ты сама! Мне не нужно ничего делать: твои страхи делают всё за меня…

Филика закричала. Дежурившая у лежанки Джина обняла её:

– Успокойся, всё хорошо, не забивай себе голову «им», не надо. Он, пусть и бог, но этого недостоин…

Сутки напролёт Филика пролежала в беспамятстве. Её рвало, лихорадило. О том, что творилось в её истерзанной душе, не подозревал никто. Разве что Джина...

Ночь наступала мгновенно, настигая врасплох не успевших к ней приготовиться. Но не так-то просто природе застать врасплох опытных путешественников под предводительством Дрима Плувера Младшего! Развели костёр. Большинство домиков были готовы. Соорудить лежанку из листьев и мха – дело десяти минут. Ночью вполне тепло, так что переживать по поводу тёплых одежд не приходилось. И если бы не прожорливые москиты, не боящиеся дыма от костра, – вообще прекрасно бы всё было.

Но не одни москиты являлись кусачей проблемой. От свирепых укусов невыносимо страдали Бирюк, Тос и Кич. Местные блохи, вши и клещи не преминули забраться в их густую шерсть. Днём Тос и Кич то и дело отрывались от дел и вычёсывали друг друга, что те обезьяны. Бирюк к себе никого не подпускал: сам выгрызал кровососущих насекомых. Но что потуги примов, что отчаянные попытки волка – всё без толку. Они даже все втроём пытались утопить паразитов в ледяной воде Вечного Океана. Но только сами намёрзлись и без особых результатов поплелись на берег. Если какие твари и утонули, то на их место с ещё большим остервенением пришли новые. Ночью дела обстояли куда хуже. Уснуть практически не удавалось. У всех троих от укусов тела дико зудели. Если и выпадала возможность провалиться в сон, то только очень тревожный и короткий. И когда такое происходило, то сновидения находили до того отвратительные и мерзостные, что хотелось и вовсе не засыпать. Пробуждался каждый, разумеется, в ужасном настроении.

Остальных, как это ни странно, нашествие блох, вшей и клещей обошло стороной. Хотя короткая шерсть Моррота или волосы на голове (и в других

частях тела) любого – просто идеально бы подошли для подлых кровососательных делишек.

Четыре дня Филика пролежала в бреду. Всё это время над ней дежурила Джина: ставила компрессы, поила водой, отварами лечебных трав и растёртой кашицей мякоти плодов. Благодаря её самоотверженной заботе, к пятому утру командирша смогла подняться на ноги. И ещё как: тут же пустилась помогать Тоне собирать кокосы и ежевику, игнорируя все запреты Ночной Бабочки.

Филика чувствовала сильную слабость, но о том, чтобы полежать ещё хоть сколько-нибудь – она даже не хотела и слышать. Уж належалась предостаточно! И чем больше она работала, тем чётче ощущала, что болезнь покидает её. Подорванная сила воли вновь начала возвращаться. А вместе с ней, возвращалось и здоровье.

Вконец утомившись от труда, Филика решила отдохнуть на берегу, в тени пальмы. Стоял обеденный зной и лагерь был пустынным: большинство прятались от палящего солнца в домиках. На противоположной от берега стороне лагеря виднелся Бирюк: он лежал в тени папоротников и неистово выгрызал кровопийц.

Обидевшаяся на «глупую, непослушную и неблагодарную» Филику, Бабочка делала вид, что разглядывает перламутр громадной ракушки. А на самом же деле, только и косилась на командиршу. Они случайно встретились взглядами, и трудно сказать, чего было больше в глазах Джины: обиды или радости за начало выздоровления подруги. Некоторое время они напряжённо глядели друг на друга. Филика улыбнулась. Джина улыбнулась ей в ответ. И тут же забылись все обиды. Сейчас они казались такими глупыми и надуманными, что Бабочке даже стало смешно.

Взявшись за руки, девушки отправились на берег, в тень громадной пальмы с волокнистой тёмно-зелёной корой и жёлтыми листьями. Болтать и любоваться бликами солнца на пенящихся волнах океанического прибоя.

Джина говорила без устали: столько всего произошло, пока Филика находилась в беспамятстве! Были достроены домики, но это и так видно. Из тонких лиан сплели сеть и улов рыбы возрос многократно. Мало того, Брок успел переругаться с Тоной: она, видите ли, взялась вычёсывать вшей из шерсти Кича! Люрт был вне себя от ревности! Как ведь всё-таки глупо это со стороны смотрелось: бедняге Кичу пришлось вскарабкаться на самое высокое дерево и провести там с добрую половину дня. Ослепший от глупых домыслов Брок караулил его внизу. Пришлось усмирять всей толпой. А попробуй-ка, усмири хвостато-рогатого великана почти в два с половиной метра ростом! Оружие тут не применишь. Ох он вырывался, ох брыкался и бодался… Раз десять его усмиряли и столько же раз он выкручивался и бежал к дереву, на котором сидел бедолага Кич. Ну не жертва ли необоснованной ревности? К вечеру пыл Брока остыл, и великан позволил себя скрутить окончательно, пообещав загнанному Кичу, что не тронет и «хвостом». Весьма странное обещание, как на взгляд Джины. Но действенное – Брок больше не нападал на Кича. Зато с Тоной он долгое время не разговаривал. А если и ронял словечко,

то уж такое кислое, что зубы у всех сводило! Вот только вчера они вроде бы и помирились. Да так, без лишних разговоров (что и немудрено для люртов). Брок проснулся посреди ночи и пошёл в их домик, где в одиночестве спала Тона. Джина тогда как раз не могла заснуть… В общем, так они и помирились – по первой мужской прихоти. Была бы Джина на месте Тоны – ни за что не простила так быстро! Филика согласилась полностью.

Кроме этого, случилось ещё много интересного. Бирюк, к примеру, принёс из леса тушу странного шестилапого зверя с белой шерстью. Его мясо было жестковатым и жилистым, но вполне даже съедобным. Шкуру Дрим постелил на пол в их домике. Шестишерст? А что, вполне даже хорошее название дала командирша зверю! Джине нравится!

Два дня назад Лароус чуть не взлетел на воздух. Да, именно так! Он откопал в слое земли и опавших листьев леса кусок застывшей лавы. Не стоит забывать о Вулкане Ненависти, который периодически ровняет весь этот лес с землёй – заливая лавой и засыпая чудовищным градом раскалённого пепла. Так вот, ему, шестерёнчатая его башка, захотелось «попробовать этот вулкан на вкус». Он забросил найденный кусок в свою грудную печку. Прежде чем мы успели что-то сообразить, произошёл взрыв. Благо, ему хватило-таки мозгов или чем он там думает не закрывать крышку печки: основная сила взрыва вышла из отверстия. Закрой он её – последствия бы оказались уж слишком плачевными. А так – только закоптил себя хорошенько, что потом целый день отчищался.

С подчинённым Филики Морротом, кстати, тоже случился казус. На следующее утро, как нашлась командирша, он ушёл в лес на охоту. Целый день все были заняты усмирением разбушевавшейся ревности Брока. Куда там о чём-то другом думать? К вечеру Брок утихомирился и все спохватились: крот не вернулся в лагерь. Но паниковать не стали: предположили, что он просто зашёл далеко и решил переночевать в лесу. Да даже если бы и запаниковали, всё равно ночью в неизученный лес идти на поиски – занятие гиблое. Разве только Бирюку под силу. Но измотанный бессонными ночами и укусами паразитов волк стал слишком озлоблённый и нервный. Даже Дрим не решился к нему подходить с просьбой. Утром тревога усилилась: крота всё не было. Тут уж выбора другого не осталось: хочешь, не хочешь, а идти на поиски надо. Охранять лагерь остались Кич и Тос. Да и толку бы от них было мало: измученные, не выспавшиеся, злые… Правда, Бирюк пошёл с нами. И от него как раз польза была самая большая. Запихнув всю ненависть к паразитам на теле в сундук силы воли, волк взял след. Всем остальным только и оставалось, что следовать за ним.

Уже к обеду Моррот нашёлся: заточённый в кольца здоровенного питона с кроваво-красными пятнами на жёлто-зелёной чешуе. Одна рука крота была скрыта в объятьях змеи полностью. Вторая – по локоть. Когти свободной руки вонзались в закрытую челюсть питона: змея была жива, но раскрыть пасть и проглотить добычу она не могла. Что Моррот, что удав – были обречены на мучительную смерть. Сдавленный кольцами крот ухитрялся дышать, хоть и

еле-еле. Ему повезло: в таких случаях это большая редкость. В любом случае, он уже умирал от истощения и недостатка воздуха. Ещё бы – пробыть в смертельных объятьях десятиметрового питона почти сутки!

Бирюк откусил голову удаву. Остальные помогли обессиленному Морроту выбраться из ослабших колец. Назад в лагерь пришлось его нести. Волк остался: вкусив крови питона, он не смог удержаться от соблазна съесть остальное тело…

Всё, что нужно было неудачливому охотнику Морроту – как следует отлежаться и поесть. На следующий день он уже во всю расхаживал по лагерю и хватался за любую попадавшуюся под руку работу. Вспоминал он про схватку с питоном с юмором, мол, старина Моррот не так уж прост: у всякого гада в горле комом станет!

А ещё Тос…

Джина не успела договорить. Её прервал чудовищной силы гром. Сказать чудовищной силы – ничего не сказать. Нет такого слова, которое бы в полной мере смогло передать тот раздирающий, оглушающий, вселяющий животный страх и трепет грохот. Даже от разрыва горы взрывного порошка шириной в Сар и высотой в самое его высокое здание – гром бы был в сотню раз слабее. От этого страшного шума осыпались листья, ветви. Прошлась волна землетрясения, валя деревья, порушив почти все домики в лагере. Из навала развалин выкарабкались перепуганные обитатели. Благо, удалось обойтись только царапинами и ссадинами.

Ещё сильнее сотряслась земля. Повалились оставшиеся домики. Лес наполнился испуганными криками всполошённых животных. Из жерла каменной громады Вулкана Ненависти вырывались клубы чёрного как сама смерть дыма. Они поднимались всё выше: похожие на исполинский чёрный гриб, они растекалось вверху бугристым округлым облаком. И это облако, эта «шляпка гриба» медленно разрасталась, накрывая Пустой Материк мраком тени обречённости.

Это зрелище ледяными тисками страха давило сердце. Всё сильнее сходились эти тиски: всё глубже вдавливая в него ощущение неминуемой гибели. Но… в нём было что-то завораживающее…

Из забытья вырвал повторный гром. Ещё сильнее предыдущего, если такое вообще возможно. На этот раз он сопровождался подземными толчками силы намного свирепей и разрушительней предыдущих. Деревья валились, как соломинки, земля разверзалась трещинами. Вулкан ненависти отхаркивался кровью – вырывающейся из подземных недр и стремительно растекающейся по его каменным стенам лавой. Жерло выплёвывало куски раскалённых валунов: со стороны кажущихся крохотными песчинками, а на самом деле – не меньшие взрослого слопра.

– В воду! Все в воду! – закричал кто-то из своих. Голос был настолько искажён страхом и отчаянием, что узнать его было невозможно.

Вспыхнула крохотная искра надежды. Все бросились в холодную воду Вечного Океана. Но глубоко внутри каждый понимал – это не спасение. Это лишь крохотная отсрочка смерти…

Тос никогда не умел плавать. Воды-то он не боялся, но держаться на ней не мог. Благо, его инстинкт самосохранения сработал блестяще: мчась к воде, он, не задумываясь, подхватил обломок доски, когда-то служившей стеной домика.

Лес воспылал губительным пламенем. Клубы дыма окутывали небо над материком зловещим ознаменованием кончины жизни. Безжалостная лава прожигала себе тропы к водам океана. Вонь серы всё сильнее отравляла воздух. Раскалённые валуны всеразрушающим градом обрушивались на всё живое.

Выбегавшие из леса перепуганные звери бросались в воду.

«Природа! Ты умеешь создавать прекрасное. Но ты жестока. Как же ты бываешь жестока сама с собой…» – думала плывущая Филика, глотая соль воды и слёз.

Никто не остался на берегу. Все плыли рядом друг с другом: Дрим, Джина, держащийся за обломок доски Тос, Бирюк, Брок, Тона, Филика, Кич и Моррот. Спасавшиеся бегством диковинные звери плыли невдалеке. А где же Лароус? Дрим ясно видел, как он заходил в воду. Но… Металлический человек не способен плыть: его тело слишком тяжело. Ох, бедный, бедный Лароус! Должно быть, вода затекла в него через выхлопную трубу, навеки потушив его печь…

Стремительный поток лавы пробрался к берегу и с шипением влился в океан. Лава застывала, но на её место натекало ещё больше новой. Поток был неумолим. Клубы пара вздымались к небу. Вода стремительно нагревалась.

– Свариться заживо! Как угодно представлял свою смерть, но точно уж не так! – истерически ухмыльнулся Моррот.

Они плыли дальше. Всякие надежды спастись гасли с каждой секундой. И тогда, когда надежд не оставалось – произошло настоящее чудо!

Плывшего рядом с Филикой шестишерста поглотил вынырнувший из воды пузырь. И ещё одного зверя, плывущего впереди, поглотил такой же – прозрачной оболочкой обволок существо и затянул под воду.

Дальше всё происходило словно в странном сне: всех животных и мыслящих один за другим поглотили громадные пузыри и потянули на дно.

Внутри пузырей было сухо. Хлипкие на вид, стенки оказались крепче металла. Но самое главное – в них был воздух!

Дриму тут же вспомнилось путешествие в похожем пузыре в город щупов Подводье. А следом за ним пронеслась отчаянная мысль: «Эх, Камоорн, ты больше не с нами…»

Глава 25: ***Падение Сара***

Жаркое из крольчатины готовилось на медленном огне. Повариха сделала пробу ложкой, причмокнула, подсолила и накрыла крышкой. В кухне стоял густой запах жира, мяса и тушёных овощей.

Вбежала запыхавшаяся служанка. Розовая шерсть на её лице была взмокшая, белёсые глаза переполнены забот. Схватив со стола кастрюлю с грибным супом, она так же быстро исчезла за дверью, как и вошла.

– Скоро там жаркое? – рявкнул Жраб на наливающую в его тарелку грибной суп служанку.

– Ещё недолго, господин, – пропищала в ответ коротышка служанка. Чтобы обслуживать хозяев, ей приходилось взбираться на шаткий табурет. На другой не разрешали условия найма. Случалось, она падала с него вместе с посудой всем на потеху. Как-то раз, после очередного падения, Ли (так звали служанку) обварила куриным супом себе живот и часть спины. Только недавно в тех местах вновь начала расти шерсть. Сейчас карлша держалась уверенно: табурет скрипел, пошатывался, но не падал. И если хозяева сами не подобьют его (что тоже бывало) – день обещает выдаться совсем безболезненным, а от того и счастливым.

– Тогда пошла вон отсюда! И без жаркого свою лохматую морду сюда не показывай! – пробасил Жраб Толстый, и его сыновья радостно заржали, сопровождая попятившуюся служанку злорадными взглядами.

– Отец, почему бы нам не завести новую, чтобы человеческой породы, или примской, на худой конец? – вопрошал Фирил, блестя лысиной на свету утреннего солнца, густо пробивающегося из широких окон. Чёрное сомбреро с длинным красным пером гордо лежало на соседнем стуле. – Эта Ли мне порядком надоела: наловчилась она с тяжёлой посудой на табурете стоять – сам не поможешь, ни за что не упадёт. Что от неё за прок сейчас, спрашивается?

– Эх, слышала бы тебя сейчас покойная мать, – вздохнул оторвавшийся от супа Жраб. Воцарилось недолгое молчание, прерванное дикими раскатами смеха. Смеялись все, кроме Жраба и Фирила.

– Ну ты даёшь, папаня, – утирая слезу, произнёс Сфарк – средний сын. – Да и ты, бастард, всех потешил.

– Заткни свою пасть, молокосос, – рявкнул Фирил, его глаза злобно блеснули.

– Уж заткни пасть сразу и всё такое… – пробурчал себе под нос Сфарк и принялся вылавливать ложкой кусочки грибов из тарелки.

– Дети мои, когда вы ссоритесь, у меня опускаются руки для вас что-либо делать, – причитал Жраб. – Фирил – ваш старший брат. После меня – главный он. То, что его незаконно родила моя любимая служанка ничего не значит. Ох, бедная Мирра, не завянь ты после родов, я бы взял тебя в официальный гарем…

Повисла гнетущая тишина. Фирил буравил взглядом Сфарка. Сфарк всё боялся поднять глаза. Жраб осуждающе глядел на сыновей.

Отворилась дверь с кухни. В столовую вошла Ли: крохотными ручонками она еле-еле держала громадную по сравнению с ней кастрюлю с жарким. Ловко перебирая короткими ножками, она направилась к главе стола. Помещение наполнилось приятным запахом отлично прожаренной крольчатины.

Но отведать прекрасное по всем меркам жаркое никому из семейства Толстых в тот день так и не удалось. Некоторым из них это не удастся больше никогда…

В столовой распахнулась дверь со стороны гостиного зала. Вбежал облачённый в кожаную броню запыхавшийся охранник:

– Беда… Жраб… – сбивчиво доложил он. – Громадные скелеты… К городу… Горят смертью…

Глава городской охраны Жраб Толстый с высоты дозорной башни нервно следил через подзорные окуляры за надвигающейся на Сар ожившей смертью. Да, именно «ожившей смертью»! Как же ещё можно назвать передвигающиеся, словно живые, кости забытых в тысячелетиях древних существ? Это было ужасающее зрелище: будто дикая лавина засохшей крови, громадные чудовища приближались к городу. На своём пути они сметали всё. Попадавшиеся под их неудержимую мощь караваны и путешественники были растерзаны с невероятной, не умещающейся в голове жестокостью. Надвигались чудовища с юго-востока, вдоль левого берега реки Нали – как раз по загруженному торговому тракту между Саром и Камбалирoном. Странно, но, изрывая мыслящих, срывая с них кожу и отрывая конечности, кроша в щепки кареты и телеги, громадные скелеты оставляли в живых лошадей, быков и верблюдов. Словно необузданные бичи возмездия, они обрушивали весь свой гнев и ненависть только на подворачивавшихся под удар мыслящих.

– Да поможет нам великий Мастук и прекрасный Спайкниф, – прошептал Жраб. Его трясло от страха, холодный пот градом заливал глаза. А всем подчинённым хорошо известно, что бесстрашнее Главы охраны вряд ли кого можно встретить… – Мэр со своей семьёй и приближёнными уже давно схоронились в катакомбах, словно трусливые крысоны, – заговорил он твёрдеющим голосом. – Город полностью в нашей власти. Мы вправе делать всё, лишь бы защитить его. Фирил, ты говорил, что этот худощавый прим – Носолом – сейчас на высоте?

– Да, отец, – отвечал ему Фирил, променявший чёрный форменный костюм на стальные латы. Но на голове бастарда вместо шлема всё так же прятало лысину широкое сомбреро с длинным красным пером экзотической птицы. – Его гильдия наёмников – Дети Носолома – за незначительное время добилась просто невероятных успехов. Их ряды каждый день пополняются опытными бойцами. Сификур Пятый понёс невосполнимые потери: подавляющее большинство его Наёмников Севера вслед за отрядом самого

Носолома вступило в гильдию. Насколько мне известно, они разбили штаб в районе Портовый. Скупили дома и склады практически всего района…

– Нутром чую: битвы нам никак не избежать, – прервал сына Жраб. – И, возможно, последней битвы для всего Сара. Было бы глупо не воспользоваться помощью столь сильного союзника. Фирил, я поручаю тебе заключить с Детьми Носолома долгосрочный контракт по защите города. Поскольку мэр трусливо прячется под землёй, мы сейчас владеем казной. Так что соглашайся на любую цену…

– Да, отец, – склонил голову Фирил. – Я выполню твоё поручение.

Не тратя больше времени на бесполезные разговоры, Фирил со свитой преданных телохранителей спустились по винтовой лестнице дозорной башни, сели в самоходную карету и отправились в Портовый район, прямиком к Носолому.

В городе царила паника. Приближение армии неведомых чудовищ всполошило горожан. Уже многие десятки веков Сар не видывал такой беды: лишь в первых годах с Нового Начала Времени его стены сотрясли и обрушили стенобитные оружия войск Западной Картурии. С того времени и по сей день, масштабных нападений на город не совершалось: лишь мелкие набеги грабителей и работорговцев, с которыми без особых усилий справлялась охрана. Привыкшие ощущать себя в безопасности за неприступными стенами, горожане сполна вкусили горький плод дикого звериного страха. Многие, позабыв обо всём, ведомые животными инстинктами, попрятались в катакомбы и канализационные туннели. Другие, совладавшие с собой, наскоро собирали дрожащими руками ценные пожитки. Некоторые мыслящие не выдерживали напора чудовищного страха и кончали жизнь самоубийством. Паникой не преминули воспользоваться мародёры: били витрины, залазили в опустевшие дома, обыскивали тела самоубийц и погибших в давке. На улицах царил хаос: давка, драки, раздражённые возгласы и обречённые крики, плачь детей и женщин, причитания безумцев, заверявших о начале конца света...

Дороги были переполнены повозками и каретами: как паровыми, так и гужевыми. Но пробираться к цели Фирилу не составляло особого труда. Его паровая повозка была предназначена для подобных случаев: массивная, мощная, на цельнометаллических колёсах, с клинообразным передом – она без проблем разбрасывала в стороны попадавшиеся на пути повозки и мыслящих. Даже если и приходилось кого-то раздавить по дороге – не велика расплата за хлипкий шанс спасти город!

Раздались первые выстрелы башенных орудий. Плохи дела – чудовищная армия, как это и предполагалось, не свернула с пути. Воображение Фирила Толстого нарисовало ну до того пугающую картину уничтожения Сара, что он тут же встряхнул головой, в надежде её развеять, и дёрнул рычаг скорости до упора. Тут же на смотровое стекло брызнула темно-красная струя крови – переехали примшу с ребёнком. Ну и ладно…

К штабному зданию Детей Носолома в районе Портовый паровая повозка Фирила прибыла в разгар канонады. Перемешивающийся с взрывами грохот осыпающихся стен ничего хорошего не сулил…

Охранявшие вход два здоровенных люрта в кожаной броне без промедлений отворили ворота. Посланцев Жраба здесь ждали.

Из большого стрельчатого окна широкого обитого ореховыми досками зала падал свет на троны, словно морские скалы, пробивающиеся из центра пола. На каждой стене висели багровые знамёна с окаймлённым золотистым орнаментом белым профилем Носолома. На массивном резном троне восседал высокий худосочный прим с отвратительным шрамом от уха до уха вдоль перебитого набок носа. Одет Вик был в шикарное шёлковое платье, его голову увенчивала разноцветная тиара с самоцветами. Фирилу бросился в глаза блеснувший золотом на левой нижней руке Носолома браслет в форме поедавшей хвост змеи. Справа, на троне поменьше и попроще восседал здоровенный детина с лысой, как кость, головой и поросячьей шеей. Одет детина был в кожаные штаны, поддерживаемые кожаными подтяжками, впивающимися в крупный, слегка обрюзгший голый торс. Смотрел детина прямо на Фирила, и смотрел с холодностью маньяка-потрошителя. От этого взгляда у бастарда по коже забегали мурашки. Слева на самом маленьком и простом троне ёрзал драг. Ничем не примечательный, если не брать в расчёт чудовищные шрамы на его щеках. Такое впечатление, что с щёк попросту содрали кожу…

– Мы ждали тебя, бастард Фирил, самый старший и самый мудрый сын Жраба, – заговорил Носолом. В его грубом голосе, как бы странно это не казалось, неуловимым ручейком плескались нежность и красота. – Твой отец мудр и не послал бы на столь важные для Сара и всех его жителей переговоры другого. Говори.

– Я не привык вести длинные и учтивые речи, – ответствовал Фирил, – нам нужна помощь и нужна прямо сейчас. Все возможные силы, что вы способны предоставить.

– Вы получите помощь, – кивнул Вик. – Но цена будет велика. Очень велика. Сможете ли вы ручаться, что в состоянии гарантировать мне оплату?

– Сейчас мы можем гарантировать всё, что угодно! – пылко подхватил Фирил. – Мэр прячется в катакомбах: правление Саром по закону перешло к нам.

– Что ж… – задумчиво сказал Носолом, после чего повисло гнетущее молчание.

Гром пушек, обречённые крики, плачь, грохот обрушивающихся зданий и падающих с рельс воздушных вагонов – проходили мимо ушей Фирила. Он не слышал ничего, кроме своего часто бьющегося сердца. Он преданно глядел на Вика Носолома. Душу щемило осознанье страшной истины: «как ведь жаль, что отец Фирила – Жраб, а не Вик…»

– Мне нужны ключи от сарской ратуши, – просто и прямо перебил молчание Носолом.

– Ключи от ратуши? Ты хочешь управлять городом? – Фирил колебался недолго: лишь на некоторую долю секунды в голове промелькнуло сомнение. Но оно тут же потонуло в бурных волнах сыновней любви и преданности. – Да, отец, мы выполним твою просьбу. Я прямо сейчас могу отвезти тебя туда.

– Да, пожалуй, это будет неплохо, – согласился Носолом. – Полагаю, нападение совершено со стороны Бедного района, на Трущобы Недостойных?

– Да, отец, – кивнул Фирил.

– Их нам уже не спасти… – вздохнул Вик. – Может, это и к лучшему… Скажи Фирил, у вас ещё остались нетронутые оружейные склады?

Бастард прищурился, вспоминая:

– Насколько мне известно, резервный склад, расположенный в районе Северный, ещё не использовался. Но за это время многое могло измениться.

Как бы в подтверждение слов Фирила раздался оглушительный взрыв. Из стрельчатого окна вылетели стёкла. Сразу же за взрывом последовал чудовищный вопль.

– Сирог, мой сын, – Вик повернулся к вздрогнувшему драгу с ужасными шрамами на щеках, – тебе вверяются все вспомогательные силы. Тяжёлого вооружения на вас не хватит. Твоя задача пробраться к вспомогательному складу. После – слиться с остальными силами и вести бой. И помни, не трать бойцов попусту: кончился порох – прячьтесь в катакомбы.

– Да, отец, – низко поклонился драг с уродливыми шрамами на щеках и направился к выходу.

– Фирил, – обратился Носолом, – отдай моему второму генералу жетон помощника Главы городской охраны. Чтобы он мог беспрепятственно проникнуть на склад.

Бастард протянул свой жетон – право обладать которым пришлось добывать потом и кровью – Сирогу. Рука Фирила дрожала, словно протестуя воле хозяина. Но слепая любовь к Вику не терпела неповиновений. Серебряный жетон с выгравированным символом высшей сарской исполнительной власти – схлестнувшиеся мечи – холодной металлической тяжестью лёг в дражью ладонь. И тяжесть была не так от металла, как от той власти, которая сосредотачивалась в нём. Скрыв жетон во внутреннем кармане камзола, драг вышел из зала.

– Тилип, – позвал Вик Носолом лысого здоровяка, – тебе выпадает несладкая участь. Ты возглавишь основные силы. Они уже собраны и ждут твоих приказаний. Без промедлений ты бросишь их в жерло смертельного боя. И да помогут тебе Гирен и Спайкниф!

– Я не подведу тебя, отец, – ответствовал первый генерал, поклонился и гордой походкой вышел из зала – на погибель...

– А мы с тобой, Фирил, отправимся прямиком в ратушу, – заключил Носолом. – Тигур, собери моих телохранителей!

Скрывающийся всё это время за одним из знамён красный драг вышел на свет, льющийся из разбитого окна:

– Мирако, Фриц, Тифон, Мирта и Глимбар! – рявкнул он.

Из-за знамён вышла примша, два прима, драгша и люрт. Все, кроме люрта, были облачены в латы, блестящие сталью – не иной, как из павшего города Стальня. На их поясах ослепительно блестели искривлённые клинки. Люрт был облачён в кольчугу и наплечник. За спиной его висел двуручный меч. Стоит ли говорить о том, что его обмундирование так же было выковано в Стальне?

– Идём, нельзя больше терять и секунды! – Носолом вскочил с трона и направился к выходу. Все устремились за ним.

Город погибал.

Сарские войска вели кровопролитную битву. Рухнули неприступные стены: оставшиеся силы пришлось перебросить через реку Нали, бросив район Бедный на растерзание лютым скелетам древних исполинов. Перебросить через реку – сказано очень громко. Солдаты спасались бегством. Бросали мушкеты, пушки, мортиры и прыгали в воду. Многим не суждено было переплыть на другой берег… Лишь некоторым храбрецам хватило духу переправить через мост несколько пушек и мортир вместе с порохом и ядрами.

Ожившие скелеты древних неведомых мыслящих внушали ужас и страх. Но они не были неуязвимы. Шрапнель и ядра крошили их кости. Лишённые большинства конечностей, исполины валились наземь: раздаваясь дикими воплями, захлёбываясь беспомощной ненавистью и злостью, они лежали на земле, не способные больше причинить никому увечья.

Изничтожив каждого попавшегося на глаза мыслящего, поравняв все дома Бедного района с землёй, армия скелетов перешла реку вброд. С лёгкостью давя сарских солдат, будто клопов, они продвигались к Осевому району. Решив, что сопротивление сломлено, Дихуфхур распустил солдат сеять смерть и страдания.

«Разбредясь по бетонным лабиринтам домов громадного города недостойных существования мыслящих, даже по одиночке любой из его бойцов способен справиться с жалкими остатками перепуганных тараканов, не заслуживающих именоваться солдатами» – так думал Дихуфхур, грозный и свирепый вожак восставших из потустороннего мира душ древних. Это его и погубило…

Каким бы скудоумным тугодумом не казался Тилип на первый взгляд, а стратегом он выдался отменным. Вспомнить только его быстроту мысли, с которой он просчитал выгоду и поддержал Носолома. Теперь он его первый генерал… Сейчас же, быстрый мозг Тилипа сообразил, что прямого боя с врагом его войскам не выдержать. Да и как выдержать, когда численность наёмников не превышала пяти сотен? В то время как армия скелетов насчитывала тысячи…

Партизанские вылазки, ловушки из взрывного порошка и динамита, засады, снайперские обстрелы из окон и крыш зданий – столкнуться с таким серьёзным сопротивлением исполинские скелеты не были готовы. Подобно отбитым от стаи собакам, их истребляли одного за другим. Но самый опасный

зверь – загнанный зверь. Светящиеся бледным кровавым пламенем треногие чудовища сражались до последнего. И не видывали улицы Сара ещё такой дикой и безудержной мощи. Скелеты крошили всё на своём пути: равняли с землёй невысокие здания, били стены зданий повыше, обдирали рельсы воздушных вагонов (иногда вместе с вагонами), ломали столбы уличных электрических светильников, выдирали с корнями деревья, растущие вдоль тротуаров и дорог, давили не успевших скрыться горожан, били громадные стёкла зданий-небоскрёбов, ломали в щепки брошенные на дорогах повозки.

Ядра и взрывы, крики и смерть.

Наёмникам тоже пришлось несладко: если враг их обнаруживал, то спастись было практически невозможно… Но хоть одно радовало: к их рядам примкнули выжившие сарские солдаты. Окрылённые нежданным успехом отрядов Тилипа, солдаты бесстрашно вступали в бой в надежде вернуть посрамлённую их трусливым бегством славу регулярным войскам Сара.

Кости поверженных чудовищ ужасающим кровавым ковром стелились по улицам города. Никогда заточённым в них душам не познать покоя…

Людей у Тилипа становилось всё меньше. Скелетов оставалось не больше сотни, но и они могли запросто сравнять весь город с землёй.

Тартор к этому времени бежал из «смертельной камеры» и находился без сознания за стенами города. Вик Носолом уже примерил кресло мэра: оно пришлось ему по нраву… Фирил, подчиняясь его воле, спустился со своим отрядом в катакомбы и вырезал семью трусливого мэра – всю до единой.

А решающий бой ещё предстоял…

Дихуфхур – самый крупный, облачённый в каменные доспехи, со шлемом из черепа древнего рогатого зверя на черепе – с запозданием, но сменил тактику. Он созвал все оставшиеся войска. Слаженными отрядами они выступили против прячущихся «во всех щелях, словно крысоны» врагов. Когда из отряда убивали кого-то, другие быстро выясняли откуда ведётся огонь и обрушивали на защитников Сара всю накопившуюся за тысячелетия лють.

Полыхающие древней болью и ненавистью четыре пустые глазницы Дихуфхура узрели в окно небоскрёба промелькнувшую тень. Издав ужасающий вопль, он взобрался по широким карнизам к окну и, разбив окно, протянул длинную трёхсуставчатую руку. Он знал, кого хватать первым. У Тилипа не было и шансов: в леденящей смертью хватке костлявых пальцев, его череп треснул, словно переспевшая тыква.

Так погиб Тилип – сын человеческой проститутки и изнасиловавшей её люрта – спаситель города Сар…

К тому времени подоспели наёмники под предводительством Сирога. Резервный склад в районе Северный, как и предположил Фирил, был нетронут. Вооружившись, вспомогательные силы пришли на помощь. Успей они на несколько минут раньше – Тилип бы остался жив.

Мощный залп из ручных мортир, и Дихуфхур пал грудой вечно-живущих костей. Потерявшие предводителя ряды врагов замешкались – это сыграло на

руку. Сбившиеся в кучу, окружённые громадами зданий, они падали один за другим под градом смертоносных ядер. Не успел кто-то из них прийти в себя, как всё было кончено.

Победа!

Сар был спасён. Скелеты древних мыслящих повержены все до единого. Но какой ценой? Канонада смертоносной битвы стала победоносным маршем восхождения на мэрское кресло Вика Носолома. Тирана. Деспота. Жестокого и неумолимого.

Сар был спасён. Но он был разрушен почти до основания. На его костях взойдёт другой город. Нет, не тот Сар, которым его столетиями привыкли видеть мыслящие – пристанищем бессердечных снобов, коррупционеров, дорогих проституток и извращённых богачей. Это будет город, закованный в кандалы диктатуры и культа личности. Отстроятся новые здания. Порой даже лучшие, чем прежде. И мысли. Мысли горожан тоже отстроятся. Носолом сам укажет чертежи…

Сар был спасён.

Был ли?

Глава 26: ***Двойной Эпилог***

Это были океанические щупы! Вот, кто возрождает жизнь на Пустом Материке после извержения Вулкана Ненависти! Они-то и спасли нас!

Щупы подобрали и утонувшего Ларуса: бедняга, его котёл залило водой. Мы думали, он погиб, но не таков уж старина Ларуус – магомеханический сын павшего от моей руки Тризолуса! Хорошо высушив, мы растопили его печь. Не прошло и пяти минут, как механические члены зашевелились, а из треугольной сетки под чёрными глазными линзами донеслась отборная ругань – наш друг был снова в строю!

Своим спасением мы обязаны щупам Вечного Океана, но это не означает, что к ним я испытываю только чувство благодарности. Замешательство и, пожалуй даже, страх полощутся в моей душе извилистыми ручьями. И дело тут не в причудливых формах голов и ядовитой красно-жёлтой раскраске скользкой кожи. И уж совсем не в том, что они не говорят на всеобще-принятом языке – откуда ж им его знать? Дело в другом. В их полнейшем отсутствии интереса к нам. В толк этого я взять не могу.

Они не пытались идти на контакт: вели себя так, словно мы были одними из тех спасённых животных. В подводных пузырях щупы доставили нас к себе в город. Похожий на Подводье, он, в то же время, разительно от него отличался. Меня удивила кристальная прозрачность воды: даже на такой глубине, солнечные лучи пробивались до самого дна. Видимо, ветер сменился и раздул клубы вываленного из жерла Вулкана дыма и пепла, освободив путь заточённому солнцу. По соседству с кучно громоздящимися воздушными куполами с обильной растительностью под ними, словно грибы,

заполонили морское дно причудливые округлые здания. Здания были в основном перламутрового цвета, но встречались и аквамариновые, ещё реже – тёмно-зелёные. Что меня удивило – не было труб, черпающих воздух с поверхности океана. Откуда брался воздух в куполах – для меня до сих пор остаётся загадкой. Кич тут же поделился своими догадками, мол, у них трубы зарыты под землю и тянутся до берега. Правда, на мой вопрос, что же щупы будут делать, когда лава в те прибрежные трубы затечёт, Кич не нашёлся с ответом, насупился и обозвал меня «зазнавшимся ботаником».

Всех спасённых зверей разместили под куполами. В голове до сих пор не укладывается: полноценные джунгли, растущие на дне Вечного Океана…

Щупы нас доставили под небольшой купол и покинули. Всё это время я пытался заговорить с ними, обратить на себя внимание, но они даже не реагировали, переговариваясь друг с другом непонятным булькающим языком, очень уж отличным даже от языка обитателей Озера Водных. Их странные слова с поразительной звонкостью проходя через воду и стенку пузыря неприятными слуховыми иглами вонзались в мои уши. Когда щупы уплывали, я случайно встретился взглядом с одним из них: от его пронизывающих голубых выпуклых шаров глаз меня бросило в холодный пот. В голове на короткий миг промелькнул образ родного дома в Пашнях, отца и мачехи, из-за которой я его покинул… Паршивое ощущение вызвал у меня этот проклятущий щуп. Меня напугала та лёгкость и простота, с которой он пролез в мою голову. Я оказался перед ним, будто пришпиленный булавкой жучок перед коллекционером. Он мог копаться в моих мыслях, словно бродяга в помойном ведре, и я ничего не мог поделать с этим… Но потом он отвернулся и уплыл. А я остался глядеть ему вслед, снедаемый чувством стыда и гнева.

Вскоре я пришёл в себя.

Не сказать, что под куполом было просторно, но и не так уж, чтобы тесно. На полу лежал уголь, щепки и кремень – как раз для растопки котла Ларouса. После того, как тот перепончатый паршивец влез мне в мозг, я ничему не удивляюсь. Рядом с углём лежали припасы: кокосовые орехи, мёд, пресная вода, вяленая рыба.

Только мы взялись высушивать Ларouса, как купол тронулся с места. С каждой секундой он набирал скорость. Всё быстрее мелькающие по сторонам рыбы, моллюски, дельфины, кальмары, осьминоги, медузы и сотни других созданий, формами и размерами не подходящие ни под какое описание известных мне существ, водоросли, кораллы и подводные деревья – слились в одну разноцветную массу.

С невероятной скоростью, нас несло к берегам Главного Материка.

Возвращая Ларouса в строй, мы и не подумали, что в крохотном куполе это может привести к плачевным последствиям. Только его котёл заработал, как купол начал заполняться выхлопными газами. Мучительная смерть от удушья – не очень-то и радужная перспектива ожидала нас. Ларouс сразу всё сообразил и сам потушил себя. Увы, другого выбора не было.

Я не знаю как, но загазованный воздух постепенно очистился. Дышать вновь стало свободно. И откуда вообще он брался в нашем подводном судне-куполе? Если и можно было незаметно от моего пытливого взгляда подвести трубы к тем куполам-заповедникам, то здесь все мои догадки беспросветно буксовали. Магия? Очень даже возможно…

Сколько времени продлилось наше путешествие? Если б я знал! Все наручные и карманные часы, которые были у нас – остановились, когда всех каким-то непонятным чудом перенесло с Главного на Пустой Материк. Что ж, эту плату я готов понести за спасение от чудовищных лапищ оживших скелетов древности…

Запасы еды не начали даже подходить к концу, как купол выбросило на берег. Сомнений не оставалось: это берег Главного Материка. Не успели мы и опомниться, как купол растаял, точь-в-точь как лёд на палящем солнце, превратился в бесформенную жижу, просочившуюся в песок, оставив после себя лишь громадное жирное пятно.

Без каких-либо проблем мы разожгли котёл Лароуса, собрали остатки провизии и отправились в путь. На северо-запад. Уже на второй день мы подошли к стенам нашей столицы. Карт весьма дружелюбно встретил нас: многие жители узнали наши лица, некоторые предложили кров, одежду и еду. Мы не стали отказываться, но и задерживаться тоже не стали. Чуть меньше двух лет назад мы вызволили дочь мэра Карта, решившую познать сладость приключений, из плена кочевых разбойников. Что они с ней там делали – даже страшно подумать… В любом случае, мэр не забыл наш поступок и лично навестил нас: снабдил паровой повозкой, провизией и оружием.

Да, в Карте мы узнали о страшном нападении на Сар древних чудовищ-скелетов. И об их полном уничтожении. И весьма противоречивые слухи о новом мэре практически разрушенного города.

Что ж, работу за нас сделали войска Сара и бойцы Носолома. Ну и славно…

Тос хотел было с нами в Карте и распрощаться, но мы выпытали его планы: он хотел поквитаться с убийцей своих родителей Кирпиром Зелиусом, занявшим этим подлым путём место в Сенате, принадлежавшее Виконту Гропару Симыргору – отцу Тоса. Вообще-то, не в наших правилах помогать вершить политические перевороты… Но слова Тоса были искренни, переполнены душевной боли и страданий. К тому же, он всё это время был с нами – делил горести и радости – теперь он один из нас. А раз так, то оставлять его на верную погибель мы не в праве.

Странно, но Филика распрощалась с нами прямо перед отбытием из Карта. Она сказала, что у неё есть неотложные дела, разбираться с которыми ей придётся самой. Дольше всего командирша прощалась с Джиной. А ведь из них вышли бы хорошие подруги… Или жёны? Нет, нечего тут слюни пускать, хватит мне и одной любимой…

В общем, мы распрощались. Филика пошла своей дорогой – никому не известной. Ну, может быть, Джине и известной, но нам не суждено об этом узнать. Если уж поклянётся хранить тайну, поверьте мне, Бабочка сохранит её до конца своих дней. А мы все пошли с Тосом в его родной Нортисп.

Пройти охрану не составило труда – они попросту разбежались, увидев нас. Ну, пришлось мне, Бирюку и Броку немного фокусов магических показать для этого… В громадном кабинете мы застали дрожащего от страха седошерстого старика прима. Увидев налитые кровью возмездия глаза Тоса, Зелиус попросту испустил дух от страха.

Как это ни странно, разбирательств не было: в Тосе сразу признали единственного продолжателя славного рода Симыргоров. Да и переворотом это назвать нельзя, ведь душа убийцы его родителей сама отправилась в потусторонний мир. Перед законом Нортиспа мы были чисты. А посему – делать в нём нам было больше нечего.

Моррот остался в Нортиспе в качестве советника Тоса, а мы направились в Пашни – погостить у моих родителей, родителей Брока и Кича. В конце концов, нужно же и героям когда-то отдыхать?

Мы как раз были на подходе к Пашням, когда в купленный ещё в Карте ящичек для посланий прилетела фитаса с весточкой от Тоса. В ней сообщалось, что Тос занял место в Сенате, освободившееся после старческой кончины Кирпира Зелиуса. Справедливость восторжествовала – сын продолжил дело отца. А самое главное, намеревается продлить славный род Симыргоров – Тос уже успел завести себе гарем. И прим непрозрачно намекает в письме, что некоторые его крайне инициативные наложницы уже «оказались в положении»… Завидую я ему белой завистью, если честно. Я ведь после Торжества Беззаботности в Линтирфе, которое случилось три года назад, как ни пытаюсь, не могу стать отцом… Ох, если бы я только знал – никогда бы не заговорил с Нуо Бао...

Но радостные вести в письме омрачались печальными. Спустя четыре дня, как мы покинули Нортисп, Моррот покончил с собой, объевшись маслянистых грибов. Если честно, я чувствовал, что нечто подобное произойдёт – в глазах крота всегда читалась пустота. Такая пустота, которую уже ничем не заполнить.

Жаль мне его…

А что мы будем делать сейчас? Как что! Мы отдышимся, наберёмся сил в Пашнях. И продолжим то, что у нас получается лучше всего – искать приключения на свои пятые точки. Ведь в катакомбах с разноцветными тоннелями ещё преспокойно здравствует Альчирон Третий и штампует себе новую армию техномонстров…

Дрим Плувер Младший Тринадцатый, маг, искатель приключений, защитник нуждающихся, бич возмездия всех, кто впустил в сердце зло…

Войдя в Карт я поняла – уйти от судьбы невозможно, какой бы горькой она не оказалась…

Я распрощалась со всеми. Джина, как же мне будет не хватать твоей дружеской поддержки…

Ждать было нечего: купив за деньги картского мэра верблюда и провизию, я отправилась в Заколдованные Горы. К НЕМУ.

Это ужасно, но по дороге к ЕГО замку, мне встретился Тартор. Он стоял там, будто бы поджидал меня. Так оно и вышло. Глаза его блестели бешенством и злобой. Не сказав и слова, он набросился на меня с занесённым мечом. За ним следом бежали его шакалы. Зверьков было трое. Четвёртый, видимо, или погиб, или убежал обратно в Кривой Лес.

Я обрадовалась. Ох, как я тогда хотела, чтобы его клинок пронзил моё сердце! Тогда бы мне не пришлось отдаваться в чудовищные объятья неумолимой судьбы. Но ОН всё знал! ОН нарочно облачил меня в эту паучью шкуру!

Лезвие меча Тартора коснулось ткани костюма, и тут же искривилось, извернулось и по самую рукоять вошло ему в живот.

Тартор умирал у меня на руках: медленно и мучительно. Шакалы перепугано лаяли. Слёзы давили меня. От горя мне хотелось умереть. Но я знала, что ОН этого не допустит…

Положив бездыханное тело Тартора на землю, я направилась к ЕГО замку. Шакалы остались рядом с хозяином. Подавленные горем, не сдвинувшись от тела и на шаг, они вскоре умерли от невыносимой скорби: один за другим…

– Ты этого хотел, подлый урод? Ты этого хотел, тварь? Мразь! – кричала я на НЕГО и понимала, что моя ненависть к НЕМУ уж очень похожа на любовь…

– В-О-Т-И-Т-Ы-Л-Ю-Б-И-М-А-Я-Д-О-Р-О-Г-А-Я-С-А-М-К-А-Р-О-Д-Я-Щ-А-Я-М-О-Е-Г-О-С-М-Е-Р-Т-Н-О-Г-О-С-Ы-Н-А, – донёсся в ответ чудовищный голос.

Филика. Просто Филика – все мои остальные имена давно забыты. Предательница, бренная жена Арахка, обречённая на бессмертие, убийца своей любви…

Николаев – Коблево
Август 2008 – Февраль 2009 год

MoreBooks! publishing

yes

i want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на

www.more-books.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at

www.get-morebooks.com

VDM Verlagsservicegesellschaft mbH
Heinrich-Böcking-Str. 6-8
D - 66121 Saarbrücken
Telefon: +49 681 3720 174
Telefax: +49 681 3720 1749
info@vdm-vsg.de
www.vdm-vsg.de